Наум Вайман

Новая эра

Часть первая

Издательские решения
По лицензии Ridero
2017

УДК 82-3
ББК 84-4
В12

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Вайман Наум

В12 Новая эра : Часть первая / Наум Вайман. — [б. м.] : Издательские решения, 2017. — 656 с. — ISBN 978-5-4485-1400-5

Наум Вайман, известный писатель, поэт, журналист, переводчик и исследователь творчества Мандельштама, автор нашумевших книг «Ханаанские хроники» (ИНА-ПРЕСС, 2000), «Ямка, полная птичьих перьев» (НЛО, 2008), «Черное солнце Мандельштама» (Аграф, 2013), представляет третий том эпопеи «Ханаанские хроники» (второй том — «Щель обетованья» — был издан НЛО в 2013 году), интимный и интеллектуальный дневник за 2000—2001 год.

УДК 82-3
ББК 84-4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4485-1400-5

© Наум Вайман, 2017
© Михаил Яковлевич Гробман, иллюстрации, 2017

Новая эра
Третий том «Ханаанских хроник»

Постепенно книга меня завершит
Эдмон Жабе

Часть первая

1.1. 2000. На новогодней вечеринке у Додика я влюбился. Ее муж — скрипач, лет чуть за сорок, пытается продолжить карьеру — Ленинградская консерватория, недавно приехали. Она — тоже скрипачка, моложе его, но на карьеру не рассчитывает: преподавание, частные уроки. Понравилась сразу, каким-то флером грусти, легким и естественным, врожденным. Пригласил танцевать. Почти не смотрела на меня, но улыбалась. Разговорились. Зовут Полиной. Очень мила. Но телефон не попросил, думал, еще будет возможность, однако танцы вдруг прекратили и затеяли импровизированный концерт, муж ее урезал какой-то лихой фокстрот, все столпились около него и вздрагивали, кто в такт, кто не очень, а потом они уехали.

Это друзья М, я мог бы взять у него телефон, но мне показалось, что и он на нее глаз положил…

2.1. Обещают дождливую неделю, резкое похолодание. С утра туман. Позвонила Л, еще не оклемалась после перелета, но голос бодрый, радостный. И так мне хотелось разобрать все завалы и побежать навстречу… Стал объяснять, что сегодня не получится. Сказала: «Понятно». И тоска взяла, что не получается неомраченной встречи. Почему я не мог отменить случку с Р? А в последний раз с Ф, опустошенный, как всегда после схватки с ней, стертый, как компьютерная память, я впал в полудрему и стал вдруг полуживым голосом вспоминать пионерлагерь, как уезжал на все лето семь лет подряд, и всегда тосковал первое время, потом привыкал, про свой авторитет рассказчика: никто в палате не спал, когда я плел выдуманные истории про разбойников и пиратов, как уже стал в последние годы «дедом», и мне было смешно, когда новенький вожатый,

из евреев, предупредил меня, что отряд хочет сделать мне темную, потому что я заносчивый, а мне было смешно и ничуть не страшно, я знал абсолютно точно, что эта бунтующая мелюзга не решится, потому что они, хоть и злюки, но — трусы. Да, я всегда был «заводилой», но при этом держался в стороне, не сближался «с народом». Она сказала, что я и теперь «притягиваю к себе и тут же отталкиваю», будто не хочу, или боюсь, чтобы ко мне чересчур приближались, и вместе с «удивительной нежностью» я бываю жесток и раню неожиданно, когда все панцири скинуты… Кстати, уже три дня не пишет, для нее это много. А отменить сегодняшнюю встречу с Р я не мог, неделю до этого не «общались», и еще неделю, а то и две, даст Бог, не увидимся, и если и сегодня отменить, то она от меня «отвыкнет»…

Рассказываю Л:

— Сегодня кошмар приснился, и вообще спал ужасно, что мы с тобой гостиницу ищем и не находим, и вроде пришли на место, а я смотрю, нет надписи «Отель», идем по каким-то лестницам, ты становишься в какую-то очередь (она хмыкает), а я бегаю по этажам и никак не могу понять, где-же тут можно…

3.1.2000. Приехали с Р в гостинцу в начале второго, а вылезли около девяти вечера. Ебля в дым. Похлопала ладошкой по моей распростертой руке: «Моцарт, ты превзошел сам себя!»

Сползла к ногам, стала рассматривать: «Посмотри, какой красивый! Ну, чего ты смеешься? Посмотри, ну посмотри!» Глаза сияют. Как пьяная.

… — Скажи мне, а когда ты сидишь, куда яйца деваешь? Разве не мешают? Больно же сидеть на них? Или когда между ног сжимаешь? Ну, чего ты смеешься?

Когда прощались, сказал, что в следующее воскресенье, наверное, не получится, я ей позвоню.

— Что, подруга приезжает?

— Она собственно уже приехала…

— Понятно.

Ну вот, и тут обида. Но мне уже наплевать. После такого марафона… Рекорд поставлен, все остальное неинтересно.

Обещал принести ей книгу о китайских воззрениях на секс. Она некоторые из этих воззрений оспаривает:

— Во-первых, мне не так важно, чтобы ты долго не кончал, лучше короче, но чаще. … Беречь сперму? А ее, как и деньги, на тот свет не возьмешь. … И где же тогда удовольствие мужчины? В удовольствии женщины? Ну, вообще-то я это приветствую, но, это какая-то обязаловка, трудовая повинность. … Ты знаешь, а твои ромашки еще живы. Вчера муж решил меня сфотографировать, для нового тысячелетия, долго устанавливал аппаратуру, и вдруг ему пришла в голову мысль сфотографировать меня с цветами, взял твои ромашки из вазы и с ними сфотографировал. А я держала их и… мне было так стыдно… но вместе с тем… я была рада (загадочно улыбается)…

А еще вспоминала, как мы познакомились, и как было в первый раз — любимая пластинка. И как ее напугало «когда ты в машине сказал, что стихи пишешь. Ну думаю, еще один… А ты еще добавил, что „на профессиональном уровне“, ну, думаю, вообще пиздец!»

… — А у нас уже есть прошлое, да? Вот с одной стороны ты уже мне такой родной…, а с другой — я чувствую, что плохо тебя знаю. … А можно потрогать? Можно?! Я так люблю, когда он в руке оживает… Все-таки… можно я тебе это скажу? Я тебя немножко люблю. Да, люблю, ты не боишься? … Все-таки важно вместе. Даже когда я несколько раз кончаю, если не вместе, это не то. Ты мне дай знать, когда ты уже… Знаешь, сегодня я чувствовала себя так… Только один раз я так чувствовала, с тем человеком. Он мне подарил это. Это выше оргазма, это что-то невероятное. И совсем необязательно… это может быть просто от поцелуя…

Наум, думаю, что насчет разыгрыша по нотам ты совершенно прав — кроме штурма Грозного, от которого людоеды в погонах просто не смогли удержаться. Весь сценарий, включая террористические акты в Москве, был предсказан еще летом одним из немногих умных и независимых российских комментаторов. Генерал Аушев, президент Ингушетии, уверен, что Басаев сотрудничает с русской военной разведкой. Вторжение в Дагестан было, судя по всему, предпринято по взаимной договоренности. Ельцин ушел в отставку на следующий день после объявления результатов выборов, убедившись, что все безопасно. Березовский сразу после Ельцинского объявления дал нам интервью и только что не прыгал от восторга.

Но в самой Чечне сейчас — уже не по сценарию — люди, которые защищают Грозный, делают это по убеждению. Не исключено, что Путину еще понадобится военный переворот.

АТ

А Ф мне не пишет. Будто чует, что не до нее.

4.1.2000. Сильный дождь весь день. Заехал за Л.

— Как это ты решился приехать? А вдруг тебя заметил бы кто-нибудь? — подкалывает.

Но была рада. Вообще встреча получилась радостной. Мы оба ее хотели. И плевать уже на дешевый номер. Такой же марафон, как и за день до этого, но прошел даже легче. А я боялся, что сил уже не осталось. Дождь царапал жалюзи, то изредка, то настойчиво шурша, то как пес, рвущийся погулять. В простеньком номере было сумрачно и холодно (об отоплении в такого сорта гостиницах не беспокоятся). В промежутках мы тянули «из горл*а*» виски и закусывали хлебом и сыром. Ну, и болтали.

— Рассказывай, на какие подвиги я тебя толкнула? Рассказывай, рассказывай.

Я и рассказывал.

А домой пришел, и супругу возжаждал, да так все прошло, что и она меня похвалила (что бывает крайне редко): «Ой, как здорово! Как мне понравилось!»

Портос звонит:
— Соломоныч, как дела?
— Да, чего-то… кашель…
— Старый триппер дает о себе знать?

5.1.2000. Верник сказал, что вечер Бобышева был неинтересный. Мой рассказ в «Сплетении» ему не понравился. Да, говорит, живо. Но грубо.
Грубостей они не любят.

Вечером, в дикий дождь, потащился с Л в Тель-Авив на «Империю чувств», но вместо «Империи» давали «Экзистенс» Кроуненберга, о войне игровой виртуальной реальности с действительностью. Виртуальная берет верх. Под утро приснилось: песок в доме, и из него вдруг волнами прут муравьи, орды муравьев…

6.1. То ли довела эта мотня по дорогам в грозу и потоп, то ли… В общем, всё, мой «завод» вдруг кончился. Но вроде обещал, и вроде притащилась через моря и океаны… Заехал за ней и подались в Латрун. Дождя не было, хотя тучи наступали из-за холмов, как армия вторжения. Воздух — легкий дым, но именно на фоне этого пепла так радует яркая зелень свежей травы, неожиданная ржавчина куста у дороги, пыльно-зеленые молодые оливы. Даже солнышко иногда выглядывало. По «нашей» тропе поднялись на холм. Темные стены монастыря и бурая черепица виднелись за соснами, воздух непривычно холодный, сырой, пахнет какими-то цветами, хвоей, подгнившей листвой. Посидели наверху, на камнях крепости. Здесь хорошо, духоподъемно. С одной стороны равнина внизу, поля, пленки парников кажутся прудами, а с другой — горы:

серые, бурые, зеленые, в низких тучах.

Захотела поехать в «ту гостиницу», что на обрыве. «Поехали», — говорю. А потом, уже по дороге:

— Знаешь что, не хочу я в гостиницу.

— Ну, не поедем. Я на самом деле тоже не хочу.

— А зачем же предлагаешь?

— Не знаю. Потянуло к обрыву…

Поехали в Ерушалаим. Закатили обед в «Мишкен*о*т Шаанан*и*м». В ресторане только три столика занято: четверо русских с короткими шеями — в дальнем углу, в центре Дан Меридор[1] с каким-то американцем, а мы в другой угол забились. Слышали каждое слово. Русские говорили о каких-то заводах, Меридор — о Бараке[2]. А я — о бабах. Но она мои жалобы на «запутанность» отмела, считает ситуацию банальной. Обижаешь, говорю. Тут стараешься, стараешься, и на тебе — банально.

— А чего ты все стараешься?

Потом погуляли по каменным улочкам, зашли в недавно обновленный квартал «Ям*и*н Моше», славное место, мавританские дома в ограде голых ветвей, садики с апельсиновыми деревьями, апельсины висят гроздьями, рыжие, среди зеленых листьев и серо-желтых стен. В одном садике её вдруг поразила ярко-красная ветка. «Рябина?! Нет, правда, рябина!» Потом: «Монпарнас! … Нет, красивее, чем Монпарнас!»

Спросила про книгу, ответила ли мне Аня? Я пустился в рассуждения: с Аней не получается: много обещает, а толку нет. Может, и не по ее вине, но… И с этой любовью своей вдруг пристала, если бы она не полезла ко мне со своей дурацкой любовью, я бы ей до сих пор деньги посылал.

Она расхохоталась.

---

[1] Известный израильский политик, министр во многих правительствах

[2] Бывший начальник Генштаба и видный политический деятель

— Вот это обязательно запиши!

Когда отвез ее, остановился на обратном пути и стал вдруг набирать номер Р, но передумал. Поздно уже, вдруг муж дома…

От Ф: *У меня переставляли win2000, после чего все перестало работать*

Рада, что ты вернулся, а не исчез с 12-м ударом часов, как исчезли все подарки феи у бедной Золушки.

Новый год? Было детское ожидание чуда, а все было достаточно обыденно и скучно. Встречала не с теми людьми, кто мне по-настоящему дорог.

целую

7.1.2000. Все. Сегодня разгрузочный день. От всех четырех. Хотел утром поиграть в теннис, но стал накрапывать дождь, да и холодный ветер…

От Л: *Какая чудесная была веточка рябины!*

От Ф: *Я проснулась утром, рядом нелюбимый муж, надо идти на нелюбимую работу, и стала мечтать, что бы я хотела в жизни. И представила себе маленький домик, ты пишешь свой роман, а я сижу рядом… И вдруг пронзила мысль, что это уже было, и даже роман был о том же. Ну вот. Встала и пошла на работу*

целую

9.1. Договорились с Л на Бейт-Дагане. Я опоздал, она уже ждала.

— Ну что, поедем для начала в гостиницу? — ухмыляюсь.

Посмотрела на меня с некоторым недоумением, подумала.

— Поехали, коли не шутишь.

Да какие уж тут шутки.

Предложение шикануть (взять номер в самой дорогой гостинице Тель-Авива, на самом верхнем этаже, с видом на море) я отклонил. И Бат-Ям сойдет. С видом на то же море. Без энтузиазма, но согласилась. Небо было дождливым, синоптики обещали грозу и ливни. С видом на море не дали, то есть можно было подождать, но ждать не хотелось, хотелось спрятаться. Спрятались. По жалюзям били большие редкие капли. «По мозгам бьет…» Потом все-таки пошел дождь, но не сильный, и снова капли, и стихло…

Сжимает пальцами локоть, как раз там, где болевая точка — исцеляет. Долго сжимает. И боль уходит.

— А у меня тоже есть «поле»? — спрашиваю.

— Есть, есть. Поле чудес.

— И я тоже могу лечить?

— А чем ты еще всю жизнь занимаешься?

И мы рассмеялись.

Поехали в Яффо, к «Бени-рыбаку». Абсолютно пустой зал ресторана. Допиваем кофе. День прояснился, даже солнце выглянуло. Сейчас выйдем, погуляем по молу. Отлегло от сердца. Стал благодушен.

— Ты на меня иногда злишься? — спрашиваю.

— Иногда?!

Смеемся.

Прогулялись вдоль моря, по щербатым камням мола. Со злым упорством волны били в бетон.

— А вон там был наш ресторанчик, «Соф аолам»![1]

— Ага…

— Мы с тобой на краю Ойкумены, в ресторанчике «Соф аолам», за плетнем два синдбада-нацмена конопатят свой сказочный хлам![2] — цитирует.

Криво усмехаюсь. Однако приятно: и меня вот цитиру-

---

[1] Конец света (ивр.)

[2] Из стихотворения Н. Ваймана «Старая Яффа» (Провонявшая рыбою гавань…)

ют…

10.1. После работы позвонил Р.

— Я ужасно соскучился.

— Я тоже.

Договорились на следующий понедельник.

— Я тебе еще позвоню на неделе, — говорю.

— Можешь не звонить, потому что вряд ли застанешь.

Защемила ревность. Почему так больно? Может, и к лучшему, будет повод расстаться, давно пора. Но всё равно больно…

11.1. Оля Морозова прислала открыточку с новогодними поздравлениями, тронут.

12.1. В перемену позвонил Л.

— Я собственно хочу пожелать тебе счастливо долететь…

— Ага.

— А чо это у тебя голос такой малорадостный?

— А чего радоваться?

— Ну… Весна скоро…

— Это у вас скоро, а у нас еще…

— Опять же Испания ждет…

— Да, — хмыкнула не без горечи, — Испания…

— И вообще, живем, блин…

— Мне этого мало (с вызовом).

— Аа.

— Хочешь сказать, что большего дать мне не можешь?

Помолчали.

— Ладно, — прерываю тягостное молчание. — Тем не менее, я желаю тебе благополучно долететь.

— Спасибо, дорогой.

— Ну, пока, целую тебя.

— Пока.

А после работы позвонил Р.

— Привет! А грозилась, что не застану.

— Случайно! (Смеется) Вообще-то я сегодня дома. Уже третий день, взяла больничный, по программе выживания я теперь раз в месяц беру три дня.

— И чего ж ты делала?

— Проводила мероприятия по выживанию.

— Для меня ты ни разу дней не берешь.

— А ты не просишь. Хочешь, возьму? Но теперь уж только через месяц. (Смееется) Но я ужасно рада, что ты позвонил, правда. Ну, скажи что-нибудь хорошее.

— Хорошее? Вот, скучаю по тебе…

— Хорошо!

— Думаю о тебе все время…

— Очень хорошо! Слушай, я ужасно соскучилась! А вот ты мне скажи, во что ты сейчас одет?

— Синие брюки…

— Эти вельветовые?

— Ага. Черный «гольф», пиджак коричневый, вельветовый.

— Аа, значит ты весь такой вельветовый, мягкий, хорошенький… Ой, как я соскучилась!

— Так что, снимать брюки-то?

Смеется.

— Нет, я не люблю секс по телефону.

Спросила про подругу.

— Сегодня ночью уезжает.

— Ну, как было?

— Перевел отношения в статус дружбы.

— Ну-ну.

— Скажи мне, — любопытствую, — у тебя бывает так, что ты не хочешь, но поддаешься, зная, что человеку это важно? Как бы отдаешь себя…, женское такое качество, отдаваться…

— Нет, не бывает.

— То есть если ты не хочешь…

— То сразу на хуй посылаю.

13.1. От Ф:

Анализ немного ухудшился, и хотя прилично за пределами нормы, но терпимо. Тенденция настораживает.

Увидеть тебя для меня всегда — радость. Но сегодня — врач, а потом я иду на пробный урок рисования. На следующей неделе?

Целую, дорогой

После нашего разговора меня захлестнуло волной тоски по тебе.

От Зуса: *В Норвегии вовсе не холодно, но очень дорого*

Моя японочка пожелала Северное Сияние и фиорды, то и другое было показано.

Мы почти доплыли до Мурманска

z

14.1. *Леша, привет!*

У меня вопрос на засыпку: где можно (кроме Тацита и Светония) почитать о «заговоре Сеяна» и о Сеяне? Говорят, у Диона Кассия, но его так и не перевели. А у Тацита как раз эта глава пропала (не спроста?!).

И может ты знаешь (ты же копался в этой эпохе), кто был наместником Сирии в период между Пизоном (который отравил Германика в 19 году) и Виттелием, который был назначен в 36-ом? То есть при каком наместнике Сирии распяли Иисуса? Может быть, претор Силан? Нигде не могу найти…

Наум

15.1

О заговоре Сеяна можно подробно прочитать у Валлея Патеркула, но я не знаю, переведен ли он на русский.

Вообще любую информацию о классической древности можно почерпнуть в многотомной энциклопедии Pauli-Wissowa, но она существует только на немецком. У меня

дома есть сокращенное издание. Наместника Сирии навскидку не помню, но могу поискать.

Алексей Цветков

Прага

Патеркул у меня есть, то, что выходило по-русски, там мало. Насчет наместника Сирии, если тебя не слишком затруднит, то посмотри, может, есть в этом справочнике Pauli-Wissona?

Сам-то, пишешь чего-нибудь? Я, как ты догадался, пошел «по твоим стопам» и с юношеским пылом взялся за страшную тему…

Привет Краве.

Ездили в лес вчетвером, с Мироном и Надей. Холодно, но солнечно, в лесу никого, тихо. Гуляли, потом девушки отстали и сели на камень, а мы продолжили вглубь леса.

Я: Интересно, о чем они…

М: Либо об одежде, либо на нас жалуются друг другу. Надя, кажется, стала что-то подозревать, возникла напряженка…

Я: Ты вообще неосторожен…

М: Просто ленив… Женщины, вопреки общепринятому мнению, гораздо меньше мужчин склонны прощать всякие похождения… И это при том, что она никогда меня не любила, я был любящей стороной, я был влюблен, я и сейчас ее люблю, я к ней очень эмоционально привязан, но мужчине это не мешает…

Я: Есть и женщины, которым это не мешает…

М: Ну, это самые замечательные женщины…

Я: Да…

М: Хоть и принято считать, что жизнь женщины это секс, но на самом деле мужчины более сексуальны.

Был холодный солнечный день, дорожка в лесу вела на холм, но мы развернулись, едва начав подниматься.

16.1.2000. Встречались с Р.

… — А знаешь, ты мне снился… как будто я дома, и у меня маленькая девочка, около годика, такая хорошенькая, светлые волосы, голубые глаза, прелесть… и тут вдруг ты входишь, и говоришь: это наша дочка?, а я себе думаю, что он не видит: совсем на него не похожа… странный сон. … Я ужасно люблю «сумо», нравятся мне эти толстяки, они такие быстрые, грациозные, и эти их церемонии. … Внук тоже, когда попросишь его, ну сделай, как борец сумо, он так присядет и ножкой топ, как они… Я и борьбу люблю, и бокс… Нет, не хочу кушать, я лучше голодная еще рядом с тобой полежу… вот так вот… а я слышу, как сердце твое стучит… Ты вздремнул? Я тоже почти, как будто провалилась куда-то… про все забыла, какие-то воспоминания странные поплыли. … Доре уже за девяносто. У нее был пес Догги, тоже очень старый, хромой на все четыре лапы, еле ковылял, и вдруг однажды мы идем мимо ветеринарной поликлиники, и тетка выводит огромную такую собаку, красивую, и — я забыть этого не могу! — Догги этот вдруг выпрямляется, уже не хромает, на прямых ногах, хвост трубой, голову кверху, и тянет Дору к этой собаке, а Дора отцепила поводок и говорит: «Иди, Догги, может тебе повезет», представляешь?! Иди, говорит, Доги, может тебе повезет… В тот ём ришон[1], когда я кончила работу, а я обычно в этот день минуты считаю, сколько осталось до встречи, а тут вышла, и мне было радостно! — я вдруг почувствовала себя свободной! Никуда не надо бежать… это плохо, что я тебе это рассказываю?… А у тебя так бывает?

— Бывает…

… — Ты мне еще давно, в начале, сказал: «Я хочу тебе купить что-нибудь, пойдем в „Гольф“, у меня там скидка есть», ха-ха-ха!

[1] ём ришон — день первый (ивр.), воскресенье, в Израиле рабочий день

— Так прям и сказал? (ржем) Ты меня заставляешь краснеть… Но я не из жадности, ей Богу…

— Ну да, по простоте душевной!

— Ага!

Хохочем.

От Л:

Вот я и «дома», ударили морозы и ужасно грустно…. Полет в Израиль кажется сном по сравнению с обратной дорогой. Так было ужасно тяжело расставаться с родителями… и так здорово повидаться с тобой… Мама спросила на прощанье: когда они с папой умрут, к кому же я буду приезжать?

17.1.2000

Дорогой Наум!

Привет из темного Питера

Кажется, книга уже напечатана, теперь изготовляется переплет и пр. Мы вообще-то вломили кучу денег в это предприятие. И не сообщить Вам этого приятного факта было бы верхом неделикатности с моей стороны. Но Вы человек остроумный и не любите плохих поэтов, что вас ставит вне критики.

Теперь к делам.

Да, мы вернулись из этой ебучей тайской стороны. Конечно, надо было ехать на острова и там валандаться в гордом одиночестве, но у нас из-за дешевизны путешествия получилось иначе. Мы были связаны «пакетом» из-за копеечного перелета на туркменских боингах через Ашхабад. Но погода, море и Бангкок — это полный кайф, и я даже написал большую новеллу, но совсем не о Таиланде. Из хорошего — первые каникулы в жизни, проведенные с женой без бэби. Это кое-что. Можно на многое посмотреть иначе. Но что я вам, подлинному инженеру человеческих туш, об этом пишу. Простите за нефольный каламбур. Кстати, почему-то подумал, не связано ли слово каламбур каким-то боком с копросом.

Это так по-русски — смеяться и говном бросаться.

Но, вообще-то было очень славно. Еда на недостижимом уровне. Я очень люблю острую морскую кухню. Люди очень красивые, тихие, толерантные. Архитектура старая — невероятная. Бангкок очень выразительный. Спокойно, особенно на фоне нашей русской поебени.

Спасибо за телефоны этого Гешарима. Я им позвоню. Мы собрались издать роман Мартина Бубера «Гог и Магог», он жутко любопытный — о партизанской войне еврейского народа против французских захватчиков в Отеч. войне 1812 года. Правда. Дико кайфово и тем более его переводит Лена Шварц. Мой друг и дивный поэт.

Наум, нетрудно ли Вам будет позвонить этому господину Мише Гринбергу и спросить его — поддерживают ли они финансово создание перевода? Роман большой — листов 17—18,5. Это будет заметным явлением книгоиздательства. И все такое.

Жму лапу ханаанскому льву

Ваш НК

18.1. От Ф: *Мне так жаль, но завтра мы не сможем встретиться… Может, в хамиши*[1] *получиться?*

Я соскучилась

Николай, с Мишей Гринбергом я разговаривал. Он отнесся к идее прохладно и настороженно, его весьма беспокоит качество перевода с точки зрения всяких специфических «еврейских» деталей, при этом он сослался на «ужасный» по его мнению перевод Бубера, сделанный издательством «Республика», издавшем «хасидские легенды». Тем не менее, он предложил вам послать ему факс (именно факс, электронную почту не дал, может, и нет у него) с вашими предложениями и пожеланиями, в том числе и в смысле финансирова-

[1] день пятый, четверг

ния.

Еще он сказал, что в феврале будет в Москве и может быть заглянет в Питер, так что можно выйти с ним на прямой контакт, это лучше всего.

Если будут еще какие «задания», по Гринбергу, или вообще, смело пишите.

Всегда Ваш

Наум

Сильный ветер, дождь, переходящий в град. Но тучи не черные, а пепельные, будто просвеченные солнцем…

Озрик окрестил русских: «народ-жидоносец»

19.1

Позвонил Ф. Она в машине, едет на работу…

— Так что, мы успеем увидеться?

— Знаешь, я даже предпочла бы сейчас, до работы…

— Давай.

— Тогда я разворачиваюсь и еду на наше место?

— Окей. Я буду в полдесятого. Раньше не успею.

… — Мне на работе одна говорит: у тебя что, хавер[1]?, ты такая красивая стала… Какой ветер! Знаешь, он сначала пугает, хочется так съежиться, спрятаться, а когда пустишь его в сердце, то вдруг радостно…

— Пустить ветер в сердце… Это хорошо…

— Ну что, в голове он уже гуляет.

И мы рассмеялись

В этом деле с ней мне нравится оперативность. Через час с четвертью она уже отправилась на работу.

С работы прислала:

[1] друг, часто в смысле любовной связи (ивр.)

Я пропитана твоим запахом и сияю так, что должно быть сразу видно, что я после встречи с любимым человеком.

А Р говорит: «Сразу видно, что из-под мужика». Видно у них это числится достижением, знаком победы. Хотя чем тут хвалиться: мужику только подмигни.

22.1

От Цветкова:

Наум!

Кассия я читал давно, а свой экземпляр у меня сокращенный, выжимки — я посмотрю. Есть также Паули-Виссова, где тоже посмотрю. И есть том оксфордской античной истории по этому периоду, но его надо откапывать.

Извини, что не посмотрел раньше — был занят. Постараюсь на будущей неделе прислать какую-то информацию. Я заподозрил Веллея потому, что он был приближенным Сеяна, но оказался неправ.

Теперь насчет распятия. Большинство авторитетов сходится на том, что год был действительно 33. Есть масса народу, рвущегося к славе, и поэтому сомнению подвергают все, в том числе и факт смерти. Но если тебе нужна не дешевая сенсация, а факт, то лучше не отклоняться. Рождение — другое дело, потому что большинство ученых сходится именно на том, что 1 год исключен. В момент распятия Иисусу было скорее всего под 40.

Про число ничего не могу сказать. Поскольку я к этому эпизоду так и не подошел, и календарных исследований не проводил. Думаю, в Израиле легче узнать, когда был Песах в 33 г.

Когда-то я читал книжку одного бывшего члена верховного суда Израиля, который, одержимый все той же идеей снять «кровавый навет», доказывал, что евреи не виноваты, а распяли исключительно римляне. Думаю, что он выдавал желаемое за действительное — и евреи, и римляне. Эпизод с Пилатом — явно поздняя попытка обелить римлян. Пилат был та еще сволочь.

Леш, спасибо за хлопоты с историческими изысканиями, и ради Бога не извиняйся, что «раньше не посмотрел», это мне неудобно, что я тебе «работку подкинул», извини, тема очень уж интересная, и терзаю тебя токмо в надежде, что и тебе это любопытно.

Да, Веллий, наверное, был приближенным Сеяна, поскольку дает ему «положительную характеристику». Но повествование обрывается рано, писалось, когда Сеян был еще в силе. Видимо, был момент, когда у Сеяна почти все было «схвачено», и оставалось дело за малым: либо физически устранить старика Тиберия, либо стать его законным наследником, для чего выбрал извилистый путь (другого, впрочем, не было): сначала трахал жену Друза, законного наследника, и склонил ее отравить мужа, а потом вознамерился жениться на дочери Друза, что, конечно, не понравилось ее мамаше, его любовнице, тут-то он и обжегся (Шекспир отдыхает). А старик, как известно, тоже был не промах. И где-то он Сеяна подловил, вряд ли все обрушилось просто потому, что вдова Друза вдруг впала в яростную истерику и настучала насчет отравления. Но это так, к слову. Если взять, как ты советуешь, каноническую дату смерти Христа — 33 год, то непосредственной связи между двумя событиями (смерти Сеяна и Христа) нет, и рассыпается мой детективный сюжет… Но раз уж я «углубился», то мне интересно, на чем основана готовность «признанных авторитетов» сойтись на 33-м годе? Поскольку основное разногласие крутиться вокруг противоречивых сообщений евангелистов, то есть синоптики утверждают, что Иисус «служил» год после крещения, а Иоанн — три года (большая разница, лично я считаю, что года маловато было чтоб «раскрутиться»), отсюда, принимая за основу утверждение, что крещение произошло на пятнадцатый год правления Тиберия (который, как известно, заступил на должность в 14 году, а стало быть мы выходим к 29 году), то получается, что смерть пришла либо в 30—31 году, как утвержда-

ет Мень (да и не он один), или в 32—33. И обе версии можно в равной степени считать каноническими, во всяком случае, евангелическими. Есть еще астрономические расчеты, исходящие из лунного затмения в день распятия…

Конечно, однозначных ответов все равно нет, и я собственно ищу наиболее удобные для своей детективной версии (Пилат дружил с Сеяном, а тот для своих грандиозных проектов мечтал «потрясти жидов», первосвященников, знать и добраться до сокровищ Храма, для чего мог понадобиться новый «царь иудейский»), но, с другой стороны, не хотел бы, чтоб она оказалась совсем уж нелепой с исторической точки зрения…

Кстати, книжка Хаима Коэна у меня есть, я ее читал, там есть полезные сведения о римской и иудейской юриспруденции того времени, но концептуально — чушь, все те же еврейские «оправдания», ты прав.

И насчет рождения Иисуса (тут картина яснее, но она не столь существенна для меня), я согласен с тем, что ему было в момент смерти около сорока (Ирод умер в 4 году до христианской эры, и Иисусу к тому времени уже было лет шесть). Мне всегда казалось, что тридцать лет (или 33) маловато для проповедника, особенно иудейского, тут ценят жизненный опыт (ему и сказали мужики в Храме, мол, тебе еще 50-ти нет, а туда же, де, пророчествовать, это можно сказать человеку около сорока, а с тридцатилетним они и разговаривать бы не стали…).

Позвонил Озрик:

— Читал в «Вестях» беседу Гольдштейна с Гробманом?

— Нет.

— Этот твой Гробман очень не любит Бродского…

— Ну да, Бродский его заслоняет.

Озрик хихикнул и продолжил:

— Он там утверждает, что все это происки американских империалистов, мол, им было выгодно выдвинуть Бродского, служил их интересам.

— Вот как? Доносик? Это я люблю.

— Он еще говорит, что Бродский удовлетворял массовым вкусам итеэровской интеллигенции.

— Вот уж и нет, вначале он был для большинства достаточно непонятен, а когда уж прославился… славу все признают, все хотят приобщиться к понимающим…

— Он там еще «сезанистов» уделал, ну знаешь, была в Москве такая группа…

— Ну да, соперников надо уничтожать…

23.1. Прочитал по наводке Озрика беседу Гольдштейна с Гробманом, «Три жертвы» называется. Главная тема: как разыграть «биографическую партию», попросту: как прославиться. Гольдштейн предлагает глубоко отрефлектированное «оправдание тщеславию»: *XX столетие явило яркие образы артистов, акцентировавших свои усилия на зарабатывании успеха и приписывавших этой деятельности художественное содержание*. Но Гробману жалкий лепет оправданья не нужен, он откровенен и нагл, как ребенок: слава «*осознается лишь в том случае, если принадлежит кому-то другому*». То есть жажда славы — функция зависти. Честно. А вот еще признание: *Меня слава интересует лишь постольку, поскольку к обладателю ее прислушиваются, а так — не дозвонишься, не достучишься*. Что верно, то верно. *Сами по себе слава и деньги — херня, но они придают твоему голосу силу, вот в чем их смысл*. Но зачем тебе «сила голоса»? О чем поведать собираешься? Оказывается — для борьбы с пошлостью: *Миром правит пошлость, хочется выкрикнуть против нее резкие слова*. Гольдштейн тут же ловит его за хвост

— *Что вы подразумеваете под пошлостью?*

— *Это стремление к благополучию и комфорту любой ценой, это невыносимо раздутые репутации…*

Так-так, подходим к опровержению авторитетов, к главному стимулу жизни — зависти. Гольдштейн продолжает допрос.

— Будем называть имена?

— Безмерно преувеличенной фигурой был Иосиф Бродский, сумевший найти путь к уму и сердцу среднего стихотворца, среднего инженера, а раз он такой великий русский поэт, то и Запад, нуждавшийся в заполнении соответствующей ниши, короновал его премией, тем более что и там он, в переводе на латинские буквы, идеально отвечал вкусам усредненного доктора и профессора.

Гольдштейн однако решительно встает на защиту Бродского.

— Очевидный факт, что он нашел этот путь к коллективному сердцу, подтверждает как раз незаурядную крупность фигуры Бродского.

Тут в «разговоре» явный обрыв, видимо, при последующем согласовании они ответ Гробмана убрали. И дальше разговор перескакивает уже на «технологию» славы в области художественного творчества: выставки, кураторы, всякого рода «оценщики» — это малоинтересно. Но по ходу дела Миша пытается опустить «конкурентов»: Лимонова (*на Западе Эдик не жил, он обитал на самом низу этого мира*, и пусть, мол, не строит из себя эксперта), Сезанна (*Ну что такое Сезанн?*).

Затем Миша начинает вещать о смысле жизни и искусства:

«*У человека, во-первых, должно быть несколько близких людей, ради которых он готов в любую секунду умереть… Во-вторых, он должен обладать чем-то, во имя чего он готов воевать, взяв винтовку и отправившись добровольцем на фронт. Этим чем-то будет культура. В-третьих, у человека должно быть то, на что он готов тратить свои тяжким трудом заработанные деньги. Перед нами три жертвы, определяющие смысл существования, и искусство оказывается важным для других, если художнику удается сделать зримой фундаментальную жертвенную составляющую его человеческого опыта*.

«Жертвенная составляющая» — это верное направле-

ние мысли, но развитие оно не получило.

Мише мало быть художником, да еще и поэтом, хочется быть теоретиком, мудрецом, властителем дум. На худой конец просто властителем.

24.1.2000. От Ф: *Я простыла и посижу пару дней дома. Ты давно не писал…*

Посылаю цитатки из Кастанеды, удовольствие получила, переписывая.

Длинный набор цитат. О воинах (*Быть воином — это самый эффективный способ жить*), о смерти (*Мысль о смерти — единственное, что способно закалить наш дух*), о мире (*Мы никогда не сможем понять его. Мы никогда не разгадаем его тайну. Поэтому мы должны принимать его таким, как он есть — чудесной загадкой.*)

По сути — набор пафосных банальностей. А ведь им весь мир увлекался, у меня стоят три тома, слава Богу, что так их и не раскрыл.

Воин сомневается и размышляет до того, как принимает решение. Но когда оно принято, он действует, не отвлекаясь на сомнения, опасения и колебания.

<…> *Мы — люди, и наша судьба, наше предназначение — учиться ради открытия все новых и новых непостижимых миров.*

<…> *Основное различие между воином и человеком заключается в том, что воин все принимает как вызов, когда как обычный человек воспринимает все как благословение или проклятие.*

По-моему, Кастанеда просто переписал «Путь самурая»…

Ее письма неприятно напоминают мне собственные литературные опыты: она любит рассуждать, цитировать, восхищаться прочитанным, как хорошая, увлеченная уче-

ница. Ничего в этом плохого нет, но… два «умника» это скучно.

От Л:

сейчас накатала тебе длиннющее письмо, но оно стерлось, почему? С утра снег, снежинки пушистые, падают парашютиком, но пока мало еще, м.б. попозже м.б. на лыжах пройтись лыжню проложить… очень бы хотелось…

Для Л:

Скажи мне, а ты с мужем проявляешь иногда инициативу?

Дорогой Наум!

Я вернулся из этой блядской Москвы, стоят холода. Как у Кузмина — «Стояли холода и шел Тристан, в оркестре пело раненое море». Я послушал в Мариинке не Тристана, правда, а Парсифаля, что выше всяческих похвал. И начались настоящие крещенские холода.

С книгой все в порядке, ждем выхода в свет. Мы можем все Ваши экземпляры доставить в Москву. У нас там есть партнеры, тем более это самый центр — Сухаревская площадь. Так что не волнуйтесь, по выходу в свет через неделю том будет в столице. Тем более, мы об этом договаривались.

Вот и все, пишите, я еще не очухался от хамского меню Антибукеровского обеда — изобилие осетрины и семги при отсутствии нормальных вин, что делать — хамы.

Ваш НК

25.1. «Вынес», наконец, кабана с корта, два-ноль. Потом поплавал, в джакузи посидел, в баньке попарился. Спина все равно болит.

Вчера целый день звонил Р, но не застал. Загуляла.

26.1. Наконец, дозвонился до нее.

— Я тебе запись оставил…

— Да, только я не поняла: «ешив*о*т — зе ло аколь» /педсоветы — это еще не всё/?

— Книга была такая у Дана Бен-Амоца… Не важно, был такой известный писатель, он написал книгу: «Зиюн*и*м — зе ло аколь» /ебля — это еще не всё/.

— Аа!!

Расхохоталась.

— На это я всегда говорила: вся моя жизнь — хуйня! Ха-ха-ха!

Наум, привет!

У нас теперь свой и-мейл, вот адрес… Правда, работает он из рук вон плохо, отключается через каждые пять-десять минут (может быть, неотлажен, а может, такие телефонные линии). Но, во всяком случае, времени пребывания в интернете хватает, чтобы послать и получить почту.

Посылаю несколько наименований, в основном «восточное». Полный список и о размышлизмах — позднее.

Список №24

У Цзиан-Цзы. Неофициальная история конфуцианцев. /Классический гротескно-сатирический роман XV111 века. Впервые по-русски/ М.: Гудьял-Пресс, 1999 — 640 с — 90

Ли Юй. Двенадцать башен. (Серия «Жемчужины Дракона») /Классические повести XV1 века/ М.: Гудьял-Пресс, 1999 — 416 с — 58

Ригведа. Мандалы V — V111. («Литературные памятники») /Первая книга, Мандалы 1 — 1V, вышла ранее, в 1989 г., и теперь, по случаю выхода последующих томов, переиздана в типовой суперобложке/ М.: Наука, 1999 — 743 с (суперобл) — 160

Ригведа. Мандалы 1X — X. («Литературные памятники») М.: Наука, 1999 — 560 с (суперобл) — 140

Чудаки, шуты и пройдохи Поднебесной. Китайские притчи и анекдоты. («Жемчужины Дракона») М.: Гудьял-Пресс, 1999 — 208 с — 50

Мэн-цзы. (Серия «Памятники культуры Востока») /Вто-

рой по значению (после Лунь-юй) конфуцианский первоисточник; впервые полностью по-русски/ СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999 — 272 с — 87

Гэ Хун. Баопу-цзы. (Серия «Памятники культуры Востока») /Трактат выдающегося даосского философа, алхимика и историка. Этот текст называют «энциклопедией раннесредневекового даосизма»/. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999 — 384 с — 100

Исландские саги. В 2-х томах. /Впервые практически полный свод классических саг в авторитетных переводах/ СПб.: Изд. журнала «Нева», 1999 — 830 +860 с (суперобл.) — 300 р за оба тома

Клод Леви-Стросс. Печальные тропики. /Первый бестселлер Л-С, объединяющий живой рассказ об увлекательным «этнографическим материале» с оказавшимся столь продуктивным структурным анализом. Впервые полностью по-русски/ Львов: Инициатива; М.: АСТ, 1999 — 576 с — 95

Эдмунд Гуссерль. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Том 1. Общее введение в чистую феноменологию. Пер. А.В.Михайлова. /Главный труд Гуссерля, написанный в 1913 г., по его словам, «в течение шести недель, без набросков, словно бы в трансе». Относится ко второму, так называемому «трансцендентальному» периоду творчества. Это вполне законченное произведение: тома 2 и 3 Идей существуют только в виде набросков. Перевод нашего, несомненно, лучшего германиста выполнен в 1994 году и публикуется целиком впервые по архивной рукописи/ М.: Дом интеллектуальной книги, 1999 — 336 с — 87

Шеллинг. Система мировых эпох. Мюнхенские лекции 1827—1828 гг. /Рукопись этих лекций была обнаружена в аббатстве св. Бонифация и опубликована в Мюнхене в 1989 году, на русский переводится впервые. Лекции знаменуют собой переход Шеллинга на позиции «позитивной философии» (под которой он разумел философию мифа и откровения); в них содержится цельная программа позднего творчества, реализованная не в полной мере. «Позитивная филосо-

фия» придает определяющее значение Воле, которая и есть Бог (в пику Гегелю с его Разумом) / Томск: Водолей, 1999 — 320 с – 78

Б. Кроче. Теория и история историографии. /Книга, произведшая в свое время сильное впечатление, в частности, на крупнейшего английского историографа Коллингвуда (см. его Идею истории в «Памятниках исторической мысли») / М.: Языки русской культуры, 1998 — 192 с — 45

Б. Житков. Виктор Вавич. /Роман, являющийся «главной книгой» талантливейшего прозаика 30-х годов; набор этой книги был рассыпан в 1941 году по указанию Фадеева. Печатается впервые по чудом сохранившемуся оттиску/ М.: Независимая газета, 2000 — 624 с (суперобл.) — 90

Константин Вагинов. Полное собрание сочинений в прозе. /Издание приурочено к столетию со дня рождения Вагинова. Включает в себя, кроме четырех знаменитых романов (Козлиная песнь, Труды и дни Свистонова, Бамбочада, Гарпагониана), раннюю прозу, а также всю известную на сегодняшний день критическую прозу и фрагменты записной книжки. Статья, комментарии/ СПб.: Академический проект, 1999 — 590 с — 120

Засим остаюсь всегда твой
Матвей

Матвей, отвечаю сразу, что б ты знал, что связь работает. Начинается новая технологическая эпоха! И главное вовремя!

Сначала о делах. Книга уже выходит. Где-то в середине февраля, а может и раньше (я, конечно, сообщу), будет в Москве, как сказано, «на Сухаревской площади», видно, у них там склад. Надо полагать, что не за горами и время расплаты с издателем. В связи с этим позвони насчет денег Альперовичу (ты уже у них был). С ним все согласовано. Теперь такой важный момент: на этой «Сухаревской» будет 450 моих книжек, личных, которые я хотел бы использовать здесь. Есть проблемы с пересылкой, как выясняется, пере-

сылка такого груза (килограмм двести) стоит непомерно, причем именно из-за всяких бюрократических расходов типа таможни. Видимо, самое простое — переслать книжными посылками. Но это муравьиный труд. Мог бы ты взяться за такое мероприятие, скажем на тех же условиях, что и сейчас? Это не обязательно делать сразу, можно и постепенно, по мере отправления и других книжных посылок. Другое дело, что эти книги должны где-то лежать. Сколько они согласятся держать это на складе бесплатно, черт его знает. Так что это еще может быть связано с временным хранением всего груза у тебя. Это весьма неудобно. Так что если все это слишком хлопотно, скажи, — никаких, что называется, «обид». Кроме этого я хотел бы оставить тебе несколько десятков экземпляров (я думал 50, но если это слишком много, тоже скажи) для раздачи друзьям и знакомым, как нашим общим, так и твоим, по твоему выбору, ну и для моих немного (десяток) оставить, когда приеду…

27.1. Дожди. Сегодня даже снег обещают. Вышел в парк с собакой. Лужи, воздух холодный, хорошо дышится. Черная, блестящая шерсть Клёпы мелькает в мокрой ярко-зеленой траве. Расцвело дерево, которое я зову «крокодил Гена» (Chorisia insignis, его еще называют «шелковым», и почему-то — «пьяным»), оно снизу толстое, почти брюхатое, а вверх утоньшается, и все покрыто острыми пупырышками, ветви голые, кое-где еще желтые листья держаться. А плоды у «крокодила Гены» похожи по форме на большие груши, только кожура плотная и зеленая, как у авокадо, а внутри, когда кожура лопается, белый шелковистый хлопок. И цветы пышные, с карими, фиолетовыми и белыми лепестками.

От Матвея

Поздравляю с выходом книги. По части книг я, конечно, согласен сделать все, что в моих силах, типа забрать их или даже заскладировать у себя (но на какой-то все же огра-

ниченный срок и с учетом накладных расходов, например, на перевозку). Что касается их отправки по почте (при 25% от пересылки мне), то я и это с радостью бы исполнил, но боюсь, как бы на почте не возникло трудностей: пачку одинаковых книг они могут посчитать коммерческой посылкой со всеми вытекающими последствиями, а если добавлять по одной к посылке, то это затянется на несколько лет. Впрочем, я все это могу узнать точно на почте, когда буду посылать следующую бандероль. Что касается 50 книг для раздачи, то это я выполнил бы даже с большим удовольствием.

Поехали с Р, как и планировали, на аукцион «еврейской живописи» в Бейт Ционей Америка. Сразу углядела «Мимозы» Кислинга.

— Подари мне.

Там было еще три его натюрморта с цветами. Каждый по сто, сто двадцать тысяч долларов. Но «Мимозы» были лучше всех, они и стоили двести. Попадались и израильские «классики»: Безем, Гутман, Рубин, Мане-Кац, Стемацкий. Потом решили перекусить в тутошнем ресторане, взяли антрекот, но мясо было ужасным, резина, я пожаловался, дали другую порцию, кое-как разжевал. По бокальчику красного выпили.

— Вот если бы у тебя был миллион в банке, ты бы мне купил «Мимозы»? Ага, задумался!

— Нет, не купил бы.

— А если бы три было? Ну не три, десять? Купил бы?

— Десять — купил бы.

— Значит ты меня ценишь на два процента от капитала…

Быстро считает.

Шли под дождем. В машине я поцеловал ее в холодные щеки и теплые губы и вдруг вспомнил, как хорошо было целоваться зимой, на морозе, теплота губ особенно обжигает…

В «деревне» долго сидели в машине, лил дождь, целовались.

— Можно я тебя потрогаю…

Долго мучалась, но в конце концов высосала. Думал, сплюнет, нет, проглотила. А когда выпрямилась — насытившийся вампир: рот весь мокрый, даже волосы мокрые слиплись, глаза безумные, распахнутые, и хохочет…

— Все-таки я тебя изнасиловала, ха-ха-ха!

Потом несколько раз спрашивала: «Ты на меня не сердишься?»

А дождь все лил, не переставая, как из ведра. Я смотрел на ее сияющие в темноте глаза, на залитое водой ветровое стекло за ее головой.

Хорошо зимой в деревне…

28.1. В Иерусалиме снег выпал. День, как всегда, начинается с почты.

Ох, Николай, чувствую, любовь наша кончается, теперь у вас другие авторы на уме, так вот и транзит, эта самая глория мунди. Но как на свете без любви прожить… Мне будет скучно, ей богу. А я ведь еще хотел за литературу поговорить, вот даже не поблагодарил за так обрадовавшую меня цитату Кузмина…

Кстати о музыке, Вагнер-то, оно конечно, римская империя да и только, а я вот вчера был на замечательном концерте джаза, Шифрин, пианист и дирижер, Морисон, трубач (ай-йяй-яй, что выделывал!), Питер Кинг, саксафон, и негр в черных очках на контробасе, ну и ударник классный, Гамильтон, и все это с Тель-Авивским симфоническим оркестром, зажигательно прошел концерт. Даже ко всему привыкшие и обычно скучающие оркестранты покачивались в такт, широко улыбались и одобрительно стучали смычками по пюпитрам. Ну а в зале — визг.

Ваш, теперь уже навсегда

Наум

29.1. Суббота. Почти морозно.

Наум, дорогой, мне стыыдно, стыыднаа, что-то я заебся
Но — живы мы, и все — живые, мы мертвы — завиден гроб.

Я попробую что-то придумать с доставкой. Может кто-то и отправляет в Израиль книги самолетом, я постараюсь узнать.

Мне не нравятся ваши журналы. Дураки все какие-то, ну уехали, живите и радуйтесь (это я не к вам обращаюсь), а они все как в Литинституте стебутся. Нет! Еврейской! Литературы! На русском языке! Как и литературы китайцев на английском. Есть просто литература без пятой графы. Это похоже на конференцию по краеведению. Мелко. Одним словом — нет, нет и нет. Это не мое. Как-то это мимо писсуара.

Стихи, вы правы, какие-то у Паши дебиловатые, но он очень хороший парень, и в этом есть свой шарм. А что вообще стихи. Ну, стихи. Говна пирога, как на моей родине говорили. Район, где я вырос в Саратове, назывался Похуяровка. Класс!

Я вообще сейчас стихи не люблю, так как не пишу их почти, а люблю я прозу, так как ее и сочиняю.

Написал, Боже правый, целую книгу новелл. Что с ней делать? Вот незадача.

У нас холода были за 20, а сейчас — плюс ноль. Хочу в оперу. Вагнеру готов простить все, начиная с антисемитизма и кончая кощунством. Гений, что тут попишешь. Но хорошо, что до 30-х не дожил. Еще не известно, что бы он устроил. Чудовище. Но прекрасное.

К джазу я холоден, как и он ко мне, но это из-за воспитания. Я люблю, если оттянуться, то по полной программе.

Наум, дорогой, не сетуйте на мое молчание, я отягощен еще не выполненными перед вами обязательствами, как впрочем и вы, наверное… Вот расплюемся, и разговор у нас

будет иным. Еще и свидимся где-нибудь у синего глубокого моря, потолкуем.

Что текущая литература в жюрьналах — суета и хуета, одни картинки чего стоят. Это не серьезно, да и не интересно.

Вот Э. Герштейн хорошо была проинтервьюирована некой дамой, которая приписала лермонтоведке слово «лакейка». Это шарм! Но про Харджиева было интересно, тем более мне, так как я с этим мистическим человеком дружил. Знаете, что он мне говорил о стихах — «Вы пишите, пишите, только никого не слушайте». Он очень меня поддерживал. Расскажу потом подробнее.

Ну вот, и письмо…

Сурбур да и только.

Ваш НК

Дорогой Николай!

Вы меня согрели письмом, а то у нас тут холода вдарили, ночью до нуля, в Иерусалиме снег выпал, красотища…

Насчет «просто литературы», определяется она только языком, или еще чем, о культурных корнях т. ск., я бы поспорил (я на это дело падкий), но это долгий разговор. Вагнера я одно время любил (в свой затянувшийся «героический период»), но потом эта любовь к трубам и скрипичным ветрам ушла. Германский героизм показался мне туповатым, а вот японский — пленил. У самурайской «песни мечу» («слева литература — справа меч») есть какое-то изящество, а немцы топорны. А вот в оперу ходить петербургскими зимами — это надлом, особенно для человека из Похуяровки, потянет к теплому морю и шоколадным конфетам, вы с этим поосторожней.

На прозу вашу было бы крайне любопытно взглянуть, может при случае «перекинете»? А то и в какой-нибудь краеведческий журнальчик могу предложить, если не западло.

Ладно, не буду вам морочить голову. Сообщите, когда книга выйдет, и если узнаете что насчет переправы (глав-

ное — цена, варианты-то есть, но они недешевые). В принципе я могу и посылками из Москвы, но уж очень это хлопотно, неудобно друзей уж так нагружать, но если у вас толкового варианта не проклюнется, то не страшно, отправляйте в Москву, только сообщите, где все это будет лежать и как выцарапать.

И конечно, неплохо было бы, пока суета, хоть одну посылочку послать мне сразу из «пекарни», для затравки, но это уж как у вас будет со временем и тому подобное.

Марианне сердечный привет.

Ваш

Наум

Для Л:

Я спросил про инициативу, потому что пытаюсь понять поведение жены, то есть полное отсутствие инициативы. Оно и раньше было не так уж бурно, но я восполнял со своей стороны, а сейчас и у меня все «ушло». Но как-то непривычно лежать в постеле с женщиной… как с другом. Климаксом тоже не объяснишь, тем более что когда «они хотят» то инициативы — хоть отбавляй.

30.1.2000. От Л: *А у вас тоже снег шел?*
Собираешься ли ехать в Италию?

В Италию еду 11.2
Снег был только в Ерушалаиме

Матвей — Науму

Меня совершенно не пугает необходимость стоять в очереди, тащить что-нибудь тяжелое, перевозить с места на место и т. п. — я в этом отношении неутомим и даже, смею сказать, незаменим. Но выполнить какую-нибудь более сложную, «умственную» операцию, где надо что-то узнавать, звонить неизвестно куда, наводить дополнительные справки, уговаривать и, главное, принимать решение —

не могу, и все тут. Одна мысль о том, что мне это предстоит, приводит меня в трепет: в глазах темнеет, члены дрожат, пятки потеют… Мне говорят «нет» — я поворачиваюсь и ухожу. В общем, удобно устроился в этой жизни. Что делать: приходится принимать друзей такими, какие они есть: глядишь, для чего-нибудь и сгодятся.

Вообще-то у меня такое впечатление, что пачки одинаковых книг не примут: смутно помню, что подобный (негативный) прецедент был в пору нашей «коммерческой активности». Мне сдается, что переслать в частно-штучном порядке можно за какое-то обозримое время книг этак сорок, но уж никак не четыреста. Так что, боюсь, тебе все же придется найти альтернативный вариант и выйти на соответствующих людей. Конечно, я все это уточню. При этом, еще раз повторяю, я могу книги принять, заскладировать и хранить их какое-то время, если в этом будет необходимость. Давать мне подобные поручения ты можешь совершенно спокойно, безо всякого зазрения совести, и в этом смысле твои извинения даже как-то обидны…

Что же касается транспортных расходов, то одна полноценная экскурсия с заездом в Олимпийский, три-четыре магазина и на Международный почтамт обходится мне в среднем в 15 руб (примерно 0,5 $). Поэтому я буду, с твоего позволения, присовокуплять эту сумму к счету: думаю, это справедливо и не так уж для тебя обременительно, а мне все же облегчение.

Всегда твой

Матвей

Я, к сожалению, малость приболел (обычная простуда) и потому, не желая рисковать, решил съездить к Альперовичу за деньгами где-нибудь в районе вторника; тогда же пошлю книги, разузнаю что смогу на Международном почтамте и тебе напишу.

Сережа, привет!

Книга уже выходит. А поскольку ты можно сказать

«крестный отец», то прими мой низкий благодарный поклон.

У Матвея будут (надеюсь через пару недель) экземпляры книги, возьми, кроме личного экземпляра, который, когда приеду, подпишу, еще сколько сочтешь нужным как для личного пользования, так и, может, для «дела», я имею в виду тех, кто мог бы в той или иной степени поспособствовать тому, чтобы она не осталась незамеченной.

На ближайшее время приезд не планирую, но и не зарекаюсь. Видно будет. Может быть ближе к теплу, к лету. А у тебя нет планов «подскочить»?

В твою страничку в Сети регулярно заглядываю, «держу руку на пульсе» литературных событий.

Будь здоров, сердечный привет Ире.

Всегда твой

Наум

31.1. От Ф: *Как дела, дорогой? Я только сейчас открыла почту, целый день улаживаю всякие дела, накопилось за неделю. За неделю простуды успела продвинуться с подготовкой к лекции — есть польза от простуд. И картинку нарисовала*

Целую

Я тоже был «в делах». Одну часть пицуим[1] *мне уже выплатили, вторую, бОльшую, вроде как утвердили, теперь надо выцарапать, знаешь, как Бисмарк говорил: русского солдата мало убить, его надо еще и повалить, вот так и деньги взять у евреев…*

Картинка — это замечательно, хотелось бы посмотреть. А лекции свои ты пишешь на иврите или по-русски? Если по-русски, то можешь мне «перекинуть», я почитаю, интересно.

Может, на неделе увидимся? В среду, или четверг, в четверг я не работаю.

---

[1] Компенсация (ивр.), в данном случае за увольнение

целую

От Л:

по поводу записок: а это тот Каневский, который нам ключи давал от своей квартиры? А Золотоносов не еврей случаем? Золотой нос? «Читатель вам нужен за тем же, зачем нужна женщина», а помнишь — «такого читателя, как я, тебе еще очень нужно поискать», чем ты и занимаешься, уродуясь до изнеможения, но не останавливаясь на достигнутом — вот и вся наша любовь? Давай, посылай записки дальше, за опасной чертой — я готова, а ты? Мне очень понравилось твое письмо издателю по поводу беседы с Золотоносовым, даже больше чем их беседа.

что готова, это я храбрюсь. Хоть и говорю, что как после ангины, горло больше не болит, но зато осложнение на сердце… и что они, другие буквы алфавита — поломничества, но… они там, с тобой, а я нет… и от этого наши свидания все больше напоминают мне «холодную войну» и злюсь на себя ужасно, что опять не сдержалась, что сколько можно подставляться под холодный душ… но… когда вспоминаю, как лежала на животе, потом, а ты накрыл меня своим телом… чувствую тепло твое на себе и… в каббале есть такой принцип «итхирута дильтата» — «импульс снизу», он позволяет совершать чудеса…

Отвечаю по пунктам

Каневский — тот самый. Мы с ним еще в Неби Муса ездили, помнишь?

Золотоносов в еврействе подозревается, но точно не знаю. А у Кононова фамилия вроде Татаринов, он из деревни Похуяровки Саратовской области (недавно написал). Ему, не знаю как Золотоносову, мое «письмо» об их беседе, видно, не понравилось, во всяком случае, он на него вообще не среагировал. А может он, как и я, сомнамбула?

…Знаешь, что мне всегда было крайне важно «в любви»? Дистанция. Вот это боксерское чувство дистанции во мне

очень развито (мой тренер, старик Никифоров, он был чемпионом России в 25 году!, колоритный старик, говорил, что у меня реакция классная, но жопа толстовата). Если чуть увеличишь — не достанешь, чуть приблизишься — сам схлопочешь. Женщины в такие игры, как правило, играть не умеют. Вот почему мне с королевой так «легко», потому что у нее подход мужской, любовь, в сущности, это обмен ударами, но потом, после дУша (sis!), обнявшись, можно, хохоча, и по пиву… Хотя в последнее время и она стала проявлять какие-то «женские» признаки, слабину давать. И тогда я ее чуток отпускаю, пусть поебется с кем-нибудь, восстановит дистанцию.

А насчет того, что «сам схлопочешь»… Здесь, мне кажется, не только пресловутый «страх любви», может это просто «рыбья кровь», ну не нужно мне это, что делать. Не хочу я «сгорать от любви», другие вещи меня сильней воспламеняют… Может, это — климакс… Но, в сущности, так было всегда…

1.2. Постельная болтовня Р:

… — А можно я буду тебя звать «любимый»? Можно? Ты мой любимый. … Если бы ты был маленький-маленький, я бы тебя носила с собой, положила бы в карман…

Перед встречей купил хлеб, масло, красную икру и чилийское красное, «Мерло». Выпила полбутылки.

— Напиться хочется.

— Чего?

— Не знаю.., ты будешь смеяться… Я все эти дни думала о тебе, и мне вдруг стало страшно… Я боюсь слететь с тормозов… А ты не боишься? Почему?

— Я в тебе уверен.

Расхохоталась.

— Постараюсь оправдать доверие!

Вымазал хлебом банку с икрой.

— Ты бы хером вымазал, а я бы потом слизала, ха-ха-ха!…

Приехали около часа. К шести сгустились сумерки. Слабая полоса света от зазора между шторами легла на ее плечо и грудь. Пошли по третьему кругу.

… — Скажи всем твоим друзьям-импотентам…

— У меня нет друзей-импотентов.

— Они все импотенты по сравнению с тобой, ты им скажи… Ты, когда будешь, лет под семьдесят, знаменитый писатель, и у тебя будут деньги, а значит и красивые женщины вокруг, ты себе выбери молодую, высокую, чем выше женщина, тем больше веса она добавляет мужчине, статную, и чтоб тебе было хорошо с ней…

— Уж не знаю, захочется ли мне под семьдесят…

— А в том что он будет знаменит, он не сомневается, ха-ха-ха! Скромный ты наш! А кто еще? Да, стеснительный, ха-ха-ха! Особенно с женщинами!

На обратном пути взяла мою руку и сунула себе между ног, глубоко.

— Вот, положи руку сюда, вот так, а теперь надо сфотографировать, и написать: скромный и стеснительный с женщинами.

Матвей — Науму

Я позвонил на Международный почтамт. Сведения благоприятные: все ограничения отменены, приезжайте, высылайте, нет проблем. Это совершенно официальная информация. Стоимость пятикилограммовой бандероли — 147 р + упаковка +4% налог с продаж, т.е. что-то порядка 160 р. Кроме того, знакомый товаровед Сан Саныч (я ему многократно помогал грузить тиражи), во-первых, подтвердил, что на почте все так и обстоит, без проблем, а во-вторых, сказал, что имел дело с фирмой Алан Карго (за точность названия не ручаюсь, записал по слуху), которая специализируется на пересылках именно в Израиль. Они шлют контейнеры для книжных магазинов, а заодно принимают заказы от частных лиц. По словам Сан Саныча, они берут недорого; у него под рукой не оказалось телефона представителя этой

фирмы, с которым у него контакт, но он пообещал мне его дать в ближайшее время. Так что напрашивается такая схема действий: узнать расценки фирмы, сравнить их со стоимостью пересылки обычным путем и выбрать более дешевый вариант. Единственная проблема состоит в том, что точные цифры и суммы можно будет узнать только тогда, когда я узнаю вес одной книги (т.е. какое количество войдет в пятикилограммовую бандероль). Если есть возможность получить эти сведения у издателя, это ускорило бы выход на точные суммы.

Всегда твой
Матвей

Наум — Матвею

Старик, ты гений! В тебе пропадает еврейский негоциант эпохи Возрождения, они и философией занимались, и даже поэзией баловались.

Полагаю, что книга потянет где-то на пол-кило, но я уточню. Так что в 5-килограммовую войдут книг десять, если добавить к стоимости посылки твои прОценты то получится где-то 200 р. или 7 долл. за посылку или не больше 300 долларов за 400 книг. Варианты, которые мне предлагают здесь, однозначно дороже: за перевозку 1.5 долл. за кг. (то есть уже около 300 д.), но главные расходы, оказывается — на таможне! В нашем «конце» это около 200 долл. да и ваша таможня не промах. Но ты, конечно, узнай, если не трудно, что за смета у этой фирмы, тогда и решим.

Дорогой Николай!
Как дела в «пекарне»?

Меня с 11.2. ро 19.2. не будет «на месте», лечу во Флоренцию.

2.2. От Л:

я бы даже сказала, что наши чувства меняются не столько с годами, сколько в одно и то же время, а точнее,

когда «дистанция» сокращается.

Оно как бы густеет, как будто хочет все успеть сразу, наше время. И я люблю тебя именно когда «другие вещи воспламеняют меня сильнее»…

Забыла, как называется этот монастырь в Испании, про который ты мне говорил? И напомни твой адрес, чтобы отослать «Квартет».

Santiago De Compostela, это на западе, «над» Португалией. А когда ты едешь?

Весь «Квартет» прочитала? Как тебе?

Наум, дорогой, сижу дома, пока ничего не знаю. Узнаю, дам знать.

Какая-то лажа, все раздражает

Дерьмо, да и только эта русская жизнь. Эх…

В этом месте я кидаю шапку о грязный заплеванный пол.

Флоренция — хорошо. Что тут скажешь. Очень рекомендую фрески Мазаччо в церкви Кармине. Там «Изгнание из рая». Я об этом целую статью написал. Гениальная фреска.

Возвращайтесь.

Все окей.

На днях черкну.

Ваш НК

Матвей — Науму

Не удержусь и задам тебе выволочку за порчу языка. Доконал ты меня «словом» нахуй (sic!). Ты же, блин, русский писатель. Существительные с предлогами пишутся отдельно! Вот тебе за это экспромт в стиле «Радионяни» (ее ведь не зря вели два еврея, сочинял третий, а музыку писал четвертый: кому еще было постоять за чистоту русского языка?)

Эпиграмма
Романа русского надежда
Живет в израильской глуши.
Ему совет от всей души:
Прелюбодействуй, пей, греши
Но хуй с предлогами, невежда,
Раздельно всё-таки пиши!

Матвей
еврейский негоциант эпохи Возрождения, балующийся поэзией

3.2.2000. Матвею:
Эпиграммкой ты меня порадовал, ей богу. Таких бы бить по рукам, да приговаривать: писать, писать. Только ведь «хуй» скорее «место имения», чем существительное…

У Гольдштейна перемены: подруга разошлась с мужем и последний с квартиры съехал. Так что Гольдштейн скоро переезжает к подруге. Поздравил его. Хорошо, когда желаемое сбывается. «С вас бутылевич!» — гусарю. «Да-да, конечно…» С Барашем у него охлаждение. Сказал, что зря он, Бараш, второй сборник выпустил, очень уж тонкий, «свидетельство маломощности».

Вечером Миша Файнерман позвонил. Заикается чуть сильнее обычного. Якобы над книгой работает. Обещал написать.

Играл с кабаном. На травке за забором молодежь резвилась. Кабан все время посматривал в ту сторону: «Тир*е*, к*а*ма ц*и*цим… /Смотри, сколько сисек/ Я принял стратегическое решение: раз в месяц ходить к блядям, да, но не к таким за 70 шеклей, а за двести. Да, есть девочки в порядке, у меня друг один…»

От Ф:

Записалась на курс английского на работе, в среду с 3-ч, время надо отвоевывать, правда?

В четверг у нас еженедельная ешива[1] *с 2-ч до 4-ч, так что и этот день для наших встреч вычеркнут. Остается вторник.*

Но самое главное, что сегодня сделала ультрасаунд, и он в порядке! Так что у меня три месяца тишины до следующей проверки.

Твоя книга вышла?

Муж через неделю уезжает почти до конца месяца.

Целую

Я рад, что все благополучно. А чего вдруг английский?

Давай наметим на вторник. Я соскучился.

Матвей — Науму

Я рад, что ты не обиделся на эпиграмму; были сомнения: язык мой враг мой.

Конечно, язык портится (в том числе и писателями), но где-то надо стать грудью и сказать: «Ни шагу назад!» Упомянутое слово — это именно то место. Иначе народ потеряет самоидентификацию. Впрочем, туда ему и дорога, и это давно случилось бы, если бы не пара евреев-ригористов…

От Ф:

Можно встретиться в воскресенье утром, часов в 9. Целую

5.2. О похудении: «Милочка, в вашем возрасте приходится выбирать между лицом и фигурой».

[1] собрание

В «Окнах» — ответы некоторых литературных авторитетов (по выбору Гольдштейна) на заданную тему: лучшие писатели и книги столетия. В результате — джентльменский набор: Мандельштам, Ходасевич, Набоков, «Петербург» Белого, «Сестра моя жизнь» Пастернака. Бараш соригинальничал (Гольдштейн и его причислил к авторитетам, чтоб не обижался), назвал «наиболее дорогой» ему книгой в русской литературе «Тридцатую любовь Марины» Сорокина. А еще «авторитеты» дружно любят Добычина. Гандлевский употребил слово «гемютный». Шо це таке? Запросил русскую Паутину, а она мне ответила: «Тут-то не гемютный жупелок, жвалы обломаются».

6.2. Свидания с Ф сокращаются, всего час заняло. Сгораю от возбуждения. Просто сгораю, куда там три раза, и второй-то представить себе не могу…

… — Вряд ли я еще встречу такого дорогого мне человека, как ты… Это чудо, что ты мне встретился… Мне кажется, что если бы я была мужчиной, я была бы на тебя похожа…

— В каком смысле?

— Ну.., ты как бы моя мужская половина, ты воплощаешь все те качества… силу, ум, мужественность…

Дорогой Наум!

Я как человек суеверный и много раз битый, пока не держу в руках твоей книги, тебя не поздравляю. Очень рад, что книга на выходе. Очень ее жду, и составил уже для себя список изданий и критиков, которым я намерен сразу же по выходу эту книгу презентовать.

К сожалению, планов «подскочить» к тебе у меня сейчас нет. Если повезет, то съезжу в Данию на неделю — пригласили прочитать лекции о современной русской литературе перед их славистами.

Летом, если будет везение, попробую еще раз отрабо-

тать какой-нибудь заграничный отдых, но контора, с которой есть предварительная договоренность, сможет расплатиться только Турцией.

Кстати, вчера смотрел по ТВ беседу с Анатолией Кузнецовым, который сидел на каменных ступеньках какого-то южного дома на старой городской улочке на горе, очень хорошо светило солнце, и время от времени камера поворачивалась и показывала, чего с этой улочки видно — Иерусалим. То, что говорил Кузнецов (про военно-историческую гипотезу Суворова), было интересно, но по-настоящему завораживали виды, отнюдь не глянцево-рекламные, а как бы повседневные самого города.

А живу я, увы, как и раньше, надеялся, что с уходом из отдела критики в Интернет (редактирование сетевого «Нового мира») жизнь моя облегчится. Хрена тебе, Сережа! Замот остается прежний.

А может это и хорошо, не знаю.

Сергей

7.2. От Ф: *Дорогой, у меня дома пока нет интернета, буду стараться писать с работы. Хорошо мне с тобой, до сих пор чувствую тебя рядом*

Целую

8.2. Обычная болтовня Р после того как:

… — Ни в коем случае не худей, этот животик я обожаю.., много там не ходи по Флоренции, и хорошо кушай, пицы, спагетти… А можно я твои трусы одену?

Одела на голову. Вроде чепчика. Смеется

… — А со мной знаешь что было…, нет, ты будешь смеяться…, нет, мне стыдно…, только не вздумай это описать в своих этих, ха-ха-ха, обещаешь? Я в тот раз пришла домой, зашла в ванну, стала себя обнюхивать, и не чувствую твоего запаха! Тогда я прокладку сняла и стала ее нюхать. … У тебя черепушка, как лампочка! Самая красивая черепушка на свете! … Ты мне (загибает

мои пальцы правой руки, левой веду машину) дорог, люб, близок, я тебя обожаю… что еще? Ну что еще, скажи?

Подарила мне маленькую костяную рыбку, которую в Тайланде купила.

Вышли к морю. Холодный ветер. «Ой, из меня потекло! Нет, не отдам!» Встала, скрестив ноги. Смеется.

Глаза у нее светлые-светлые. И вообще она мне иногда кажется девчонкой… А вчера, поцеловал, и вдруг пахнул в лицо ветер юности, то ли вспомнил что чувствовал тогда (с кем?), то ли что мечтал почувствовать?…

Принес почитать книжку стихов Вадика

— Нет, больше не читай, это просто убожество.

От Л:

знаешь, со мной такого никогда раньше не было, во всяком случае не помню, чтобы было… вдруг ничего не хочется, никаких желаний…

а было так: приснилось мне, будто мы на корабле, молодые, как в Друскениках, на верхней палубе, внизу океан свинцовый, сверху небо в тучах и когда ты входишь в меня, мы взлетаем и торчим там, между небом и землей и слышим божественной красоты музыку… а потом я брожу по каким-то каютам и ищу тебя долго и глухонемею… потом ты меня находишь в какой-то темной каюте (только редкие лучики света пробиваются через жалюзи) и говоришь-говоришь, а я не слушаю и сказать ничего не могу… и никакой музыки… и просыпаюсь вот в таком состоянии полной апатии и никак не выхожу из этого… вот написала и чуть отлегло, но…

Эй, подруга, ты это брось. К черту апатию. А вообще кончать надо эти игрища в дневники. Я же пошутил, понимаешь? Может, просто позлить тебя хотел, перестарался, кажись…

9.2. Креститель у Матфея — ярый, сокрушительной воли проповедник

«Змеиное отродье! Кто внушил вам мысль, что избегните возмездия? Только не вздумайте говорить в душе: „Наш отец — Авраам“! Уже лежит наготове топор у кормля дерев: дерево, не приносящее добрых плодов, срубают и бросают в огонь. Я омываю вас водой в знак покаяния, но Тот, кто идет за мной, омоет вас Духом Божьим и огнем. Он провеет зерно на току: пшеницу соберет в закрома, а мякину сожжет в огне неугасимом».

И не про любовь тут сказ, а про огонь для неверных.

Вдруг ясно вспомнил скрипачку, ее смущенную улыбку, ласковый взгляд, и опять защемило. А я даже не попытался достать ее телефон…

10.2. От Л:

а помнишь, как ты порезался, когда лысину брил и приехал с кровавой лысиной? я когда в записках дошла до эпизода в «Бернард Шоу», где ты «счастлив», а она тебе говорит какая у тебя самая красивая лысина в мире, меня такой смех разобрал, что я даже прослезилась…

Ф молчит, не пишет…

Матвей — Науму

По правде говоря, силы мои на исходе (а вера в то, что возможно хоть какое-то понимание, почти полностью иссякла, и я проговорю некоторые мысли просто по инерции, из уважения к количеству исписанных ранее страниц).

Классический Ритуал, инвариантную формулу которого вывел В. Н. Топоров, нацелен на восстановление пошатнувшегося порядка, он «подражает» теогоническому процессу. Его участнику кажется, что, воспроизводя «первоначальные» действия Демиурга, он «помогает» восстановить порядок мироздания, как-то: помогает солнцу — взойти, весне — наступить в положенное время и т. п. Исходя из нашего сегодняшнего «здравого смысла», он занимается ерундой: мы-то

знаем, что солнце взойдет независимо от телодвижений раскрашенных дикарей. Однако у ритуала есть другая сторона, скрытая от сознания его участника. В процессе исполнения ритуала переживаются определенные психологические фазы: отождествление себя с «вредителем», борьба с ним, смерть и воскресение. Иными словами, участник ритуала испытывает катартическое переживание. Но сам-то он об этом не подозревает! Его сознание обращено на «внешние» объекты, а не на структуру внутреннего переживания. Обнаруживается фундаментальное различие между тем, что на самом деле имеет значение для выживания (спасение посредством психологического механизма снятия индивидуации), и тем, как понимается (осознается) смысл происходящего его участником («духовно-материальное» воздействие на внешние по отношению к индивиду силы). Ритуал двойственен (двуедин), причем принципиально: это так и должно быть, что его участник не осознает, что «на самом деле» имеет решающее значение. Никто не скажет: пойду-ка я на сеанс сотериологии, сниму накопившуюся индивидуацию. (Этого не мог сказать дикарь, но также не скажет этого и сегодняшний рафинированный посетитель театра: внутренняя, психологическая сторона архетипа является действенной, пока она остается неосознанной). На исходе фазы сотериологического синкретизма двуединый ритуал естественным образом распадается на две составляющих. Та его сторона, которая «отвечает» за «внутреннее переживание», превращается в культурный (т.е. игровой, «рампированный») феномен, который отметает объекты внешней направленности — и, соответственно, ВЕРУ в них. Участник культурного действа вообще не объясняет себе, чем он занимается, он просто испытывает удовлетворение (когда же пытливый ум все же подыскивает «объяснения» типа «воспитательного», «познавательного», «гедонистического», они только затемняют суть происходящего, вплоть до разрушения самого эстетического феномена). Если бы даже и было найдено «правильное» объяснение (твой покор-

ный слуга считает, например, что «ухватил-таки Бога за яйца»), оно ничего бы не добавило к эстетическому переживанию, а вот убавить могло бы… Как видишь, у этого (культурного) продукта распада былого ритуального единства нет ничего общего с ВЕРОЙ! Можно «верить» или не «верить» в ту или иную интерпретацию (теорию) данного феномена, но ведь совершенно ясно, что слово «вера» употребляется здесь метафорически; здесь как раз нет места вере, здесь идет соревнование рациональных аргументов, гипотез, идей, то есть идет нормальный познавательный (чтобы не сказать «научный») процесс, противоположный тому, что в точном смысле слова называют ВЕРОЙ. Такая ВЕРА полностью отошла ко второму продукту распада ритуального синкретического единства — к религии. Религия контрсубъективна: она должна убедить своего адепта, что в ее таинствах важно не внутреннее переживание, а буквальное участие в нем потусторонних (трансцендентных) внешних сил. Религия требует ВЕРЫ в них, и в этом отношении ты совершенно прав, говоря, что «верить приходится в то, чего нет». И адепт веры прекрасно осознает, что он не ваньку валяет, не «оттягивается», а именно спасается (чего не должен сознавать участник культурного действа). Итак, противоположность между религией и культурой, между ВЕРОЙ и «эстетическим удовлетворением» (это слово больше подходит, чем «удовольствие») так велика, как только может быть велика противоположность между взаимоисключающими крайностями, и ты по обыкновению превращаешь все во вселенскую смазь и разрушаешь весь смысл того, что мы, как мне казалось (наивный человек!), достигли, когда называешь культурные архетипы предметом ВЕРЫ. Я не говорю уже об «эзотеричности» фразы «вера — это психологический механизм выживания, а не сотериологический». Как будто сотериология может действовать как-то иначе, нежели через тот или иной психологический механизм. Весь вопрос в том, что это за механизм; как я пытался показать, в случае культуры и в случае религии действуют

совершенно разные, можно сказать, противоположные, сотериологические (и, соответственно, психологические) механизмы.

Если согласиться, что ритуал по природе «двуедин», т.е. обладает разнонаправленными потенциями, то я не понимаю, что мешает выдвинуть такое предположение: «жреческий» потенциал используется преимущественно для обеспечения «мирного течения жизни», а «магический» — в экстремальных ситуациях. Жрец следит, чтобы утром солнце встало и за зимой пришла весна, а Маг ловит человека на пределе его сил, «в минуту жизни трудную». Если не убеждают «примеры из жизни», так вот тебе образчик объективного этнографического наблюдения. Цитирую Малиновского: «представим себе те обстоятельства, в которых мы встречаем магию. Человек, занимающийся разного рода практической деятельностью, попадает в тупиковую ситуацию… Знания отказали, прошлый опыт и технические навыки не помогают — человек чувствует себя беспомощным… Его организм воспроизводит действия, которые предполагает осуществленная надежда… Они (действия) порождают то, что можно назвать распространением эмоции во вне через выражение ее в слове и действии, которыми человек как бы инсценирует желаемое событие. Однако во всем этом взрыве психической активности главенствующее место занимает образ цели и т.п.» (с. 79—80) Думаю, что поведение дикаря, попавшего «в тупиковую ситуацию», не слишком сильно отличается от соответствующего поведения цивилизованного человека «типа я». Я не знаю ни одной эпохи в истории, которая обходилась бы без магии, и, естественно, признаю это. Всегда «магически предрасположенные» люди находили повод ждать конца света и практиковали магию — и всегда, тем не менее, находились жреческие силы, поддерживавшие стабильность; не бывает «только мирного» и «только эсхатологического» времени, любое время амбивалентно, хотя и склоняется, в большей или меньшей степени, «в сторону Жреца» или «в сторону Мага».

Одним снится покой, а другим конец света и Конь Блед и Сидящий на нем, и имя ему Смерть. Жизнь, тем не менее, продолжается, но поскольку человечество не вечно, у Мага есть неисчерпаемый (до действительного конца света) ресурс воспроизводства, тут ты прав.

На этом кончаю, дабы успеть пожелать, чтобы задумка оттянуться в Италии по полной культурной программе осуществилась на все сто.

Всегда твой

Матвей

Надеюсь, по возвращении поделишься впечатлениями.

11.2. Милан встретил морозцем. Во Флоренцию отправились поездом, вагон качало, дремал (в самолете спать не могу), за окном, как в фильмах Ангелопулоса, жемчужная пасмурность полей с силуэтами кипарисов, зачуханные предместья с карими пятнами домов — люблю эти застенчивые краски средиземноморской зимы. Внезапно, как в ад, проваливались в долгие, грохочущие туннели.

Старый дом на улице Кавура, гостиница на втором этаже, лифт маленький, дребезжит, портье — негр. «Мистер Касим (хозяин) будет завтра утром». Комната большая, с балкона вид на внутренний двор, за крышами — купол Собора и Компанила Джотто (жена принялась радостно ахать), но в углу двора что-то ремонтируют, отбойный молоток стучит, пыль, и ванной нет, душ неогороженный…

Когда вышли погулять, уже смеркалось. До соборной площади два шага, Дуомо в сумраке кажется малахитовым — сказочный корабль, зашедший в тесную старую гавань, дух захватывает при виде этой ажурной мраморной громады, и вдруг тревоги уходят, душа как бы разглаживается, вздымается грудь в глубочайшем вздохе, и на лице — улыбка, будто любимая поцеловала.

На обратном пути обратил внимание на дворец напротив гостиницы, массивный, строгий, с нависшей крышей — палаццо Медичи-Риккарди. Зашли, никого, тусклые

лампочки, потоптались, нашли захудалую кассу, открыто, пожалуйста, только платите денежки за наши сокровища. Большой внутренний двор, на Востоке тоже так строят, всегда есть внутренний двор, так что каждый палаццо — он же и крепость, поднялись по лестнице и вдруг — маленькая комната, дворцовая молельня, то биш капелла, и вся расписана «Поклонением волхвов» Гоццоли.

Фреска — это, доложу я вам, не картина. У нее нет рамок. Нет вот этой самой рампы. Ты как бы перешагиваешь границу, как в фильме Вуди Аллена «Пурпурная роза Каира», и — вступаешь в сказочное действо…

12.2. В семь утра — звон колоколов. Ласковый, далекий. Завтрак: булочки с маслом и вареньем, и кофе. Мистер Касим чуть ли не бросился обниматься — семита встретил. Сам из Сомали, Абу-Бакр его фамилиё, кончал какой-то университет в Италии, лет под пятьдесят. Понравилось ему, что я знаю, что значит для мусульманина Абу-Бакр[1]. Чирикал с женой о жизни, о себе: сколько детей, сколько внуков, кто куда улетел из гнезда. Посоветовал, где стоит местной кухни отведать.

На улице морозно и пасмурно, мокрые мостовые, город еще пуст. Суббота. Пошли к реке. По дороге наткнулись на грубоватую флорентийскую готику Орсанмикеле, зашли в пустой, холодный собор. Рассеянный свет витражей и томная белизна затейливого киота и мраморной св. Анны, полустертые, погибшие фрески. Напротив церкви музей. Поднялись наверх, в огромном зале трехметровые фигуры апостолов Донателло, которых из церкви повыковыривали, там они, якобы, портились. Все апостолы из потускневшего белого мрамора: работящий, с широченными ладонями Матфей, хмурый Петр, а Креститель — медный, черный, мерцающий. Такой руку поднимет, огнем из глаз полыхнет — поползешь за ним, целуя рубища

[1] первый из четырех праведных халифов

и избитые пальцы на ногах. А они длинные, тонкие, аристократические! Даже у Иисуса пальцы на ногах не такие породистые, чересчур, пожалуй, крепкие, чересчур правильных пропорций…

Взгляд фиксирует все впопыхах, спеша разглядеть, жадно шарит, заглатывая ненасытно, взахлеб: в мешок памяти накидать, а потом, дома, спокойненько осознать, и щелкаешь, щелкаешь фотиком. А вечером записываешь телеграфным стилем…

На площади Сеньории уже много туристов, в основном япошки. После коллекции дворца Медичи зашли еще в Уфицци — очередь была маленькой –, таскались по душным залам, в результате зарябило в глазах от всей этой роскоши: ее тут до жути, до тошноты…

Вечером — Баптистерий, золотые, как в венецианском Сен-Марко, мозаики на необъятном куполе, все — чудо, гимн. Сам Дуомо — шкатулка из слоновой кости воздушной резьбы, в сумраке вечера — зеленый мох и водоросли на дне прозрачного потока… Флоренция гуляет. Народ франтоватый.

13.2. Сен-Марко. Келья Саванаролы. Его портрет Бартоломео. Омерзительно кривой нос, да еще замкнут снизу выдвинутым подбородком. Не профиль, а гильотина. Окно кельи, и без того узкое, заколочено…

Вечером, в безлюдном монастыре св. Магдалины Патти (падшей) — фреска Перуджино «Распятие». Старушка у входа, длинные коридоры, в нишах мертвецы, лестницы, полутемень, Риммка испугалась, схватилась за рукав. И вдруг поднялись в большую комнату, где стена, как окно в голубые дали. Вот уж в самом деле улетно…

14.2. Добрались и до Санта Кармины, до «Изгнания из Рая» Мазаччо, как Николай велел. У Адама и Евы глаза — провалы. Жуткое видение. Каноны побоку, свобода жути. Но и тут скольжу взглядом: отметил «особенность» и — дальше. И вдруг понимаешь, что и жизнь — вот такая же туристская беготня. И мало что зажигает. Вот Муратов

в «Образах Италии» (пафосность его раздражает) цитирует Данте: «…записываю я только, что говорит во мне». А что во мне говорит? Когда-то я хотел написать «историю», не то чтоб «историю моей жизни», а историю в кристалльке моего глаза. Но если сердце ни на что не откликается, если я не живу, а скольжу по жизни, как мой взгляд по этим шедеврам, то кому это может быть интересно?

На обед — сырое мясо в кафе «Тоскана». Потом еще пошли на выставку Миро во дворце Строцци. Миро мне даже больше понравился, чем эти шедевры кватроченто. Вечером не забыли о магазинах. Купил черное кашемировое пальто. Жена только головой качала: «Зачем тебе? Где ты это будешь носить в Израиле? Любишь ты выпендриваться». Да я и сам уже чувствую, что не нужно было, и дороговато… В Москву одену.

На выставке Миро жена спросила: «Почему люди ходят, платят бешеные деньги, чтобы смотреть на такое? Что они ищут? О чем все это? Я не могу понять, мне это ни о чем не говорит». И вечером, когда сидели на пл. Республики, за столиком праздничного кафе (чай с пироженым), продолжала допытываться: в чем смысл искусства. Я объяснял, как мог. За соседним столиком сидели двое мужчин. Один из них обернулся и посмотрел на нас. Седой, в светло-сером пальто, огненно-черные глаза. Почему он обернулся, что привлекло его внимание? Я, конечно, произнес много имен… А, может, он понимает по-русски?

Жену раздражает, что каждый хочет ее «лидфок»[1]. Вот, мол, говоришь с человеком, объясняешь ему что-то, и вдруг чувствуешь, что он тебя не слышит, наплевать ему, что ты там говоришь, на твою личность, ему надо только одно. Радоваться должна, говорю. «Ну, вообще-то я рада, но противно, когда к тебе относятся только как к куску мяса». Уверил ее, что желание «лидфок» относится

[1] Трахнуть (ивр., сленг)

и к личности тоже.

15.2. Музей Борджио, Санта Кроче, второй заход в Уфицци, «Герцогиня Де Эстрэ с сестрой», держит сестру за сосок двумя пальчиками, «школа Фонтенбло»…

16.2. Капелла Медичи, Академия, монастырь Апполонии. Ну что вам сказать за Микеланджело? «Дышащий мрамор»?

К сумеркам уже были в Милане. Номер — для потрахаться. Зато в самом центре. Одел я новое пальто и — на Виа Данте. У «Ла Скалы» Риммка захныкала: «Вот бы в Ла Скалу попасть!» Билетов нет, даже дешевых, на галерке. Около дверей толпа, кто-то имена выкрикивает, оказывается, с утра люди записываются и два раза в день отмечаются, как когда-то в Москве за польскими джинсами. Вдруг слышу русскую речь: «Андрюша, давай билеты» — барышники! «Ребята, — говорю, — может у вас лишний билетик найдется?» Мужик, который Андрюшу звал, лет под сорок, облезлый, оглядел меня: «Пожалуйста. Десятый ряд партера. Вам два? 400 000 (50 долларов). Каждый». «Я так хорошо выгляжу?» — говорю. «Неплохо». Я покачал головой и облезлый отстал. Давали «Ромео и Джульету». «Хоть бы во внутрь зайти, посмотреть, как там!», — мечтала вслух Риммка. Бросилась к Андрюше: «Объясните мне пожалуйста… может, есть только входные, мне бы только посмотреть!» Андрюше лет двадцать с хвостиком, вид помятый, изможденный. «А вы каким бюджетом располагаете?» «50 тысяч». «Мигом организуем». Через минуту Риммка держала в руках два билета, а я расплачивался. «Я не могу поверить! Я не могу поверить!», — причитала вне себя от счастья. Так весь спектакль и сияла. И от балета, конечно же, без ума: декорации — «ожившая Венеция», «танцуют чудесно», Ромео — «вылитый „Давид“ Микеланжело», и «неужели я в Ла Скала?!» и «все, теперь больше ничего не хочу — домой!» Пятый ярус галерки, но первый ряд, все видно, только далеко, нужен морской бинокль, билеты на эти места 10000 стоят, так что свои 250% Андрю-

ша все-таки срубил, и на здоровье, никто не в обиде. Танцевали спортивно, и вообще — хороший областной театр. В номере — визги оргазма, впервые за путешествие. Искусство — страшная сила.

17.2. Спали плохо — окно номера выходит на оживленный перекресток, внизу бар, до утра пьяные крики. Утром солнце. Музей «Брера». Интеллигенция — косяками. В музей современного искусства Риммка идти отказалась. Все, сыта музеями. А как же музей Поццоли? А «Библиотека Амброзиана»? Зря что ли приехали? Ну хорошо, хорошо, но в собор-то миланский надо зайти? Собор все-таки отработали. Медленно, ноги уже протестуют, прогулялись до Санта Мария де Грезие, там тоже «сумасшедший дом», как вчерашний Андрюша выразился (жена его, благодетеля, забыть не может), очередь по записи. Риммка отступилась от Леонардо, села на площади под деревом, устала, а я вспомнил, как в отрочестве в кино «на протырку» ходили, в родной «Форум» на Сухаревке, в общем, протырился, купил два билета, пошел смотреть «Тайную вечерю», около нее толпа, фреска полуутрачена, краски блеклые, а на противоположной стене гигантской трапезной «Распятие» Донато, даже большее впечатление произвел — и никого… Вышел, отдал второй билет Риммке, и она сбегала. А от небольшой площади перед церковью уходила вверх, в небо, улица, обычная вроде улица, ну красивая, старые дома, деревья еще голые, хотя кое-где уже опушились почками, нет, не в этом дело, свет?, да, странный свет ранних сумерек, голова чуть кружится, остановился я перед ней, как у калитки в страну чудес. И улица позвала меня, улыбнулась мне. И я вдруг испугался. Если бы я вошел в нее, в эту счастливую, блаженную, весеннюю галерею, уже не смог бы вернуться…

18.2. Гуляли по замку Сфорца. Похож на Кремль. Полутемные пустые залы забиты скульптурой, как мусором, прошли какой-то дворик, внизу шумел фонтан, мраморная чаша бассейна заросла мхом… Уже у выхода я заглянул

за ширму (а чего это они там отгородили?) и увидел странную, недоделанную пьету из белого мрамора: Христос не держался на руках матери, выскальзывал, опадал. И какая-то странная рука сбоку, чья… А рядом бюст злого татарина: худое, плоское лицо, раскосые глаза. Только не простой это был татарин, ох, не простой, лицо его, необузданное даже неподвижностью камня, било какой-то безумной, исступленной энергией, какой-то воинствующей одухотворенностью. Подошел прочитать мелкую надпись — автопортрет Микеланджело. А странная Пьетта — его последняя, предсмертная работа…

19.2.2000

Дорогой Наум!

Свершилось. 15 февраля «Ханаанские хроники» хлынули в свет.

Выглядят — просто загляденье. Весит примерно 400 гр. (15х18 см). Переплет под новомодной неблестящей матовой пленкой, привезенной из Японии! В типографии это делали впервые, поэтому боялись, но получ. очень хорошо.

Тираж будет готов на днях, пошлю завтра по почте экз. для вас.

Поздравляю всю обетованную, наконец-то они узнают о себе что-то новенькое.

У нас интересные вещи происходят. Меня вот обозвали на улице 1 — черножопым, 2 — жидочком, 3 — потребовали, чтобы я в Израиль убирался (это уже в публичной библ.). Но никто мне в обетованной не поверит, что я подвергался три дня гонениям. Жить становится воистину интересно, тем более, это мне сообщили милые на первый взгляд полубезумные старухи.

Ваш НК

Дорогой Николай!

Только что прилетел из Италии (5 дней во Флоренции, 3 — в Милане, «Изгнание из Рая» видел, кстати, если есть

оцифрованный текст вашего эссе об этой фреске, то перекиньте!), обожрался, пардон, искуйством до изнеможения, чуток утресется, напишу поподробнее. Ну и, как вы догадываетесь, бросился к компьютеру: есть письмо! Ну что, обрадовали вы меня, да. Спасибо. И за то, что книжку послали.

И вообще спасибо. Трудно мне представить ощущения издателя, но кажется, что автор и издатель в своем отношении к вышедшей книге находятся в таком родительском симбиозе… Так что и я вас поздравляю. Надеюсь, что в грязь лицом не ударим.

Мою часть тиража отправляйте в Москву. Там уже все организовано. Только укажите откуда забирать. Я вам предлагал оставить у себя, для любых личных нужд, полсотни экземпляров (из мой части). Если есть в этом необходимость, то предложение остается в силе. Ну, а если нет, гоните все в Москву. Деньги вас дожидаются (обворожительная игра слов, особенно для новоявленного жида, кстати, я не понял, на какой почве старушки на вас взъелись, на почве вашей литературной или издательской деятельности, или все на той же, «на датской»?).

На этом пока закруглюсь. Еще раз поздравляю вас и благодарю. Сердечный привет и поздравления Марианне, а также вашему «подельнику», то биш компаньону.

Всегда ваш

Наум

От Ф: *Как-то мне тяжело без тебя, без твоих писем. Я словно наркоманка осознаю свою зависимость. Стремление к независимости — от силы или от слабости?*
Приедешь — напиши!

Целую

Только что прилетел. От впечатлений еще не очухался… Книга вышла!

Завтра будет суматошный день, накопилось всякого. Может, во вторник увидимся. Как прошла твоя лекция?

Целую

20.2.2000. От Ф: *Как я рада, что ты прилетел, и полон впечатлений, надеюсь, во вторник встретимся, расскажешь. Поздравляю с выходом книги!!!*

Завтра еду в Белинсон[1] *на проверку. А лекция будет в пятницу, впрочем, сегодня я ездила в Ашкелон «обкатать».*

Целую и очень скучаю

Р один раз сказала «родной» и два раза «любимый». «В постели я тебя точно люблю». Встречу и книгу отметили черной икрой с пивом. Как обычно вернулись на стоянку у вокзала (расставание ей всегда дается с трудом), и я пошел к своей машине. Нет зажигания, мертвый аккумулятор. Забыл, мудильяни, выключить фары. С утра был рассеянный, забывал разное, нервничал… Кляну себя последними словами. Пошел к сторожу, посоветоваться, он говорит: да любого таксиста у вокзала поймай, он тебе за двадцатку зарядит. Вышел я со стоянки и смотрю: машина ее у обочины. И она смотрит на меня. Вот уж я обрадовался!

— А ты чего тут делаешь?!

— Тебя жду.

— А как ты догадалась, что у меня аккумулятор сядет?!

— Я просто ждала, хотела еще раз на тебя посмотреть.

— Вот здорого! Неожиданно. Ну, поедем, заведем машину.

— А у тебя есть эти, как их…

— Кабели? Есть. Мы это мигом.

Конечно, быстро завели машину, и такие оба были радостные, так это было здорово, когда тебе человек нужен, и он тут как тут, ну не чудо ли?

— А может, — говорю, — вообще домой не поедем? Пойдем куда-нибудь…

[1] больница

— Нет, надо ехать.

Договорились, что в четверг утром позвонит, может, встретимся.

22.2

Наум дорогой, привет!

Все хорошо и книги в течение недели будут в Москве, в издательстве БСГ ПРЕСС, это в центре, почти на самой Сухаревской площади. На счет денег надо сделать так — как-то созвониться с мошнодержателем, что бы лишний раз в «не культурную» столицу не мотаться. Но это попозже. Вы не переживайте, всем книжка нравится внешне, а что уж там понаписано, то не обессудьте…

Да, Италия — великий труд, и я вам не завидую. Жена, искусства… Но все равно — здорово. А самое главное — погода. Мы тут уже сгнили. Думаю, жидком я стал по внешности, что-то такое из меня проступает. Моя бабушка с маминой стороны происходит из местечка Сены Сувалкской губернии царства Польского, правда, католичка, но чем черт не шутит… Так что, может, старухи меня и правильно припечатали, я не обижаюсь, а даже как-то воспрял духом, а что — не хуетень я какая, а из колена Давидова.

Чем еще похвалиться? Читал стихи в Музее сновиденей доктора З. Фрейда. Вчера. Было много народа, и все — молодые. В Нов. Мир. в третьем номере выйдет моя новелла. Печатаем книжки, пашем до полного истирания.

Посылаю Вам эссей о Мазаччо. Не перечитывал. Его опубликовал журнал Нов. Мир Искусства, кот выходит в СПб, ничего себе журналец.

Но теперь, так как мы друг от друга вот-вот «освободимся», будем общаться как свободные люди — все о лит-ре и жизни.

Ваш НК

Наум, привет!

Я проявил самодеятельность и послал тебе еще книгу

«Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме. От Тацита до Артемидора» М/Иерусалим: Гешарим /серия «Библиотека Флавиана»/, 2000. Это второй том из намеченных трех. «Пошёл на риск», исходя из следующих соображений: 1) первый том был тобой в свое время заказан и мною выслан; 2) книга, по идее, должна быть актуальна в связи с твоими занятиями: хороша ложка к обеду; 3) удачно подошла по весу; 4) бойко расходилась, хотя и недешевая. Если подобные инициативы не приветствуется, дай знать. Во всяком случае, если ты подтвердишь «право на умеренную самодеятельность», обещаю им не злоупотреблять.

Две книги: 1) Делёз. Марсель Пруст и знаки, 77 р; 2) Коломбина десятых годов, 26 р — куплены, но не прошли по весу.

Список №26

Андрей Белый. Душа самосознающая. /Книга состоит сплошь из неизданных философских трудов, публикуемых по архивам: «Основы моего мировоззрения», «Путь самосознания», «История становления самосознающей души» (более четырехсот страниц), «Философия культуры», «Пути культуры» и др./ М.: Канон (серия «История философии в памятниках»), 1999 — 560 с — 94

Николай Олейников. Стихотворения и поэмы. /Включены все известные стихотворные произведения самого остроумного из обэриутов/ СПб.: Академический проект (последняя новинка серии «Библиотека поэта»), 2000 — 272 с. 82

Когда ему выдали сахар и мыло
Он стал домогаться селёдок с крупой.
…Типичная пошлость царила
В его голове небольшой.

Федор Степун. Бывшее и несбывшееся. Изд. второе, дополненное. /Мемуары/ СПб.: Алетейя, 2000 — 651 с — 130

Гегель. Лекции по эстетике. В 2-х тт. /Переиздание

прежнего четырехтомника с новым предисловием/ СПб.: Наука, 1999 — 622 с +603 с — 270 р за оба тома.

Ангелус Силезиус. Херувимский странник. Остроумные речения и вирши. /Великий немецкий мистик XV11 века. Впервые по-русски/ СПб.: Наука, 1999 — 320 с — 83

Илья Ильф. Записки. Первое полное издание. /Почти вдвое превышает по объему предыдущие выпуски «Записных книжек»/ М.: Текст, 2000 — 607 с — 100

Эрих Ауэрбах. Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской лит-ре. В 2-х томах. /Переиздание прежнего однотомника/ Благовещенский гуманитарный Колледж им. Бодуэна де Куртене, 1999 — 312 с +552 с — 164

Бронислав Малиновский. Научная теория культуры. М.: О.Г.И., 1999 — 206 с.45

Евг. Шварц. Дневники и письма в четырех томах. 1) «Я буду писателем» — 576 с; 2) «Позвонки прошедших дней» — 608 с; 3) «Бессмысленная радость бытия» — 592 с; 4) «Предчувствие счастья» — 656 с. М.: Корона-принт, 1999 — 325 р за все четыре тома.

Кстати, мне интересно было бы получать информацию о получении тобой бандеролей (сколько времени они идут, зависит ли это от почтамта, приходят ли одновременно, если высланы сразу, в каком виде и т.п.). Так что, если нетрудно, посылай мне «подтверждения получения» (как говорят англичане, acknowledge the receipt).

Остаюсь всегда твой

Матвей

Матвей, привет!

«Право на умеренную самодеятельность» подтверждаю. Бандероли идут около двух недель, но обещаю впредь посылать «подтверждение получения».

«Ханаанские хроники», как утверждает Кононов, «в течении недели будут в Москве, в издательстве БСГ ПРЕСС, это в центре, почти на самой Сухаревской площади».

Что касается твоей антропологии и философии искус-

ства, то я, гуляючи по Италии и заглядывая на ночь в «Архаический ритуал» Топорова, надумал вот что.

Я готов согласиться с тем, что «точкой бифуркации», как ты любишь выражаться, «моментом» рождения современного человека, «человека спасающегося» (опять же по твоему определению), это момент его выделения из рода. Родовой человек — еще животное, а индивидуум (осознавший себя таковым) — уже человек. Отделение от рода есть и отделение от мира. Отныне пути человека и мира расходятся, и путь человека определяется все возрастающей индивидуацией. Человек начинает строить свой мир, то, что называют ноосферой, или миром культуры. А это — мир знаков. Образы действительности мелькают и в воображении дикаря, но у человека они как бы отделяются от него и пускаются в свободное плаванье (включая возможность попасть в голову другого человека). Одновременно возникает знаковая система, с помощью которой обозначаются всякого рода образы, а также и понятия — ведь вместе со знаковой системой возникает и новая сфера деятельности: рефлексивное мышление. Человек начинает «производить» понятия, то есть познавать, и создавать новые образы, непосредственно не связанные с действительностью (возникают «наука» и «искусство»).

Этот момент разрыва с миром действительно исторический, он же, кстати, и начало истории. И этот разрыв проходит «через человека», буквально по словам Гейне: трещина мира проходит через сердце поэта. И если «родовая жизнь», как и жизнь природы, циклична, то жизнь ноосферы — линейна, а то и экспоненциальна: это процесс постоянного и все убыстряющегося накопления информации и продуктов творчества. Тут подойдет образ дерева: корнями он (человек) уходит в природу, а ствол и крона — в небеса: полу-животное — полубог, не случайно в языческой мифологии так много странных животных, обитающих в двух стихиях: летающие змеи, лошади, те же кентавры.

И, наконец, ритуал. У Топорова он начало и основа всей

человеческой культуры (в широком смысле): «начало искусствам, науке, философии как институализированному умозрению», и даже начало языка («знаковых протосистем»). Топоров выделяет те же психологические эффекты, возникающие в ритуальном действе («взрыв положительных эмоций — радость, восторг, чувство особой полноты переживания мира, свободы и другие признаки праздника»), и «двоякий аспект, возникновение которого связано с индивидуацией». Но он видит эту двоякость не в двух стратегиях спасения (Жрец и Маг), а в двух планах бытия: «человек — мир». И соответственно религия у него — продолжение ритуала («только в ритуале достигается переживание целостности бытия и целостности знания о нем, понимаемое как благо и отсылающее к идее божественного как носителя этого блага»). И он не видит в ритуале механизма Спасения. Для него ритуал — подражание миротворению, некое повторение, инсценировка миростроительства. По его схеме происходит постоянная амортизация, стирание, ослабление жизненной энергии (можно назвать это энтропией), и ритуал необходим для «восстановления сил». Конечно, в этом есть и функция спасения мира, но она не единственная, да и акценты расставлены иначе: ритуал не лечит разрыв между человеком и миром, а восстанавливает убывающие силы жизни. Похоже, но не одно и то же. И в этом плане твоя идея ритуала как спасения от муки разрыва и возникающей «невыносимой легкости бытия», и схема двух стратегий (Жреца и Мага) — все это кажется мне более точной схемой. И что именно из такого рода двойственности ритуала возникает дальнейшее разделение на религию и культуру. Я представляю себе все это таким образом: ритуал есть начало и фундамент строительства ноосферы. А в ней очевидны две линии осмысления мира, представления о нем, условно говоря, материалистическая и идеалистическая. И дело не в правоте того или иного подхода, просто один как бы тяготеет к земле, к истории и реальности, а другой — к будущему, к тому, что строится, причем никто

не знает что именно строится. В этом плане борьба материализма с идеализмом не имеет никакого смысла, обе составляющие будут вечно присутствовать в представлениях человека о мире. Если соотнести это с твоими понятиями Жреца и Мага, то можно сказать, что Жрец — материалист, а Маг — идеалист. Только я бы не стал называть результат жреческой стратегии спасения «культурой», это слово уже оккупировано, может, назвать «искусством»? Тогда уместней будет употребление таких понятий, как «катарсис», «эстетическое переживание» и т. д. Только я бы не стал из твоей философии искусства, ориентированной на Спасение, выбрасывать, как ты это делаешь, «красоту», как нечто непонятное и не имеющее к спасению отношения. Может, это штука и непонятная… хотя, вот на ходу могу предложить определение: красиво то, что делает представляемое доходчивым. Красота — степень доходчивости. Она достигается особым, интуитивным пониманием того, как сделать тот или иной образ доходчивым.

Об Италии — опять откладываю, оно, конечно, и времени нет, но и сумбур какой-то в голове. «Типичная пошлось царила в его голове небольшой». Кстати Кононов «перекинул мне свою статью (эссе?) о фреске Мазачо «Изгнание из Рая», если хочешь, я тебе ее «перегоню» (три страницы), но она мне активно не понравилась, даже как-то не ожидал от него. Вообще у меня сложился, из нашей с ним переписки, образ человека весьма и весьма незаурядного, а тут — абракадабра какая-то.

Всегда твой
Наум

Дорогой Николай!

Объясните пожалуйста, каким образом мое доверенное лицо сможет забрать причитающуюся мне долю (знаете этот анекдот: еврей звонит в организацию «Память» и спрашивает: «Скажите, а что, жиды уже Россию продали?», «Продали, продали», — ему отвечают, «А когда я смогу

получить свою долю?»). То есть нужны ли какие-то формальные справки или доверенности?

Спасибо вам за статью. У меня от Италии какое-то отупение, так что, кроме всего прочего, интересно, как можно вообще за все это «взяться». Развожу руками и с радостью читаю у вас: «как описать то, что я увидел? Как высказать то, что я понял и почувствовал там?», значит не мне одному трудно. И всегда с радостью узнаешь места, описываемые другими…

Да, давно хотел вас спросить, какова была реакция Золотоносова на мои «Хроники», если он, конечно, прочитал?

Всегда ваш

Наум

От Л: *А ты книгу уже видел? Я купила тебе Кассия, томик где о Тиберии, когда получишь, сообщи, где-то через пару дней, по моим подсчетам, должны прийти. А мы во Флоренции были неделю в гостинице Джоконда, где хозяин говорил по-русски, был в плену, как в «Подсолнухах», а в Альпах цвели эдельвейсы, тоже где-то в феврале…. Беллини помню хорошо, он в «Фонде Вернса» даже есть…*

Во Флоренции, как на сцене?!

Огромное спасибо за Кассия. А Агнон для тебя еще не пришел. Книгу еще не видел.

Италию еще не осознал.

На кухне жена с тещей:

… — Все! И чтобы этого больше не было! Я работала всю жизнь, а он и… не нервируй меня!… я к тебе пришла… к тебе не за этим… а почему я за него должна платить, он мне чужой человек, он вам отец, а мне он чужой человек! Он… нахал! Он лезет мне на голову! Он квартирант! Я его ненавижу! И нечего не… потому…. я его в глаза не хочу видеть…. у него остается еще 500 шкалим я его не намерена содержать… значит семьдесят у него, а семьдесят он

мне еще остался должен… ты мне не предлагай, если бы я была здорова, я бы побежала на работу только чтобы его не видеть!… Я имею право на себя а он ни на что не имеет право!… в первый раз я заплатила… ты из меня не делай…. всю жизнь я… сто восемьдесят…. он мне никто, никто!… он задорма у меня живет нет ты не должна… он идет и покупает… ты посмотри что он покупает… вонючее, он уже разжирел… я не хочу, он мне отвратителен!… я с ним разведена… и тащить с этими тарелочками… он мне противен… он мне никто… я его не терпела… я ему ничем не обязана… я уже давно от него удираю… а он как он был всю жизнь на моем иждивении… мне надоело… я не уважаю… и он мне всю жизнь… вранье… когда его нет, мне легко… я ни у кого никогда не брала копейку… я одевала его… я не буду его содержать… так может вести себя только женщина неуважающая себя… вы заставили меня… вот все… я думаю о моей свободе… я болею… я ему ничем не обязана… я простить ему не могу… я не могу кастрюлю поднять из-за него, он не пропустил меня… нет не дело случая, он никогда меня не пропускал… я правду говорю… я люблю правду в глаза… мне страшно только его видеть… столько сколько я страдаю, я не знаю какая еще женщина страдала как черт знает что… он эгоист такой… я справедлива… а брат твой еще хуже… (плач) почему он вписал его за моей спиной в эту квартиру… почему… он же орет что он половина квартиры… я к чертовой матери… я не имею права для своей жизни… я тебе еще раз сказала… потому что он обманывает… ему не хватает потому что он шахматистов своих содержит… я никто ему, никто!!… ни помощи ни доброго слова… он глухонемой, он со стороны, его ничего не интересует, умирай не умирай… а то что он сделал мне с рукой?!… он вор, он вор, он нечестный человек… для меня он подонок… я никогда никого не обманула и никому не дала пощады… заплатить за телефоны… что он плачет, он всегда и везде плачет…

— Ладно, мама, давай посмотрим фотографии…

… — я не хочу с ним жить, для меня пытка… я за ним не гонялась… я не знаю… я больше так жить не могу… повесили на меня мертвый камень, мертвый груз на моей шее, 50 лет я была слишком доброй, я хотела его переделать (плачь), я ни в чем не нуждаюсь, я нуждаюсь только в сочувствии… если я сказала нет, значит нет! я знаю что я говорю! К чертовой матери заберите его от меня!… он мне признается: я тебя люблю, так любят? уходит черт знает куда… он уходит — я счастлива, как только он приходит… из головы его вон вышвырнуть… я его выгоню в форточку… половина его! как это его половина?! когда я купила (навзрыд) … ты помогла Игорю

— Мама, ну давай смотреть фотографии…

… — не надо меня сравнивать с такой дрянью как он… он от меня не заслужил вот так… минимума внимания… он нахал и тиран… нет, она всегда врала… ну, так я не хочу чтоб он открывал свой вонючий холодильник… вы же мне не дали я сама могла… вы же мне не дали, вы меня приковали к нему… я не хочу его знать, он мне совершенно чужой человек, который не стоит моего мизинца, ногтя моего не стоит…

— Вот видишь, это собор во Флоренции, а это…

От Л: *прочитала похуяровско-питерское эссе. Как ты выражаешься, рыгает цитатами*

Показалось немного «вымученным». «Но история искусств показала нам, что из мистицизма рождается только шизоидные Блаватские чертежи. А нам любезна простая правополушарная идиотия»???

Сейчас позвонил муж, заказал в Мадриде гостиницу, переделанную из Bordello 17 века. В команте ванна на ножках в центре и зеркала на потолке…

В день рождения буду в Барселоне… а ты небось забыл когда?

а как здоровье твоего малого треугольника?

От Ф: *К сожалению я вспомнила, что у нас в четверг до 4-х собрание. Так что остается вторник. Если ты можешь, я постараюсь перенести психолога на 12. Ты давно мне не присылал никаких отрывков…*

Целую

Наум, дорогой, привет!

Забрать книги очень просто. Это все будет в Москве, в издательстве «БСГ пресс», там есть телефон ….. (это Москва) и Александр Иосифович — директор и хозяин, человек милейший. Книжки там будут на следующей неделе или в конце этой. Адрес я точно не помню, так что лучше туда позвонить и все узнать, это прямо рядом с Сухаревской площадью.

Все упакованы в пачки, кажется, по 10 экз.

Но надо, чтобы в Москве кто-то был из нас — я или Александр. Это чтобы деньги, как понимаете, забрать, чтобы они там не валялись…

Да, посланные по почте вы должны скоро получить, так как почта — авиа.

Чтение мое было в этом странном заведении, где я плясал один одинешенек, в темном зальце на фоне светящегося экрана, как китайская тень на булавке. Был полумрак и я никого из слушателей не увидел, и мне их не удалось «нагрузить», поэтому жутко устал, так как обращался лишь сам к себе. Читал из новой книги «Файф», она еще не опубликована. Говорят, класс…

Но мы еще обменяемся литературой, когда подружимся по-настоящему. Когда между нами перестанут стоять эти проклятые деньги.

Золотоносов еще книги не видел, так как мы редко пересекаемся в реальном мире, он ее обязательно получит в конце недели, тем более, она будет номенирована на Букер как роман. Я ему ее подарю, как и еще кое-кому из хороших критиков (напр., Никите Елисееву).

Я собираюсь поехать в Париж 16 марта, меня пригласили

добренькие французы из ихнего МИДа на книжный салон. За французский счет. Может, я кому-то предложу Ваш роман. Хотите? Тем более, ИНАПРЕСС повязан с неплохими издательствами.

Пишите, ваш НК

Матвей — Науму

Эрих Ауэрбах был евреем, который смылся из Германии от Гитлера и был занесен куда-то аж в Александрию (если я ничего не путаю: к сожалению, я «утратил» первое издание книги, о чем не перестаю горевать). Поскольку Ауэрбах был отрезан от научной жизни и даже от библиотек, он просто взял несколько «великих» текстов — от Гомера до Джойса — и проанализировал их на материале отдельных фрагментов. Он проявил чудеса герменевтической изобретательности, «восходя» от скрупулезного стилистического анализа к крупным обобщениям — словом, не растерялся и сделал из нужды (отсутствия «аппарата») добродетель. Это, без дураков, классика литературоведения XX века. Перевел книгу А. В. Михайлов, безусловно лучший наш (ныне уже покойный) германист, глубоко философски образованный (ему принадлежат лучшие переводы из Хайдеггера и Гуссерля, на что способен, согласись, не каждый «литвед»). Так что это еще и классика перевода. Единственный недостаток нынешнего двухтомного издания тот, что, в отличие от прежнего добротного «кирпича» в ледерине, эти тома в мягкой обложке. Но первое издание стало библиографической редкостью, я себе бы купил, если смог; и непонятно, сколько оно могло бы стоить. Книги, действительно, становятся все дороже, но и доллар потихоньку растет, так что для «иностранца» это, по-моему, пока не смертельно.

Предлагаю еще роман Г. Джеймса «Послы» («The Ambassadors») относится к позднему периоду творчества, когда Джеймс был одержим идеей «точки зрения». Джеймс был американцем, но презирал родину за «вульгарность», жил в Европе (дружил в молодости с Тургеневым и Флобе-

ром), окончательно осел в Англии. Он придумал такую теорию (кстати, он был родным братом американского философа Вильяма Джеймса, придумавшего «прагматизм» и «поток сознания»), что автор не должен вести повествование «с точки зрения всеведущего Бога», а должен вести себя скромнее, т.е. каждый раз «переселяться» в того или иного персонажа, не выходя за пределы его «точки зрения». В «Послах» этот принцип выдержан с редкой чистотой. Идеи Джеймса и его поздняя проза оказали колоссальное влияние на теорию литературы (в особенности на американскую «новую критику», но не только) и на многих «элитных» писателей (его называют «писателем для писателей») — от Конрада до Джойса. Даже фокусы типа «Расемона» из далекой Японии в каком-то смысле навеяны если не самим Джеймсом, то «модой на Джеймса». Ранее в тех же «Лит. памятниках» был издан другой роман Джеймса — «Женский портрет». Если заинтересуешься, его можно достать. Если надумаешь с этими (или какими-нибудь еще) книжками, сообщи сразу: вдруг придется выезжать в центр, так уж заодно…

Всегда твой
Матвей

Позвонил Ф. До двух занята. Будет на Алленби.

— Давай встретимся в книжном?

— В том самом, где мы познакомились?

— Да, пойдем, погуляем куда-нибудь в «Йеменский виноградник…»

— Хорошо.

Одета как всегда строго: серый костюм, походка скованная. Красивая, но глаза какие-то птичьи. Смотрит как бы с любовью, но за двойной кружок-ободок зеленоватого, зернистого глаза, как через двойные стены замка, не перебраться. В Сезан Делаль зашли в новый ресторан, неплохо, и мясо было недурственно, надо с Р. сюда сходить. Выдули бутылку красного. Выдул я в основном, она

и стакан не допила. «Ой, я пьяная…» Рассказывал о Флоренции.

23.2. *Наум, привет!*

…Текст Кононова я прочел, спасибо. Должен сказать, мое впечатление совпало с твоим: эссе мне активно не понравилось. Может быть, я ханжа, но гея и христианина в одном флаконе мне перенести еще труднее, чем по отдельности: больно уж забористый получается букет. Что же касается интеллектуального потенциала Кононова как «теоретика искусства» (а он явно не лишен амбиций на сей счет), то, по моему крайнему разумению, он равен нулю. Единственное, что я извлек для себя из присланного текста, так это представление о принятом в их тусовке способе изъясняться — кокетливом, жеманном и интеллектуально безответственном («я разрыдался там в увядающем розарии», — это, брат, как-то уж совсем… того…). Я с ними, как выражается наш мэр Лужков, на одном гектаре не сяду теоретизировать. Хотя поэт он местами занятный.

Остаюсь всегда твой
Матвей

24.2.2000. Ночью накрапывал дождик и корт был мокрый, но потом распогодилось. Давно уже я не выигрывал у адвоката два сета. Ровно в 7.30 Р. позвонила.

Сегодня, — говорю, — не получится.

— Нуу, — захныкала.

От Л:

Я улетаю 27. 2. Оргию, говоришь?… Потом отпишу, пока не знаю, но придется, а как же еще отмечать 50-летие?! Тем более, что ты до сих пор не помнишь когда… И перевел наши функциональные отношения в статус дружбы. Но чувствую, уже хочешь обратно. Хочешь ведь? Почитай из «Квартета» в Бальтасаре стр. 109…

Никаких дружб, родная, никаких дружб. И никаких «обратно». Все то же, всегда было все то же, просто спады и подъемы, подъемы и спады, нам не привыкать.

До «Квартета» руки все не доходят.

От Ф:

Я сообразила, что можно встретиться в четверг утром, в 8 с половиной.

А пока шлю на твой строгий суд лекцию, там куча материала, моего и чужого, судя по настроению своему и публики буду по ходу дела выбирать. Это — не литературный текст, а «опорные пункты». Дочь моя прочитала часть, а дальше, говорит, скучно. И забавно, что скучно ей стало, где закончился мой текст, и началось списывание. Впрочем, когда я говорю, все равно пропускаю через сердце, поэтому меня это не тревожит. Почитай, может, успею что изменить, если что-то совсем не так. Кстати, в Ашкелоне двое человек рассказывали о своем прохождении клинической смерти после моего рассказа.

Целую

Несколько цитат из конспекта: *Болезнь и смерть становятся «табу», чем-то неприличным, поражением, неудачей*

Нам кажется естественным, что цветок вянет, лето заканчивается, но смерть не кажется естественной, воспринимается как насилие и несправедливость.

Смерть отнимает у нас иллюзию, что человек — повелитель жизни, природы.

Страх неизвестности: есть ли продолжение, а если нет — то в чем смысл нашего существования?

Чтобы отобрать у смерти ее самое большое преимущество перед нами, давайте отнимать у смерти ее чужеродность, давайте знакомиться с нею. Нам неведомо, где ожи-

дает нас смерть, поэтому давайте ожидать ее повсюду.

«Овладеть смертью — значит овладеть свободой. Тот, кто научился умирать, разучился быть рабом». Монтень

«Страх смерти может стать мудрым советчиком, напоминая, что действительно важно в нашей жизни». Кастанеда

Если жизнь — это Сознание, то мертвым можно быть и при жизни, превратив жизнь в бессознательно выполняемый набор привычек.

Все, что у нас действительно есть в жизни — это Время. Секунда за секундой исчезает отведенное нам время Жизни. Мы размышляем, как вложить деньги, но мы так редко задумываемся, как распорядиться единственно истинным богатством, которое у нас есть — Временем

Для меня Время стало не абстракцией, не понятием из физики, а синонимом Жизни в тот день, когда я узнала о своем диагнозе. Я помню, как возвращаясь из Иерусалима, смотрела на дорогу и думала, что начался отсчет мгновений до конца и всматривалась, всматривалась, думая, что может, это последний раз я смотрю на поросшие соснами горы. Время стало истекать из меня, как кровь.

Я осознала неизбежную конечность существования и это наполнило немыслимой ценностью каждый миг с одной стороны, с другой стороны я поняла, что количество обманчиво, иллюзорно. По сравнению с вечностью что такое год, сто лет… Я осознала, что важно не количество секунд, отведенных мне для жизни, а та глубина океана Вселенной, в которую я с помощью этой секунды, как в батискафе, опущусь.

Я поняла, что мне уже не надо учить английский язык… Я рассматривала полки с книгами, понимая, что не успею их прочесть.

А что действительно важно сделать в то короткое время, что у меня осталось?

Я училась со смирением принимать, что не смогу сделать в жизни все, что хочу, свою ограниченность, ограниченность времени, способностей, возможностей, и поняла, что Мудрость — умение выделять главное в жизни и следовать ему.

<…> Я осознала, что тело — сосуд, а Я — нечто другое, независящее от сосуда.

В тот момент своей жизни я чувствовала себя в начале пути, после отчаянной борьбы мне казалось, что я начинаю обретать цельность, смысл.…

<…> Самое страшное — это ощущение бессмысленности, случайности, значит, несправедливости нашей жизни.

Философия — поиск законов, значит, смысла. Несмотря на боль, день ото дня, я училась искать смысл в том, что со мной случилось.

……

Надоело переписывать. И какую же «философию спасения» предлагает ихнее тайное общество?

Вселенная — единая живая сущность… Древние полагали, что все проявленное существует благодаря великому Макробиосу, огромной живой сущности. Индусы называют его Брахма и представляют, что он то засыпает, то просыпается, то вновь засыпает. Подобная легенда о Короле Мира существует и на Западе. Поэтому древние философы полагали, что Вселенная не является порождением случайности, она подобна огромному живому Существу… Галактики, звезды, планеты — жизненные части этого великого Существа, который подобно человеку тоже где-то начал свой путь, так же развивается и куда-то идет.

<…> «Природа жизни едина и источником ее может быть только одно вечное Единство. Это организм, в котором все природные вещи пребывают в симпатии. Все есть плод еди-

ного мирового созидательного усилия».

<…> Жизнь — это универсальный вездесущий принцип, и нет ничего, в чем бы не было жизни. В некоторых формах жизнь действует медленно, как например в камнях, в органических веществах она действует быстро. Человек — часть Единой жизни

<…> Человек — стакан воды, зачерпнутой в океане Вселенной. И если мы начинаем ощущать себя частью этого огромного мира, то понимаем, что цветы распускаются и опадают, чередуются дни и ночи, люди рождаются и умирают, а великий Поток жизни продолжает свое движение. Это осознание дает огромную силу и уверенность. Мы учимся осознавать свое единство с этим Потоком…

<…> Нельзя развиваться, не изменяясь. Чтобы перейти из одного места в другое, мы должны оставить место, где мы находились. Принимая некоторые идеи, мы оставляем старые, мы меняемся. И смерть — это изменение.

<…> жизнь и смерть — аспекты единой жизни…

как смерть, так и рождение являются лишь проходом из одного цикла существования в другой. Смерти не существует. Это выдумка тех, кто хочет напугать нас. Ничто не умирает, все трансформируется, все меняется.

Утешения немудреной философией. И таким макаром эти антропософы зарабатывают на хлеб. И не только. У них отделения и школы по всему миру, даже в Израиле…

Для Ф:

А «двое из Ашкелона» пережили это состояние вследствие твоего рассказа?

От Ф:

Я по-твоему в состоянии довести человека до клинической смерти своими рассказами?

Для Ф:

Шучу. А вообще, есть впечатляющие кусочки, особенно там, где описываются собственные ощущения и переживания.

Штука вся в том (так мне кааца), что никакой цели или смысла жизнь не имеет.

А магические повторы типа «жизнь и смерть две стороны одного и того же…» мне кажутся бессмысленными, хотя, возможно, и целебными. Ну, допустим, Вселенная — Единый Организм, что из этого следует? К чему обязывает такая «картина мира»? Ну, есть Бог, что из этого следует? Кодекс воина Кастанеды? Надо с достоинством встречать испытания? Лучше, конечно, чем визжать в истерике и пугать соседей. Но во что конкретно предлагается верить? В то, что «вольемся в океан»? Станем «всем»? И это «знание» помогает жить? Не знаю.

Наум, привет

Если тебе действительно все равно, какими порциями получать свою книгу и расходы на транспорт не пугают (может, ты их слабо себе представляешь? впрочем, я тоже…), то я, пожалуй, прошвырнусь в ближайшее время по книжным и пошлю тебе бандерольку — хотя бы потому, что потом не всегда найдешь то, что нужно, и выйдет, что зря возился со списком…

Насчет Кононова. Сразу после того, как я послал письмо, мне, по правде говоря, стало немного стыдно за свой «гетеро-шовинизм». Вообще-то я не испытываю никаких негативных чувств по отношению ко всяким таким вещам, гадом буду. Просто я неточно выразился. Мне в высшей степени безразлично, какой Кононов «по жизни». Я имел в виду «гейский» характер его текста, причем не столько концептуально (у меня и против этого никаких возражений нет: иначе пришлось бы «отвергнуть» почти всех французов — от Барта до Фуко), сколько по части стилистики. А тут уж, батюшка, воля ваша, как ещё прикажешь понимать такие, например, пассажи: «/Адам и Ева/ расходятся в разные сто-

роны, чтобы «стоять порознь»; разнонаправленные векторы их движений действуют на зрителя обескураживающе, как эдипальная травма, которую нельзя излечить; Божий гнев постиг их /за коитус/; они словно подвергнуты двойному отрицанию по закону банальной логики де Моргана, и стали сами собой — страдающими, одинокими, неслиянными. Правда, и в раю Адам и Ева обитали отдельно — он среди животных-самцов, она — среди самок.» Там ещё сюжет про женоненавистничество Вл. Соловьева, известного гея. И т. д. и т. п. Насчет переписки Кононова с Золотоносовым. Хотя я и не лишен любопытства (исключительно теоретического, с «житейским» у меня напряженка), все же лучше ты мне ее не посылай. Дело в том, что у меня Internet работает крайне плохо, постоянно самопроизвольно отключается (хотя, конечно, дареному коню в зубы не смотрят), и, бывает, приходится изрядно попотеть, пока получишь письмо большого объема. Разумеется, к «формату» нашей переписки это не относится.

Напоминаю, что за тобой «Итальянские впечатления». Остаюсь всегда твой

Матвей

Матвею

Я как раз считаю, что Кононов очень верно подметил «разнонаправленные векторы движений» Адама и Евы, я, например, не обратил на это внимания, а это глубокая мысль. Возможно, ему легче было обратить на это внимание в связи с общей нетрадиционной направленностью (все об этом трещат, а у него между тем есть жена и сын), но тут есть и идея раздвоения первоначального андрогинного начала, которое так любили русские декаденты. Кстати, уже потом почитав про Мазаччо, я подумал, что он ведь, пожалуй, был тоже неоднозначной ориентации, в этом смысле не совсем понятны его отношения с Мазолино… И насчет Вл. Соловьева не все так просто: дружил он в основном с женщинами (его ближайшие эпистолярные кон-

фидентки), и даже был влюблен, мне, кстати, когда-то читали его похабные стишки с матом…

25.2. От Л:

«для Иисуса Христа было большим счастьем, что он был Богом. Как человеку ему не хватало характера»… Барбе Де Орвильи (это я у Волошина вычитала). А у тебя есть Пятигорского «Вспомнишь странного человека»? Хотелось бы почитать. Чего делаю? Похоже ты меня тоже толкаешь на подвиг… Напишу, когда прояснится… Как объястоят дела с подопечным? Как твой локоть, уже выигрываешь в теннис?

Да! Это началось еще перед поездкой, а теперь я вообще «несу» всех подряд. И рука меньше болит, и спина, и мышцу на ноге не сводит!

Жду «испанских впечатлений». Ну и поздравляю с днем рождения. Обнимаю и целую.

А подвиги, конечно, зависят от настроя, но больше от обстоятельств, вдруг что-то иногда подворачивается…

Эту книгу Пятигорского не читал, хотя она у меня есть. Могу послать, потом привезешь.

27.2. Эх, гостиница моя, ты гостиница…

… — Ты будешь смеяться, мне такое приснилось… Про книгу. Ага. Что я, наконец, держу ее в руках, и она так здорово сделана, во-первых, суперобложка, и на ней не твои эти глиняные горшки, а много таких веселых, счастливых лиц, и бумага такая… шикарная, я подумала надо же, такая дорогая бумага, знаешь, как у старинных книг, в общем, так здорово! Да, и внутри картинки, фотографии, а потом я наткнулась на те твои фотопортреты, которые мне ужасно не понравились, и я подумала, ну вот, все-таки вставил, и в ужасе проснулась, ха-ха-ха!

… — Любимая…

— Хоть и врешь, но повтори еще раз.

— Родная…
— Нет, ты мой родной…

— И мне очень хочется сделать что-то значительное, чтоб ты мною гордилась…
— Да? Странно, у меня нет такого чувства. Это, наверное, чисто мужское… А я хотела бы быть для тебя на десять лет моложе.

28.2. От Ф:
Во вторник еду встречать мужа, так что встретиться не удастся…

Вот и славно. Может так, плавненько, и тут перейдем в друзья. Тем более, что наметились философские разногласия.

29.2.2000. *Наум, пересылаю тебе статью Урицкого*
Прочитал в «Солнечном сплетении» рецензию Сошкина на тебя. Если тебя она задела, не торопись огорчаться. Впечатление она производит странное — похоже на продолжение каких-то неведомых мне внутри-литературных разборок, особенно в сочетании с рецензией на Гольдштейна. Сошкина, как впрочем, и Гольдштейна, напиравшего на то, что это современные хроники, зацепил только внешний слой, сиюминутная разогретость материала. У меня, как у читателя, фора — я далеко и потому многого не знаю и мне без разницы, кто и что. Мне интересны сами интенции и их художественное воплощение. Я думаю, что так как я, текст читают большинство читателей.
А в Данию, к сожалению, еду не гулять, а работать, что меня огорчает. Предпочел бы просто пошляться по стране.
Сергей.

ПОПЫТКА ПОЛЕМИКИ
Может ли критик узурпировать право на окончатель-

ный диагноз?

Андрей Урицкий

…Но что уж говорить об отдельных писателях! Немзер игнорирует явления целиком. Цитирую: «Серьезный русский писатель 90-х <…> ориентирован на саморефлексию». Так и есть, и ярче всего «ориентация на саморефлексию» выразилась в текстах мемуарного, автобиографического, дневникового характера. 90-е годы отмечены появлением значительных сочинений такого рода — «Трепанация черепа» Сергея Гандлевского, «Альбом для марок» Андрея Сергеева, «Бесконечный тупик» Дмитрия Галковского, «Щель обетованья» Наума Ваймана (стремительная и злая, предельно откровенная проза русского израильтянина, доступная пока лишь пользователям Интернета). В новомировской же статье Немзера речь идет только о беллетризированных воспоминаниях Анатолия Наймана, по силе и выразительности заметно уступающих вышеперечисленному.

Дорогой Сережа!

Спасибо, что перекинул статью, тем более что она меня порадовала — уж очень лестно высказался Урицкий. Меня радует именно тот факт, что текст читается с интересом без всякого вовлечения в «кто есть кто», я именно на это и надеялся, и именно поэтому решился на «раскрытие псевдонимов».

Всегда твой

Наум

Наум, привет!

С удовольствием прочел порцию твоих итальянских впечатлений и, ловя тебя на слове, настаиваю на продолжении.

К сожалению, я никак не смогу поддержать разговор о живописи (если фрески — это «живопись») «на равных» из-за скудости своих эстетических впечатлений, хотя и явля-

юсь здесь, в России, усердным посетителем выставок и музеев. Тем не менее, моя любовь к живописи (равно как и к музыке, в отличие от философии) представляется мне хотя и искренней, но отчасти безответной… Поэтому мне остается, может быть, только сосредоточиться на затронутых тобой общеэстетических вопросах (полностью отдавая себе отчет, что смогу сделать это в исключительно абстрактной и «суммарной» форме, но ведь и она имеет определенный смысл, не так ли?)

Мне показалось особенно интересным сопоставление Ренессанса со «Сталинским стилем» и вопрос о «заказе». Я вспомнил, что у меня появлялись сходные ощущения, но в другом контексте — в плане сопоставления Ренессанса с Серебряным веком. Особенно поразил меня Врубель (была юбилейная выставка в Третьяковке). Я-то привык считать его «навскидку» одиноким гением, безумным жрецом-отшельником, а тут выяснилось, что он почти не писал «бескорыстных картин»; приступая к работе, Врубель имел перед «духовным взором» либо церковный ансамбль, либо особняк какого-нибудь «олигарха» -мецената, либо интерьер гостиной; он не брезговал даже (а, вроде бы, наоборот, очень это любил) изготовлением рисунков к разного рода приглашениям, билетам, поздравительным адресам и т. п. Сходные черты наблюдаются и в творчестве других представителей «русского модерна»: Борисова-Мусатова, Добужинского, Нестерова, Головина, Бенуа, Лансере. Они буквально «набросились» на театральные декорации, книжные иллюстрации, мебель, прикладную скульптуру, игрушку. (Как я выяснил — к своему стыду, совсем недавно — об этом великолепно писала Зинаида Гиппиус в статьях под псевдонимом Антон Крайний). В западном «модерне» то же самое. Однако сравнение с Ренессансом наводит на мысль, что если сходство и есть, то очень условное, поверхностное. Ты, я думаю, совершенно прав, возражая против тривиальных трактовок Ренессанса («профанация сакрального»). Но и «сакрализацией профанного» я бы это искусство не назвал, тем более — «возвы-

шением бытового реализма до уровня религиозных мифов». Этим как раз занимался Караваджо, но ведь ты сам записал его (думаю, правильно) в аутсайдеры и диссиденты. Я полагаю, что ренессансные мастера находились где-то посередине между двумя этими крайностями. На самом деле титаны (и нетитаны) Возрождения имели установку именно на катартику (и, следовательно, на «жречество»), но в Италии (в отличие, скажем, от Англии, где катартическое поле структурировалось вокруг театральной сцены) это самое поле структурировалось в архитектонике интерьера базилики. Эти люди просто не мыслили категорией «картины» или «произведения искусства» — скорее категорией общего аффекта от внутренней архитектоники храма; но это не значит, что они целиком «магичны» или «некатартичны»; просто катарсис вызывается не единством отдельного произведения, а единством совокупного впечатления. Конечно, это еще не «чистое искусство» (гораздо менее «чистое», чем трагедия Шекспира или даже античная трагедия). Живопись стала «чистым художеством» (обрела чистоту Рампы) лишь с того момента, когда стала ориентироваться на абсолютно абстрактную архитектонику музея (в этом отношении Хуан Миро — довольно «типичный представитель» такой ориентации). А вот Серебряный век ориентировался на множество «частных архитектоник», он «внедрялся», «вносил искусство в жизнь», именно, как ты выразился, «сакрализировал профанное» и был нацелен на то, чтобы «всю жизнь сделать красотой». Это магия, которая перерастает в супер-магию в прожектёрстве таких деятелей, как Вяч. Иванов или Скрябин, которые, как написал (по другому, правда, поводу) Борис Парамонов, «впоследствии оказались опасными чудаками». Никаких сходных тенденций я в классическом Ренессансе не вижу.

Вообще я полагаю, что дело вовсе не в «тоталитаризме», «заказе» или поточном методе «художественных школ». Всё это — следствия, а причина — в установке на ту или иную ипостась «родового единства». Если есть ориентация

на родовое единство, получается художественная школа большого стиля «ренессансного» типа, если нет — «барочного» (если пользоваться терминологией Вёльфлина). Для Ренессанса такой родовой ипостасью был «человек как таковой по своей природе», для «русского ренессанса» — классовый человек (как это ни прискорбно).

Всегда твой

Матвей

Наум, дорогой, привет!

Книги завтра отправляются в Москву, я вам сообщил все координаты, ваш человек-таки может их трогать с четверга-пятницы. Хорошо?

Мы рассылаем 30 экз. критикам-ебитикам. Ваши 470. Рассылка — из нашей части тиража.

За деньгами мотается Саша, я не рискую. Так что дайте знать.

У меня вышел вслед за Вами роман «Похороны кузнечика». Пошлю на днях. Книги, думаю, вы вот-вот получите, так как почта авиа.

У меня радикулит, хожу, думая о земле.

Всем привет, Ваш НК

Какие-то необычные ощущения: как будто одни ворота проходишь, а там, в конце коридора, вторые, они узкие, не пролезаешь, толкаешься, толкаешь, хоть полголовки просунуть, и чувствуешь, за ними — пустота, ничто, провал, и так хочется высунуться в этот провал, и толкаешься, царапают узкие ворота, и, наконец, проливаешь туда, в черную бездну, за вторые ворота…

— Как хорошо ты мне там натер…

2.3. Ну вот, пришла книжка. Шрифт мелкий, бледный. Ужасно. Обложка так… Картинка красивая, но… В общем, чего-то грустно…

Матвею:

Только что получил книгу. Проверил, все вроде в порядке. Так что я даю им твой телефон, жди звонка. В обмен на тугрики ты должен получить справку-расписку, где будет указано, что сумма уплачена за покупку 500 экз., а также право изъять со склада 470 книг.

Должен сказать, что вскрыл почтовую обертку с волнением. И был немного разочарован. Обложка показалась не такой уж «великолепной», как воображалось. А главное: очень мелкий и бледный шрифт. Вот. Буду рад, если беспристрастно выскажешь свое мнение, когда сам увидишь.

Дорогой Николай!

Только что получил вашу посылку! Ну что вам сказать: тронули вы мое суровое солдатское (оно же бедное еврейское) сердце. Спасибо.

И очень славно подгадали: как раз день рождения на носу — славный подарок!

Моего друга в Москве зовут Матвей. Его телефон: …. Он обо всем предупрежден. Так что можно завершить операцию.

Поздравляю с выходом вашего романа (когда вы только успеваете?!) и жду его с нетерпением.

Еще раз низко кланяюсь Марианне. Саше Покровскому — сердечную благодарность.

От технических замечаний воздержусь, если пожелаете, напишу отдельно.

Всегда ваш

Наум

Ну что ж, книжка пришла, мемуары можно сворачивать. Может от этого грустно? «Исторический» роман заглох. Л в Испании, и вообще, между нами все порвато и ногами растоптато. В Сетевом «ящике» пусто, и «Философ» молчит. Только Р, дорогая моя шалава, осталась. Да верная жена. У нас очередной виток медового месяца…

Матвей, привет!

Книжка пришла, она довольно маленькая. Я так понимаю, что легче всего отправить уже готовые пачки по десять книг.

Сильно огорчен плохим шрифтом. Неужели, гад, пожалел бумагу? Ладно, бог с ним.

Всегда твой

Наум

4.3. От Ф:

Здравствуй, дорогой.

На работе теперь не попишешь, а дома бываю редко.

Была на уроке рисования у очень интересной женщины, один «недостаток» — она занимается Каббалой, тусуется с равом Лайтманом, а я из другой «школы».

Она учит не столько технике, а «видению». И одновременно с рисунками в домашнее задание входит написание стихов.

Я не знаю, где я возьму на все время… На работе тоже навешивают проект за проектом… Ладно, главное — ввязаться в бой, а там видно будет.

А лекция была не очень удачной. Слишком много мне хотелось в нее впихнуть.

Почему тебе не пишется?

И ты обещал философскую переписку прислать…

Целую

Твое письмо меня обрадовало: давно не получал весточек. Спросишь: а сам-то чего молчишь? Не знаю… Чего-то «кислый» период. Простудился, как всегда пред днем рождения…

Вот, получил книгу. В общем-то, сносно, но я почему-то вообразил себе бог знает что и в результате разочаровался. Во-первых, очень мелкий и тонкий шрифт, как-то бледно, неудобно читать.

В «Независимой газете» в Москве была статья критика Урицкого, там есть обо мне и весьма лестно, я тебе посы-

лаю.

Философская переписка за мной. Надеюсь на той неделе увидимся

Целую

А Каббала — это тоже интересно, надо и другие «школы» изучать.

5.3. Два дня гнал простуду теннисом. Кажись, выгнал. Отметили день рождения. Хвастался книгой

Завел с М разговор о скрипачке, выяснил, наконец, ее фамилию. Попробую найти телефон в справочнике.

От Ф: *Дорогой, поздравляю с днем рождения*

Я вот дни рождения люблю и использую повод остановиться, подумать откуда и куда бежим.

Год ведь был интересным, правда? Вот и книжка вышла, и пишут о ней хорошо. Значит, был искренним, а талантом, умом и сердцем чувствительным тебя Бог наградил. Хочу тебе пожелать, мой дорогой друг, в этом году удовольствия от работы над романом, и сердце мне подсказывает, что это будет удивительный и прекрасный роман.

Целую

Ох, не могу это читать…

Похвастался Володе. Поздравил меня. Сказал, что составляет («между запоями») книгу об Анечке. Ее тексты и его комментарий. «Там будут скандальные вещи».

Позвонил Гольдштейну. Поздравил меня, сказал, что это настоящее событие. Первая книга, как первая женщина, сам он теперь делит свою жизнь на «до книги» и «после». А я поделился ощущением, что эта книга вывела меня из литературного небытия. Он сказал, что так и есть, что мое имя скоро будет на слуху. Ну, не знаю…

В гостиницу не хотелось, но куда податься в такую рань… Книжке она очень обрадовалась, но сказала, что обложка ужасная, фиолетовый с розовым — ужасно. Может, это повлияло, а может еще что, но стало тоскливо. И как-то не было особого желания… Аппаратура работала нормально, но… без энтузиазма. То ли ей передалось это настроение, то ли обиделась, что я ей книжку не дал («А ты все-таки жмот»), хоть я и объяснил, что это единственный экземпляр, подожди еще недельку. Заторопился, надо, говорю, рано возвращаться, гости придут. В последнее время стараюсь не залеживаться.

— А я тоже домой поеду, скажу, что удрала с курсов.

— Да, тем более, их у тебя столько… Даже есть настоящие.

Рассмеялась. Но не весело.

Еще минут пятнадцать погуляли у моря, посидели на скамеечке. Вдруг все стало чужим и ненужным. Когда выходили из номера, я замешкался в дверях.

— Ну, иди уже, — чуть не вытолкала.

— На фиг, — продолжил я.

— Ты иногда удивительно точно читаешь мысли. Только я, ты знаешь, выражаюсь резче.

Хотели отпраздновать книжку, день рождения, а получились какие-то проводы.

Подарила набор косметики от Готье. Двадцать раз подчеркнула, что «от Готье». Мол, не хрен собачий, и она не такая жмотка, как я. Это верно.

От Зуса: ХОККУ НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ НЁМЫ

дни рождений
череда за чередой
слившихся точек

вообще это сенрю 5 7 5
zus

HAIBUN FOR GENRIKH SAPGIR

family picture
parents smile
not the baby

When I look at my daughter sometimes I wonder where her spirit was before she was conceived. I imagine the infinity of the Universe and get frightened.

My daughter is three years old. How nice her brightly colored books are! On one of those books the author's incongruous name is printed — «GENRIKH SAPGIR».

Definetly a Jewish guy, I decide. The majority of the half million of Moscow Jews have German, Polish or even Russian last names. The author's name is so Hebrew that it cannot be recognized as a Jewish one

even by experienced employees' officers who have a task to discriminate against Jews.

Genrikh Sapgir does not need a pseudonym.

Twenty five years later he is a star of the First Moscow Festival of Poets.

summer-99
the evergreen Kremlin dome
painted brown

Genrikh Sapgir walks with a cane and reads his lucid incantations. «The language pronounces us», he says. And he rhymes

I wake, I shave, I knot my tie
I won't notice that I will die

These particular lines strike me.

When we meet accidentally at the new Turgenev Library a month later I make a compliment to him. He smiles. A week later Radio Liberty announces his sudden death.

falling asleep
this fall trying to catch
taste of the void

6.3. От Ф:

Как ты себя чувствуешь? В смысле простуды и в смысле настроения?

Жаль, что шрифт неудачный, но никогда нельзя все предусмотреть, и главное, что она вышла в свет. В следующих изданиях изменишь… Есть новые отзывы?

Так по тебе соскучилась, все бегу куда-то, что даже некогда вспомнить, как хорошо лежать на твоем плече и слушать тебя, и как мне тебя не хватает рядом.

На работе к интернету не добраться, а дома — не бываю. Так что не сердись, что меньше пишу, надеюсь, временно

Целую

Матвей, привет!

Я позвонил Боре Штейману, он выразил готовность помочь и даже попросил твой телефон, который я ему и дал, но машина его не на ходу. Так что смотри сам. Его телефон:… Время ему, во всяком случае, потратить не жалко и может «постоять на атасе». Тем более что «потребовал свою долю», предлагая раздать всяким знакомым, и я общал ему десяток экземпляров. Так что отложи ему, пожалуйста, пачку из моих «запасов». Таким образом, ты мне посылаешь теперь только 390 книг. Кстати, еще раз подумай, может, сочтешь нужным оставить себе, скажем, 100 экз., у меня нет возражений, даже наоборот. А у Бори есть приятель с машиной, которого можно на это дело подвинуть, спроси. В общем, действуй, как тебе удобно.

Мне привезли из Москвы две газеты, «Независимую», где про меня, и «Литературку», где огромная хвалебная о Гандлевском (прям классиком стал) и полупоносная

на Юзефовича, тоже моего знакомого, и еще одна странная статья: «Израиль, как русская провинция». Я уж было подумал, что вот, как раз на тему, но статья удивила старомодным антисемитизмом (подписана: Николай Березовский), то есть в ней утверждается, что русская культура «в ее театральной, кинематографической и телевизионной составных (?) сделалась за последнее столетие насквозь еврейской». И это при том, что главное утверждение этой культуры, во всяком случае, многих ее деятелей, в том числе и автора статьи, состоит в том, что «национальность» определяется языком, мол, даже те, «кто отойдет в Землю Обетованную (небось, мечтает, чтобы просто „отошли в землю“) … останутся все же русскими до конца дней своих». А это особенно смешно: «если театр, кинематограф, ТВ и прочее… можно отождествлять уже с еврейской культурой, отчасти привитой народам, населяющим Россию, то русская литература была и остается русской…» — не отдадим, блин, святое! Все это анекдоты со столетней бородой. Впрочем, тональность статьи «спокойная» (мол, ничего не поделаешь, а может и к лучшему).

…Что касается моих рассуждений о том, что великое искусство — функция стремления к роскоши негоциантов и завоевателей, то единственное, что независимо от «заказа» рвется к реализации, к освобождению — это индивидуалистический бунт. И вообще, когда видишь столь ярко проявляющую себя, даже в классических образцах, творческую индивидуальность, возникает сильное сомнение в правомочности таких абстрактных схем, как «ориентация на родовое единство». И вот я подумал, почему же мне так неизменно и неослабно «мешает» классификация художников и культурных эпох по степени их ориентации на «родовое единство». Такая «ориентация» вызывает инстинктивное сопротивление, потому что каждый художник, даже «классический», носится со своей индивидуальностью, как с писаной торбой.

С другой стороны, искусство всегда жмется к стенам

религиозных храмов, и получается, что искусство без религии останется оформительством, а религия без искусства выродится в доктрину… То есть тут симбиоз, сообщающиеся сосуды… А катартика — там где жертвенность. Мне, например, кажется, что христианство не возникло в результате проповеди Иисуса, а как миф, выстроенный по классическому катарсическому сюжету жертвоприношения, и именно поэтому оно столь преуспело…

Наум

Вдруг Р позвонила. Видно, последняя встреча ее тоже смутила. «Ты не представляешь себе, что мне стоило тебе позвонить! Но так хотелось…»

Сегодня резкое похолодание. Тучи, и море неспокойно. Ф уже ждала в машине во дворе гостиницы. И, как всегда, физическое наслаждение — острейшее. Возможно она так распаляет тем, что вся замкнута, даже губы не раскрывает, а хочется выпустить всех ее чертей на свободу… Только постанывает иногда, стиснув зубы…

— Боже мой, как я по тебе соскучилась… Я чувствую, как во мне бушует огонь, и рвется наружу, и боюсь, что не удержу его… Все бегаю, ношусь, ни на что времени нет… Ну, работы стало больше, художница, английский, в Школе контрольная по брахманизму… Я такая ленивая, мне ничего не хочется делать, только так вот лежать на твоем плече… Скажи мне… а что та женщина, которой ты писал стихи?..

Сказал, что сейчас не хочется говорить об этом, завел про параллельные миры, она тоже когда-то легко жила в параллельных мирах, но теперь не может, теряет себя. Если у человека, говорю, есть некий центр тяжести, то ему эти блуждания в параллельных мирах не опасны, даже в кайф, договорился до признания, что отношения с женщинами никогда не составляли центра моей жизни. Она загрустила. Сказала: «Пора». Уехала первой, я за ней.

По дороге остановился у моря. Пена волн начиналась далеко от берега, за ней море было свинцовым, и тучи свинцовыми, только на горизонте светлело…

8.3

Report

Наум, привет!

7 марта передал П. под расписку …. $ и получил от него 472 книги (59 пачек по 8книг).

Из них послал в тот же день 400; у меня осталось 72 книги для раздачи.

36 пятикилограммовых бандеролей (по 11 книг) плюс 1 двухкилограммовая (остаток 4 книги)

36 х 171 (стоимость пятикилограммовой) = 6156

6156 +85,5 (стоимость двухкилограммовой) = 6241,5 р

6241,5 +1560,4 (25%) +10 (обычный транспорт) = 7811,9 р: 28,4 (курс на сегодня) = 275,1 $

275,1 +30 (грузовой транспорт) = 305,1 $

Твой остаток на сегодня — … $

Внешность у книжки не только приятная, но и привлекающая внимание; нестандартный формат придает ей «элитарную своеобычность». Конечно, шрифт мог бы быть покрупнее, а печать погуще, но это все в пределах нормы. (Это сказала мне со всей ответственностью Лена-издательница, у которой случались книги в этом отношении намного хуже). Жаль, конечно, что человеку с подпорченным зрением читать ее будет трудновато, но будем считать, что «читатель Ваймана» имеет (как чекист-путинец) орлиный холодный глаз, горячее сердце и непотные руки.

Ну, Матвей, ты — гигант! Ты меня просто восхитил своей оперативностью! Я аж задохнулся. Ну спасибо, ну порадовал!

Чувствую, что тебе нужен небольшой отпуск, отдохни. Потом при желании расскажешь, как прошло все: передача денег, отправка книг и т. д.

В общем, огромное тебе спасибо. Обнимаю тебя. Слов нет, колоссально… А еще любит жаловаться на свою неделовитость!

Ну, а если на твой взгляд и на взгляд Лены книга выглядит сносно, то и тут мне полегчало.

Ладно, кончаю излияния. Будь здоров.

Всегда твой

Наум

Портос позвонил, поздравил с международным женским днем

— А я тут причем?

— Ну, ты тоже блядь порядочная.

9.3. Ф: *во мне чувство опустошенности*

Бараш позвонил. Поздравил. Он тоже хочет издать книгу. Может, у Кузьмина. Распрашивал про Кононова. Предложил идею организовать «на крыше» презентацию-концерт, чтоб каждый спел что-нибудь или стишок рассказал, взобравшись на стульчик, «будет очень современно». Но чуть позже, «когда теплее станет». И просил напрямую с Олей не связываться, он сам с ней обговорит это дело.

Неожиданно позвонил Пепперштейн, пригласил завтра на выставку (совместная, его и Гринмана) в Иерусалимский музей. Дело хорошее, поедем.

10.3

Дорогой Наум, привет!

Саня обменял книги на рваксы, так что все хорошо, теперь мы думаем, какой будет отклик на ваше сочинение, кое-кто уже получил в руки роман, и если Гольдштейн, так ли зову его, напишет для журнала Глеба Морева Новая Русская Книга, то они умрут от радости. Уже в основных крупных московских журналах книга есть, ИЗДАТЕЛЬСТВО

номинирует ее на Букер.

Мы же теперь будем дружить и тусоваться взаправду, будто нам нравиться наша литература, то есть вам моя, а мне, соответственно, ваша.

Соберусь с духом, и пошлю вам кое-что из себя новенького, хотите прозу или стихи.

И будем обсуждать недостатки, которые и являются настоящими достоинствами! Так?

Сейчас, скину с себя пару еб… ных книжонок и пошлю вложенный файл, ближе к концу недели.

У нас тут снова зима — лютое солнце, мудаки в Финском заливе и на Ладоге подледно рыбачат, потом их спасают всеми вертолетами мира. Недавно снимали с ладожской льдины 1100 (тысячу сто) мудозвонов.

У меня, кажется, вышел в Нов. мире N 3 рассказец. Поглядите. Наверное, в интернете есть, но я журнала еще не видал. Кстати, Костырко книжку получил на отдел критики. На днях пошлю вам свой роман.

Жму длань солдата.

Всем привет

Ваш НК

Наум, еще раз привет, вот собрал кое-что, что не печатал, хотите, прочитайте, хотите что хотите.

Я уже не пишу стихов 4 месяца, чего-то не хватат, как в Саратове говорят в районе Похуяровка, где прошло мое босоногое детство.

Может вас это развлечет…

Жму лапу

НК

Ездили в Иерусалим, на вернисаж Пепперштейна. По дороге встретил Бараша с Ирой, она несла в рюкзачке младенца. Бараш был настроен доброжелательно: подарил последний номер «Зеркала» и даже лишний пригласительный подарил. Удивлялся «ловкости» Пепперштейна: «Дру-

гие жизнь кладут, чтобы в Музее выставиться…»

Я расфуфырился, надел флорентийское пальто, направо и налево хвастался книжкой. День был солнечный, но прохладный, славный денек. В саду скульптур тусовались, вино на халяву и прочее. Я изображал сияние успеха и фотографировал. Бараш стремился попасть в кадр с великими. Бочком-бочком.

На выставке встретил Дану с Некодом, показал книжку. Вдруг увидел, что такое черная зависть: аж почернела, онемение хватило, столбнячок. Собравшись с силами, полистала. Наткнулась на слово «Сингедр*и*н». «Сингедрин, вместо Сангедрин», — обращаясь к Некоду. «Наверное, опечатка..», — это уже мне, ласково-снисходительно, мол, вы же не могли так ошибиться, вы же не идиот, правда? Но мое наглое добродушие не было поколеблено: «А черт его знает!» — и я подмигнул Некоду. Даже захотелось хлопнуть его по плечу, но решил, что это будет излишне. Он передернулся в неразрешенной улыбке, а Дана, выронив презрительное «поздравляю», отвернулась. А я вспомнил, как она меня поддела с «эц юхасин[1]», эпизод отражен в книге, отражение отражений… Потом встретил Сошкина. Похвастался ему еще и статьей в «Независимой», что меня рядом с Галковским упомянули.

— Я его как раз недавно прочитал, — заметил вечно серьезный Сошкин. — Заставил себя. Чудовищный пошляк. Какие-то скучные антисемитские пассажи. Целую трагедию развел по поводу того, что ему в детстве пиздюлей не жалели, и правильно, кстати, делали.

Я был весел и на все согласен. Ире Гробман всучил стихи Кононова, попросил провентилировать насчет публикации.

Похвастался и Тане. Аркадий Гринман, напарник Паши

[1] Генеалогическое древо (ивр.), что я однажды сдуру перевел как «дерево Юхасина»…

(это была парная выставка), оказывается ее муж, а я и не знал. Оля долго держала свою руку в моей. Теплая такая рука, мягкая, обнимающая. Есть такие женщины: стоит до них дотронуться, они на тебя прям проливаются. Нишпехет, как говорят на иврите.

А сама выставка — странная. Бестиарий такой в стиле «фэнтази» на стенах, с текстами а-ля Толкинен, «лабиринт» с озеленением, мол, «защита окружающей среды», мы ж с понтом «зеленые»… По мне: так ни уму, ни сердцу. Но оч. современно…

11.3.2000. Для Л:

книжку получил, сигнальный экз. Простовато вышло и шрифт мелкий и бледный. Матвей уже послал мне 400 книг, через две-три недели придут. Была статья в «Независимой газете», посылаю тебе. Так как «испанские оргии» в ванне на ножках?

Дорогой Наум!
Поздравляю с выходом книги!

Вид у нее достаточно броский, но не аляповатый. Увидев на прилавке, обязательно возьмешь посмотреть, что это. Только подержав книгу, оценил ее «вместимость» просто по количеству текста. Сначала немного огорчился шрифту, но воткнулся в сам текст, и шрифт заработал, заставив забыть про свое начертание. Текст затягивает. Утешаю себя тем, что при другом шрифте не получилось бы такого компактного и вместительного издания.

Вчера встретился с Мотей и взял у него двадцать экземпляров и тут же раздал коллегам-критикам — как раз было собрание академии, а потом церемония и банкет по поводу вручения аполлоновской премии (в этом году ее получил Соснора). Приятно было то, что половине критиков не нужно было объяснять, кто такой Вайман, они или смотрели текст сами в Интернете, или слышали о нем.

Еще раз поздравляю!

Сергей

Дорогой Сережа!
Огромное спасибо за все

Мечтаю выбраться в Москву, надо ж обмыть это дело. Может, к лету.

А, может, повезет, и еще повод представится: вдруг текст прорвется в какой-нибудь «лонг» или даже «шорт» чего-нибудь этакого премиального-симпатичного (Кононов сказал, что издательство на Букера выдвинет), тогда, как говорится, сам Бог велел… Али тебе случится в наши края заглянуть?

Будь здоров. По возможности держи меня в курсе рецензий, если таковые появятся.

Всегда твой
Наум

Наум, привет!

Должен сообщить тебе, что у меня дела с интернетом — полный швах. На простой выход в интернет приходится тратить несколько часов; представь себе: с утра (а ближе к вечеру вообще труба дело) — полдня омерзительного треньканья, не дающего ни на чем сосредоточиться, после чего аппарат отключается в процессе получения (или отсылки) письма. При этом адская машина устроена таким образом, что, недополучив хотя бы одно сообщение (скажем, получив 1 из четырех), потом по второму, третьему и т. д. разу получаешь уже полученное, а до неполученного никак не доберешься, так что сообщения просто накапливаются и скоро достигнут (если уже не достигли) критической массы, после чего я вообще никогда уже ничего не получу.

Поэтому так вышло, что я получил твое сообщение со сведениями о Штеймане уже после того, как провернул всю операцию с пересылкой. Сегодня попробую повозиться с интернетом среди ночи (ставлю будильник на 4 часа). Если не получится, перешлю письмо через Сергея, с которым зав-

тра встречаюсь, чтобы передать твои книги для раздачи «критикам-ебитикам». Так что если получишь письмо через Костырко, это будет означать, что с прямой Е-перепиской придется завязать — хотя бы на время. (Боюсь, на продолжительное, так как я с каждым днем становлюсь все беднее, и впереди в этом смысле — никакого просвета. Эх, мне бы израильскую пенсию, да что делать: сам знаю, что не заслужил).

Два слова по поводу Березовского-публициста (не родственник ли олигарха? — было бы забавно). Я ничего такого давно не читаю, но от мыслительных (с позволения сказать) «ходов» подобного рода не отвык. «Нормальных» евреев я в России, кроме себя самого, не знаю практически ни одного. Остальные — либо ассимилянты на подножном корму, либо пассионарии разных степеней параноидальности, как-то: пылкие православные христиане, грязные дельцы-«олигархи», политики — русские патриоты и прочая плесень, которая повылезала изо всех щелей и сделала образ еврея, живущего в России, карикатурно-провокационным (как будто их сочинил, изготовил и дергает за ниточки какой-нибудь кукловод-Шульгин). А еврея без креста на брюхе так и вовсе днем с огнем не сыщешь — это кроме шуток. Родится такой выблядок — его крестят, женится — венчают, отдаст концы — отпевают, как намедни твоего знакомца-бабника Сапгира (не будучи представлен, сужу исключительно по Тексту). Вот, к примеру, характерная картинка «Из новостей литературной жизни»: «поэт» М-д, бездарный графоман-плагиатор, выпрыгнул по пьяни из окна, переломал себе все, что смог — и в больнице «принял христианство», т.е. крест на жирное брюхо навесил на всякий пожарный случай, поступил, так сказать, «на окормление» к шастающим по палатам попам. Изъясняется на эти темы исключительно посредством мычания, ибо не только Библии, но и Евангелия никогда не читал и «слов не знает». Ныне размышляет над предложением поехать в Израиль лечиться (добавлю от себя: единственное, что мне не нравится

в Израиле, — так это неразборчивость относительно таких «светочей культуры», если их угораздило родиться евреями): и хочется на халяву, и колется — как же я, русский православный поэт, буду там среди нехристей. Какая-то во всем этом пошлость уже запредельная, зашкаливающая, и очень хочется, прямо-таки до боли, чтобы М-д этот (прости, Господи) просто подох поскорей… для своего же блага.

Что же касается русских, то ты точно отметил (но как бы не «сфокусировал») очень характерное противоречие: зоологический, геббельсовского толка антисемитизм и — «спокойная тональность», которая, на мой взгляд, свидетельствует о том, что человеку и в голову не приходит, что он антисемит; он, пожалуй, и обиделся бы на такую «инсинуацию», а то и драться бы полез. (Писатель-деревенщик Василий Белов как-то изрек по подобному поводу: «Да что вы мне всё тычете „антисемит, антисемит“, я скоро за такие слова на дуэль вызывать начну»). Именно поэтому русский антисемитизм неуязвим и бессмертен (настолько, насколько «бессмертно» русское самосознание). Меня как-то однажды поразила выступавшая по телевизору ученая немка, сказав примерно следующее: «Считается, что немцы покаялись. Это, конечно, так, но не следует забывать, что они покаялись только в 60-е годы, когда стали хорошо жить». Думаю, к этому же «архетипу» можно причислить и покаяние японцев и, отчасти, итальянцев (покаяние «в католической аранжировке»). Нашкодившие нации оказываются в положении «лишенцев», и им остается только, стиснув зубы и затянув пояса, работать, забыв о национальной гордости, воинской чести, собственной «святости» и тому подобных шаловливых проказницах. Когда настаёт время поднять голову, оглядеться и сменить пояса на подтяжки, оказывается, что живут они совсем неплохо — лучше, чем раньше, — и тут наступает пора коллективного прозрения и покаяния. Так вот, русских, в силу ряда непреодолимых обстоятельств (прежде всего, из-за величины территории, а главным образом из-за непоправимой порчи генофонда),

нельзя завоевать (или хотя бы побомбить от души, как славно побомбили-таки их дружбанов-единоверцев сербов, потешили меня, старика!), расчленить и заставить работать из-под палки, забыв о тухлой бредятине национальной мифологии. Поэтому они не могут накопить благосостояния, необходимого для «коллективного прозрения» и покаяния. А без покаяния не могут накопить благосостояния. Получается замкнутый круг. Русским оказали бы большое благодеяние, поставив их на колени и принудив вкалывать, но, похоже, никакой цивилизованной внешней силы (даже совокупной силы Америки и Европы) на это не хватит, а внутренних сил на такой подвиг не хватит ни у кого — по определению. Выходит, пока Россия будет существовать, она останется рассадником самой гнилой и омерзительной юдофобии, а именно — «духовного» (религиозного в своей основе) антисемитизма. Кстати, ни один русский никогда не признается самому себе в том, что это Россия заразила Германию вирусом «духовной» юдофобии, а не наоборот. Русские искренне считают себя спасителями евреев, хотя сгинувшие евреи, по моему разумению, на совести не только (и, может быть, не столько) тевтонов-завоевателей, сколько населения тех стран, на территории которых они отлавливались. Прости, если говорю банальности; не моя это «сфера научных интересов», а просто моя заноза — как выяснилось, неизвлекаемая и со временем только сильнее загнивающая и отравляющая «весь организм». Хуже всего то, что при такой настроенности трудно найти какой бы то ни было смысл или оправдание в писании по-русски (единственная, но явно жульническая отговорка: Я больше ни по-каковски не умею. — Ну и заткни пасть, долбоёб!), а это парализует волю и сводит на нет последние остатки амбиций, без которых в нашем грязном деле далеко не уедешь. Как ты уже догадался, весь этот пассаж сочинен для того, чтобы продемонстрировать, как пишется слово «долбоёб»; можешь говорить что угодно, но ошибки, особенно в сфере «телесного низа», сильно портят впечатление. Я, признаться, надеялся,

что корректор поработает более добросовестно. В остальном же текст, при просмотре в книжном варианте, выглядит вполне достойно.

Покровский при встрече просил тебе передать, что с рецензиями «дело на мази»: точно напишут Золотоносов (ты его вроде бы знаешь) и Виктор Топоров (записной антисемит, между прочим, но пишет хлестко, «заставляет себя читать», а вашему брату, как я понимаю, все впрок, лишь бы побольше шуму…)

Всегда твой
Матвей

На пикник поехали только Мирон с Настей. Весна, травка зеленеет, персиковые сады в цвету. Плывешь среди розовых нежных цветов…

Привез Мирону второй том «Гэндзи моногатари», говорит, что совершенно бессмысленный текст, но все же он решил снова за него взяться и дочитать. Я говорю, что поскольку японцы, как и китайцы, в отличие от европейцев, не преобразователи мира, то их жизнь (в глазах европейца) абсолютно бессмыслена, а раскрашивает ее только «эстетика», какие-то изощренные изящества, поэтому японцам хорошо удаются «малые» жанры: стихи, дневниковые записи, а роман — не их жанр. Роман — это процесс становления, преобразовательного движения, личности или народа, потому европейская личность всегда богоборческая, мятежная. А для японцев это не тема, на Востоке нет становления, все вечно и неизменно, у них и богов-то нет.

Мирона поразило в этом огромном тексте, что в нем не описываются никакие реальные события, даже про войну ничего нет, только любовные приключения, и то очень своеобразно, у японцев весьма извилистые границы «дозволенного» и «запретного», вроде того, что можно переспать с женой императора, но нельзя видеть ее лицо. И еще его поразил пиетет, почти подобострастное отношение ко

всему китайскому.

Я рассказал ему о выставке Пепперштейна, и тут же «вспомнил», что вот и Паша не любит «реализма», и обожает китайские романы про лисиц, и вообще на Восток ориентируется.

12.3.2000. Утром отвез Юваля в «бакум»[1]. Он прошел ворота и побрел куда-то. Вот и младший стал солдатом. Я окликнул его. Он обернулся. «Голову прикрой», — показал я ему жестами. День был солнечный, а он постригся наголо. Отмахнулся, да ладно, мол…

13.3. Встретились с Р. Поехали в Яффо. Вдруг вспомнила мой рассказ «Как меня женили».

— Но теперь ты не жалеешь?

— В общем-то, нет.

— А я тоже быстро вышла замуж. Через неделю. Ему надо было уезжать. Я говорю: ну, приедешь через пару месяцев, тогда и поженимся. А он говорит: через пару месяцев я тебя уже не найду. И был прав.

Я стал рассуждать, что, мол, инстинкт в таких делах — главное.

— Не знаю. Я много не думала, увидела хрен до колена и решила, что подходит.

Метафора, конечно, но задело меня заявленьице. Уточнять, однако, не стал.

Погуляли в порту. Рассказала, что мало часов дают на следующий год, о зарплате поговорили, о пенсии, и вдруг:

— А вообще мне скоро и этого не понадобится, в моей жизни произойдут серьезные изменения…

— Решили уехать?

— Нет, не это. Просто мне надоело нищенствовать. Я

[1] центральный мобилизационный пункт

хочу приличный счет в банке. Мне надоели минусы…

— Ты ж вроде закрыла…

— Он опять уже разбух.

— Так что, замуж собралась? (Шуткую, а у самого сердце куда-то провалилось…)

— Ну, зачем замуж.

— Таким же макаром, что и тот минус закрыла (взяла деньги у спонсора)?

— Ну, есть много способов.

— А именно?

— Может, я в лотерею выиграю. Или наследство получу. Или еще что.

Поднялись по каменным лабиринтам наверх, забрели в район магазинчиков: антиквариат, ювелиры, художники. Увидела янтарные бусы, зашли, стала мерить (дочке купить).

— Я люблю янтарь… Вот это и мне бы пошло…

— Хочешь, я тебе подарю?

— Подаришь?! Как это?

— Очень просто. Нравится?

— Да.

— Бэри дарагая!

Раз так — она взяла два ожерелья, но я заплатил за одно.

— Ну, ты меня удивил! Надо было на алмазную биржу пойти, раз у тебя такое хорошее настроение, ха-ха-ха!

Зашли в ресторанчик на башне, в котором были месяца полтора назад. Никого. Еда на троечку. Чуток вина. Море за окном искрится. Катерок маневрирует. Чайки. Рыбаки на моле. Картина застывает и становится образом. Любви? Прощания? Она держит мою руку и целует средний палец. Чувствую им прохладу чуть влажных губ, пальцем целую их в ответ. Прячет лицо в моей ладони и качает головой. И я вроде почти забыл про ее грядущие перемены и всякие хренации до колена…

Оказывается, то, что я не позвонил тогда в среду, как

обещал, ее «просто убило».

— Я сидела около телефона до трех, пока муж не пришел. Ох, как я разозлилась. На себя, на себя. Что сидела, как дура. Я и в воскресенье поэтому была не в себе.

— Не любишь ты ждать…

— Не люблю, когда мною пренебрегают.

Рассказал, что с «той дамой» («Что стихи тебе писала?») вроде затухло дело. И что «та самая, из книги» тоже на меня обиделась…

— Ты так всех своих старых подруг разгонишь… и найдешь себе молодую…

Было бы неплохо, подумалось.

От Л:

обидно конечно, что книжка разочаровала, но главное, что ее можно будет читать. А текст сам за себя говорит, за твою предательскую книгу. Испания: бордело-катедрало-поело (поело — это еда так называется, вроде плова). В Мадриде замечательный Босх. Толедо напоминает Назарет. Там в катедро есть капелла Эль Греко с прорывом в небо — луч света, а на нем, в небе на иврите написано Йахве, есть музей Эль Греко с одной картиной и есть старинная синагога, переделанная в собор. Эта синагога, такая строгая красавица, и отравила мне все. Никаких признаков не осталось, а вместо Торы иконостас… и так мне стало горько и больно, что этот прорыв эльгрековский показался стрелкой с указателем…

14.3.2000

Читаю новый номер «Зеркала».

принцесса была и теперь ее нету
принцесса погибла в расцвете летом
принцесса ложилась спать с арбалетом
принцесса мечтала заняться балетом
принцесса терлась по туалетам
принцесса страдала страстью к минетам

Это Могутин сочинил про Диану, фулюган. «Принцесса Динамо» называется. Эпатажно!

Новый роман Гиршовича «Суббота навсегда» — заявленный пересказ «Похищения из сераля» (см. оперу Моцарта). Писать умеет, но… не могу читать, неинтересно это все.

Гольдштейн с Пепперштейном о «русском концептуализме». У Гольдштейна он вызывает *тоскливое недоумение, проистекающее из того, что словесность этого склада не имеет ни малейшего касательства к моей жизни, … я не нахожу в этом искусстве содержания*. Паша реагирует довольно раздраженно (как и в нашем тогда разговоре в Вади Кельт) и старается уколоть Гольда за его садо-мазохистские томления: *Высказанные вами претензии в самом деле немного наивные, детские. В стремлении питаться страданиями, превращать их в культурный аттракцион, в жажде мучительной подлинности я вижу нечто очень несимпатичное, потворствующее неконтролируемой либидинозности. Мы же знаем, что нет ничего страшнее этой подлинности, требовать ее от литературы не следует, она не нужна. Что значит не нужна? Всегда может возникнуть человек, который скажет, что ему она необходима, но мы ему посоветовали бы навестить садо-мазо-клуб…* Вот так, просто, послал товарища в садо-мазо-клуб… Запахло дрочкой. Но Гольдштейн не забияка. Теперь я понял, почему он мне жаловался на Пепперштейна, что тот «и в интервью хотел одержать верх».

А ведь его сексуальные склонности не имеют никакого

отношения к бессмысленности того, что делает в искусстве мусьё Пепперштейн. Требование подлинности (неизбежно связанной со страданиями) не есть «стремление питаться страданиями». Другое дело, что никакой подлинности у Гольдштейна и нет, а есть игра в страдания, включая и смакование, тут Паша прав на все сто. Даже можно понять его возмущение: зачем ему эти игры.

И в диалоге о «мыслях перед сном» Пепперштейн признается, что *человек посубтильней, вроде меня, от таких размышлений («о любви, смерти, деньгах») просто не заснет*. Он должен *прибегнуть к мыслям, которые помогут ему заснуть. Обычно это фантазмы, создаваемые для облегчения жизни*. Тут Гольдштейн должен был бы сразу послать его в клуб курильщиков опиума, или любой другой наркоты, где вечно околачиваются всякие субтильные типы, убегающие от жизни в область фантазмов. Но драки, как уже было подмечено, не его стихия.

Далее шелковые умники переходят уже непосредственно к русской литературе. А.Г. выдвигает тезис о «задушевности» русской культуры, а П.П. тут же ловко подхватывает: де *концептуализм… заведомо апеллирует к непониманию, априорно обращается к русской культуре как к непонимающей его. Это его революционный шаг, даже футуристы… не шли так далеко*. А вот и «откровение»: *Невротический ужас перед потерей непосредственности и теплоты, испытываемый культурой старшего поколения, не свойственен психоделизированной молодежи. Они (молодежь эта) обладают биохимической гарантией того, что экстаз у них не отнимут, … что «экзистенция» и «тотальное понимание», и «слияние душ» находятся в препаратах…* Ну, и на кой ляд тогда литература? А и не нужна, отвечает Пепперштейн, ваша стариковская литература «теплоты», «подлинности» и всякого такого барахла, а вот наша — нужна народу, как порнография: *И вот эта глубинная порнографичность концептуализма действует очень терапевтично, она соприкасается с психоделической культурой…* Да чего там

скромничать, она ею, психоделической культурой, и является. Но Пепперштейн, конечно, не хочет признаваться в том, что весь этот его «концептуализм» — просто лит-наркота, он начинает заливать о том, что в этом самом его концептуализме «закодирована» потребность *не только получить доступ к различным типам переживания, экстаза, но так же и быть от них независимым, чтобы не зависнуть на каком-либо биохимическом варианте, а иметь возможность скольжения, освобождения, драйва*. Мол, мы, наркодельцы от искусства, полезны, мы отвлекаем молодежь от наркоты биохимической! Еще немного и он попросит государственной поддержки (предел его мечтаний!).

А вот еще «шаве цитут[1]»: *Человеку, который читает Пастернака и вдруг видит, как его юная дочь возвращается ночью со странно блестящими зрачками, уже легче примириться (смириться!) с концептуализмом. Концептуализм способствует тому, что в Америке называют «birth of the Cool». «Cool» обозначает одновременно «холодно» и «классно»…*

16.3.2000. От Бараша: *Слушай, я тут развил бурную деятельность в TENETA-2000. Нет ли у тебя чего-то, что ты хотел бы предложить — точнее будет, по обстоятельствам, из прозы? Из нового?*
Жду ответа, как паркет балета
S.

От Л:
Статью Урицкого я прочитала. Очень меня обрадовала статейка. Давай засылай продолжение записок, читать нечего. А ты Агнона получил? И пошли «Альбом для марок» Сергеева, пожалуйста. Хотелось бы поподробнее о книжке.

[1] стоит процитировать (ивр.)

Я пошлю «записки» — суди сама. А про книжку чего уж, скоро придут посылки, тогда пошлю (а заодно и Агнона), сама увидишь.

С философом все «ушло». А как твои подвиги?

Поехали с Р полюбоваться цветением окрестных садов. Недоумевала

— Это слива? Нет… и не вишня… Может яблони? Яблони вообще белым цветут. Хотя и розовые бывают. А ты знаешь, какой у нас был сад?! Все к нам приходили, собирали фрукты и ягоды, такое было изобилие! Я так люблю на земле возиться!

Гуляли в этом весеннем раю. Полсада было с голыми ветками, одетыми в розовые цветки, а на другой его половине ветки в зеленых листьях, а цветки уже опали. Сорвала орешек, уже начинавший вызревать на месте цветка, надкусила… — Ты знаешь что это? Это абрикос! Точно абрикос!

Мне было без разницы. Около одной ветки она остановилась:

— Посмотри!

Оторвавшийся бело-розовый лепесток как-то странно танцевал вокруг ветки.

— На чем он держится? На паутинке? Не видно…

— Да, нить паутины, вот, я вижу.

Иногда эта невидимая нить вдруг вспыхивала на солнце и вновь пропадала. Обнимались-целовались.

— Поедем в гостиницу? — предложил я.

Покачала головой:

— Не хочу…

Повезла меня обедать в свой любимый китайский ресторан около Рамле. Потом поехали в кино на «Американ бьюти».

— Я так надеялась, что не будет никаких убийств. Он должен был закончить так, чтобы все разошлись с улыбкой, это же такой легкий фильм. Но с самого начала ясно было,

все эти кровавые лепестки, что кончится плохо…

Когда в фильме герой-кинолюбитель показывает любимой девушке «самое красивое, что он видел (заснял) в жизни»: как танцует под слабым ветерком пустой целофановый мешочек, я нагнулся к ее уху:

— Помнишь тот лепесток в саду?

Она, улыбаясь, кивнула. Ей было холодно, и она не снимала мой пиджак. Когда вышли из кино дул сильный ветер. Добежали до машины. Целовались. Я опять предложил поехать в гостиницу. Опять покачала головой. Потом, вернувшись в «деревню», еще долго сидели в машине и целовались.

— Я могу тебя целовать все время. Все время…

17.3.2000. От Л:

Спасибо за записки, еще не читала. О подвигах потом напишу, ведь нужна дистанция?

Для Л: *В воскресенье пошлю «Альбом» и Агнона*

От Ф:

Дорогой мой, надеюсь, ты на меня не сердишься из-за моего молчания, мне и так очень тяжело.

Ты написал, что понимаешь меня, но проблема в том, что я себя не понимаю.

Что было, есть и всегда будет, это осознание, что ты человек очень близкий и дорогой.

Наши отношения — это то, что принадлежит нам обоим, поэтому ответственность за них и право определять их судьбу — наше, вдвоем.

Обиды здесь ни при чем.

Ты пишешь, что тебе «тяжело». Я это понимаю так, что раз ситуация стала тягостной, ее надо менять. Люди должны приносить друг другу радость, а не заниматься поднятием тяжестей. Мне, во всяком случае, этот спорт уже

не по возрасту. Наши отношения с самого начала были теплой дружбой. Давай вернем их в это состояние. Мне показалось, что ты понимаешь все это так же как и я, поэтому и написал «понимаю».

А что мне уж действительно не понравилось, если хочешь знать, так это какие-то, извини меня, угрожающие напоминания об «ответственности» и о «правах». Я хочу быть — и тебе искренне того же желаю — свободным человеком, и иметь возможность самому выбирать друзей и формы отношений с ними.

18.3. От Ф: *Ты действительно понимаешь. Спасибо*

Ответственность я понимала как то, что не могу просто замолчать и исчезнуть. Твое же право выбирать друзей и отношения неоспоримо. Как и мое. Так что зря ты рассердился. Твои отношения — тебе строить. Я же могу принимать или не принимать свою «роль», и только свою.

Попробуем вернуться к теплой дружбе.

Френдли секс тоже не помешает. Время от времени…

От Л:

Мне сегодня приснился длинный сон с тобой, твоей супругой, Р и даже с Наташкой… я привезла лесную землянику из Испании (там, в Барселоне на рынке видела сверкающие бусинки лесной земляники, с ее неповторимым запахом детства) мы с Наташкой радуемся ей, потом помню мы в каком-то странном замке, в Ерушалаиме, там ортодоксальный хиромант нам что-то объясняет, и ты со мной, а потом приходит Р, и ты подходишь к ней и показываешь мне, очень смешно показываешь, на пальцах, что у нее грудь больше моей, а Наташка возражает, потом мы с тобой у фонтана голые и светает, нам нужно успеть одеться потому что приходит твоя жена и мы с ней разговариваем, она почему-то мне очень рада, как старой знакомой и говорит про какой-то бизнес ее и еще не помню что…

Ай-да сон… Мы во Флоренции тоже набросились на землянику и малину…

А меня позавчера Р пригласила в свой любимый китайский ресторан и вдруг туда заходит наш с тобой старый дружок А-Поц А-Гадоль[1] *с какой-то бабой, тоже смутно знакомой. Как всегда сделал вид, что не узнал-не заметил. Ну, я тоже обниматься не полез. Но все-таки как-то взволновался. Вот есть такие люди, их не так уж много, слава Богу, что когда встречаешь их — как будто наткнулся на что-то мерзостное и весь в нем перепачкался.*

А еще «астральное тело» взбунтовалось было, аж напугало. Но вроде присмирело. Пришлось-таки злобно оскалиться…

В лесу, когда дамы пошли погулять, Мирон продемонстрировал фотографии свой любовницы в голом виде. В ванне, из ванны…

— Вот я снял ее новый домик, это она с матерью…

— А мамаша тоже ничего…

— Да, без лифчика ходит. Она мне тоже говорит: не подглядывай…

Мы с Аркадием одобрили — хорошенькая.

— Она выглядит младше своих лет (36). И фигура мальчишеская: маленькая грудь (мы запротестовали), но зато крепкая попка, поэтому кажется…

Тут не только хвастовство, но очевидное сексуальное возбуждение. Он уже показывал мне когда-то фотографии жены и предлагал свинг. А Аркадий рассказал о Полонском:

— У Полонского, новая подруга. Ему уже семьдесят, а ей, как ты думаешь? Тридцать семь!

— Ну, это нормально, — говорит Мирон. — Вот если бы

[1] Великий поц

ей было семнадцать.

— Оля хадаша[1], с ребенком, — продолжает Аркадий.

И мы с Мироном дружно: «Аа!»

— Абсорбирует, значит, — съязвил я в адрес прославленного сиониста.

Потом пошли гулять, в тот сад на краю леска. Набежали тучи, ветер. Цветы персика (или абрикоса?) обильно облетают под ветром, как редкий розовый снег. Дорожки между деревьями усеяны лепестками.

Я вдруг стал жаловаться, что бабы надоели. Даже с женой как-то…

«Нуу! — они дружно осудили меня. — Жена — святое дело! Во-первых, это твоя обязанность, так сказать супружеская…» — «Вот именно что обязанность», — продолжаю хныкать. «Нет-нет, жене нужно оказывать уважение. А то уж совсем…»

От Л:

У меня было такое предчувствие, что не может это само улетучиться и еще будет продолжение, но почему злобный оскал? Астральное тело, оно же сама эротика?! А поц был с русской бабой? Все хочу спросить, а с Володей ты так после ссоры и не виделся? Мне понравилось из письма, что натура твоя чувствительная и легко ранимая вся «разнюнилась, заскрипела стариковскими обидами»… а когда книжку получишь?

С Володей виделся и не раз говорил. Ссоры как бы нет, но нет и прежней близости. А насчет оскала… В следующей порции записок.

Да, поц был с русской бабой, такой кудрявой блондинкой, может, ты ее знаешь, тоже училка.

Р все удивлялась, чего это я за ними подглядываю из-за

[1] Новая репатриантка

горшка с фикусом.

19.3.2000

… — Ты не знаешь что произошло! Моего «Тёму» поранили. Вот такое у меня было чувство, когда я увидела: как будто у родного человека открытую рану видишь! Я никогда не думала, что так отреагирую. И я знаю кто это сделал. Один злобный эфиоп, когда я его выгнала, у него рожа была просто перекошена от злобы.

— Странно только, что тебе раньше машину не портили.

— Вот и директорша говорит. Мне только в первый день, в нашем доме кто-то нацарапал на багажнике, но я не поняла что…

Настроение у меня было не боевое. Грусть какая-то.

— Почему ты все молчишь? Ты сегодня какой-то молчаливый.

— Не знаю…

Вдруг спросила:

— А ты хочешь, чтобы женщина тебя безумно любила?

— Нет.

— Нет?!

— Нет ничего ужасней.

— А сам хочешь любить?

— Нет. Хотя легче когда сам любишь, чем когда тебя.

— Мне тебя жалко. А чего ты боишься?

— Любовь это плен. Рабство. Когда сам любишь, то ситуация все-таки под контролем, а если тебя — караул.

— Мне тебя жалко. А если взаимная любовь?

— Это самое страшное. Это начисто разрушает.

— Разрушает?!

— Ну вот ты с тем.., вы же любили друг друга? Так что ж ты убежала? Он же хотел жениться?

— Ну, во-первых, я уехала не только поэтому… А потом… я чувствовала, что если мы поженимся, все кончится. И он был… немного простоват… И ужасно ревновал.

Делал мне такие сцены, что даже муж никогда… Он мог просто убить.

— Ну, видишь! Свобода для тебя дороже любви! Поэтому ты мне и нравишься.

— Я первое время чувствовала себя ужасно, даже физиологически, ужасно. Я даже не могла спать с мужем. Прошло много времени, пока я успокоилась… у меня была подруга, она мне оставляла ключи. Ну, я ей, конечно, делала дорогие подарки, помогала подзаработать… Но все равно я не жалею, что это у меня было. Будет о чем перед смертью вспомнить.

— Выходит, ты живешь только для того, чтобы было о чем вспомнить?

Промолчала.

— А у тебя не бывает так, — говорю, — что нет уже на всех душевных сил, усталость… ведь на каждого себя тратишь…

— А на что еще себя тратить?

Опять приставал к ней, чтоб рассказала про своего Мики.

— И опять я живу на два дома… Я когда приезжаю к нему, то уже чувствую себя… хозяйкой.

— Вы с ним выходите?

— Очень часто. Обычно в рестораны. Иногда он берет меня на свои деловые встречи. Говорит, что я ему помогаю. Учит, что и когда сказать надо для пользы дела.

— А чем он занимается?

— Деньги делает. Строит, импорт, все что хочешь… А иногда мне так от него тошно…

— Так зачем…

— А что у меня еще остается? Чем мне жить? Чужой жизнью, сплетничать?

— Вот и получается, что мужчина в жизни женщины — это все. А женщина в жизни мужчины…

— Во-первых, не мужчина, а мужчины, а во-вторых, не всё. Я очень любила математику, серьезно занималась…

Переключаю тему:

— Ну что, посмотрела фильм?

— Какой фильм?

— Ну, ты рассказывала, что мужик приглашал тебя посмотреть фильм об экскурсии…

— А ты как думаешь?

— Думаю, что посмотрела.

Засмеялась и закрыла лицо руками.

— Ой, тут ко мне напросились Люська и говорит: «Мне так нравится как ты одеваешься, но я хочу тебе сказать, только ты не обидишься? Правда не обидишься?» Ну, пришлось пообещать. «К черному костюму, — говорит, — нужны черные чулки, а не светлые, два цвета делят фигуру, укорачивают ноги. Я ей говорю: это нужно учитывать тем, у кого ноги короткие и толстые. Я плохая, да? А чего она цепляет?

Я смеюсь. Ноги у нее действительно классные.

Любимые игры с членом:

— А можно потрогать? Можно? Можно? А чего ты страхуешься? Думаешь, я сейчас вот так отвинчу?

— … ну посмотри, ну посмотри! Чего ты смеешься, ну посмотри, какой красивый! В следующий раз возьму фотоаппарат и сфотографирую! Для твоего Мирончика, ха-ха-ха!

Перед этим рассказал ей, как Мирон показывал фотографиии своей голой любовницы.

20.3.2000. От Л: *Я тут почитала Пепперштейна в тенетах, интуитивно понятно почему ты в нем разочаровался. Слушай, а где эта ваша деревня, в которой так хорошо зимой? Я сегодня видела тягомотный сон, мы там втроем и собак мой с твоей Клепой, и ты всё с моим мужем говоришь о делах, хочешь дом купить в лесу на речке. А он говорит, что около нас есть дом на продажу. А стоим мы почему-то в Рамле, помнишь, где мы на лодке катались в подземном водохранилище Ибн-Рашида, и мы гуляем, и вдруг потряса-*

ющий вид открывается, как в Барселоне на горе, там есть на горе крепость, кот. была построена на месте еврейского кладбища…
Давай записки дальше
Пурим самеах![1]

Позвонил Бараш, и опять припомнил, что я написал про 15 человек на его вечере. Так и хотелось ему сказать: нудный ты, Эпаминонд Максимыч, ох, нудный!

Просил, чтобы я Кононову написал, может стихи его возьмется издать.

Сидели с Р на скамейке, смотрели на море, на закат. Она все поеживается — холодно. Но мой пиджак не берет: «Замерзнешь». Мы в дауне: разговоры о любви, воспоминания.

— Я так ждала твоего звонка! Я утром вставала с улыбкой, зная, что мы встретимся! Уроки в тот день пролетали! Мне даже училка та, с которой я подружилась, сказала: «Ат ниръет меушерет»[2]. Как я была увлечена! Сейчас не то. Но все равно…

21.3.2000. Поехал один в Иорданию. Жена не могла, а Р я не стал рассказывать, сам погуляю, может что-нибудь подвернется. Пересекли границу у Бейт Шеана, на пропускном пункте пусто, буднично. Поднимаемся в горы, карнавал цветов. В основном зеленый и ярко-желтый. Три женщины достойны внимания. Очень милая девушка-экскурсовод с прямыми длинными волосами цвета стали, и такие же стальные глаза, губы «неправильные», с дырочкой посредине, очень милая, и одна черненькая, лет двадцати пяти: короткая стрижка, красивые умные гла-

[1] «веселого Пурима» (ивр.) — праздничное пожелание

[2] Ты выглядишь счастливой (ивр.)

за, но толстая, и с мамой, у той такие же тяжелые бочки пониже спины. И одна дамочка лет за сорок, но ничего, только курит все время и неприятные складки от углов рта к подбородку. Может и под пятьдесят. Дамочка клюет.

Крепость Аджалун на вершине. Построил какой-то полководец Саладина в 12-ом веке, или отнял у крестоносцев. Наверху холодно. Мелкий дождь.

Герат. Марк Аврелий сидел тут три месяца. Мощеные улицы, огромная площадь, окруженная колоннадой, храмы, театр, триумфальные арки. Руины моста уводят на ту сторону оврага, где муравейник арабского города, и мост завис над мечетью… Досмотреть не дали, повели жрать. Я не пошел, пробежку сделал по античности. Успел вовремя вернуться к сборному пункту. Чернявая сказала: «Вот умный человек! А мы жрать пошли, как идиоты». И добавила: «Молодец!» А мамаша мне: «Я вам только скажу, что получить от моей дочери такой комплимент совсем не просто!» Дочка сверкнула черными глазами.

Бегая по Герату, познакомился с англичанином, крупным мужчиной лет пятидесяти, говорящим медленно и степенно, с абсолютной уверенностью в вескости своих слов. Тоже восхищен Гератом, но не согласен с тем, что человечество за последние две тысячи лет деградировало. Деградация шла, он готов согласиться, до того момента, как был изобретен транзистор. С транзистора началась новая эра, мы пошли вперед семимильными шагами.

Гора Нуво. Обетованная земля внизу, в тумане. Сеет мелкий дождь. Развалины византийской церкви, мозаики. Вечереет.

Амман — большой город, новые дома, огромные гостиницы, потоки машин. Отель — пять звездочек, шик без изыска, но и без прижимистости. После ужина группу повели в ночной клуб, а я пошел спать. Дамочка сидела в фое. «Вы разве не пойдете в клуб?» — «Нет. Устал (чистая правда). Пойду спать». Надо было ее пригласить, думаю, но промолчал. Группа собралась (в вечерних туалетах!)

и отправилась в ночной клуб, на фолклор. А у меня просторный отдельный номер. Расположился в одиночестве под пуховым одеялом, представил себе поочередно всех троих в огромной постеле, потом поразвлекся с Ясперсом (взял с собой «Ницше и христианство»). Но, как говорил один осёл: песок плохая замена овсу. По ТВ ловился только второй израильский канал, там какой-то стендапист изгилялся. Жарко, нещадно топят. Плохо спал.

22.3. Утром за завтраком чернявая Ифат спросила:

— Что ж вы не пошли вчера в ночной клуб? Было очень мило. Ц*и*пи (дамочка) нарядилась в бедуинку…

Я сослался на усталость. «Кроме того, — говорю, — книжка была интересная».

— Да? Какая же?

— «Ницше и христианство», — сказал я высокомерно. И добил ее:

— Ясперса. Был такой философ.

Она уважительно покачала головой. Спросила:

— А чем вы занимаетесь?

— Как вам сказать… Вроде как писатель, да. Звучит громко, но так оно и есть.

Она проявила еще большую заинтересованность. А когда я признался, что пишу о Христе, потребовала разъяснений и подробностей. В автобусе мы сели рядом (мама косилась с явным беспокойством), и я вдохновенно предался любимому занятию: распускать хвост перед случайной бабой. Оказалось, что Ифат тоже не лаптем щи хлебает: студентка, учит философию в Иерусалимском университете, мы увлеклись разговором, не слушали объяснений и не замечали дороги. Благо туман был густейший, автобус полз в направлении крепости Монтрояль. Первоначально намеченный маршрут на Крак де Моав, разбойное гнездо Рено де Шатильона, отменили голосованием, народ боялся, что останется мало времени на Петру. Я оказал слабое сопротивление, мол, именно из-за Шатильона и поездку затеял, а мне объяснили, что крепость Шубак,

она же Монтрояль, «красивее» и лучше сохранилась. Наш иорданский гид даже пытался рассказать, какой плохой человек был Рено де Шатильон, караваны грабил, плевал на все и всех, «бед гай», а я ему: «ай лайк ит». Бунт на корабле поднял Одед, который оказался еще и левачком в придачу, говорил мне, что верит нашим генералам, которые хотят отдать Голаны, потому что «они там кровь проливали», а я ему про Петэна рассказывал, как он за Францию кровь проливал, а потом отдал ее Гитлеру. Но тут я его поддержал: ему не нравилось, что мы уклонились от плана, мол, он заплатил за Крак. Его успокоили, а я тоже не стал скандал поднимать, уступил им Крак, но разозлился. И все свое вдохновение злобы излил на бедную Ифат, мол, евреи не воины, отсюда и Катастрофа, да-да, именно евреи виноваты в Катастрофе, а не немцы, она говорит: получается у вас, что женщина виновата, в том, что ее насилуют? «Быть женщиной, как и быть евреем, это уже провокация. А быть привлекательным и слабым — провокация вдвойне. Слабость — это провокация и вина. Человек обречен сражаться». Я был в ударе, рассказывал ей о самураях, о том, что быть воином не противоречит утонченности, и дело тут не в воинственности, а в самоотверженности. Она сказала, что это эстетизация смерти. «Конечно, конечно! — соглашаюсь. — Это же вызов смерти! А победить смерть можно только полюбив ее!» Девушка была «готова». Мамаша даже подошла и пожаловалась, что дочка ее бросила. Та ласково, как больную, ее успокоила. Вдруг автобус остановился, и мы вышли в туман, из которого торчала небольшая пожелтевшая колонна. Оказалось, что тут кусок римской дороги, причем двухполосной! Так странно: посреди пустыни — следы великой цивилизации, двухполосная каменная дорога с желобками-рельсами для телег…

Спросил у Ифат, нет ли у нее знакомых в литературном мире. Хочу, мол, книгу свою на иврите издать. Обещала разузнать.

Когда подъехали к крепости, туман чуть рассеялся,

но еще висел в долинах внизу, и крепость выростала из него, как огромный щербатый гриб… Туман цеплялся за голые ветви редких деревьев, и грубые каменные скиты напомнили зимние пейзажи старика Брейгеля.

Опять разозлили всякие рассуждения объяснялки о том, что крестоносцы строили крепости для своих коммерческих шашней и угнетали местное население. Да посмотрите, говорю (круглые башни вставали из тумана, и крепость вместе с горой будто плыла гигантским кораблем вдоль ущелий), разве такое воздвигнешь ради шашней?! Тут дух завоеваний, тяжба с неизведанным! «А вам не жалко тех бедняг, которые тут камни тоскали и умирали?» — спросила сердобольная Ципи. Да все, говорю, умирают, рабы и господа, а вот это остается. Попытался перевести ей (спор шел на весь автобус) «рабы, чтобы молчать, и камни, чтобы строить» «великого поэта Мандельштама», но про Мандельштама в автобусе никто не слыхал, а «молчание рабов» возмутило Ципи до глубины души (надо было ее все-таки пригласить в мою огромную спальню). «Значит права личности уважать не обязательно?» — язвительно подхватил Одед ее возмущение. Ну все, думаю, опять записали меня в фашисты.

На обратном пути еще лаялись за Косово и Чечню. Одед этот в Америке живет, работает в лаборатории Белла. Такой преуспевающий транзистор.

Петра была тайной набатеев — город, вырубленный в скалах. Идешь долгим, узким ущельем, вокруг сдвигаются щербатые, выветренные горы в черных дырах пещер, они обступают тебя как сказочные чудища, и вдруг, внезапным освобожденьем, ущелье кончается, выводит на площадь с огромным эллинистским храмом, выбитым в красной горе. *Села хаадом*[1].

Толпы туристов. Старые тайны нынче хорошо продают-

[1] Красная скала (ивр.)

ся…

23.3. От Ф: *Как съездил? Петру видел?*

Мне трудно представить, переключиться, что завтра уезжаю, вся в буднях и заботах. Так глубоко нырнула, что и не вынырнуть, кажется. Купила Юнга «Алхимия и философия», и оставила в книжном проспекты своих лекций, вдруг кого заинтересует.

Все пропахло весной, здорово и тревожно.

А как сын в армии?

Петра — тайна, засиженная мухами-туристами

Сильнейшее впечатление — Герат. Почти целый античный город, заложенный еще Александром Македонским. Руины моста через овраг ведут в никуда, в однообразную тесноту-мельтешню плоских арабских крыш.

Да, весна…

Сын жалуется на безделье — не дают им повоевать (слава Богу). Настроение нормальное.

Хочу надеяться, что по возвращению увидимся.

Позвонил Р. Рассказал о путешествии

— Я очень рада что ты позвонил. Неожиданно. Я уж както и не жду теперь…

24.3. Жена утром щебечет:

— Я позавчера, когда к курицам пошла (на работе), а там у нас кошки, их от мышей держат, так одна кошка, огромная такая, вдруг стала так ластиться, я прям поразилась, об ногу терлась, хвост трубой, я ее погладила, так она от меня не отходила…

— Кот, наверное.

— Может быть. Такой ласковый, я прям поразилась. Я вообще кошек никогда не любила. У нас была в детстве кошка, она однажды взбесилась, залезала по занавескам под потолок, порвала занавески, и сидела там орала, ее

потом в старую сумку запихнули и отвезли на вокзал, а она через день вернулась…

Ходили на японский балет, «Санкай Джуку». Игры света и тьмы, странная музыка. Большие стеклянные кругитарелки, висящие на тонких тросах. Когда их покачивают, летают блики. Танцоры лежат на них, сворачиваясь и разворачиваясь, как цветы. Фиксирован каждый момент движения. Скульптурность. В европейском балете прыгают, бегают, крутятся, летают, а здесь — медленно плывут. Балет не движения, а жеста. Что характерно. Да, еще живой кролик, подсвеченный, в чаше на высокой ножке. Этакий дзен-кролик.

Но слишком много повторяющихся приемов. Как, например, раскрытые рты. Иногда кажется скучным, но все равно хочется смотреть еще и еще. Завораживает.

25.3. Случайно наткнулся на свое имя в каком-то невнятном сетевом разговоре, судя по всему, двух литераторов:

Цырлин: *16 Sep 1999 (12:34:39)*

Торин, Вы, что ли, считаете, что если в произведении нет детективного сюжета, всяких хохомчек (типа назойливого сравнения сотрудников с карасями и щуками) надуманых эпизодов итд — то это уже не литература, а всего лишь журналистика?

Материал отчасти интересный, но его надо, тсказать, уметь преподнести

Мне, знаете, что понравилось из прочитанного в последнее время? Наум Вайман, Описание жизни в Израиле середины 90х в форме дневника. Эпизоды из жизни (от быта до политики), параллельно этому — рассуждения автора. Читать достаточно интересно, хотя интриги как таковой нет, а Израиль меня лично интересует заметно меньше, чем, допустим США. (Не говоря уж об общественной позиции автора — нечто вроде израильского Эдички

Лимонова. Этакий ебарь-патриот (я конечно извиняюсь). Тоска по древним принципам, разрушаемым злыми либералами в сочетании с неразборчивостью в личной жизни. Думаю, что когда автор очень старается быть увлекательным, забавным, остроумным и т.п., то результат обычно получается прямо противоположным

Торин: *16 Sep 1999 (21:20:21)* Цырлину:

Щель обетованья я читал, но писать в таком стиле желания нет. Хотя в Израиле жил 3 года и многое видел. Все люди разные. И восприятие у них разное. И потом, «Кризис» уже написан, к этой теме вернусь вряд-ли.

Левон: я не о любви-нелюбви, я просто не воспринимаю напыщенную одиозность Бараша как профессионализм, хоть Вы меня укусите:

Мне сложно судить.

Пока я вижу только защиту Байтов-Бараш действует вполне грамотно.

Насчет остального.. ну Оля Медведева-Премингер и Наум Вайман, конечно, тартареновски хороши, но у каждого издателя такие есть.

Марику пятьдесят. Подарил ему свою книгу. Если вам за пятьдесят — это ваша книга, как написал какой-то критик…

26.3. Звонил Пете Криксунову на предмет издания на иврите, «посоветоваться». Петя держит дистанцию. Послал ему книгу.

Родная гостиница забита туристами. Побрели по набережной, зашли в первую попавшуюся. Мужик с кавказским акцентом и сломанным носом посоветовал (по-русски) сначала посмотреть номер. Поднялись. В таком убогом логове мы еще не спаривались. Но таскаться в поисках…

— Ну как? — спрашиваю.

— Ну что уж…, — сказала, — ладно.

Я спустился, бросил кавказцу: «Это, конечно, не Рио де Жанейро» (кажется, он не оценил мою начитанность), заплатил за номер и вернулся.

— Да, номер, конечно…, — сказала она.

— Так чего ж ты не сказала?!

— Я думала, что ты уже заплатил.

Но ничего, скоро мы позабыли про эту убогость. Начисто позабыли.

— Если бы я была большим крокодилом, я бы тебя всего проглотила, и ты бы сидел у меня внутри… А знаешь, всё что от тебя в меня вошло, еще там шевелится…

Принес ей книгу. Потребовала надписать. Долго мучился. Тогда она открыла ее на случайной странице: «Вот, прям из книги. Пиши: «Чудо в ней внезапная милость и случайный покой». … Вот вроде бы обычный день, а какой хороший! Ты мне подарил такой чудесный день! Я уж и не думала, что такой может быть. Как будто я давно тебя не видела. Те два раза не считаются. Значит, я тебя три недели не видела…

Звонила Ифат, дала телефон университетского издательства. Предложил встретиться, но она уезжает в Германию.

От Л:

Вчера ездила в N-Y, на свидание с сыном. День был теплый, солнечный, город красавец. Вспомнила про твою улицу в Милане. Погуляла в централ парке, все цветет, запах весны, посидели в ресторанчике открытом. Потом, к вечеру, пошли в джаз-кафе, он там был и сказал, что подумал, что мне там должно понравится. Джазисты колоритнейшие… потом он меня посадил в электричку. Уже стемнело и в окошке, как в зеркальце потустороннем, я увидела совсем незнакомую тетеньку…

28.3.2000. От Л:

Мне понравилось про фрески во Флоренции и про улицу в Милане, в кот. ты влюбился. Матвея эпиграммка тоже ничего, а от комментариев я давно воздерживаюсь… Ты наметил уже жертву для перевода на иврит? Как дела с Христом? Вот уже и папа Римский полумертв, а ты все тянешь, все оттягиваешься, все у тебя отговорки разные. Не пора ли послать подальше свои развлечения и засучить рукава?

Заехал к Гробманам. Подарил книжку. Написал: «крестным». Мише не понравилось. Мол, у евреев крестных не бывает. Попросил взять в кавычки. Еще попросил поставить число. Серьезно относится. На столике лежала заметка из «Литературной газеты» о «Зеркале» и «Иерусалимском журнале», где журналы названы «близнецами».

— Что за чушь? — удивился я.

— Ну дурак, дурак, — сказал Гробман об авторе заметки.

— Да ладно, — успокоила его Ира, — все-таки реклама. Правда, обосранная…

Рассказала, как по РЭКе[1] Вайскопф, Губерман и Окунь против одного Бараша дружно обсирали «Зеркало». Особо подло обсирал Вайскопф. Заявил, что «все их авторы к нам перебежали». Это был в мой огород камешек. Я закинул удочку насчет издании на иврите. Ира обещала помочь. Рассказала о пикировке с Эммой Герштейн в «Новом мире». Показала заметки.

Я еще подарил Гробману книгу Брусиловского. Гробман растаял. Сказал: «Ира… сходи там, принеси…» Ира пошла. Как я понял, за журналом. Молчу, Бараш велел не выдавать. То ли Гробман что почуял, то ли на всякий случай спросил — вдруг не придется расставаться:

— У тебя журнал есть?

[1] Израильская радиостанция для репатриантов

Ну не смог я соврать. Не смог.

— Есть, — говорю, и улыбаюсь.

— Ира! — громко крикнул Гробман. — Не надо, у него есть.

Ира уже возвращалась с номером. Неловкость.

— У тебя есть? — переспросила.

— Есть, — говорю.

— Кто дал? — строго спросил Гробман.

И опять я не соврал во спасение.

— Бараш.

Гробман кивнул. Мол, разберемся с этим Барашем.

Уже у выхода, Гробман вдруг:

— Давай я тебе какую-нибудь книжку подарю, вот, про лысенковские дела, 47-ой год.

— Спасибо, Миш, не стоит, все равно я читать не буду, нет у меня времени.

— Ну давай чего-нибудь… вот, Пушкина, хочешь? «Евгений Онегин»?

Книжка была без обложки и первых листов.

— Ладно, давай.

Не отстанет ведь.

— Это, как газета, — объяснил он, — в метро читать.

Спросил у Гробмана, как ему выставка Паши? Язык у Гробмана, конечно, чесался, но рано, рано было сводить с Пашей счеты.

— Ну, можно сказать, что нет в ней ничего стыдного. А по нонешним временам это не мало.

Я не согласился. Сказал, что очень мало рисунков, как-то чересчур скромно и чересчур концептуально, то бишь идеологизировано, не искусство, а какой-то набор лозунгов. Гробман вновь промолчал.

От Л:

отпусти меня, старче, в синее море! Ведь и мне надо как-то жить дальше. Как Остап Бендер говорил — вчера

на рынке мне предложили вечную иглу для примуса, и я отказался. Не хочу ничего вечного…

А желания кто исполнять будет? Причем три!

А у вас с сыном прям роман… Как тебе это удалось? Позавидуешь…

А как «дистанция», образовалась уже для рассказа?

Наум, привет!

Список №28

1. Сергий Булгаков. Агнец Божий. /Книга вышла в Париже в 1933 году тиражом 700 экз. (с тех пор не переиздавалась) и вызвала травлю со стороны церковных иерархов и теологов-ортодоксов (типа Вл. Лосского): Булгакова обвинили в том, что в его софиологии София трактуется как четвертая ипостась, что нарушает принцип троичности. Данный труд является вершиной творчества Булгакова, но не только. Цитирую предисловие (игумена Иннокентия): «В лице «Агнца Божия» мы имеем не только, пожалуй, самый значительный богословский труд XX века (рядом с ним могут быть поставлены разве что «Догматика» Карла Барта и «Систематическое богословие» Пауля Тиллиха), но и несомненную вершину русской софиологии, которая в свою очередь может рассматриваться как вершина всего греко-православного богословия». От себя добавлю, что, по моему разумению, русская софиология представляет собой завуалированное гностическое учение. Привожу названия некоторых разделов: «Христология единства (монизм) ’; «Христология двуединства (дифизитство) ’; «София Божественная»; «София тварная»; «Боговоплощение»; «Эммануил и богочеловек»; «Уничижение Господа (кеносис) ’; «Богочеловеческое самосознание Христа» и т.п./ М.: Общедоступный Православный Университет, основанный протоиереем Александром Менем, 2000 — 464 с — 112

2. Ги Дебор. Общество Спектакля. /Книга вышла в Париже в 1967 г., накануне молодежных волнений, которые отча-

сти спровоцировала. Автор — левый радикал крайнего толка; был обвинен в убийстве соратника (Жерара Лебовичи), после чего (правда, через десять лет) застрелился. Выработал учение о пассионарно-церемониальной негативности (противопоставление буржуазной спектакулярности свободной игры индивидуального конструирования ситуаций). Был самопровозглашенным лидером Ситуационистского Интернационала: радикальный потлач (этнологический термин Мосса), праздник дарения, не имеющий конца как образец грядущей революции. Книга имеет определенный интерес и для теории Рампы (автор — ярый рампоборец). М.: Логос (Радек), 2000 — 184 с — 55

3. Ханс Зедльмайр. Искусство и истина. О теории и методе истории искусства. /Автор (1896 — 1984) — выдающийся австрийский теоретик, последователь Ригля («художественная воля») и постоянный оппонент либерального Панофского. В 1932—33 годах был членом нацистской партии, за что ему после войны было запрещено преподавать и публиковаться (все работы 1946—48 годов вышли в свет под псевдонимами). В зрелом возрасте «канализировал» свою пассионарность в пылкий католицизм и привлек в интерпретацию опыт сакрального /«история искусства как история религии (и как история культа особенно) способна объяснить несравненно больше фактов, чем история искусства как история социума или история рас»/. Автор двух нашумевших книг (по типу амбициозности сходных с «Закатом Европы»): «Утрата середины» (1948) и «Возникновение собора» (1950); в первой провозглашается «приговор-утрата», во второй — «синтез-возникновение» (спиритуализованный вариант «истории духа»). В данном сборнике представлена теоретическая квинтэссенция его идей. Есть ценные соображения, близкие к нашим «итальянским мотивам»: «Является ли то, что в своей материальной связности кажется нам целым произведением, действительно замкнутым целым — как, например, настоящая „станковая картина“ — или это лишь частичная целостность в большем целом,

в которое мы должны мысленно вернуть произведение. Внешним границам произведения искусства — например, рамам станковой картины — нет необходимости совпадать с его „сущностными границами“». М.: Искусствознание, 1999 — 367 с., 10 илл. — 65

4. Макс Брод. О Франце Кафке. Франц Кафка: Биография. Отчаяние и спасение в творчестве Франца Кафки. Вера и учение Франца Кафки. /Незаменимый первоисточник. В «Приложениях» приводятся (впервые по-русски) наиболее интересные воспоминания других лиц о Кафке/ СПб: Академический проект, 2000 — 505 с — 104

5. Фр. Л. Йейтс. Джордано Бруно и герметическая традиция. /Крупнейшая современная специалистка (Англия) по ренессансному оккультизму, автор изданных по-русски книг «Искусство памяти» и «Розенкрейцерское Просвещение»/ М.: НЛО, 2000 — 528 — 112

Во вторник, 21 марта, ко мне приходил, после довольно длительного перерыва, Миша Файнерман. Я отдал ему экземпляр твоей книжки, так что если ты еще ему не выслал по почте, то и не надо. Миша, конечно, выглядит плоховато, но, сколько я помню, он хорошо никогда и не выглядел. Во всяком случае, по его собственному ощущению, он вроде бы пошел на поправку (относительно, конечно); курит, по крайней мере, намного меньше. Чуток «пофилософствовали», но Миша очень скоро устает и больше лежит молча на диване, нежели «аргументирует».

На сегодняшний день я раздал уже больше 30 твоих книжек.

И мне, наконец, передали (на дискете) твое письмо о Ренессансе. Отсутствие интернета причиняет все же массу неудобств.

Остановлюсь на нескольких моментах.

Самый интересный (по проблематике) раздел твоего письма касается «симбиоза» искусства и религии. Я полагаю, здесь сказывается тот огорчительный факт, что продвинувшись (с большим скрипом) в каком-нибудь важном

направлении (например, в осмыслении схемы: Синкретическое единство — Жрец и Маг — Культура и Религия), — мы бросаем тему и не делаем тех выводов, ради которых было начато обсуждение. А суть выводов, которые, по моему разумению, с неизбежностью следуют уже из тех моментов схемы, с коими ты вроде бы согласился, состоит в следующем. Дело не в том, что искусство «жмется к стенам религиозных храмов» (даже если ему самому так кажется и на бóльшее оно не претендует — по крайней мере, осознанно), а в том, что оно обретает в архитектонике храма культовый синкретический хронотоп жреческого типа — и делает это не только независимо от религии магического склада (типа христианства), но и вопреки ему. А религия, пользуясь неосознанностью мотивов художника, контрабандно ставит себе на службу совершенно чуждую стратегию снятия индивидуации. Есть большой резон в твоей идее: христианство не возникло в результате проповеди Иисуса, а было выстроенным по классическому катартическому сюжету мифом, — но я бы переменил акценты. На самом деле христианство таки возникло «в результате проповеди Иисуса»; это была чистая эсхатологическая религия не снятия, а пестования индивидуации, предназначенная не для жизни, а для апокалипсиса — и потому абсолютно чуждая культуре (предназначенной именно для обустройства жизни). И такое христианство существует, но не внутри украшенного фресками храма, а в мистике и иконоборчестве, в регулярно возобновляющемся возвращении к «первоначальной чистоте веры». Что же касается «исторического христианства», то это типичный контрабандно-шизофренический комплекс (а вовсе не органический симбиоз), основанный на попытке спастись сразу двумя противоположными способами: жреческим (синкретическая катартика фресок) и магическим (иконоборческая стратегия «прямого» спасения). Искусство действительно спокойно может обойтись без религии (но не без «воспоминания» о своих жреческих синкретических корнях, которые старше религии). Религия тоже могла бы

обойтись без искусства (продержаться на чистой магии), но только очень недолго — в эпоху искреннего и массового ожидания близкого конца света. Поэт Тютчев гениально уловил в лютеранстве (самом массовом из иконоборческих порывов человечества) его глубинную суть: 1) в христианском храме не должно быть ничего, кроме голых стен (ибо катартика фресок знаменует собой языческое постоянство вечного возвращения); 2) молитва христианина (именно молитва, а не возобновляющийся пластический культ) может быть, по сути дела, только однократной, последней, «пороговой» (то есть анти-катартической).

…Сих голых стен, сей храмины пустой
Понятно мне высокое ученье.
Не видите ль? Собравшися в дорогу,
В последний раз вам вера предстоит:
Она еще не перешла порогу,
Но дом ее уж пуст и гол стоит.
Еще она не перешла порогу,
Еще за ней не затворилась дверь…
Но час настал, пробил… Молитесь богу,
Последний раз вы молитесь теперь.

Иными словами, истинно христианская молитва предполагает последующий «прорыв в инобытие», окончательный шаг в потусторонность, а не благополучный возврат к земному благоустройству циклического времени, обеспечиваемый катартикой (в том числе и фресковой). Добавлю, что такие порывы не проходят даром и ведут к не менее мощному откату: протестантизм стал в конечном итоге религией благоразумного и бескрылого обустройства здешнего мира. Впрочем, «конечного итога» здесь быть не может: пример протестантской «диалектической теологии» (Карл Барт, Бультман и др.) показывает, что жив еще курилка — зловредный миро- и человеко-ненавистнический дух пропове-

ди Иисуса.

Когда же апокалиптический пыл угасает, религия становится (как ты и отметил) по большей части катартическим мифом — и наступает эпоха контрабанды и сотериологической шизофрении.

Остаюсь всегда твой

Матвей

29.3. От Л:

сегодня получила книги, Агнона и «Альбом», большущее спасибо. Да, с сыном бли айн ра[1].

Я давно умираю рассказать, но… боюсь опять не поверишь, как с поцом и натуропатом, тем более, что мне и самой не верится. Давай, говори желания, посмотрим, что я могу для тебя сделать.

Первое желание — погоди пока с синим морем. А насчет веры… Всегда хочется чтобы рыбка золотая только у тебя бы трепыхалась в ладошках…

Давай, рассказывай.

Матвей, привет!

В связи с моими историческими изысканиями, мне жутко интересно понять тот узел, где завязалась религия Спасения, определившая нашу цивилизацию, и Булгаков в этом плане пригодится, спасибо, и вообще, твои соображения о Христе были для меня очень ценны. Да, все дело в апокалиптике. Иисус был воинственен и неистов, и это «подходит» апокалиптической направленности его проповеди: если конец света за углом, думать некогда, надо решать. У меня вообще сложилась довольно ясная картина того идейного и исторического контекста, в котором он действовал.

[1] Буквально: «без дурного глазу» (ивр.) Русский эквивалент: «тьфу-тьфу, чтоб не сглазить»

История долгая, если захочешь, изложу, но вкратце суть дела в том, что эпоха прямого взаимодействия с эллинской, а затем римской цивилизациями, которая началась с войны с греками и закончилась войной с Римом и разрушением Храма (примерно лет триста) была эпохой нарастающих апокалиптических настроений. Котел долго кипел и все ждали взрыва, а многие его и жаждали. Эту перманентную войну с античным миром нельзя было выиграть (слишком неравны силы), но и нельзя было от нее «уйти»: никакие формы «покорности» не канали, и дело не в степени политических или идеологических компромиссов, просто эллинская цивилизация полностью поглощала. Компромиссов было много, пытались как-то переделать, приспособить религиозные установления, шел процесс ассимиляции в греческой культуре, прежде всего со стороны знати, но постепенно расширяясь, культура эта пленяла не только цивилизационными достижениями, но и интеллектуальной высотой и свободой, это было как оползень. И если не оказать сопротивления, можно было распрощаться и с верой, и с гордой идентичностью избранного народа, детей Бога, а сопротивление вело к физическому разгрому. Осталось только надеяться, что Господь поможет, надеяться на чудо, на пришествие Мессии. И эта отчаянная вера все крепла и накалялась. В конце концов все созрело для веры в Его приход, его искали уже под каждым кустом, и любой смельчак мог объявить себя народным Пастырем, посланным Богом, и таких было много, земля кишела юродивыми и авантюристами, но, как всегда, в этой жесткой конкуренции мог победить только один… Все, что Иисус сказал о себе и о том «царстве Божием», что он пришел провозгласить, записано во множестве апокалипсических книг того периода, и тексты огромной библиотеки, спрятанной на две тысячи лет в пещерах Иудейской пустыни, убеждают в этом. Он занял готовую нишу, пришел на уже нагретое место, по принципу: вы хочите песен, их есть у меня.

И ведь по сути произошла интересная вещь: духовная

мощь сопротивления была так велика и так бескомпромиссна, что эта сопротивляющаяся цивилизация (иудейская) не только заинтересовала греков, но и увлекла их. Тут и перевод Торы на греческий семидесяти толковников, и возникшая литература взаимовлияния (не исключено, что единобожие стоиков из того же источника), и я теперь вижу, что и христианская и гностическая теология вышли из иудейской апокалиптики. А кончилось тем, что греко-римский мир принял иудейского Бога, как своего, а сына его, как своего Спасителя! Так что как бы и неясно, кто в конце концов победил, кажется, борьба идет до сих пор… А разве современная западная технологическая цивилизация не пожирает все своей всеядной свободой? И она так похожа на греко-римскую…

30.3.2000. Пятница

Вчера ездил к Саше К., деньги отдал, подарил книжку. Он полистал, понял, что дневник, и говорит: это удивительно, что ты еще не потерял интереса к себе. Он выкупил у Лейбовича магазин, продает все книги по пять шекелей. Я, покопавшись, отобрал несколько. Они ездили в Испанию и у Веры новая картина: «Ярмарка быков». Понравилась. Мне нравятся ее картины. Такой темпераментный колорит. Хотя ей уже за семьдесят. Саша, провожая, удивил, бросив: «Вообще, надо найти что-нибудь…» — «А вот это, — говорю, — я на сто процентов поддерживаю!» И мы похихикали. А до поездки играл с кабанчиком (задрал его!), и он туда же: после такой игры хорошо бы пару девиц! «Ну, — говорю, — ты к девочкам еще не наладился?» Стал жаловаться, что нет денег и времени. А какую он активную половую жизнь вел лет до сорока пяти! Но рассказ отложили до следующей игры.

От Саши хотел позвонить Р, но не получилось, потом торчал в пробках и поздно приехал… Вот и сосет тоскушенька, хоть стихи сочиняй.

Жена обозвала «творняшкой». Утром гуляли в парке. Держит меня за руку, подпрыгивает, на качелях качается. «Ой, какие большие вороны!» Нюхает только что распустившуюся чайную розу: «Понюхай, как пахнет! Нет, это с ума сойти! А эта, старая паршивка, вроде все тоже самое, а не пахнет. Вот она, жизня…»

От Л:

он очень похож на тебя, только чернокожий. Веришь? Если веришь, буду дальше докладывать…

Верю, верю

Dio получил, спасибо. Нашел что нужно, перевожу потихоньку

А вообще грустно мне. С тоски работать подрядился, недели две без продыху. Все равно Христос в тупике. Читаю «Евангелие от Иуды» Панаса. Радует только что я этот «уровень» прошел. Все они опираются на евангельские рассказы, как на костыли. Но это неинтересно. Надеюсь, что созрею для чего-то другого…

А про поца я не то чтобы тогда не поверил, а поразился тому, что казалось мне невозможным (не в смысле твоей «измены», а в смысле «уступки» такому поцу), ну а с парапсихом ты же сама призналась, что мистификация. Я был готов поверить, но описание вычурного секса было уж чересчур «литературным»…

Дорогой Наум, привет!

Вот я вернулся отовсюду в Питер. Книги розданы критикам. Ждемс.

Объелся Италией, правда, в визуальном смысле, так как в оральном это все же дорогая страна.

Венеция смертолюбива до ущемления простаты, это словно падаешь в детском сне в выгребную яму, полную золота. Ну и все такое.

Про вашу прозу говорят всякое, но я это не запоминаю,

так как имею собственное мнение на сей счет. Посмотрим, что будут писать. Хотя писать трудно, так как надо многое знать.

Что у нас еще… Что-то. Суета, в которую важно не втянуться. Погода херовая. Холодно еще. Все медленно в этой жизни происходит.

Купил вот диск тенора Козина, который умер в Магадане несколько лет тому назад девяносто с гаком лет от роду. Записи 30-х годов. Его любили в моем семействе еще в Саратове, напевали и мурлыкали. Вот слушаю, не зря его приглашал в Тегеран в 43 году Черчилль спеть на вечеринке вместе с Марлен Дитрих. Его потом на самолете отправили в Москву на следующий день. В 44 году он сгинул. Эх!

Я рад, что Вам понравилась моя проза в НМ. Я сам не знаю как к ней относиться, точнее, как соотноситься. Мне мой один московский очень давний друг сказал, вы его, кажется, знаете, это Сережа Надеев, что мне «не хватает ясности». То есть я мало рассказал о том, почему я вообще все это описал. И тут-то я задумался. Оказывается, что не всех посещает чувство сожаления о том, что на этой земле так много народа умерло. Я полагал, что это понимают все. Ведь жаль-то невероятно. Или это мнимый импульс? А может это мое сообщение просто его фрустировало.

Кто что поймет.

Ну вот и все новости.

Всех благ

Пишите

Ваш НК

Kozin i Barash

Дорогой Николай!

Я рад, что вы вернулись. Козина и у нас певали в семье, вернее отец пел (он и на гитаре бренчал немного), у него был высокий баритон. Эта «болезнь» перешла и ко мне: я тоже бренчу и люблю попеть, хотя Бог талантов не дал. А Козина я слушаю минимум два раза в неделю, когда еду на работу,

ставлю свою любимую кассету, я ее записал с диска, называется «Осень», интересно, тот ли это диск, что вы купили. Я помню жутковатую сцену, когда несколько лет назад Козину (незадолго до смерти) дали какое-то звание (заслуженный артист России?), и к нему в Магадан приехала делегация во главе с Кобзоном, и Кобзон, «в честь нашего заслуженного», вздумал какой-то романс затянуть (а певец он абсолютно деревянный), так Козин его прервал, говорит, дайтека я попробую, тряхну стариной, и запел. Голос-то уже старческий, дребезжащий, одной «душой» спел, но такой был «переход», будто после машины живой человек запел.…

А с Сережей Надеевым я действительно лет десять назад познакомился, через Витю Зуева, обсуждали возможность издать мои стихи. (Кстати, о стихах. Напоминаю вам о своем «запросе» насчет возможности издать стихи Александра Бараша.)

Из вашего замечания о том, что о прозе «говорят всякое», я понял, что не в восторженных тонах говорят, но все равно интересно. Хотя, конечно, важнее что напишут, если напишут… Вот в интернетовском (почти интернатовском) «Русском журнале» (http://www.russ.ru/krug/vybor/info86.html) кто-то написал: «Опять-таки произведение, хорошо знакомое посетителям русской Сети; на „Инфоарте“ оно было вывешено под куда более горячим заголовком „Щель обетованья“. На бумаге, чего греха таить, выигрывает: рефлексии вокруг израильского житья-бытья бывших российских интеллигентов лучше читать при мягком свете ночника, а не при зловредном мерцании монитора. Вне всяких сомнений, Вайману удались эросцены; если вам за пятьдесят и потенция сбоит — это ваша книга». И на том спасибо. Не понял только слова «сбоит».

А что, французы «рефлексией вокруг израильского житья-бытья бывших российских интеллигентов» не заинтересовались?

Всегда ваш

Наум

P.S. Привет Марианне. Что с ее планами посетить наши края?

Бараш предложил сделать в следующий четверг капустник на крыше, чтобы каждый что-нибудь выдал в чуждом жанре: Гробман чтоб спел, а Гольдштейн сплясал. Осторожно катанул маленькую, пробную бочечку на Гольдштейна: «Что-то Гольдштейн в последнее время, как отмороженный. А ты с ним общаешься?» Успокоил его, что изредка, по телефону.

От Л:

Ты мне обещал перекинуть кусочки из Толдот Ешу[1]*. С натуропатом я перепутала Гудзон с Ист-Ривер, а не выдумала… как там астральное тело? И райские кущи? Давай записки дальше. Убегаю на работу. Не грустите юноша…*

«Я ей сказал, что если она будет путаться с евреями и матадорами…» Откуда это, помнишь?

Я купил сканер, но еще не освоил. С его помощью мог бы перекинуть кусочки из Толдот Ешу.

С натуропатом все-таки было чересчур литературное описание, вся эта лизня промежностей… Может ты испытывала неловкость, рассказывая мне об этом, какой-то был в «рассказе» излом… Так как идут с ним дела?

А что с негром? Ты влюблена? В каком смысле на меня похож?

Астральное тело пока в подвешенном состоянии.

В следующий четверг (6.4.) у меня будет вечер, вернее, вечеринка, «на крыше».

А книгу ты уже должна получить…

1.4.2000. Суббота. От Л:

[1] История Иисуса (ивр.)

Получила книгу! Не понимаю, как можно было в ней разочароваться… тоже мне, отец.

Я не хотела чтобы тебе было тоскливо, а хотела чтоб обнявшись посмеяться вместе за пивом.

А шрифт, мать, разве не мелкий-бледный? Перечитывать будешь? Или надоело это все…

Посмеемся за пивом? Не знаю. Хотя сегодня первое апрель…

Ну так что, будем признаваться или будем дурака валять?

От Ф:

Понимаю, сама не люблю хныкать, боюсь быть в тягость, признаваться в своей уязвимости и слабости, боюсь непонимания. Но мне так хочется, чтобы между нами этого не было, и чтобы открытость наших отношений разрешала и пожаловаться на жизнь, если тяжело на сердце.

Как книга? Появляются рецензии? Ты собирался делать презентацию?

А как пишется новый роман? Ты мне давно ничего не присылал.

Муж снова уехал на две недели. И как всегда, когда он уезжает, случается какая-то гадость. На следующее утро меня разбудил крик дочери, я вскочила и увидела нашего кота, бегающего по квартире с воробьем в зубах. От этого зрелища завопила и я, и бросилась в спальню. Я-то вопила от неописуемого и необъяснимого страха, ребенка же ситуация очень забавляла, особенно моя реакция. Кот был в упоении от успешной охоты, в нем проснулись первобытные инстинкты, и он угрожающе рычал, спрятавшись под столом. Но воробей, видимо, оказался не таким вкусным, как рыбка, которой мы его балуем, и он выпустил трупик, решив использовать его как мячик, и стал футболить им по квартире. Тут ребенок его отобрал и выбросил. Я же трусливо стояла под дверью, пока она все не сделала. Представляешь?

Я не знаю, что бы я делала, если бы была одна (я почему-то всегда примериваюсь). Так бы и сидела в спальне. Совершенно парализующий ужас.

С 1-го апреля я перехожу на ставку. Да, день удлинили, буду работать до 4-х, а не до 3-х, как раньше, чтобы не работать в пятницу. Меня эта перспектива жутко угнетает.

Две недели подряд буду готовить лекции на иврите, и пока не в состоянии, все откладываю. Обдумываю, но не записываю.

Интересны мои уроки рисования, когда встретимся, покажу стихи. Учительница очень хвалит стихи и ругает картинки. А рисую я пока каждую неделю одно и то же: четыре времени года с помощью одной горизонтальной, двух-трех вертикальных линий и круга. И стих к рисунку. Лаконизм зверский. Так и нужно, чтобы ничего лишнего. И куча технических заданий. А урок — ее рассказ о том, что такое картина, как научиться их видеть, чтение стихов и всякие байки из жизни. Это пока — я сейчас в «подготовительном классе». Очень здорово.

После Пасхи собираюсь снова читать весь курс, но желающих пока — пару приятельниц, я не в ладах с рекламой и организацией публики.

Да, очень хочется увидеться.

Спасибо за длинное письмо. Согрело…

Книги пришли, хочу передать экз. Да, «занимаюсь» ею: рассылаю, звоню, организовываю вечера. А роман «застрял». Может и к лучшему. В воскресенье закончу в пол-четвертого, постараюсь позвонить, может, увидимся. Или можно в четверг днем.

Ты с работы уже не удираешь?

2.4.2000. В переменку позвонил Р — дома. Легче стало. Через два часа, когда учеников спровадил, опять позвонил:

— Я мучаюсь… А ты обо мне не забываешь?

— Я о тебе никогда не забываю. А тут еще книжка, я

в тот день как начала читать, так полторы тетради проглотила. Ты все-таки умница…. Скажи мне что-нибудь…

— Мучаюсь я, чего уж тут еще говорить.

— Ладно, я буду считать, что ты сказал…

Домой возвращался веселый.

Наум, дорогой, привет!

Насчет французов. Я вроде бы обзавелся одной литературной агентшей — это молодая милейшая дама, работающая сейчас в посольстве в М-ве, она с охотой примет на себя такой труд, так как поймать всех нужных редакторов по правам в Париже мне не удалось, и она будет рассылать и связываться с издательствами, так как этот мир знает неплохо. Конечно, ей придется отстегивать с гонорара процентов 12—15, но это повсеместная практика, главное заключить контракт с издателями. Если вы не против, то я дам ей для этих целей 5 ваших книг. Дайте мне знать. С французами все очень куртуазно, что выйдет никогда неизвестно, хотя хорошие издательства есть. ИНАПРЕСС никакого нахеса не получит. Лишь вы и агент.

Да, насчет стихов. Просто так я издавать не стану, но за бабки м. б. Если этот, как его Генделев-Менделев не у нас издает свою лажу, так что и другому человеку не подсобить… Пусть он мне напишет, дайте ему эл. адрес. (Трахаемся за деньги.) хотел написать эту фразу, но раздумал.

Появился оперативный отзыв Топорова — главного Питерского мудака и поебеньщика в газете «Смена» блядь белья понымаешь. Он там настрочил, что Ваш скучный роман можно было издавать только за деньги и очень большие, с чем я, конечно, не согласен. Я эту срань не читал и читать не буду, просто мы с Покровским сегодня шли по Невскому и встретили пизденыша Т-ва, он и признался в содеянном. Но это хорошо, что написал, было бы плохо обратное.

В Париже и в Италии хорошо, но цинично дорого, особен-

но пожрать, что меня злило. Своей дороговизной порадовала Венеция. Но каналы-маналы и все такое. Хорошо.

Черкните что-нибудь. Мне про Козина история понравилась, у нас в доме была масса его пластинок и быстрый проигрыватель на 78 оборотов, и я его хорошо помню.

Нет, у меня другой диск, Мелодии 1994 года, оч. хороший — там хиты — мне больше всего нравится «Я полюбил тебя на Волге». Вообще он — класс, правильный, порочный, изысканный. Чистый декаданс. Не Вертинский кокаиновый, а по своему чистый и искренний. Такое в теноровом регистре редко случается. Они обычно христопродавцы, когда поют романсы. Ничего не слышат по большому счету. Ведь пение с эстрады предательский жанр, м. б. самый рискованный.

Ну вот и все
Пишите
Ваш НК

Дорогой Николай!

Конечно я не против всех этих куртуазных дел с французами, как и с любыми другими. Могу вас уверить, что если что выгорит, то и ИНАПРЕСС в накладе не останется. Ви жэ минэ знаетэ. На хорошее дело мы за ценой не постоим.

Ну а на статейку Топорова я бы все же взглянул, интересно. «Скучно»? … Черт его знает, в общем-то, развлекательного там мало (особенно если вам не за пятьдесят). А насчет того, что «за большие деньги», это, конечно, грубо. Чтоб у него всю жизнь такие суммы за «большие деньги» считались.

Барашу передам ваш адрес. Могу и «предупредить» насчет денег, если вам это удобно. Хотя он «гордый». Со Сталиным был однажды такой случай: родня его грузинская стала просить за какого-то дальнего родственника, и Сталин, невероятно!, изъявил готовность сменить гнев на милость, только, говорит, пусть прощение попросит. Ну, через некоторое время родственники опять пришли, говорят: не будет просить. Сталин улыбнулся и сказал: «Гор-

дий!» Ну и, конечно, секим-башка.

Козин — класс, согласен. Диска этого у меня нет, закажу в Москве. А ведь отец именно эту песню пел, я с детства помню, он с мамой в Куйбышеве познакомился: Волга, Жигули…

В четверг будет такой келейный сабантуйчик для «друзей»-литераторов — надо вроде обмыть это дело, книжку то бишь. Уж и не знаю, чем их развлечь, кроме водки.

Вчера пришли суховеи. Они всегда в начале апреля появляются с одуряющим запахом цветущих цитрусовых… И от них какая-то слабость и мрачность…

А у вас, небось, веселенькая весна…

Всегда ваш

Наум

От Ф:

Жаль, что не позвонил сегодня, в хамиши у меня урок рисования.

Я могу иногда выйти на час-другой, только если нет всяких мероприятий, или уйти пораньше…

3.4.2000

После работы поехал в «Вести», Гольдштейн познакомил с Зайчиком. Редакция похожа на муравейник. У Зайчика закуток за ширмочкой. Большой такой толстый зайчик, довольно доброжелательный, с хитринкой. Предложил дать для газеты «что-нибудь из дневников». «Можно об известных людях. В свойственной вам деликатной манере…» Преподнес ему книгу.

Потом погуляли с Гольдштейном. В одно пустое, уже закрытое кафе впустили две русские девицы, одна — красивая-разбитная за сорок, другая — деревня под двадцать. Взяли по соку. Преподнес ему книжку. Надписал: «Соучастнику». И «с благодарностью за дружбу». И правда, я в последнее время испытываю к нему какое-то особое расположение. И поздравления его искренни и завистью

не отравлены.

Красивая-разбитная за сорок тоже располагала.

— Жалко, — говорю, — книжку лишнюю не взял, подарил бы вам, почти уверен, что вам бы понравилось.

— Какую книжку?

— А вот! — Гольдштейн охотно продемонстрировал. — Видите, его книжка!

— Детектив что ль?

— Ну, не совсем, — замялся Гольдштейн.

— Про любовь, — говорю.

— А где, где книжка? — оживилась «деревня».

— Вообще-то, — говорю, — и магазине можно, наверное, купить.

— Нуу, это надо деньги платить, — сказала «деревня».

Бараш звонил. Мурыжил на тему письма Кононову. Да какой он человек, да как себя с ним вести.

— Учти, — говорю, — он в делах жесткий.

— Так что надо поддаваться?

Я засмеялся.

— Ну я тебя серьезно спрашиваю! — обиженно и даже резко одернул меня Бараш. После паузы продолжил:

— А он текст правит?

— В смысле ошибок? Не знаю, есть ли у него корректоры…

— Нет, ну там, может сказать, что вот эта фраза ему не нравится…

— Да ты что?! Название книги — это еще туда-сюда, тут он может свое мнение высказать, но все равно тебе решать.

— А как он…

Долго выспрашивал. Потом о вечере: нет, ничего не придумал и народ пассивный. Спросил опасливо, кого я пригласил. «Никого», — говорю. Расслабился. Сказал, что Дану не пригласил, кажется, она на меня обижена. Сообщил, что Дана с Некодом издали поэтическую антологию, но меня она не включила.

Он сделал паузу, видимо, ожидая грязной ругани.

— Включила своих учеников, — продолжил. — Ну как же, у нее целый такой поэтический кружок, птахи там всякие, Регев — красная шапочка, я тоже у нее один раз читал, свои последние, так там один, Шпарк, или Шперк…

— Шваб?

— …да, вроде, его там за поэта держат, так он высказался, что это, мол, прозаическое описание путешествий. Да? Вот так, пишешь двадцать лет, где-то там как-то существуешь в литературе, и вдруг приходит какой-нибудь Шпарк-Шперк, ну Шваб, Шваб, да… я ему чего-то сказал, а я, ты не представляешь себе какой был сноб когда-то, это я сейчас добрый и старый, а в молодости… в общем, я ему что-то сказал, так он ушел…

Рассказал («только между нами, да?»), что Ира Гробман хвалит мою книгу («Ты же знаешь, они к тебе вообще-то не очень, да?, а тут прям… говорит лучшая книга о нашей тут жизни, а для них похвалить — ты знаешь это…»). Тут я вспомнил, что надо бы Гробманов пригласить, хоть они о вечере знают, конечно, и придут, но надо пригласить. Позвонил. Ира сказала, что «посмотрела» книгу и нашла, что я много поработал, что стала гораздо лучше, и вообще хорошая получилась книга. Ну, спасибо, хорошо если так.

Не скрою, приятно было.

4.4.2000. Уже тепло. Встретился с Ф, перекусили в порту. Выясняли отношения.

Надо завязывать. И чем резче, тем лучше.

Тоже (как жена) хочет, чтобы мужчина не телом ее интересовался, а душой.

… — Ты был для меня, и сейчас есть, самым близким человеком. Если я думала о ком-то, кого хотела бы видеть всегда рядом, кто был бы мне опорой…

— Ну, тут ты сильно ошиблась, я никогда никому не служил опорой. Я это занятие не люблю.

— Да, я потом поняла… Я тогда, в июле, позволила себе

открыть все шлюзы.., но ты, надо отдать тебе должное, ты меня постепенно погасил...

— Значит, экзамен на пожарника выдержал?

— Вполне.

Дорогой Наум!

Привет и добрый день. Что хорошего?

У нас хорошего немного, и погоды нехороши — традиционная русская жалоба.

Я тут захотел рассказец в Плейбое тиснуть, а мне ответили, что мужикам в гараже это вряд ли будет интересно. Да какое... они... право... за мужиков решать имеют!? Но это шутки.

Есть серьезная проблема. Может, Вы и поможете.

Я тут письмишко в Гешарим накатал. Шлю его Вам приложением в Пейдж мейкере, который Вы, как я знаю, победили.

Наум, дорогой, мне, право посоветоваться не с кем по этому поводу. Прочтите его. Правильно ли я фамилию господина указываю? Правильный ли выбрал тон? Правильно ли делаю, что пока ничего еще не прошу? Письмо можно редактировать. Может ему уже надо смету впаять, а я миндальничаю. Если сильная правка не нужна, можете ли Вы письмецо ему справадить?

Что-то умнее напишу на днях.

Ваш НК

GESHARIM

DEVEIOPMENT OF CULTURAL CONTACTS

господину М. Гринбергу

Уважаемый Михаил!

Мне ваш факс и телефон дал Наум Вайман, чей роман вышел недавно в свет в нашем издательстве.

Вот какая история. ИНАПРЕСС, издавши уже более ста книг, собирается издать роман Мартина Бубера «ГОГ И МАГОГ». Его переводит с немецкого оригинала замеча-

тельный поэт и прозаик Елена Андреевна Шварц, помогает ей быть абсолютно точной во всех ритуальных, культурных и этнографических тонкостях Светлана Израилевна Сивак, гебраист и византолог, ученица покойной Софии Поляковой, преподаватель Еврейского Университета в СПб, участница многих ученых записок, съездов и конференций (также переводчик с английского и немецкого), последние два года она преподавала в Бостоне, но не в главном, частном ун-те, а в университете штата, но это для точности.

Конечно, такой текст потребует серьезнейшего рецензирования, чтобы не допустить ляпов, как с Буберовскими «Хасидскими преданиями» изд. «Республика».

Вопрос состоит в том, может ли ГЕШАРИМ помочь этому культурному начинанию? Я знаю, что в некоторых случаях такая помощь оказывается.

Я могу предложить смету, рассчитанную на 3000 экз. тиража.

Все упирается в дороговизну качественной работы переводчика, комментатора и редактора-специалиста.

Затраты по «физическому» изданию качественной книги с блоком этнографических иллюстраций тоже велики.

Могу ли я получить от вас бланк, заполняемый издательством?

Или по меньшей мере вопросы на которые смогу ответить.

Нам иногда помогают издавать книги французские, голландские, датские и шведские фонды и вопросы, интересующие их, различны.

Очень хорошо бы писать друг другу по эл. почте…

С наилучшими пожеланиями и надеждой на ответ
НИКОЛАЙ КОНОНОВ
гл. редактор,
член ПЕН клуба, член Букеровского комитета

Дорогой Николай!
Ей богу, не мне вас учить «хорошему тону»

Может быть и стоит «впаять ему смету» сразу (по понятным и вам соображениям, чтобы лишить его возможности «мурыжить» эту тему), но это, конечно, рискованый ход, а так как рисковать вам, а не мне, то вам и решать. Напишите о решении, и я тут же займусь переправой вашего письма.

Дал ваш электр. адрес Барашу. Держитесь, он местами зануда.

А что, «Плейбой» — для «мужиков в гараже»? Они, вроде, даже Сэлинджера когда-то печатали. То-то гаражники рады были!

Новостей пока нет. Жду вашего письма.

Наум

Для Л: *Так ты влюблена?*
Как часто вы видитесь? Сколько ему лет? Чем занимается?

А насчет свиданьица — я был бы рад.

От Л:

Так приезжай, гостем будешь дорогим, за одно и познакомлю. Он русский знает, в Москве был, на выставке, в Питере, в 77 году, кажется.

6.4.2000. Проснулся рано. Читал Розанова. «Сущность молитвы заключается в признании глубокого своего бессилия…» Это прям по Ницше: «Когда болит душа — тогда не до язычества».

Позвонил Марк Зайчик

— Наум, я прочитал вашу книгу…

— Как, уже?!

— Да, вчера до пяти утра читал, не мог оторваться. В общем, Наум, я ваш поклонник. Вообще в России она, по-моему, должна произвести фуррор… Принимаю любой ваш материал, без ограничений, кроме, пожалуй, одного: я при слове «трахать» вздрагиваю. Ну что делать, я старый, тол-

стый, больной еврей…

— Да бросьте вы, Марк…

— Ну и топтать кого-то тоже, конечно… А так, все что угодно, о нашей жизни, что-нибудь мускулистое…

Позвонил в Москву Мише. Голос пободрее. Книгу читает. Напишет. Не обиделся («Да я не обижусь, хоть назови меня старым девственником»).

— Наум, ты человек общительный, найди мне жену. Чтоб была добрая, с ребенком или без ребенка, мне все равно. И не обязательно чтоб понимала в современной литературе. Достаточно, если Гоголя читала. Мне нужен человек рядом. А если я женюсь, тогда я к вам приеду.

От Ф:

Почему не пишешь? А я с таким интересом читаю твою книгу, не оторваться. Или она здорово изменилась по сравнению с текстом на интернете, либо мое восприятие так резко изменилось. Но она стала четче, более концентрированной, и более искренной. По-настоящему искренней, от сердца, а не от желания шокировать, «резать» правду-матку. Или демонстрировать интимные стороны жизни. Выстраданной и выпестованной.

И мне тебя не хватает, потому что хочется «бросить реплики», а пока до компьютера дойду, помню не все.. Хоть с тетрадкой читай. Знаешь, а пожарник из тебя никудышный…

Продолжая чтения, я не смогла удержаться «в рамках» объективного читателя, и мелкие чувства типа ревности и обиды стали брать верх. Человеку важно чувствовать свою незаменимость, единственность, уникальность. У тебя же такая мозаика женских лиц и… других частей тела, что мне очень неуютно в этой шумной компании. Кто я для тебя? Еще три строчки в романе?

Я рад, что тебе интересно читать. Ты права, что «чело-

веку важно чувствовать свою незаменимость, единственность» (отсюда и ревность), но мы ж для того и занимаемся философией, чтобы изжить это себялюбие?

Николай!

Только что говорил с Гринбергом, он вообще-то слегка угрюм, но я его расшевелил и он «потеплел». Договорились, что в воскресенье я ему ваше письмо факсом пошлю. Можно и раньше. Интересовался, что вы издавали (на Герштейн и Голлербаха клюнул). Высказывал все те же беспокойства (не напутают ли чего по еврейской части). Про роман («Гог и Магог») он, кстати, не слышал.

И еще я подумал (семь раз отмерь), что может все-таки со сметой стоит обождать. И именно в силу того, что наметился «контакт». В общем, дайте указания.

А я всегда к вашим услугам

Наум

От Цветкова:

Наум, на днях беседовал с Сережей Гандлевским, и он видел твою книгу, правда, под другим названием, на московских прилавках. С чем и поздравляю. Если уже есть рецензии — сообщи где.

А пишу я вот по какому поводу. Сережа живет в России, которая мне уже ненавистнее зубной боли, и хотя повидаться с ним хочется, но уж больно неприятно туда выбираться. А тут вдруг известие, что он в составе какой-то агиткультбригады намерен первую декаду июня провести в Израиле. Что даст мне возможность убить всех трех зайцев: побывать в любимой стране, повидаться с тобой и с ним. У вас, правда, об эту пору тепловато, но как-нибудь переживу.

Сообщи, какие имеешь планы на этот период времени. Мои пока неточны — яснее станет к маю.

Леша, привет!

Замечательно! Буду очень рад. Очень надеюсь, что Сережа, став нынче уже просто «маститым», не обиделся на мою «литературу». Тогда мы славно проведем время. Планов у меня никаких нет на лето, в смысле поездки. Буду ждать. Сообщи, когда все уже конкретно наметится.

Если адрес у тебя не поменялся, то я тебе книжку на следующей неделе вышлю. А то и две: помню, что Элла, жена Пети Вайля, в свое время выразила желание ознакомится.

Привет Краве

Наум

7.4.2000. Вчера меня чествовали «на крыше». Были Гольдштейны, Гробманы, Шамиры, Таня с Аркадием, Боря Юхвец, Шаус, Тарасов. Вместе с нами и хозяйкой дома (плюс годовалая дочь и блаженный муж) — 16 человек. Бараш позвонил и сказал, что у него сломалась машина и подскочило давление. Дико извинялся. Режиссеры застряли на съемках, а Мерлин не потащился вдаль (Иерушалаим — не ближний свет).

Гробман предложил тост за мою следующую книгу. Хлебнув молодого вина и запоздалой славы, я полез ко всем со своей дружбой:

— Я помню, мне Володя как-то сказал: ты что, в литературе друзей ищешь?! (Да, в самом деле, нашел где искать! — послышались реплики) Да.., и я тоже как-то смутился, и подумал, ну, в самом деле. И вот, так получилось, что кроме нашего литературного общения…

— Ты вдруг понял, что литература — это и есть жизнь! — сказала Ира Гробман.

— В общем, я сейчас чувствую, что обрел друзей. Вот за это и хочу выпить!

Я был на грани слезопролития.

— С удовольствием присоединяюсь! — Гольдштейн чокнулся со мной бумажным стаканчиком. Тарасов что-то про него съязвил. Он уже был под мухой, задирался, но Гольд-

штейн, в последнее время весьма укрепленный в своих силах (поведал Риммке: «У нас очень хорошая квартира»), ответил ему почти вызывающим тоном: «Да, Володя?» Тарасов продолжал язвить, что ему Гольдштейн ответил, я не расслышал, отвлекли. Чо делали? Пили-ели, Риммка колбаски всякие закупила, пирожки, я французского вина натащил, всё, надо сказать, вылакали, от вина перешли к водке, кое-где даже вполголоса о литературе что-то там. Гольдштейн с Шаусом заспорили о Сорокине, Шамир подключился, Ира Гробман рассказывала об идее устроить вечер авторов «Зеркала», у которых вышли книги. Мою (ее внешний вид) все, кстати, хвалили, Шамир заинтересовался, почему я выбрал именно период с 92-ого по 96-ой, Гробман пел частушки: «Шел я как-то камышом, встретил бабу голышом. Здравствуй, баба, добрый день, дай пощупать за пиздень», «Жил в деревне старый дед, делал сам себе минет. Возле каждого куста сам себя имел в уста».

— Опять эрос невозможного, — произнес со вздохом чей-то женский голос.

У меня нервы не выдержали: все-таки литературный вечер, — решил почитать, через полстранички почувствовал в воздухе напряжение скуки и вовремя прекратил. Все радостно расслабились, Шамир сказал: мы тебя любим не за это, ты лучше спой, и Гробман все подначивал, ну я спел, сбился на Есенина, завыл, никто меня уже не слушал, кроме Гробмана с Шамиром — рядом сидели, мы с Шамиром затянули: «Я был батальонный разведчик…» На строчке: «Я срать бы с ним рядом не сел…» Гробман встрял и обозвал это натурализмом, предложил поправку: «хезать», «Я б хезать с ним рядом не сел!», разгорелся филологический спор, собрание становилось катастрофически необязательным. Я заткнулся (тут как раз и на водку перешли). Гробман требовал продолжения пения. Я стал хныкать, мол, не любит никто, не любят меня.

— А ты чего, хочешь чтоб тебя любили? — рассердился Гробман. — А ты чьей любви хочешь, Шауса? Так Шаус тебя

так полюбит, что жопу в клочья, или вот мы с Шамиром, мы тебя так полюбим…

Тарасов шипел Риммке: «Я их всех ненавижу!», Оля озабоченно следила за дочкой, чувствовалось, что ей не до сборища, Таня с Аркадием загадочно улыбались, как театральные маски, Юхвец хлестал водку и держал на чреслах кота, Гробман продолжал напевать свое: «Расцвела за городом акация, всюду слышны песни соловья. У меня сегодня менструация, значит не беременная я….», потом сел на этого кота, нарочно сел, кот с визгом удрал, Оле это не понравилось, Шамир, чтоб Олю позлить, сказал, что кот немного сплющен. Мелькнула догадка: пора отчаливать. Тогда Гробман круто взял «серьезный» тон и повел речь о том, что «останется» тот, кто смог себя выразить, что все уникальны и неповторимы, но немногие могут себя выразить, выразить свою неповторимость, так что давайте выпьем за эту книгу, это удачная книга, и вообще, книга — важное дело, «и учти, Вайман, что ты теперь умер, ты умер, понимаешь? Книга — это смерть. Ты теперь воскреснешь, только если напишешь новую книгу, а пока ты умер, все…»

Позвонил Матвей (он это делает не часто), объяснил свое молчание неполадками с интернетом.

От Л: *Ты обиделся?*
Как было на «крыше»?

А ты хотела меня обидеть?
Я почувствовал, что ты счастлива и как-то не хотелось «встревать».
Потому что на самом деле я рад за тебя. Надеюсь, что в этом нет ничего обидного.
О вечере прочитаешь в записках, они почти готовы
целую
Да, хотел спросить: он по-русски читает? И вообще, имеет отношение к литературе?

Кононов Барашу

Александр, добрый день!

Вот, произошло компьютерное совпадение, теперь можно нормально поговорить, я не люблю писать на латинице, так как получается какая-то феня.

О стихах мне сказать вам нечего, так как они принадлежат состоявшемуся поэту, и что тут обсуждать? Вы, очевидно, хотите чтобы ИНАРПЕСС напечатал Ваши произведения? Если это так, то Вы сами должны определить состав книги, тип, формат и так далее. Мы выставим смету, Вы посмотрите насколько она устраивает Вас. Издавать сейчас в России стихи за свой (издательский) счет подобно смерти при казни «тысяча налоговых кусочков», да и что говорить, Вы и сами всё про наши дела знаете.

Единственные «стиховые проекты», оправдавшие финансово себя — мой «Змей» (продано всё кроме 80 экз. на сегодн. день) и «Стихотворения и поэмы» Лены Шварц (продано все оптом). Про остальное мне не хочется писать, хотя это были архидостойнейшие книги и Олеси Николаевой, и Чухонцева, и Надеева, и Воденникова, и Амелина. Том стихов Софии Парнок не в счет, она ведь классик и почила в бозе Бог знает сколько лет назад.

Как правило, мы отказываемся сейчас от поэтических книг. Но если мы с Вами сговоримся, то м.б. что-то получится.

С наилучшими пожеланиями

Ваш Николай Кононов

Николай!

Так что с нашими «мостами» (Гешарим)? Это я к тому, что Гринберг пока «теплый», но он быстро остывает. Впрочем, я прошу прощения, мое дело сторона.

А письмо Барашу вы мне послали «для ознакомления», или адрес перепутали?

Всегда Ваш

Наум

8.4.2000. От Л:

Я тоже подумала было о переводе книги, но он плохо читает по-русски, не чувствует… и плохо понимает. Как продвигаются дела с Dio? Когда читала записки, там, где «есть реальность и есть образ, который закладывается в память… сильное желание, закрепляющее за собой определенный образ, не соответствующий действительности, но идущий навстречу желанию, и есть вера», вспомнила Набокова — когда мы думаем, что начинаем все понимать, нам пора уходить из этого мира…

Да, работаю. Сегодня встречаюсь с Ароном Амиром, помнишь «Кешет»? Хочу себя на иврите.

Говорят Dio скопировал Грейвз в романе «Я Клавдий», возьму почитать.

От Ф:

А тебе твоя ирония и отстраненность принесли счастье? Я как раз вижу себя излишне отстраненной от жизни, и мне безумно хочется стать ее частью. Я напоминаю себе человека, судорожно вцепившегося в ветвь дерева, склонившегося над рекой, страшащегося отпустить «точку опоры» и поплыть… Прекратить попытки «контролировать ситуацию» и отдать себя воле волн. Страшно, но иначе остаемся на месте, причем ценой гигантских усилий. И это — отстраненность от течения жизни. Так что может быть отстраненность — от страха перед жизнью?

Если говорить точнее, то мне действительно не хватает отстраненности — от своих эмоций, страстей, я путаю себя с ними.

Кстати, в книге ты замечательно говоришь, что смысл — то, что преодолевает смерть. Но в нашей последней беседе ты сказал, что различие между нами в том, что ты считаешь, что смысла нет…

Противоречия здесь нет. Смыслы мы, хотим этого или нет, придумываем. А ты красивый «образ» придумала: подвешенного над жизнью… И я смотрю на жизнь со стороны, с берега, и в быстрое течение меня не заманишь. Я не люблю в нем барахтаться. Из страха? Скорее от брезгливости…

По дороге домой из Иерусалима заехали с женой на базу в Бейт Хорон, навестить Юваля. Он жадно ел арабскую булку с заатаром[1], которою мы ему купили у Яфских ворот, и пиццу. На прощанье крепко обнял меня. Борода мягкая… А потом я у Синявского прочитал цитату из Розанова: «Любовь есть боль. Кто не болит (о другом), тот и не любит (другого)». И не от страха за него болит, а просто… Хотя, конечно, боишься…

Бараш перекинул еще одно «упоминание», сказал, что он на меня «закладку» сделал, периодически что-то выскакивает.

Из «Экслибриса».

Наум Вайман: по иисусовским местам с гарнитурой Лузурского

Наум Вайман. Ханаанские хроники. Роман в шести тетрадях. — СПб.: Инапресс, 2000, 414 с.

А ЭТА книжка набрана чудовищно мелкой гарнитурой Лузурского — читать ее практически невозможно. Особенно если учесть тот факт, что речь в ней идет о кромешных израильских пейзажах, где мается главный герой, записывая историю своей маяты в тетради. На израильских заставах, понятное дело, жарко, воспоминания, само собой, покоя не дают, а тема «Москвич на Земле Обетованной» оказывается на нынешний день абсолютно неактуальной — тем паче, если подаешь ее с лирической, а не с коми-

[1] Восточная пряность

ческой точки зрения. Хотя, говорят, эта книга наделала там много шума. Но, наверно, они там лучше знают, кто такая И., которую герой возил «по иисусовским местам». Только нам-то какое до этого дело?

Барашу: *Насмешники, все б им поиздеваться над провинциальными. А шрифт действительно каверзный — имей в виду. Успеха тебе с Кононовым*

А от вечера осталось дурное послевкусие.

От Л: *и я хочу тебя на иврите тоже. Как прошла встреча с Амиром? Давай уже записки*

9.4.2000. В «Апокалипсисе нашего времени» Розанова христианство смыкается с буддизмом: «Силушка — она грешна. Без „силушки“ — что поделаешь? И надо было выбирать или „дело“ или — безгрешность. Христос выбрал безгрешность. В том и смысл „искушения в пустыне“. „И дам тебе все царства мира“. Он — не взял. Но тогда как же он „спас мир“? Не-деланием. „Уходите и вы в пустыню“. … Ах, так вот где корень его».

«Поле зрения, открываемое Евангелием, действительно есть поле „лазарей“, „нищих“, „убогой братии“ и, в общем, какой-то трухи человеческой. Имен, лиц, генераций не видим. Нет такого, чтобы человек был подобран к человеку, „породка к породке“, чтобы каждое зернышко „хлеба человеческого“ было умыто, омыто, вычищено. В Евангелии проходит определенная борьба против вычищенности. Отсюда-то снисхождение к болезни, изъяну, уродству. Отсюда: сын наследник и сын-гуляка. И гуляка торжествует… (притча о блудном сыне). И вообще отсюда именно, от Евангелия, потекло начало какой-то безродности, в сущности — вырождение и голытьба».

И Ницше о том же.

От Мерлина:

Наит, есть возможность хорошо отомстить: завтра будет презентация «Двоеточия» в Иерусалиме. Можешь на нее не приехать, и будем квиты.

От Л:

ночью вдруг метель, и сейчас еще снег лежит. А вчера было 23 тепла и на сирени уже видны цветы… красота — сирень под снегом!!!

нет, он не литератор, он учитель истории, в старших классах и трубач-джазист по совместительству.

Получила записки, спасибо. Но про вечер ничего.

Поздравляю с номинацией на Букера!

10.4.2000. От Л: *вот вспомнила про «американскую красоту». Мы с тобой, когда в Иерусалиме гуляли, в Гиене Огненной видели пакетик целлофановый в небе, как змей воздушный летал, помнишь? так я именно об этом тогда подумала, ты небось и не помнишь уже…*

так где же про «крышу»?

От Ф:

Дорогой, ну а как героизм — сидя на берегу? Вчера открыла твою книгу и удивилась — словно продолжаем разговор, но ты искреннее. Могла бы с тобой говорить твоими же цитатами. Хорошо же ты пишешь — если не о бабах.

А в каком смысел о бабах — плохо? В смысле литературы или отношения?

Амир пригласил в его родную забегаловку на углу Дизенгоф и Жаботинский. Я попросил два стакана сухого красного, а они принесли пасхальное сладкое вино, в армии мы звали его «молоток», и кафе какое-то «безалкогольное».

Амир жаловался, что о его новой книге — никто ни слова, нашел кому жаловаться.

Хочет, чтобы я его книгу осветил в русской прессе. Но для этого надо её прочитать. А на иврите читать — тяжкий труд, тем более — ерунду историческую.

11.4. Наум-Матвею

Читаю Синявского о Розанове. И цитаты Розанова, как жемчужные зерна в трухе скошенной (а ведь и Синявский не лаптем щи хлебает). Какой же он все-таки… вот, не знаю как сказать о Розанове. Въедливый, ботанический ум. И даже не от ума это глубочайшее видение — буквально «от нутра». «Нашим всем литераторам напиши, что больше всего чувствую, что холоден мир становится…» Ведь это же простое ощущение, вроде бы многим свойственное, но какая здесь чувствительность! Не ум, опять же, не талант, а чувствительность! И не то, что зябко вдруг стало, мол, век железный грядет и т.д., а тут ощущение, почти предчувствие, страшного космического холода, тень которого уже ложится на землю. (Ну а нынче не «ложится», а уже разлеглась.)

За окном (задраенным!) арабская музыка, монотонно заунывная, чужая, до ненависти. И хамсин обещают сегодня. Встал, заткнул уши ватой…

И вот от этого ощущения холода идет «раскрутка» пытливой и страстной мысли: почему холодеем? А оттого, что кругом «индивидуализьм» (вот он последний воитель против него, правда, он скорее не Дон Кихот, а Санчо Панса русской соборности…), «братство» утеряно, узы рода распались, даже узы семьи… ты один, свобода, блин! Но это свобода камешка в просторах космоса. Нет рода и нет любви. Впереди гибель. На этот «индивидуализм», на всю эту «соц. демократическую сволочь» он смотрит апокалипсически. И не согласился бы, что ее можно искусством «вылечить». Только религией, «теплой, родовой». Отсюда его увлечение «юдаизмом», пристальный к нему интерес. А форма письма абсолютно личная, индивидуалистическая: обрывочки, опавшие листья, но его собственной неповторимой жизни. Вот и я от того же «танцую». И мне «холодно», и мне

приходится самого себя «согревать», с самим собой танцевать, беречь свое тепло (как Соллогуб писал: «улыбаюсь, забавляюсь, сам собою вдохновляюсь»)…

«Родных не помню. Рода нет. Племени нет, нация — одна ерунда. Но вот я довольно талантлив и издаю журнал. Меня запишут в историю русской литературы. Я, впрочем, нигилист и в общем мне хоть трава не расти».

Опять же он, Розанов, родной. И как точно увидел, что христианство — это убийство Бога-Отца, своего рода история Эдипа в космических масштабах.

Розанов называет социализм мнимым братством, искусственным, насильственным. Отмечая при этом, что «сила» социализма именно в иллюзии возвращения этого самого братства. Он идет еще дальше, разоблачает и христианство, как мнимое братство, братство в нищете, а не в роде, братство в отшельничестве, в уходе от мира, в смерти, а не в жизни. Он зовет Бога-отца, зовет «еврея», «ветхозаветный дым на теплых алтарях». И на самом деле сегодня иудео-христианский мир (тот самый Запад) отбросил и то и другое, но не вернулся, конечно, к ветхозаветному дыму, а вернулся к римскому закону, как основе жизни. Америка стоит на «законе». И все «лучшие люди» (соцдемократическая сволочь) поют ему осанну. Но на чем стоит этот «закон»? Пока он покоится как бы на библейских принципах (только не называйте их «христианскими»!), это гигантское здание, эта новая вавилонская башня еще как-то держится. Но свобода индивида уже выше власти рода, холод сильнее тепла (оно и по термодинамике так), и поэтому здание это будет все дальше и дальше уходить ввысь, теряясь в облаках виртуальности, пока… не рухнет. И что есть искусство в этой очевидной глобальной перспективе?

И еще меня бесит преступное скудоумие нашей, израильской «социал-демократической сволочи», их сюсюканье по поводу «универсальных ценностей». И так хочется бросить им в лицо — нет, не «железный стих», а гранату. Стихами их не проймешь.

Нет, я себя с ним не сравниваю, пойми, просто исходные побуждения те же (потому я так Розанова и люблю). Я ведь, на самом деле, розановский эпигон.

12.4

Наум, дорогой, привет!

У меня тут была компьютерная немочь, пришлось товарища лечить. Я действительно кое-что перепутал. Теперь об отношениях меня и Барабаша Вы знаете все. Жизнь моя и репутация в смертельной опасности. Я потею от ужаса.

О его стихах я ничего не думаю, так как думаю о деньгах. Вот! Так!

Ну стихи как стихи. Как моя бабушка бы любимая сказала, светлая ей память и моя вечная любовь, боговерующие стихи. Что уже не так плохо.

Тут Золотоносов Ваш роман прочитал и говорил много дельного — и об остроумии и тесноте израильской жизни, которая вам тоже жмет. Он об этом напишет. Сказал еще, что так как я не живу в Москве и вообще почти не тусуюсь, то мне все равно, что вы скандалист и склочник. Что, на мой взгляд, ответил я ему, для прозы лучшая рекомендация.

Я тут действительно важное Гешаримское письмо куда-то затерял. Со сметой.

Сможете ли Вы, дорогой Наум его присовокупить к уже мною написанному?

Очень Вас прошу.

Искренне Ваш НК

Итак

СМЕТА РАСХОДОВ ПО ИЗДАНИЮ РОМАНА МАРТИНА БУБЕРА «ГОГ И МАГОГ»

Твердый переплет, шитье, бумага офсетн. 1, целофанирование матовой пленкой, цветной перплет, формат 84x108/32, 450 стр.

В переводе Елены Шварц

Комментарий и научная редакция С. И. Сивак, автор предисловия М. Золотоносов

Перевод 15,5 а. л. –2250

Редактирование –360

Комментарий — 450

Гонорар автору предисловия — 400

Корректуры — 200

Изготовление макета — 270

Диапозитивы — 240

Бумага — 2200

Картон — 400

Печать — 3000

Транспортные расходы — 200

ИТОГО 9770 долларов США

От Ф:

Муж завтра приезжает, а я вместо того чтобы пироги печь, не говоря уж о лекции своей на иврите в пятницу, не могу от книги твоей оторваться.

Читая, чувствую такую близость, нежность к душе твоей мятежной и тоскующей… И от тоски по несбывшемуся сердце сжимается.

От Л:

если еще не поздно, не мог бы ты для меня заказать «Женский портрет» Джеймса и диск Козина? Конечно, если это удобно и не в тягость. Матвей превзошел сам себя. Я его теперь люблю, как родного. Получается мы таки мыслим синхронно — ты думаешь, что я тебя хороню, а я думаю, что тебе легче меня утопить, чем в море отпустить… я давно не комментирую, но не могу сдержаться и не напомнить, как посоветовала тебе «предохраняться» с Ф и еще у меня есть масса вопросов, но это потом.

Faksy i baksy

Дорогой Николай!

Письмо Гринбергу завтра отправлю, он уже звонил, вроде поблагодарить за книгу (я ему послал), и спросил про ваш «факс» (во, как я его «подогрел»!).

А вам, шаркнув ножкой и эдак попятившись, напоминаю о нижайшей просьбе насчет справочки, ваших книг и Козина (см. предыд. письмо), если, конечно, Марианна в наши края соберется.

Что касается моей «склочности», то я в ней не уверен. И не потому что «обиделся», или, тем более, хочу «поправить» (пусть пишет, как видит, может ему и виднее). Вредность, конечно, имеет место быть, как и память злая, но все-таки не склочность. Если бы обо мне что-нибудь толковое написали (вот, надеюсь на Золотоносова), я бы решился высказаться, как сам все это вижу… Кстати, если Золотоносов захочет спросить о чем-нибудь, уточнить, я рад пообщаться.

Всегда ваш

Наум

13.4.2000. В номере сумрачно. Прохладный ветер колышет занавески. Шар*а*в нишб*а*р — хамсин на сломе. Заставила меня читать кусочки из книги.

… — Я иногда так горжусь…

— Хорошо. Я хотел бы, чтоб ты мною гордилась.

— Да я не тобой, а собой горжусь. А тобой я не горжусь, я тебя обожаю. … А я знаю теперь твою страшную тайну!

— Какую тайну?

— Забыл?

— Не помню…

— Что ты хомячок. Не рыба, а хомячок. А ты знаешь, что хомячки все время делают?

— Трахаются.

— Сам ты трахаешься. Они моются! А знаешь, как они ужасно смешно моются? Вот так, обеими ручками щечки свои вот так… У меня была дома хомячиха, я ее невзлюбила, когда она всех своих детей съела, двенадцать штук…,

она любила по занавеси забраться и по палке наверху ходить, а потом мы ее оставили у подруги, когда в отпуск уезжали, и она погибла, упала в фотораствор, а когда подруга пришла, так она уже умерла, а я.., вот ужасно, но я даже была рада, я не любила ее, после того, как она съела. … А помнишь, в церкви в Яффо было написано: отправляем все требы. Вот ты мне отправил все требы. … Ой, я вспомнила смешную историю, которую мне подружка рассказывала, она в Москву ехала, скорый Москва-Ташкент, и в купе с ней была одна учительница, уже немолодая, а у подружки была верхняя полка, и вот, говорит, вдруг зашли два таких классных мужика, знаешь, как говорили: в шляпе и с портфелем, такие видные мужики, наверное, командировочные, ну, один тут же ей место внизу уступил, мы, говорит и наверху разместимся, и пошли в ресторан, пришли, конечно, пьяные, этот, что подружке место уступил, хлопнул ее по заднице: а ну дуй к себе наверх, она действительно «дунула», а второй вдруг писать захотел и в уголок пописал, а там эта училка спала, он на нее и написал, прям на лицо, представляешь?, ну, та стала орать, в общем, милицию вызвали, стали протокол составлять, эта училка в истерике, не может, так подружка за нее протокол писала, а ее милиционер поучает: не напи*с*ал, а отправил малую нужду, а второй через сутки очнулся, где товарищ, такой скандал поднял, подумаешь, говорит, ну выпил человек. … я до сих пор не пойму, как мама могла.., я раз прихожу со школы, мне было лет двенадцать, а сестре лет восемь, а у нас такой шкаф был, сверху книги, а внизу две полки такие, одна моя, другая сестры, там для школьных всяких принадлежностей, у меня всегда была в образцовом порядке, а у сестры куча-мала, она, когда искала чего-нибудь, всегда выгребала все на пол, ковыряласьискала, а потом все так кучей обратно и запихивала… ну вот, прихожу я, а мама сидит на полу, и читает ее дневник, решила ее полку убрать, и нашла дневник, и говорит, ты только посмотри, что наша малая делает, а там была

такая тетрадка, разделенная пополам, и подвал такой, и вот она слева записывала всякие события, ну совершенно простые, лет восемь ей было, а справа записывала что могло бы произойти самое худшее, если бы случилось не так, а иначе, а в «подвале» записывала все что могло произойти, если бы наоборот, ужасно повезло, ну и т.д., представляешь? А мне неприятно было, что мама читает, хотя я дневники никогда не писала, я всегда с мамой советовалась, все ей рассказывала, хотя могла и наоборот сделать, а сестра была ужасно скрытная…, и вот я только теперь узнала, что мама ей в конце тетради написала, что мол зачем ты воображаешь самое плохое, ну что-то в таком духе… Представляешь? Это так не вяжется с образом мамы, она была такая деликатная, умная, и дневники читать, да еще написала ей… Сестра с тех пор перестала дневник писать. … ты знаешь, я когда вошла в Сикстинскую капеллу, то у меня голова закружилась, я как-то потеряла ориентацию в пространстве, это даже не картины, не фрески, а как будто объемно все, прям на тебя свисают ноги, руки. … у нее была ужасная послеродовая депрессия, и муж ей подарил краски, какой-то психолог посоветовал, и она стала рисовать, и даже в какой-то любительской выставке участвовала, и на эту выставку пришел один директор банка, и ему очень понравилось, и он ей предложил, что она в течении трех лет будет писать ему в месяц по картине, а он их заранее покупает по 600 долларов, ну она, конечно, согласилась, и вот, сейчас, представляешь, ее картины висят в музеях, стоят совсем другие деньги, но она все равно продолжает этот договор с тем директором банка, говорит, что так благодарна ему, что он в нее поверил.., правда удивительная история, про Золушку? А потом еще у одной нашей знакомой была депрессия и муж этой художницы тоже ей подарил краски…

— И она тоже прославилась?

— Еще нет. … он себе обрезание сделал, на старости лет, ну все ужасно смеялись, требовали предъявить… он вооб-

ще очень интересный человек. … с ним произошла ужасная история, мы вместе собирались уезжать, и даже билеты были на один самолет, и перед самым отлетом у него заболел ребенок, и они отложили, ну, мы сказали, что будем его встречать в Вене… они так и не прилетели, а уже в Израиле мы узнали, что они поехали в Америку… ты знаешь, когда мы в Вену прилетели, мы были единственные, представляешь, единственные, которые повернули в Израиль, все летели в Америку, все нас спрашивали, а что вы там будете делать в Израиле, дыра, ну и всякое такое, и ты знаешь, если бы не дочка, которая раньше нас прилетела и ждала нас в Израиле, я бы, может, передумала, я просто заколебалась… а у них мать его очень не хотела ехать в Израиль, говорила там война, мальчику придется в армию идти, а ему было тогда лет девять, и еще она говорила, что в Израиле плохая вода и мальчик может заболеть, в общем, они поехали в Америку, нормально устроились, и вдруг мальчик этот заболевает лейкемией, и умирает. И вот он решил наверное, что это ему наказание, и решил сына похоронить в Израиле, мы были на похоронах, жена еще держалась, а он…, а потом решил лахзор бе тшува[1], стал кипу носить, и решил остаться, а жена не хотела и вернулась, потом они развелись, они вообще-то всегда плохо жили…, он тут тоже устроился, постепенно стал отходить от религии, жениться все не получалось, уж сколько подруг я ему подсовывала, он вообще такой видный мужчина, в общем, он решил обратно в Америку возвращаться, но перед отъездом вот обрезание себе сделал….

— Чтоб быть евреем до конца.

От Л: *Я твоего Портоса даже зауважала за «8 марта» целую тебя в глазки*

[1] вернуться лоно религию

оп-па, ма кара[1]*?*

От Л:

ма кара ма кара нишбера а кеара[2]*. А что Зайчик теперь вместо Бар Селы?*

И кто такой Раймонд де Шатильон, пардон?

Ты получил вместе с Dio Барселону на русском и Монсерат? Когда поднимались в Монсерат тоже все было в тумане, даже не молоко, а свинец, потому что туча — очень похожие ощущения с твоими от Герата — забыла еще фотки вложить, кот. я сделала. И еще в театре-музее Дали есть мумия-саркофаг, одетая в доспехи из печатных плат (к вопросу о деградации и транзисторах)

Целую тебя в щечки

14.4. *Да, Зайчик вместо. Это хорошо*

а Раймонд де Шатильон — бандюга-крестоносец, очень колоритная личность. И Монсерат с Барселоной я получил, спасибо.

15.4.2000. Утром позвонил Мирон и сказал, что видел в «Вестях» статью Шамира, где он обзывает меня фашистом и импотентом, сравнивает с Розенбергом, в общем, всякие гадости. Звоню Гольдштейну, он подтвердил, но утешил, что это не в субботнем номере, мало кто прочитает. Жалко, говорю, что не в субботнем, пусть читают, подумаешь, фашистом обозвал.

Ну, говорит Гольдштейн, он еще и о литературных достоинствах отозвался уничижительно, и вообще статья довольно злобная, что особенно странно после вечера, где он был так дружелюбен…

Ну да, и в газете, где мне предлагают сотрудничать.

---

[1] что случилось? (кара — ударение на последний слог)

[2] Что случилось, что случилось — наша мисочка разбилась (ивр.)

Кто-то решил обосрать, чтоб не задавался?

Наум, привет!

Как ваше ничего себе?

У нас все ничего, даже погода получше стала, совсем тепло. Золотоносову вообще ваш роман нравится, насчет склочности я присочинил, но что не сделаешь ради красного словца… Сейчас Марианна читает и удивляется всяческим вашим соматическим и душевным свойствам. Вообще, здорово, и я очень доволен, что проект осуществился. Книги сейчас продаются в Доме книги, и Люся, легендарная, которая родилась еще во времена Гуттенберга, подводит всех зашедших иудеев и эллинов к Вашей книжке и настоятельно рекомендует сомневающимся раскошелиться.

Так что все, как говорит наш народ — «чики-поки»

Что наш Гешарим? Шурует? Пока факса не было еще. Но так быстро не бывает, надо и фасон держать.

Интересно, что вы сейчас пишете? Расскажите. Вот вчера было тут приседание по поводу выхода в свет альманаха «Гений местности». Я вас вспоминал. Ах, как все друг друга любят. Я вообще для себя правило придумал. Когда зовут, не отказываться, но выставлять условие — читать стихи одним из первых, чтобы иметь возможность сразу уйти. Иначе можно заболеть. Меня слишком сильно любят — особенно Кривулин с Драгомощенко. Но чем я могу им помочь? Только на пиво дать.

Ну да ладно. Везде все одно и тоже.

Пишите

Ваш НК

В лесу было не жарко. И мясо не пережарили. Как всегда гуляли втроем, вспоминали приключения в домах отдыха по профсоюзным путевкам. Мирон говорит: «Это вообще было гениальное социльное изобретение советской власти, на Западе ведь не принято отдыхать отдельно, а тут профком-завком путевку подарил, хошь-не хошь, вот и съезжа-

лись со всей страны замужние женщины и женатые мужчины на две недели свободной любви.»

16.4. От Веселова. *Привет, Наум! Поздравляю!*

Страшно рад письму. В нем тепло Вашей страны. У нас этого сильно не хватает — холодно и мутно.

Завтра пойду за «Хрониками». Привет Вашей солнечной супруге.

До встречи.

Саша.

Дорогой Саша!

Спасибо за поздравление и особенно за рисунок (это Фонтанка?) — я ваши рисунки очень люблю.

Всегда Ваш

Наум

Ездили с Р в лес. Завтрак на траве. Лежали, обнявшись, целовались. Потом все-таки залезли в машину.

… — Ой, я уже лет тридцать как в машине не трахалась! … А ты, оказывается, умеешь быстро!

— Ну, ты же любишь быструю езду?

— Да, если много раз.

— Ну, сколько можно…

— Сколько можно? Не хочу тебя огорчать, ха-ха-ха!

Потом опять лежали, обнявшись, на скатерти, смотрели на поляну с редкими елями. Одна ель засохла, умерла, только на верхушке торчат три ветки с пожелтевшими иголками, согнувшимися вниз, как маленькие желтые балдахины.

Позвонил Гринбергу. Настроен благодушно. Прочитал из книги 50 страниц.

— Могу по этому поводу процитировать: «Они свою образованность хотят показать, вот и говорят о непонятном».

Рассуждения, говорит, примитивные. Но заказал 20 книг для магазина, а пока дойдут — попросил прислать или привезти парочку. По ходу нашего разговора позвонил по другому телефону Эдельштейн, он ему сказал: «Заходи», и мне:

— Министр, а денег, гад, не дает. А еще наставником меня считает. Сейчас придет, займемся биур хомец[1], знаете что такое беур хомец? Это допить все, что осталось, что за год не допили.

Дорогой Николай!

Я позвонил Михаилу, он получил факс и просил вам передать, что сможет ответить только в конце недели, поскольку послезавтра Песах (14 нисана, сами понимаете…), а он человек религиозный. От себя добавлю, что проектом он заинтересовался, но считает, что смету вы ему впаяли не только крутую, но и как бы без уважения к «своим», в том смысле, что он и сам с усам (борода по пояс), издает книги в России (и не только) и знает что почем. Но на эту тему, я полагаю, он сам вам напишет.

В качестве обмена литературными впечатлениями могу предложить описание вечера «на крыше у Оленьки» (такой наш литературный салон), в честь выхода книги…

Вы спросили, что пишу. Вот еще «мемуаров» на полторы тысячи страниц накопилось. Но трогать их не хочу. Лелею один страшный замысел, исторически-нервическое, но даже поделиться боюсь, за идиота сочтут.

Бараша в подробности наших финансовых связей я не посвящал. Тайной не считаю, но и посвящать… не счел.

У нас на пасху цветут цитрусовые, совершенно одуряющий запах, от которого никуда не спрятаться…

Всегда ваш

Наум

[1] предпасхальная церемония удаления из дома всего «кислого»

P.S. Да, тут некий Изя Шамир (переводил Агнона и Джойса) соорудил на меня пасквиль, полюбуйтесь:

Кризис средних лет

Исраэль Шамир

Только что вышедшая книжка Наума Ваймана «Ханаанские хроники» стоит на стыке жанров. Можно ее читать как литературно-политический дневник человека, активно действующего в русско-израильском обществе, замечающего, социально ангажированного. Так сказать, наш Жюль Ренар и братья Гонкуры. Можно воспринимать как роман о кризисе среднего возраста, который переживает мужчина под пятьдесят, и тогда дневниковая форма — лишь художественный прием. Есть и другие варианты прочтения, о которых — ниже.

Наум, загорелый, фотогеничный и лысый здоровячок средних лет, замечательно поет Есенина под гитару, душа общества, хозяин обширной библиотеки, выпить с ним — одно удовольствие. Милая жена, симпатичные дети. Выпустил несколько книжек стихов. Но достаточно ли указанных положительных качеств для того, чтобы создать интересный дневник? Ведь дневник — будь-то «лирический дневник» или «общественно-политический» дневник — трудный жанр именно в силу его кажущейся легкости. Наступило 12 мартобря, выпил с Рабиновичем, закусили селедкой. Подумалось: какая все же гнида этот Рабинович! Записал это наблюдение и пошел дальше.

Люди, описываемые Вайманом, русские израильские литераторы, от Александра Гольдштейна до Александра Верника, конечно, замечательны на свой манер, но они пока не снискали такой славы и известности, чтобы поверхностные наблюдения за ними были бы интересны сами по себе, как интересны нам любые сведения о Достоевском или Сталине. Все же мы говорим о довольно мелкой окололитературной тусовке. Интересен ли нам искренний дневник, скажем, работника пожарной команды или санэпидемстанции, повествующий о его выпивонах

с коллегами? Мне — не очень, если он не открывает глубины человеческих душ, не остроумен, не замечательно написан. В общем, какое нам дело, кто из них с кем пил и спал?

Но, может быть, перед нами — художественное произведение, лирический герой которого, «Наум Вайман», (не путать с автором Наумом Вайманом), мужик под пятьдесят, озабоченный признаком приближающейся старости, тоскующий с собственной приставучей женой, и спасающийся сексом на стороне? Тогда приходится сказать, что образ «Ваймана» Вайману не удался. Перечня сексуальных актов и мест, где оные акты происходили («Третьего утром перехватил ее в Ришоне и поехали в „Императорскую“. Жара была давящей. Выглядела прекрасно. Три пистона хлопнул, потом поехал на работу. Вечером еще один жене, по инерции») еще не достаточно, чтобы ощутить сочувствие и эмпатию. Литература от милицейского протокола тем и отличается, что возникает эффект сопереживания.

Особый интерес для меня всегда представляют попытки передать израильскую речевую стихию, и в частности армейские реалии — средствами русского языка. К сожалению, Вайман пошел по тривиальному пути: длинные цитаты на иврите и приблатненная русская лексика. Меня она коробит, как и очень грубый пересказ израильской истории, вроде «Менахем Бегин, уродец и фразер, <…> подписал с египтянами жалкий мир». Вайману это кажется «лихим стилем Светония», а мне — арканзасской журналистикой из рассказа Марка Твена.

Политические сентенции Ваймана (или его лирического героя «Ваймана») настолько чудовищны и запредельны, что у меня закралось подозрение: «уж не пародия ли он?» Не хочет ли Вайман создать образ человека, бросающегося в фашизм на почве острой сексуальной неудовлетворенности? Узнав о теракте Баруха Гольдштейна, лирический герой восклицает: “ <Он> совершил то, о чем грезилось

горячечными от ненависти ночами. Надеюсь, что этот герой — не последний». Очень много ненависти — к «черножопым» марокканцам, к «арабчатам и арабушам». В какой-то момент герой книги осознает, что его взгляды — нацистские: «А ведь и я так же <как Гитлер> думаю. Не попал ли я в дурную компанию?» Он держится: «Жгите, суки, клеймом фашизма!». Но его поиски не так энергичны, как у Маринетти, не озарены музой, как у Паунда, а по глубине уступают даже Розенбергу. В его системе мышления, как и у «братца-Гитлера», «царит монументальная пошлость в сочетании с практической изворотливостью и полной атрофией сострадания и юмора».

В общем, говоря словами Ваймана, «вышло что-нибудь эклектического». Хочется сказать ему, как в песне Беранжера, «ты сударь, пой, а не пиши».

Как видите, мои три пистона не вызвали у него эмпатию…

17.4. *Наум, привет!*

Связь наладилась, и твое письмо о Розанове я получил, причем сразу, в тот же день, когда ты его послал. Тема настолько интересная, что я решил ее не комкать и ответить подробно; думаю, совсем не в том тоне, какого ты ожидаешь. Сделать это сразу не могу, потому что в понедельник, 23 апреля, исполняется последний срок сдачи статьи в академический сборник к юбилею (70-летию) С. Г. Б-ва. Статья у меня готова, но пока сыровата, и я хочу использовать все оставшееся время, чтобы довести ее до кондиции. Если тебе интересно, статья довольно большая (больше двух листов), называется «По направлению к Рампе». Она как бы о Бахтине (Б-ов — душеприказчик Бахтина, хотя известен не только этим; вообще он незаурядный человек), но там я впервые в печатном тексте излагаю свои идеи о Рампе и о Жреце и Маге. Если тебе интересно, могу, когда будет готова, перебросить ее тебе по E-mail'у (если тебя техниче-

ски не смущает объем; меня уже не смущает).

Американец Алик (Alex) мне позвонил, и мы уже провернули всю операцию, в результате которой я заработал кучу денег (по моим масштабам, конечно): дело в том, что Alex раскололся на авиапосылки (исходя из того, что морем до Америки книги идут очень долго), и в результате сумма вышла существенно больше, чем я рассчитывал. Так что спасибо тебе за столь выгодного клиента, деньги мне, как ты понимаешь, очень кстати.

Всегда твой

Матвей

Матвей, привет!

Статью о Рампе, конечно, пошли! И с нетерпением буду ждать письма о Розанове. Что говорят знакомые о книге? Не бойся передавать мне и «огорчительные» отклики.

А вообще меня книга радует хотя бы тем, что она уже перезнакомила меня с многими интересными людьми.

А у нас Песах на носу, так что — хаг самеах! (То бишь «веселого праздника!»)

Всегда твой

Наум

Привет, роскошный мужчина-гитарист, переживающий кризис!

Кризиса, кажется, на наш нееврейский взгляд нет. Шамир просто завидует, что ему слабо так нагло самовыразится. Тут о нем, кстати, говорили ой всякое, даже боюсь компьютеру доверять. Но он очень хорошо перевел частичку «Коричных лавочек» Бруно Шульца. Дело в том, что друзья ваши — старперы, выебываются, корчат из себя великих, хотя таковых не наблюдается из нашего прекрасного далека. Хотел тут вам сплетню написать, но плюнул и не стал. Интересно то, что они до сих пор хотят что-то значить в русской культуре, но не значат ничего, так как не значат ничего для израильской. Это интересный кульбит, как лента

Мебиуса. Вам завидуют, конечно, так как дар ваш налицо, вы нагло пишете о чем хотите и в этом-то весь кайф и состоит. Простая формула — литература возникает тогда, когда писатель описывает то, что все знают (ну про себя, хотя бы) но не говорят.

Так что, дорогой Наум говорите, говорите, мы с вами. Будем слушать ваши речи. Мы моложе, наглее, честнее, проблем меньше. И нам интересно. Интересно — что же думает ваше поколение на самом деле, когда перестает ломаться и учить народы. Я-то раньше думал, что вообще уже там у них внутри ничего и не осталось, а вы показали, что это не так.

Кстати, ваш бюст еще не вылеплен?
Ну это шутка юмора, как говорит наш сосед
Ваш НК

Дорогой Николай!

Спасибо за ободряющие слова. Шамира и у нас резко не любят и бог знает в чем подозревают, впрочем, он и сам признается (мне во всяком случае признавался), что коммунист, причем не только по убеждениям, но и «по паспорту», то есть член партии, кажется израильской, а может заодно и бывшей советской. А вот сплетню вы мне зря не рассказали, я до них большой охотник.

Кстати, Гринберг сказал, что прочитал уже 50 страниц книги и хотя считает мои рассуждения примитивными, заказал для магазина 20 книг, а пока дойдут, попросил меня прислать ему еще парочку, кому-то хочет показать. Все бы так: ругали и покупали.

Всегда ваш
Наум

Позвонил Ифат. Новостей нет. Обещал послать ей книгу и фрагменты на иврите из «Кешета». Обещала за это угостить кофием.

Жена, сдергивая с меня одеяло: «Где мой мурзилякочка? Вот он, мм-уа!» Целует, снова задергивает одеяло и мне что-то бурчит грубым тоном.

— Вот, с ним ты ласково, а мне грубишь.

— Потому что он один меня понимает

А «понимающий» и рад стараться. Задираю ей ногу: «На тебе его, раз уж ты его так уважаешь». «Оох! Уважаю, уважаю!»

18.4. От Зуса: *я привез и израильскую мацу сюда в Японию Песах гадоль беарцену*[1]*!*

z

А ты чего, опять в Японии? С японочкой?!

19.4. *Кен*[2]
Вчера проворонил $2000
Но японочка это 2 миллиона
Как жизнь??????????????????????????????????????

z

Это на бирже проворонил?
Желаю удачи с японочкой

А жизнь бьет ключом, в двух словах не расскажешь.

От Л: *Ай да Кононов, порадовал стариков, ай да молодец. Особенно про ленту Мебиуса и «вообще уже там у них внутри ничего не осталось»…*

так для кого Укропчик[3] *изгаляется?*

Звонила Ира Гробман. Говорит, сняла зал в Бейт-

[1] Великого праздника Песах на нашей родине! (ивр.)

[2] да (ивр.)

[3] Шамир на иврите — укроп.

Лисине, это насчет той идеи вечера для авторов «Зеркала», издавших книги. «Заезжай, надо обсудить программу». Обещал в начале следующей недели подъехать.

— Ты статью Шамира читала?

— Читала. Ты знаешь, это все-таки лучше, чем заказанная хвалебная статья.

— Да я не обижаюсь, просто он…

В это момент телефон отключился, а когда опять соединились, разговор перешел на другое.

Позвонил Наташке в Гаагу

— Ай вонт ту спик виз…

— Наумчик, ну чо ты выябываешься!

Мило поболтали, пошлю ей книжку.

20.4.2000

От Л: *Вчера стирала пыль с книжных полок, и Цветаева раскрылась на «так встречи не ждут, так ждут письма», и выпал засушенный цветок, из Лутруна…*

мда, ошэнь трогательно… Кстати, как поживает твой барабанщик, он же сексафонист? Зажала рассказик?

Гольдштейн считает заметку Шамира некорректной, просто таки злобной. Рассказал, что Гробманы его еще давно насчет Шамира предупреждали, что он из породы тех, кого в квартире одного не оставляют. Я сказал, что так, видно, и есть, он — какашка, но я на его статью не смог обидеться, поскольку весь его яд бьет мимо. Странно только, что настолько не врубился. «Особенно странным мне показалось обвинение в фашизме, — сказал Гольдшейн, — когда я из его собственных уст слышал глубокое сожаление о том, что Гитлер не доделал работу по уничтожению евреев». Поведал, что вечер на крыше прошел «мило», «по-дружески посидели». Хвалил Кононова, мол, очень изощренный. «Он иногда такие кульбиты выделывает, так зависает,

что… просто удивляешься». Отметил его редкую по нонешним временам «культурную оснащенность». Жаловался, что в последнее время куча статей против него, во всех газетах. Поговорили об интервью, которое он взял у дочери Сельвинского, о той эпохе, о сказочной жизни советских поэтов и их инфантильной продажности. Усмехнувшись, он бросил: «Они были такие порочные дети…» И в конце добавил, что Зайчик не против насчет интервью со мной, так что, даст бог, в ближайшее время…

Озрик сформулировал методу современной литературы: «Отсосал-записал».

21.4.2000. Для Л:

Мне вчера приснилось, что мы с тобой лежим в траве, но обстановка «не интимная», не одни… А ты раздеваешься догола и так просительно на меня смотришь, а я говорю: «Люди ходят…». А ты говоришь: «Ну пожалуйста, я тебя очень прошу…»

Наум, посылаю тебе текст своего сына, который он напечатал в газете «Алфавит», он там постоянный автор. Текст поначалу казался мне излишне категоричным и резким по отношению к автору книги, но Вася мальчонка с гонором, отца не слушает, и вообще к нашему поколению относится с уважением, подобающим антиквариату (исключение касается только Моти). Надеюсь, что тебя не очень огорчит этот текст.

Другие московские издания пока молчат. Раскачиваются, я полагаю

Сергей

…В первую очередь поражает параллельное существование героя в двух, по меньшей мере, мирах, израильском и московском. Нет ни болезненного раскола, ни трещины в сердце, герой везде адекватен, везде дома. Из заком-

плексованного еврейского мальчика, собственности тоталитарной державы, он сумел превратиться в воина, полноправного гражданина своей собственной страны. И, тем не менее, не проходит необъяснимая привязанность к Москве, московским друзьям, немотивированное внимание к мелким изменениям российской жизни. Такое ощущение, что герой никогда не уезжал отсюда, да и не мог уехать. Его московские друзья (Миша, Матвей), которые не стали «победителями», «хозяевами» собственной жизни, по-прежнему для него самые близкие люди. Непонятным образом он сохраняет духовное родство с погруженными в созерцание московскими «философами», живущими скудно и странно на окраинах безобразного мегаполиса.

Израиль кажется московскому сионисту недостаточно еврейским. Воплотив в себе все, что хотел, он по-прежнему мучительно ищет «еврейскую идею». Вкусив материального благополучия, новое поколение его сограждан не хочет жертвовать собой, подобно героям сороковых — худым, мешковатым юношам и девушкам с поблекших фотографий. Их не интересует ни Достоевский, ни Бен Гурион, они хотят мира, возможности спокойно зарабатывать. Вайма новский герой обнаруживает, что «русские», «американцы», «алжирцы» и «йемениты» съехались сюда не для воссоздания Храма, а с какими-то по определению неясными для индивида «родовыми» целями, что общееврейские, с его точки зрения, ценности присутствуют в этой жизни в лучшем случае как отработанная ступень ракетоносителя, которая уже сделала свое дело и отброшена прочь. Что еврейское культурное наследие и культура — это его сугубо личное дело.

Посему вайма новский герой жаждет очистительных бурь, призванных возродить уходящую героику. Его устроит лишь новый полномасштабный конфликт на Ближнем Востоке, война с арабами на всех фронтах. Только это спасет государство Израиль. Здесь возникают «розановские»

мотивы, мстительное смакование картин последней войны: лето, жара, сад, разлагающиеся трупы арабов. На первый взгляд, романтика вполне баркашевская: жажда подвига, смакование трупного запаха, тоска по мировому пожару. Однако в ситуации вайма новского героя в принципе исключен соблазн превратить свой бред в социальную нишу, в бизнес, возглавить всех больных и куда-то повести. (Ср.: «Бьем жидов, нехристей, крутых.» — рекламный перечень услуг РНЕ.). Наоборот, здесь романтическая поза героя-одиночки. Узнаваем все тот же хрупкий еврейский мальчик из литературного класса, еще не принявший судьбоносного решения заняться боксом.

Беда лишь в том, что у читателя, незнакомого с психологией вайма новского поколения, возникают сомнения в том, что мы имеем дело с литературой, с преодоленным (хотя бы в пространстве текста) и отрефлектированным состоянием. Куда больше это похоже на компенсацию.

Василий Костырко

Дорогой Сережа!

Василий меня здорово порадовал тем, что можно «со стороны» (тем более со стороны «другого поколения») так вчувствоваться в этот текст. Это счастливо подтвердает мою веру в то, что духовная общность, сочувствие — не зависят от возраста, страны и эпохи, и любовь к «антиквариату» это не всегда трогательное коллекционирование отжившего, но горячая любовь к вечно живому. И если мой текст все эти «расстояния» преодолевает (хотя бы в одной душе!) — я свое дело сделал, и это высший комплимент.

Вот тебе, для сравнения, заметка израильского писателя моего возраста (там о книге, как форме «кризиса средних лет»), небезызвестного Израиля Шамира….

И еще, о том же, из письма Кононова «о поколениях»:…

Судя по уже накопившимся (хотя и немногочисленным) письменным и устным отзывам, книга либо кажется «скуч-

ной» (мол, дневник, пошел-сказал-выпил и т.д., по такому «принципу» и Розанов скучен), либо шокирует (оставляет в недоумении) даже опытный литературный вкус, так что такой человек, тем более если он критик, предпочтет отмолчаться (пока не сложится «мнение»), либо воспринимается напрямую, от сердца к сердцу. И тогда я «попадаю». Будем надеяться, что таких сердец будет много — не скрою, хочется и успеха, хотя и того, что произошло с книгой, мне достаточно.

Василию передай сердечный привет и благодарность за рецензию. Если ему захочется написать мне — обо всем, что угодно, — скажи, чтоб не стеснялся, я буду очень рад.

Всегда твой
Наум

Кошка в телевизоре замяукала, и Клепа залаяла, бросилась к экрану, а потом к окну. Вот она, сила искусства!

22.4. От Л:
в траве это замечательно, а ты уверен, что это была я?

абсолютно
и очень явственно…

По русскому ТВ выступают артисты, игравшие Ленина в разных фильмах и спектаклях (день рождения вождя!). Жена говорит: «Я помню, как в первом классе до слез спорила, что Ленин в туалет не ходил».

23.4.2000

Заехал к Гробманам. Ира процитировала, как пример ложных, если не лживых воспоминаний, статью какого-то художника (в «Новостях недели»), который написал, что Гробман советовал ему не ехать в Израиль.

— Я могу такое посоветовать? — недоумевал Гробман.

Утверждал, что наоборот, большинство, кто не поехал

в Израиль, а двинулся, скажем, в Париж, в результате оказались в говне, то бишь проиграли.

— И вообще Париж уже тогда был художественной провинцией…

Стали вспоминать всяких художников, я напомнил о Панасенко, Ира сказала, что он банален.

— Но есть крик, — говорю.

— Банальный крик.

— Страшноватый… Я так и не купил у него картину…

Замечание было неосторожным. Гробман вцепился в меня: купи картину. Или хотя бы эстамп. Всего 200 долларов. Я брыкался. Но Гробман держал мертвой хваткой. Пока Ира раздраженно не бросила ему: «Отъебись!». Обсудили план вечера. Я предложил подать книги в форме диалога. Ира предложила мне Шауса в качестве оппонента. Шауса, говоришь? Ну черт с ним, давай Шауса. Обсуждали название вечера. Потом они заспешили, кто-то пригласил на международный фестиваль документального кино, на просмотр-презентацию.

— Хочешь с нами? — спросила Ира.

Что ж, поехали. Заодно похвастался новой машиной. По дороге спросил, как с изданием на иврите.

— Ну что, деньги получили, — сказала Ира. — Процесс пошел.

Я стал осторожно выспрашивать, кого включит — так хочется на иврите. О, как мне хочется смутить веселье этих израильтян! И бросить им в лицо железный стих… Но Ира отвечала уклончиво.

Публика в Синематеке собралась довольно светская. Гробманы меня представляли как знаменитого писателя. Познакомили с каким-то летчиком, он сказал, что только что прочитал «Москва-Петушки», и очень хочет еще чего-нибудь современного. «Будем ждать перевода вашей книги!» — сказал мне.

Фильм я уже видел по телеку в прошлом году на день Катастрофы, про двух карлиц, немку и еврейку, над кото-

рыми Менгеле издевался в Освенциме. Очень его интересовал тот медицинский факт, что в семье карлицы-еврейки часть детей были нормальными. Представили меня и продюссеру, Эдне Каварской, «бывшая любовница Кадишмана», — шепнула Ира, — правда хорошенькая?» Я охотно согласился. На обратном пути, когда свернул с Буграшев в переулок, дорогу перебежала девица в обтягивающих джинсах. У Гробмана подскочило настроение, и он запел: «Ах, какая жопка, ах, какая жопка!»

Неожиданно — письмо от Димы Кузьмина

Наум, гляньте на минирецензию по поводу «Ханаанских хроник». D.K.

Наум Вайман. ХАНААНСКИЕ ХРОНИКИ

Жаль, если эта книга действительно была воспринята так, как об этом «говорят» — то есть прежде всего как модное оскорбление текстом множества ближних и дальних знакомых автора. Правда, и меня поначалу приводили в недоумение скучновато-умные рассуждения о подвижниках и обывателях... Будни люмпен-богемы, московской ли, репатриантской ли, тоже особо не вдохновляли, не говоря уж о бесконечных (увы, поколенческих) «кто-с-кем-и-сколько-раз», с сопутствующей тоской по отношению к интимной стороне жизни как к заслуженному отдыху. Но вторая половина книги сполна вознаграждает за прочтение первой, и не потому, что она чем-то «лучше». Все дело в том, что дневники, хроники и романы в письмах сильны не фабулой и интригой, а только устойчивым эффектом совместного роста-развития текста и автора: либо это есть, либо нет.

Есть. Примерно к середине книги (для кого-то, возможно, раньше или позже, не суть) выговаривающееся первое лицо кругами, похожими на траекторию пролетания тихого ангела, осваивает пространство около той точки, где религиозное и рациональное сознание менее всего склон-

ны расходиться…

Дорогой Дима!

Вы меня ужасно обрадовали своим письмом, я уж, признаться, решил, что Ваше молчание объясняется какими-то «неувязками». Ну, и заметка меня, конечно, порадовала.

Рад, что о книге «говорят». А то, что она есть «модное оскорбление текстом множества ближних и дальних знакомых автора»… Согласен, о многих сказано едко. Оскорбительно? Это не входило в намерение. Задеть, «пригласить на лестницу» разобраться, а если еще точнее — растормошить, растолкать — согласен. Но не оскорбить. И с радостью докладываю, что почти никто из задетых, по крайней мере в «нашей стороне», не оскорблен, отношений со мной не рвал, даже наоборот.

Еще раз спасибо, что указали на заметку. И прошу не забывать, что живет в таком-то городе… такой вот «кусачий» автор, который относится к Вам с глубокой симпатией, рад получать Ваши письма, и, естественно, ему ужасно интересно, что же там такое о нем говорят в дальних странах.

Всегда ваш

Наум

Уже когда отправил, подумал: а, может, это он и написал заметку, потому и перекинул, а я и не поблагодарил? Вот дубина…

Дорогой Матвей!

Прочитал твою статью о Бахтине, поздравляю! Наконец «Рампа» удостоилась своего псалмопевца. Все очень просто и убедительно. Надеюсь, тебе действительно удалось найти для «эстетических феноменов» «золотой ключик», которым открываются теперь все потаенные двери, даже нарисованные на куске старого холста… Мне было особенно приятно читать, так как впервые (не зря потрачены тома

переписки из двух углов!) я не «засыпал» на извилистых тропах вымученной бахтинской терминологии — меня вел из этого мрака свет Рампы!

Интересно, как на эти твои рассуждения и концепты среагирует достопочтимая «профессиональная» публика?

Бахтина ты, конечно, разделал знатно. Особенно его теорию «завершения». Да и «карнавалу» досталось.

Но меня все это подвинуло на некую «критику» твоей философии искусства, в продолжение тезисов о ритуале. Согласно твоей схеме, искусство вышло из Ритуала, а «сцена» — из ритуального круга, наследника сакрального жертвенника. Ритуал спасения жреческого типа — ритуал жертвоприношения. Жертва приносится во имя всеобщего благоденствия. В трагедии герой-жертва умирает, а зритель испытывает катарсис, в твоей интерпретации — проходит переплавку смертью, в результате рождается новая, преображенная (спасенная) личность с восстановленным ощущением благостного единства с родом и миром.

Соответственно искусство — игровая (иллюзорная, как ты говоришь) форма жертвоприношения, как бы понарошку, но чувство у зрителя возникают вполне живые. Это так называемое катарсическое искусство (оно же классическое, эпос, трагедия и т.д.). И признаком его является Рампа, отделяющая профанное от сакрального, зрителя от разыгрываемого действа. Нарушения этой схемы в сторону «разгула индивидуализма» и разрушения Рампы ты рассматриваешь в рамках циклических колебаний жанров от эпоса к лирике и обратно. Мне кажется, что это неверная схема, и она противоречит постоянному нарастанию индивидуации. Твое искусство, суть которого в восстановлении единства с родом (и миром) с помощью иллюзии жертвоприношения, похоже на психотерапию, и как религия, так и этот тип искусства перестает лечить, поскольку зритель больше «не верит» представлению, оно уже не вызывает в нем «спасительных» чувств, его претензии на вечность остаются неудовлетворенными. Ты, конечно, можешь обзывать такого

индивида «взбесившимся», идущим наперекор природному Замыслу, но он от этого трезвее и уравновешеннее не станет. Я помню толстовские рассуждения о человеке, как части мира (вся восточная философия на этом стоит, капля в океане и т.д.), но они не слишком утешают. Человеку как бы говорят: ты букашка, родился, полетал и снова землю удобрил. Может, какую-то букашку это и утешает (но таковая, сдается мне, и не нуждается в утешении, не тянет на «сотериологического субъекта»), меня же, взбесившегося, не утешает. Более того, я люблю свое бешенство. Ты как бы говоришь: жажда чуда толкает человека к Магу, по сути — шарлатану, предлагающему, допустим, веру в загробное воздаяние. Но магизм — не только вера в потустороннее, магизм — исток науки, жажда разгадать тайны жизни и бытия. Кстати, именно наука ближе всех подвела нас если не к бессмертию, то к долгожительству. Но суть чуда, как и магизма не в этом, а в том, что тот воображаемый, ныне не существующий, тоже иллюзорный мир обречен на осуществление, и именно в это человек и верит. Магическая религия и есть эта вера в осуществление иллюзий. А кто сказал, что это осуществление невозможно? Жизнь сегодня уже потеряла свою родовую завязку. И возвращение в родовое единство невозможно, потому что непонятно где твой род. Сегодняшний человек — существо без роду без племени. Жреческий путь «восстановления единства» — паллиатив, мертвому припарка. Отделившись, человек начал искать новые горизонты, и идея Бога не «магия», а идея некой силы, или смысла, или цели, которая вне мира. С развитием культуры она менялась, менялись представления о Боге, но идея осталась. И это не бегство от мира, а поиск нового мира, нового Дома. Поэтому современное искусство все более разрушительно по отношению к Рампе — всякие перфомансы, массовые действия, даже политические акции, похожие на театральные представления. В самом деле, разве в реальном мире, не за сакральным кругом, не бывает примеров героического самопожертвования индивида, ради горо-

да, народа, другого человека? Разве живая жертва вдохновляет нас меньше, чем театральная? И Христос в этом смысле пионер перфоманса, да, он Маг в том смысле, что призывает к прямому действию во имя возможного, или невозможного, будущего. В твоем искусстве начисто отсутствует чудо, это действительно механизм.

Хотя мне понравилась твоя мысль о «глубинной преступности всякой утверждающейся индивидуальности»…

Всегда твой

Наум

24.4.2000. Встречались с Р.

… — А я в лужице лежу! Ой, сколько из нас натекло! … А я все время смеюсь, как вспомню… в последний раз было очень смешно, ха-ха-ха! А ты что, не помнишь? Как ты из машины вылез и со спущенными штанами пошел за салфетками, ха-ха-ха! Как маленький мальчишка, который с горшка встал, ха-ха-ха!

Перед уходом вдруг загрустила.

— Ты чего?

— Тяжело расставаться…

В «деревне», когда пересаживались на своих лошадей, передал ей листочки с «откликами» (в гостинице читать не хотела: «Я потом почитаю, ладно? Не хочу от тебя отрываться»). Взяла листочки и сразу наткнулась на статью Шамира.

— Кризис среднего возраста! Ха-ха-ха! Вот это замечательно!

Хохотала от души, жалко Изя не слышал.

25.4.2000. От Л: *спасибо за записки. Голова кругом от отзывов. Особенно порадовал Костырко младший. А я бы Шамиру написала обязательно, хотя… не в коня корм. Так Ира Гробман будет издавать на иврите и деньги получила? Поздравляю! Ура! Давай подробности!*

Целую тебя в наше все

поздравлять еще рано
Завтра иду делать интервью с Гольдштейном

Вечером приехал Ронен Сонис. Книгу переводить отказался. Попили чай

Жена:

— Он очень странный.

— Да, такой легкий даун. Но очень способный.

Интервью делали у Гольдштейнов на крыше. Я взял с собой бутылку шотландского вистки, чуток выпили. Вид на пустырь, лошади пасутся.

Гольдштейн поведал, что арабчата тут на конях выезжают по вечерам, гарцуют под окнами, «марин» кличут, все русские девушки у них почему-то «марины».

От Л: *Пришли «Фонтанку» Саши Веселова и интервью*

Интервью еще надо распечатать. Есть надежда, что будет уже в пятницу. Он спросил, как ведут себя со мной люди, зная, что «попадут в историю»? Я говорю: «Как киноактеры, привыкают к камере». «Фонтанку» посылаю.

26.4. От Л:

огромное спасибо за Фонтанку. Когда смотрела, как будто плыла по ней: вся картинка не поместилась, так я ее двигала стрелочкой, так даже мне больше понравилось. Ты интервью отстукаешь и перекинь мне пожалуйста, т.к. «Окна» к нам приходят с задержкой в неделю. Мне кажется это Мойка, а не Фонтанка, хотя… уже плохо помню, но все равно ужасно приятно, спасибо

27.4.2000. От Л:

Снилось, будто я выхожу на крыльцо, а там щенок рыженький лежит. Я к нему наклоняюсь, а он весь дрожит,

и я его глажу, ласкаю, целую, потом, когда он уже меня лизнул, слышу твой голос за спиной: нравится?

Позвонил Марку Шохаму. Мол, мечтаю книгу ему передать. За это он полчаса читал мне по телефону свои «шутки». Тоже хочет собрать и издать.

«Работа не жид, в Израиль не убежит»

«Пизда-распашонка»

«Целка довоенной закалки»

«Жизнь прожита сря»

Послезавтра поеду к нему. Может на радио что устроит.

28.4. От Л: *не поверишь, но опять ты мне снился. Стоим мы с тобой у парапета, того самого, из картинки Веселова, близко прижавшись стоим. А я и говорю: поцелуй меня. Мне больно. А на другой стороне народный артист на трубе играет… а ты смотришь на меня и плачешь… а я думаю — во сне — если мне больно, а он плачет, значит любит и начинаю смеяться, потом мы уже стоим рядом с трубачем, а ты напротив на гитаре играешь… это под утро было*

А где интервью?

Визит на РЭКу[1]. Раздавал книжки и телефоны, знакомился. Лиора Ган проявила интерес. Вертела книгу в руках.

— Вы полистайте, — говорю, — если понравится…

— Понравится. А Вы боксер?

— Иногда…

Потом кернули (я принес бутылку «Финляндии»). Между тем работа кипит: утверждается план передач, вбегают и выбегают люди, телефоны трещат. Марк, загоревший до черноты, рыгает остротами («Коммунизм — это молодость мимо! Ха-ха!»), зовет Мишу Гильбоа «ваше гильбожество», с ударением на первое «о», а Гильбоа его

[1] израильское радио для репатриантов

поправляет: «Ваше гильбожество!» Заскочил Шаус. Он уже читал рецензию Топорова в «Смене».

— Уделал он тебя, уделал! «Вайман пишет лучше Наймана, правда хуже Наймана не пишет никто», хи-хи!

С Марком Котлярским вернулись в Холон, зашли ко мне, я ему еще книжек дал, раздать — кому не досталось.

Наум, привет!

Очень тронут твоей реакцией на статью — не тем, что «хвалишь», а пониманием, которое особенно сказалось в «развитии идей».

Остаюсь всегда твой

Матвей

Николай, привет!

Какие новости? Вы, говорят, Гертруду Стайн издали? Уже заказал в Москве. А как наше «изделие» продается? Еще не дерутся у прилавков? Тут возникла надежда издать на иврите. Боюсь сглазить. И еще я дал интервью Гольдштейну для «Вестей», через неделю появится. На радио тоже всякая болтовня намечается. 28 мая будет вечер авторов «Зеркала», у которых вышли книги. «Хроники», естественно, в центре. Вот, так что «работаем», делаем, как говорится, «промоушен». Хотя все это, конечно, чушь, если не будет серьезной реакции в российской прессе…

Привет Марианне и Александру. Всегда ваш

Наум

30.4. Закончил раньше и позвонил Р: «Встретимся?» — «А ты хочешь?»

Поехали в Яффо. Еще не жарко.

— А я твои бусы одела, заметил? Они мне так нравятся!

Погуляли, потом в «башню» поднялись перекусить. Внизу море искрится. Изредко в этом слепящем блеске проходят рыбачие лодки.

— Посмотри отсюда! Море с небом сливается!

Ее нога между моих, рука все время залезает мне под рукав.

… — она была меня старше, ей уж за тридцать было, такая некрасивая, кожа очень плохая, неказистая, и какая-то угасшая, и вот однажды ей дали путевку в санаторий, и она приехала такая сияющая, даже почти красивая, даже кожа стала как-то лучше, в общем, познакомилась там с одним мужиком, и рассказывает мне, как они подружились, как обнимались-целовались, но, говорит, ничего у нас не было, так что, когда расставались, «могли прямо смотреть друг другу в глаза», и она расхохоталась. … она мне говорит: хочу мужа психологу показать, совсем стал вялый, может таблетки какие, или порнофильмы ему показывать? Уже два года такой, тронешь его, прям взрагивает в испуге. А я и ляпни: может у него два года любовница? Да ты что! — говорит, он и в молодости богатырем не был! Ну а через пару недель он от нее сбежал, к любовнице, с которой уже два года…

Когда встретились:

— Ну, здравствуй, лысый здоровичок средних лет, ха-ха-ха! А ты чувствуешь, какой он гадкий, вот это — «здоровичок», теперь ты понимаешь, почему я ненавиджу эти суффиксы, чик да чок? Нет, он негодяй, негодяй, и то что про жену, мол, хорошая жена и дети, при чем это тут? Ты ему при случае дай по яйцам. Я всегда, когда хотела отомстить мужику, так вроде нечаянно, ему по яйцам коленкой, ха-ха-ха! Или если вдоль обрыва с ним пойдешь, так легонько его плечом толкони…

— Ну, уж вдоль обрыва с Изей лучше не гулять.

От Ф:

Мне очень жаль, что я не только не сумела завоевать твою любовь, но даже сохранить дружбу.

Матвей — Науму

Наум, привет!

Ты пишешь о Розанове так, будто это человек. Для меня это удивительно: чего-то я тут недопонимаю. Ну ладно русские, но еврею-то почему надо быть первым учеником в этой школе бесчестия?

Короче, Розанов — это мразь. Можно добавлять к этому существительному (характеризующему сущность) какие угодно определения, например, талантливая мразь, любопытная мразь, если хочешь, гениальная мразь (хотя это большое преувеличение — не в смысле мрази, конечно) и т. д. и т. п., но без слова мразь эти определения вовсе лишаются смысла.

Розанов был неудачником. Жалким и злобным учителишкой, «Передоновым»: вспомни хотя бы случай с Пришвиным, которого он ни за что выгнал из гимназии и чуть не поломал человеку судьбу. Цитирую из дневника Пришвина: «из четвертого класса меня исключил за пустяковину. Нанес он мне этим исключением рану такую, что носил я ее незажитой и не зашитой до тех пор, пока В.В., прочитав мою одну книгу, признал во мне талант и при многих свидетелях каялся и просил у меня прощения („Впрочем, — сказал, — это Вам, голубчик Пришвин, на пользу пошло“). <…> Вас. Роз. ухитрился выгнать меня с волчьим билетом, так что кончать уже пришлось в Сибири в Тюмени». (Мальчик Пришвин просто назвал его дураком).

Он был неудачником с женщинами: унаследовал из тщеславия от Достоевского потасканную тетку, сделав престарелую любовницу мэтра своей женой, а потом разыгрывая — на публику — семейное счастье с другой женщиной, парализованной и темной бабой. Сюсюкает в своих «Коробах» над дочерью, а она кончает самоубийством. Построил образцовую семью, нечего сказать. Конечно, грех глумиться над несчастьем, но кто его просил выставлять свою семейную жизнь напоказ в качестве образца? Филологом-классиком (его основная специальность) он был никаким. Попробовал стать философом и написал скучную, тупую и смехотворно-кустарную книгу «О понимании». Он написал кучу

якобы литературоведческих работ (типа «Легенды о великом инквизиторе»), но в истории русской литературы нет такого литературоведа — Розанова. Он пишет о литературе так, будто это сфера живых людей, с которыми он беспорядочно «дискутирует», и идей, которые он, слабо понимая и постоянно перевирая, неудачно пытается оспорить. Это типичная «нулевая степень письма». Его кумиры и сподвижники — бездарные юродивые, зоологические ксенофобы типа Говорухи-Отрока, Рцы, Меньшикова и иже с ними. Его любимая литература — Нат Пинкертон и Шерлок Холмс. Он не в состоянии «держать мысль»: бьюсь об заклад, что ты не передашь «своими словами» смысла той же «Легенды о великом инквизиторе», сколько бы ее ни перечитывал. Единственная отчетливая мысль этой книги состоит в том, что Гоголь выдумал мертвых душ, оболгав Россию, и от этого Россия переполнилась мертвыми душами. («Ну, а если „выключить Гоголя“ — Лермонтов бы его выключил — вся история России совершилась бы иначе, конституция бы удалась, на Герцена бы никто не обратил внимания, Катков был бы не нужен. И в пророческом сне я скажу, что мы потеряли „спасение России“. Потеряли»). Тупость его суждений о литературе поразительна: кто «ругает Россию», тот плохой, кто «хвалит» — хороший. Литература, в его представлении, магически «отражает наперед»: как «отразит», так все в жизни и будет. Представления неандертальца. Интересная (и, по-видимому, совершенно уникальная) особенность писаний Розанова состоит в том, что он сам не верит ни одному своему слову. Вл. Соловьев (между прочим, единомышленник по общему направлению) печатно назвал его Иудушкой, человеком без чести и без совести. Розанов, как известно, печатал одновременно под разными псевдонимами в газетах разного направления статьи прямо противоположного содержания. Будучи разоблаченным, он просто утирался, получая плевки: плюнь в глаза — все божья роса! Вот что он сам пишет по этому поводу: «…всеобщие обвинения во лжи. Вдумываюсь. Я совершенно (ни разу) не лгал, не толь-

ко пером, но и устною речью, против того момента (выделено Розановым), когда говорил (писал). Я был бессилен написать неправду (нужно придумывать, лень)». Интересное представление о честности: с поправкой на «тот момент»; в следующий момент я, как псих со справкой, за себя не отвечаю. Отсюда эта навязчивая фиксация «моментов»: еду на извозчике, перебираю монеты… в крайнем случае крайним будет извозчик. При этом то, что он печатал под своим именем, «эволюционировало» в соответствии как раз с «моментом» — с тем, чья партия была в силе. Когда казалось, что верх берет «прогрессистская» партия (незадолго до и после революции 1905 года), он писал шибко революционные статьи (из которых составилась, например, сугубо прогрессистская книга «Когда начальство ушло»). Вот как он оценивал ее впоследствии: «В сущности все мое революционерство в литературе было пустомельством. Я и тогда революции (1905—6 гг.) не совсем сочувствовал; неопытность, зрелище кой-чего красивого (Элла и Шарлотта) и „айда с гимназистами“. Что делать, молодежь люблю, со стариками противно… В „Новом времени“ я ни для кого не притворялся, в „Русском слове“ иногда притворялся, — и именно тогда распускал свой противный либерализм. Черт бы его драл». Ты скажешь: признается же человек в ошибках, даже трогательно. Это так, если не знать (а тогда он еще этого не знал), что к власти придут большевики, и опять придется на старости лет приспосабливаться к «моменту»: «айда с гимназистами». Он тут же стал прославлять большевиков и извиняться перед жидами (см. «Апокалипсис нашего времени»). Трусливая мразь. Вот что записано в дневнике Пришвина: «У Гершензона. Он рассказывал, что Розанов незадолго до смерти сказал ему: „С великим обманщиком (Христом) я теперь совершенно покончил“. Еще говорил Гершензон, что основное в натуре Розанова было — трусость и что понимать его слова про обманщика нужно так: „Покончил, а может быть, и все неправда“». Розанова принято считать гением, чуть ли не пророком, но он сто-

процентно садился в калошу во всех своих предсказаниях. Перечитай для смеху статью «Революционная Обломовка» (написана летом 1917 года): в ней доказывается, что особенность русской революции по сравнению с европейскими состоит в ее «мирном характере» и бескровности.

Конечно, ты скажешь, что я «перехожу на личности», какое, мол, нам дело, что это был за человек, этак и Гете «критиковали» за филистертво; опять же, антисемитами были и Шекспир, и Вольтер, и Гегель, и Лосев и, например, даже такие евреи, как Вейнингер и Пастернак, так что приходится различать между человеком и его делом. Всё так, но в том-то и дело, что к «случаю Розанова» это не относится. Ко всем остальным относится, а к нему нет. Ибо он сделал из своей душевной мерзости товар и выгодно его продал — в виде сырья, без переработки. Со смаком отдавался течению и созерцанию своих низменных душевных движений и побуждений и протоколировал их — для денег и «для известности». Ничего другого в Розанове нет: он не написал ни «Венецианского купца», ни «Феноменологии духа», не объективировал своего нутра, а подал его в непереваренном виде. Поэтому и приходится судить о его «нутре»: больше не о чем, больше там ничего нет. Сам напросился. Прислушайся к хлестаковской («легкость в мыслях необыкновенная») интонации: «мысли мои непрерывно текли, совершенно непрерывно, не останавливаясь даже на мгновение, и я никогда их не останавливал и никогда ими не управлял… „Хорошо или дурно поступал“ — я не знаю, п. ч. „хорошо или дурно“ просто отсутствуют из моего сознания, я не „при них родился“».

Конечно, если бы этим Розанов исчерпывался, мы бы о нем не говорили; чувствуется, что даже если все это правда, то не вся правда, самое главное от таких «морализаторских» оценок ускользает. Розанов, действительно, в каком-то смысле гений, а именно: в том смысле, что был плоть от плоти своего народа, русских — и выбалтывал за них, на уровне чревовещательства «от нутра», а не дискурса

(в этом его отличие от бездарных Меньшиковых, Рцы и т.п.), то, что у трезвого на уме. Мерзость Розанова по-своему величественна, потому что, несмотря на запредельную «обнаженность», он никакого своеобразия-то как раз и не проявил: он просто адекватно выражал дух нации. Я не хочу сказать, что ***весь*** *дух, но очень существенную и едва ли не главную его сторону. Если бы Розанов был «сам по себе», никто бы о нем и не вспомнил. Розанов — это тот писатель, какого заслужила нация (русская), потому что ни Герцена, ни Толстого она не заслужила, приходилось «напрягаться», «тянуться» за ними, а тут — давай себе волю в гнусностях и будешь всегда прав. Розанов выразил дух нации в «момент» ее беспрецедентного падения, но оказалось, что этого-то и не хватало; оказалось, что в падении-то самый и смак, и это были еще цветочки. Розанов любил царя и квартального и натравливал на жидков, но и ему не снились такие монументальные вариации на собственную розановскую тему, как Сталин и Гитлер. Между тем, грубо говоря, Сталин и Гитлер возможны только после Розанова. Дело не в личностях; дело в том, что если верхний, наделенный ответственностью слой (интеллигенция) дает себе поблажку иметь в своих рядах Розанова, то вскоре ничего, кроме Розанова, она иметь не будет. Будет фашистское искусство и «стиль Сталин», и Хрустальная ночь, и борьба с космополитизмом. Розанов наглядно демонстрирует, насколько небезобидны упражнения в стилистической вседозволенности. Потому что все происходит именно в таком порядке: сперва «все дозволено», а потом — ничего не дозволено: все шагают в ногу и борются с общим врагом-инородцем. Сперва высший слой сдает позиции и погружается в амальгаму «свободы от всего», затем оказывается, что он впадает в рабскую зависимость от толпы, обузданной по его же предписаниям, доведенным до логического предела. Словом, Розанов был одним из наиболее зловредных разрушителей Рампы. При этом Розанов остается, пожалуй, единственным из этой когорты (Серебряный век и проч.), кто представ-*

ляет реальную опасность и сегодня. Потому что Розенберга или Геббельса можно опровергнуть, а Розанов копошится в таком слое неотрефлексированных импульсов, который может послужить либо «сырьем» для переработки в членораздельную структуру, будь то художественная либо мыслительная форма, либо прямым руководством к действию. Действие же такими субчиками предполагается одно — погром.

Вместе с тем, я осознаю, что пока даже не коснулся ***смысла*** *писаний Розанова. Зане бесстыдный голос мой // Был эхо русского народа. Пусть так, но народ-то (русский) что силился выговорить-пролепетать? Не может быть, чтобы его «миссия», пускай даже «отрицательная», не поддавалась хоть какой-то, пусть приблизительной, вербализации. Думаю, смысл писаний Розанова — всецело религиозный; это, конечно, далеко не «открытие», но я что-то не читал ничего хотя бы удовлетворительного именно о розановской религиозности. Что это за православный христианин такой, который печатно называет Христа дьяволом (ни больше, ни меньше); утверждает, что Христос открыто враждебен Богу и что он хочет стереть с лица земли его (Бога) царство? В этом Розанов, конечно, прав, но мысль далеко не новая, и тут весь смысл в интерпретации, и именно в национальной интерпретации. /Кстати, вот ответ на твой вопрос о сходстве его с Ницше. Не плагиатор ли Розанов? Нет, не плагиатор. Приведу цитату: «ведь для них /позитивистов/ „история христианства“ есть история обманывающих попов, не было „мучеников“, а были „суеверные люди, Бог знает за что принимавшие мучение“, а „христианская мораль“ есть „мораль рабов“, с легкой руки и по инициативе Ницше, который так пришелся „по душе“ всем евреям (Столпнер мне пытался читать отрывки из Ницше, — которые я нашел пошлыми и глупыми)». Из приведенного пассажа вроде бы следует, что Ницше он не читал, а знакомился в изложении знакомых евреев. Правда, поскольку Розанову нельзя доверять ни в чем, напомню (лень искать точную цитату), что, рассуж-*

дая о Конст. Леонтьеве, которого принято было сравнивать с Ницше, Розанов вроде бы обнаруживает неплохое знание и понимание Ницше, но скорее всего Столпнер хорошо объяснял, а Розанов, что называется, хватал на лету. Ведь объяснил же Бакунин неграмотному Белинскому Гегеля до такой степени, что тот стал — в отличие от самого Бакунина — самым глубоким на Руси гегельянцем). И почему к этому грубо-радикальному ниспровергателю Христа с такой нежностью, как к родному, относилась русская православная церковь? Толстого, который учил, что надо жить по совести и христианским заповедям, предали анафеме, а Розанова, назвавшего Христа дьяволом, почитали за праведника. Здесь и сказывается глубочайшее внутреннее родство — по цепочке: русский народ (в наиболее мракобесных своих проявлениях) — православная церковь — Розанов. Это все близнецы-братья, и не скажешь, кто более мачехе-истории ценен. В Розанове впервые в полной мере осозналась (опамятовалось, пришло в себя) та дикая нелепость, какой было с самого начала «крещение Руси». Почему-то не ставят вопрос ребром: как можно заимствовать религию? Что это — платье, которое можно взять поносить? Почему тогда не сменить его потом на другое? Тут одно из двух: либо религия — это действительно что-то серьезное, сформировавшее народ и неотъемлемое от него, либо — просто некое «украшение», без которого можно обойтись. Почему русские, живущие «среди гипербореев», не могут обойтись без Бога, сформировавшего евреев, живших в пустыне, вообще в другом, во всех отношениях, «климате»? И что сделали русские со своими богами, которые сформировали их, русских? Своего главного бога Перуна они сбросили в речку (в Днепр), бежали за ним по берегу вприпрыжку и кричали: «Выдыбай!» Что значит: «Выплывай!» То есть, выплывай, если сможешь, а иначе ты не бог. Нация, которая способна поступить так со своими богами, не достойна нормальной религиозной жизни. Долгое время эта непреложная истина как-то «не приходила в голову» русским, точнее, не доходила до их сознания; подсозна-

тельно-то нельзя «забыть» убийство отца (толкуй хучь по Фрейду, хучь как). И вот наконец, в лице Розанова, нация это осознала; в этом «послание» Розанова, его message, его, можно сказать, всемирно-историческое значение.

*Православный может убедить кого угодно в том, что Христос — свой брат славянин и что только русский может измерить его своим аршином в процессе быстрой езды и возлюбить как положено (на взаимной основе, конечно); так вот, убедить в этом можно кого угодно, но только не еврея, потому что еврей (даже если он запуган до невменяемости и говорит, что ничего не помнит) — **свидетель** (причем единственный) того, что это не так. А неудобного свидетеля, как следует из любого детектива, надо убрать. Иисус полностью принадлежит еврейской традиции (только худшему ее, эсхатологическому ответвлению; что делать: в семье не без урода); кстати, такого еврейского шовинизма, как у Него, не встретишь в Ветхом Завете, где действительно сознания своей богоизбранности хоть отбавляй (но есть все же и Руфь). Вот, для примера, ответ Иисуса на просьбу Хананеянки (не еврейки) спасти ее сына: «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева. А она, подойдя, кланялась Ему и говорила: Господи! помоги мне. Он же сказал в ответ: нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам. Она сказала: так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их.» (Мф.15,24—27). Конечно, есть некая метафизическая справедливость в том, что евреи впоследствии уничтожались (или морально уничижались) именем еврея-шовиниста, иудаистского еретика. Но эта справедливость не имеет ничего общего с моральными представлениями зрелой христианской метафизики (скорее тут работает Закон, Моисеево «Око за око»); в основе же своей ситуация просто комична (все это было бы смешно, когда бы не было так грустно). Так и представляю себе Мойшу, который, тряся пейсами, приплясывая и цокая языком, с ужасом восклицает: — Славяне, почему вы так плохо поступили со своими богами? Зачем кинули в речку Перуна? — Успокойся, Мойша,*

тебе-то что за дело? — резонно отвечает ему славянин. Почему-то упрек евреям: зачем вы распяли Христа? (или мягче: зачем вы его не приняли?) — не кажется столь же абсурдным даже «юдофильски» (как им кажется) настроенным мыслителям-христианам (таким, например, как Вл. Соловьев или Бердяев). Но еврей не просто обличитель русского православного (как «живой свидетель»). Он обвинитель-уличитель в квадрате. Сохранив верность своему Богу, еврей поневоле напоминает русскому православному о его отринутых автохтонных богах; например — об утопленном Перуне, то есть о метафизическом убийстве Отца. К несчастью, оставшиеся здесь евреи вместо того, чтобы с гордостью нести свое звание Свидетеля, взапуски заигрывают с православием. Например, сегодня, в день православной Пасхи (как будто это не Песах, искаженный до бессмыслицы!) по радио выпустили отметить это событие артиста Козакова (а ведь его отец был еврейским писателем: никак не отделаться от убийства отца), который подробнейшим образом рассказал интересующимся (а ведь у него даже ни о чем таком не спрашивали), где, когда и в каком месте он крестил каждого из своих детей. А сам крестился еще в отрочестве. В общем, член КПСС с 1916 года. Как будто он от этого перестает быть в глазах той мрази, перед которой заискивает, жидом, причем гораздо более богомерзким, чем жид-иудаист или жид-атеист. Дело Гапона-Меня (убийство которого я считаю благим делом, кто бы ни совершил это благодеяние; скорее всего надо благодарить благодетелей-гебешников) живет и побеждает! Я уже теперь и не знаю, кто лучше — еврей-русский-патриот (а это непременно предполагает: антисемит) или просто черносотенец. Пожалуй, в черносотенце все-таки больше человеческого, чем в поэте Кублановском, певце Кобзоне, олигархе Березовском, актере Козакове, режиссере Марке Захарове и т. д. и т. п. Нормальных же евреев здесь не осталось вовсе, во всяком случае, среди известных людей. По крайней мере, я их не вижу, не встречаю, не читаю. Впрочем, это есте-

ственно: нормальные люди просто уехали, и правильно сделали. Так вот, чтобы вывести это затянувшееся отступление обратно к Розанову, отмечу: еврей (каким бы он ни был) метафизически чист перед русским — он не предавал своего Бога. Но вот в чем парадокс: поскольку русский физически сильнее (во многих смыслах, в том числе и в культурном), еврей готов продать свое право первородства за чечевичную похлебку «признания» со стороны русского. Нормальный заискивает перед убогим, полноценный пытается понравиться уроду, здоровый калечит (оскопляет) себя, чтобы стать вровень с больным (метафизическим импотентом). К сожалению, ни один еврей, пишущий по-русски (в том числе и твой покорный слуга) не может в полной мере освободиться от этого комплекса. И, прости покорно, я вижу в твоем отношении к Розанову проявление этого комплекса, равно как и в «р-революционно-соцартовском» настрое Гольдштейна и т. п. Уж вам-то, казалось бы, расплевавшимся с этим психологически-кромешным и кровавым наследием, отряхнуть бы его прах со своих ног, похерить, выкинуть из памяти, отхаркать и растереть — ан нет, не получается. Хочется стать русским писателем-последователем-Розанова, получить Букеровскую премию, прославиться среди «русского народа». Желания понятные, и не мне «бросать камень». Тем не менее, признаюсь, мне иногда (и все чаще) кажется, что лучше бы нам (в том числе и мне) вовсе не писать по-русски; а уж если писать, так аналитично (без намека на непереводимую «художественность»), типа уравнений-формул, где доказывалось бы как дважды два, что русский — это тот, кто иденцифицирует себя как не-еврей. Это полное, точное и исчерпывающее определение русского. Когда русский перестанет быть антисемитом, он перестанет быть русским, так что грешно его в этом упрекать: ведь он, как все, имеет право на существование. Но что же он свое существование построил на такой изначальной и неколебимой вере в свою неполноценность? С этим уж ничего не поделаешь, и тут единственный выход — держаться от него

подальше, потому что когда что-то будет не так, он назначит тебя евреем и устроит тебе погром. И те, кто думает, что все дело в плохом «материальном положении» («вот станут русские богатыми и возлюбят ближних и дальних»), так я на это отвечу, что все как раз наоборот: они бедные, потому что метафизически убогие, и никакого выхода у них нет: одна надежда, что их кто-нибудь завоюет, расчленит и заставит работать (а не воровать), чтобы разбогатеть, но это несбыточная утопия, так что русский всегда останется «прорехой на человечестве» (как раз тем, в чем упрекал Розанов еврея).

Но вернемся к идеям (религиозным). Приняв христианство, русские, по-видимому, не сразу поняли, что приняли сразу две веры, причем взаимоисключающие — веру Ветхого и Нового Заветов. В народе обе веры перемалывались автохтонным язычеством, причем более известной была, конечно, вера Нового Завета, и именно ее — веру Христа — противоестественным образом «совокупляли» с язычеством: все эти крашеные яички, куличи и колядки… И только ко времени Серебряного века, в силу многих условий (развитие библеистики, исторического сознания, отрыв интеллигенции от общенародных верований и т.п.) создалась ситуация, когда противоречия, заложенные в «принятии» чужой веры, проявились вдруг со страшной силой — взорвалась заложенная кн. Владимиром бомба замедленного действия. Розанов как раз и оказался человеком, «через сердце» которого пролегла эта трещина; в этом смысле Розанов, конечно, незаменим и уникален. Он не то чтобы выяснил (все было давно известно) — он признался себе (что было облегчено присущим ему бесстыдством), что «нутряная» вера русского человека, оставшегося язычником, несравненно ближе к Ветхому Завету, нежели к Новому. Ведь Христос безроден, антиприроден, он покровитель скопцов, а Ветхий Завет (как и античная мифология) «пахнет спермой», что несравненно ближе крестьянским верованиям. Но крестьяне забыли своих богов, поэтому интеллигенции ничего не оставалось, как

принять веру Ветхого Завета, еврейскую веру. Тут и выяснилось (довольно неожиданно), что еврейская вера — это именно ***еврейская вера****, — и больше ничья. Может быть, какую веру и можно «позаимствовать» (например, безродную веру Христа — очень даже можно), но веру Ветхого Завета — нельзя никак, потому что весь ее смысл в* ***избрании****. Евреи — избранный народ. Если это вычесть из Ветхого Завета, там не останется вообще ничего. Розанов это почувствовал и стал «юдофилом» и «христоборцем», но ненадолго. Следующее, что понял Розанов: каким бы юдофилом-евреелюбцем он ни прикидывался, он в мире Ветхого Завета навсегда останется чужим. Поскольку никакой другой веры, которая освятила бы русскую жизнь (а жизнь, не освященная верой, не имела для Розанова никакого смысла: в ней было холодно, и только Ветхий Завет нес тепло, согревал душу), не было видно (за богов, брошенных в речку, надо было расплачиваться), родилась дикая обида: за что это евреям такие поблажки? Чем они лучше? Видимо, чем-то лучше. И чем ничтожнее была их современная участь, тем мистичнее казалась эта их богоизбранность. «Переводя вопрос в глубину вещей, конечно, я хотел бы нам, русским, вернуть то, что утеряно везде, кроме Востока: эпоху святых по существу отношений пола, т.е. священного и религиозного не по форме и соизволению начальства, а реально и по ощущению зачатия детей». Далее Розанов пытается убедить себя, что без Израиля можно обойтись. «Дело в том, что у Соломона кроме Суламифи было очень много других Суламифей… Евреи у пророков везде именуют «Бога Израилева» — супругом своим. Это буквально. Это написано. Хорошо. Но «за спиной» и «в других местах» были тоже Суламифи… было у него 700 жен и «девиц без числа»; и простушка Суламифь была «одною из девиц», а «женами» и царицами были, например, Персия, бесспорно, был прекрасный Египет. И… хочу верить! даже есть это наша «матушка Русь». Мы нисколько не должны отступать перед евреями, пугаться их и будто бы их какой-то «единственной и мистической судьбы». Попросту, мы иногда их*

поколотим, и будет очень хорошо». «Матушка-Русь» как жена Соломона — это круто! Круто и то, что женами Соломона были не женщины, а страны. Но круче всего то, что Розанов «забывает», что, какую бы «жену» он ни выбрал, Соломон все же остается евреем. (Типичная черта его мышления; кажется, что над тобой издеваются, но он просто псих со справкой: «Я за себя не отвечаю»). В этом смысле Розанов не так еще страшен (что-то человеческое в нем промелькивает), как безжалостный и поистине гениальный Великий Инквизитор от православия о. Павел Флоренский. Не простая змея, а очковая. Как сказано: не так страшен я, как идущий следом за мной (а Флоренский — моложе, образованней, умнее и т. п.). Укрывшись за анонимом, Флоренский отвечает Розанову по существу. Следующую длинную цитату я считаю квинтэссенцией русского антисемитизма. «Конечно, поколотим их, и это не только хорошо иногда, но это-то таинственно предопределено нам. Для гордыни нашей в том-то и беда, что даже колотить Израиля мы предопределены не потому, что это для нас хорошо или что у нас «руки чешутся», а потому, что мы, как крепостной дядька, должны служить барину розгами, для его же пользы. Ваши соображения о Суламифи, признаюсь, не убедительны для меня, ибо одна Суламифь, первая, действительно канонизирована «песнью песней», Библией, а что касается до всех прочих, то они были, что немцы называют, Privatsache царя Соломона. Но вот, пожалуй, что важно: что слово Павлово, мне всегда поющееся в сердце, зазвучало и в ваших словах. Да, Израиль — избранный, «садовая маслина». Но Бог и нас призвал в воспитатели зазнавшейся Суламифи. От нас Бог хочет, чтобы выколачивали жидовство из Израиля, а от Израиля — чтобы он, своим черным жидовством, оттенял в нашем сознании — непорочную белизну Церкви Христовой. Своею гнусностью Израиль спасает нас, научая нас ценить благо, нам дарованное. А мы за это должны колотить Израиля, чтобы он опомнился и отстал от пошлости». Если учесть, что под «колотить» понимаются погро-

мы, иезуитская логика великого философа (а Флоренский — гениальный мыслитель, никуда не денешься) впечатляет. Никакой Геббельс и Розенберг ему в подметки не годятся: тут не политика, а глубина религиозных созерцаний. Флоренский, как известно, был для Розанова непререкаемым авторитетом. По существу, он проповедует уничтожение евреев — но, оказывается, это нужно не для нас (не подумайте, что у нас неровен час «руки чешутся»!), а для пользы самих же евреев, по «заказу» ихнего же еврейского Бога. Большего иезуитства, кажется, нельзя себе представить. Но это еще не все. Евреев хотя и надо «колотить», но «не до конца» (не до полного уничтожения). Слово Павлово, которое «поется в сердце»» нашего поэта-изувера, — это его изречение: «Весь Израиль спасется». Иными словами, если уничтожить весь Израиль, тогда и русские не спасутся — ведь они могут спастись только после Израиля. Вот к каким неразрешимым хитросплетениям приводит «принятие» чужой веры. И еще один вывод: после Флоренского-Розанова русские уже не могут в деле спасения (а это как-никак главное их дело) обойтись без еврея. А евреи без русских — могут (не считая уродов вроде нас с тобой). Поэтому от русских нужно держаться подальше: пусть назначают евреями кого-нибудь из своей среды и поколачивают их для их же пользы. А натуральным евреям лучше наблюдать за этим со стороны. И тем более не лебезить перед Розановыми-Флоренскими, не забывая ни на минуту, что мы без них можем, а они без нас — нет.

Еще пара слов об «эволюции» Розанова. Когда он бывал юдофилом, то хвалил Ветхий Завет и намекал, что Христос — не еврей. Когда становился юдофобом, утверждал, что «евреи распяли Христа», в котором «не было ничего еврейского». Выходит, куда ни кинь, везде клин: Христос — не еврей. Такова «логика» этого «мыслителя». Чтобы доказать, что евреи — нелюди (какое-то всемирное «неприличное место»), он доказывал, что ни один народ в мире не придумал обрезания. При этом в других своих статьях (например,

о Древнем Египте) он преспокойненько констатирует, что обрезание — это обычай, распространенный в древности почти повсеместно: и в Египте, и даже во всей Африке. То есть, по обыкновению, сознательно лжет, возводит наветы (кровавые) и инсинуации. Далее, в статье «Иудейская тайнопись» (зловредная еврейская тайнопись заключается в том, что они — единственные, якобы, на земле — пишут одними согласными, без огласовки) Розанов пишет: «Ничего подобного ни с одним народом!! „Мужик Гомер“ писал свою Илиаду явно, без сокращений; и наши былинщики свои „былины“ говорили и пели явно, — кроме одного „мужика из города Ур“. „Такой же мужичок, как мы“, семит, среди арабов, финикиян, сирийцев. Даже без своего алфавита, с алфавитом чужим». Ну, не забавно ли, что этот по профессии филолог-классик называет, в противовес «Иудейской тайнописи», как раз те народы, у которых письмо было принято, как и у евреев, без огласовки! Конечно, он тут же был пойман с поличным: добросовестный еврей (кстати, христианин) Переферкович — наивный человек! — объяснил ему его ошибку. Вот как ответил на это Розанов: «Г. Переферкович и еще один еврей/выделено у Розанова/-оппонент возражали мне, что „во всех семитических языках гласные не пишутся“. На это два ответа. 1). Да все семиты и исповедовали одну религию, с одною тайною. Это были „двоюродные религии“…» Далее Розанов дает вместо двух три ответа («я за себя не отвечаю»), столь же мало относящиеся к делу, так же бесстыдно утираясь от плевков («это мне божья роса»). Не угодно ли «поспорить» с таким оппонентом? Не понимаю, как такой человек может вызвать какое-то иное чувство, кроме брезгливости. Словом, поздравляю тебя с удачно выбранным наставником.

А если кроме шуток, то проза Ваймана — слава тебе, Господи — не имеет к Розанову никакого отношения. (Вот Галковский — это законный наследник Розанова: такая же мразь, но без тени юмора, ума и таланта. За что ты его так «высоко ценишь», ума не приложу). Вайман — «последний

романтик», по-старомодному чистый и наивный боец за ценности отцов-основателей; если на кого и обращается его гнев, так на прямых врагов-арабов или своих же братьев-евреев (скурвились, космополитизировались, предали высокие идеалы), но нет тенденции списывать все свои беды на, условно говоря, «жида»: а в этом — весь Розанов. И еще один момент: быть последователем Розанова можно только на очень хорошем уровне языкового чутья (чутья внутренней формы слов и разговорного синтаксиса). Здесь у Галковского есть кое-какие проблески, у Ваймана, по моему разумению, — нет. У Ваймана странное и очень редкое сочетание (если бы сам не читал, не поверил бы, что такое возможно): хорошее чувство стиля («суггестивность») при посредственном чувстве языка. Конечно, это лучше, чем если было бы наоборот. Без чувства стиля вообще не о чем было бы говорить, а с языком дело отчасти поправимое.

Я прекрасно осознаю, что написал очень плохой текст — невыверенный, непродуманный, плохо построенный, с колоссальными смысловыми лакунами и т. п. Но о Розанове я смог бы написать только сразу, в один прием. И ни за какие коврижки не стал бы писать о нем «ответственный текст». И дело совсем не в том, что он мне «мерзок»: Флоренский несравненно мерзее, но о нем я надеюсь написать, потому что он выдал ряд артикулированных, объективированных, поддающихся обсуждению идей. Ничего этого у Розанова нет, нельзя обсуждать мычание и междометия. Возможно, если какие-то аспекты покажутся сомнительными, их можно было бы обсудить. Может быть, мне легче было бы рассуждать, если бы ты высказал свое мнение (развернутое) по затронутым вопросам. А пока прошу прощения за плохое качество письма; чем богаты, тем и рады.

Всегда твой
Матвей

1.5. От Л:

знаешь, когда летят перелетные птицы, они ориенти-

руются по звездам. Но, если звезд не видно, не теряются, а летят по памяти. У них уникальная фотографическая память. А я вдруг потерялась и память не спасает…

«странно» не то, что ты «разболтал», а что «пожаловался кому-то на меня» — я же привыкла что всегда «жаловался мне», вот это как-то кольнуло.…

А живет он в районе моей работы.

А сколько ему лет?

2.5.2000

Миша звонил. Сказал, что Лена Трофимова обижается, что не послал ей книгу.

Учил писать: «Ты попробуй изложить связно, не перескакивая». Уронил упрек, что на его болезнь скидок не сделал…

Дорогой Матвей!

Оченно мне понравилось твое письмо! Сколько страсти — вулканическое извержение! Даже страшно не соглашаться.

Но вот что интересно: ты пишешь, что сознательно написал текст «невыверенный, непродуманный, с колоссальными смысловыми лакунами и т.п.», и добавляешь, что о Розанове «ни за какие коврижки не стал бы писать „ответственный текст“». Но ведь именно в этом ты его и упрекаешь, в безответственности текстов! Не значит ли это, что есть письмо «артикулированное, объективированное, поддающееся обсуждению», столь дорогое твоему сердцу, а есть художественное, и его по полочкам не разложишь и как чужую статью не перескажешь? И куда деть поэзию с ее порой нарочитой невнятностью? Может, когда страсть бьет фонтаном, уже не до ответственности? Может, ты, сам того не желая, создал поэтический текст, когда понял, что никакой другой в этом случае «не канает»? И потом, что это за совковое требование «ответственности»?

Решил нацепить тогу праведника? Какая ответственность, перед кем, за что? Этак и Ницше до сих пор гвоздят, что его писания «привели» к Гитлеру. Я это не принимаю. На мой взгляд, главное в литературе именно безответственность, как предел свободы и дерзости. Где возникает ответственность — там кончается литература.

И ты сам, такой «логичный», впадаешь в вопиющее противоречие, когда признаешь, что этот гад («мразь») — он же «в каком-то смысле гений», что его «мерзость по-своему величественна», и что «он просто адекватно выражал дух нации». Ничего себе «неудачник». Всего-навсего адекватно выразил дух нации. Проявив при этом «гениальность», «величественность» и «запредельную обнаженность», да еще «хороший уровень языкового чутья» — всего-то делов. Много ли таких «неудачников» найдешь в литературе? Интересно, что Мандельштам отмечает у Розанова те же качества, что и ты: «анархическое отношение ко всему решительно, полная неразбериха, все нипочем», но только с положительным знаком — «только одного не могу — жить бессловесно… Этот анархический и нигилистический дух признавал только одну власть — магию языка, власть слова, и это, заметьте, не будучи поэтом…» Кстати, Мандельштам ошибался: Розанов, конечно же поэт, и это чушь, что он «не заботился о стиле» (как считает М-м). Он все-таки великий писательский талант, и тут ты по сути и не споришь. Разрушитель Рампы? Но все современное искусство разрушает Рампу, театр прет на улицы, поэты — на стадионы, живопись заполняет стены трущоб и т. д. и т. п. Да и не в первый раз в истории художник покушается на Рампу, желая спасаться чисто конкретно, в порыве социального творчества — не таким ли был Христос, зачинатель перфоманса? Но о Рампе и твоей статье — это особый разговор. Скажу только, что, может, современное искусство (тот же авангард) не разрушает, а расширяет Рампу? В наше время «глобальной деревни» ей уже тесна театральная сцена.

Да, «сам не верит ни одному своему слову», да, «Иудушка». Но именно в этом его провиденциальность: он увидел то, что и сегодня не все еще поняли — абсолютный релятивизм всего и вся, и прежде всего в литературе (вот и ты все еще твердишь об «ответственности»). Называй это хоть «душевной мерзостью», хоть как хочешь, но он просто не знает, что «хорошо, а что дурно», «„хорошо или дурно“ просто отсутствуют из моего сознания, я не „при них родился“». Именно так. Это и есть «запредельная обнаженность», не в смысле той «искренности», о которой любят болтать любительницы литературки, а в том смысле, что за ней нет никаких истин, никаких основ, никаких опор. И уж не знаю, что ты там в моем «романе» вычитал, но и я так думаю (о литературе, при этом жизнь и литературу я разделяю, в жизни есть и ответственность, и ценности и т.п.), поэтому так восхищаюсь Розановым, и считаю его смельчаком, ведь его «запредельная обнаженность» и тогда и теперь еще (судя по твоему письму), многим казалась душевной мерзостью, и он подставлялся.

Да, всякие его поступки «по жизни» выглядят некрасиво, но он же был человек модерна, он типичный модернистский жизнестроитель, он свою жизнь обнес сакральным кругом, за которым нет законов, нет добра и зла, он жил, как на сцене! И в этом смысле, быть может, был именно защитником Рампы (последним и отчаянным), он доводил пьесу жизни, как и саму «литературу», до полного абсурда, и как бы говорил: все что за Рампой — не имеет к жизни никакого отношения, там другие тайны, там нет «добра и зла» (воистину — по ту сторону), и никакой «ответственности». Он защищал Рампу, рассекая скальпелем искусство и жизнь.

И потому твои обвинения «по жизни» просто смехотворны, это все равно что предупреждать Снегурочку на сцене, что волк прячется в кустах. Не преуспел в построении семьи? Суслову трахал? Трахать вдову кумира — ай-яй-яй, в этом есть что-то некрофильское, согласен. Ладно, не был он героем-любовником, так что? Ученого филолога, или

философа из него не вышло? И слава богу. «Не держит мысль»? А что делать, если она, «как кон нэудэржими»? Да, это «недержание» превратил в творческий метод, аргументируя свои утверждения по системе «псих со справкой». Да, «опорой», ему служит «момент», к которому он «приспосабливается», и не скрывает этого. И что? Если хочешь знать, то и «по жизни» все меняется в каждый следующий момент и все относительно, и то, что было справедливо, интересно, важно вчера, сегодня уже обретает другую цену, или ценность. А мы, значит, такие принципиальные, и ответственные, у нас незыблемые ценности, мы убеждений не меняем, хоть тут мир тресни!

В общем-то, он был юродивый. Есть такой типичный «русский жанр», и в искусстве, и в жизни (жизнетворчестве), меня он, допустим, не привлекает, но в России это дело любят. (Русские вообще типичные «маги», а не «жрецы», если твои концепты употребить.) «Трус»? И что? Дело житейское. Кто не трус — пусть первый бросит в меня камнем. Хотя христианина, плоть от плоти христианской страны, назвавшего Христа дьяволом, я не могу считать трусом. Ты, правда, называешь это не смелостью, а «бесстыдством», но и для бесстыдства нужна смелость. Частую смену взглядов ты тоже объясняешь трусостью и угодливостью, мол, конъюнктурщик. Но он и о живых людях высказывался без оглядки и врагов нажил не счесть, уж куда больше, чем друзей, что никак в «угодника» и «труса» не вписывается. Впрочем, ты ведь сам говоришь: «приходится различать между человеком и его делом». И почему то, что прощаешь Флоренскому, не прощаешь Розанову? «Ибо он сделал из своей душевной мерзости товар и выгодно его продал». И что получил с продажи? Нажил-то он немного, чуть ли не с голоду помер. И ты не унизишь произведение тем, что его создатель ради денег старался. Да кто из великих не хотел денег и славы? Гегель не хотел? Шекспир? Микеланджело? А ты поди, «продай» свой «душевный товар», хоть самый мерзостный, хоть самый благородный, а мы посмотрим, много ли найдешь

покупателей. Нет, для «выгоды», то есть для успеха, одной мерзости или одного благородства мало.

Но что спорить, если ты сам пишешь: «Конечно, если бы этим Розанов исчерпывался, мы бы о нем не говорили; чувствуется, что даже если все это правда, то не вся правда, самое главное от таких „морализаторских“ оценок ускользает».

Я так понимаю, что больше всего злит тебя его погромный антисемитизм, что не уравновешивает его глубокое и искреннее (на мой взгляд) юдофильство. Что ж, тут все более или менее понятно. А твои культурно-исторические пассажи насчет русских, евреев, а также евреев с крестом на пузе, читал с большим удовольствием. Кстати, все что ты написал о русской нации, о ее неизлечимой неполноценности, о ее предательстве собственных богов и о ее «эдиповом комплексе» по отношению к евреям, и о «ваших» евреях (я бы еще добавил сюда и некоторых «наших», израильских, и прав Флоренский, выколачивать надо из них жидовство!), все это по мифопоэтическому, а также психоаналитическому размаху ужасно напоминает Розанова.

Что касается «невозможности позаимствовать религию», то христианство позаимствовали не только русские, и у народов Западной Европы на этой почве не возник, на сколько могу судить, комплекс неполноценности. Может, все дело в том, что есть религии, которые позволяют себя заимствовать, более того, даже приспособлены к этому, а то и «заточены» на распространение, как, например, христианство. Эту заточенность еще любят называть «универсализмом». Но, как известно, чтобы сделать учение доступным широким массам, его надо упростить, и чем шире охват, тем примитивней идейная платформа (меньше общий знаменатель). И тут ты очень верно подметил, что есть христианство Нового Завета, а есть — Ветхого, а я бы сказал, что есть иудаизм Ветхого Завета, а есть иудаизм декадентский, выродившийся, истеричный, апокалипсический, агрессивно проповеднический и примитивный (попов-

ский), позднее названный христианством, с его магией немедленного спасения — только покайся. Так вот народы Западной Европы спасло (от такого примитивного христианства и от комплексов) та самая контрабанда античного язычества, античной философии, которую удалось протащить в католичество. Русские этого не удостоились. И в том не вина их, а беда. Они были слишком далеко, и античные традиции Рима и Византии дошли до них, как эхо… К тому же, и это немаловажно: русские не заимствовали христианство, а оно было им навязано силой. Норманнская верхушка русского государства относилась к подвластным смердам, как к своей добыче. Она и приняла византийское христианство, чтобы «приобщиться к мировой культуре» (культура в Россию всегда шла через верхи, через правительство, и спускалась вниз по разнарядке, не зря же Пушкин заметил, что правительство — единственный европеец в России). А насчет того, что побросали в реку своих перунов, или, как Пушкин писал: «с тупым равнодушием усвоили веру, избранную их вождем», то удивляться надо не тому, что побросали (попробуй, забалуй у викингов), а тому, что еще столетия после принятия христианства некоторые еще шли за этих «перунов» на смерть… А высказывание Пушкина характерно как пример отношения представителя правящего класса (не из худших) к смердам — считал их тупыми и равнодушными. Единственной возможностью хоть какой-то свободы на Руси был уход от власти и социальной жизни (она всегда связана с властью): либо в леса и дальние земли, либо в монашество, странничество, юродство. Потому и нет в России «гражданского общества», а «элита» любую инициативу подозревает в покушении на свою власть.

Русские не рабы по природе, как некоторые утверждают, они порабощенные. И с рабством своим породнившиеся, как баба, которую в отрочестве отдали за жестокого мужика — и куда от него уйдешь? Все-таки дом, хлеб, и детей ему нарожала…

Кажется, я незаметно оседлал свого любимого историче-

ского конька… Только замечу, закругляя мысль, что за века до Петра степень кровной и культурной чужеродности народа и власти смягчилась, почти стерлась, но Петр восстановил ее вновь! Для осуществления намеченного поворота на Запад он нанял огромную армию иностранных наемников, в основном немцев (те же норды, что и основали русское государство). Полагал, не без оснований, что сложившаяся русская «элита» не способна или не заинтересована проводить преобразования, вот и обновил правящий класс, сделав ему массовое переливание крови, так что даже русские цари уже с конца 18 века были по крови почти чистыми немцами. А русская церковь, институт наиболее народный, была полностью подчинена государству. Конечно, какие-то западные традиции верхушка восприняла, но строго следила — чтобы не в ущерб собственной власти. Тот же Пушкин после знаменитой аудиенции у молодого царя пишет по его заказу верноподданническую записку «О народном воспитании»: «Кадетские корпуса… требуют… большего присмотра за нравами, кои находятся в самом гнусном запущении. Для сего нужна полиция, составленная из лучших воспитанников… Должно обратить строгое внимание на рукописи, ходящие между воспитанниками. За найденную похабную рукопись положить тягчайшее наказание, за возмутительную — исключение из училища…» Ну и так далее. А «официальные лица» были еще откровеннее. Глава Министерства просвещения адмирал Шишков посчитал, что «…Обучать грамоте весь народ… принесло бы более вреда, нежели пользы». А Бенкендорф пояснял: «Не должно слишком торопиться с… просвещением, чтобы народ не стал… в уровень с монархами и не посягнул на ослабление власти».

Так что освобождение рабов в 1861 году запаздало. И указом народную психологию не изменишь, все так и осталось в парадигме хозяин-раб. Это я к тому, что твой подход к русской истории метафизический (как у Розанова!), а у меня — исторический, и русская история все-таки антисемитизмом не исчерпывается.

И последний момент (по порядку, но не по важности). Ты приписываешь мне некий «русский» комплекс, жалкое желание «стать русским писателем… прославиться среди „русского народа“». Пора бы, мол, вам, израильтянам, «расплевавшимся с этим психологически-кромешным и кровавым наследием, отряхнуть бы его прах со своих ног, похерить, выкинуть из памяти, отхаркать и растереть» и — лучше всего –«вовсе не писать по-русски». «Ан нет, не получается».

Да, не получается. Я, когда приехал, еще лелеял мечты перейти на иврит, но ни упорства, ни таланта на такой переход не хватило. Можно, конечно, вообще не писать, быть инженером, преподавателем и т.д., но это не интересно… Нельзя же себя душить, а так уж вышло, что русский язык стал воздухом бытия. Опять же: не вина, а беда. И, на мой взгляд, это не противоречит тому, что «с этим психологически-кромешным и кровавым наследием» я расплевался, и даже, смею надеяться, отряхнул его прах со своих ног. Но почему нужно «похерить, выкинуть из памяти»? Это опыт, в каком-то смысле уникальный и неповторимый. (Он опыт из лепета лепит и лепет из опыта пьет.) И, может быть, мое осмысление этого опыта будет интересно кому-то еще, в Израиле, или в России, или еще где. Хочу ли я прославиться среди русского народа? Ну, если уж писать по-русски, хочется это делать как можно лучше, и если кому-то в России это покажется интересным — мне будет приятно, не скрою. Но уж точно я не ищу славы в русском народе — он мне чужд, и не собираюсь его чему-то учить и куда-то звать. Но если такой вот (мой) взгляд со стороны и кому-то «из народа» покажется любопытным, я не обижусь.

Писал тебе, и вдруг — сирена: сегодня день Катастрофы (и Героизма, они добавляют), со вчерашнего вечера и до завтрашнего утра все увеселительные заведения закрыты. А во время сирены в 11 утра — минута молчания. И видно из окна, как машины на дорогах останавливаются, люди выходят и стоят, опустив голову. Не все, надо сказать. Но большинство. Это о «моментах» товарища Розанова…

А вчера вечером по телеку читали письмо одного старика по фамилии Гоголь, он в Освенциме, когда отправляли прибывших в газовые камеры, изображал оркестр и играл им Моцарта на губной гармошке, такая классная немецкая гармошка, звучит, как орган, так вот он рассказывает, что всегда играл с закрытыми глазами, чтобы не видеть идущих на смерть, а тут его взяли наши «пионеры» в поход (это уже обычай: на день Катастрофы собирают молодежь в Освенциме вместе с выжившими, ну и кто-то из правительства, называется «марш жизни»), и он сыграл им на этой гармошке, и впервые — с открытыми глазами… Не растрогаться невозможно.

Ладно, я тоже что-то расписался, и, как обычно, свалил все в одну кучу.

Наум

Звонок издалека. «Привет… Я тебя обнимаю, чувствуешь? Как после долгой разлуки. Чувствуешь?» И тут мне кто-то позвонил, сначала по телефону, потом в дверь…

От Л: *даже и не поговорить — знаменитость! Звонят, понимаешь, приходят…*

да паутина еще съедает, ох…! И долго будешь так работать? По четыре дня в неделю? Давай уже интервью и письмо Матвея. Как я понимаю тебе сейчас не до подопечного? Но зато королева под боком для простоты и удобства. А что в июле она едет к дочке?

Да это жена пришла, я даже не заметил… Будто акт прервали…

Буду так работать до конца июня. Да, к дочке едет.

Интервью будет в четверг, но текст «отстучу» не сразу, техпроблемы.

4.5. От Л:

ну нам не привыкать — не первый акт прерывают,

и жена тоже… вообще-то я всю неделю буду одна, можешь в четверг тоже позвонить в то же время

Let Rozanov go

На мой взгляд, защита Розанова у тебя как-то не очень прозвучала. «Свалил все в одну кучу». Может, «момент» подвел? Минута молчания, сирена — и похвала провокатору-подстрекателю, индульгенция погромщику.

На твои «подначки» отвечаю однозначно: «Нет». Не решаюсь, не интересуюсь, известности не хочу, «литературной славы» не ищу, в запредельную обнаженность, ты прав, играть не люблю (было бы что «обнажать»…). Если тебе угодно видеть в этом позу человека, который рядится в тогу праведника, спорить не стану. Скажу только, что крайне удивлен (честное слово). Привык думать о себе как о нравственном бомже, кончающем свои дни на помойке (по своей же воле и вине); никакого интереса и поучительности в этой диспозиции не нахожу (к тому же воняет) и очень всерьез подумываю о том, чтобы вообще прекратить писать (во всяком случае, печататься). «Ответственными текстами» пытался «заболтать» судьбу, сбить ее с панталыку — и только. За то, что написал о Розанове, не дал бы ломаного гроша и на самом деле не держусь ни за одно слово (не мой это «дискурс»), однако не жалею, что выговорился. Правда, выяснилось, что каждый из нас говорил о своем; для меня это лишнее доказательство того, что никакой объективации (а, стало быть, и «художественности») в текстах Розанова нет. И «самокопания» там нет и в помине (это ты «вчитываешь» себя в Розанова), а натравливание на «чужих» есть. Якобы какие-то язвы душевные этот смельчак обнажал, а он просто «не при них родился». Смелость Розанова — это смелость генерала Макашова (перехожу на личности): он знает, что свои, русские люди (парламентарии тож), не выдадут (а Христос жид, так отчего его дьяволом не обозвать?); расчет точный и безошибочный. Самым смелым, при таком подходе, надо считать скорпиона из анек-

дота: укусив-таки лягушку, он ответил на ее предсмертный укор: «Уж такая я сука». Скорпион сука, потому что кусает (ну, ничего не может с собой поделать, бедный), а не потому, что «рефлексирует». «Художественности» нет, а подстрекательство к погрому есть. Ну и почему я должен это любить? И где тут Рампа? Деуки, иде я находюсь? Пощадите, товарищи евреи!

И вот еще что забавно: тебя Розанов вдохновляет на «вход» в русскую культуру, а меня от нее тошнит — как раз по случаю присутствия (неистребимого) в ней Розанова. А вот, для справки, как твой кумир относится к твоему присутствию: «Нет праведного гнева, нет праведного гнева, нет праведного гнева. Нет святой ярости. Как было не догадаться на убийство иудеем первого русского человека (Богров Столыпина в Киеве) ответить распоряжением на другой же день выкинуть из русских музеев, из Музея Александра 111, Эрмитажа, Академии Художеств все эти „chefs-d'oevre" разных Левитанов, Гинсбургов, Аронсонов, все эти павлиньи перья из иудейского хвоста. Да, — еще Рубинштейнов из Мариинской оперы и какого-то скульптора с „Ермаком", „Грозным" и уж, конечно, „Умирающего Спинозы". Как его? Забыл, к счастью, имя (захлестнуло). Но мы „ленивы и равнодушны" (Пушкин)».

Мы, евреи, не такие. /Кстати, у Пушкина «ленивы и нелюбопытны», но не бывает, чтобы Розанов чего-нибудь да не переврал. Даже от волнения (захлестнуло), перепутал падеж в жидовском имени «Спиноза», а редакторы не решились исправить: великий стилист. Безответственность, конечно, «интереснее», но это смотря на чей вкус/.

Спасибо за книжные заказы.

Остаюсь всегда твой

Матвей

Позвонил Л. Разбудил. «Чего делаешь?» — спрашиваю. «Обнимаю тебя»

Поехал в Иерусалим повидаться с Гринбергом. Старые иерусалимские особнячки (ул. Алкалай), мужик колоритный, зарос, как дикий сад, черным волосьем с проседью, глазища чуток навыкате, темперамент артиллерийский, обузданный важностью. Рассказал, как Лёзов читал лекцию в Иерусалимском университете и неосторожно назвал евреев избранным народом, и потом был очень удивлен «негативной реакцией» аудитории.

Купил у него Шифмана «От текста к традиции», «Книги Еноха» Тантлевского и Якова Беме.

Let Rozanov go

…Может потому, что мои собственные моральные критерии занижены, я и обозвал тебя в сердцах праведником, а может потому, что антисемитизм и вся эта антисемитская русская жизнь, которая тебе на горло наступает, и от которой тебя «тошнит», от меня далеко, я по ту сторону. Ну антисемитизм и антисемитизм, ну и хер с ним, что мне Макашов, смотрю, как на клоуна в «ящике». И вообще, весь этот их антисемитизм — это к врачу, на кушетку к Фрейду. И в этом смысле Розанов — материал для психоанализа благодатный… Что касается моего «пресмыкательства», то оно имеет место, согласен, я даже готов пожидовски эксплуатнуть нездоровый интерес «доверчивого русского мастерового» к нашему брату. Пытаюсь оправдать себя тем, что цель моя — издать книгу на иврите (мечтаю!), а ради этого приходится идти окольным путем (в Израиль, если не пишешь на иврите, можно «прийти» только прозвучав заграницей). Пытаюсь нарваться на скандал (что-то туго выходит). Разве что Виктор Топоров облаял, но как-то лениво и не очень злобно.

Ладно. Если по существу, то я тебе так скажу: неча истерики закатывать про антисемитизм и русское бытие (ну азиатчина, кому сие неизвестно). Позиция твоя («на обочине») понятна и уважительна, хотя, как я чую, она тебя не особо радует.

Да чтой-то мы все про меня да про меня, давайте лучше про мои книги, как говорил Бернард Шоу. Тут Гольдштейн взял у меня «интервью» для газеты, сегодня вышло. Если любопытно, пришлю.

А что народ говорит за Ханаан? Неужто всем наплевать? А ты говоришь — антисемитизм! Где рецензии, скандал да вопли? Эх-ма, скучный у вас народ.

Всегда твой

Наум

5.5.2000. От Л:

я сегодня весь день, как во сне, да с улыбкой, все вспоминала твое «гей шлофен»[1] *и улыбалась…*

А Диона тебе уже перевели? Когда увижу интервью?

а что за мужик, к которому ты в Иерусалим ездил?

Дио (рассказ о заговоре Сеяна) перевела одна знакомая

А мужик — Михаил Гринберг, издает совместно с Еврейским Университетом в Москве книжки по еврейской истории, библеистику и всякое такое.

Интервью перепечатываю. Надо бы тебе газету послать, там еще портрет на всю обложку.

Интервью. «Окна» за 4.5.2000. Александр Гольдштейн

ПРИ ЛЮБЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ НАДО ОСТАВАТЬСЯ ПОЭТОМ

У Наума Ваймана, израильского русского поэта и прозаика, в петербургском издательстве «ИНАПРЕСС» вышла книга «Ханаанские хроники. Роман в шести тетрадях». Знакомясь с текстом сочинения еще на ранних рукописных стадиях и рецензируя фрагменты, разместившиеся в столь удаленных друг от друга журналах (тель-авивское

[1] иди спать (идиш)

«Зеркало» и «Уральская новь»), что само расстояние между ними навевало какую-то фабулу, я писал о Ваймане-летописце, сердитом и чувствительном Пимене местной земли: раскрыл псевдонимы, громко обиделся на капитулянтский пейзаж, вымазал дегтем синклит соглашателей, но в первую очередь и пуще всего — повелел себе стать уловителем стремительно ускользавших примет здешней жизни, суммарного русско-палестинского опыта, как будто никем в наших краях не переданного с такой дотошностью, тщанием и взволнованной рассудительностью. Когда я перечитал роман в его итоговом типографском обличии (объемистый квадратный томик, чуть бледноватый мелкий шрифт, не лишенный, впрочем, изящества, словно ясные буквы сроднились с водяными знаками), прежнее впечатление явилось опять, и отсюда начальный вопрос автору.

А.Г.: Насколько сознательно вы стремились к тому, чтобы дать подробный летописный отчет об израильских девяностых, или это желание укрепилось позднее, оформляясь по мере того, как текст подвергался многочисленным вычитаниям, вкраплениям, правкам? Или, быть может, задача была иной, и мое ощущение спровоцировано очевидной «поверхностью» — названием и дневниковой структурой?

Н.В.: Я действительно хотел написать историческую хронику, но не русскоязычной общины, а гораздо более широкую, полагая, что погружение в жизненные детали не менее существенно для истории, чем широта охвата. Хроникальное изображение «русской» общины нимало не противоречит израильской хронике в целом, тем более, что эта община, наряду с прочими, естественным образом включена в этнический ландшафт страны. К сожалению, нация у нас не сложилась, и, вероятно, уже не сложится: несмотря на то, что евреи народ очень националистический, по-настоящему государственной нации на этой земле не существовало никогда. Даже в период Второго Храма, перед самым его разрушением, тут, помимо внутриеврей-

ской пестроты, было столпотворение культур и племен: греки, набатейцы, арабы, всех не перечислишь. Вот и сейчас мы — собрание отовсюду понаехавших колен, всячески берегущих привезенные языки и обычаи… В общем, было стремление написать своего рода хронику, я ведь с детства любил сочинения в таком духе, а поводом стало (с этого начинается книга) поражение правых сил на выборах 92-ого года. До этого момента я и сам участвовал в политической жизни, был членом партии Возрождение, так что поражение оказало на меня чрезвычайно неприятное воздействие. Спустя недолгое время заключаются соглашения в Осло, соглашения, на мой взгляд, совершенно роковые, и у меня возникает твердое убеждение, что история Третьего Храма завершена (я и сейчас так думаю), и значит, пора приниматься за книгу. Я не располагал возможностью написать серьезный исторический труд, подобные предприятия требуют колоссальной подготовки и уйму свободного времени — в тех бытовых обстоятельствах, в которых я нахожусь, реальной была лишь вполне персональная хроника. Но при этом мне представлялось, что интимные поденные записи будут не менее увлекательны, чем капитальное исследование, добросовестно цитирующее газеты, мнения и свидетельства — в конце концов, способ видения частного человека, который переживает крупное событие, обладает собственной правдой и проникновенностью. Более того, рассмотренные в интимном ракурсе, эти события по-особому высвечиваются, становясь яснее и для историка.

Технически я был к работе готов, поскольку давно вел дневники, они-то и послужили основой и подспорьем, но вот что любопытно. Продолжая заносить свои записи и уже ориентируясь на книгу, я вступил с текстом в странные взаимоотношения. Книга вообще очень сильно меня изменила, и дело не только в том, что дистанция — от первых строк до петербургской публикации — растянулась на восемь лет: дело не в сроках. Прежде всего, я начал

смотреть на свою жизнь с точки зрения текста. С одной стороны, я ее потерял, поскольку оценивал теперь каждый свой шаг — а будет ли он интересен для литературы, стоит ли внести упоминание о нем в рукопись. С другой — я старался не подстраиваться под готовые модели и образцы. Хотя, конечно, собственные жизнеописания — вещь не новая, опять же романтики…

Да, романтики. Многие укоряют меня в непреодоленном романтизме, и я совсем не против увязки с этим мировосприятием, но есть все же большая разница между тем, чтобы заведомо выкроить свое поведение по романтическим лекалам и попыткой жить, как живется, хотя и с оглядкой на текст. Открою маленький секрет: в моем дневнике есть некоторый процент происшествий, в действительности места не имевших, кое-что я игриво выдумывал, мистифицируя не понятно кого, себя самого? И вошло далеко не все, даже казавшееся интересным — забота о ритме. В интенсивном сожительстве с текстом я провел года два, я писал, отесывал страницы, а они — меня, в результате получилась книга и некая личность — продукт работы над ней.

А.Г.: Летопись ограничена сравнительно коротким отрезком времени между двумя выборами. Чем протиктована эта строгая хронологическая приуроченность?

Н.В.: В самом деле, роман кончается словами «Завтра выборы» — те самые выборы, что принесли победу Нетаниягу, но не изменили ситуацию, да она и не могла измениться. Претензия, по-видимому, чересчур амбициозная или наивная, но этот период показался мне удобным для того, чтобы разобраться заодно и в генезисе иудейской истории: почему мы с такой занудной периодичностью создаем государственные формы, не будучи способными их сохранять и удерживать. Отсюда намерение порассуждать на общие темы, такие, к примеру, как сионизм — показательное явление западноевропейской политической романтики, искусственно перенесенное на эту почву, где

оно, полагаю, не прижилось.

А.Г.: А если государство — не еврейское дело? Есть замечательное письмо Генрика Ибсена к Георгу Брандесу (от 17 февраля 1871 года), и я не откажу себе в удовольствии процитировать из него отрывок: «Государство — проклятие для индивида. Чем куплена государственная мощь Пруссии? Поглощением индивида, претворение его в политическое и географическое понятие. Кельнер — лучший солдат. Взять, с другой стороны, иудейский народ, аристократов человечества. Благодаря чему он сохранил свою индивидуальность, свою поэзию, вопреки всякому насилию? Благодаря тому, что ему не приходилось возиться с государственностью. Оставайся он в Палестине, он давно бы погиб под тяжестью своего государственного строя, как и все другие народы. Долой государство! Вот революция, в которой я готов принять участие». Доведись Ибсену узнать о Второй мировой, он бы нашел, не исключено, и какие-то иные слова, а мог бы, наоборот, утвердиться во мнении, заявив, что сама эта бойня, как, впрочем, и первая, вызвана чудовищным усилением демонов государства — уицраоров, на мифопоэтическом языке Даниила Андреева. Речь сейчас не о нравственной правоте или этической неправомерности (скорее несбыточности) анархистской доктрины, но в том, соответствует ли иудейский народ идее и практике национально-государственных форм?

Н.В.: Эту позицию разделяет немало еврейских интеллектуалов Диаспоры, не готовых отказаться от привычной жизни и привычной идеологии, так же думают многие и в Израиле, в религиозных и левых кругах. Но меня 20 век и опыт русской жизни научил тому, что слабость — провокация на погром. Возможно, я чего-то не понял, неправильно усвоил урок, однако это мое твердое убеждение. Конечно, государственность — это стремление к силе и готовность ее применить. Многие, пострадавшие от применения силы, возненавидели силу, возвели сла-

бость в достоинство, в идеологию. Их не пугает и тот факт, что нация, отказавшись от применения силы, не выживет. Выживание для них — не самое главное. Я слышал от некоторых израильтян, что совершенно необязательно евреям оставаться нацией — ну, исчезнем, растворимся, ассимилируемся, кто мы такие, сколько уж народов исчезло… А уж в Диаспоре таких самоликвидаторов пруд пруди. При этом они готовы отчаянно бороться за сохранение редких видов животных, ибо их исчезновение нарушит экологический баланс…

А.Г.: Вернемся к жанру книги. Пусть квазидневник, пусть притворившийся дневником роман, и, тем не менее, ассоциации с всамделишными литературными дневниками (тоже, конечно, в большинстве случаев изготовленными в расчете на публикацию), а также с уединенными заметками наподобие розановских — эти ассоциации неизбежны при чтении «Ханаанских хроник».

Н.В.: На меня огромное влияние оказал Розанов, я очень люблю его, как писателя. И я всегда поражался, как потрясающе отразилась в его интимных записях эпоха, сохранила свой запах, цвет, трепет… Розанов — что ж, я с удовольствием отнес бы себя к этой традиции…

А.Г.: Как сложились, Наум, ваши дальнейшие отношения с людьми, выведенными в «шести тетрадях»? Какие чувства преобладали с их стороны — злость, что автор мазнул черной краской, либо, наоборот, обида, что кому-то он уделил недостаточно места, даже в цепляюще-раздраженном контексте? Не одолевало ли вас вполне естественное для сочинителя желание спрвоцировать литературный и общественный скандал?

Н.В.: Одолевало, не скрою. Но все же дело не только в этом. Один мой близкий приятель, прочитав рукопись, сказал мне: да, я понимаю, тебе, для того чтобы разбежаться и раскачаться, требовалось назвать имена реальных лиц, но теперь, когда ты с задачей справился, замени их вымышленными, и никто не обвинит тебя в покушении

на приличия. Я много думал на эту тему и пришел к выводу, что не могу убрать имена. Это как выпустить жизнь и оставить маски. Ведь я хотел всех замешать в какое-то общее бытие, два года я находился с текстом в симбиотическом единстве и мечтал включить в эту систему весь окружающий мир. Согласен, чрезмерная претензия, но она была, да и ход, кстати, не такой уж тривиальный, он встречается не часто. Легко было предвидеть два обстоятельства, и если одно из них действовало на меня ободряюще, то другое вселяло тревогу. Поскольку описаны у меня большей частью представители литературного круга, картины с натуры должны были вызвать у них интерес и способствовать продвижению книги — это первый аспект. Второй, к сожалению, был связан с опасением навлечь на себя серьезное недовольство и раздражение некоторых моих добрых друзей и знакомых, из числа тех, что оказались персонажами «Хроник». Хотя кое-что я смягчил, кое-какие острые углы закруглил, в случаях, когда «на подиум» попадали люди не из писательской среды, я максимально камуфлировал, маскировал фигуры и лица, избегая публичности.

Что до оскорблений, то ни малейшего желания кого-то оскорбить у меня не было. Задеть — да, ибо задеть означает оживить ситуацию, вызывать шебуршение, повысить, так сказать, уровень температуры… Говорят, евреи «теплый» народ, может и так, но я-то чувствую холод, или это непреодолимое свойство времени? Вспоминаю фрагмент из Розанова, он как раз писал о наступающем холоде, не могу, увы, процитировать в точности. И его метод глубоко интимного письма преследовал цель именно сберечь тепло, которое иначе улетучится в космос и там пропадет, как у Мандельштама: «бестолковое, последнее, трамвайное тепло». Стремление задеть служит тому же, оно сродни охоте подраться, возникающей подчас в ресторане после пары рюмок, сцепишься с кем-нибудь, и так весело на душе — живем, братцы. Теперь о последствиях. Книга

только вышла, скандала я что-то не заметил, но должен с радостью сказать, что большинство выведенных в романе персонажей, в том числе моих ближайших друзей, которых я очень ценю, совершенно не обиделись, они меня поняли, литературно и по-человечески. И это приятно, поскольку друзей терять не хочу. Но сказать, что никто не обиделся, не могу. В одном опубликованном в России отзыве утверждается, что «„Ханаанские хроники“» — модный способ свести счеты с коллегами, род литературного оскорбления… Да, пересказы частных разговоров кому-то не понравились, но слова были мне сказаны, и отнюдь не на ушко, и без специальной пометки «out off the record». И если я застенографировал чью-то глупость, то кто ж тебе виноват, не говори глупости, следи, как теперь говорят, за базаром.

А.Г.: Не возникает ли у вас нынче определенной двусмысленности в отношениях с приятелями? Нетрудно ведь заподозрить, что иные из персонажей, ожидая от Ваймана продолжения «Хроник», уже специально настраиваются выказать себя значительно или задиристо, дабы в наиболее импозантном, смелом и выгодном ракурсе предстать в гипотетическом втором томе романа.

Н.В.: Одно время я этого опасался, и такая настороженность у некоторых в самом деле была. Но зато потом возникает другой эффект — привычка к камере. Потенциальные персонажи становятся актерами документального фильма, и эта ситуация, формально выходящая за рамки книги, является ее составной частью, — она и была частью замысла, это предполагалось заранее. Я слышал, что театральные актеры, непринужденно чувствующие себя на сцене, иногда теряются перед кинокамерой, им требуется время для привыкания, для преобретения необходимой естественности — но потом уже камеры не замечают, даже когда она нацелена на них после работы, даже когда их снимают вне площадки, как бы в потоке натурального бытия. Какую-то поправку на киноглаз они, конечно, делают, но не более. Сегодня люди помещают в Интернете свои

откровеннейшие дневники или фотографии — камера круглосуточно фиксирует течение их жизни, это не эксгибиционизм, а явление культуры…

А.Г.: Эксгибиционизм — тоже явление культуры…

Н.В: Ну да, согласен, и все же есть разница: эксгибиционист, подбежав, распахивается, показывает и снова все прячет, а тут распахиваются и продожают гордо вышагивать, демонстрируя прелести. То есть дело не в сексуальном удовольствии, не только в нем… У Вайды, еще в конце 60-х, был такой фильм «Все на продажу», многих шокировавший болезненным самонаблюдением. Теперь это непреложная реальность и весьма почтенный, даже чуть устаревший прием… Так что я не собирался никого шокировать реальностью, просто это рисунки с натуры, такой вот документализм. А если кого-то картина шокирует, то чего уж на зеркало пенять…

А.Г.: Когда автор «Хроник» рассуждает о сионизме, он главным образом разочарован — не состоялось, не вышло, евреи не выдержали груза и напряжения национальной мечты, они недостойны ослепительных крайностей этой идеологии, отреклись от нее. Все и вправду так скверно?

Н.В.: Да, «иудейство» сионизм съело. Сионизм, будучи феноменом европейским, зиждился на принципах, которые, по-видимому, оказались еврейству чужды — я имею в виду, например, такое фундаментальное начало, как героизм. Суть не в том, что среди евреев не было героических личностей, напротив, их было немало, как и случаев самопожертвования; но я веду речь не о личной храбрости, а о героизме, как основополагающем начале культуры. Вот, скажем, израильские левые, в оправдание своего капитулянтства, говорят: не вечно же жить мечом? А в культуре самураев такой постановки вопроса вообще быть не может: всегда — справа перо, слева меч.

А.Г.: Извините, не верно. Больше полувека минуло с войны, и Япония по-прежнему не возражает против навязанной американцами демократии, отменно смирившись

с поруганием армии. Будь по другому, Мисима не изнурял бы себя фехтованием и не обращался бы с исступленными призывами к нации, заклиная ее вспомнить о жертвенных доблестях, а нация, игнорируя спятившего мракобеса, предпочитала по 10—12 часов в день работать на «Панасоник» и «Мицубиши». В «Солнце и стали» прекрасно, по неостывшим следам отчаяния, изображена послевоенная, эпохи потребительского праздника, молодежь, одержимая западной музыкой и модными тряпками — «Хагакурэ» она не читала. Вот вам и самураи. И не заметил я меча ни у одного из тех регулярных толп с фотоаппаратами, что, мирно любопытствуя, осаждают европейские столицы.

Н.В.: Я все-таки готов утверждать, что отрицание героизма явление чисто еврейское. У японцев героизм — неотъемлемый компонент национального духа; он может сколь угодно ослабевать, пребывая в упадке и небрежении, но его не вычеркнешь из культуры. В еврействе же его попросту никогда не было... Да, конечно, — жить мечом, чем же еще! Или вы думаете, что сочинили прекрасные мирные договоры, и когда все вас за эту литературу возлюбят, можно будет забросить меч подальше? Меч — это то, чем ты защищаешь свою честь, понимая, что потеряв честь и жизни не сохранишь. А мудрая моя бабушка с детства учила: «Из чести шубу не сошьешь». И еще я глубоко убежден, что меч и поэзия как-то связаны, одно без другого не выживет.

А.Г.: Раз уж вы о поэзии... Начинали вы со стихов, три сборника напечатано. «Хроники» эту линию перешибли? Тут, если я прав, усматривается трезвый расчет: стихами трудно сейчас обратить на себя внимание, зацепить, проза же худо-бедно цепляет.

Н.В.: Да, но я бы сказал, что при любых обстоятельствах надо оставаться поэтом.

Купаюсь в лучах славы. Все звонят, поздравляют. Вер-

ник подметал пыль шляпой.

Саша и Алиса: «Вы вечером дома? Мы зайдем». Озрик: «Ну, поздравляю тебя».

— Прочитал?

— Нет еще, но Портос мне звонил. Сказал, что ты там евреев с японцами сравниваешь, очень этим впечатлился.

— Аа, да. Я сделал очень глубокомысленное наблюдение: евреи не японцы.

И мы заржали.

Портос вызвал погулять. Я взял с собой собаку, но он Клёпу не любит.

— Давай отведем ее. Она уже говно свое отдала, больше ничего хорошего от нее ждать не приходится.

Заходили Саша и Алиса. Снимают фильм о Лифте, царстве русских наркоманов. «Они живут там, как будто они в России, всего того, что вокруг, не замечают, израильтяне для них — фауна и флора… Все это начиналось, как богема, говорили о стихах, а теперь все больше о дозах, сочетаниях, „приходах“, „отходах“, „винтах“…» Алиса делилась воспоминаниями о своей бурной панкистской молодости.

6.5.2000

Ездили к Ювалю на базу, в Иудейскую пустыню, навезли ему вкуснятины, как мама мне привозила в пионерлагерь… Странно, что обнимая его, я будто к отцу прижимаюсь… В нем нет моей суетливости, моей угодливости, желания казаться лучше, то есть не тем, кто ты есть на самом деле. Он будто старше меня. И такое чувство, что не боится жизни, вообще «не боится». И я прижимаюсь к нему, как когда-то к отцу…

А как я с этим «интервью» ношусь, как горд, всем тыкаю в нос свой портрет в газете! Сбылась мечта идиота.

Секстет Марика играл Брамса и Чайковского. Старичок передо мной — глаза навыкате, редкие волосики дыбом — качался под музыку и все время оглядывался, ища поддержки своему восхищению. Когда пошла русская плясовая, он будто на коня вскочил и заскакал, весь ряд кресел затрясся. Иногда он толкал свою старую жену с руками, пузырящимися от подагры, локтем в бок и при этом еще больше таращил глаза, свертывал губы трубочкой и тряс рукой, будто обжегся горячей водой. Одна пара очень синхронно реагировала на любое шелестение в зале, или если кто вставал и уходил: две головы возмущенно поворачивались в сторону «нарушения» и смотрели, пока нарушитель не исчезал, потом они вновь поворачивались в сторону музыкантов и начинали плавно качаться, в такт музыке. Музыканты играли устало. Уныло дрочили. После концерта заспешили дальше. Штарк, вторая скрипка, бритоголовый, как и я, поинтересовался моей методой бритья и часто ли бывают порезы.

— Ладно, побегу на следующий концерт: еще три часа пилить.

Марик тоже убежал. А мы пошли к Жанне. Красное вино, козий сыр, «Скорбящая мать» Перголезе. Все у Жанны изысканно.

7.5.2000

… — А почему ты дверь не закрыл? Вот я обратила внимание, что мужчины часто не закрывают двери в туалете… они подобрали щенка издыхающего и выходили его, и он превратился в огромную, вот такую! собаку. А потом они однажды наткнулись на котенка, который тоже подыхал на улице, ну, куда деться, взяли и его. И эта собака так трогательно к нему относилась, вылизывала его всего, спала у его корзины, а когда они отдали котенка, она так тосковала! Все время обнюхивала корзину, обнимала ее двумя лапами, и ладно была бы сука, а то кобель… Нет, я и неделю без этого не могу. На четвертый или пятый день я вдруг

начинаю видеть мужчин. Они как бы проступают из тумана…

От Л:

Литератор сегодня прорезался. Сказал, что посмотрел фильм «East-West» и подумал обо мне. То что я ему тогда наплела про книгу. Говорит что у него есть друг кино-агент, кот. подбирает сценарии. Но сначала надо заинтересовать другого, кот. взялся бы издать на английском. Для этого нужно написать по-англ. типа аннотации, о чем книга, где издана и про номинации на Букера конечно тоже. Он берется передать это нужному человеку. В том случае если тот заинтересуется, он выйдет с тобой на прямой контакт по эл. почте.

p.s. по некоторым нюансам в разговоре я поняла, что он опасается чрезмерной интеллектуальности, что ограничивает читательский круг, и хотел бы видеть любовную линию. Поэтому я бы написала о том, что замысел вырос из любовной переписки. Тем более, что в книге есть на это намек. Но это мои личные выводы. А ты пиши, как хочешь, но не задерживай. Кто знает, т.b. мы еще им и кино задела-ем…

И еще мне показалось, что в фильме он заинтересован в большей степени из-за процентов, кот. ему в этом случае светят.

8.5. От Л:

он меня спрашивал о моих вкусах, что я люблю читать и т. д. и я ему сказала о Квартете, что недавно прочитала и что тот же издатель и он как-то «насторожился», а еще спрашивал сколько тебе лет и как давно мы знакомы и есть ли там обо мне и всякое такое, уже не помню… я только ляпнула сдуру, что есть там и мое письмо, до сих пор не могу себе простить… и что в кино он все время думал обо мне… И я даже, помню, говорила, что очень смелая книга даже может быть наглая, но думаю, что писатель и д. б.

интеллектуалом… и героем в каком-то смысле… короче очень боюсь делу напортить…

Во-первых, ничего не бойся. Рано или поздно прорвемся, нечего суетиться. Я тебе скажу, что если тебе по каким-то причинам вообще с ним неудобно связываться, то и ну его на фиг. И если он сосредоточен на кино, то это дохлый номер — эта книга не для кино. Во-всяком случае не для американского. Главное, выцарапать у него адрес какого-нибудь литагента, причем посолидней, или хотя бы выяснить, как это делается (как найти литагента). Ну а нет, так нет. Америка что ль клином на нем сошлась? На всякий случай посылаю тебе аннотацию по-русски, может, будет у тебя время и силы перевести на англ. В любом случае пригодится.

Позвонил Яков Шехтер и сказал, что не смог прочитать, глаза заболели от шрифта, пришлось даже обратиться к врачу. Лирический герой показался ему гораздо грубее, чем в стихах, в них я такой тонкий…

Договорились общаться через электронное дупло.

Let Rozanov go to hell

Наум, привет!

Своим последним письмом ты поставил все точки над і в нашей «тяжбе о Розанове», и выяснилось, что мы думаем одинаково, а разногласия — функция ландшафта и местопребывания (как ни обидно это звучит: тебя передвигают, как комод, — и ты приобретаешь другую «духовность»). Вывожу формулу (тянет на Нобелевскую премию): Любовь Еврея к Розанову (resp. к России) прямо пропорциональна квадрату расстояния между ними. Мой двоюродный брат Олег, писатель-юморист, живущий в Германии, сочинил афоризм: «Неправда, что я покинул Родину; просто я отъехал от нее на безопасное расстояние». Добавлю еще вдогонку (Давайте после драки // Помашем кулаками), но уже никак не в порядке «спора», пару соображений, которые иначе «про-

падут втуне». Во-первых, по поводу «адекватного выражения»; мне не кажется, что ты меня в этом плане «уел»: просто я не считаю «выражение» сколько-нибудь существенной целью писательства. Скажу больше — попробуй-ка не выразить! Кого обманешь? Любое выражение, взятое как таковое (если не ставится какая-то дополнительная сверхзадача), адекватно; косноязычие так же адекватно в смысле выражения, как красноречие, Боборыкин «выразил себя» не хуже, чем Шекспир; в «самовыражении» вообще нет ни заслуги, ни особого смысла. Адеквация энтропийна: кругом разлита идущая на ущерб красота; чего в Божьем мире хоть отбавляй — так это красоты. Заслуга состоит вовсе не в адеквации, а в преодолении ее соблазна, в «преобразующем выражении», в дисциплинарном подчинении архетипам, в сублимации (дезэнтропийной возгонке), говоря психоаналитическим языком. Говоря же по-нашему-по-простому — по жречески — в жертве. А снижающее планку, расслабляющее выражение (в каковом мы погрязаем, читая Розанова) — есть духовное вредительство, дело душевно неполезное и дурное, а дурное дело нехитрое. Поэтому я смеюсь, когда мне говорят о «мастерстве» Розанова. Да, талантишко был (да и то не писательский, а «литераторский»), но распорядился им Вас. Вас. не лучшим образом. Эти завывания, после очередной мерзопакости: «О моя прекрасная душа! О моя прекрасная душа! О моя прекрасная душа!» — тьфу на тебя, слякоть гнойная. Опять Василь Васильевич // Лежит в кустах нагой. // Другой бы изнасиловал, // А я лишь пнул ногой.

И второе. Я думаю, ты неправ, возводя генеалогию Розанова к юродивому. Юродивый сидит голый на морозе, обвешанный веригами, и говорит истину царям (чтобы далеко не ходить, вспомним лубки Сурикова и Мусоргского: «Боярыню Морозову» да «Отняли копеечку»). А Розанов в тепле, соплях, детском поносе — и нос в табаке. Розанов не юродивый, а скоморох, пользующийся ярмарочной «экстерриториальностью» для того, чтобы безнаказанно натравливать толпу на слабых и убогих — на тех же юродивых, кстати. К сожале-

нию, мы (себя не исключаю) судим о таких вещах по Тарковскому-Кончаловскому, не удосужившемуся задуматься о различии между юродивым и скоморохом.

Мне «отсюда», признаюсь, малопонятны ваши тревоги и суждения, в том числе и в твоем интервью. Ну, положим, некоторые непонятности на совести не расстояния, а «спонтанности духа» (то государственность противоречит поэзии, то, через семь строчек, уже наоборот не противоречит); но в социальных вопросах — скажем, о сионизме — мне ваша позиция недоступна, чего-то я недопонимаю; говорю без всякой иронии, потому что вы несете на своих плечах бремя еврейской государственности, а не я, и к этой вашей миссии я отношусь со всем доступным мне почтением. Но все равно не понимаю: то сионизм — продукт европейского романтизма, то — суровое требование реальности. На мой взгляд, сионизм по своей глубинной сути (поверхностной, но в этой-то поверхностности и заключается его глубина — см. Делёза и Гваттари) всегда был исключительно трезвой и анти-романтической доктриной, основанной на отказе от идеи богоизбранности (государственность может быть только «неизбранной», такой же, как у всех). Другое дело, что боролись за дело сионизма в основном люди романтического склада, но такой парадокс — обычная хитрость исторического разума. Во французской революции главную роль играли пассионарии, но, как впоследствии выяснилось, боролись они за скучные и трезвые «буржуазные ценности». С другой стороны, противники сионизма были, как правило, по психологическому складу людьми тверёзыми (плетью обуха не перешибешь), но отстаивали они как раз сугубо романтическую (и зловредную, поскольку она вела к Катастрофе) идею избранности: так, по мнению Гершензона, евреи должны холить и лелеять свою беспочвенность и неукорененность, ибо она делает их «агентами» великого отказа от наработанных и исчерпавших себя культурных навыков и провозвестниками «нового религиозного сознания». Ход событий показал, что проповедь «тихого книжника-еврея-

славянофила-толстовца» и лично никак не романтика и тем более не «героя» Гершензона «подставляла» евреев и вела их прямиком в газовую камеру (запуганный «праведником», оговорюсь, что никакой «моральной ответственности» я на Гершензона, в отличие от Розанова, не возлагаю: человек добросовестно заблуждался; не так легко было под романтическими одеждами сионистской идеи разглядеть ее практическую трезвость и, главное, осуществимость. Кто же знал, что Гитлер поможет?). Такими же «провокационными и зловредными» (не по интенции, конечно) являются и приведенные Гольдштейном слова Ибсена (по последствиям совпадающие с гершензоновской проповедью). Другое дело, что государственность, фундируя единство нации, в то же время готовит почву для универсализации и «денационализации»; мне кажется, это нормальный диалектический процесс, и мне, из моего далеко не прекрасного далека, твои инвективы против современного израильского «жидовства» представляются сильно преувеличенными, равно как и упреки в отсутствии героизма в еврейском духе. Разве Иудея не была в 1-м веке чуть ли не единственной провинцией Империи, готовой умереть за идею? Разве возрождение мертвого языка — не героическое чудо? Разве Израиль не удержался (и не держится до сих пор) утесом в море терроризма? С таким же успехом евреев можно упрекать за чрезмерный, архаический по типу героизм. Вот, кстати, для тебя вопрос на засыпку: не меняется ли со временем сам характер героизма (в этом смысле «японские антитезисы» Гольдштейна представляются мне более вескими, нежели твой тезис)?

Что касается наиболее интересующего тебя, надо полагать, вопроса — о реакции на книгу, то с прискорбием должен доложить, что моих знакомых, даже если они «литераторы», очень трудно просто заставить что-нибудь прочитать. Думаю, Леню нельзя к этому принудить даже под страхом смертной казни: у человека, работающего в журнале и обязанного по службе читать невообразимую гору рукописей, вырабатывается стойкий инстинкт сопротивления.

К Гене это тоже относится: он редактирует всякие там детективы и буквально надрывается. О реакции моих дам (дочери и бывшей жены Иры) я тебе уже докладывал: дочь прочла не без интереса, а Ира попыталась выяснить некоторые детали: «Ну, сейчас-то уже можно сказать, где, когда и с кем» (плоды суггестивности). Единственный человек, проявивший энтузиазм по поводу твоего текста — это мой приятель Эдик К-н (по профессии математик, обсчитывает ракеты в Институте им. Келдыша). Я даже попросил его, зная, что тебе будет интересно, изложить свои впечатления «на бумаге», но сделает ли это Эдик, не знаю, а «давить» не могу (если он напишет, то перешлю тебе по E-mail'у). Даже Лена (издательница), первой получившая книгу, кажется, так ее и не прочла (хотя она на редкость много читает, но увлечена сейчас Павичем); что касается моей жены, то она вообще не читает беллетристику (к моему счастью, поскольку она женщина ревнивая и темпераментная, несмотря на холодный ум). Вот и весь мой отчет; журналов же я, как ты знаешь, не читаю.

Остаюсь всегда твой
Матвей

10.5. Встреча с разгневанными персонажами: пикник «Израэль бейтейну»[1] в лесочке возле Наби Самуэль. Прайсман пригласил. Когда спускались с дороги, наткнулись на Юру Штерна, вокруг компания религиозных, тут мне налили первую стопку. Потом я нашел Прайсмана, Каневский уже был на месте, жарил мясо, в лесочке стоял дым жаровень. Еще выпили-закусили. Лариса Герштейн оказалась рядом, поздоровался, мило ответила, даже с женой моей поздоровалась, после чего я понял, что она меня не узнала. Эдик Кузнецов, окруженный плотной стайкой,

[1] «Наш дом Израиль» — партия репатриантов из СНГ во главе с Авигдором Либерманом (он же Ивет, для ближнего круга Эвик)

что-то объяснял за политику, стайка постепенно рассеивалась, отстался один деятель из Лода, жаловался, что арабы заели. Я подошел:

— Эдик, идущие в бой приветствуют тебя, — шуткую от неловкости.

У Эдика лицо рассерженного новорожденного. Даже на фоне загара — красные щеки, следы алкогольного возбуждения. Пожали друг другу руки. Кажется, и он меня не узнал.

— По-моему ты меня подзабыл, — говорю.

— Подзабыл.

— Я Наум Вайман.

— Аа, это ты мою жену обосрал!

— Ну почему обосрал…

— Обосрал, обосрал.

Эдик еще не решил, прощать-мириться, или ругаться, но напор первого возмущения ослаб. Я стал что-то лепетать о неизбежных фривольностях провокационного стиля, «ну не тебе, писателю, объяснять…». В ответ Эдик неожиданно заговорил о порядочности, что главное, это отношения с людьми.

— А ты уж совсем… как-то… обнажился, так нельзя. Так поступают либо те, у кого таланта настоящего нет, так они любой ценой готовы, либо совсем уж…

После втыка за аморалку Эдик (человек из Лода смылся, и мы остались одни) доверительно поведал об интригах известного борца-сиониста, а ныне важного политика, из-за которых его поперли из газеты.

— Это же он меня, он, да, один из его людей держал 26% акций, а Мозес хотел купить, так он вместо двух с половиной миллионов продал их за полтора с одним условием, чтоб меня через год не было, вот, так что я ему обошелся в миллион долларов.., да потому что не продавался, он же всех под себя подмял, он же звонил в «Новости недели» и говорил: это не печатать, ну, рекламку им там подбросит, а я не продавался…, нет, Барак здесь ни при чем, ну Исако-

ва, патологическая интригантка, … но я у Барака был после этого дома, нет ему это ни к чему, он сам не знает, как от этого предателя избавиться, это же лагерная сука, он же деньги получал от Лучанского, я ему сам помогал их получить, я это точно знаю, и у Лернера брал, но от Лернера отрекся, а про Лучанского молчок, поскольку тут Лучанским не занимаются, а там, в фебеэр он отмазался, рассказал, а тут молчок, он вообще темная личность, очень темная, вот представляешь, знать все это и не напечатать — скрежет зубовный.

— Почему не напечатать?

— А не могу ничего доказать.

— А ты литературно. Напиши мемуары.

Эдик только рукой махнул. По дороге домой, когда жене рассказал, она предположила:

— Может он через тебя решил озвучить?

— Не думаю. Он пьян был, и вообще он не такой уж изощренный. Он тертый калач, хитрюга, все что хочешь, но не изощренный…

Потом я подошел к Эвику. Он разговаривал с Мофциром. Стал мять плечо хваткими пальцами: «Получил я твою книжку, даже начал читать!» Дипломатично поболтав, я взял у него телефон, пожал руку и сразу отчалил, и только отчалив, сообразил, что Мофцира проигнорировал, а ведь он генеральный директор министерства, от него и перевод зависит, вот маху дал! Да еще по дороге меня поймала З.

— Ну, тебе сразу морду бить, или потом?!

— Давай сразу, семь бед — один ответ.

— Как же ты, гад такой, обозвал меня? А? Тарасов, как увидал, аж подпрыгнул!

— Да я ж в книге изменил…

— Да не фига ты не изменил! Ко мне мой дружок подваливает, и главное книжка с твоей дарственной, вот, говорит, полюбуйся, как тебя, да это, говорю, не про меня! Про тебя, про тебя!

— Ну что, «роковая блядь» — это же комплимент, насто-

ящая женщина — всегда блядь…

— Ну, ты это моему дружку объясни…

В общем, на этот раз я по морде не схлопотал, а мог бы, и поделом. А кто же это дружок ее, которому я книжку послал? Интересно…

Встретил Маояна[1]. Его красивое, мужественное лицо как-то сморщилось, глазки хитренько щурились, превратился в старого еврея. Купил книжку. Леня Прайсман рассказал о своей статье про Багрова, убийцу Столыпина, — скоро будет в «Вестях».

— Он же был агентом охранки. Да, конечно! Я думаю, там был сложный заговор, Столыпина двор не любил.

Потом о книге своей про евреев в Белой армии. Юра Штерн изрядно поддал. Говорю:

— Хочу тебе книжку преподнести. Только ты ж читать все равно не будешь…

— Нет, ты уж преподноси! Ну, а читать — это разные вещи!

Получив книжку, сделал серьезное лицо и пожал мне руку:

— Спасибо!

Витя Флеров. В прошлом году на этом пикнике он был еще с Инной, через полгода ее какой-то мудак сбил насмерть… Спросил его, как дочки, как сын.

— Нормально, он молодец. Иногда только, начинает вспоминать…

А я ветки ломал, головой крутил, чтоб он слез не увидел. Жена на обратном пути: — Витя хамуд[2]

— Да.

Кузнецов, оставшись один, крутился у нашей жаровни и Каневский, покручивая шампур с люля-кебаб, компостировал ему мозги про народ-быдло, которое растерялось,

---

[1] Давид Черноглаз, известный активист борьбы за репатриацию

[2] Симпатичный (ивр.)

и его надо твердой рукой повести…

— Эдуард! Ему сложности литературные ни к чему!

Это на тему, что Эдик якобы высоколобый еженедельник заделал. Эдик оправдывался. Нет, он почти не постарел. И на старого еврея не похож. Впрочем, он и на молодого еврея никогда не смахивал.

К двум вечеринка стала угасать. Народ разъезжался. За религиозным столом затянули русские песни под гитару. Мы тоже собрались. Эдик стоял неподалеку один, в красной рубашке с галстуком, среди иссушенных елей, явно испытывая дискомфорт от своего неожиданного одиночества. Подошла Лариса, и они ушли, как мне показалось, несколько понуро.

11.5. От Л:

ладно, я теперь ничего не буду бояться. Уговорил. В одном ты прав: не зря он боится интеллектуальности… мы тут с сыном посмотрели этот «East-West», от которого они все кипятком писают — очень познавательно и характерно. Может, даже получит какого-нибудь Оскара… А интервью заныкал?

Интервью я же тебе послал? Посылаю еще раз

Звонила Ифат. Родственная душа. Но полновата, и слишком молода, а главное — уезжает скоро.

12.5.2000. Матвею

Wait, Rozanov, wait!

Насчет формулы: любовь к России обратно пропорциональна квадрату расстояния. Остроумно, но ко мне не относится. Я России всегда боялся и (поэтому?) никогда ее не любил (потому и уехал). А сейчас люблю даже еще меньше. Почему так? Мне кажется, что «на расстоянии», когда видишь ее в целом и в сравнении с другими, она выглядит еще более уродливой (а внутри, «за деревьями», которые быва-

ют весьма симпатичными и причудливыми, леса не видишь, можешь себе только представить…) Мне и ехать в Россию, не поверишь, но совершенно не хочется, хотя новых друзей я здесь и не нажил…

Я этого, естественно, не афиширую (хоть и обозвал «матушку» в книге «угрюмым рылом»), потому, что давно понял: чужому не гоже. «Своих» можно ненавидеть и ругать, как угодно, а на «обобщенную» неприязнь со стороны мы, как правило, обижаемся лично, хошь не хошь, она, выходит, и к нам относится… Я надеюсь, что мы с тобой от таких «комплексов» посвободней, но все же.

А вот насчет «выражения» (адекватного или не совсем) ты «вырулил» на центральную, так нами и незавершенную тему.

По-твоему получается, что цель писательства не в «выражении», и уж тем более не в «самовыражении», а «в дисциплинарном (героическом и жертвенном!) подчинении архетипам». Мы уже эту схему рассматривали, но в любом случае ты ведь сам пишешь, что конкретное творчество невозможно по схеме, оно должно быть «неотрефлектированным», спонтанным. А значит только самовыражаясь можно интуитивно («неосознанно»!) нащупать спасительную нить архетипа. Надо признаться, что я до сих пор пребываю в отсталом убеждении, что суть искусства, суть творчества — именно самовыражение («познай самого себя»). Так что мне трудно согласиться с тем, что «в „самовыражении“ вообще нет ни заслуги, ни особого смысла». И «адекватность» самовыражения («Боборыкин „выразил себя“ не хуже, чем Шекспир»), может быть, не достаточное условие для успешного произведения, но все-таки необходимое.

А Розанов, возможно, и пишет «гадости» (кстати, чье это: «Опять Василь Васильич…»?), но делает это необыкновенно своеобычно, а стало быть интересно (ты ж ему не отказываешь в таланте, если говоришь, что «через него» вся Россия видна, а что, Россия не интересна?). Вот «Мелкий

бес» тоже про «гадости», а какая прелесть… Но, кажется, я возвращаюсь на круги своя… На самом деле, ничего, кроме антисемитизма, ты ему не предъявил. Я понимаю, что тебя так сказать, обложили. Но, признаться, для человека, больше полувека прожившего в антисемитской стране, твой пафос несколько запоздал… (Прости за подъебку, не выдержал скорпион).

И плавно переходим к «нашим» тревогам.

Попытка провести границу между сионистами и антисионистами по критерию отношения к идее «избранности» довольно глубокомысленна, но не во всех случаях «адекватно отражает»… Во-первых, Герцль (отец-основатель), конечно же, был европейским романтиком. Кстати, романтические (как мне представляется) националистические движения в Европе второй половины 19 века (которые и привели ко всем политическим и военным катаклизмам последнего века) вовсе не были чужды практичности и «суровой необходимости». (А «романтическими» я их считаю потому, что напирали на «самость» в ущерб универсальности.) Во-вторых, приятие/неприятие идеи еврейской национальной независимости (довольно фантастической в тот момент, когда она была выдвинута), пересекало идеологические линии фронта. Победила в конечном итоге линия «социалистического сионизма», направленная на строительство государства «как у всех», причем даже «интернационального». До сих пор еврейский национализм этим («левым») кругам, потомкам отцов-основателей, ненавистен. До сих пор они крутят руль в сторону арабо-еврейского «государства для всех»! Как им удавалось и удается сводить идеологические концы с концами — одному Богу известно. Не иначе как «хитрость мирового Разума». Для меня в этой ситуациии главный критерий психологический. И тревога моя связана с тем, что реальная израильская политика демонстрирует такую гибкость, которую уже одной «суровой необходимостью» не объяснишь. Тут и отсутствие сложившейся нации, и, сответственно, отсутствие «концензуса» по поводу границ

(не только государственных, но и этнических: больше половины приезжающих сегодня в страну из бывшего Союза — этнически не евреи, церкви переполнены, а тут еще и предков Пушкина завозят, добавляя и расовую проблему), и просто, брат, жила тонка. Хотя, оговорюсь, не все так считают, многие объясняют нашу готовность идти на уступки не слабостью нашей, а силой. Но я параноик, и считаю, что у этих «сильных» просто мания величия.

А насчет героизма… Определить эту штуку сложно… Это не только воинская доблесть или готовность к самопожертвованию. Я-то в основном о героизме, как факторе культуры. Все перечисленные тобой героические деяния евреев, типа борьбы с Римом и международным терроризмом, конечно, замечательны… Кстати, Израиль уже давно не стоит утесом против терроризма, наоборот, он шаг за шагом — последние 10 лет во всяком случае — и самым малодушным образом идет ему на уступки: отступление из Иудеи и Самарии, а теперь из Ливана, о мелочах, типа освобождения убийц пачками, и не говорю. Народ, конечно, очень упорный, этого нельзя отрицать, но совершенно принципиально не героический, ибо против жертвенности. В этом смысле я теперь иначе смотрю на жертвоприношение Исаака, которое не состоялось, и глубочайший смысл этого — в отказе от жертвенности.

О делах. 4-ый том «Русских писателей» бери. Из последнего списка возьми Э. Р. Доддса «Греки и иррациональное». И «Комментарии» Адамовича. А Кантакузин у меня есть.

От Л:

Спасибо за интервью. Да еще с портретом! Чего-то у тебя усы совсем побелели…

Был такой момент, когда я почувствовала, что твоя реальность вытесняет мою собственную. Другими словами стала терять рассудок. Тогда все во мне встрепенулось, глаза распахнулись изнутра наружу… (защитная реакция?) помнишь — отпусти меня, старче, в синее море? Но… эти

палочки-выручалочки не спасают, а только усугубляют растерянность, не получается у меня никого обнимать, как могу только тебя. Или не умею играть в кошки-мышки, или женское начало во мне все-таки сильнее… и время не лечит и тоска от этих игр забирает…

А какие картины из щели ты считаешь наиболее яркими? Вот непроизвольно написала щель вместо хроник…

Марик Шохам позвонил. Сначала прочитал возвание к гражданам не поддаваться на мирные провокации Барака («Знаешь, как Барак переводится[1]? Мол ни я».)

— Только ты никому не говори, что это я придумал, а то меня на радио — сам понимаешь. Как последнюю Манделу…

Потом зачитал очередные «хохмы»:

Серость — жена таланта.

Гурман объявил голодовку.

Бурлаки на Ольге.

О кусах[2] не спорят.

У нас в стгане все гавны.

Жопа набекрень.

Молофья на губах не обсохла.

И т. д.

— Как ты считаешь? Только честно?

Нашел в Сети Бальмину, «Летняя компания 1994 года». Будто увидел себя в кривом зеркале… С горя позвонил Гольдштейну. Сначала обсудили два разворота Миши Айзенберга в «Вестях», которого тоже повело на «воспоминания», он в основном о Лёне Йоффе, о Жене Сабурове, немного о Ковале, о Шахновском, о Зинике. Вроде и «гладко» пишет, но скучно. Раздражающая благопристойность.

---

[1] бар*а*к — молния (ивр.)

[2] кус (ивр., сленг) — женский половой орган

Гольдштейн охотно согласился:

— Да, я давно отметил у него некую матовость стиля, и почти нарочитую скучность…

— Какое-то наставничество, — горячусь, — и ужасающая серьезность, мол, я вас развлекать не поставлен. И Йоффе такой же, строгий. Я с ним одно время пытался контачить, — сух…

— Да, вы знаете, я ему как-то позвонил, вот с той анкетой для «Зеркала», так он на меня чуть ли не набросился, мол, мне над такими вопросами надо месяц думать, мол: как вы смеете мне такое предлагать. Я так думаю, что профессиональный писатель над этими вопросами всегда думает и к такому возрасту уже и ответ приготовил, но, что ж делать…

— И потом Йоффе, к сожалению, в литературе не существует, и он написал о нем чисто по-дружески, и это хорошо, о таком явлении один раз надо написать, но все равно его на свет божий не вытащишь, он бука, так и будет в углу стоять, отвернувшись к стенке.

— Да. Сабуров, конечно, человек куда более известный, и эта его крымская кампания…

Ещё отметил у Айзенберга «пластичность». И тут я на Бальмину пожаловался. Он в курсе насчет «Летней компании», читал. Утешил меня, что я, мол, «не такой».

— Во-первых, все это гораздо хуже, и совершенно другая тональность…

— Мне тоже так показалось. Вот и стихи ее, нельзя сказать, что абсолютно бездарны, но…

— Да, это такая литература в прихожей.

— Да-да, вся эта компания, Межурицкий, Лукаш, они ведь явно выше всяких.., ну, тут же знаете, легион всяких пишущих…

— Ну, это совсем планктон.

Мы рассмеялись.

— Да, так вот они — не планктон, но и…, вот как бы с улицы уже пришли, и, как вы говорите, топчатся в прихо-

жей, а дальше никак, интересно, почему, чего не хватает?

— Вы знаете, наверное, ума. Я вот поражался ее литературной наивности, когда она описывает эти их тусовки в кафе, я же был там, ну, боже мой, она там какие-то метафизические дали прозревает, и еще перемежает это фантазмами, герои у нее превращаются в бабочек или там паучков…

— Да? Нет, до этого я не дочитал…

Еще посетовали, что Бараш «отключился». Никому не звонит.

— Такое чувство, знаете, что на что-то обиделся, — посетовал Гольдштейн.

— Да, он как маленький, обижается, что кому-то внимание уделяют, отвлекают мир от его персоны…

13.5. Позвонил Лиоре Ганн насчет интервью. Книгу она не читала — «ширфт плохой, глаза болят». Интервью прочитала. «Первую строчку и последнюю». Так что — «в курсе».

— Я Гольдштейна читать не могу, ни одного слова не понимаю. И вообще из «Вестей» ухожу, мне Зайчик предложил написать текст на пробу, чтобы он, видите ли «посмотрел, как я пишу!» И я сразу поняла, что мы с ним не сработаемся.

В заключение предложила мне подвезти ее на работу. Отчего ж, думаю, не подвезти, если по дороге. Спрашиваю:

— А вы где живете?

— В Натанье.

— Это, — пробую пошутить, — как из Москвы в Питер через Владивосток.

— Ну, вы же хотите сделать передачу на радио?

Я так ошалел от этакой простоты нравов, что насупился и буркнул:

— К сожалению, не получится.

— Ну, значит, не получится.

14.5. Долго миловалась с его высочеством. От тихого блаженства я заснул.

— Теперь я знаю, как тебя усыпить! А ты знаешь, я бы и сама так с ним заснула, он такой вкусный…

Долго рассказывала о родне.

— …дедушка в армии служил, и в самом начале войны приехал, а ведь никто не знал, что немцы евреев уничтожают, сказал, что надо уезжать, ну, ему не поверили, что немец до них дойдет… под Калугой, там еврейский колхоз был, вот, ну, он сказал: дойдет, дойдет, и бабушка собралась, много вещей взяли, это помогло им выжить в Калмыкии…, а потом повестка пришла, что дедушка погиб, а потом старший сын, оба сына ее, мои дяди, учились в мореходном училище, вот, под Туапсе он погиб, и остался один сын, младший, любимец ее, и тоже повестка пришла, а мама ее спрятала, знала, что бабушка не выдержит, и вот уже несколько месяцев прошло, писем нет, бабушка и говорит маме: ты мне повестку не показываешь? Давай сюда. Ну, мама ей показала, бабушка легла и несколько дней не вставала, не ела, ничего, а потом мама как-то приходит, а она в петле висит, но видно, только что повесилась, мама, а ей тогда лет семнадцать было, ее вытащила… а когда сестра моя родилась, бабушка приехала за ней ухаживать, я ее не любила, топала ножкой и кричала: «Бабка-халявка!», она маму иногда поколачивала, ну так, стукнет по заднице, любила командовать, и папа однажды взорвался, сказал: «Не смейте трогать мою жену!», ну, бабушка обиделась и уехала, к себе, в Калужскую область, там у нее дом был, и дочка жила, моя единственная тетка… когда я в первой школе работала, там такая смешная тетка была, географию преподавала, все время вязала на переменках и про сына своего рассказывала, как она с ним трахается, она с сыном жила, ему лет 25 было, говорит: я его учу, пойди на танцы, пригласи, да сразу не набрасывайся, а проводи, поговори, а он пришел злой, никто, говорит, не дает, мать, ну, что делать, дала…

Темный сумрак номера… Вышли к шести на набережную. Солнце только склонилось, море искрится…

15. 5. От Бараша: *Привет. Мы поместили фотоотчет о твоем вечере на Крыше.…*

Посмотри также отчет о вечере новых текстов 99 года — там тоже есть фотографии.

Как тебе? Все вместе — и с точки зрения «технической» — мы проводим опрос, как смотрятся фотографии на разных компьютерах

Sasha

Милый Немочка!

Шлю тебе это письмо вдогонку за первым. Во-первых, с упоением читаю твой роман, и он мне абсолютно нравится (sis!). Русский народ Голландии стоит на очереди за твоей книгой. Но я — первая … (нрб.)! Во-вторых, если бы я знала, что твой роман написан в дневниках, и если бы ты знал, что я знаю (и если бы у бабушки был хуй, то был бы дедушка)…

С шестым чувством советского человека — а именно, с чувством глубокого удовлетворения, сообщаю, что «получила» звонок из небезызвестного тебе города Москвы с приглашением с 4 по 27 августа посетить и поиграть. Жду уточнений. Но привет от директора зала Чайковского и реверансы — удивили. Оказывается, меня знают как «известную пианистку высокого класса». Так и хочется спросить: «А где же вы, бляди, были 20 лет назад, а?!» Ну и спросила… Здеся, в Нидерландах, играю 5-ого мая сольный концерт, в честь национального праздника освобождения от фашиста-соседа, 21 ого мая — в Роттердаме концерт и т. д. и т. п. Чего и вам желаю. Буду рада, если отпишешь ответ, тем более что это — твоя профессия — писать! Целуй Риммолку от меня. И привет сыновьям, поди уже взрослым мужикам!

Обнимаю

Наташка

16.5. От Матвея

Наум, привет!

Возьмем быка за рога: начнем с подначки. Насчет «чужому негоже» — в этом ты прав безусловно (такой императив и для личных отношений очевиден, что уж говорить о такой тонкой материи, как «нац. чувства»). Только вот кто тут чужой и кому? Я думаю, мы с тобой (можешь по желанию тут же выплюхнуться из этой лодки) принадлежим к эфемерному суб-этносу под названием «русские евреи». Называю его эфемерным, потому что мои родители к нему ***еще*** *не относились (кое-как изъяснялись на идиш), а дети* ***уже*** *не относятся. Этакая «однопоколенчатая эфемерида» из класса членистоногих. Можно по-разному к такой самоидентификации относиться, и нет ничего естественнее желания покончить с двусмысленностью, подавшись в ту или другую сторону. Тут, как ни странно, актуализируется проблема «праведности». Мерло-Понти выдвинул тезис: о нравственности художника следует судить по его отношению к своему произведению, художник несет ответственность перед картиной, остальное не ваше собачье дело. Я отчитываюсь перед концептами и философемами, и жить праведно для меня значит следовать девизу: «Быть может, все в жизни лишь средство…». В этом свете для меня естественнее всего расслабиться и (как насилуемой девушке) попытаться если уж не получить удовольствие, то хотя бы извлечь пользу. Все, что ты пишешь о «буре эмоций», что Розанов мне «на горло наступает» и, наконец, главный перл: «Но, признаться, для человека, больше полувека прожившего в антисемитской стране…». Так вот, дорогой мой скорпион, это все мимо. С чем у меня напряженка, так это с эмоциями, приходится их в себе культивировать, и особенно много сил уходит на разжигание в себе русофобии. Не скажу, что из ничего, что на ровном месте приходится разжигать (угольки, конечно, тлеют — как и у тебя, кстати: вспомнил же ты в Тексте бяликову свинью, повернувшуюся*

на другой бок), но насколько легче и приятнее было бы «понять», «войти в положение», «проявить широту» — нет, дудки. Я намерен на всю катушку воспользоваться единственным своим достоянием: безнадежной экзистенциальной ситуацией, причем не выдуманной, а реально сложившейся. Я если и «мыслитель» (какой-никакой: на свой счет особо не обольщаюсь), то экзистенциальный, а склонность имею ускользнуть в абстрактное конструирование, до которого страстный охотник. Так вот, мне важно свое достояние (моя беда — мое богатство) держать сухим, как порох; мне важно мое состояние непрерывно актуализировать, доводить до радикального экстремума, релевантного философской парадигме, ибо философское мышление отличается от всякого другого только этим — радикальностью. Меня «оберегать» от Розанова не надо; мне надо суметь уберечься от благодушия по отношению к нему — от главного врага радикальности и экзистенциальности. Я, признаться, скорее себя вижу в роли скорпиона: «Мой демонизм, как динамит, // Созрев, тебя испепелит». Потому что я русский — по привычкам, по языку, по лени и расхлябанной задушевности в общении. Мне можно то, что чужим негоже (конечно, капельку исподтишка, по-скорпионьи). Я русский (культурный) камикадзе, нанятый (за идею) своей еврейской (этнической) половиной. Мне хорошо и уютно в этой роли (на этой помойке) — и, как ни странно, только здесь. Мне вообще комфортно с русскими — не со всеми, конечно, а с теми немногими, которые сохранились в «круге общения», но и «фон», честно говоря, не давит. Почему? дай подумать; могу только высказать предположение. Вот существует такая (пошлоглуповатая, на мой взгляд, но не совсем лишенная оснований) «эпистема»: англичанин не может быть антисемитом, поскольку слишком себя уважает, чтобы посчитать еврея хоть в чем-то выше себя. Оставляя за скобками вопрос о (несомненно существующем и довольно отвратительном) английском антисемитизме, замечу, что русский в этом смысле себя не уважает нисколько — и в этом (кроме всего

пакостного, что можно наговорить по этому поводу) есть свое величие. Почти христианское смирение, «кеносис». Среди евреев нет таких русофобов, как среди русских. «Как сладостно отчизну ненавидеть // И жадно ждать ее уничтоженья» — так только русский мог написать. Первое шевеление русской мысли (в лице Чаадаева) было нацелено на радикальное самоуничижение. Только русский поймет, как я его ненавижу — и испытает от этого чувство, похожее на восторг. Это, как ни странно, относится и к русским-антисемитам (вот почему и «фон» не давит). Скажу больше: к счастью, антисемитизм в России с недавнего времени перестал быть еврейской проблемой. Это русский крест, которого нация, по моим понятиям, не выдюжит. Когда в России не останется ни одного еврея — а это время не за горами: вот наше поколение «русских евреев» вымрет, и дело с концом — русский все равно будет идентифицировать себя как не-еврея. Никакой другой национальной идеи у русских нет и уже не будет. Россия не выдержала Христа (еврейского чудика-еретика), приняв его слишком близко к сердцу, а потом, в злосчастный для себя час — в час Вас. Вас. Розанова — осознав, что не бывать русскому «отроком возлюбленным»: место занято жидом, и Яхве от него (жида) не отступится, хоть в лепешку расшибись. А ты говоришь: «На самом деле, ничего, кроме антисемитизма, ты ему не предъявил». Ничего себе «кроме»: кроме ничего и нет, и не надо, и для объяснения не требуется; зато в русском антисемитизме столько смысла (включая религиозный, философский, исторический, да хучь какой), что хватит ажно для самоуничтожения нации. Чего я ей и желаю — со мной за компанию.

Теперь по поводу самовыражения. Очень кстати припомнился тебе Передонов (хотя по отношению к Розанову сопоставление слишком напрашивается, чтобы дорого стоить). Так вот, Федор Тетерников, как выяснилось из недавних публикаций (хотя Борис Парамонов на это намекал и раньше), был гомосексуалистом, педофилом и садомазохистом, что называется, «в одном флаконе». Но Федор Сологуб «субли-

мировал» все это «сырье» отчасти в бесплотную, почти ангельскую поэзию томления по небытию (горьковский Смертяшкин), отчасти — в неподражаемую пластику «Мелкого беса» (эта книга, единственная, оправдывает всю незадавшуюся прозу символизма). /Правда, и в поэзии промелькивали у него этакие, знаешь, нотки. «Продукты сельского хозяйства // Не хуже поместятся в стих, // Чем описанья негодяйства // Нарядных дэнди и франтих. // Дерзайте ж, юные поэты! // И вместо нежных роз и грёз // Вы опишите нам секреты // Всех ваших пакостных желез». Есть что-то виртуозно-бесовское в этом сопряжении «секретов» и секреций желез!/ И в этом разительное отличие от Розанова. Сологуб, будучи кухаркиным сыном, знал цену дисциплине, в том числе и дисциплине объективации. Он выдавил из себя Передонова (может быть, и «по капле»), конституировал его в качестве «интенционального объекта» и «воплотил»; это нормальный художнический жертвенный подвиг. А что сделал Розанов? Остался на уровне мычания — «публицистом», провокатором, «выразителем», по этим меркам и будет судим: уж не обессудьте, Вас. Вас. Останется Розанов в качестве иллюстрации к Передонову, как «шестидесятник» — по отношению к Базарову. Мода на Розанова пройдет, а Передонов никуда не денется, ибо изваян и оплачен по полному прейскуранту. Кстати, кому это интересно, был Сологуб антисемитом или нет? Или Шекспир? Мне так без разницы.

Далее. Сравним две «формулы» — мою («неосознанное дисциплинарное подчинение архетипам») и твою («Только самовыражаясь, ты можешь интуитивно („неосознанно“!) нащупать спасительную нить архетипа»). О чем спор? Я бы даже отдал тебе это твое «самовыражение», «но разум протестует». Ведь что не самовыражение? Ты кряхтишь, вскрикиваешь, икаешь, мечешься во сне… Словом, самовыражаешься; попробуй не выразись! Не получится. Но если у тебя возникает творческая (в частности, художническая) интенция, то ясно как день, что ей предшествует некая эйдети-

ческая структура (перехожу на уместный в данном случае феноменологический жаргон). Иными словами, прежде чем настроиться на установку типа: напишу-ка я рассказ (если угодно, «выражу себя» в рассказе), нужно, чтобы эйдос «рассказа» уже существовал в интенциональном поле твоего «жизненного мира». Снимая слой за слоем в ходе феноменологической редукции, ты обнаружишь за «рассказом» целый эйдетический спектр: художественное произведение vs жизненный мир; безучастное участие vs прагматическая активность; изоляция vs подручность и т. д. и т. п. Что могло бы означать слово «самовыражусь» без всего этого оснащения? Ровным счетом ничего. Если бы Гуссерль был таким умным, как я (шутка, Эдмунд, держи себя в руках), он дошел бы до концепта Рампы и до оппозиции блок обеспечения/блок спасения, а там и до сотериологических стратегий Жреца и Мага рукой подать. Одно из двух: или ты увязываешь свое «самовыражение» со всем этим архетипическим комплексом (отводя ему скромную роль стимулирующей обманки, против чего я возражать не стану), либо остаешься с одним этим своим «самовыражением» на руках: была золотая рыбка — осталось разбитое корыто. Если же тебе почему-то хочется считать весь этот сложно структурированный процесс «самовыражением» (если тебя это стимулирует), то ради бога, кто же против? Шиллеру, например, помогал писать запах гниющих яблок… а получались «Боги Греции». Только при чем тут философия искусства? А если тебе «не нравятся игры в кошки-мышки с мировым Разумом», то чем я могу тут помочь? Другого, бесхитростного и ясноглазого мирового Разума-арийца у меня для тебя нет. Чем богаты, тем и рады.

Относительно сионизма больше всего хочется отмахнуться: зря встрял, не моя это тема; я уж никак не историк. Но опять же «разум протестует». Пускай был раскол на идеологическом фронте между националистами и интернационалистами. Но это же пена на поверхности сионистской идеи, сути дела она не затрагивает. А суть в том, что

можно быть избранным народом, но нельзя быть избранным государством. Избранное государство — это какое? Оно, например, подписывает договор, ты его исполняешь, а ему, наверное, не обязательно: оно, блин, избранное, так что ли? Не получается. А национальное (моноэтническое) оно или нет, это совершенно другой вопрос. В принципе возможно и полиэтническое еврейское государство (есть же Америка, Канада, Швейцария, Австралия да мало ли чего еще — вплоть до Союза нерушимого); я его не хочу «в наших палестинах» и, честно говоря, не считаю реально возможным, но, повторяю, к идее сионизма — независимо от того, был Т. Герцель романтиком или не был — это отношения не имеет. Политика по определению не радикальна, с ней моему бедному экзистенциальному разуму делать нечего. Так что я бы эту тему (для нас с тобой, с твоего позволения) закрыл.

Что касается «жертвоприношения Авраама», то это просто поклёп, даже обсуждать не хочется. Поклеп на Бога: старик, выходит, не разобрался. Бог потребовал того, чего потребовал, и остался доволен. А Вайману мало: он не только больший католик, чем Папа, но и больший Бог, чем Яхве. Читал ли ты «Страх и трепет» Кьеркегора? Авраам представлен у Кьеркегора как герой высшей из возможных степеней — герой веры. А датчанин был едва ли не единственным глубоким мыслителем, знавшим толк в героизме: во всяком случае, Иисус его в этом плане не впечатлил.

Напоследок — пара цитат из «Комментариев» Адамовича; прочитал книгу «запоем», чего давно со мной не случалось. Привожу без комментариев. (1954) «Да, вспомнил Розанова: в сущности, жалкий писатель, непомерно сейчас раздуваемый, гений для разбитых душ, для растерянных, сбитых с толку людей, для всех тех, кто болен несварением духовного желудка, отказывающегося принимать твердую пищу, болтун, которого наши литературные неврастеники чуть ли не сравнивают с Паскалем, — и все-таки единственный русский подлинно христианский писатель по тону и интонации, т.е. по тому, что нельзя подделать».

Из «Оправдания черновиков» (в тех же «Комментариях») /кстати, idée fixe Адамовича: «черновики важнее текстов»/: «Розановщина… Пренебрежительное это словечко вырвалось у меня почти безотчетно. Конечно, он /Розанов/ был болтуном. Нельзя сравнивать его с Паскалем, как делали это неумеренные его поклонники. Не говоря уже о мощи разума, у Паскаля был дар молчания, остановки, оставшийся Розанову неведомым. Паскаль обрывает фразу, наполняя пустоту таинственным смыслом. Розанов говорит, говорит, пришептывает, подмигивает, ухмыляется, намекает, сам себе возражает — и случается, иногда недоумеваешь: только-то и всего, Василий Васильевич? Нельзя ли было бы покороче?

Порча стиля есть желание сделать его вполне свободным: никаких рамок, и ничем художник не ограничен. Всегда и везде это идет параллельно с назойливой выразительностью чувства и с затмением разума. Разум ведь на то и дан человеку, чтобы знать цену «рамкам»».

В заключение прошу прощения за мистификацию. Стишок якобы про Василь Васильича на самом деле звучит так: Девочка красивая // Лежит в кустах нагой. // Другой бы изнасиловал, // А я лишь пнул ногой. Так что Василия Васильевича я пнул по своей инициативе. А стихи — Олега Григорьева, ленинградского юродивого, «питерского Глазкова» (очень его люблю). Кстати (впрочем, ты, наверное, это знаешь), Олег Григорьев еще в 60-е годы изобрел жанр абсурдистского черного стишка (типа: Ехал мальчик на машине, // Весь размазанный по шине) который пышным цветом расцвел в 80-е. Вот образец такого стишка, написанного Григорьевым, кажется, в начале 60-х:

Я спросил электрика Петрова:
Для чего ты намотал на шею провод?
Ничего Петров не отвечает,
Только тихо ботами мотает.

Всегда твой

Матвей

Дорогой Наум!

Совершенно случайно Глеб Морев Вездессущий преподнес мне статью Топорова о Вас. Занятная штучка. А то что, я думаю, вашу книжку покупают? Все он, наш кудесник и человеколюб. Он же завистливое неопрятное, дурнопахнущее мудило.

Вот Вам чтиво, развлекитесь

Ваш НК

«РАБОТАЮ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ. ХОТЕЛ БЫ ПОЗНАКОМИТЬСЯ С ПОНИМАЮЩЕЙ»

КНИГУ эту — четыреста с лишним квадратных страниц убористым шрифтом, практически без полей, — только что изданную в Питере, вручил (или всучил) мне в Москве новомировский критик Сергей Костырко, и я сразу же почуял в этом некий подвох. Имя автора — Наум Вайман — ничего не говорило. С фотографии смотрел налысо бритый усатый ровесник, явно косящий под Розенбаума (все правильно: из текста выяснилось, что не только пишет стихи и прозу, но и поет под гитару). Издательство — «ИНАПРЕСС», главный редактор Николай Кононов — человек тертый и не без вкуса, явную чушь издавать не станет — разве что за счет автора или имея на него какие-нибудь иные виды (из текста вытекает, что справедливо и про «счет», и про «виды», а вот насчет «чуши» — неоднозначно). Неоднозначно — это, кстати, уже цитата из рецензируемой книги «Ханаанские хроники»:

«Поутру наблюдал половую жизнь козлов. (…) Вернулся в спальню, жена мух ловит. Ловко. Ну, спрашивает, что в мире?

— Наблюдал половую жизнь козлов.

— А-а, ну и как?

— Тоже все неоднозначно.

— Ах ты мои юный натуралист! — и на себя потянула».

Эта сценка разыгрывается в Италии. А сам автор живет с 1978 года в Израиле. Преподает в школе, пишет, ведет активную литературно-тусовочную и неоднозначную половую жизнь, наведываясь за свежими импульсами в обоих планах и в метрополию, то есть в Москву. Книга издана тиражом в 2000 экземпляров.

Вообще-то такое у нас давно не печатают: мода на сочинителей из экономической эмиграции давно схлынула. Разве что за свои деньги — но в надежде на здешнюю славу.

«Арон открылся вдруг симпатягой, в нем была мальчишеская порывистость, чувствовался богемный кураж и светский опыт, а по мере рассеивания опасений и естественной первоначальной настороженности он стал вести себя все более по-свойски, проявляя натуру открытую, увлекающуюся и даже склонную к припадкам саморазоблачений».

Ну куда сдашь такую прозу? Или в «Звезду», или — в рифму, или вот в «ИНАПРЕСС».

«А к Руфе я потом часто ходил, несколько лет, побеседовать о литературе, пока жена мне скандал не закатила. Всегда злобно ревновала к музам»…

Автобиографический роман написан в форме дневниковых записей, обнимающих несколько лет — с 1992-го по 1996-й. Пестрит именами знакомых литераторов (московских и отчасти израильских); регулярно упоминается, например, Михаил Генделев, о котором прочие израильские литераторы за глаза сплетничают, называя его, впрочем, и «мудрозвоном» (что соответствует действительности). Он появляется очно лишь однажды, да и то когда «его всего скривило». Другой мой израильский знакомец — критик и культуролог Гольдштейн описан, напротив, с явной симпатией, но наверняка только потому, что записи обрываются в 1996 году. А в 1997-м Гольдштейн получил малого Букера и Антибукера, чего ему на земле обетован-

ной, разумеется, не простили.

Волнуют автора помимо собственного творчества (и, естественно, собственного места в пантеоне российской, а во вторую очередь — русскоязычной израильской словесности) судьбы Израиля (по убеждениям он махровый сионист, ни пяди земли арабам отдавать не хочет, министров-«переговорщиков» считает «предателями»), перспективы, внешняя и внутренняя политика России (о чем он, конечно, имеет веское мнение), книги (он без конца читает книги и окупает новые, оставил московскому приятелю сумму в долларах, чтобы тот окупал для него по дешевке новинки и высылал в Израиль; почтовые расходы тоже оплачены) и личная жизнь — все это сплетается в узор, непроизвольному комизму которого позавидовал бы не только Довлатов, но и сам Набоков:

«Рабин в интервью в Америке выразил недовольство народом, мол, потерял стойкость. (...) Устроил нам разгул террора, а мы должны проявлять стойкость. Не стойкость в бою, не дай бог, а чтоб под ножом не суетились». И парой строк ниже, на той же странице: «С ночи льет дождь не переставая. Позвонил утром А., как договорились, но она на работе. Думал позвонить Д., может, подскочить и трахнуть, но позвонил жене, чтобы пораньше приехала, надо младшего в консерваторию отвезти...» И еще полстраницы спустя: «Я на самом деле реалист. Даже немного социалистический. И не против я индивидуализма. Просто шкурничество не по нутру». «Ответ на „вызов“ сегодняшнего мира — тотальный текст. Путь, указанный Розановым. Вообще-то Библия и есть требуемый тотальный текст. Но чтоб написать такое, надо верить. В силу слова». Пропустим еще три строки. «Прочитал статью Матвея в „Началах“ (N 1). Слишком торопливая, слишком много в себя включает... Местами — блеск (скажем, об Иванове), но все вместе разрывается, мысль скачет...» Пропустим еще пять строк. «Представил, как валяется по утрам в постели одна, думает обо мне, ждет со страхом... Так приди, устрой дека-

дентский пир сладострастия и предательства, упреков и признаний! Чем ты смущен? Силой собственной похоти? Или ее слабостью? Что тебе, художнику, рабу Диониса, мешает нарушить, преступить, вкусить? (Потянуло на демоническое, как Кузмин бы выразился.) Впрочем, все это — искушения одиночества, а не сладострастия…» «То, что евреи не реагируют на избиения, даже когда их отстреливают или, как рыбу, бомбами глушат в своей стране, вызывает желание взрывать их и убивать все в больших и больших количествах…» «На работе началась травля. Наслали инспектора. Он нашел, что мой урок оставляет желать лучшего. Придет еще. Злюсь». «Ездил в четверг в Иерусалим, в библиотеку „Форума“. П… здели о русских журналах…» «Нужна новая эпоха рабства. Чернь обнаглела, тоскуя по подвалам». «Вчера с утра поехали вдвоем грибы собирать. Погода солнечная, полно маслят…» «Ночью русские начали войну в Чечне… Сама-то война плевая. Грозный быстро возьмут, но партизанщина…» «Отправил все письма и поздравления с Новым годом…» «Утром в лес ездили, грибов полно, Клепа (пудель. — В. Т.) с восторгом носится по хвойному ковру, совокупление по-собачьи, быстрое, жадное, Клепа рядом, высунув язык, наблюдает. „Это мы были мерзкие животные?“ — жена мяукает. А вечером опять изнасиловала». «Прочитал статью Мандельштама „О природе слова“… очень метко о Белом и Розанове, но никак нельзя согласиться, что Розанов…»

«Ханаанским хроникам» присущ и некий постмодернистский изыск. Нет, постмодернистов Наум Вайман как раз терпеть не может, но, сочиняя или ведя свои хроники, дает почитать отрывки то дамочке, то другу, те откликаются, волнуясь, — мол, не забросил ли он свой замечательный дневник, — и сами эти письма попадают все в тот же текст, фрагмент из «Хроник» (интересно какой?) публикует «респектабельный русскоязычный израильский журнал «Зеркало», автор приходит в гости (в Москве) к Гандлевскому и на вечер (в Иерусалиме) к Кибирову, хочет «трахнуть»

некую Т., издающую «лучший в Москве литературный журнал», радуется благожелательной рецензии на собственный стихотворный сборник (изданный в Москве за свой счет).

Автобиографическая проза Наума Ваймана сильно смахивает на автобиографическую же прозу Анатолия Наймана, прошу прощения за нечаянную рифму и невольные обертоны, только еще… нет, не хуже (хуже Наймана — трудно!), а провинциальной. Но завел я эту речь вовсе не затем, чтобы поглумиться над израильским учителем, со всей одержимостью бурного гения балующимся словесностью у себя в глубинке или, вернее, у себя в пустыньке.

Документальный отчет Ваймана о мелкой и суетной, но исступленной литературной жизни русско-говорящего Израиля производит — при всем своем анекдотизме — сильное впечатление: начитанные и неглупые, но непоправимо бездарные люди (Генделев со своими двумятремя мутными каплями таланта среди них и впрямь классик) ходят из вечера в вечер на литературные мероприятия, покупают (!) друг у дружки книги стихов и прозы, читают их (!), обсуждают их (!), анализируют их в печати (!).

Начинали московскими школьниками в классе и в литературном кружке у какого-то Виктора Исааковича, продолжали во всевозможных ЛИТО, уехали, вроде бы начали строить собственное государство по заветам Герцля, а остановиться (как в своей любви к русской литературе, так и в графоманском стремлении обновить собственными опусами ее сокровищницу) так и не сумели. Так и не захотели. Нет, это не парижская эмиграция с ее когдатошней трагической нотой и позднейшими политическими заморочками — это что-то иное, диковинное и непотребное, но вместе с тем неподдельно живое. «Бывший наш народ»? Нет, такое определение мне не нравится. Но одержимость литературой, бывшая и у нас когда-то повсеместной, осталась сейчас, не исключено, только там. Хранители

священного огня? Уж больно страхолюдны (правда, хранителям страхолюдность не помеха, скорее напротив), а главное, больно беспомощны:

«Володя звонил. Его статью о Бокштейне напечатали в «Новостях недели». Доволен. Грандиозные планы заполнить все их приложения до пришествия Мессии. Зол, что не взяли статью о Генделеве: не хотят рекламировать конкурентов.

— Суки вонючие! Я — поэт! Я пишу о поэтах. «Пишите о ком угодно, только не о Генделеве»! А о ком, о Бараше, что ль, писать? Да я не хочу его топтать! О Вернике? Больше двух строк не напишешь! Кстати, когда твоя книжка выйдет?»

Кому это интересно, вопрос отдельный. Социологу? Этнопсихологу? Литературному критику определенно не интересно, а вот ведь пишу! Поймал меня Костырко в ловушку (а в «Хрониках» он, кстати, и сам упомянут), хотя имел в виду наверняка другое: «Видишь, какая гадость автобиографические книги? Вот и на себя оборотись!» Но это уж дудки! Когда двое делают одно и то же… а дальше сами знаете.

Лучшее в книге — брачные объявления из израильских газет, помещенные на стр. 404—406. Одно из них я вынес в название: по-моему, оно как раз про автора «Хроник»: он полагает, будто работает по специальности (русским писателем) и, несмотря на изрядный возраст, жену и неоднозначное количество любовниц, по-прежнему «хотел бы познакомиться с понимающей».

ВИКТОР ТОПОРОВ,

17.5. *Дорогой Николай!*

Спасибо за «развлечение». Воистину занятно. И такие очаровательные психологические штришки вроде удивления по поводу желания «познакомиться с понимающей» «несмотря на солидный возраст», уверенности, что «не прощу» Гольдштейну Букера, даже взъелся на то, что книги «окупаю»

в Москве: караул, русские книги в Жидостан уплывают! Злюка. Деньги, однако, сквозь землю чует (а может ему положительную рецензию «заказать» за какие-нибудь пол-сотни баксов?).

Впрочем даже и у него прорываются странные для погромного тона признания, типа «постмодернистский изыск», «неподдельно живое», «производит — при всем своем анекдотизме — сильное впечатление». И хоть он пытается подмеченный «комизм, которому позавидовал бы не только Довлатов, но и сам Набоков», унизить «непроизвольностью», но все эти непроизвольности вместе, плюс страстность, вложенная в стремление «уничтожить», страстность, которую скучный текст вызвать не может (400 стр. скучного теста и под пыткой не прочитаешь), склоняют меня посчитать «рецензию» чуть ли не похвалой.

А что там происходит с представлением на Букера? Возможны какие-то варианты?

Всегда ваш

Наум

Пришло затерявшееся на почте письмо от Наташки

Дорогой Немочка!

Индоть видна рука не мальчика, а мужа в твоем творении. Читается — захлебнуться можно, что является (для меня) истинным паказателем таланта!

Спасибо, спасибо огромное, что в суете сует не забыл ты Наташку, и порадовал ея своей, очень красиво изданной книгой!

О себе прочла смеясь. Подметил, заштриховал. И Б. дал по попке. И хорошо так на душе стало от сознания, что есть ты на свете, дорогая моя умница Немка! Вайман! Что есть наша Риммочка, завсегда приводившая меня в восторг как своей красотой, так и своим безбожно московским акцентом в иврите. Хорошо вам, ребята. И пущай ее жизнь навешивает нам годы в виде лапши и болячек, но пока бьется твор-

ческое сердце, ублимирует туда все анализы — будем живы не помрем!

В знак благодарности и любви посылаю вам свое творчество в виде компакт-диска со всеми ноктюрнами Шопена, ибо «мы» тоже не спим, боясь замерзнуть раньше срока!

Обнимаю, поздравляю тебя, Немочка, с настоящим, ценным и нужным сочинением, как всегда, при наличие таланта, греющим сердце! И задающим пищу мозгам. Будте мне здоровы!

Вечно ваша Наташа

P.S. Так, на всякий случай: в компакт-диске этих дисков — два: один снаружи, а другой внутри!

18.5

Матвей, привет!

Да, общность «суб-этноса» подтверждаю. Как и его «эфемерность». И, соответственно, уникальность «экзистенциальной ситуации». Также не имею ничего против экзистенциальности твоего мышления. А вот насчет «радикальности», как основного отличия философского мышления от любого другого, то боюсь, что ты даже не заметил, как пытаясь уберечься от «главного врага радикальности и экзистенциальности», прямехонько зашел к нему в гости «потолковать». Розанов — враг радикализма и экзистенциализма? Да он, можно сказать, отец русского экзистенциализма, в творчестве которого русский «апофеоз беспочвенности» (философской!) выразился с особой яркостью. Кто еще так безнадежно, скурпулезно и отчаянно гнался за «актуализацией» своего мышления, судорожно цепляясь за все мимолетное? А уж радикал был, а уж экстремист — просто ай-яй-яй! Христа дьяволом обозвал — и это не радикализм мышления? Да он брат твой, брат-экзистенциалист, может поэтому ты его так ненавидишь. И вообще, радикализм мышления хорош для литературы (кстати, должен сделать тебе комплимент, твое «письмо» от «радикализма» явно выигрывает, становится гораздо ярче и суггестивней).

Но если ты под «радикализмом» разумеешь стремление доводить мысль до конца, то ты выбрал неудачное слово. Опять же выбор по стилю литературный, а не философский (то есть главное «убедить», а не «доказать»). Назвал бы философию стремлением мыслить честно, бесстрашно. Но радикализм?

Мне кажется (попытка психоанализа!), что твое отторжение Розанова связано с тем, что ты все-таки, как и сам пишешь, склонен к строгости и ответственности в мышлении, но современная философия, тем более «экзистенциальная», отчаявшись в строгости, стала все больше похожей на литературу. Тот же Кьеркегор, тобой упомянутый, прямо рядил свои рассуждения в литературные наряды. Думаю, что Розанов, как и Шестов, одни из зачинателей такого рода философии в России. То есть ребята решили, что — только литература, другого места для мышления не остается. И вообще мне кажется, что экзистенциализм, в его литературных изводах, это декаданс философии, «красивый», как и всякий декаданс, когда мысль, вместо того, что бы отмеривать путь, начинает кружить-вытанцовывать, а потом и вообще смиряется с «жизнью в танце». Видимо, мышление дошло до границ языка и приходится создавать новый язык, то есть заниматься литературой…

Вчера были на церемонии присяги младшего сына, вручили ему Танах и автомат… А на толпу израильскую посмотришь: чего-чего, а строгости в поведении у них нет. Так может и в мышлении та же ситуация: энергии и изворотливости много, а порядка… Вот и Розанов отмечал близость с жидом, да и ты пишешь, что комфортно тебе с русскими «по жизни», как-никак, а «свои»…

Олег Григорьев мне очень понравился, замечательный. Я слышал о нем, но стихов не помню. А можно книжку достать?

Кстати, можешь (см. скрепку) развлечься злобной статейкой про книжку (похлеще Шамира), на этот раз Топорова. Интересно, что он нашел «неоднозначного» в моей поло-

вой жизни?

Всегда твой

Наум

Поехали с Р в кино, на «Боэна виста соушал клаб» Вима Вендерса. В зальчике человек десять. Джаз классный. Всю дорогу целовались, ласкались.

— Какой хороший фильм, радостный. И все они такие красивые, будто нет ни старости, ни этих трущоб…

— Вдохновение преображает.

Потом в «деревне» еще сидели в машине часа два.

— Семь часов, а еще светло, — говорю. — А помнишь зимой мы тут в дождь сидели?

— Это когда я тебя трахнула?

Целовались, я говорил «ты моя хорошая», и «ты мое счастье» («Это ты мое счастье!» — отвечала), пока не сказал: «Я тебя люблю».

— Правда?!

Киваю.

— Врешь, но все равно приятно. Скажи еще раз…

— Нет, больше не могу. И так не знаю, как вырвалось.

— Тебе действительно так трудно это сказать?

— Да.

— А откуда ты знаешь? Что любишь?

— Не помню таких чувств. Может, забыл. Мне кажется, что о таком чувстве я мечтал в юности. Вот так я хотел чувствовать. Чувствовал иногда во сне. И это называл любовью. Теперь понятно, что значит самозабвение. Я забыл о себе, и мне хорошо. Я сам себе надоел, я себя не люблю…

— Не говори так. Ты — это подарок судьбы. Последний подарок. До того как я тебя встретила, я просто умирала, умирала…

— Ты умеешь любить.

— Да, умею, — кивнула. — А ты хочешь, чтобы я тебя любила?

— Это от моего желания не зависит.

— Но ты хочешь?

Я пожал плечами.

— Не знаю…

— А как ты думаешь, я тебя люблю?

— Не знаю, но мне кажется, что так, как ты меня обнимаешь, ты не обнимаешь никого.

— Ты в этом уверен?

— Ага.

— Да. Никого…

19.5. Время умирает (сворачивается, скукоживается). Как его оживить?

Только будущая смерть делает нашу жизнь «подлинной», «ответственной», неповторимой. Она провоцирует жить.

Ездили с женой в Музей, там выставка Гончаровой, в основном «театральная серия» и офорты о войне, половина работ из коллекции Гробмана (нихрена себе коллекция!), выставка индийских миниатюр эпохи Великих Моголов, какой-то персидский еврей собирал, послабее, чем в Иерусалимском музее, но все равно замечательно, и ретроспектива израильского классика Йосифа (Ёселе) Бергнера. Художник скучный. Да, «свой», плоть от плоти, те же болячки, но… скучно.

Жена на обратном пути: «Старость — это постоянное смирение, шаг за шагом…»

Портос летит в Москву, зашел к нему передать деньги для Матвея. На кухне в карты с женой играет, в дурака. «Козел вонючий!» — «Дура старая!» Темпераментно играют. Кругом детективные романы разбросаны. Арбузиком угостили.

От Л:

сегодня отдала аннотацию и присовокупила твой эл.

адрес. Так что не удивляйся, если с тобой войдут в контакт… и дала свой тоже. Будем ждать.

Спасибо. Я тут тоже вступил в контакт с одним местным агентством, которое работает на Америку, Германию и Францию, но они работают только с известными израильскими авторами. Я долго себя хвалил, сказали, что позвонят. Не уверен. Я понял, что это тоже работа (найти агента), и кропотливая.

Пошли мне пожалуйста твой перевод аннотации.

20.5. От Л:

А что слышно с той женщиной, кот. Кононов подключил для издания на французском?

Ничего не слышно. Кононов любит подразнить…

21.5

… — А ты еще раз женишься. Да, я знаю. Возьмешь себе бабу лет тридцати двух, тридцати трех. Не скажу, что я тебе завидую, но… Ну, я знаю. Станешь известным писателем, будут около тебя увиваться разные… Вот ты тогда сказал, что максимум готов сам любить, но не хочешь, чтобы тебя любили. Ты не хочешь, чтобы я тебя любила? Ну, чего ты молчишь? … У меня с ним в последнее время было два скандала. Во-первых, он утверждает, что я делаю из него импотента, а, во-вторых, когда во вторник у меня был педсовет, он решил меня проверить, представляешь?! Явился в школу, мало того, что видел машину, но поднялся, да еще вел себя… Меня потом спрашивали: разве твой муж израильтянин?

Я спросил, что ее удерживает, раз сама говорит, что надоел, да еще ревнючий такой, может, секс?

— Если б ты видел этот секс, ты бы посмеялся… Во-первых, это уже длится много лет, потом у меня есть даже какие-то обязанности, ты же знаешь, я ужасно исполнительная. А потом… мне у него очень спокойно, это един-

ственное место, где я могу заснуть. Потом он умеет окружить вниманием, дать почувствовать, что тебя любят, ждут…

Секс с ней действительно фантастический. Фан-та-стический. Когда в конце, уже после не знаю чего только не, осторожно вынимал, то чувствовал, как она не пускает, попридерживает, пожимает, чуть больно даже…

А вообще-то, сегодня, после зияющих вершин четверга, — спад. И у нее. Но секс был бешенный. Прыгала, прыгала, прыгала навстерчу, собираясь в пружину и с силой выбрасывая ноги, брыкалась, брыкалась, и вдруг пукнула. Запах держался долго.

… — Я сегодня ночь не спала, потом пять уроков дала, еще этому дала, и этому дала… — все-таки я зз-доровая баба! … Ты, знаешь, мне иногда хочется плакать, я так хочу тебя, прям меня выворачивает, и слезы уже вот они, здесь, но не текут, мне кажется, что если бы мне удалось заплакать, то мне было бы легче. Вот ты — молодец, легко плачешь, от умиления, от жалости.

Меня уже тянуло вон из номера, а у нее начались силовые игры, валила меня, поднимала:

— Давай, ложись, я тебя ногами подниму.., а ты меня можешь ногами поднять? А на руках?

Я устал. И все вдруг показалось ненужным. И это ее цепляние за знаки внимания. Никакая она не лихая блядь, а немолодая, ранимая женщина, в отчаянном страхе перед старением.

… — Знаешь этот анекдот: трое должны реку перейти, не замочив член, а вода по пояс, как они это сделают? Какак, всунут один другому в задницу. Не знаешь что ль? Ну, что ты не спрашиваешь? Как чего, а третий-то кому засунет? Тебе, кому же еще. Детский анекдот, не знаешь что ль?

Наум, привет!

…Перехожу к делам скорпионьим. Действительно, укусы плавно перешли в поцелуи: несмотря на кажущуюся «задири-

стость» твоего последнего письма, меня не оставляет чувство, что драка закончилась, а продолжается размахивание кулаками. Вся твоя аргументация основана на неправильном прочтении одной-двух моих фраз. Ты почему-то приписал мне странную мысль о том, что якобы, по моему мнению, Розанов — «враг радикализма и экзистенциализма». Интересно, где ты такое вычитал? Цитирую свое предыдущее письмо: «Меня „оберегать“ от Розанова не надо; мне надо суметь уберечься от благодушия по отношению к нему — от главного врага радикальности и экзистенциальности». Разве эти слова допускают хоть какой-нибудь намек на возможность столь превратного толкования? Перечитай, пожалуйста, приведенную фразу. Сказано: ***благодушие*** *по отношению к Розанову — главный враг радикальности (если бы «радикальность» относилась к «Розанову», то надо было бы изменить падеж с родительного на дательный и сказать: «к нему — главному врагу радикальности»; но нам, конечно, не до падежей). В связи с этим я и молю бога уберечь меня от такого благодушия (от которого Вайман, к сожалению, не уберегся, в частности, в своем интервью и добавил свой голос к церковно-приходскому любительскому хору). Розанов — это сама экзистенциальность в непереваренном виде; поэтому, когда чувствуешь в себе оскудение злости, очень полезно прильнуть к этому зловонному, источающему миазмы источнику. Но задача (как я ее вижу) состоит не в чистом мазохизме, а в сублимации, возгонке индуцированных паров в нечто идеальное — в эйдетические структуры, пригодные для того, чтобы их созерцали ангелы. Может, в истоках была и истерика, и мало ли чего (Когда б вы знали, // Из какого сора…), но я разделяю экзистенциальность как исток — и эйдетичность как результат. В этом смысле (в «ответственных текстах») я экзистенциалист только по проблематике, но не по методу и результатам (хотя, конечно, не мне об этом судить). … Я не «отрицаю» Розанова (что за глупость!), тем более не отрицаю в нем наличия густой (густопсовой), хотя и непереработанной экзистенци-*

альности. Я говорю только, что надо уметь правильно обращаться со всем этим хозяйством, ибо апологеты Розанова, культивирующие по отношению к этому гаду благоговение, приличествующее «нормальным» классикам, теряют единственно ценное, что есть в этой скотине — как раз провоцирующую радикальность и экзистенциальность, присущие этой талантливой мрази.

Твое понимание «радикальности» — из той же оперы; она ассоциируется у тебя исключительно с политической сферой, а я ориентируюсь на другие «маяки». Процитирую «брата Эдмунда» — по-видимому, «главного» из мыслителей нового времени: «Философия по своей сущности есть наука об истинных началах, об истоках, о „корнях всего“ /выражение Эмпедокла/. Наука о радикальном должна быть радикальна». (Гуссерль Э. Философия как строгая наука. С. 55). Заметь, что, как явствует уже из названия книги Гуссерля, для него, в отличие от тебя, радикальность и точность — вовсе не антонимы («Мышление, не поступайся ширью, // Храни живую точность, точность тайн»). Просто он нашел подход к «другой» — не математической и даже не понятийной, а «эйдетической» — точности (Аверинцев называет ее «инонаучностью»). В этом, собственно, и состоит заслуга Гуссерля: после него уже нельзя мыслить в рамках оппозиции экзистенциальность/точность, не рискуя показаться провинциалом. Философское мышление радикально, потому что оно распространяет проблематичность на самое себя (и это степень радикальности, не снившаяся политическим радикалам, опирающимся как раз на догматизм в мышлении). А вот как «живет и побеждает» идея радикальности в нынешней философской мысли. Процитирую очень интересного современного философа Анатолия Ахутина (он из достойной компании Библера-Бибихина): «Осмелюсь допустить, что современная ситуация может быть охарактеризована как философская ситуация по преимуществу, и требуется, призывается ею философ. Не сочинитель очередной спасительной доктрины, а тот, кто способен к само-

му делу философии, к вниманию и вопрошанию, радикальность которого соответствует радикальности назревающего недоумения. И если умственная лень или тяга к духовному комфорту не соблазнят его какой-нибудь соблазнительной доктриной или необязательным остроумием, если он в состоянии не только выдерживать напряжение радикальной озадаченности, но и содержательно осмысливать, развертывать и углублять эту озадаченность — т.е. радикально мыслить, — он уже увлекся тем делом, которым — рискну утверждать — искони занималась философия» (Ахутин А. Тяжба о бытии. С. 22—23). И еще цитата: «То, чем занимается философское мышление, — спорное; то, чем занимается радикальное мышление, т.е. философия, есть само спорное. Не в том дело, что то, чем занимается философия, все еще спорно, а в том, что то, чем занимается философия, спорно само по себе» (Там же, с. 70).

Боюсь, что и наша «тяжба о дисциплине» также основана на недоразумении. Я напираю на «дисциплину» ситуативно, в противовес произволу «самовыражения». Если же сосредоточиться на самой «творческой дисциплине», то твое понимание нисколько не расходится с моим: то, что ты написал о «великом эксперименте» (опытная проверка: приведет ли спонтанная искренность volens-nolens к «следованию архетипам»?), не вызывает у меня возражений. Я думаю, ты тем самым вполне объективно (как ни странно, более объективно, чем профессиональные критики) оценил «подлинный» смысл своего Текста. Что свидетельствует, кроме всего прочего, об абсолютной профнепригодности «критиков» типа Виктора Топорова. Тут своя ирония: ты «получил под дых» от выкормыша своего же кумира Василь Васильича. Но к чести Розанова нужно сказать, что нынешние антисемиты (а рецензия Топорова — откровенно антисемитский текст) утратили все «высокие» составляющие (как-то: религиозное, философское и т.п.) и остались при чистой зоологии («этнопсихология», «прошу прощения за возникающие обертоны»). Никаких красот стиля (ты

правильно отметил языковую неряшливость в употреблении слова «неоднозначный», но таких примеров можно привести из этой относительно короткой статьи десятки) я в этом «переводчике Бенна» тоже не нахожу (ты слишком снисходителен по отношению к этой козявке); вижу только хамоватое невежество вкупе с гебешными навыками. Не забыл «просигнализировать» властям, что р-русские книги за бесценок утекают к жидам; а зачем они здесь, если такие говнюки-якобы-критики даже не знают своих непосредственных предшественников («у какого-то Виктора Исааковича» — он даже не узнал Камянова, замечательного литературного критика!) и думает, что журнал «Начала» (одно из лучших у нас философских изданий) выходит в Израиле? И совершенно параноидальный эгоцентризм: человек уверен, что Костырко дал ему роман Ваймана исключительно для того, чтобы таким косвенным путем намекнуть, что автобиографическая проза самого Топорова (видимо, «Записки скандалиста») — говно. Просто всемирный заговор сионистов какой-то! Какие уж там архетипы! Хотя, конечно, на остро поставленный Топоровым вопрос: зачем нормальным евреям писать по-русски? — ответа нет (я, по крайней мере, его не нахожу). Но возвращаюсь к дисциплине. Сергей Хоружий (дальше пойдет скрытая реклама) в своей последней книге описывает практику «отсечения своей воли» у монахов исихастского склада: «Аскеты проповедуют послушание, а не распинаются о свободе, однако именно начало духовной свободы прочно принадлежат к истокам и основаниям подвига. Умное делание всецело держится на решениях и ответственности самого подвижника. „Отсечение своей воли“, что входит в эту работу, требует подчиняться и вверяться не внешнему авторитету или формальной власти, а только лишь воле Божией — в кою входят через слушание-послушание Традиции. В полном согласии с этой аскетической икономией, „заволжцы“ /речь идет о „заволжских старцах“, последователей Нила Сорского/ остаются равнодушными к внешней дисциплине, хотя именно послушание

является для них основной заповедью и задачей» (Сергей Хоружий. О старом и новом. С. 223). Конечно, стратегия спасения (и, соответственно, сотериологические архетипы) аскета и художника в корне различны, но есть и нечто общее; поэтому их сопоставление могло бы дать очень интересные результаты, которых Хоружий, имеющий (при большом уме и основательной образованности) совершенно превратное теоретическое представление о художестве, получить не может.

Всегда твой
Матвей

22.5. От Бараша: *Вот тебе еще презент, если не видел:.....*

«Знамя» №5'2000г.
Записки отщепенца

Наум Вайман. Щель обетованья.

Весь XX век русская литература обживала новые географические пространства. Революции, войны, эмиграции раскидали сочинителей во все стороны, на все континенты, и возникли в столицах и деревеньках разнокалиберные группы, кружки и союзы, и была когда-то полумифическая «парижская нота», существует сейчас новопридуманная «гудзонская школа», выходят журналы и книги в Австралии, Канаде, ну а в Израиле и вовсе — на четверть бывший наш народ. Причем именно в Израиле могла появиться полноценная автономная литература — не русская — а русскоязычная, — как есть литературы англо-, испано-, франкоязычные. Видимо, могла. Но не появилась; во всяком случае, пока никаких принципиально новых, неожиданных голосов с берегов Средиземного моря до Москвы не долетело. Дважды премированная и шумно расхваленная книга Александра Гольдштейна «Расставание

с Нарциссом» могла быть написана и в Петербурге, и в Париже. Да и книга-то хороша, но не более того. Не шедевр, не открытие. Но при всем при том сочинения израильского эссеиста заметно отличаются от продукции литераторов, проживающих в метрополии, своеобразным покроем, сочетанием свободы с лихостью. У нас такого не носят. А если и примеривают, то очевидно, что костюмчик с чужого плеча, какая-то неестественность, нарочитость хоть чуть-чуть, да ощущается. Разухабистая безоглядность, просвечивающая сквозь тексты Гольдштейна, еще в большей степени характерна для прозы другого русского израильтянина — Наума Ваймана. Его полудневниковая книга «Щель обетованья» размещена в Интернете на страничке «Нового мира», и почему она не была опубликована в самом журнале, ясно любому, проглотившему эту гремучую смесь, где философские рассуждения сменяются бесстрастными, в духе Генри Миллера, описаниями случек, а за бытовыми картинками следуют политические сентенции крайне правого толка, с поправкой на ближневосточную действительность. И никакой политкорректности, выдумки этой заокеанской, Вайман не знает и знать не хочет. Знаменитые бледно-голубые обложки при соприкосновении с сионистским коктейлем воспламенились бы, как бронетранспортер от «коктейля Молотова». За такую прозу премию вряд ли дадут, скорее — кирпичом виртуальным по голове.

В основе книги записи 93—94-го годов, к которым добавлены воспоминания, цитаты, стихи, пейзажи, рассуждения, письма друзей и тому подобный материал, пригодный для изготовления добротного non-fiction. От аналогичной продукции «Щель обетованья» отличается максимально возможной искренностью, стремлением договаривать, додумывать невзирая на лица и обстоятельства. Причем искренность Ваймана — это искренность сухая, жесткая, без кокетства, без юродивого мазохизма,

без размазывания слюней и соплей. В конечном итоге — без литературщины. И желание литературу преодолеть вполне осознанно и акцентировано: «…мне не „литература“ важна, а очень хочется живую жизнь зацепить „пером“, как багром, и вытащить эту рыбу трепыхающуюся на берег текста».

Продолжим метафору: влажное, дергающееся на берегу тело жизни переливается на солнце всеми красками, а потом в специальном аквариуме можно рассмотреть его с разных сторон, в том числе и полюбопытствовать по поводу секса. Соответствующие сцены написал Вайман натуралистично и бесстыдно, не щадя ни себя, ни, скажем так, партнерш. Чистая похоть, триумф обладания. Эта тема — одна из важнейших в книге, и пристальное к ней внимание придает названию двойной смысл, и получается, что в земле Израиля воплощено женское начало, а евреи должны овладеть прекрасным телом, отвоевать его.

Но народ оказался не на высоте: не пожелал продолжать бесконечную войну, поверил недостойным и лукавым вождям, позволил втянуть себя в ненавистный Вайману «мирный процесс». Вот здесь эмоции начинают перехлестывать через край, апология войны, прославление жертвенного героизма, филиппики в адрес левых политиков и признания в любви к террору автоматными пулями несутся в растерявшегося читателя, только что рассматривавшего берега Мертвого моря и вникавшего в литературно-тусовочные перипетии. Велик соблазн заклеймить экстремизм, или отмахнуться от страстей арабо-израильских: сами, мол, пусть разбираются, или плавно перейти к ситуации российской, к нашей войне и к нашим правым. Но это в данном случае ситуации частные. «Сегодня художник должен быть змеей подколодной, жалить, жалить в пяту победоносное человечество, весело шагающее к концу истории», — пишет Наум Вайман. Провозглашен-

ный конец истории его не устраивает, его не устраивает, что вместо человека героического, волей своей творящего историю, приходит скучный обыватель, человек потребляющий. Жизнь, в которой нет места подвигу, — жизнь неправильная, ненастоящая. Поэтому и симпатичны Вайману не только сионистские первопроходцы, с оружием в руках пришедшие в пески Палестины, но и современные сербские националисты, и русские почвенники, коим простить он готов их антисемитизм, и Э. Лимонов со товарищи, и даже, страшное дело, чеченские террористы. «Идеи — ерунда, а вот пламень веры… Он странен и прекрасен. Конечно, ни во что не верить умнее <…> но, боже мой, какая скука! какая тоска берет!» А иным формулировкам позавидовал бы любой фашиствующий публицист: «А для чего вообще мир-то? Что б все жили-поживали да добра наживали? <…> А война — для победы. В войне жизнь цветет, как весенний луг. Война освобождает. Посему и Танатос для меня куда слаще Эроса. Сладострастие смерти. Сестра моя — смерть…»

Право слово, лучше и яснее никто не скажет: да здравствует смерть на цветущем лугу! Но если бы все было так просто и одномерно, то не производила бы книга Ваймана столь сильного впечатления, не вызывала бы столь острого интереса. Нет — как завещал В. В. Розанов, любимый Вайманом, смотреть на предмет следует с разных сторон. И вот он, романтик, признает юношеский неудовлетворенный романтизм «корнем зла», виновным во всех катаклизмах и трагедиях XX в., а война и победа оказываются все-таки для жизни, а не для смерти, и не получается «увязать свою болезненную влюбленность в волю творящую с тотальным неприятием веры, какой бы то ни было, во что бы то ни было». И не получается нигде почувствовать себя до конца своим, и признается Вайман: «…я ощущаю себя и отщепенцем, и бездарью… Да, отщепенство, да, романтический герой-одиночка…» «Романтический

герой-одиночка», пишущий веселый и злой дневник.

Любить жизнь и не любить людей, быть евреем и сионистом и ненавидеть евреев за их слабость, ненавидеть даже за то, что безропотно шли в газовые камеры, мечтать в России об Израиле, уехать и через пятнадцать лет тосковать о России… Что делать с таким мирочувствованием? Конечно, писать книгу, в которой попытаться разобраться в себе, хоть это, наверное, и невозможно. «Щель обетованья» — такая книга. Будучи написанной, она стала еще одним свидетельством состояния человека в 90-х годах уходящего столетия, и, одновременно, она не могла не изменить самого автора, автор, сложив листки в стопку или выключив компьютер, должен был встать из-за стола другим человеком. В доказательство последнего — несколько слов, посвященных Вайману, из статьи все того же Александра Гольдштейна («Бесполезное общее дело». «Неприкосновенный запас», 1998 г., №1): «…книга изменила автора настолько, что у него сейчас даже походка другая, с позывами к переплясу — легкий шаг человека в ожидании скандала и славы.»

Андрей Урицкий

Ура, наконец-то нормальная рецензия! Ай-да Урицкий, ай-да молодец!

Дорогой Саша! Воистину обрадовал — наконец-то рецензия по делу!
Спасибо, что послал!
А как у тебя дела с Кононовым?
Vsegda tvoj
Naum

Дорогой Сережа!

Порадовала меня рецензия Урицкого в «Знамени» (ном. 5). Если не видел, могу перекинуть. Знаком ли ты с ним? Если

знаком, то передай при случае мою естественную радость автора, которого «поняли». Еще пара таких рецензий и можно премию огрести.

Прочитал также заметку Топорова в «Смене», за что тебе также благодарен (весь в долгу!). Статейка, конечно, премерзкая (если не читал — перекину), и «мимо кассы», но зато какой душераздирающий документ человеческий (особенно, если учесть еврейское происхождение автора)!

Привет Ире и Василию. Всегда твой

Наум

Теща (о муже):

— Он меня не уважает! Мы пошли в кино, так он останавливает каждую старую блядь и говорит: «Вы никому не скажете? Можно я вам что-нибудь пожму?»

Николай, привет!

Посылаю вам рецензию Урицкого в «Знамени» — наконец-то по делу. А то все эти «критики» вроде Шамира с Топоровым умудрились создать чуть ли не «отрицательный фон». А что там слышно у Золотоносова, «пишет»?

Вот еще хотел у вас спросить, существуют ли в России (в частности в Питере) толковые литературные агенты такого «западного» типа, с сответствующими связями, которые могли бы толкнуть книгу, скажем, в Америку? И если да, то как с ними связаться?

«Кузнечика» читаю с большим удовольствием (но понемножку) и даже с удивлением — мне кажется это очень необычная для сегодняшней России проза, какая-то забытая уже бережная точность подробностей, можно сказать прустовская, нещадная обнаженность… все это неожиданно среди царящей нахрапистости. Впрочем, дочитаю, потом поговорим.

Что вообще нового?

Наум

Вы с этим критиком не знакомы? Он уже однажды вклю-

чил меня в список 30 лучших писателей десятилетия…

Поздравляю с рецензией Урицкого. Пишу сразу, поэтому некогда «размазывать белую кашу по чистому столу». В плане «содержательно-идеологическом» к рецензии вообще нет претензий: просто здорово все схвачено и отчасти сформулировано. Конечно, мне, как зануде-однодуму, не хватает «архетипцев», но это, по нынешним временам, уже привередливость. Очень рад за тебя: думаю, такие отзывы помогают «противоборствовать судьбе».

Всегда твой

Матвей

23.5. Позвонил Володе. Номер «Сплетения» с рассказом и стихами вышел. Нет, на вечер не придет. «Пошли они все на хуй!» Сказал, что завязал с выпивкой. Даже работает. Ругал, что я не изменил, как обещал, про З., и про Р., которая родила от Ш.:

— Да ты что, спятил! М. же думает, что она от него родила! Да нет, они давно разошлись, но они же ко мне придут, хули я распизделся на всех углах! Нет, я его /брата/ из Иерусалима выгнал, ему нельзя жить в Иерусалиме, сразу спивается, мы и квартиру его продаем. Он в Пардес Кац, садовником, какие-то люди за ним смотрят… Какое-то время они еще встречались, но он же напивается вдрызг, у него белая горячка, он же чуть ребенка ее не убил, на шкаф положил, и ребенок упал, представляешь! Бля-ать! Так хорошо, там ящик с бельем был выдвинут, так ребенок упал в этот ящик, а то убился бы…

От Л:

Андрей Урицкий — оргазм! Он не только название мое правильно вернул, но и почувствовал правильно. Помнишь, когда еще мы только обсуждали с тобой почему твои милуимы всегда попадают на мой приезд, я робко предположила — а может это одно и тоже… помню, как будто вчера, мы

тогда шли с тобой по Dizengof… и ты задумался… а потом я предложила название, до сих пор не могу к хроникам приспособиться… когда записки будут?

Дорогой Немочка!

Сегодня дочитала, доглотала твою книгу. И одного не пойму: какого же черта, чтобы не сказать большего, мы как-то «проскочили» друг мимо друга?

Ведь за моим заразительным смехом и анекдотами — моя душа, полностью солидарная и с книжничаньем твоим, и с правым уклоном, и с юмором; я восхитилась тобой … (нрб.) открыла такую сокровищницу, и начерпалась и ностальгии, и любви, и растерянности, и просто твоей жизни.

Благодарю тебя от всего сердца. Как же хорошо в современной литературе наткнуться на единомышленника! (Не всё же в Монтеня за истинами лазить.)

И почуяла я своим еврейским носом такого истинного друга в тебе, дорогой ты мой человек!

Эх, ебёныть! Посидеть бы, попиздеть с тобой и с водочкой. А то как корабли — проплыли в разные стороны, посигналили только.

Сколько разговоров упущено, для меня важных! Я ж задыхалась в Израиловке без настоящего общения. А с умными мужиками всю жизнь дружу. (Не трахаюсь, а именно дружу! Дружба-то — она прочнее любви.)

Да что теперь… Авось, в письмах восстановим сей пробел. Я тоже люблю письма писать. И всегда на письма отвечаю. Папина заслуга, с кровью вмолотил: «неинтеллигентно, жлобство, плебейство на письма не отвечать!» Он-то у меня простой хохол был, мужик, самородок: московскую консерваторию закончил, языки знал, географию, этнографию — как профессионал. И тонкости душевной был поразительной! Суперинтеллигентный.

Друг его как-то у нас в гостях сидел, русский человек. Начал еврейские анекдоты рассказывать, с акцентом. Папа

молча принес ему пальто и шапку: «Тебе пора домой». Тот охуел, но ушел, потому что тихо было сказано, но как по морде!

А в 53-ем году отца вызвали в органы: — Чего, говорят, ты — русский человек, на фронте 4 года воевал, там в партию вступил (папа говорил, что под пистолетом заявление писал. Ненавидел все это), а на жидовке женился? Хорошо, говорит, я согласен развестись. Только покажите мне приказ тов. Сталина, запрещающий русским на еврейках жениться. Ах, нет такого приказа? Тогда вот вам мой партийный билет. Я в вашу партию не вступал.

(Это при жизни Великого Вождя!) Пришел домой, маме сказал, чтобы чемоданы собирала. Не ровен час — придут. Только смерть ёськина всех нас спасла. А когда мама рыдала, то папа ей сказал: «Между прочим, сегодня умер Прокофьев — великий русский композитор. Вот о нем и поплачь, а не об этой сволочи, которая сдохла.» (Это из-за твоей книги на воспоминания потянуло!)

Мамочка-то моя голубых кровей была дама, царствие ей небесное! Дед ее, прадед мой, столбовой дворянин был 5-ой книги дворянства (а Бунин — 6-ой книги), русский красавец. В Таганроге проживал. Ну и однажды зимой, когда катания были на снегу, увидел, что двух лошадей понесло. А в возочке девушка без чувств лежит. Косы до земли размотались. Он из толпы вышел, даром, что под два метра росту, да и схватил этих лошадей, остановил на скаку. А как на девушку поглядел — взял на руки и в дом свой огроменный отнес. Глаза у девушки были большущие и зеленые, а волосы черные, как ночь южная. И влюбился мой прадед с первого взгляда в красату эту хрупкую и яростную. А девушку звали Лея, и была она единственной дочерью таганрогского раввина. И похоронили ее родители по всем еврейским правилам. Живую. И прокляли. А прадеда моего наследства лишили за жидовку его. Лея христианство приняла. Стала Лизой (мать моя в ее честь названа была), замуж вышла за своего Василия Гавриленко. И три девочки у них были: Вера, Лёля

и Нина — бабушка моя. Красавицы все невозможные. Прабабка моя умерла рано, 40 лет не было. От чахотки. А прадед, в жизни никогда не пивший, начал пить запоем. Не мог без нее жить. И спился до смерти через полгода. Бабушка говорила: «Умирал, плакал, все бормотал — Лея, Лея…» А девочки, все три, повыходили замуж за евреев. Судьба! Бабушка моя «чесала» по-французски будь здоров! И все мои манеры, как жрать, как в обществе любом себя вести, как матом крыть — все от нее! Бриллианты в ушках, и то по-русски, то по-французски эдак изысканно материлась!

Фамилию деда моего не взяла. А фамилия знатная, из португальских евреев — Луцато. Гении в роду были в этом, теософы, мистики, лингвисты. Да и цадик в Иерусалиме похоронен — Луцато. Когда маму хоронила, то ортодоксы спросили, как фамилия. Я сказала, так они все по струнке вытянулись. В книге великих евреев эта фамилия.

А бабуля моя необыкновенная приказала себя на еврейском кладбище похоронить. «Гавриленко Нина Васильевна». Все евреи оборачивались на ее памятник с недоумением.

Кровь-то моя тоже от прадеда насыщена. Случай такой помню. Еду в Питере с работы, в вонючем автобусе. Устала, как зверь! Села на переднем сидении. На хер, думаю. И стоит около меня Дунька какая-то плебейская. Мычит там что-то про то, что расселась тут, нехристи, местов людям не уступают. И вдруг — еб твою мать — кровь: я так к ней поворачиваюсь, и на весь автобус: «Да тебя бы мой прадед на канюшне ботогами бы забил!??» И сама испугалась. Ох, ты — думаю. Чё-й-то я? Но весь автобус одобрительно так замурзыкал. И эта блядь вдруг на «Вы» — «Вы извините, да уж вы не сердитесь». Только что «барыня» не добавила. Тоже кровь ее крепостная сработала.

Ох, распизделась я! Но это ты, талантливый провокатор.

Немка, душечка! Напиши мне письмо. Спасибо тебе за книгу, спасибо за тебя любимого. Живи долго.

Целуй Риммочку, красавицу мою и умницу.

Обнимаю. Твоя (и ваша тож!)

Наташка

P.S. С праздником Победы! Грустный праздник, но праздник.

24.5. Всю неделю не звонил и встречаться неохота. Перетрудился в последний раз? Получается, что меня привязывает к ней возможность самоутверждения. Как единственная женщина, с которой мне не стыдно за мои мужские возможности. И вот в последний раз мне показалось, что я выдал все что могу в этой области. И получилось, как в теннисе, как только чувствую, что играю хорошо, что все получается, сразу интерес к игре пропадает, ты уже себе доказал, что можешь, а результат не важен, не на деньги же…

Дорогой Наум!

Хорошая статья, я этого человека не знаю, но он умен и воспитан в отличие от многих мудил.

Вообще-то я тут в Доме книги побывал: вижу на «Хрониках…» надпись «последний экземпляр». Хорошо. Мой приятель Дима, покупающий все наши книжки, прочел и поначалу ругал, но ругал заинтересованно, но потом полюбил, даже перечитал, а он — человек умный, хоть и не литературный, и теперь говорит, да, «Хроники…», вот в «Хрониках…». Думаю, он не одинокий читатель.

Так что успех есть.

Про Золотоносова не знаю, он человек скрытный и на дачу укатил.

Но город гудит. Мне нравится этот звук.

Спасибо за слова о «Куз-ке» я к нему очень трепетно отношусь, видимо, возраст. Тут я промокнул слезу. Вообще, если мысли есть, черкните. Я тут книгу рассказов утюжу мучительно, поэтому мне все слова важны.

Не хотите ли приехать в вітчизну? У нас тут летом ой как хорошо. Можете у нас и пожить. У меня есть мастерская

с видом на Неву. Рядом с Летн. Садом.

На мой роман появл. рец-зии, вот в сети на сайте вести Славик Курицын что-то выклевал.

Ваш НК

Пишите

25.5.2000. Поехали с Р в Музей. Рассказал о статье Урицкого. Радостно сжала руку.

— Ну, ты счастлив?

— Не знаю…

— Не кощунствуй! Ты посмотри, как все хорошо: от работы освободился, книгу выпустил, она пользуется успехом — ты будешь вспоминать об этом времени, как о самом счастливом!

— Наверное. Только не умею я быть счастливым…

И правда, почему-то грустно было, только ее сияющие глаза заставляли улыбаться… Музей оказался закрыт: привезли какую-то выставку и разбирали ящики. Получил выговор, как «заведующий культмассовым сектором». Пошли к Центру Голды, кофе попить, но по дороге уселись на скамейку в объятиях кустарника, с краю, где тень. Было нежарко, но хотелось пить. Сидели в обнимку, иногда целовались. Мне было грустно. А сейчас совсем-совсем… Сказал, что наверное ей повезло, что начала с взрослым мужиком, и с тех пор у нее счастливая сексуальная жизнь, а если бы начала с мальчишками…

— Нет, я с мальчишками не могла, они были такие противные, сразу потели, краснели, слюна на губах… Да, может быть мать действительно так подстроила, водили же отцы своих сыновей в публичные дома… Мне муж рассказывал, что в первый раз у него ужасно нелепо вышло… А с этим, первым, роман фактически длился десятки лет… Ну, минимум пару раз в год встречались… Конечно, я была в него влюблена. Мама даже ему как-то сказала: эх ты, дурак. У него очень неудачно сложилась семейная жизнь, его жена была умницей, Университет с отличием кончила,

занималась теоретической физикой, а сын у них получился какой-то неудачный… и у него вечно были любовницы, в открытую… он как-то встречал меня, а я на поезде приехала с дочкой, она совсем маленькая была, а он еще на мужа моего очень похож, даже зовут также, и дочка как обняла его, и он закричал: хочу дочку!, а жена рожать не хотела, так ему любовница родила дочку, и тогда и жена, от большого ума тоже решила, и девочка родилась с ужасной болезнью, когда прямая кишка и влагалище совпадают, и когда она какала, то выходило отовсюду, ужасно, ей кучу операций сделали, в результате она выросла не вполне нормальной, работать не может, сейчас ей уже лет тридцать…

И опять она упрекала, что я не захотел с ней в Иорданию ехать, а она так хотела, и про то, что я не хочу, чтобы она меня любила… Потом и она загрустила, сказала: «Мое время прошло…»

… — Я сидела за столом с Рувеном и еще одной училкой, так она сняла туфли, мне пришлось пересесть. А Рувен ей такую рожу состроил, она говорит: «Ма, реах?» А Рувен: «Ло, сирахон.»[1] Та засмеялась, с такой милой непосредственностью, говорит: у меня и дома так, муж тоже жалуется. Представляешь?

— Был же, — говорю, — старый анекдот, как марокканец пришел в Париже в бордель, бросил мадам какую-то крупную сумму и говорит: дайте мне самую грязную и вонючую проститутку. Та ему говорит: месье, за такие деньги мы вам дадим нашу самую лучшую… Да нет, говорит, я по дому соскучился.

Израиль вышел из Ливана, кинув союзников. По ТВ демонстрируют кадры национального унижения: Хизбалла угоняет брошенные у самой границы грузовики, растас-

[1] «Что, пахнет?» — «Нет, воняет.»

кивает неэвакуированные склады, танцует вдоль границы с автоматами, празднуя победу. Позвонил Арик. Голос дрожит. «Такого позора еще не было.» Я равнодушно соглашаюсь. Утешаю: «Чего ты так волнуешься: холера протекает нормально.» Ловлю себя на том, что его взволнованность меня раздражает.

26.5

Читаю «мемуары» Бальминой. Пишет о своей тусовке, и тоже без «псевдонимов». Как-то инфантильно, и без капли юмора.

27.5. Махнул в Иерусалим, к Володе. Привез ему книги, деньги на книгу про Анечку, рецензии, забрал «Сплетение». У Володи сидел молодой человек, предложивший сыграть в шахматы. По ходу дела он забил косяк. Играл слабенько. Володя пока читал рецензии. Потом гость отчалил и Володя заварил чай. Хвастался, что влюбился в совсем молодую девицу, 25 лет. С Люсей решил завязать. Но завязать с ней было так же тяжело, как с косяками, винтами и просто водярой. Позвонили Дане, я думал преподнести ей книжку, но Дана «не приняла», они с Некодом заняты, готовятся к вечеру, «может вы останетесь до вечера, тогда…». Я сказал, что передам с Володей. Положив трубку, вдруг разозлился: в альманах меня не включила, и даже видеть меня не хочет, надо же какая мстительная. Пожаловался Володе. Тарасов хмыкал: «Не ценит она тебя, как поэта, совсем не ценит». Стал я сочинять дарственную надпись. «Знаю, как ей отомстить, — говорю, — вместо «Дане и Некоду», напишу «Некоду и Дане»!» Володя расхохотался. «Нет (я весь кипел), я напишу: «от НЕКОДышного поэта и ДАНЕльзя сильного прозаика». Володя продолжал радостно хохотать. Тут раздался телефонный звонок. Володя ушел в другую комнату, вернулся, матерясь: — Такое впечатление, что она слышала наш разговор!

— А что такое?

— Смертельно обиделась и хочет со мной порвать!

— Кто?!

— Дана, Дана!

— За что?!

— Да Люся ей сказала, ссылаясь на меня — пулеметная очередь мата, — что в субботу больше вечеров не будет. Ну в самом деле, нельзя заставлять ее работь в субботу бесплатно, я и Дане сказал, что она устала…

— Аа, вечер в магазине что ль намечался?

— Ну да!

Через некоторое время он позвонил ей, объяснялся. Слышу: «Люся переврала все, я такого не говорил…»

Читаю его стихотворение с посвящением «Анечке на тот берег»:

— Зря ты про Бродского тут, не надоело его лягать?

— Да просто так оно и было! Я ж его вызвал! (На спиритическом сеансе.) Я сначала Маяковского вызвал, а потом его! Так знаешь, что он мне, сука, сказал? Ты, говорит, только что Маяковскому жопу лизал, а теперь мне полижи, вот сука! Я с Анечкой…

— Ты ей привет передай, — вдруг сказал я и не поверил своим ушам, вроде не пил. Он расхохотался.

— Да она всегда здесь. Уже получила привет твой.

Он отошел к окну, куря.

— А вообще ты здорово раскрутился… Молоток.

Потом задумчиво:

— Значит продолжаешь хроники…

От Мерлина:

Извини, Наум, что так долго ничего не писал о книге. Сегодня взял ее в руки еще раз и вспомнил свое первое впечатление: для меня это не хроника и не политическая публицистика, а некий опыт, разработка приема, разработка возможности письма — возможности Ich-erzahlung. У тебя автор превращается в персонажа просто в силу честности письма, без «лепки образа» и нарциссизма. Нечто похожее

делает Эдуард Лимонов, но по-моему, он не понимает что он делает. Дневник — самый лживый жанр, даже личный дневник. Ты написал нечто другое — несфокусированное повествование, хроники без позиции (потому что сама позиция становится объектом изображения). При этом ты не отказываешься от позиции, не преодолеваешь ее и не возвышаешься до «объективности»: ты НЕ стремишься занять метапозицию. Я бы назвал это честность как прием: честность вся уходит в прием и не приносит нарцистической выгоды.

31 мая на крыше будет мое выступление — приглашаю. Буду читать статью «Производство удовлетворения. Краткий очерк политэкономии социализма».

V

29.5.2000. Вчера был вечер «Зеркала» в Бейт Лесин, под патронажем Мирры Борисовой, этакой милашки-пирании, подвизавшейся на ниве «культуры» в отделе абсорбции тель-авивской мэрии. Лапала меня по-хозяйски и интимно скалила острые зубки, а когда я, по-девичьи потеряв бдительность, доверительно пожаловался, что бедные литераторы мерзнут на сцене под кондиционером, нельзя ли чуть-чуть.., она вдруг взорвалась: «Мне публика важна, плевать я хотела на ваших литераторов!»

А публика собралась, не подкачала, человек сто тридцать, а может и больше. Ира поведала о содержании очередного номера, Бараш почитал старые стихи Красовицкого, потом позвали меня. Я взлетел на сцену, задрав ножку и взмахнув руками, как крыльями. Озорничал, шутковал, резвился. «Диалога» с Шаусом не вышло. (Жанна потом сказала, что я был похож на человека, на которого все время пытаются надеть смирительную рубашку, а он пытается вырваться. Еще сказала, что взяла мою книжку на работу и в результате целый день ничего не делала, читала, проглотила треть книги.) Потом Бараш читал отрывки из мемуара Смирнова о Бокштейне, Гольдштейн рассказал о Пепперштейне и его герменевтике, а заодно о москов-

ском концептуализме. Народ захрустел зубами, силясь понять. Вдруг на сцену полез Шамир и, выставив публике задницу, вступил в переговоры с президиумом, то бишь с Ирой. Ира решила, что легче дать, чем спорить, и Шамир, который в программе не значился, взял микрофон и, похвалив Гиршовича (даже почитав отрывок), неожиданно покатил бочки на мою писанину, мол, за пределами художественности («от того что человек написал о том, как он утром поехал из Холона в Бат Ям, он еще не становится описателем нашей жизни»), хотя ко мне лично он «очень хорошо относится». Я почему-то расстроился и, увидев обидчика в фойе, не выдержал, потребовал объяснений. Шамир сладенько улыбался, и я догадался, что еще дал гаду насладиться укусом, то есть проиграл, блин, по всем статьям. Это окончательно испортило настроение. Немного утешил Бараш, стал читать свои стихи — даже для его уровня совершенно беспомощные. В конце с гордой небрежностью бросил публике, что скоро у него в известном петербургском издательстве выходит книга… А мне жаловался, что Кононов, жлобина, заломил две тысячи, но не на того напал, и он, Бараш, сбил цену до полутора тысяч (за 60 страниц!), сошлись на 1510, «представляешь?! все-таки десять долларов впилил мне!» Я подумал про надбавку для хранителей священного огня за трепет причастности, но пошутить не решился: Бараш был зол на полном серьезе. В перерыве, отвечая взаимностью, я всплакнул ему в жилетку, обидел, мол, Шамирушка. Бараш, в этот момент воровато обменивавшийся книжками с замечательным поэтом земли ханаанской Игалем Хагаем (воровато, поскольку считал, что с ним «стыдно рядом стоять»), сначала расстроился, что я его застукал за постыдным занятием, но, услышав мои жалобы, расплылся от удовольствия и преисполнился участливой доброжелательности: да плюнь ты, старик, да никто не понял про кого, и вообще, упоминание приводит к переизданию, ну а Шамир — подонок, это все знают…

Потом Сливняк выступил, поведал что-то эпическое про евреев. Народ сразу косяками повалил к выходу. Гробман опять читал про говно и интимные места: «Раздавил говно ногою/Но подошву не обтер//И дорогою прямою/К другу верному попер. /Говорит он — Очень странно/Чем воняет от окна/Может из аэроплана/Кто-то высыпал говна», но после Сливняка это было тепло принято. Публика, уже дрессированная, в нужных местах, про говно и женские половые органы, понимающе хихикала. Саша Гольдштейн прочитал отрывок из новой книги. Приняв позу литературного Че Гевары, призвал обездоленных на баррикады. Не понравилась мне эта погоня за модой на разудалую разрушительность, явно с чужого плеча был неотроцкистский костюмчик. Да и вообще я этих «обездоленных»... приковал бы покрепче к веслам.

30.5. От Л: *как прошел вечер?*

Было много народу. Продал 10 книг. Укропчик опять обосрал.

Вчера подались на новую квартиру к Каневскому. В последнее время, на очередном витке политических разочарований, он страшно активен, что раздражает. Нет бы мне вечер устроить, а то какому-то Фазилю Искандеру... Еще жена заставила взять бутылку: раз идешь к человеку в гости... Вот и получается: тридцатник Каневскому для Фазиля (просили скинуться на поддержку таланта), и эта последняя в моем баре бутылка стоила в свое время шекелей сорок, плюс книжка, которую Фазилю всучу (для чего ж еду) — тот же тридцатник, вот и набегает на сотню. За счастье лицезреть. Приехали с благородным опозданием, но, как выяснилось, недостаточно благородным — людей еще не было, только пустые пластмассовые стулья в салоне. Поахали-поохали: какая замечательная квартира!

— А где сам? (Всучить книжку и смыться)

— Он, знаешь, устал, отдыхает. Как соберемся… Я книжку твою еще не дочитал, но… вопросов много, надо поговорить, как-нибудь соберемся…

Народу явилось с чертову дюжину, итээры под шестьдесят с гуманитарным томлением. Каневский жужжал радостной пчелкой, собирающей нектар. Я дал ему две двадцатки: «Ты говорил тридцать?» (С робкой надеждой на сдачу.) «Ну, надо накинуть, хотя бы сороковник…» Пришлось согласиться. Тем самым я вылез из сотни, с которой уже худо-бедно простился, и это мне сразу не понравилось.

Начитанные итээры расселись, и вышел Фазиль с женой, кудрявой блондинкой помладше (лет на 10—15). Обрадовал бодрым, подтянутым видом (последний раз, когда я видел его по телеку, он был сапсэм плох: таращил глаза, какой-то болезненно-безумный вид, и нес что-то гневное про страну, которая куда-то там катится). Голос твердый, уверенный, степенный, без всяких признаков раздражения. Чуть поклонился. Каневский, задыхаясь от счастья, попросил почитать. Фазиль открыл объемистый том из нового собрания сочинений и стартовал с «раннего» рассказа «Начало». Когда дошел до фразы о том, что юмор — это состояние, в котором оказывается человек, который в отчаянии дополз до края пропасти, заглянул в нее, но и там не найдя ничего хорошего, пополз обратно, я сразу вспомнил (боже ты мой, 30 лет с лишним!), как Зус, напротырку попавший на Искандера в Доме Актера, с восторгом рассказывал мне о вечере, приводя эту сентенцию, и мы потом ее тиражировали, хвастаясь причастности славе мира и его мудрости. В ту пору Зус осваивал «дома»: сначала Актера, потом Композитора, потом даже Журналиста, действуя через вахтерш и уборщиц, что требовало некоторых расходов на цветы и конфеты, зато окружало его в глазах некоторых приятелей, а прежде всего приятельниц, ореолом небожителя. «Я вчера был в Доме Композиторов…» Все-таки две крепости так и не пали

перед его натиском: Дом Кино и Дом Литератора, попасть в который («мы вчера пили в Доме Литератора, кстати рядом Евтух с кем-то бухал, наклюкался!..») было все равно что побывать на приеме в Букингемском. Зато Композиторов он освоил прочно и ходил туда, как в свой клуб. Но чтобы попасть с его помощью на действительно интересный просмотр или концерт надо было пройти у гада ряд унизительных процедур, и его услугами я пользовался не часто, а потом, возможно, из-за этих унижений, на много лет, почти до самого отъезда, перестал с ним общаться. Однако я отвлекся... После «Начала» прочитан был рассказ о том, как однажды к нему, Искандеру, уже известному писателю, пришел фотокорреспондент, фотографировать для журнала, рассказ, что называется «юмористический», для эстрады. В первом все-таки была некая ирония, хотя и беззубая, а этот — для смеха. Прочитав, Искандер сделал паузу в надежде, что свое отработал, но Каневский, растянув рот за уши, попросил: что-нибудь подлиннее. Пришлось прийти старичку на помощь (а старичок может вовсе ее и не требовал!):

— Да хватит человека мучить, давайте просто побеседуем...

— Ну, давайте сделаем перерыв, — уступил Каневский, — может, какие вопросы возникли. Но потом вы нам обязательно еще почитаете?

Перешли к вопросам.

— А евреи в Абхазии есть? — спросил пожилой, загорелый итээр.

— Знаете, я последние полвека живу в Москве, точно не знаю, но раньше много было евреев, и, надо сказать, они были довольно некультурные, даже неграмотные, я имею в виду местных евреев, а российские были, конечно, покультурней: врачи, инженеры...

— Мы в последнее время узнаем много нового, — начал другой итээр, — в частности про караимов, я вот недавно слышал по радио..., и подумал, может, абхазцы это отбив-

шиеся караимы?

Завязался спор о происхождении народов, в котором Искандер принял активное участие и без тени высокомерия, ну и, конечно, про «нынешнее положение» рассказал, о войне с Грузией, как грузины унижали абхазов, как теперь трудно, родина в пыли, все это ужасно, хотя он уже давно на родине не был… Вопросы о проблемах нацменьшинств в бывшем Союзе продолжали поступать, один так и спросил: «Вот вы, как представитель нацменьшинства…» Но Искандер не стал обижаться. Я еще раз попытался сломать струю:

— Скажите, а каких современных российских писателей вы больше всего цените, или, скажем, кого вам интересно читать?»

— Ну, вот Маканин, да. Распутин.

Подумав, добавил, что последнее десятилетие не дало ничего интересного русской литературе. И вообще, когда страна в таком положении, писать очень трудно. Кто-то спросил:

— А кого из израильских писателей вы могли бы отметить?

— Вы бы, — говорю, — спросили: кого он знает.

Нет, он не знал никого.

— Ну вот сейчас, меня засыпали всякими журналами, приеду домой буду читать.

— А как вам Израиль?

— Ну что.., люди очень доброжелательные, спокойные…

— Спокойные?! — С этим присутствующие никак не могли согласиться.

— Нет, знаете, вот так мне показалось. Ну и, конечно, всё по-русски, это так странно… Меня же пригласила Лариса Герштейн на вечер в честь Окуджавы, ну, я выступил,… было просто невероятное количество народу, просто невероятное, так тепло принимали, так здесь ценят… (Хранители священного огня!)

Все-таки Каневский заставил его прочитать еще один рассказ. Искандер достал листки:

— Вот, последний, написан по дороге…

Рассказ был о том, как тучи червей съедают весенний цвет, но на аллегории он не остановился, «Россия гниет с юга, где теплее…».

— Как-то не хотелось бы на такой трагической ноте закончить…, — Каневский уже не читки требовал с актера, а полной гибели всерьез. Но кто-то робко сказал, что завтра на работу, началось шевеление стульями, и Каневский покорился, отпустил таки Искандера, торжественно закрыв вечер. Тут маленькая, полненькая дамочка с красным лицом и реденькими белыми кудряшками выхватила из сумочки фотоаппарат и, опрокидывая стулья, бросилась к Искандеру с криком: «Изя, Изя! Сфотографируй меня рядом!» Она встала рядом с великим, как пионерка около знамени, вся раскрасневшись и чуть не плача от счастья.

— Разве в Москве удастся так сфотографироваться… — запричитала.

— А вы едете в Москву? — с олимпийской ласковостью спросил Искандер.

— Мы? Да, через неделю возвращаемся, мы тут в гостях…

Только тут небольшое облачко набежало на чело знаменитого писателя. Я все-таки протиснулся к нему, по-военному представился, пожал руку и всучил книгу: «Читайте!» Искандер растерянно улыбнулся: «Да-да, конечно…»

В машине со мной случилась истерика. Орал благим матом.

— Ты мне должна сорок шекелей! За бутылку! Ты меня заставила ее взять!

— Хорошо, — тихо согласилась жена.

Но ее уступчивость меня не примирила.

— Ужас! Кошмар! Зачем это Каневскому, зачем?! Великого писателя принял?! Погутарил о караимах?!

— Да просто он с Ларисой дружит, и она его, наверное,

попросила, дала писателю немного подзаработать…

— Подзаработать?! По десять долларов с пары — ему и сотни не собрали! Что, ему нужна сотня долларов?! Так убить вечер! Я не могу понять! Я не могу понять!!

31.5. От Л:

Приснилось, что ты у меня в гостях и показываешь моему мужу книгу, а я ужасно переживаю. Ведь так старалась, прятала… и на тебя злюсь сильно…

Позвонил вечером Гольдштейну. Поговорили о вечере «Зеркала». Сказал ему, что Бараш прочитал очень плохие стихи. Он сразу согласился: «Да, на удивление. „В Шереметьево-два приехал Бараш-два“, — процитировал. — Хуйня какая-то». Матерится он не часто, так что я рассмеялся. А вообще в тоне его было желчь. И это мне понравилось, это нас сближало. Он посетовал, что давно не виделись, как в прежние времена. Я сказал, что вот освобожусь через пару недель, тогда непременно…

1.6. Утром, перед теннисом, полистал две книжки, которые валялись на столе, подаренные еще на вечере. Стихи Палвановой, вкрадчивой восточной дамы, с рисунками ее мужа, рисуночки ничего, а стихи… «Что ж мы за люди такие — евреи?/ Книгу из книг на себе принесли…/ Невыразимо в краю нашем веет/ Сдавленной бездной Святой земли.» «Зина замечательно выглядит», — сказала жена после вечера.

Юлия Винер, когда книгу дарила, игриво просила обратить внимание на рисуночки: «Сама сделала! На компьютере, правда здорово? Вот! Лошадки такие, правда симпатичные?» Стихи — про наступающую старость и одиночество, жалоба рядится в подчеркнутую сухость перечислений, но от этого становится еще более жалобной. И бедные какие-то стихи. Бедность, как прием. В молодости была ничего. Даже сейчас, если бы не корсет вокруг шеи (слома-

ла себе шею в автоаварии)…

В Музей Р не захотела: «Я сегодня злая.» Переживает, что ее со второй работы уволили. «Мне стыдно. Неужели я неудачница…» Утешал как мог. Поехали в Виноградники Иосифа. Сидели на пологом склоне холма, она на стульчике, я на пне. Подарил ей номер «Сплетения» с посвященными ей стихами. Но и это ее не утешило. Потом легли на подстилку. Целовались. Счастлива и горда за дочку — шикарный дом купила в Америке. Как всегда рассматривала меня, как под микроскопом: «Ты знаешь кто ты? Ты — рысь! Вон у тебя кисточки на ушах!… А тебе говорили, что ты в последнее время стал еще красивее?»

2.6

Позвонила Жанна, сказала, что книга ей понравилась больше, чем она ожидала.

— Живо, «видно» то, что ты описываешь, характеры, ситуации. Ирка (бывшая жена Маркиша, она с ней дружит) тоже прочитала, да, говорит, не без таланта, я прочла залпом, но знаешь, выпирает все-таки это «я — головка от хуя». Надеюсь, ты не обидишься? И еще там у тебя один момент, когда ты пишешь: «адрес нам дала подруга жены, которая была его любовницей…», а я никогда не была его любовницей.

— Ну, слушай, я это так написал, там же ни имени, ни инициалов, никаких обстоятельств, вычислить тебя невозможно, да и…

— Ну да, понятно.

Гуляли с Озриком. Наставлял меня на юмор. Мол, это единственное, что остается. «Юмор интересней секса».

Леша, привет!
Был ли уже в Москве? Если да, то что интересного?
Кстати (о бывших империях), с Сеяном я разобрался:

купил Диона Кассия на английском и сердобольные люди перевели. У него действительно о Сеяне довольно много.

Получил ли ты, наконец, мою книгу? О ней пишут, «тут» и «там» (вот даже в «Знамени», в майском номере, была рецензия, почти на ура). Поскольку я еще ношусь с ней, с книгой, как дурак с писаной торбой (пытаюсь, вот, на иврите издать), то у меня возникла мысль: а нельзя ли сделать на «Свободе» передачу о великом летописце Ханаана? Может, напишешь что-нибудь? А иначе завалюсь к тебе в гости, что представляет большую опасность для твоего автомобильного парка.

Краве привет.

Всегда твой

Наум

4.6. Жена ездила в Кейсарию с подругой, на «Турандот», спектакль шел в римском амфитеатре. Вернулась в полвторого. Быстро заснула, а я до утра проворочался, думу думал. Конечно у нее кто-то есть. Не может не быть. По двум простым причинам: во-первых, месть. Невозможно предположить, что она вот так простит все эти «разоблачения». А, во-вторых: заметное, резкое падение активности. Раньше покоя не давала, а теперь… Вот, почитай почти неделю не «общались», пришла после театра, а она всегда после театра приходит особенно возбужденная, и сразу в храп. Да нет, невозможно это объяснить снижением гормональной активности. Не настолько же. И если раньше она, пока не кончит, не отпускала, а теперь все торопит («ну, давай, иди, иди скорей в дырочку…»), и никаких ухищрений. Мол, давай, мужик, сливай, уж раз накопилось, и оставь меня в покое. Единственное, что смущало в таком простом и напрашивающимся выводе, что никакой искусности она не обрела: мне кажется, что женщины, имеющие любовников, должны как-то повышать квалификацию… А может скрывает в целях конспирации? Или настолько в сексе бесталанна, что даже любовник не пробу-

дил изобретательности? Хотя, конечно, смотря какой любовник. В оральном сексе всегда была на редкость бездарна. Даже при моем коротком дон-жуанском списке, по крайней мере три в этом деле были мастерицами-кружевницами. Вспомнил, как сказал Р, когда у Музея на скамейке миловались: «мало у меня было женщин, к сожалению…»

— Мало — это сколько?

— Ну, не больше тридцати…

— Это мало? А сколько — много?

— Много — это хотя бы сотня.

— Разве это так важно, количество?

— Да, это как бы статус. Да и женщины, мне кажется, всегда хвастаются сколько у них мужиков было.

— Не знаю, я никогда не хвасталась. И было у меня может трое-четверо. Но зато я была с ними счастлива.

— Трое-четверо? Ну, а так, всякие…

— А «так» — я не считала. Да и какое это имеет значение? У меня была знакомая, которая в день могла не знаю сколько пропустить, где только не трахалась. Но она была фригидна, она все время искала…

Вот так и ночь пролетела. А что я так забеспокоился? Ревность? Или обида на сексуальное невнимание? Ну, есть у нее кто-то, и что с этим делать? Отомстить любовнику? Бедняге, небось, приходится ухищряться, а тут — вот оно, рядом… Сделал движение навстречу: полез к ней под одеяло. Но она что-то пробормотала и отвернулась.

Встал рано, надо было разбудить младшего, два дня уже на побывке, а мы его почти и не видели. Спал, уезжал куда-то, опять спал. Присел на край кровати и потряс его за плечо. Он зевнул и перевернулся. Уже мужик, совсем взрослый…

Когда проводили его, жена виновато кружила вокруг меня, хотела «вину» загладить, но я держался, мне сегодня силы нужны. Когда уходила, обняла:

— Ну, мы сегодня вечером уже «поговорим», наконец?

От Цветкова:

Во-первых, не пугай — грозишься приехать, так уж приезжай.

Во-вторых, посланных книг до сих пор нет. Уже и со скидкой на сухопутную почту должны бы появиться. А передачи на такие темы у нас делают Юрьенен или Толстой, а им не мешало бы показать книги, еще лучше автора.

В-третьих, в Москву я отправляюсь только 14 июня. Вернусь к концу месяца, тогда и отчитаюсь.

Сумрак дешевого номера. Когда на втором заходе почувствовал, как все ее нутро закипает, и паровоз нашей гонки, дрожащий, разогнанный поршнем до предела скорости, вот-вот сойдет с рельс, взлетит (брови ее подняты в изумлении, глаза закатились и рот раскрылся), вдруг — страшный, нечеловеческий вопль кота за окном, долгий, душераздирающий. Мне стало смешно, а она, кажется, ничего не слышала, открывала рот, как рыба на берегу, а кот орал дьявольским криком.

… — Гордись, ты меня сегодня затрахал.

А я гордился, и вот чем. Во второй раз так и не кончил. И она меня отпустила. Ей было достаточно. А я не кончил. Вот это славно. Это по-нашему, по-китайски.

Настало время игр. Прилаживала к головке белый колпачок от бутылки с минеральной водой: «Гуцул!», потом — красный: «Турок!»

Когда одевались, в соседней комнате стала громко вскрикивать женщина, такими испуганными, как от боли, вскрикиваниями.

— Все-таки здесь блядюшник. Там было тихо… Хорошо ей… А ты любишь, когда женщина кричит?

— Вообще-то мужчинам это нравится.

— Я тоже люблю покричать, но ты же мне запретил?

— Я не люблю, когда это слышат другие.

— И сам такой молчун. Иногда только: «больше

не могу!» И такую рожу скорчишь, как будто ужасно об этом сожалеешь. Я уж десять раз кончила, а ты: «больше не могу!» (передразнивает).

Поехали в Яффо перекусить. В облюбованную башню. Как всегда — никого. Внизу море искрится. Моторная лодочка носится по заливу. Быстро умяли креветки с грибами, беленьким винцом запили. Под старые шлягеры: Том Джонс, Адамо.

… — Опять мы вернулись в наше лето… (Как-то сказал ей, что мы родом из лета 62-го.) … Я все вспоминала, как ты мне рассказывал, что вы девчонок на квартиру приглашали, а они вам не давали. Это так странно. Для чего ж они тогда на квартиру шли?

— Это было как культурное мероприятие, музыку послушать, познакомиться с ребятами, потанцевать.

— Ну да. А после?

— А после… Было такое мнение, что если сразу дашь, больше не увидишь. Оправданное мнение.

— Ну и что? И потом, можно ведь по ходу дела понравится.

— Не знаю. Факт, что, как правило, не давали.

— А по-моему, надо было просто поднажать.

— Изнасиловать что ль?

— Ну так, немножко. Наверняка они этого хотели.

— Не знаю… Ты понимаешь,… как ни странно, не это было главное.

— А что же? Ты ж сам говорил, что бегал с задранным хвостом.

— Да, но… Хотелось, конечно, «разрядиться», но вот может поэтому девушки и не хотели служить стаканом для слива-сплева. Девушки замуж хотели, или хотя б… романтики. Да и мы искали чего-то более интересного, чем просто…

— Трахаться?

— Да, не все так любят трахаться, как ты.

— Ну да, ты мне уже говорил, что не любишь трахаться.

Я так и воспринимаю, что ты приносишь себя в жертву.

— Ну…

— Только как это сочетается с тем, что тебе так важно количество?

— Важны победы. Только смотря какие. Легкие не интересны. Я не кочевник: взял город, разграбил и — айда в степь. Покорить богатый город, заставить его признать твою власть, платить дань…

— Ну, а было так, что вдруг нравится женщина, и ты ей…

— Было. Вот тут, конечно, надо сразу… Но это уже зависит от обстоятельств, иногда негде…

— Что значит негде! Тут нужно просто обязательно и сразу! Я ужасно ценю вот такие неожиданные вспышки. Однажды мы просто вышли из дома и в сугробе. Здорово!

— В сугробе и застудить можно кое-что.

— Ерунда, когда так разгорячились, никакая простуда не возьмет.

— Последний раз, я помню, это было на вечеринке у Матвея, в 91-ом, мне вдруг понравилась жена одного литератора, и она тоже, как ты говоришь, вспыхнула…

— Ну?! — она крепко сжала мне руку.

— Ну что, где ж там. В туалет что ли тащить.

— Ну! Почему нет?

— Ну да, и муж рядом, он и так сразу забеспокоился…

— Ну и что! Подумаешь, муж рядом. Мой тоже был рядом, загорал на берегу, пока я в номер поднялась. Взглядами обменялась, и все.

— В Тайланде что ль? — проколола ревность.

— Ну почему в Тайланде. Что мы нигде с ним больше не отдыхали… Так что, ты так ничего и не сделал?

— А что можно сделать. Вышли на балкон, взял телефончик.

— Позвонил?

— Позвонил, но…

— Да, тут если сразу не взял, потом и не нужно.

5.6.2000. От Л:

«…на юге пьют с рассуждением, помнят, что еще недавно у каждого было по четыре жены… и каждой надо картошку натереть…» Л. Гиршович. А как у вас дела насчет картошки?

Дорвалась до паутины — сын уехал на выходные. Приснилось будто мы с тобой гуляем то ли по Иерусалиму, то ли по Толедо, узкие улочки старого города, свежий воздух и яркое солнце. И мы кушаем шуарму (?) и касания… ладонями и грудью о плечо и волосами за ухом, и поцелуй, но такой девственный… и вот твои мягкие губы до сих пор я чувствую… а главное во сне никаких волнений, счастливый такой сон, солнечный…

Заказала билет в Израиль с… июля, по… августа. Сестра едет в отпуск, нужно побыть с родителями.

Я рад, что ты приезжаешь. А нельзя подольше побыть?

От Макарова-Кроткова:

Наум, привет!

Хорошо, что много отзывов, но я как-то не заглядываю в последнее время в журналы, а потому и ничего не видел. В кулуары я тоже не часто захожу, потому не знаю, говорят ли что…

А в Египет ездили, так как туда у нас самые дешевые зарубежные туры. К вам будет раза в два дороже.

С августа прошлого года я тружусь в одном издательском доме в качестве копирайтера, то есть сочинителя рекламных текстов. Но самое неприятное в этой работе, что я должен с 10 утра до 7 вечера ежедневно там присутствовать. Это на меня крепко давит.

Вот такие пироги. Привет от Стеллы.

Саша

Так что, с рубинштейнами и кибировами в «Бистро»

больше не ходишь? А с кем общаешься, по литературе? Что сам пишешь? Что вообще нового в Москве? О чем, о ком шумят? Видел тут Фализя Искандера. Спросил его, кто, по его мнению, сейчас самый-самый. Он говорит — Маканин. Вот какие пироги, как вы изволите выражаться…

Стелле привет. Всегда ваш

Наум

Леша, спасибо за адрес. А если я пошлю на твое имя книгу для Юрьенена (как его зовут, кстати?), тебе удобно будет ему передать? Или, может, прямо на его имя по тому же адресу, с сопроводительным письмом?

Наум

6.6.2000. *Привет, Наум!*

С рубинштейнами и кибировами я продолжаю периодически выпивать. Но какие это «кулуары», это просто друзья. В «Бистро», правда, не ходим. Ходим в другие места. Например, открылся в Москве клуб «Проект ОГИ». Там и вечера литературные, и музыкальные, и выпить-закусить можно, и работает клуб круглые сутки. Вот завтра там будет презентация книги стихов Григория Дашевского, а в четверг — новой поэтической книги Миши Айзенберга. А 20 июня там будет вечер Алексея Цветкова.

Что нового в Москве? Да черт его знает. Ничего нового. Вроде бы литературная жизнь как-то длится, регулярно кто-то что-то читает в многочисленных литсалонах, но ничего не происходит. Никто ни о чем и ни о ком не шумит. Да у нас этого и раньше не было. Как-то не принято. Каждый занят собой. Все, так сказать, самодостаточны.

А Маканин, как впрочем и Искандер, это из другого мира. По моему-то мнению, Маканин это скука смертная, добротная советская проза. Хрень, одним словом.

Пока. Привет от Стеллы.

Саша

Макарову-Кроткову

А говоришь ничего нового — вон сколько новостей: и вечера, и клубы, и презентации! А о чем же речь идет на выпивонах, ты уж прости за въедливость, если не о литературе: оценки, сплетни, «шум» то бишь? Как Миша Файнерман мне когда-то говорил: вы что там, в пинг-понг что ль играете?

Писатели, конечно, самодостаточны, и все заняты собой, но им же так интересно, и так важно знать, что о них, и об их детищах думают другие! (От оценок зависит их будущее и нынешнее место в литературе, а кто же из литераторов об этом не думает?) Даже «небожители» (коим вроде бы ничего и никому доказывать уже не надо) вроде Рубинштейна и Кибирова, от этого не свободны. Ибо «мнение» надо подтверждать, оно переменчиво! Участочек на небесах не забьешь! Вчера знаменитые, как Искандер с Маканиным, сегодня уже — инопланетяне!

А что Гандлевский, присоединяется, или отделился-отдалился? Впрочем, ему пить нельзя. Цветков мне писал, что едет в Москву. Буду тебе признателен, если шифровку кинешь: как прошел его вечер.

Слушай, я, как литератор, который еще очень многим должен в крик и в хрип доказывать, что не лыком шит, очень хочу передать свою последнюю книжку Рубинштейну и Айзенбергу. Мне, признаться, крайне интересно знать их мнение. Так что, «не принято» спросить за рюмочкой, мол, вот Наум (они же меня знают, по жизни) книжку выпустил, читал ли кто, какое имеется мнение? Ты пойми меня правильно, у тебя могут быть свои причины «не задавать лишних вопросов», я вообще говорю, меня несколько удивили эти кодексы, особенно «за рюмкой-другой». Впрочем, мы тут в провинции одичали-с…

Ну вот, так я подумал, не мог бы ты взять три-четыре книги у моего приятеля Матвея (вот телефон …) и передать им, как бы по моей просьбе? Кстати, если захочешь несколько книг на свое личное усмотрение — можешь спокойно взять

(естественно, бесплатно). Это, конечно, серьезный напряг, я прекрасно понимаю, и за мной, как говорится, не заржавеет, но и никак не буду в обиде, если тебе все это несподручно.

Всегда твой

Наум

Написал письмо и не отправил. Ничего он для меня не сделает. И ладно. Обойдемся.

Звоню Р:

— Я рада, что ты позвонил… А я позавчера, когда вернулась, стала перед сном считать, ха-ха-ха!, на энном заснула… Кого только не вспомнила, тех, что и мечтать не могли, что я их когда-нибудь вспомню… в общем, хуйней занималась: раз хуй, два хуй, так и заснула, ха-ха-ха!

— Так чему эн равен?

— Да ну их к черту.

7.6.2000. Добрович сказал, что книжка очень понравилась. «Жесткое кино». Я и хотел, чтоб было кино, это меня обрадовало.

Вчера на «крыше» Мерлин читал свой текст. Укропчик возбудился: как же, социализм обижают. Но никто его горячности не поддержал, и даже не потому, что никто с ним не согласился, а потому, что социализм тема неинтересная. Дохлая. Отработанная.

Оля показала новую книгу Бренера. Гольдштейн заметил: «слишком много мата», то есть «легко достигаемой истерики». Я тоже полистал. Он мне всегда казался литературно беспомощным. Первые же, взятые наугад фразы подтвердили мнение. Неинтересно. Оля почти обиделась — друг детства. А может и больше того. И Бараш встал на защиту (правда тут же сел: «Извини, старик, нога болит»), стал утверждать, что надо смотреть в контексте всей его деятельности, а литературная беспомощность — это, мол, литературный прием. Я ему, для контрапункта,

поведал о «Похоронах кузнечика», но на Кононова у него уже идиосинкразия.

— Вся эта вычурность — чистый расчет, я не верю не единому его слову, мне все это неинтересно, он ничего напрямую мне не сообщает. А твое восхищение техникой — это твоя проблема. Я считаю, что владею не меньшей техникой, и не в ней дело. А вот как сказать что-то свое…

8.6.2000. От Л:

дочитала записки. Вспомнила, что Ларошфуко еще сказал: «Женщина дает цену мужчине, и его надо расценивать по курсу сегодняшней валюты».

В одной пограничной деревне снесли у дома балкон, оказался «на ливанской территории». Крики шиитских толп: «Не отдадим ни пяди нашей арабской земли!» (И даже балкона.) Вдруг подумал: «Какой, однако, инфантилизм, все эти бредни об арабской, русской, и всякой такой ихней земле. Как будто Господь дал им эту землю в удел. Если кому и дал, так евреям. (А им, кстати, первым на это наплевать, на удельные свои права.) И больше никому. Вся планета — для всех людей. Но толпы эти не проживут без этой своей, огороженной и отчаянно защищаемой родной пяди, сдохнут от страха. Ничего у них, кроме этой «родной земли» нет. А евреи, получается, еще когда из этих пеленок вылезли? Они не только без «родной земли» могут прожить, они и весь мир уболтают, что вся земля — общая.

Из «Кузнечика» Кононова: «Реально лишь отсутствие, говорящее с нами на языке следов».

9.6. От Матвея:

Наум, привет!

Чтобы разбавить «прозу жизни», приведу одну совершенно восхитительную, как мне кажется, и очень актуальную в связи с нашими недавними «прениями о самовыражении»

цитату из архива Бахтина: «Поиски собственного слова на самом деле есть поиски именно не собственного, а слова, которое больше меня самого; это стремление уйти от своих слов, с помощью которых ничего существенного сказать нельзя. Сам я могу быть только персонажем, но не первичным автором. Поиски автором собственного слова — это в основном поиски жанра и стиля, поиски авторской позиции» /Бахтин/.

Всегда твой
Матвей

10.6.2000

Вернулся с тенниса взмыленный, два с половиной часа гонял, ввязался в какой-то дурацкий турнир с молодыми, а они еще подзуживали: «Ат*а* пант*е*р, ата пантер!» (Ты тигр, тигр!) Позавтракав, лег спать. Проснувшись через полчасика, хотел на другой бок перевернуться — ногу свело. Туда-сюда — вторую свело. Смеху! Все-таки встал, вышел в салон. Жена читает отцу книгу о его родном местечке Меркине, они что-то вспоминают:

— … всех свезли на кладбище и заставили рыть себе могилы…

— Не надо, не рассказывай, не хочу слушать… А Табачника я помню, мы к нему ходили, когда он из Сибири вернулся, он без ноги был…

— Я приехал в 72-ом (это уже в мою сторону), и был вначале в доме для репатриантов в Яффо, меня Голда Меир приглашала, там собрались многие, и Тедди Колек, они все старались расселить арабские семьи на юге Иерусалима, я резко заявил о своем несогласии…

В книге много старых фотографий. Ткнула пальцем в довоенную групповую фотографию местного спорт-клуба: «Вот, это папа.» На фотографии плотной толпой полулежали и стояли, не без форса, подбоченясь, десятка два молодых мужчин с сильными ногами, плечистых, и ничего «хилого» в них, или запуганного, смотрят открыто, уверен-

ные в своей молодой силе.

11.6. *Дорогой Николай!*

Прочитал я «Кузнечика». Читал, порой задыхаясь от восхищения: все эти кружева подробностей не зря мне напомнили Пруста. Роман взял разбег на своеобразную «порнографию смерти», куда более дерзкую и захватывающую, чем любые сексуальные откровения. Но начиная со второй половины я стал ощущать какую-то повторяемость, возникло подозрение на прием, подробности стали казаться навязчивыми, уже не столь «оправданными», и вдруг, уже к концу романа, уязвила догадка о страшном (в моих глазах!) грехе «надуманности» (особенно в эпизоде с Валей). Жуткая, смакующая смерть царица-исповедь явилась вдруг в обносках «литературного сочинения». Банальные любовные секреты героя оказались несопоставимы с тем трепетным ужасом, который был внушен тайнами рода и смерти. Конец показался ложно многозначительным, что почти неизбежно, если не удержать до конца той высокой ноты, которая взята в начале. Исчезающие чары оставляют горький привкус обиды…

Нет нужды распространяться о мастерстве — оно изумительно, завидно. Я давно не читал такой русской прозы, какое-то счастливое сочетание С. Т. Аксакова и Жени Харитонова, писателей, особо мною ценимых, нет нужды хвалить вас, вы свой талант знаете. По-русски сегодня так точно никто не пишет. Но именно поэтому предъявляешь тексту особые требования. Требуешь от него такой силы, какою обладает сама жизнь, заключенная в нем, когда она ломает твердыни литературных рамок, как Самсон, потянув на себя цепи, обмотанные вокруг колонн: умри душа моя вместе с филистимлянами!

Пишу о впечатлении. А оно не всегда лучший инструмент для правильной оценки. Тем более, что я читатель чересчур «импрессионистический». Еще буду возвращаться к этому тексту. Ну, а вы не осуждайте меня за непродуманные

«наскоки», уж очень задел он меня, взволновал, растрогал и (как неизбежное следствие взволнованности) смутил неожиданным разочарованием… Вообще-то, классический сценарий любви…

Всегда ваш
Наум

13.6. В «Императорской» ремонт, и цены повысили. Все те же розовые простыни.

Как всегда, после того весела и болтлива.

… — Ты так губу сделал.., знаешь, как обезьянка говорит другой (и она выпятила нижнюю губу): «У тебя дождик на губу попадает?», (теперь она втянула нижнюю губу внутрь) «Нет, не попадает», (опять выпятила нижнюю губу) «А у меня попадает!», ха-ха-ха! … Дурак ты все-таки. Я бы на твоем месте нашла себе кого-нибудь помоложе, лет на пятнадцать. … Ты знаешь, я вчера ночью проснулась и опять взяла твою нетленку.

— Не надоело?

— Нет, интересно читать… Каждый отрывок… Ты молодец, молодец!

На один из моих поцелуев:

— Так целуют, когда любят… Да?

Ничего не сказала золотая рыбка.

… — а теперь она с турком живет, уже два года, недавно обнаружила, что он читать не умеет, стала его учить, а он букв не знает, не пойму, говорит, как он школу кончил?… он любит, когда она его учит, недавно так удивился, когда узнал, что Земля крутится вокруг Солнца, и не то, что не поверил, а просто никогда об этом не думал, красивый, и по дому все делает, убирает, готовит, не знаю, чем занимается, поваром он был, и фалафельную держал, какие-то квартиры у него, сдает, в карты играет…

Жена:

— … помнишь, я тебе рассказывала, что у нас один рус-

ский есть, со стальными зубами, так он теперь у нас куриц закаляет, в проруби их купает, я, говорит, своих сыновей в проруби купал, и они никогда ничем не болели, вот и куриц надо попробовать… ну, вместо проруби он их в холодильник… и что ты думаешь, действительно они здоровее стали, он даже премию получил и деньги дали на исследования… Мама меня уже достала, позвонила сегодня на работу и так заорала в трубку, что даже Алон вздрогнул. Ну, я ему говорю, теперь ты понимаешь, какое у меня было трудное детство?

— А что она орала?

— Папа куда-то с утра ушел.

— Но она же его видеть не может, так пусть радуется.

— Все не так просто. И потом из-за стиральной машины у них ссоры.

— Чего?

— Она не хочет чтобы у них белье вместе стиралось, говорит, что брезгует.

14.6. Не хватает темноты — всегда днем… И неудобно попросить, чтобы не раздевалась, ведь любимая её фраза: «Мне всегда говорили, что больше всего мне идет быть голой».

Еще одна поклонница, с работы, яркая дама около пятидесяти, попросила книгу для подруги.

— Я читаю, и тут же бегу звонить подруге, читаю ей вслух, и она теперь тоже просит у вас книжку. Вообще вы ужасно мешаете: мешаете готовить борщ, чистить картошку… Очень затягивает, хочется все бросить. Но я стараюсь читать помедленнее, а то скоро кончится… Знаете, это похоже на музыку Шнитке, мысли мечутся, несутся, человек мучается, и вдруг — короткие мгновения покоя, почти счастья, и — снова в путь, мучиться, бороться… У вас когда день рождения?

— Рыба я.

— Примите мои соболезнования.

— Почему? Я себя чувствую, как рыба в воде.

— Нет, рыба — это ни то ни сё.

Почему-то показалось (по решительности тона), что девушка не замужем.

15.6. Гордину книжка понравилась. Нашел, что я «хороший пейзажист». А вот дамы у меня «плохо выписаны».

Ясперс считает («Ницше и христианство»), что Ницше мыслит Иисуса буддистом, блаженным, мол, проповедовал определенную «жизненную практику» («речь идет о жизни, а не о вере»), вроде средства «как быть счастливым», с тем чтобы любой ценой, фактически ценой неучастия в жизни, даже под страхом смерти, сохранить внутренний покой, а поскольку такой покой есть ничто, то это «воля к ничто».

Но ницшеанские проклятия христианству — это проклятия «современному человеку»: «Этой современностью болели мы, мы болели ленивым миром, трусливым компромиссом, всей добродетельной нечистоплотностью современных Да и Нет. Эта терпимость сердца, которая все „извиняет“, потому что все „понимает“, действует на нас, как сирокко» («Проклятие христианству»).

Конечно, «современный человек» отравлен христианством, но не только им. «Сытость» — вот что порождает расслабленность, бессилие современного европейца. Римляне не родились христианами, но сытость и отсутствие сверхзадач сделали их тряпками. Или вообще — цивилизации живут, как организмы: рождаются, цветут и дряхлеют. И на каждом этапе подбирают себе удобную религию.

А сам Христос добрячком уж никак не был. Целым городам грозил: «Горе тебе, Хоразин! Горе тебе, Вифсаида!... И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься... земле содомской отраднее будет в день суда, нежели тебе». «Не мир я принес, но меч». «Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь».

И Ницше о том же: «Падающего — толкни!»

Он был яростным агитатором за себя, он-то как раз в полной мере обладал волей к власти. Это ведь не слабо — объявить себя Спасителем! «Придите ко мне, все измученные и обремененные, и я успокою вас… ибо иго мое благо, и бремя мое легко».

От Л:

За записки спасибо, еще не прочла. Видела удивительный сон. Будто мы с тобой карабкаемся на высокий забор, вот уже взобрались, и тут он начинает трещать, и ты успеваешь перелезть и спрыгнуть, а в этот момент верхушка отламывается, и я вместе с ней лечу вниз, но не туда, где ты, а по другую сторону… и очень больно — ломается «хребет»… вот, очень символично?

17.6. Долго болтал с Гольдштейном. Говорит, что Ира Гробман не упомянула меня в интервью «просто так». Ладно. Он восхищен Лимоновым-поэтом. Не разделяю. Рассказал ему о романе Кононова. Он его листал в магазине и тоже отметил «прустовский след». Только на Пруста он вышел через «бабушку». В очередной раз сошлись на том, что Кононов классный писатель и вообще яркий «литературный деятель».

Дорогой Наум, привет и добрый день!

Извините, что я отвечаю не сразу как получил Ваше письмо. Тут Кирилл кончал школу и надо было переводиться в другую, так что все такое.

Конечно я рад Вашей оценке. Вот пишу Вам и думаю, что не умею писать толковые письма. Не обессудьте. Хотя конечно Ваши слова меня взволновали, особенно во второй части, хотя я вообще-то с Вами и не согласен. Это в вас говорит поэт. Вы хотите достоверного текста, даже не текста, а эпидермиса, который только что содрали. Конечно, проза на этом держатся не может, тем более что

я писал вовсе не «русану», то есть не русский роман. И тавтология мне необходима, ибо я равнодушный человек, национальная идея (одна ведь из самых мощных, особенно иудейская) меня, в отличие от вас не возбуждает, я раз и навсегда фрустрирован этими дебрями и не дозволяю себе в них углубляться. Этим вообще отличается «мое поколение» от других. Или мне так приятно думать. Я возбужден возможностями, вариантами, в которые не сыграл, но о которых раздумывал. Я ищу эквивалент жалости, и мне сейчас многих очень, до слез жаль, но я испытываю к ним все-таки не чувство, для которого нужны вербализованные или вербализированные приметы, а что-то иное, сродни влажного опыта, который в прозу не уложить. То есть в прозе я хочу хотеть того, что делает меня милосердным. Эх! Пышно сказал!

Я бы написал роман, и не один, да на любой сюжет, но я хочу другого. Чтобы был особый анализ, не эдипальный, он всем остоёб, а другой, который раньше, который от пола зависит только во-вторых, а во-первых, от чина. М. б. ангельского или серафического.

Ну, вы ведь понимаете, что я хочу предъявить, какой тон? Поэтому я снимаю Ваши упреки, я не могу с ними согласиться.

А прием, что прием, это — ведь серьезно. Но ваше письмо меня взволновало. И я Вам, дорогой Наум, признателен и благодарен.

Правда, что вы знали Харитонова? Он ведь умер, когда я еще стихов не начинал писал. Совсем в древности… И, честно, его литературу как сумму созерцаний не очень люблю, всегда подозреваю, что было бы с ней, не будь он травмированным педофилом? У него какая-то правда тела очень уж ничтожная, то есть смертная. Все эти мальчики-пэтэушники, сюсюканье, смятая комнатуха на московских выселках, проблемы гигиены любофи. Ох! Он для меня немного краевой, хотя в свободных стихах есть мировая пронзительность, которую я тоже чую. Мне очень нравится «Духовка»

и, конечно, ее языковой субстрат, — он им многих окатил. Правда, «Духовка» нравится не сюжетом, он простоват, даже аляповат, Де Грие какой-то, а наивным незабываемым ландшафтом, он, как-то очень хорошо вычленяется благодаря чудному языку. Я вообще Харитонова воспринимаю как «времена года» какие-то, сейчас об этом подумал. Без людей. Я его людей не помню, то есть совсем не знаю, это «не мой круг» как говорят.

Читали ли Вы прозу Ирины Поволоцкой? Большое впечатление на меня произвело ее «Разновразие» в каком-то Нов. мир. Недавно, м. б., года два назад.

Вообще-то с Харитоновым вопрос интересный, все-таки он большой писатель. Оставить интонацию дано не каждому.

Хотел Вас попросить об одолжении. Это насчет Гешарима. Получил ли командир мое второе письмо? Можно ли это узнать? Если не трудно, хорошо?

Наум, а приехать в Питер не хотите?

У нас кайфово. Особенно летом. Есть отд. квартирка с видом на «Аврору». А?

Все, что-то я разговорился.

Всех благ.

Ваш НК

Я забыл фамилию поэта, но спугнул его ценой, дешево не хочу отдаваться. У него там Бог сплошной. Тоска. А! Нет, не вспомнил.

От Веселова: *Привет, Наум! Пока не могу найти в магазинах Вашу книгу. У нас белые ночи и хмурое небо. Удачных дел!*

Саша

Саша!

Огромное спасибо за картинку! Смотрю и любуюсь! Очень лиричный, добрый и, как всегда у Вас, ажурно-легкий пейзаж… Я вот подумал, что получился бы отличный аль-

бом… У меня здесь есть знакомая художница, она выпустила альбом акварелей с пейзажами Испании — очень здорового получилось…

Вообще-то Кононов (мой издатель) написал мне, что видел в «Книжном доме» на Невском экземпляр моей книги с бирочкой — «последний», но мне не верится. В крайнем случае, подарю вам при встрече: надеюсь, что все-таки в этом году приеду, если не летом, то осенью.

Всегда Ваш

Наум

Для Л:

В «Вестях» было интервью с Ирой Гробман, где она рассказывала о журнале и упомянула всех, но не меня. Это месть за публикацию в «Сплетении».

Посылаю тебе картинку, которую мне прислал тот художник из Питера.

Кононов упорно завет в гости. Хочется поехать…

18.6. От Л: *картинка прелесть. Огромное спасибо. Даже в Питер захотелось…*

Дорогой Николай!

Мой недостаток вы верно подметили: подавай мне кожу содранную… Да, «проза на этом держаться не может», да и не должна, наверное… Но, видит Бог, трудно менять пристрастия. Ни литературу, ни жизнь не хочется считать игрой, не могу смириться с тем, что жизнь — «дар напрасный, дар случайный»… Все чудится ее суровое: «я тебе не дар, а долг». Вот ведь напасть какая… В этом смысле я безнадежно, тупо серьезен. Я чувствую, как время гложет меня, и уже не до вариантов «в которые не сыграл, но о которых раздумывал». С отчаянным упорством ищу тот, свой, вариант, которому предназначен (тот, которому я предназначен, улыбнулся и поднял ружье). И не важно, что сам считаю все это глупостью, дорога мне эта глупость, не отцепишь-

ся…

Что касается «милосердия», то на «испытание милосердием» (как утверждает Золотоносов) ваш роман, на мой взгляд, не похож. А то, что жаль многих, то мне это очень понятно. Более того, я и сам хотел бы написать что-то о жалости и сочувствии, потому что мир уж совсем невыносимо груб. И брутальность его, особенно литературная, надоела! Хватит. Странно, что кто-то еще на этом «играет»… А «воодушевление национальной идеей» — это все обиды заматеревшие…

То, что вам хочется дать анализ «который от пола зависит только во-вторых, а во-первых, от чина, м. б. ангельского или серафического», это мне тоже очень понятно, но мне кажется, что аллегория (эта «лестница Иакова») не лучший способ анализа. Ангельский чин выстраивается, когда вы бережно и нежно, любя и согретый любовью, лелеете самые мучительные подробности вашей жизни. Что у вас, кстати, и получается! Поэтому и конец романа мне показался неожиданным «уходом» от цели, в которую вы уже почти попали.

Интересно получилось: дал я ваш роман почитать хорошей знакомой, надо сказать, что он ей понравился от начала до конца, а вернула она мне книгу со статьей Золотоносова в «МК», говорит, подруга газету принесла (нашу, «Новости недели», а в наши газеты, по соглашению, вкладывают иногда российские), на стол бросила, и прям ваш портрет из книги (женщины всегда волнуются при таких совпадениях, везде им мистика чудится). Кстати Золотоносов там несколько раз подчеркивает, что, мол, «стали появляться романы нового типа, не ангажированные ни идеологией, ни даже традиционной этикой», и я почему-то подумал, что он и мою книгу тут имеет в виду, и опять же встрепенулась надежда, что может он и о нас, сирых и дальних, напишет (напираю на жалость!).

Харитонова я действительно знал, еще до того, как прочитал. А люблю его, как писателя, именно за язык, удиви-

тельно пластичный. А людей (в смысле портретов) у него нет, это верно, он их в упор не видел. «Времена года»…

Ирину Поволоцкую не читал. Раз рекомендуете, найду.

С Гринбергом (из Гешарим) я только что говорил, его две недели не было, а ваше письмо он получил накануне отъезда — вот вам и задержка с ответом.

Бараш, насколько я знаю ситуацию, еще не окончательно потерян для вашего издательства. От подробных комментариев воздержусь. Поэт он, может, и не такой уж плохой, но страдает, увы, болезненным самомнением.

Ваше приглашение в Питер звучит очень соблазнительно. Очень. Вот я и думаю, не махнуть ли мне где-то в середине июля?

Ну и нет нужды повторять, что приглашение приехать к нам всегда в силе.

Ваш

Наум

19.6. Встретился с Юлей Р. на предмет перевода романа, отдал ей материалы. Посидели в кафе «Джо». Парицкий[1] сидел в центре, жевал бутерброд. Юля — девушка неухоженная, пренебрегающая внешним видом. А я вырядился франтом, даже туфли надел в такую жару, вообще настроение у меня охотничье… Но Юля на роль дичи не претендует. Тихая, несколько медлительная. Взгляд рассредоточенный, закрывала лицо руками от моего испепеляющего… Левый глаз немного красный, будто сосудик лопнул… Посмотрим, как переводит. Кстати, перед отходом позвонил некто Хаим Песах, Голесник его «навел», просил прислать рассказ «про двух солдат в Ливане».

Отвез Юлю и поехал на вечер «Сплетения». Народу было человек 80, а к концу осталось меньше полусотни.

[1] Депутат Кнессета и будущий министр

Я прочитал отрывок из книги, был воспринят благосклонно (две книги потом купили) и стихи из последнего номера. На десерт читали Тарасов и Птах. Птах читает великолепно, с естественной выразительностью, не ломается, как Тарасов. Впрочем, ломается Тарасов вполне естественно. «Почему мало публики?!» — закричал перед выходом. Прочитал «Ягоды изнанки. Анечке на тот берег». Кажется, это про меня: «как будто друг, который, да-да, тот самый так мне удружил — твои слова сошлись один в один –… представляешь, по-дружески, по-свойски — ноги вытер! Мол, впопыхах, и разошелся — все зеркальны!… Ему ведь невдомек — не все.» Да, это он про меня. Обещанная литературная месть. Вышел на сцену после меня и бросил публике: «Ну, вы не завяли?» В общем, огонь со всех бортов. Жена у Голесника милашка. Лена Толстая спросила, правда ли, что я переводил «Соф давар» Шабтая? Да, говорю, две трети романа лежат, никем не востребованные. «Слушай, Миш! (Это она Светлой Голове[1]) Давай напечатаем?!» Дана была в белом коротком сарафанчике, аля-гимназистка шестого классу. Букли, как у «Всадницы» Брюллова.

Тарасов (я не стал выяснять на кого он в прочитанных стихах бочки катил) был неожиданно благодушен:

— Ты удачный отрывок прочитал, нормально.

И Птах присоединился:

— Даже книжку почитать захотелось.

— В чем проблема? — говорю. И подарил ему книжку. Тарасов:

— Ну, скажи честно, вечер был интересней, чем вечер «Зеркала»?

А на меня чой-то грусть и апатия навалились.

— Интересней?… Народу на «Зеркале» было больше… —

— Ну, первая половина была — понятно, то же самое. Ну, а второе отделение?

---

[1] Михаилу Вайскопфу

— Второе отделение интересное. Читаете вы с Птахом хорошо.

Отстал. После вечера молодежь собралась куда-то ехать, пить-тусоваться. Тарасов позвал. Я устал, но и домой ехать не хотелось. Ладно, поехали. Флорентин, тель-авивский Гарлем. Некоторые дома пустые, зияют черными окнами. Подъезд без света, вонючая лестница, в пролете свалка. Поднялись на пятый этаж, на крышу. На крыше свалка: ржавые решетки, поломанные кресла и диваны, снятые с петель двери, куски фанеры, две собаки, и куча кошек. Хозяйка — Гюльчатай-Оглы. Муж — высокий парень в шароварах. Собралось человек десять, даже Сонис с нами потащился, похож на кенгуру: ручки коротенькие, ноги могучие. Принесли гитару, я стал подвывать, но вой проигнорировали, и я гитару отдал. Хозяйка рубила травку, пустили косячки по кругу, мы с Сонисом пропускали. Молодые люди разделись по пояс. Кроме травки некоторые периодически выходили и принимали что-то более сильнодействующее. Ну и винцо с коньячком. За «столом» царил Дреер: пел песни, читал стихи некой Лены Казанцевой («женский стеб»), в общем, — шумел, такой небольшого роста крепышок, чуть старше других (тут все моложе тридцати кроме меня, совсем старика, и Тарасова, тоже балбес великовозрастный, хотя при его худобе и девичьих кудрях, да еще в темноте, никак не дашь больше сорока, юноша, да и только, и вся эта зараза, которую он ежедневно и плотно в себя накачивает, ему нипочем — сильный органон достался). Высокий молодой человек с бородой и в армейской кепочке что-то тихо, стесняясь, пел, подыгрывая себе на гитаре, какие-то модные нынче у молодежи песенки, что-то про марионеток… Петя Птах, эдакий Крокодил Гена, разлегся на диване, шутил с девицами, говорил что-то умное про физиогномистику. Тарасов спорил с очень угрюмым малым, смотрящим исподлобья. «Скучно тебе?» — вдруг спросил, покосившись в мою сторону острым, трезвым взглядом. Я ответил мимической поэмой. В полпер-

вого решил отчалить. Беременная девушка с ангельским личиком спросила в какую сторону я еду.

— В Холон. А вам куда?

— Мне на север Тель-Авива.

— Увы, это никак не по дороге. Извините.

Вдоль дорог работали девушки. Подумалось: а ведь не заставишь меня сейчас… сколько ни заплати…

От Л:

Как обстоят дела с переводом на иврит? И вообще ма нишма у ма хадаш?[1] *Работы уже поменьше?*

Вчера виделся с одной переводчицей, дал перевести рассказ «Солдатское», может возьмут в одну антологию.

Работа вообще-то кончилась, так, хвосты…

Настроение? Апатия и усталость…

Свидение с Р.

Поехали в Музей?

Как скажешь.

На стоянке темно. Целовались. Опять привкус прощания…

— Ты стал мне такой дорогой, такой родной….

День был не жаркий. Сели на скамейку недалеко от Музея. Дурацкие разговоры, похожие на «выяснение отношений».

— Я же тогда спросила тебя, я уже решила с ним порвать, а ты меня остановил…

— Просто ты любишь держать мужчин в отдельных вольерах и посещать по скользящему графику…

— А ты?

— А я люблю всех в один вольер загнать и публично покрыть.

[1] Что слышно и что нового? (ивр.)

Потом вся эта горечь и ревность растаяли в нежности ее поцелуев, да и моих тоже. Она вылизывала мне ухо («какое ушко вкусное…»), а я терся лысиной о ее щеку, прятал лицо между плечом и шеей, целуя волосы, шею, пальцы, которые бегали по моей щеке, по моим губам.

После индийских миниатюр эпохи Великих Моголов посидели в буфете, она пила минеральную, а я кофе. В буфете было много людей, молодежи, шум-гам, через большую черную дверь рядом с нашим столиком какой-то парень пытался протащить огромный контрабас, классная дама строго окликнула молодняк, и он послушно бросился к двери, помогать… Впрочем, я не обратил на это никакого внимания, а вспомнил только потом, когда вдруг мы услышали пламенное дыхание скрипок, которое взорвалось и вдруг ударило жаркой волной…

— Пойдем послушаем?

Она кивнула, и мы поднялись в зал. Шла репетиция молодежного израильского оркестра. Играли они очень громко, чересчур энергично, но это так совпало с огненным напором мелодии… Чья? Что-то знакомое… Она тоже забыла.

Потом долго ехали домой, в деревню, она прижимала к себе мою руку и гладила, гладила ее с какой-то судорожностью…

От Миши Файнермана

9 июня 2000

Здравствуй, Наум!

Как поживаешь? Все ли у вас здоровы?

Я наверное ошибся, когда говорил, что в книге ты пишешь «то о том, то об этом». Внимательное вчитывание привело меня к мысли, что главное достоинство книги — искренность. (К сожалению, нет добродетелей без теневых сторон: искренность — одна из лучших черт, но и она рождает порою огрехи).

Я думаю, что тот успех, который имела книга, объяс-

няется именно этим: ты не придумываешь, ты стремишься схватить свое бытие как оно есть. Ну что же тут делать, если, становясь вполне искренным, ты порою скажешь что-то несуразное.

«Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей»… И этот момент у тебя есть. Ну, пусть так. Все равно книга получилась хорошей.

6 мая был 8-ой фестиваль верлибра в Музее Сидура

Два года прошло без фестивалей — умерли А. Метс, А. Сергеев, Игорь Холин. Этот, 8-ой, был посвящен памяти Генриха Сапгира — он умер прошлой осенью. Получилось так, что я у него был (по делам книги) за два дня до смерти. Он был после инсульта и после лечения — и выглядел неважно. Отказался пить шампанское. А его жена делает очень вкусные яблочные пироги, и вот я выдул бутыль шампанского, закусывая этим пирогом.

Он показал мне сборничек, называется что-то вроде «Безмолвия». Составитель, кажется, Кудрявицкий. Через два дня в Чеховской библиотеке должна была быть презентация. И вот, в троллейбусе, двигаясь на вечер-презентацию, он умер. Хорошо, что жена была рядом…

Таня Михайловская ушла из НЛО — ей надоело «хамство» и консерватизм. Но клуб по пятницам (где ты был осенью 1997 года) она по-прежнему ведет.

Несколько недель назад умер ее отец. Всю зиму они с сестрой старались его спасти — к телефону подходила сестра, от нее я узнавал, как дела, а в один «прекрасный» день раздался голос Тани: «Нет, это сама Татьяна Георгиевна (у них с сестрой очень похожие голоса), и я только что с похорон».

У Оли дела очень плохие. Год назад она пыталась покончить с собой — но в Склифосовском спасли. Но она подорвала сердце, и теперь устойчивый миокардит.

Три года Лиля (ее дочь) жила фактически в притоне. В прошлую зиму (т.е. ~ 1,5 года назад) вернулась. С эпилепсией, растройством печени. Сначала пила где-то у подруг,

потом стала приводить орды домой. Олю довели до физического истощения, а она все терпела — не могла спать, а есть они ей не давали, крали … (нрб.) Наконец, она все-таки решилась и убежала, уползла к тетке. И жила там осень и зиму.

Теперь она хочет продать дачу и купить комнату, но дело идет плохо: нет телефонной связи. Лиля покончила с ордами «татуировщиков» (она же хорошо рисует) и вышла замуж за очень плохого человека. Когда Ольга пытается жить там, у них, на «Южной», ее не подзывают к телефону, она же боится при дочери и ее муже говорить о делах.

В объявлениях она дает мой номер телефона, звонит мне раз в несколько дней, и я пытаюсь что-то связать. Но сегодня я даже не знаю, куда ей звонить, где она.

Матвея я давно не видел, съездил два раза весной, с тех пор не был. Но мы иногда обсуждаем теорию по телефону.

Сам я заканчиваю одну поэму, начал другую — совершенно разные. Много гуляю с собакой: т.е. мы совершаем очень далекие походы в соседние леса, или тут в сквере и на пруду ходим.

Работа над книгой идет медленнно — нет опыта. Но поступают все новые материалы.

Много слушаю музыки, стал брать у друга видеофильмы (их у него больше 1000 — он начал писать еще на советском видео, был такой ВМ-12). Теперь, конечно, все иначе, полно японских и других. Я удивился, но качество очень хорошее — как будто просто смотришь телевизор. Попробуй найти фильм «Пугало» (американский), там мой любимый актер Джени Хекман. Ты мог его лет 20 назад видеть в фильме «Принцип домино».

Ну вот, вроде пока что все новости. Проглотил К. Ясперса о Ван-Гоге, читаю Фолкнера «Шум и ярость».

Передавай привет всем домашним, дай Б-г им здоровья. Приезжай! С 1997 года многое изменилось…

Обнимаю, Миша

Вот еще несколько стихотворений:

А потом мы катались на велосипеде и говорили
глупости.
Марина так и записала:
«Канавы, лужи, закатные облака,
вечер.
Мы идем и болтаем глупости»

…

Весной 62-го года
одноклассник повел меня домой.
«Новый Лещенко», — он завел Окуджаву
(тогда еще мало у кого были магнитофоны).
— Моя мать плачет, когда его слушает. —
Прошло сто лет. Я тогда не знал,
кто такой Лещенко.
Вот, теперь знаю.
«Признайся мне, — поправить всё
возможно…».
Черт, он любит совершенно иначе, чем я.

…

Она любит ходить в театр, а я домосед —
как же нам встретиться?
Напишу ей письмо петушиными перьями
буковками
величиною с горчичное зерно…

От Л:

Как переводчица? Сколько лет? Хотела спросить про Философа, но боюсь напоминать…

Пока не забыла: не мог бы ты для меня заказать g.Millera «Время убийц» и «Арамейские фрагменты из Кумрана» и «Еноха» Тантлевского. Если, конечно, не трудно. А Бергмана дашь почитать?

И чтоб никаких апатий. А то я слишком хорошо знаю наши апатии. А в теннис играешь?

Книгу Еноха я достану точно (я тут познакомился с издателем), и другие постараюсь. «Женский портрет», кстати, тебя дожидается.

А что, надо подкопить силенок? В теннис играю, но както апатично.

Переводчице меньше тридцати, но на «объект» не тянет. Философией мы больше не интересуемся.

Рассказал Гольдштейну о вечере «Сплетения», обсудили статью Золотоносова об «испытании милосердием», роман Королева «Человек-язык» («Бог ты мой, — бросил он о романе, — прям пожар в сумасшедшем доме во время наводнения»). Севу Некрасова Гольдштейн назвал «Приговым своего времени». Во время разговора, довольно долгого, я слышал характерный стук компьютерных клавишей, вспомнил, что это было уже во время прошлого разговора, и вдруг уколола мысль: уж не стенографирует ли? Так испугался, что даже замолчал. Только заметил:

— Вы прям, как Юлий Цезарь, и разговариваете, и по клавишам шлепаете…

— Да, я просто заканчивал тут один текст, вот достукиваю последние фразы. Нет, мне это разговаривать не мешает.

По здравому размышлению — вряд ли стенографирует. Но страх характерен… Кажется со своим «новым жанром» я попал в параноидальный капкан…

Обсудили с Тарасовым вечер. Спросил, как ему стихи Даны.

— Стихи на этот раз были интересней, чем у Сошкина.

— Ну, это сомнительный комплимент. А как тебе ее сарафанчик?

— Увы, она никак не избавится от жеманности.

22.6. Когда пошла на третий заход, попросила: «Давай вместе…» Точное совпадение траекторий расчитать не удалось, я оказался первым, но сперма вошла, как удар шпагой: она вздрогнула и забилась в конвульсиях. Рот стиснут.

… — Ты знаешь, смешно, но мне хочется тебе сказать «спасибо». … Ты уникальный. … У тебя жена — ангел.

— У тебя муж тоже ангел.

Погрустнела.

— Да, ангел… Я очень верная. У меня было только пять мужчин, которые оставили след в моей жизни.

— Уже пять? Вроде три было… А вот бывает так, что о другом даже невозможно подумать, ты же сама рассказывала, что с тем мужчиной у тебя было так, что ты даже с мужем не могла.

— Да, это когда мы уже уехали… Это было ужасно… Не знаю вообще как я уехала, какой-то дибук вселился, буквально… У меня год взяло, пока я опять к мужу как-то привыкла…

Взяла электронный адрес, хотя сомневается, что удастся написать: «Я же с мужем еду. В отпуске это особенно ужасно, он от меня просто не отходит, заботлив так, что… мне от этого душно. Вообще мне достаточно видеть его два раза в день: рано утром, когда ухожу на работу, и поздно вечером, когда возвращаюсь.»

— Я счастливая, меня всегда любили.

Сидели у обрыва, смотрели на голубеющие на закате холмы, оранжевый отблеск моря вдали. Тихо. Птичьи разговоры.

— Я боюсь, что когда вернусь домой, то все это уйдет, и мы будем опять чужими…

25.6. *Здравствуйте, Наум!*

Вам придется меня извинить, но с переводом у нас не получится. Дело в том, что на днях ко мне попало предложение сделать другой перевод, которое я ждала, и которое отнимет у меня остатки моего достаточно скудного времени. Этот перевод неотложный, и он займет у меня от двух до трех месяцев, так что на сей момент я не вижу никакой возможности работать над еще одним переводом, даже коротким рассказом. Опять же извините за то, что потратила ваше время. Скажите мне как передать вам обратно материалы, можно почтой, или как вам предпочтительней. Я пыталась подумать о знакомых переводчиках, которые могли бы это сделать, но к сожалению не додумалась.

Всего хорошего и успеха!

Юлия

Позвонил ей.

— Я так понимаю, что рассказ вам не понравился?

— Ну…

— А что, интересно, не понравилось?

— Не знаю… Неинтересно было.

— Понятно. Книжка тоже, полагаю, восторга не вызовет.

Наум, дорогой, вот я немного посвободней и пишу вам письмишко. Конечно, приезжайте, не надо менжеваться. Я тут решил с сынком в Египет по дешевке сгонять. Все-таки, согласитесь, меньше 200 баксов за неделю в пятизвездном отеле с кормежкой и перелетом, это не очень дорого. Тем более поедем на три недели, и у меня все чешется, так мне охота в жару и в море, так охота пописать, а сын Кирилл мне не мешает, у него есть такая чудная особенность.

Время Вашего визита надо точно определить, чтобы сделать тусовку с инсталляцией и ассамбляжами. Это было бы ладно, а самое главное, весело! Кстати, это совсем

недалеко от Израиля. Египет хорош морем, дешевкой и безвизовым режимом. Может вы к нам присоединитесь? Хотя я не представляю реальности жизни и передвижений на востоке. Но от Шарм-эль-шейха до Хургады, где мы будем с Кирой, можно доехать за полтора часа на скоростном пароме. Отели там дешевы и чисты, кормят нормально. До Ш-э-Ш от Табы, это 30 км от Эйлата, кажется часа два-три на машине. Эх, будь я американосом или израильтянином, вот бы ездил. А то тут с визами все стали выебываться, начиная с итальянцев.

Ну, что, попробуем потусоваться? Срочно дайте знать, и я сообщу все координаты огневых точек, время передвижения колонн и проч.

По-моему, насчет Пруста неверно, так мне кажется, хотя, бог его знает. За Гольдштейна спасибо. Ему тогда привет и пожелания. Интересно, реально ли в Зеркале что-то опубликовать? Не стихи, нет, прозу. Дикую. Я тут книжку новелл оканчиваю, это как бы вокруг романа, та же планетарная система, те же сателлиты, только в роман они не попали. Уже много получилось, но я правда, давно это все пишу. И сейчас Леню не стал бы публиковать. Все меняется. Да, вот новость. Ко мне приезжала некая дама — Роземари Титце, она крупнейший переводчик в Германии сейчас. Битов, Шмитов и все дела. Она меня расспрашивала что да как. Дело в том, что она субагент крупного агентства, которое базируется в NY и Берлине. Я дал ей Ваш том. Она заинтересовалась, что будет дальше, не знаю. Дело в том, что в Европе идет американизация издательского бизнеса. Это как ни странно сработает против США, так как гонорары американосы требуют непомерные. Может европейцы полюбят дешевую рабочую силу, Бог весть.

Вот, «почти все» (цитирую Саню Лурье — великого пошляка и литературоненавистника).

Ответьте. Хорошо?

Ваш НК

Иногда возникает тошнотворное чувство, что мы — старик со старухой, играющие в любовь… Что-то жалкое…

Попили кофе в дорожной забегаловке. Пусто, грохочет кондиционер. Странно, вот вроде рад ее видеть, но… хочется врассыпную…

Долго сидели в этой пустой забегаловке. Кто-то заходил (я не видел, сидел к миру спиной, к ней лицом), слышался смех. Ноги под столом, руки на столе — живут как бы сами по себе, милуются.

Ей не нравится моя осторожность. Я говорю: «мама виновата, в нее пошел».

— Все у тебя мама виновата. А в том, что ты такой вот (и она обнимает мои ноги под столом), вот такой, тоже она виновата? И то, что ты такой котяра?

— А я — котяра?

— А ты как думаешь?

Дорогой Николай!

200 баксов за неделю, влючая полет — это баснословно дешево. Для продолжительного отдыха — идеально. Единственно: очень уж жарко, не знаю, представляете ли себе? А насчет подъехать — мысль интересная. Хотя с нас египтяне дерут втридорога. Но вы мне на всякий случай дайте точный адрес: город, гостиница. Если бы к нам, то житье-бытие, конечно, ничего бы не стоило, но билеты, возможно, дорогие, и не отдохнешь-не попишешь, тут надо настроиться на мотню, уж я постараюсь. В общем, вам виднее.

Насчет тусовки с ассамбляжами, то я веселье люблю. Только придется отложить до середины сентября. Вам нужна прям точная дата? Я думаю, мы еще успеем ее согласовать.

В «Зеркале» вполне можно напечататься. Пришлите мне то, что вы хотели бы предложить, а быстрое и благожелательное рассмотрение я могу гарантировать.

Кстати, мне и показалось, что роман ваш «открыт», что это «планетарная система», границы которой еще

не изведаны, не очерчены.

Про Роземари Тице — это хорошая новость, спасибо вам. Будем надеяться.

Всегда ваш

Наум

Позвонил Мише.

— Ну что, Наум, книжка твоя мне понравилась. Хоть по-человечески ты, конечно, пиздюк, но книжка ничего, да, ничего… Пишешь ты неплохо. Вот если такую шкалу взять: плохо, средне, хорошо и вершина, то ты где-то ближе к хорошо. Но не со стороны вершины. Это, конечно, не Хемингуэй и не Фолкнер, но… как Фейхтвангер, да, ты пишешь, как Фейхтвангер. Вот если бы вы с ним сидели вместе в кафе в Вене, то, наверное, нашли бы общий язык, да… А ты напиши что-нибудь не про еврейскую историю, а, скажем, про американскую… … я сейчас пишу две поэмы, одну в старом ключе, о любви, а другую — в совершенно другом, там вообще не будет про любовь, только страхи, детские страхи, вот когда майский жук в лоб ударяет, и взрослые, и когда завидуешь тем, кто преуспел, стесняешься своего социального положения, ну и смерть, страх смерти, близко уже…

26.6.2000

Дорогой Наум, добрый день!

Вот адрес в Хургаде …. Мы там будем две недели с 8 июля, до этого мы будем с 1-го июля в Сафаге в отеле ШАРМ САФАГА. Это 60 км на юг от Хургады.

Они все на главных шоссе на берегу моря, ошибиться невозможно.

Точные адреса я узнаю в среду, когда вернусь из Москвы, так же факсы и все такое.

Насчет маршрута я не ошибаюсь. Taba-Nuweiba-Scharm-esh-Sheikh-Hurghada. Последний отрезок — на скоростном судне, которое приходит в хургадский порт, кажется, днем,

но оно идет 1,5 часа только, правда, билеты не дешевы, долларов 25—30. От порта до Хилтона ходят смешные микроавтобусы. Ехать минут 10.

Насчет жары не знаю, но там влажность нулевая и мы с Кирой в прошлом году роскошествовали две недели и было очень хорошо. Все время бриз, тень есть, море, фа-фа-ля-ля.

Единственное, чего я не знаю, насколько там безопасно передвигаться, в смысле по дороге. Но, кажется, всякая ерунда только во внутреннем Египте.

Вообще-то встреча была бы кайфовая!

Наум, я правда хочу что-то предложить Зеркалу. Пришлю после среды.

Пишите,

Ваш НК

От Юли Р.:

Наум, здравствуйте.

С интересом прочла Вашу книгу, правда, читала долго.

Почему так долго, не считая, разумеется, срочных и текущих занятий? А потому, что, по прочтении первой, а тем более второй, «тетради», возникло подозрение, что все, собственно, сказано. Герой более или менее понятен, развития сюжета особого не предвидится, размышления по разным поводам сформулированы вполне отчетливо и окончательно (часто весьма даже остроумно и метко).

Подозрение это преодолела, стала читать дальше, ибо, не прочитав, и не узнаю, есть ли там какое-либо развитие — темы ли, характера ли героя (других героев, кроме, м.б. жены, там ведь нет), размышлений, наконец.

Обнаружила, что — нет. Считать ли это отрицательным качеством книги? Честно говоря, не знаю. Лично для меня, по свойствам характера и склонностям, это затруднило дальнейшее чтение. Однако же, с другой стороны — хроники, так сказать, дневник, вроде бы какое тут развитие. Тем более, что, с третьей стороны, герой стремится не литературы, а живой жизни коснуться, и, действитель-

но, общая монотонность живой жизни отображена точно. Считать ли это достоинством? Опять же, не знаю.

О сути политических размышлений героя особо говорить не буду, слишком уж мы с ним тут расходимся, но вот что, по-моему, важно: это, в сущности, единственная область, где в герое прорезывается настоящая страсть. Интересно: не по дамской части, не по семейной, не по дружеской, уж наверняка не по служебной, а именно по политической он так страстно горит, что сбрасывает даже свою обычную скуку и флегму. Горит, можно сказать, огнем мизантропии. И это значительно оживляет повествование.

Нет, он по дамской части, конечно, сильно шустрит. И, в общем, я даже понимаю, чего ему неймется, но, увы, интереснее от этого его угрюмый кобеляж не становится. Тут герой страсти, даже ненавистнической (побоялся обнажиться?), не показывает. Имеет право, разумеется, и герой, и автор, но утомляет.

Но, не знаю уж с какой по счету стороны, это безусловно прибавляет цельности образу героя нашего времени и места. А что герою этому недостает витальности, вкуса к жизни — это уж, как говорится, зе ма еш[1]*, точное отражение существующего.*

В целом, как Вы уже поняли, книга эта, что называется, «не моя», хотя вызывает интерес и на размышления. Под конец хочу только сказать, что, прочитав ее, я поняла, что собственные мои сочинения Вам никак понравиться не могли, и хорошие слова были сказаны из любезности, что на самом деле тоже приятно. Простите, что мне такой любезности не хватило.

С уважением, Юля

Дорогая Юля!

Я вам очень благодарен за письмо. Пожалуй, вы все улови-

[1] *Это то, что есть (ивр.)*

ли правильно.

Да, «монотонность живой жизни». Развития не получилось. Хотя, надо признаться, в замысле был некий сюжет становления… Возможно, когда я, уже написав, «отжал» текст, то и «становление героя», как сок, всё вышло… Ох, близость к герою до добра не доводит… Остается утешаться монотонностью. Хотя, вот Пруст, тоже изрядно монотонен, однако ж. Можно сказать, что уровень письма другой, да, это конечно, а с монотоннностью у него все в порядке.

Очень вы меня заинтриговали «пониманием» того, «чего герою неймется» по дамской части. Если бы разъяснили, то «герой» был бы вам очень признателен.

В «политических размышлениях» столько страстности потому, что они мне не кажутся, по сути, политическими, а скорее мировозренческими. Ведь все мы, хотим того или нет, играем на чьей-то стороне в гигантских противостояниях культур, и зачастую ценность нашей жизни (со стороны, если посмотреть на нее, как на некое целеустремление) определяется именно нашей принадлежностью к той или иной стороне в этой схватке буквально не на жизнь, а на смерть (причем не физической даже, а, что еще важней и страшней — метафизической). Отсюда и страстность. Не в бирюльки играем, и даже не в «территории». А в кем быть, и быть ли вообще. Такое вот «философское» резюме…

Не понял я одного: почему же все-таки, и именно «прочитав», вам стало ясно, что собственные ваши сочинения мне никак понравится не могли? Это умно, это меланхолично, это горько, это изящно. И в этом смысле даже в известной степени «мое». Нет, в «чуждости» вашим текстам не признаюсь. Кстати, я даже не могу сказать, что вам моя книга не понравилась, хоть она и «не ваша». Если интересно было читать — так по мне нет лучшего комплимента, тем более в устах столь взыскательного и даже пресыщенного читателя! По мне: если интересно читать, я уже благодарен и рад. В конце-концов, ни Кафка, ни Достоевский — не «мои» писатели, так что же, считать их неинтересными?

Рад буду, если ответите.
Искренне ваш
Наум

27.6. В школе дополнительные занятия, через день экзамен. Ученикам раздали выпускные фотографии. Нашел ее фото. Усмехнулся: дала свое старое, где ей лет тридцать пять.

Как уехала, сразу с женой полегчало. И оживилось. Позвонил переводчику Феде Макарову. Может вечером встретимся.

У Володи сидели Вайс, Ронен Сонис с девушкой и Марк. Пили коньяк. Взял со стола книжку «АНЕЧКА». Буквы в китайском стиле. Последнее «А» упало.

— Резницкий все-таки молодец, — похвалил я книжку.

— Восторги не по адресу, все, до последней запятой, сделал я.

— Молодец. Хорошо. С душой, с любовью, можно сказать. Поздравляю.

Володя благодушно настроен. Пришел Осел с неизвестным мне молодым человеком и двумя девушками. Осел с Марком сели рядом и стали усиленно подливать друг дружке коньяк, а потом и водку. Устроили спектакль на двоих:

— Лама омер зе, ээ?

— Лама ма кара ата?[1]

— Хороший анекдот рассказали, мальчик в очереди дергает маму: мама, пить хочу, мама, пить хочу, а та: потерпи сынок, потерпи. Мужик рядом говорит: женщина вы бы дали ребенку арбуз, он бы и поел заодно. А ребенок

[1] — Почему говорит это ээ? — Да почему чего с тобой случилось? (изр. сленг)

говорит: дядя, а ты бы подрочил вприсядку, и станцевал бы, и заодно поебался.

— А знаешь, как поручик Ржевский к Натали Ростовой забрался через окно, свет потух, он вдруг вылезает из окна и товарищам подмигивает. Через некоторое время опять вылезает и уже большой палец показывает. А потом вдруг страшный крик и поручик из окна вылетает и бросается наутек. Ну потом его товарищи обступили, как, мол, что случилось, ну, говорит, подмигнул я вам, когда поцеловал ее, большой палец показал, когда она на сопу легла, а когда руку под юбку запустил… ох, господа, вы же знаете как это кормить лошадь с руки…

— Бежит зайчик по лесу, а медведь его и спрашивает — тебя как звать? — Писька Камушкин. И дальше бежит. Через некоторое время опять пробегает и медведь его опять спрашивает — тебя как звать, а он опять — Писька Камушкин. Медведь ему и говорит — ты же мужик, говори, когда спросят: звать Хуй Булыжников.

После каждого анекдота юные интеллектуалы радостно ржали и хрюкали.

Потом пришли Резницкий с супругой, Наташа, Птах, Дреер. Атмосфера быстро нагревалась. Девушка Ронена, по имени Рене, изучающая на факультете лингвистики всякие древнегерманские, попросилась домой.

— Родители беспокоятся? — поинтересовался я.

— Нет, хавер[1].

— Аа, ну, это святое.

Ронен поехал провожать. Объектов больше не было, шли пьяные разговоры ни о чем, как Птаха в парке Сакер, когда отошел отлить в кустики, чуть сзади не поимели. Поддатый Птах умиленно глядел на меня.

— Петь, ты чего?

— Люблю я тебя, так клёво…

[1] Дружок (ивр. сленг)

Пригласил на день рождения.

Дрееру я подарил книжку. Суровый змеелов расчувствовался и понес, размазывая сопли, как он счастлив в Иерусалим возвращаться, какой это город, что в Хайфе он случайно оказался, поехал за любимой девушкой, а потом к другой от нее ушел, но они иногда встречаются…

Потом косячки пошли, Петя завел египетскую певицу Атлас. В кайф. В полдвенадцатого, не дождавшись звонка от Феди, я отчалил. Федя позвонил уже в дороге. Завтра будет в Тель-Авиве.

28.6

Встретился с Федей Макаровым. Симпатичный паренек, похож на молодого Ван-Гога, даже шляпа соломенная имеется. Оказывается, он с цирком Куклачева выступает, с кошками и собачками. Сели на скамейке за музеем Рубинштейна. Неожиданно разговорились «о жизни». Я рассказывал о книге, о том, что меня так злит по части «идеологии», не в территориях, говорю, дело, а страшно, что хребта нет у этого народа, у этого государства. Он спросил: «А какой у Франции хребет?» Завел меня, понесли про культуру и нацию. С час проболтали. Потом я отправился интервью давать по радио.

Ведущая была когда-то ничего, и обходительная, но как измордовала! Начала с того, что перепутала фамилию, и все эти прибауточки: «А сегодня у нас в студии дорогой гость, автор нашумевшего…», после чего называется другая фамилия. Только попытался что-то путное сказать: звонок радиослушательницы. «Одну минуточку, кажется у нас уже звонок в студию, пожалуйста представьтесь! Аа, Ира, это вы!» Ира Гробман, отвесив положенные по случаю комплименты книге, занялась рекламой «Зеркала», что вот и Соостера книгу издала, и Гольдштейна готовит (не только один Вайман, понимаш), и всё под ее чутким руководством. Ведущая потом оправдывалась, что, мол, побоялась, что нечем будет полчаса заполнить, вот и организовала

звоночек…

От Л:
Ну, разъяснила тебе Юля чего герою неймется? Будешь встречаться с Кононовым? Очень он порадовал, что Щель отдалась Европе. А куда Матвей пропал? Ты что, на самом деле философией больше не интересуешься (шутка)?

Что христианство было декадансом античности, философией мироотрицания, проявлением угасающей жизни, что в фанатизме справедливости сидит тайная жажда мщения всех ущербных, в этом Ницше может и прав, но приписывать именно евреям эту «смертельную ненависть к реальности», — нет-нет, сам же пишет: евреи «выбрали бытие любой ценой». А то, что «ценой этой стало радикальное извращение всякой природы, всякой естественности, всякой реальности» — это, скорее, к ассимилянтам относится, от еврейства бегущим. А настоящие евреи христианство не приняли и стояли на том насмерть.

Вчера ужасно устал, притащился домой к десяти (после радио еще на работу попер), но адвоката сегодня отымел. Перестал вусмерть трахаться и начал выигрывать в теннис. Что приятней, как вы думаете?

Не только к жене привыкаешь, но и к любовнице…

А у Философа была приятная манера: перво-наперво брючки растегнуть, спустить трусики и взять на язычок… Как вспомнишь, так вздрогнешь…

Ирке позвонил. У нее была «встреча в эфире». Хотел спросить, как же ты: так меня ценишь, а в интервью всех упомянула, кроме меня, и на моей радиопередаче только про себя, да про «Зеркало» трындела. Но не спросил, и правильно сделал. А она мне жаловалась на критику

в «Сплетении», злилась на Толстую: «Это Гробман — всегда по генеральной линии выстраивался? Мы недавно на банкете были, Перес был, Якоби, все писатели израильские и так далее, ну, и славословия всякие, а Миша встал, и сказал что мы живем в государстве, в котором процветает работорговля! Это он-то — по генеральной линии!»

Да, приревновали они меня к «Сплетению».

29.6.2000

Ах, Наум, Наум,

уж так я старалась соблюсти сухую беспристрастность, а Вы взяли да одной фразой все и разрушили — " «герой» был бы очень признателен»... Неужто «близость к герою» аж так велика? А я-то себя прилежно убеждала не делать элементарной ошибки, не поддаваться искушению (сильному) отождествить героя с автором, а считать, что персонаж выдуманный... И убедила вроде бы успешно, а тут на тебе.

Но ведь тогда коленкор совсем другой, и оценка совсем другая, ибо оценивать приходится не «героя», а автора... И тогда, простите за прямоту, «интересность» героя сильно снижается, ибо как ни занимателен автор сам для себя, а для того, чтобы стать ему «героем», все-таки мало одной «живой жизни», необходимо нужна «литература», никуда не денешься.

А кроме того, читатель (я) лишается возможности свободно и непринужденно разглагольствовать, например, по поводу описанных в книге амурных сюжетов, ибо одно дело обсуждать (осуждать?) «героя», и совсем, как Вы понимаете, другое — Наума Ваймана, о котором даже посплетничать не так интересно, поскольку совсем его не знаю. Ну, и неудобно как-то, черт его знает, как воспримет.

Вот видите, куда нас завлекла одна Ваша неосторожная фраза. Или намеренная?

За хорошие слова про мои соч. еще раз спасибо. Убедили (почти).

Если будете реагировать, не забудьте употреблять RTF.

Ваша
Юля

PS. Смотрите-ка, что делает Емеля! Разве без него у нас развилось бы такое бурное общение? Может, эпистолярный век еще впереди?

Эпистолярный век, особенно виртуальный, в самом разгаре.

Насчет «признательности героя» — это была, конечно, милая, но чересчур напористая шутка. Ну, а насчет «близости к герою»… Да конечно, ничего тут не выдумано, написано же: «дневник, так дневник, погром так погром», вряд ли вы это не поняли. Снижает ли это интерес к нашему «герою»? Может у вас и снижает, но у человека «отдаленного» (во времени или в пространстве) — ничуть, наоборот, разве подлинность описываемого снижает к нему интерес?

А насчет «свободы разглагольствовать» — воля ваша, я, можно сказать, отдался.

В этом и суть книги — в отдаче. Мне даже кажется, что такого «жанра» еще не было, Сошкин назвал это «способом вербовки читателей». Только не читателей я хотел «завербовать» (не только), а знакомых. Виктор Топоров свою рецензию на мою книгу назвал цитатой из нее же: «Хотел бы познакомиться с понимающей…» Кстати, очень забавная (и крайне злобная) рецензия, если интересно, могу «перекинуть». Есть какая-то странная тяга (неуемная.., так что же неймется-то?) к общению, как у котенка из одного мультика, который ко всем во дворе подбегал и говорил: «Собачка-собачка, давай с тобой дружить?» Может истерия своего рода… Вот и идем на крайности.

Кстати, вы мне так и не ответили, как Чаплины «прореагировали»?

Всегда Ваш
Наум

Позвонил Володя. Наверное хотел узнать, как мне

«Анечка». Но не спросил. Впрочем, я сказал ему, что эти два дня был в запарке.

Хочет «Зеркалу» предложить стихотворение.

Сказал, что Птах «читает книгу» и ему нравится, называет меня хорошим рассказчиком.

От Морева: *Дорогой Наум, Все прочел, в том числе и attachment.*

Я готов опубликовать рецензию на ваш роман, но, по словам Гольдштейна, его текст огромен для нас. Наш объем — 5 страниц. Если Саша сократит — прекрасно.

У вас «академический» адрес? Вы в Университете?

Vash GM

Глеб!

Очень рад, что ответили

Адрес действительно университетский — жена работает в Университете, а я — пристроился.

Саша сегодня будет у меня, я его спрошу. Всегда Ваш

Наум

30.6. Затеял «встречу писателей», выпьем, закусим, я на гитаре побренчу, будем дружить… Гольдштейн приехал рано, сказал, что Зайчика не будет. Кажись, спугнул я его своим напористым дружелюбием. Что ж, может он и прав, зайчуня, и тем самым предотвратил еще большую бессмыслицу и нелепицу… Лишний раз дивлюсь своей настырности. Впрочем, если б мы выпили, то неловкость бы улетучилась. Как мне кажется. А может он не захотел приехать из-за Гольдштейна: неловко выпивать с подчиненным… Гольдштейн сообщил, что Иры его тоже не будет, она приболела, зубы, неудачно что-то сделали («Да, врач виноват. Я собираюсь потребовать с него денежки». Слово «денежки» прозвучало странно, не его лексикон, тоже, наверное, нервничает…). Потом пришли Добровичи. Включил телевизор, Голландия-Италия, полуфинал. Позво-

нил Верник, они не туда заехали, стал их «вести». Вскоре он решил, что: «Все, дальше мы знаем.» Но время шло, а они не появлялись, ожидание и общая неловкость ситуации действовали на нервы. Куда ж они пропали?! Но Гольдштейн с Добровичем мирно беседовали, моя нервозность им, похоже, не передалась. Спросил Добровича:

— А где вы хотите вашу рецензию напечатать (ну наглый стал), в «Иерусалимском журнале»?

— А вы хотите, что бы я написал о книге?

— Конечно хочу.

— Вообще-то я больше с «22».

— Аа. В «22» могут возникнуть трудности.

— За то, что вы их…?

— Ну да.

— Не думаю.

Наконец, Верники явились. Саша своей шумной веселостью смягчил ситуацию, вообще от него идет добрая аура (да, я стал чувствительным на такие вещи, люди меня раздражают или успокаивают уже на уровне «излучения»), и я расслабился. «Наум, можно я позвоню?» — спросил Гольдштейн. «Да, конечно, о чем речь!» Когда он вернулся, и стали садится за стол, Верник его спросил: «А где Ира?» Гольдштейн опять рассказал про зубы. А когда по рюмашке дернули, Верник стал вспоминать, что когда в прошлый раз (описанный в мемуарах) собирались, то Гольдштейн тоже был без Иры, но той еще, прежней… Гольдштейн немного напрягся, я во всяком случае почувствовал напряжение. Побыстрее дернули еще по одной. У Добровича аура нейтральная, с ним все было по-свойски, как и с женой его, Наташей, все время загадочно улыбавшейся. Как будто что-то такое очень интимное про вас знает, но, конечно же (и тут играла улыбочка), никому не расскажет. Добрович после нескольких рюмок захотел сказать слово: хвалил книгу — хоть прячься. Бутылку «Абсолюта» довольно быстро прикончили (дамы пили крепкую клюквенную наливку, литовскую, а Гольдштейн красное сухое, не увле-

каясь), явилась тень Бараша и стала витать над опустошенным столом, вспоминали его шуточки («Друз не играет в хоккей», «Да-да, друз не играет в хоккей, — многозначительно повторил Верник, — это верно…»), потом вдруг всплыл Шамир, и никак не хотел вновь ложиться на дно, упомянули и Гробмана, вскользь, я с удивлением чувствовал, что абсолютно и скучно трезв… Гольдштейн в начале одиннадцатого заторопился домой, последний автобус, Ира больна. Верник предложил ему подождать, он его подкинет, но Гольдштейн был тверд. Я проводил его до автобуса. Когда вернулся, атмосфера как-то прояснилась, потеряла свое «литературное значение», просто сидели три мужика, выпивали, смотрели как итальянцы вышли в финал по пенделям. Верник был мистически поражен совпадением «ситуации Гольдштейна».

— Ты знаешь, ну прям точно, как в тот раз, вот так же, как сейчас помню, он просил у тебя позвонить, так же рано ушел…

Утром Верник позвонил

— Обычно, — смеюсь, — ты звонишь узнать, как я добрался, а теперь — как я остался?

— Ну, ты же нас проводил, хотел узнать как ты дошел… Слушай, у меня из головы не выходит это совпадение… Вообще мне почему-то Гольдштейна жаль. Ну, ты понимаешь, не в том смысле… Но какое-то от него исходит тревожное напряжение…

1.7. Зайчик даже не позвонил. Это грубо.

От Л: *замечательная новость — спецлитагент (Пам Бернштейн) посоветовала обратиться от ее имени к другому агенту, Михаэлю Карлейлю, мать которого русская писательница. Как ты понимаешь, она сможет прочесть книгу. Пока не знаю его адреса. М.б. сумею с ним встретиться и передать книгу. Приезжаю 19 июля. А ты записал свою*

радиоболтовню для меня? Кто ведущая?

Нет, записать не удалось, это живой эфир, без повторений. Поручил жене, а у нее магнитофон испортился, поручил М., а он проспал. Туда ей и дорога, этой болтовне. А имя ведущей тебе ничего не скажет. Что касается агентов, то остается только надеяться. Жду тебя.

Разносил книгу по магазинам: я видите ли в некотором роде писатель, вот у меня книжка вышла в престижном петербургском издательстве… Встречают настороженно, как будто деньги пришел просить. Крутят книгу в руках, не зная, что с ней делать:

— Ну оставьте один экземпляр… Какую цену Вы хотите?

Сообщать о продаже не собираются, много вас тут ходит со всякими книжками.

— Можете нам позвонить.

В «Стемацком» листал альбом Фалька. Очень «теплый» художник. Поэтичный, мягкий, мудрый. Поэзия грусти, прощения и любви…

От Л:

вспомнила, как ты поставил пленку с записью интервью Окуню и как мы смеялись, это было по дороге в Шореш… а ты знаешь такую писательницу Karlyle? А вообще уже совсем скоро, но все равно не терпится обнять…

мне тоже…
Я знаю писателя Карлейля, но он давно умер.

Есть идея: под предлогом встречи с Кононовым махнуть в Синай. Как тебе?

3.7.2000. От Л:

идея гениальная. Есть самолет в Эйлат, слышала, что очень удобно и быстро. Я давно мечтала о Санта Ката-

рине…

да-да, Санта Катарина…

удобней на машине, но этот план еще потребует серьезных уточнений

Наум,

эпистолы наши постепенно закручиваются в мертвую петлю. Вы — отдаетесь, я, читатель (а не «знакомый») — никак не беру, не вербуюсь, всё «литературы» ищу. Так оно, боюсь, и останется.

Так я и останусь при своем упорном недоумении, с кем и с чем я имею дело — даже, кому вот сейчас пишу. Полагаю, Вы должны быть довольны — не того ли добивались?

И вообще, Вы, кажется, переоцениваете мою способность к пониманию — с каждой Вашей запиской ситуация становится все менее ясной. А уж когда Вы упомянули «вербовку знакомых», тут уж и вовсе непонятно мне стало, стоило ли ради этого такой большой огород городить, столько трудов. Хотя, впрочем, про котенка с собачкой Вы убедительно объяснили.

А насчет «нейметься» — как уже говорилось, имея дело ***не*** *с «литературой» и* ***не*** *будучи «знакомой», ощущаю при обсуждении этой темы элементарную неловкость, к-рую преодолеть не могу. Такой у меня закидон, простите.*

Семейство Чаплиных разделилось по поводу Вашей книги след. образом: Слава прочел всю и сказал «Нет, все-таки интересно, хотя местами очень противно, нет, но все-таки интересно». А Лина читать начала, но не осилила. Они, впрочем, меня не уполномочили передавать Вам их мнение.

Рецензию, разумеется, охотно бы почитала, и, м.б., позлобствовала бы вместе с рецензентом.

Нет, не доведет нас Емеля до добра, я ведь тоже жажду «дружиться», а что получается?

Ваша —

Юля

Хорошо, Юля, пусть так и останется. Писатель пусть пописывает, а читатель…

И эпистолярные приключения — дело действительно не столь уж безобидное, как могло бы показаться, на этот счет я мог бы порассказать прелюбопытнейшие истории. Кстати, моя склонность «идти на контакт» с вызывающей агрессивностью, как на драку, чаще всего приводила меня к неудачам, неловкостям, обидам — мало кто так любит «подраться». Одна из таких «неувязочек» произошла совсем недавно, но вдаваться в подробности, то бишь сплетничать, пожалуй, не буду, тем более, что скорее всего речь идет о вашем знакомом.

Вопрос о том, что же герою неймется, также снимаю с повестки дня, сам с ним разберусь, с героем этим.

Рецензию Топорова посылаю.

То, что Чаплину было местами противно, не удивляюсь, самому местами противно (интересно сравнить, о тех же ли местах речь?). Хотя я не понимаю, почему такая мутная волна идет перед книгой, это от «добропорядочных», то бишь от ханжей (это не выпад против кого-то лично, так, рассуждение) исходит? Кстати, я помню, что когда в первый раз прочитал «Эдичку», то мне было… нет, не противно, а скорее обидно: такой темперамент, а бьет мимо, или по воробьям.

Смахнув шляпу, рисую пером кренделя на дорожном прахе…

……

Хотел послать вам еще хотя бы одну рецензию, из «положительных», для баланса, но решил что хватит о себе любимом. Давайте лучше о Вас: как Вам понравилась моя последняя статья?

Перевожу дальше «Эпилог» Шабтая, для «Солнечного сплетения». И вновь удивляюсь его способности так томительно закручивать фразы, следя за малейшими колебани-

ями души, хаотичными, как рябь на море.

Арон Амир прислал свою статью о евруках («иврим»): ханаанейцы, Ратош, обновление нации, «долой еврейство».

«Единство распадается, и случай становится последней инстанцией, хаос — подлинной действительностью, фанатизм — единственной опорой… вселенское Целое предстает экспериментальной мастерской и человек, обманывая себя, принимается планировать это целое, но в глубине души не может не сознавать обмана — и вот все выше, все мощнее поднимается Нигилизм.» (Ясперс)

А вот Гете:

«Истинное уважение можно испытать лишь к тому, кто не ищет самого себя… Должен признать, что за всю мою жизнь мне приходилось встречать самоотверженные (героические!) характеры… лишь там, где я сталкивался с прочно укорененной религиозной жизнью.»

Без Бога человек — в состоянии «свободного падения».

4.7. От Л: *так что, нашел переводчика?*

Рекомендовали, он Шаламова переводил, молодой парнишка, но я не очень на него расчитываю.

Мой партнер по теннису («кабанчик»), румын, обещал взять книгу в Румынию, у него брат по кино-радио, чем черт не шутит.

И я взялся опять за Шабтая, «Солнечное сплетение» хочет напечатать фрагменты.

Какие-то люди —
Сплошь не из нашего века.
Здесь вообще времени нет –

Пытка вечностью
для обычного человека.
Натерпишься страху,
Даже у Сфинкса
веки содрали нахуй.

Звонил Прайсман: прочитал ли я его статью в «Окнах» об убийстве Столыпина. Обещал ему прочитать.

5.7. Утром читал «Анечку». Адовы дали…

Перевожу Шабтая. Предложения на полстраницы, закрученные в спирали, с навсегда погибшей в них возможностью выпрямиться с пружинным визгом, рябь жизни, герой (автор?) как щепка на этой ряби, взгляд автора-героя равнодушен, но в этом равнодушии какая-то жестокость паталогоанатома.

Это роман о смерти, которая уже пришла, о духе, который весь вышел, о жизненной энергии, которой пришел конец.

Неожиданно позвонил Зайчик (через неделю!). Извинения-сожаления, что не смог прийти. Оно, конечно, лучше поздно, чем никогда, но… странно.

6.7. После тенниса поехал на кладбище, уже 15 лет как Л. умер. Раз в год встречаемся на поминках. Мать еще жива. Все так же громко причитает (впрочем, еще громче, глуховата стала): «Л-чка! Ты уже скажи там Богу, чтобы я скорей умерла! Мне уже надоела эта жизнь! Я даже не имею кому сказать как мне надоела эта жизнь!» Яна: «А мы вчера на Розенбауме были. Да у нас, в Храме Культуры в Ришоне. Слушай, потрясающе. Вот человек не халтурит. Он даже стихи читал, он же сам свои песни пишет. А вот теперь и стихи читал. Не, здорово было».

Подхватил Бренера с Барбарой на перекрестке, пока-

тили в Ерушалаим. Значит он уже два года живет в Вене, с этой Барбарой: метр восемьдесят, лошадь-манекенщица с ангельским личиком, даже губки влажные, лет тридцать. Они вдвоем книжку выпустили «Вас ис дас радикал-демократише культур?» На трех языках. Борются с фашистом-Гайдером[1]. Подражает Лимонову? Бренер энергично опроверг, мол, для Лимонова политические игры — это спектакль, и его построения «культурного» (в смысле места в культуре) имиджа, этакого писателя-сорвиголовы, театральны, попросту — игра, а для него, Бренера, это серьезно. Вообще он немного поседел и ссутулился, бойцовская стойка профессионального дворового драчуна как-то сгладилась, сутулость перестала быть вызывающей, в ярой поджарости уже появился намек на стариковскую сухость, «р» во рту рокотало с неожиданной мягкостью (картавые демократические приобретения?), а если добавить к этому легкую гнусавость, а также удлинившийся нос (из-за дополнительной сутулости линия от плеч к носу стала уж совсем чуть ли не «чего изволите-с»), то итоги можно подводить неутешительные: борьба за радикальную демократию не пошла волчаре на пользу. Хотя, конечно, он все еще был мужик хоть куда, хоть в пизду хоть в Красную армию, и я Барбару понимаю. И одобряю. Среди немцев такой экземпляр теперь и не сыщешь, нацию вычистили.

По дороге они наперебой (Барбара прекрасно говорит по-русски, учила достоевского-шмостоевского и несколько лет жила в Питере, личико ну просто ангельское) рассказывали мне о борьбе с Гайдером, фашистом проклятым, порядок, понимаш, заводить вздумал, цветные ему, понимаш, не нравятся. Я было робко вступился за европейский нео-фашизм, мол, не хотят немцы или французы в ислам переходить (а ведь заставят!) или менять цвет кожи (а ведь заебут!), «во-во!» дружно воодушевились они, «и Гайдер

[1] Австрийский политик

тоже самое утверждает». До меня все-таки дошло, что сочувствие Гайдеру выказывать нельзя, они так и из машины на ходу выскочат. Благо мы уже подъезжали к Тарасову. Как раз к пяти, ровно.

У Тарасова сидел Зелинский с лицом изможденного Иисуса, «хавали» суп.

— Сам сварил! Но вам не дам, ха-ха-ха!

Тарасов был слегка возбужден.

— Мне надо похавать. Если я перед Птахом не похаваю, я не знаю что со мной будет. Потом придется оливковое масло заливать, желудок лечить. Мне обещали травку и экстази!

Может это радостное возбуждение от предвкушения?

— Вы не представляете, как меня сегодня наркота заебала! С утра толкутся тут, только сейчас спровадил.

Реверансы Бренеру и Барбаре были самые дружеские.

— Я ужасно рад, что ты приехал! — Тарасов нежно подержал Бренера за локоток. Вернулся к супу. Выпили оставшееся пиво. Бренер с Барбарой решили выйти, купить пива. Принесли большие желтые банки.

— Бля-ать! Чо ты принес! Это же суррогат! Никогда не покупай вот такое, с медведем, никогда!

Опомнившись, Тарасов все-таки поблагодарил Бренера за щедрость и хлопоты.

К Птаху, а тот просил прийти пораньше, «пообщаться», пока гудеж не пошел, шли через тесные проулки средневекового гетто. Нахлаот — это улей. Здесь нет домов, квартир, здесь просто соты, налепленные друг на друга, кубистический пейзаж, местами покосившийся, местами оплывший. У Птаха две комнатушки и махонькая кухня (напомнило «дачную» нищету Пепперштейнов в Неве Цедеке, но там хоть Вика, цветочки в углу, в общем, благотворное влияние женщины, а тут — мерзость запустения, «плюем на все», но при этом классная акустическая система, горы дисков, изысканные книги: китайская поэзия, французская философия, скорее нора неряшливой богемы

чем благородная нищета художника. И слишком много (на мой вкус) психоделического… Начали с легких жанров: пиво, красное вино (я принес), постепенно утяжеляя: бренди, водка, подходили гости, в комнатухах уже стоял плотный запах марихуаны, обсуждали какими снадобьями продолжить («не, это не бери, потом трахаться слишком хочется…»), пошатываясь, вылезали на крышу («Петя, — говорю, — у тебя пентхауз?!»), на крыше валялись рваные одеяла и ножки от табуреток, напротив, через дорогу внизу, где Ган Сакер, видно здание Кнессета, правее — Верховного Суда, садилось солнце. Кто-то забил в бубен, кто-то застучал на гитаре, запел. Мы, старики (Тарасов, Бренер, Вайман), сидели во дворике, Бренер ораторствовал о тотальной коррумпированности, требовал «отрефлектировать все элементы социальной иерархии», мол, и художники все коррумпированы («вот и ты, — уел он Володю, — торчишь тут на халяву и упиваешься поклонением тебе, как мэтру»), разъяснял свою «радикальную демократию»: надо дать высказаться низам, прозвучать музыке рабов, «вот у рабов нет коррумпированности», про анархию заливал, на Фуко ссылался. Ну, а я ему: освобождение от рабства — плохой способ борьбы с коррупцией, рабов надо покрепче привязать к веслам и не сюсюкать по поводу их несказ*а*нной муз*ы*ки. Барбара заскрипела зубами. Тарасов куда-то исчез, когда вновь вышел во дворик, то, облокотившись, как Герцль на перила балкона, надолго застыл. Просто застыл. Потом раздался вопль на весь квартал: «Бля-аать! Как я торчууу!» И дикий смех колокольчиком. После чего поэт оторвался от перил и радостно затопал ножками, что-то вроде веселого танца «торчок». Но его сильно шатало, и он опять схватился за спасительные перила. Бренер был трезв, они с Барбарой только пивка пригубили, и, кажется, голоден. Предложил пойти поесть. Я тоже протрезвел, смешно сказать, ну выпил полтора стакана вина, ну погорланил во дворике на разбитой гитаре «Ты жива еще моя старушка» — все в ужасе разбежались, осталась одна некра-

сивая девушка… Протрезвел и помрачнел. Пир на празднике чужом. Тут были ничего девушки, но я им годился, ну, если еще не в дедушки, то уже и не в папы, в общем, эх-ма, ладно, пошли пожрем-с. Мясца?! Бренер что-то неопределенно промычал насчет мясца и мы тронулись.

— А меня что, не берете?! — возмутился Тарасов.

Он оторвался от перил и чуть не перемахнул через них.

— А как ты себя чувствуешь? — участливо спросил Бренер.

— Я в порядке, я в полном порядке.

И мы пошли четвером обратно на Агриппу. Тарасова по дороге мотало, один раз он даже почти упал, присел этак на тротуар.

— Сейчас. Отдохну.

— Рассуждаешь ты еще здраво, — говорю, — но двигаешься уже неуверенно.

Он усмехнулся. Присели у «С*а*ми»[1]. Володя, пошатываясь, пошел заказывать, он чувствовал себя хлопочущим хозяином. Принесли салаты и пиво. «А мясо?» — говорю. «Мы вегетарианцы», — произнесла Барбара трудное русское слово. Ладно. Закусили. Володя мучил лицо: скалил зубы, рычал — все беззвучно. Два раза чуть не упал со стула. Таким я его еще не видел. Разговор не пошел, да и так все было ясно. Я сказал, что буду в августе в Тироле, пригласили в гости, обменялись телефонами и «емелями». В полдесятого я отчалил.

А вообще Бренер личность магнетическая. Настоящий «боец невидимого фронта», вот, у которого, что называется, «рука не дрогнет». Сегодня эта порода вырождается, пора ее заносить в красную книгу. И ведь чем приходится заниматься: обсирать музеи и малевать доллары на Малевиче. Или вот черному пролетариату подмахивать. Подлое время…

[1] обычное израильское сокращение имени Самуил

И не прав я, что он «ссутулился», может физически и так, но пружина жива, только еще круче, еще опасней завинчена. Всю ночь он мне снился…

Позвонил Прайсману, доложил: статья прочитана. Признался, что цифры меня поразили: почти три тысячи убитых в актах террора, меньше чем за пять лет?! Да это настоящая террористическая война!

— А ты что думал. У левоэсеровских радикалов был «Форд», и они на нем разъезжали и отстреливали городовых.

— Да… И еврейские мотивы у Багрова, Азефа и прочих ты отметил правильно. Конечно же они мстили. Я всегда так думал…

Наум,

над рецензией Топорова и не злобствовала, и не веселилась, а, наоборот, удручилась и озадачилась.

Понятно, что бедную нашу лит. периферию можно не любить и не уважать, но не пожалеть на нее такой бадьи яда — это уж как-то вне всяких пропорций. Он, в сущности, и Вашей книгой воспользовался лишь как воронкой для прицельного выплескивания этого яда. Давно, видно, копилось. А чего, спрашивается?

Объяснений, помимо общего великодержавного высокомерия и личного его зоильства, вижу два. Либо ему, метропольному, кажется, что периферия эта чем-то может ему грозить (но чем?) — либо его выводит из себя мысль, что где-то там на задах мироздания кто-то осмеливается претендовать на участие в лит. процессе, который принадлежит только и исключительно ему, метропольному. Да эти кто-то еще вдобавок жиды (он сам — не? впрочем, даже если и да, то тем более), оседлали принадлежащий ему великий могучий и скачут на нем во все стороны, как на своем. Оба объяснения какие-то дикие.

А он что, считается серьезный критик? Я про него ниче-

го не знаю. Да и знать особо не хочу. У периферийных собственная гордость. Даже если собственных критиков нет.

А еще попробую послать Вам одну из своих комп. картинок, как раз на самую волнующую Вашего «героя» тему. Не знаю только, откроется ли.

Ваша —

Юля

Юля, я порадовался вашей проницательности, раскусили вы его напрочь, и даже то что — еврей, догадались. Да и не может никто кроме ссученного еврея чувствовать себя в такой степени угрожаемым нашей «периферией». А вообще-то он человек «в русской литературе» известный, например, у меня есть книга стихов немецкого поэта (кстати, примыкавшего одно время к нацистам) Готфрида Бенна в его переводах (некоторые говорят — неудачных, но мне какие-то стихотворения понравились, может не сумел испортить?), и еще он написал роман «Записки скандалиста» (может я ему конкурентом привиделся?), где он называет себя, как мне сказали, «русский, но родители евреи». Я не читал. А вообще у него репутация «вонючего мудилы» (цитирую авторитетного литератора). Но документик, как вы изволили убедиться, прелюбопытный.

Картинка «открылась», оказалась актуальной на данный момент (Барак летит в Вашингтон, кстати, знаете, как Барака зовут? Эфес эхад шалош[1]). А вообще у меня от нынешней израильской (вообще еврейской?) бесхребетности просто ломка… Я уж думал, что книга поможет както успокоиться, и действительно, год я почти не подходил к телевизору и не брал в руки газет — да катитесь вы (летите, голуби, летите)! — ан нет, прут на меня эти новости из всех щелей. Капитуляция за капитуляцией. И конца это-

[1] Цифры (013) кода для международной телефонной связи компании «Барак», на сленге звучит как «трижды ноль»

му.., хотел сказать — нет, однако ж в том-то и дело, что есть. Как Ларошфуко говорил: женщина, согласившаяся говорить о любви (как политик — о мире!), уже наполовину отдалась.

Я рад вашим письмам, пишите.

Наум

7.7. Пятница. Звонок — как сверло в висок. Теща. Ворвалась бурей.

— Сволочь! Она потеряла мое направление! «Идите теперь к Финку, подтвердите»! Идите сами к Финку! Я вам что?!

— Сядь, мама, попей чаю…

— Я не могу, у меня такое настроение… Сволочь! «Идите к Финку»!

— Ну, хорошо, мама…

— Ничего не хорошо! Из под земли чтобы нашли! Из под земли! Вы меня доведете до инфаркта!

Жена:

— А ты знаешь, я почитала Бренера и мне понравилось.

— Да? Что же тебе понравилось?

— Ну, ясно, что человек хочет сказать. И современно.

Взял я их «манифест»:

«Призрак бродит по планете — призрак радикально-демократической культуры. То в анонимном рисунке палестинского граффитиста, то на институциональной выставке в Вене, то в маргинальном чикагском журнале, то на рабочей демонстрации в Мексико-сити (ну да, он же сказал, что переписывается с сапатистами) — то тут, то там — возникнет вдруг изображение или текст, криком кричащий или спокойно констатирующий: «радикально-демократическая культура — в действии!…

Все силы неолибералистического сообщества, все скрытые и явные агенты глобализированного капитализма едины в священном порыве затравить этот призрак… А что же

сами радикальные демократы? Каков их собственный язык, то есть какова их собственная клокочущая истина? Какова их идентичность, то есть каковы их способности к сопротивлению в момент, когда ничто уже не может служить рецептом: ни дохлый ситуационизм, ни измордованный внутренним большевизмом РАФ, ни экспрессионистский постструктурализм Делёза, ни параноидальный, хоть и героический Унабомбер, ни двусмысленная «субверсия» восьмидесятников, ни двурушническая левизна Жижека и его адептов? Пора уже «мастерам» и «мастерицам» радикально-демократической культуры передо всем миром открыто изложить свои взгляды и свои намерения, представить свою теорию и свой праксис и противопоставить сказкам о призраке либерально-демократической культуры осмысленную и четкую позицию. С этой целью встретились в стерильном и мертвенном пупке Объединенной Европы — в право-консервативном городке Вене — две революционные кошки по имени Барбара Шурц и Александр Бренер, и составили текст, который вы сейчас читаете.»

Это, конечно, не Маринетти, но… И в чем же, блин, их «клокочущая истина»?

Здесь одни жуют маслины,
А других клюют павлины.
Здесь одни едят кокосы,
А других съедают осы.

Пулю в дулю:
Меть в бабулю.

Или:

Всюду смертельная инъекция!
Всюду электрический стул!
Всюду одна дезинфекция
И дискотеки разгул!

Вместе, вместе —
Как волосы в тесте!

Или:

Да здравствует солидарность кривых,
Убогих, безногих и полуживых!
Крепите цепи эквиваленций!
Влепите боссам под жопу коленцем!

Бум! Бум! Бум!
Что за шум?
Это панки
Штурмуют банки!!!

Или (последнее в книге стихотворение):

Деньги. Сон. Стакан. Подтирка.
Прыщ. Спагетти. Корридор.
Утро. Бритва. Ложе. Стирка.
Деньги. Член. Рубашка. Сор.

Ухо, горло, нос!
Сиська, писька, хвост!

Последняя строка жене особо понравилась.

Все это перемежается разъяснениями «актуальной политической и культурной ситуации мультикультурализма», «несоизмеримости двух миров, двух культур — угне-

тателей и угнетенных» и объяснениями «почему преодоление исторического образа государства всё еще актуально — и даже более чем когда либо».

Ну и, конечно, антиглобализм: «Глобализация, то есть интенсивное разбегание капитализма в разные стороны, создает мировую экономику, базирующуюся на космополитическом ограблении всех трудящихся…»

Почему я так разболтался-расцитировался на тему «Бренер»? Он чудовищно косноязычен, словесные приемчики избиты, но в речи есть энергия, напор, наглость. Его мягкая тигриная повадка завораживает, почти сексуально. Даже Тарасов готов вильнуть хвостиком. И эта жажда крови и насилия, жажда бунта… Эх, была бы страсть, а уж господ ли к стенке ставить, или рабов распинать вдоль дорог — кто подвернется.

Одной ли мы крови с ним? Нет, пожалуй. Мне кажется у него с юмором слабовато. Атрофирован. Вот и глава есть в манифесте «Серьезность и несерьезность»:

«Нам резонно возразят: а разве современная культура действительно серьезна? Разве не хихикает она и не паясничает, разве не идиотничает и не корчит рожи? Разве не боится, как смерти, трагического?…»

Тоже вот, хоца трагического…

Позвонил Володя:

— Тебе было интересно?

— Да, Бренер, конечно, интересный малый…

— Он один из последних интернациональных бойцов. И из самых умнейших людей, каких я знаю. А Барбара — какая умница! Как философию знает — заебись!

— Да… Надеюсь, мы еще пообщаемся.

— Обязательно, обязательно пообщайся…

— Хотя, в какой-то мере я интерес к нему утратил. Знаешь, когда еврей начинает искать «пролетариат», жаждущий, по его мнению, освобождения, а если нет пролетариата, так он вместо него найдет чернокожих, «загорелых»,

палестинцев, в общем, угнетенных…

— Ты зря с ним про политику!

— Ну, во-первых, он политикой занимается. А во-вторых, дело не в этом. Он мне показался неискренним.

— Неискренним?!

— Ну да. Силушку некуда девать, хочется мирового пожару, это я понимаю, только не трепись мне про угнетенных, освобождали уже, пошло это. Да они ж его первого, на ближайшем фонаре, под «музыку рабов» и повесят, и правильно сделают. К тому же он литературно — уникально бездарен.

— Да, это верно. И он это знает. Но зато какие у него были перфомансы!

Марик Шохам сообщил, что у Винокура будет презентация, вышла книга рассказов «Это я вывел вас, козлов, из Египта!»

— Как, а тебя разве не пригласили?

— Нет, впервые слышу.

— Ну я сейчас ему позвоню, узнаю.

Нарвался по НТВ на концерт Розенбаума, испугался, уж не у нас ли?, но нет, слава Богу, у них. Всё ихнее вонючее селебрити сидит. Макаревич, лицо руками закрыл, от стыда что ль, но зачем тогда пришел? Губанов. Актрисы. Тоже стихи читал, и афоризмы. А как заорал про «печаль дождями с крыш», так бы и запихнул ему банан в глотку.

8.7. Позвонил Винокур, пригласил, могу и привести, кого захочу. Может ему Бренера подсуропить?

А Бренер все-таки из головы не выходит. Вот утром взял с полки Карла Поппера (искал, что Озрику на день рождения подарить) и старый еврей таки надоумил: перед нами типичный враг открытого общества. Это же про Бренера: «эстетизм и радикализм должны привести нас

к отказу от разума и к замене его безрассудной надеждой на политические чудеса». Но тут же и оправдывает: «сила древних и новых тоталитарных движений… основана на том, что они пытаются ответить на вполне реальную социальную потребность». А может, не столько социальную, сколько психологическую? Поппер, конечно, зациклился на нацизме и коммунизме, что не удивительно, однако дело не в тоталитаризме, и даже не в социальной потребности. Ведь сам пишет: «открытое общество постепенно может стать тем, что я хочу назвать «абстрактным обществом»», в котором люди «живут в анонимности и одиночестве», а следовательно, в несчастье (!)». И на чём же он основывал свои надежды на «лучшую жизнь» в «открытом обществе»? Основные тезисы: «ты прежде всего интеллект» (таков, якобы, был ответ Сократа) и «вера в человека». Ну, «вера в человека» вообще не выдерживает никакой «научной критики», не говоря уже о том, что тут Поппер проваливается в столь чуждые его сердцу ницшеанство и большевизм. А вот «ты прежде всего интеллект» — это программа. И пугающая. Ведь интеллект — это машина. То есть пока в человеке еще теплится «органическая жизнь», пока у него еще бьется сердце, пока помнит о роде и племени, о любви и страхе — не дорос он еще до настоящего «открытого общества». Оно, настоящее, наступит, когда у человека ничего кроме интеллекта не будет функционировать, атрофируется, или будет удалено. Славная перспектива…

Вдруг «понял», почему мне в юности «не давали». Я так хотел, что готов был унизиться, готов был просить, и за эту униженность себя презирал, и эта смесь нетерпения и униженной надменности ложилась мрачной тенью озлобленности на мои сексуальные домогательства.

Федя Макаров позвонил, завтра не удастся рассказ передать, он не успевает.

— А что книжку, начал читать? — спросил я, побаиваясь (молодежь — не мой читатель).

— Да…, — ответил он неопределенно.

— Ну, и как…, — я уже пригнулся, принимая ожидаемый удар.

— Ну ничего, интересно так, и написано хорошо.., но насчет перевода я пока не знаю…

— Ну, посмотришь, как тебе. Кстати, если по ходу дела ты бы перевел страниц 5—10, для пробы.., за деньги, конечно…

— Аа, ладно, хорошо.

9.7. Барак едет в Вашингтон подписывать полную и безоговорочную.

Вчера справляли Озрику день рождения. Ржали на тему «розенбаум»: «покажи розенбаум», «у кого розенбаум больше».

10.7. Бренер живет у родителей, иногда у бывшей жены с сыном. А Барбара нашла приют у какого-то сатаниста, поклонника Мейсона. То есть он и поклонник Бренера, написал ему и пригласил. Барбара говорит, что он тихий. Но видно, что она побаивается, и вообще не очень довольна решением жилищного вопроса.

Позвонил Верник. Сказал, что книга ему нравится (перечитывает). Но отталкивают элементы «трамвайного хамства». Я попросил его уточнить.

— Попки, попки, старик.

— Да? — шуткую. — А меня привлекают.

Гольдштейн, услышав, что я общался с Бренером, очень оживился, даже как-то засуетился, мол, очень хочет с ним встретиться, «записать беседу». Я обещал передать. Спросил его насчет рецензии для Морева. Он сказал, что сейчас «завален». Опять же книгу пишет.

Наум,

если Вам охота и дальше забавляться этой игрушкой, емелей (мне охота), то следует начать какой-нибудь новый интересный сюжет. Предыдущий мы, по-моему, более или менее исчерпали. Какие будут предложения? А если нету, отложим до лучших времен.

Ваша —

Юля

Юля, привет!

Вы правы, пора подумать о новом сюжете. Как только будет что-то интересное, непременно напишу. Всегда Ваш

Наум

Постгебистский ренессанс действительно жуток, хотя прямо меня не коснулся. Было выступление в литературном кафе, куча народу, показали по телеку.

Что касается твоей книги, то я, как уже сообщал, отдал ее Юрьенену на предмет возможной передачи, а по возвращении его пока не видел — он уезжал в Париж. Завтра, видимо, выйдет на работу, спрошу.

А у вас, похоже, снова пахнет жареным — бедняге Бараку может быть некуда будет возвращаться из Кемп Девида, если его не приютит Арафат.

Alexei P. Tsvetkov

Дорогой Леша!

Спасибо за хлопоты с книгой, авось что и выйдет.

А по телеку показывали сам вечер, или тебя пригласили для интервью? По какому каналу? А вообще это замечательно.

У нас же не жареным пахнет, а воняет очередной капитуляцией. Опять чемберленовский мир. В общем, плохо дело.

Будет ли у тебя летний отпуск?

Я 12 августа лечу в достопамятный Мюнхен, а потом

на машине в Тироль, сняли квартирку в Лермосе, это у подножья Цугшпице. Отдохнуть хочу среди гор, тут — сауна.

Привет Краве.

Всегда ваш

Наум

В три ровно (с немецкой пунктуальностью) позвонил Бренер. Они в Тель-Авиве, с Володей. Договорились, что я через полчаса подъеду к фонтану на Алленби.

Бренер с Барбарой стояли у столика кафе, под тентом, у них был вид людей добровольно принявших муки. Впрочем, мучилась вся Юго-Восточная Европа: в Бухаресте — 42, в Афинах — 46, в Турции тож, везде пожары. У нас еще ничего, где-то 35, только влажность процентов 75, парилка. Володя вылез из фонтана, шатаясь и отряхиваясь, как мокрая собака. В фонтане сидело еще несколько юных пар: обнимались, целовались, иногда вяло брызгались. Решили поехать в Яффу. В порту сели в кафе у кораблика, заказали пиво и салаты. Обращаясь в основном к Бренеру, я начал с того, что публичный обсёр музеев и порча шедевров — это акты террора против созданной системы ценностей в культуре: то есть, они за террор? Барбара спокойно, но твердо возразила, что террор в этом смысле существует и с другой стороны, со стороны «господствующих классов», которые навязывают свою систему ценностей (она вообще по отношению ко мне держала себя подчеркнуто отчужденно, как я ни старался игриво ей улыбаться, чуть ли не подмигивать, как ни подвигал в ее сторону любимые ею маслины, и чем дальше, вширь и вглубь, уходил спор, чем откровеннее становились мои высказывания, тем очевидней и враждебней её неприятие). «Да-да», обрадовавшись «жесткому» ответу, поддержал ее Бренер. Не люблю мужиков-подпевал, а пуще того — баб-идеологов, и уж совсем ненавижу сухих, как воблы, революционных дамочек, и возникло желание вывести их на чистую воду, доказав либо лицемерие, либо философскую несостоятельность.

После первой кружки я решительно спустился в антропологию, после второй — вдохновенно взмыл в небеса ритуала и мифологии, и постепенно спор приобрел характер пьяненького базара (Бренер, и особенно Барбара, а он на нее оглядывался, были трезвее — обошлись первой кружкой), мы уже перекрикивались вперехлест, я с Барбарой, Володя с Бренером (так и сидели, крест накрест). Бессмысленность спора толкнула меня на мстительность: я сказал, что книгу их прочитал, но мне было неинтересно. В конце-концов спорить подустали, да и все уже было съедено-выпито, меня окончательно (приговор не подлежал обжалованию) записали в романтики, что на их либерал-демократише фене есть синоним фашизма. Пошли на мол. До заката было еще далеко, воздух туманился душным маревом, теплый, влажный ветер налетал с моря и гнал волны на камни, поднимал их и бросал, как беспрекословных солдат на лютые стены, любуясь вместе с нами своей жестокостью. Я присел на камни, Володя вздумал купаться, прям здесь, между волнами и камнями, я сказал ему, чтоб не дурил, ебнет о камни, в лучшем случае будет бо-бо, Бренер с Барбарой ушли дальше, гулять по молу со стороны бухты, он был усижен рыбаками, а когда вернулись, присоединились к моим уговорам, в конце-концов Тарасов в море не полез, пьяный-пьяный, а кумекает. Предложено было поехать чуть южнее, за мыс, там пляжи, и искупаться. Я согласился, хотя возникло ощущение, что ситуация себя исчерпала. Да и жарища-духотища… Пока шли к машине, Барбара все решительней склонялась к тому, что купаться ей не хочется. Опять же — медузы. Потоптались в неопределенности и решили разбежаться. То есть я поехал домой, а они еще пошли куда-то пешком (от моих услуг в качестве перевозчика отказались), Тарасов обещал показать какую-то тайную бухту, где нет медуз. Договорились, что поедем все вместе к Винокуру.

13.7. От Л:

приеду вечером. Позвоню после 8. Вот написала и хочется уже позвонить… А что с переводом? Посмотрела: в Эйлате 45 по Цельсию… жарковато!

Да, жарко, и потом пятница-суббота — не лучшие дни для побега. И потом, зачем так далеко ехать? Федя рассказ перевел, но еще не передал мне.

Сообщения Матвею по Емеле стали вдруг возвращаться. Я позвонил ему: так и есть, машина опять сломалась. По-прежнему много читает, но нет сил осуществить задуманное.

— Может я переоценил себя, загнав на обочину и сознательно лишив всех внешних стимулов… Гена?… Плохо, надо две семьи содержать, а он еще тут в больницу попал… его ужасно избили какие-то подростки, у него и так одно легкое, и с этой стороны как раз ребра сломали… да он в Питер поехал на конференцию по Бродскому, выходил из троллейбуса… это уже второй раз с ним, абсолютно тихий человек, но вот… да все деградирует, вырождается…

Дочитал Бальмину, возник порыв написать… Она сразу ответила.

Здравствуйте, Наум! Я в заточении американской обыденности, тоскую по Тель-Авиву. Пишу, но рывками. Жизнь подсовывает различные сюжеты, но пока не могу найти возможности всё это систематизировать. Привет всем общим знакомым. Жду емелек из Израиля. Рита.

И прислала много стихов… Попадались даже удачные строфы, но слишком велик поток банального многословия, местами и неуклюжего…

Сергею Полынько.

Под переломным знаком Зодиака
Раскалывалась кость судьбу корежа…
Но если рассуждать двояко,
Мне нравится Нью-Йорк, Сережа,
Когда меня ты полупьяно хочешь,
Пока укутываешь покрывалом
Бессонной бесконечной ночи
В которой вялой страсти валом…
…Щека твоя так близко.
Прижми к щетине — стану безоглядной,
От ласки ошалевшей одалиской.
……
Дурным пророчествам переча,
Я так желала новой встречи,
Тебя хорреями маня,
Что ты явился взять меня.
……
Я в ловушке либидо…
……
Погода кажется плохой,
Когда плохое настроенье:
По лужам светопреставленья
Скачу подкованной блохой.
……
Прощай, лирический герой,
Я не умею быть случайной
Шалавой из дешевой чайной,
Хоть и приходится порой.

Прощай. Ты слишком виртуален
И до того невольник чести,
Что в интерьерах страстных спален
Нам больше не сплетаться вместе.

Прощай… С неистовством торнадо
Хочу, хочу тебя опять!
С другими бабами не надо
Так легковесно поступать.

Стихов на целую книгу.

Рита, привет!
Спасибо за стихи.

Приветы общим знакомым обязательно передам, в последнее время несколько раз видел Зива, это было на литвечерах. А есть ли у тебя какая-то литературная компания, и вообще, русская литературная жизнь в Нью-Йорке? Вот я, допустим, мечтаю издать свою книжку на английском — что можешь посоветовать? Как заинтересовать американских издателей? Кстати, читала ли ее? Интересно твое мнение. Она еще висит на сайте «Нового мира»…

Кроме названия (в «книжном» варианте — «Ханаанские хроники») и некоторых поправок это полный вариант.

Пиши
Наум

Позвонил Володя

— Мне понравилось, как ты говорил, ты меня даже удивил, очень внятно. Они тоже это отметили. Даже Барбара сказала, что на этот раз ты говорил интресней, чем тогда в машине. Тот ваш контакт им не очень понравился. Ну, Барбара вообще считает тебя фашистом.

— Да-да…

— Ну какой ты фашист, ей Богу.

— Да уж… Чья б корова мычала.

— Аа, ха-ха! Да! Надо было Барбару подколоть!

— Тем что Гитлер был австриец? А вообще-то, спор был

не так уж интересен. Во-первых, Барбара — настоящая фанатичка. А с Бренером разговор не получается, потому что он… неискренен, выскальзывает. И все время на нее оглядывается. У меня сложилось впечатление, что он ее боится. Я думаю, он от нее очень зависит.

— От ее отца.

— От отца?

— Ну, он деньги дает на книги.

— Аа. Ну, тем более. Зависит кругом. И женщина она ничего, трудно оторваться, и житуха в Вене, контакты, она ему дает возможность выйти на европейскую публику.

— Да при чем здесь контакты, он всемирно известен. Я недавно читал книгу какого-то англичанина, 98-ого года книга, и он уже о нем упоминает, о Бренере.

— Конечно, чтобы измалевать Малевича никаких контактов не надо, и сразу станешь знаменитым, и о тебе будут писать. Но если заниматься идеологической пропагандой, издавать книги, тут совсем другое дело.

— Может ты и прав.

— А вообще, они симпатичные ребята, с ними интересно. Так что к Винокуру пойдем?

— Нет, Бренер сказал, что он не хочет. Его же не пригласили.

— Так я сейчас позвоню Винокуру, он его пригласит!

— Нет, он не хочет. Да и ни к чему. Ну подумай, Винокур же урла, настоящая урла, и там такая публика соберется, фашисты, один к одному…

— Да уж! — засмеялся я.

— Короче, ни к чему это.

— А ты сам-то пойдешь?

— Пойду. Понимаешь, что еще тяжело с ним, с Винокуром, он давит, на глотку берет. Да и физически давит, думаешь: скажешь не то, он тебе кулачищем как врубит, ласты откинешь.

— Да, — я хмыкнул. — Может ты и прав, что не стоит их к Винокуру.., хотя это было бы интересно, на ринге они бы

неплохо смотрелись.

15.7. Утром позвонил Макаров, он в Яффо, привез рассказ.

Блошиный рынок в субботу безлюден. Палестина 20-х, вроде неказистая и обшарпанная, но — стрельчатые окна, игривые балкончики…

Перевод обошелся дорого. И не показался мне идеальным. Дело того не стоило.

А вечером — деньрожденье супруги нашей, в «Черном рыцаре»: литовская кухня, подруги юности, по сто тридцать с носа, но были такие, что дали на двоих 200, хотя народ обеспеченный. Если не сказать больше. Даже Риммка обиделась.

16.7. Позвонил Юваль. Он сейчас в Тель-Авиве, может подскочить домой. Но сможем ли мы отвезти его потом на базу, в Мехмаш? Жена энергично закивала. Согласившись, я на нее разозлился:

— Да ты что! Это полтора часа в один конец! И ночью, на территориях!

А она свое:

— Если он просит, значит ему трудно, мы должны давать ему полную поддержку.

Явился. Выяснилось, что опять отлынивает от службы, потащился в поликлинику, спина болит, на автобус уже не успевает. А я — тащись три часа по ночным дорогам! Но делать нечего. По дороге «разговор отца с сыном». И не могу удержаться от гнева, он меня просто захлестывает. И не в том дело, что тащиться пришлось, это ладно, да и когда еще поговоришь с глазу на глаз с сыном, но взгляд его на жизнь раздражает безумно. «У нас говорят: ми ше машк*и*а, шок*е*а, ве х*а*ра там*и*д цаф» (кто старается, того засасывает, а говно всегда всплывает). Пытался его убедить, что это не так, что говно, хоть оно и всплывает, остается говном, и только тот, кто старается, может добиться…

«Чего добится? Я ничего не хочу добиваться». С какой стороны ни атаковал — натыкался на неприступную цитадель: «а я никем не хочу быть, мне ничего не нужно, у кого много есть, тот спит плохо». Понахватался этой русской мудрости, ясное дело, погранвойска — русские и друзы.

В Иудейской пустыне ночь полнолуния. Странная, светлая ночь. Светятся белые камни по отрогам холмов. Томительная, тревожная ночь.

17.7. Позвонил Бренеру. Нет, он не поедет к Винокуру. Его Птах пригласил в Хайфу. «Книгу прочитал, и стихи. По телефону нет смысла…» Договорились созвониться и встретиться, мы ж соседи.

18.7. Володя явился ко мне в шесть. С бутылкой пива в руке, которую постоянно, как соску, посасывал. Сообщил: «Седьмая». Принял душ. Побрился. Перекусили.

Рассказал, что вчера перебрал у Лены Генделевой и чуть не подрался с Лонским.

— Подошел сзади и взял меня за волосы, представляешь? Ну я тут же вцепился ему в глотку, как леопард! И так мы закружились по комнате, мыча и скрипя зубами, и единственное, что останавливало, что первым долгом пострадает квартира, а Лена-то не виновата.

— А чего это он?

— Из-за Анечки. Книжка его разозлила. Он же был влюблен в нее. А она еще с дуру дала ему, да не просто дала, а… распахнулась. Вплоть до того, что он, блять, стал в ее стихах копаться, не в смысле в бумагах, а поправлять ее вздумал. А она ему и сказала, что есть только один человек на свете, который может всегда, при любых обстоятельствах, касаться моих стихов — это Тарасов. Ну, в общем, потом они поссорились…

Он предложил выйти, пиво выпить. Выходить в жару не хотелось, нашел в холодильнике бутылку «Невского» (откуда? Юваль?). Он ее быстро вылакал, и душа еще

запросила.

— Вино пойдет? — еще оставалось полбутылки «Мерло».

— Какое? Красное? Пойдет.

Не понравилось, что холодное:

— Блядь, буржуазия проклятая, красное вино в холодильнике держат!

Эту тему он потом продолжил:

— Ты плохой стал. Обуржуазился.

Язык у него уже заплетался, он обильно матюкался и аккуратно хамил. Душа просила еще горючего.

— Старик, — говорю, — ты в последнее время злоупотребляешь, нехорошо.

— Ага! А ты значит всегда делаешь то, что хорошо?

— Я не про моральный твой облик, а про здоровый образ жизни.

— Ааа.

С Божей помощью отправились к Винокуру. По дороге я получил по голове за то, что сказал Вернику что-то хорошее про книгу об Анечке (Верник ему позвонил с целью приобрести книгу), а ему, ему! — не сказал. Пришлось напомнить, что когда неделю назад мы пришли к нему с Бренером, я вкратце доложил о своем впечатлении.

— Да? Неужели я забыл?! Забыл. Ладно, извини.

Но я решил еще поговорить о книге, я знал, что это его успокаивает.

— Ну, во-первых, о стихах Анечки. Ты помнишь, что я с каждым разом все больше проникался ее стихами и ценил ее все больше и больше. Почему постепенно? Ну, мне трудно было избавиться от предвзятого мнения, которое у меня давно сложилось.., но на этот раз, прочитав все, я убедился, что она необыкновенно талантлива…

— Анька гений. Она даже лучше Лены Шварц. А как тебе комментарий?

— Мне очень понравилось с какой соразмерностью и взвешанностью ты их написал, то-есть ты сумел остаться

в рамках жанра комментария, это было нелегко, и если бы тебе это не удалось, тебя бы обвинили, что ты берешь тремп[1]…

— Да-да…

— И в рамках жанра написано блестяще. Самое интересное, что тут есть все. И это мне понравилось гораздо больше, чем, скажем, «Фрагменты»…

— Да, там есть все, ты прав. Я знаю, что написал охуительную книгу. А чувствуется… вот эта горечь…?

— Да, конечно.

— С тех пор как ее нет, я все сильней чувствую… такую тонкую, тонкую, ядовитую горечь…

Когда вышли на площадку перед хибарой Винокура, некогда темную и мрачную, я сначала подумал, не ошиблись ли мы, или кто-то устраивает тут свадьбу: все залито огнями, ряд столов, правда полупустых, микрофоны, звуковые колонки, тенью мелькнул Сошкин с трубкой в зубах. На стене огромный плакат с удачным шаржем на Винокура: чудище с головой дьявола и туловищем не то кентавра, не то козла, ниже пояса очертания терялись, но волосатость присутствовала. Нашел Винокура, поздравил его, преподнес книгу. Он был рассеян и озабочен, я бы даже сказал раздражен. Кто-то подошел ко мне и попросил надписать книгу. Окликнули: увидел Верника и Эмму Сотникову, мы с Тарасовым к ним и подсели. Потом присоединилась знакомая Эммы, девушка лет под сорок, фигуристая, модные круглые очки, но лицо — блин татарский, пришли Шамиры с Ирой Гробман, тоже к нашему столу. Тарасов с плосколицей девушкой, весьма сексапильной, резко набросились на гнусное греческое бренди и стали шутить-пикироваться, некоторые любят такие прелюдии. Яша Шехтер присел за соседний столик, но его тянуло к нашему. Сообщил мне, что читал очень ядовитую заметку о вечере

[1] Прививееся английское словцо (бродяга), означает езду на попутках

«Зеркала», в том числе и обо мне. «Если хочешь, перекину». Хочу, конечно. Болтыхай Кондом[1] вел вечер в духе заправского затейника из ЦПКО областного центра, читал стихи (те же что и мне по телефону), посвященные нашему «гаону[2]», который «истоптал… столько русских дур и остался Винокур», предоставлял слово «друзьям», которые дружно славили. Какой-то старичок, бывший тренер по боксу, высказал сожаление, что наш гаон мало пишет о боксе, стал рассказывать, какая у виновника торжества была оригинальная стойка, которая позволяла быстро переходить от защиты к нападению, потом некий Миша взял мою гитару и стал петь песни на стихи Рубцова, плосколицая его расхваливала, мол, здорово на гитаре играет, играл и впрямь неплохо, трели выдавал. Народ потихоньку окосел и разопсовел, пьяные подбирались к микрофону, чего-то в него мычали. Миша-гитарист перешел к другой аппаратуре, достал электрогитару и стал играть из «Шербургских зонтиков» и всякое такое, Володя по параллельному микрофону подвывал ему и подтанцовывал, и вообще вел себя вызывающе, громко и саркастически хохотал, вызывая возмущение благопристойной публики из среднеазиатских республик. Винокур представил друзей, недавно освободившихся после длительных сроков заключения, один даже сидел пожизненно. Володя продолжал паясничать, и со стороны стола с представителями среднеазиатских республик и недавно освободившихся из заключения послышались глухие угрозы и требования унять, «не уважает».

— Наум, ты нас будешь защищать? — спросил Изя Шамир.

Злой Винокур отвел Володю в сторону и сделал внушение. Володя, с бровью, изогнутой, как триумфальная арка,

---

[1] Так жестоко переделали радио-псевдоним Марка: Мордехай Вандом

[2] Гаон — гений (ивр.)

вернулся на место.

— Первое серьезное предупреждение, — говорю ему.

— Ты та-ак думаешь? — пропел он.

А тут вдруг явились важные гости: мэр города Реховот собственной персоной, в сопровождении небольшой свиты. Произнес речь. Громкие аплодисменты. Пожелания писать и писать. Затем гости уселись за свободный стол (теперь я понял его назначение) и выслушали ответные речи. После чего гитарист вновь заиграл что-то популярное на танцплощадках. Володя тут же схватил параллельный микрофон и приступил к сопровождению: вою, хохоту и танцам. Почетные гости заторопились к выходу. Только они ушли, весь среднеазиатский стол ринулся к нам и угрожающе сгрудился вокруг Володи. Топорщились усы, надувались груди и тряслись животы. Кричали, что из-за него ушли уважаемые гости, что из-за таких, как он, нас и считают русскими свиньями! Требовали покинуть помещение, «а то...».

— Оой! — вдруг заголосила сексапильная девушка. — Совок! Совок!

Она тоже была уже изрядно выпимши. Даже Эмма заметила, что она «слишком часто чокается». К Володе подошел (толпа расступилась) Винокур. Он был разъярен. Но объяснялся, как маркер известный Моня, дипломатично: «Иди нахуй отсюда, иначе я тебе морду поганую изогну». Это было последнее серьезное предупреждение. Володя внял. Я дал ему мелочь на автобус и проводил, сказал, что сейчас его не повезу, имею виды на плосколицую сексапильную девушку под сорок.

— Трахнуть хочешь?

— Бе эзрат ашем. (С Божей помощью.)

Когда вернулся, «уже дошло веселие до точки». Хозяин с нукерами удалился «курнуть», микрофон вырывали друг у друга абсолютно пьяные люди, какой-то одноногий с лицом типа «кирпич» орал и обещал страшные казни всему еврейскому народу. Болтыхай Кондом умолял меня

взять гитару. Ну, взял. Пел с полчаса. Ничего так, в кайф. Девушка под сорок была тронута. Мы уже держались за руки (я пытался освободиться, петь хотелось). Укропчики (Изя поблагодарил меня за пение, как ранее за водку, я притащил с собой «Финскую») удалились вместе с Ирой Гробман. Девушка захотела кофе. Его не было.

— Поехали, — говорю. — По дороге найдем. Или может вы меня угостите у себя дома?

Почему-то казалось, что девушка живет одна. И я не ошибся. Но тут гитарист опять наладил музыку танцплощадок и девушка, ее звали Кира, потащила меня танцевать. Я засмущался, да и зачем, время теряем…

— Ну чо ты, ты смущаешься, да?! Смущаешься?! Тебе важно, что о тебе подумают, да? Ох уж мне эти еврейские мужики! (Эту тему она уже затрагивала, болезненная была тема.) А ты вообще кто?

— ??…

— Ну ты вообще что в жизни сделал, а?!

— А вот, книгу написал…

— Да тут, бля… все написали, я сама, блл… Не, ты чего-то…

Прижавшись к ней теснее, удалось успокоить. Волосы (реденькие такие кудряшки) щекотали щеку и нос. Я попробовал их наощупь. Мягкие.

— У тебя мягкие волосы, — подъезжаю.

— Ой, только не надо! Не надо мне про волосы… Не, не то ты говоришь, не то! Я сейчас разочаруюсь!

Я несколько растерялся.

— Ты прям как заправский этот.., обхаживаешь меня.., волосики, глазки… По всем правилам. Ох, как я этого не люблю.

Время поджимало, и я вновь предложил отчалить.

— А я хочу танцевать!

Танцевать мне с ней расхотелось, да и чего одетую обнимать, когда можно голую. Тогда она потянула Верника. Верник сначала смутился, но сдался. Очень плотно тан-

цевали, даже целовались. Я старался не смотреть. Да что мне, все равно никуда не денется, кто еще ее повезет? Опять попросила кофе. Я опять:

— Поехали, по дороге…

— А я хочу сейчас! Принесите мне кофе!

Хочешь трахнуть, отрабатывай. Чую, смахивает на пьяное динамо.

— Ладно, — говорю, — я пожалуй поеду. Ты остаешься?

А тут еще и Верник с Эммой собрались. Кира все поняла и, похоже, смирилась со своей участью. Я попрощался с Эммой и Верником, взял Киру под руку, она качалась, и мы осторожно спустись по избитым ступеням. Когда сели в машину, я обнял ее и полез целоваться. Зря вообще-то. Чувствовалось, что нет «замыкания».

— Ага, значит если женщина согласилась сесть машину, значит можно ее уже…

Ладно. Завел я мотор, тронулись.

— А ты простой, — сказала она ядовито.

— Я-то? Да, пожалуй простой, — сказал я почти грустно.

— Я сразу это поняла.

И тут ее понесло на счет еврейских мужчин, все разговоры у них о машкантах[1], денег, когда попросишь, никогда не дадут, душу вынут: а чего, а зачем, да еще отработать предложат, в России другие люди, там придешь, спросишь: деньги есть? Нет, так и скажут, что нет, а тут тебе еще допрос устроят, а зачем тебе… А как ее любили в России, ах, как ее любили в России! А здесь, пока у нее были деньги, так вокруг нее увивались, а как только…

— Мне нужны деньги, я хочу издать книгу. Вы мне можете помочь? (Вдруг прешла на «вы».)

Молчу.

— Мне нужна работа. Найдите мне какую-нибудь работу, я все могу, полы мыть, стирать, убирать, я на все готова.

[1] Машканта — ипотечная ссуда (ивр.)

И снова: нет, здесь ей, конечно, никто не поможет, это не Россия, никто не одолжит.

— Вот вы, можете мне одолжить?

— А сколько вам нужно для счастья?

— Да, вы простой.

Достала она меня с еврейскими мужиками и как ее любили в России. А тут еще пробка. Я положил ей руку на голые ноги (юбка, и без того короткая, задралась выше некуда), ладонью вверх.

— Расслабься. Расслабься.

Она положила свою руку на мою, рука была теплая, и затихла. Поглаживания ног (уже ладонью вниз), рук, короткие поцелуи. Она затихла. Дело было на мази. И не помню уже, как она опять соскочила с крючка. Кажется я спросил что-то житейское, ну да, сначала спросил где живет, мол, куда вести, она сказала, что раньше жила в шикарном районе, а теперь, значит, не в таком шикарном, и опять про квартплату, еврейских мужчин, и про меня, который думает, что если он ее подвез… Достала.

— У тебя, чо-то с юмором тяжело, — огрызнулся.

— Что?!! Ну это все, пиздец! Такое мне первый раз в Израиле говорят! У меня с юмором тяжело?! Все, пиздец. Я выхожу, выпустите меня, я выхожу.

— Да уже близко.

Мы действительно подъезжали, но въезда на улицу не было, а направо как раз поворот в мою сторону, и до дома ее метров пятьдесят. Я и остановился.

— Ну все, вам тут рядом.

— Пиздец. Только в Израиле такое возможно. Чтоб меня на полдороге выкинули.

Кажется мы оба были немного разочарованы.

19.7. Осыпаются желтые акации в нашем парке. Дунет ветерок — и золотой дождь.

Верник позвонил. Про поэзию и прочие искусства,

а на самом деле ему интересно, трахнул я плосколицую или нет. Я его успокоил.

Яша Шехтер прислал чье-то описание вечера «Зеркала»:

«Текст Гольдштейна, выведенный по лекалу „Чумы“ Альбера Камю, демонстрировал нарастание его — тоже нарциссического, как все, что он пишет, — ашкеназского расизма: благим матом крылись таиландцы, подтирающие сакральные анусы наших еврейских стариков, а после жрущие наших еврейских собак — по вездесущей азиатской традиции… Он все-таки чрезвычайно талантливый стилист: поэтому справился и с этой задачей. Вот только не уверен: справился ли бы с подтиркой анусов — не наезжай к нам толпой таиландцы, вынужденные соглашаться на зарплату ниже минимальной: и собак-то, видно, обгладывающие по этой самой причине!.. Вайман — романа которого я, к сожалению, не читал, выглядел сексуально бойко. Ассистировавшего ему критика с каким-то нескрываемым сладострастием попросил озвучить один из вариантов заглавия — „Щель обетованья“: у самого, что ли, язык отсох бы? Если еврей способен так кощунствовать в выборе ключевого словосочетания — думаю, в гортани у него скопилось немало всякой гадкой мокроты…»

Подозреваю, что сам Яша и балуется.

Яша, привет!

Спасибо за описание вечера. А где это было опубликовано и кто автор? Судя по социальному накалу — мог быть Шамиром, но Шамир пограмотней, и книгу мою читал и уже писал о ней…

А как тебя занесло к Винокуру?

Наум

Шехтер:

Это нигде не было опубликовано. Отрывок из частного письма. И тайну исповеди раскрывать не стану. А с Виноку-

ром я живу через два дома, Миша звонил несколько раз, приглашал. Поводов для отказа не было, пришлось идти. Вечер — как Мишина проза и как люди, что его окружают. Человек он способный, но видеть все это и читать нет никаких сил. Яков.

Вдруг позвонил Гольдштейн, из редакции:

— Наум, вот тут с вами хочет поговорить Марк Зайчик.

Официально пригласили на беседу. Я подъехал. Было предложено сотрудничать. Давать по материалу в неделю. «Разворот», то бишь две страницы, по сто долларов за страницу. Все что угодно. Я поблагодарил: лестно, да, соблазнительно — вот тебе и «трибуна». Но что «давать»? О чем писать?

20.7. Сошкин поведал, что когда я ушел, была все-таки драка. «Накурились конопли», а потом Винокур кого-то пиздил.

21.7. Л поселилась у сестры, которая уехала. Встретила меня в пенюаре. Сразу спустила спортивные трусы (я прямо с корта) и облизала. Я, конечно, подумал, что это — начитавшись моих мечтательных рекомендаций…

А вечером еще поперся с Алисой и Сашей в Иерусалим, смотреть их «Ништяк». С нами тремпом Аркадий Красильщиков, закончил ВГИК, 9 фильмов вышли по его сценариям, теперь в газете работает. Оптимистичный. В России, мол, нет ни литературы, ни кино, а здесь «вкусно».

Фильм про юных наркоманов из России. Прошел удачно. Алиса ходит гордая. Встретил оператора из Самары, в солдатской форме, он снимал фильм. Шамир везде Муха «толкает», познакомил его с Юрой Штерном. В фильме Мух вещает про то, что он тут израильтян «не видит», они для него «фауна», что это «русская страна», и что «арабы для русских ближе по ментальности, чем евреи» — шамировы

бредни. Аркадий познакомил с Герцем Франком[1].

22.7. Рассказал Гольдштейну про кино и про Шамира.

— А он теперь колонку ведет в «Вестях», — сообщил Гольдштейн, — «колонку провокатора». Наш любимый враг.

23. 7. В два поехал к Зайчику, отдавать «материал». Зайчик взял, почти не глядя.

— Я прочитал полторы страницы и мне достаточно. Очень хорошо. Я поклонник вашего творчества. Теперь с оплатой. Торговаться будем?

— А чего торговаться, как вы сказали, сто долларов за страницу, я вроде не возражал.

— Сто долларов за разворот!

— По-моему, вы сказали: за страницу…

— Да нет, я такого не мог сказать.

Я удивился, пожал плечами и спорить не стал. Когда выходил от Зайчика поймал беспокойный взгляд Гольдштейна.

— Это вы все вчера написали?! — он покачал головой.

— Да, у меня легкость в мыслях необыкновенная.

— Поразительно. За один день… Мне такой материал надо неделю писать, минимум. За один день написали?

— Ну, почти…

Момент с деньгами меня как-то смутил-разозлил, ну что это — 400 шекелей за разворот — смех. Но… ты же мечтал о трибуне?

24.7. Теннис, после этого к Л. Тот же ритуал: снимает штанишки и ротиком. И все-таки у «Философа» это было как-то более трогательно.

Бегали по этажам — сеструха оставила целый коттедж

[1] известный режиссер-кинодокументалист

на разграбление.

— Мы должны во всех комнатах попробовать… Еще две комнаты остались. Для следующего раза…

Потом позавтракали на кухне.

— Ну, давай, — говорю, — рассказывай, за тобой должок.

— …жена его у меня лечилась, нет, она белая женщина, врач, анестезиолог.., а потом как-то пригласила меня на такой джазовый фестиваль, где он играл, ну, я пошла, там бывают интересные фестивали…, он хорошо играл, а потом его жена нас познакомила, и — оп-па, да, сразу так, он мне сразу понравился, на тебя похож, только черный.., молодой, ему сорок два…

— Ого!

— …А потом, несколько месяцев прошло, и жена привела его ко мне, спину лечить, спину у него схватило, ну, я как только руки на него наложила…

— Так он и…

— Ну вот…

— И вы сразу…

— Нет, не сразу, последний сеанс он назначил поздно и подождал меня. Отвез на квартиру, у него есть отдельная квартира…, нет, это вторая его жена, ну не знаю… ну, боялась, конечно, но он понял, и… Чего-чего, презерватив надел.

— Ну, и у вас продолжается?

— Неа.

— Почему?!

— А у меня вдруг прошло это. Такая, знаешь, была увлеченность, влюбленность… И вдруг прошло. И ни к чему стало…

— А он?

— Ну, он хотел продолжать, звонил несколько раз. Но на работу мне неудобно звонить, а домой мы еще в начале договорились не звонить никогда.

— Понятно… А с натуропатом этим, продолжается

у тебя?

— Нет. Это вообще было хад паами[1].

Спросила меня когда Р приезжает. Я сказал, что может быть в конце месяца.

— Ты ее ждешь?

— Не знаю…

Действительно не знал, что ответить.

Потом мы поехали в Иерусалим. Посидели на камнях в Эйн Кереме. Еще по дороге она глубоко вздыхала и радостно улыбалась.

— Как я эти холмы люблю! Нет больше такого места на земле. Крылья прорастают… Это даже не чувство, а такое состояние…

Поехали в Музей, но он закрывался, посидели в парке колокольчиков, против монастыря Креста, сонные, я подремал у нее на коленях, потом она на моих. Поехали к Синематеке. Перекусили в арабском ресторане напротив шотланского монастыря Св. Якова. Никого не было, ни одного человека. Ресторанчик над самой Гиенной Огненной. Вечереет. Она все время блаженно улыбается.

25.7. Послал Сошкину фрагменты из Шабтая, а заодно вопрос: кого Винокур пиздил?

Наум, привет!

«Эпилог» получен в наилучшем виде. Спасибо. Прочесть не успел — как прочту, сразу позвоню. Объем однако впечатляет.

Пиздил наш гаон малоизвестного человека, не из литераторов. Собственно, один раз переебал. За то, что тот хлопнул его по спине по-приятельски. Но было это уже без меня, сообщаю с чужих слов.

Сошкин.

[1] Одноразово (ивр.)

Вечером поехали с женой в Иерусалимский музей, на вечер Франка. Он показал три фильма: «На десять минут старше» (классика), «Песнь Песней» и «Иш а Котель» (Человек Стены Плача).

В маленьком зале было человек двадцать пять, не больше, как на поэтическом вечере. Он был тронут, что я аж из Холона примчался и за билет заплатил. «Что ж вы мне не сказали, я бы вам пригласительные дал...» Отвез его домой, живет на Альфаси. Предложил зайти, чаю выпить, но я отказался. Потом пожалел, что не согласился. И он вроде огорчился, не хотелось одному оставаться? Жена у него умерла недавно... Лет ему за семьдесят, но никакой возрастной, или какой другой «усталости», «безразличия», «равнодушия» не заметно. Подтянутый, творческий запал еще вовсю полыхает. И вообще, то что называется — «светлая личность». Подарил ему книжку, но она вряд ли ему понравится — грубовата фактура.

26.7. Рано утром — на море с Л. Пустой пляж. Искупались. Днем пошли на «Пёс-призрак» Джармуша. С цитатами из «Хагакуре». Что-то я не прочувствовал. Ну, смешно местами... Его постмодернистские якобы приколы какие-то вымученные, «интеллектуальные», скучные по сути. А к вечеру еще поперся на презентацию нового номера «Иерусалимского журнала» в Рамат Гане — Игаль Хагай выманил, неутомимый низкорослый боровичок с замашками массовика-затейника и фразами типа «придать положительное направление». Оказалось, что мероприятие — под эгидой компании «Барака в премьеры», и для начала одна пламенная политкомиссарша из местных, а потом еще и политкомиссар из русских, вернее бухарских, очень хваткий (не удивлюсь, если увижу его в Кнессете), промывали на двух языках мозги: мы должны объединиться вокруг вождя. Разозлило — попал под колеса агитпоезда.

Было человек тридцать, но пятеро быстро ушли (может,

их тоже разозлила привязка к политике), так что презентация прошла в тесном кругу. Игорь Бяльский — изможденный, обильно лысеющий поэт-разночинец, на посту главреда обрел тихую твердость. Поблагодарив политкомиссаров за приют перешел, наконец, к журнальным делам. Первым выступил некто Гриша Марговский. Лет тридцати пяти, кичливый грамотей («Мандельштам», «Заболоцкий», «Вагинов, если кто читал…»), сидел заложив ногу за ногу и анализировал стихи Зива и Басовского. Зива хвалил (что-то о «поэтической судьбе»), Басовского ругал, можно сказать «топтал».

— Ну вот, например: «Стали на склоне судьбы двуязыки,\\ Будни ее — ни круиз и не тур…», но простите, круиз и тур — это же одно и тоже!

— Гриша, ты не прав, — Хаенко решил поизгиляться, — круиз это такой длинный тур…

Но Гриша добросовестно, можно сказать упорно, цитировал большие куски из Басовского со своим критическим комментарием:

— «Надоели бесконечные повторения.\\Что такое настоящая новизна?\\ Первая любовь. Первое стихотворение.\\ Впервые увиденная страна». Вот поэту не удалось создать свой язык. Поэтической судьбы не случилось… А вот посмотрите, как это делает Зив: «И пальцы-просьбы путаются в спичках…» Вот это «пальцы-просьбы», вы сразу видите, что перед вами поэт, помните, как у Мандельштама: «Я с миром державным был только ребячески связан, устриц боялся и на гвардейцев смотрел исподлобья», вот это сочетание: устриц боялся и…»

Зив у них звезда. Весь в метафорах, правда они у него заплетаются, как ноги у пьяницы… Даже немножечко авангардист. «Набери телефон, позвони же в пастушечий офис,\\ Где в овчине любви изнывает от скуки полпред! — \\Так матросится суша, в хамсиновой мгле папиросясь,// За кофейной душой все гоняется велосипед.» А вот такое: «Где овчие сохнутовы подарки\\ Глядят в гляделки окон

Божьих дач,\\ Расположив по склонам иномарки\\ Победных вопиющих неудач,\\ И ходит харед*и*м[1] — он аист, а не грач, — \\ И арки пьют, ослепнув, холод маркий, — \\ В любом клочке земли спеленут мощный плач.» «Харедим», кроме всего прочего — множественное число. Хоть бы иврит выучил, если уж решился употребить…

Распознав в этой бредятине «что-то мандельштамовское» (Венера — не Венера, но что-то венерическое), докладчик продолжал, не торопясь, солировать, так что Игорь и Игаль, как Бобчинский и Добчинский, стали дружно проявлять признаки нетерпения. Бяльский предложил регламент, «да-да!» — радостно подхватил Хагай. Гриша почти обиделся и приготовился сойти со сцены, но его удержали. Все-таки Бяльский, воспользовавшись суматохой, перехватил инициативу. Рассказал, какие они замечательные вещи уже напечатали и то ли еще будет, и какие они порядочные, договорились в первых номерах членов редколлегии не печатать, его вот уже в четырех номерах не печатали (замаскированный выпад против Гробмана — тот и полномера не пропустит). Потом дал слово Хаенко. Последний заявил, что «мы — майнстрим», а не какие-нибудь там маргиналы из «Солнечного сплетения»… А вообще вечер прошел успешно, я продал три книги. Познакомился с сатанистом Юрой, у которого Барбара остановилась. Довольно тихий молодой человек. А Хаенко, оказывается, написал рецензию о моей книге. Во «Времени» напечатано. Попросил его прислать.

27.7. В 12, как договорились, позвонил Бренер. Встретились (опять жуткая жара) и поехали в кафе у моря, недалеко от Дельфинариума. Место открыто ветрам. Заказали чаю. Разговорились о романтизме, героизме, фильме Джармуша, о моей книге. Барабра сначала постукивала

[1] Ортодоксы (ивр.)

очками по столу, потом стала громко трясти-постукивать длинной ногой. Потом сказала, как бы Бренеру, но это относилось и ко мне:

— Ты ведешь себя по-свински. Как шовинист. Будто меня нет. Вы сели рядом, говорите только между собой, и не случайно — двое мужчин. Это просто свинство. Если ты в компании людей Запада, ты себе такого не позволяешь. Мне скучно. Я сейчас уйду.

Как могли, успокоили. Но на теме героизма она встрепенулась:

— По-моему, героизм это самая пошлая и мерзкая идеологическая институция правящих классов…

Моя пыталась возразить, но куда там. Облегчились светской беседой. Бренер рассказал, что встречался с Гольдштейном, тот подарил ему номера «Зеркала», он почитал, и Гольдштейна тоже. Огласил приговор:

— Это все лживо. Насквозь лживо, трусливо, и обернуто в дешевый литературный пафос. Вообще, Гольдштейн — трус. (Ого, подумал я, определение повторяется!) Он боится всей этой гробмановской команды…

Уж не догадался ли он, что Гольдштейн не хочет писать о нем, потому что боится поссорится с Гробманами? Если так, то — проницателен, однако! Я спросил, а что у него вообще-то с Гробманом.

— Мы подрались. И я его немножко побил.

Заказали пошамать и по кружке «Хайнекен». Хлебнув, немка расслабилась. Расстались тепло. Приглашали в Вену. Напоследок Бренер подарил мне свою книгу «Хламидиоз». Про «Левант» сказал, что стихи традиционные и романтические (потому и заспорили о романтизме). О «Хрониках» — что есть «плотская пластика», иногда «завораживающая», но цинизм, особенно по отношению к женщинам, вызвал у него отвращение. Он цинизм ненавидит, и борется с ним в себе.

Прочитал «Хламидиоз». Понравилось. «Потому что

Таня не ебется в подворотнях, она для этого слишком фригидна…»; «Ебаться пьяным — это мерзость, но заполучить при этом хламидиоз — мерзость вдвойне.»

Это стихи. В столбик. Периода ожесточенной борьбы с цинизмом в себе.

Позвонила Эмма. Читает книгу (половину прочла) и ей очень нравится. «Молодец». Ну, и главное (я уже догадался): Кира ей звонила, просила передать мне ее телефон, мол, она хочет извиниться (что не дала), потом еще раз позвонила и она ей наврала, что передала, а она еще раз позвонила, уже попросила мой телефон, а она переврала, ведь «без твоего согласия — как я могу», а та перезвонила и говорит: не тот номер, «в общем я завралась, на вот, запиши ее телефон и все, моя совесть чиста».

28.7. Сегодня не после тенниса, а вместо. Кончила, кажется, раза два. Позавтракали. Сказала: «Вот мы и дома.» Действительно, на этот раз ощущения очень «домашние». Тепло и спокойно. Рассказал про несусветную чушь с продолжениями, которую накатал для Зайчика про Сербию, и что Зайчик сказал, что он не понял, «при чем здесь сионизм». Она засмеялась. И вдруг спросила:

— Приехала?

— Не знаю. Кажется я пропустил контрольный звонок.

Опять рассказывала о своем негре. Мол, увлекается Россией.

— Коммунизмом?

— Нет, музыкой.

Я рассказал о Бренере и Барбаре.

— Нет, он остановился у родителей, и там же бывшая жена живет с его сыном, знаешь, бывает так…

— Да-да.

— А Барбара где-то ночует, сначала у Юры-сатаниста, теперь у Марка, Володя сосватал, утром они встречаются в Тель-Авиве и мотаются по этой жаре…

30.7. Вернулась Р. Рассказала про Ниагару: голубое облако стеклянной пыли и грохот. Так грандиозно, что она заплакала. Привезла сувенир — деревянную рожу индейца. Счастливый день. Все время до ушей улыбались.

— Я была вообще, если не считать мужа, как святая Мария.

Дорогой Наум! Салют. Вот я был недалёко от Вас. Конечно, три недели у Красного моря — это кайф великий. Сын плавает брассом как акула. Это единственный стиль хорошо мне известный и я его преподал Кирюше во всем блеске. Он оказался достойным учеником. Даже на серфинге стал ходить. Одним словом — вот, где я должен жить. Божественный летний сухой зной, не изматывающий человека.

Я очень много написал, похоже на небольшой роман. Страшный. Дикий, но что попишешь, так получилось.

Я вот-вот пошлю прозу для Зеркала.

Хочу послать книгу А. Гольдштейну в подарок. Как это сделать? Это будет пристойно, если воспользоваться вашим адресом?

Черкните что-нибудь, я извиняюсь за короткое письмо, но что-то исписался.

Да, Наум, дружеская просьба. Что-то наш ГЕШАРИМ молчит, я ничего не получил в ответ, может отпуска?

Какие мысли насчет визита в СПб.?

Все в силе.

Ваш НК

Наум, привет!
Список №33

М. Кузмин. Дневник. 1905. 1906. 1907. Комментарии Богомолова, Шумихина.

/Начало долгожданного полного комментированного издания, подготовленного квалифицированными специалистами/ СПб: Изд. Ивана Лимбаха, 2000 — 608 с (боль-

шой формат) — 315

Жертвоприношение. Ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней. (Серия «Языки культуры») /Сборник статей; кроме того, публикация памятников плюс перевод раздела из монографии Буркерта «Homo Necans. Жертвоприношение в греческом ритуале и культе»/ М.: НЛО, 2000 — 539 с (большой формат) — 200

Марсель Мосс. Социальные функции священного. /Мосс (1872—1950) оказал определяющее влияние на становление французской и мировой культурной антропологии. В сборник входят три крупных сочинения: классический: «Очерк о природе и функции жертвоприношения» (в соавторстве с Анри Юбером), незаконченная диссертация «Молитва», знаменитый «Набросок общей теории магии», а также мелкие статьи и рецензии, собранные в разделе «Коллективные представления и многообразие цивилизаций». В Приложении — проникновенное «Введение к трудам Марселя Мосса», написанное Леви-Строссом/ СПб.: Евразия, 2000 — 448 с (большой формат) — 180

Бруно Шульц. Трактат о манекенах. /Практически полное собрание прозы. Пер. Л. Цывьяна/. СПб.: ИНАПРЕСС, 2000 — 436 с — 68

Карл Кереньи. Элевсин. Архетипический образ матери и дочери. /Классическое научное исследование об Элевсинских мистериях/ Киев: Рефл-бук, 2000 — 285 с — 115

Дитер Лауэнштайн. Элевсинские мистерии. /Исследование вышло в Штутгарте в 1988 году, дает практически полный свод свидетельств, учитывая новейшие достижения науки, а также «отражения таинств» в литературе — от Гомера до Апокалипсиса/ М.: Энигма, 1996 — 367 с — 68

Жан Полан. Тарбские цветы, или террор в изящной словесности. (Серия «Французская библиотека») /Книга писалась с 1925 по 40-й год, вышла в свет в 1941 г. Полан обеспечил преемственность между сюрреализмом и структурализмом, первый выдвинул во главу угла идею риторики как террора языка, чем сильно повлиял на всю «молодую поросль»

(Батай, Бланшо, Делез, Барт, Женетт и т.п.). Всю жизнь писал одну — эту самую — книгу, которую рассматривал как «предельный опыт теории литературы»/ СПб: Наука, 2000 — 336 с — 100

М. Э. Поснов. Гностицизм II века и победа христианской церкви над ним. /Очень солидный и авторитетный труд профессора Ун-та св. Владимира в Киеве. Умер в эмиграции в Софии в 1931 г./ Брюссель: Жизнь с Богом, 1991 (репринтное воспроизведение издания: Киев, 1917) — 828 с — 110

Франц Брентано. О происхождении нравственного познания. /Брентано (1838—1917) — фактический творец «главного» философского направления современности — феноменологии, повлиял на Гуссерля, выдвинул идею интенциональности/ СПб.: Алетейя, 2000 — 185 с — 85

Д.С.Мережковский. Л. Толстой и Достоевский. (Серия «Литературные памятники») М.: Наука, 2000 — 588с (суперобл.) — 110

В.С.Соловьев. Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах. Том первый. 1873 — 1876. /«Мифологический процесс в древнем язычестве»; «Кризис западной философии»; «О действительности внешнего мира» и др./ М.: Наука, 2000 — 392 с — 95

Остаюсь всегда твой

Матвей

1.8. Утром теннис. Кабанчик заставил побегать, просто утомил. Потом Л. Уже ночью мучался — так не хотелось ехать. Боялся, что вообще не встанет. Но ничего. (Эй, вы, вставайте, такие-сякие, такие-сякие. Если зовет своих мертвых Россия…) Совсем даже неплохо прошло. Но так устал, что и радости освобожденья от каторги не ощутил. Ну, может, чуть-чуть. Короче, заебся.

Л. любит оседлать задом наперед. И вот начинает «объезжать», сначала медленно, потом все быстрее, могучая спина ходит передо мной вверх-вниз, вверх-вниз, а потом

уже неудержимым галопом… А я изо всех сил стараюсь чтобы поршень из цилиндра не выскочил, а то шмякнется всем весом да на стручек, так погнет, что не вылечишь.

2.8. Верник звонил. Рассказал, что «возвращается, перечитывает». Очень ему образ жены нравится. Чтоб я ей это непременно передал. И Гольдштейну, непременно, приветик.

3.8. Подхватил Р на обычном месте, заехал сначала в магазин, перетянуть ракетку, порвались жилы, потом в редакцию газеты, отдать текст. Зайчик хитро улыбается: «Ну, видели свой портрет?» — запендюрил мой портрет на обложку! Забрал несколько газет и удрал, она ждала и была недовольна, что я ее таскаю по всяким «делам». Показал портрет. «Вот это да!» Поехали в то кафе у моря, где с Бренером сидели. Рассказывала о поездке, фотографии показывала.

— Первые дни я очень скучала. Даже муж сказал: «Эй, ты где? У меня такое чувство, что мы спим втроем». Да, он очень чувствительный… Мы первую ночь в гостинице ночевали, так когда вошли в гостиницу, и какой-то запах такой гостиничный, я чуть не умерла… А еще мы как-то все вместе в кафе сидели, и вдруг такой негр зашел, с белой женщиной, женщина так себе, но негр! И главное лысый, и я на его лысину засмотрелась, и вообще он так ничего, даже дочка мне подмигнула: ничего, да?

4.8. Хаенко мило обхаял в газете «Время»:

«Хипповый лозунг о «цветении всех цветов» гораздо больше подходит для словесности, нежели, предположим, для политики. Никакая широта взглядов не в состоянии примирить меня, еврея, с легитимацией нацистских институций во всех географических точках и в любых ипостасях /и этот меня в фашисты записывает/. Однако твердо убежден, что не может быть и речи об остракизме бел-

летристических текстов, содержащих в себе скрытую или явную апологию тоталитарных националистических режимов. Вот ведь скрывали от нас в СССР всевозможные «майнкампфы» /во, блин, с какой книгой сравнил!/, и широкие народные массы до самых горбачевских времен не подозревали об однояйцевой тождественности гитлеровского и сталинского общественного устройств. А уясни советский обыватель фашистскую суть еще при первой «оттепели», глядишь, и кремлевская империя рухнула на двадцать лет раньше. Одни «совки» решительно бы от коммунистов отпрянули, окончательно убедившись в их видовой преступности, а другие (словно внезапно протрезвев) перестали бы стесняться своих подсознательных нацистских влечений. Вот, мол, ты какой оказывается, славный Адольф Алоизович! Романтично мыслил, решительно действовал, жидовскую торгашескую погань к ногтю прижимал. Правда, немного переусердствовал, но ничего, лес рубят…

Поразительно, но вышеуказанное потрясение хомо советикуса от внезапно открывшейся ему собственной тайной тяги к «человеконенавистническим теориям» можно наблюдать и в русскоязычной израильской литературе.

«Не исключено, что капитуляция левых в Осло и намечающаяся унизительная капитуляция перед Сирией, которая кажется необъяснимой, никакой силой не продиктованной, вызовет в Израиле (по аналогии с капитуляцией Германии в 1918 –м и России в 1989-м) яростную «фашистскую» реакцию, реакцию людей, которые ощутили себя обманутыми, преданными, поруганными.

Пока наблюдаем лишь истеричные вопли да крокодиловы слезы.

Левый, который боится войны с арабами, должен получить гражданскую войну с евреями…»

Как вы думаете, чьи слова я воспроивожу? Нет, не контуженного абсорбцией седого сталиниста, наслушавшегося национал-патриотических агитаторов. Автор при-

веденного теста — школьный учитель с приличным педстажем и даровитый литератор Наум Вайман. А процитированный фрагмент взят отнюдь не из предвыборной его статьи. Аналогичными высказываниями буквально усыпаны «Ханаанские хроники» — беллетризированные дневники автора или, как он сам зачем-то настаивает, «роман в шести тетрадях». Должен вам признаться, что «Хроники» — вещь чрезвычайно привлекательная. До того потешно наблюдать за публичным стриптизом статного телом пятидесятилетнего мужчины, что даже временами совестно становится. Не за собой ли подглядываешь? — спохватываешься, читая описания в разной степени успешных половых соитий и немедленно следующих за ними пространных рассуждений о творчестве и политике. «Не хочет ли Вайман создать образ человека, бросающегося в фашизм на почве острой сексуальной неудовлетворенности?» — спрашивает Исраэль Шамир в своей ехидной рецензии на книгу /достали сексуально удовлетворенные — за что, братцы? вам бы, гуманистам, пожалеть, посочувствовать неудовлетворенному!/. Нет, не думаю. Скорее перед нами честная (и одновременно лукавая) попытка самоисследования типичного представителя значительной части русскоязычной алии 70-х. Того самого «Ватикана», правей которого не просто стенка, а стена крематория в Освенциме. Сам не желая того, Наум Вайман проясняет причину столь односторонней ангажированности переселенцев тридцатилетней давности. Боже, какая обида слышится в сетованиях автора на ориентальную, хамскую «черножопость» Израиля! Как же он ненавидит своих мучителей-учеников! НИ ЕДИНОГО доброго словечка в их адрес. (Я сам бывший педагог и знаю, как порой может взбесить невоспитанное хамово отродье. Но не отыскать в самой пошлой их среде нескольких славных мордашек в состоянии разве что Передонов. Или В. Розанов, которого, судя по всему, боготворит Вайман).

А постоянные стоны автора по поводу «негероичности»

соотечественников. А скрежет зубовный относительно «простоты» туземных нравов. А скрытая и явная тоска по московской «столичности» на фоне жалкой ближневосточной «провинциальности»... И вдруг я понял невыдуманную трагедию этих людей. Приехав в 1978 году в Израиль, молодой московский литератор с оторопью узрел захолустную азиатскую дыру и был на всю жизнь оскорблен этой хумусной реальностью. Ох, не такой представлялась ему историческая родина, когда он грезил о ней метельными московскими ночами. А ведь нырнул он сюда без малейшей надежды увидеть вновь покинутое. Не так, как мы, уже осознавшие в момент репатриации, что можем спокойно наведываться на старые пепелища. Мы уезжали, уже пережив распад СССР. Вайман и ему подобные уехали с неистребимой советской ментальностью и верны ей по сей день. Они яростные «антикоммунисты»? И что с того! Довлатов очень тонко подметил, что после коммунистов самые несимпатичные люди — именно их идейные антагонисты...

Они репатриировались испытывая аллергию даже на сами имена Маркса и Энгельса, и вдруг обнаружили, что на вожделенной родине предков значительная часть населения искренне уважает окаянных бородачей и вообще сочувственно отзывается о социалистическом пути развития (имея, естественно, в виду не ленинско-сталинские горы трупов, а нечто более умозрительное и утопическое! Ну как при такой конъюктуре не стать убежденными праворадикалами?

Вайман замечательно показывает, чем обернулось для его репатрианского поколения разочарование в сионистских идеалах. Ту страну, которая предстала перед их взором, полюбить было крайне затруднительно. Оставалось лишь молиться на туманный патриотический идеал и в опереточном стиле алкать крови идеологических противников.

«Да, я люблю террор, — пишет Вайман, явно накручи-

вая себя. — Меня тянет к террору. Есть в этой отчаянной игре сладость тайной власти. Когда нет шансов добиться явной власти, остается жаждать тайной. (Литература тоже может быть террористической.)»

Лимоновщина? Само собой. Автор и не скрывает своего сочувственного отношения к храброму портняжке. Точно так же, как во многих местах «Ханаанских хроник» рассыпаны похвалы и более мелким российским литературным националистам. Вайман прекрасно понимает, что идейно близок им в своей передоновской нелюбви к либеральной демократии. Точно так же, как со страхом он осознает свое неконвенционное (для еврейского интеллектуала) влечение к романтике нацизма. Время от времени, отвлекшись от описания возрастных совокуплений, обоняния собственных трусов и грез о повторении «подвига» Баруха Гольдштейна[1], он в ужасе просыпается с мыслью об абсурдности своих фашистских фантазмов. Но через пару абзацев, войдя в ритм, снова принимается за старое.

Шамир достаточно жестко резюмировал свою статью о «Хрониках», процитировав Беранже: «Ты, сударь, пой, а не пиши.» Интернетовские юнцы отзываются в Сети о дневнике Ваймана и вовсе с хамской бесцеремонностью.

Я не разделяю их сарказма. «Ханаанские хроники» интересны и даже захватывающи, как всякая мастерски сымитированная исповедь талантливого человека. А то, что лирический герой тяготеет к чудовищной идеологии… Что ж, если автору угодно именно подобным образом вытеснять личные и коллективные комплексы, пусть забавляется на здоровье.

И снова я возвращаюсь к мысли о легитимности всех литературных цветочков на обширной клумбе русскоязычной израильской словесности. Глумлюсь на местным «литпроцессом»? Ничуть не бывало. Наоборот, даже радостно

[1] Расстрелял молящихся мусульман в Пещере Авраама

дух захватывает от забавного разнообразия оного. Вот только что поверхностно высказался по поводу текста, так сказать, по определению, по своему замыслу элитарному (что косвено подтверждает опубликование его фрагментов в таком журнале, как «Зеркало»), а теперь намереваюсь броситься в противоположную крайность.

…Но ежели среди русскоязычных израильских литераторов встречаются авторы, готовые бросить перчатку властителям дум современного авангарда в языковой метрополии (тот же Вайман фигурировал пару лет назад в списках соискателей Букера)…»

А что, отзыв вполне положительный.

Жена у меня хрупкая, не то что эти две лошади, долго меня не выдерживает.

— Ну все, мне тяжело. Душегуб мой.

5.8. Теннис. Устал. Завтра опять встречаться, а не хочется. Опять ебля каторжная. Оптимально было бы раз в две недели. И почему они не любят просто дружить?

От Л:

По дороге с работы заехала за газетой, но не привезли… жаль, конечно. Придется тебе выслать её по почте. Мое одиночество начинается в 10 шагах от тебя (как на дуэли). Даже мысль о том, что тебя могут посадить на карантин не спасает, но с ней как-то веселее…

6.8. Не хотелось с Р ни в гостиницу, никуда… Поехали в Иерусалим. Зашли в музей Тихо. Сидели на старом диване, на котором сфотографирована в 50-ые вся их славная компания: Анна Тихо с мужем, Бубер, Гершон Шолем. Никого в музее нет. Художница она, может, и не великая, но в этой колючей сухости набросков тушью, будто само перекати-поле рисует сотнями острых веток плешивые холмы Иудеи, есть что-то от любви-боли… Навевают пей-

зажики… Еще была выставка археологических подделок, какой-то Шапира в 70-х уже позапрошлого века якобы подделал моавитские свитки… Бедняга от таких обвинений даже покончил с собой. И свитки пропали…

Кафе в садике забито старыми англичанками.

— Ты знаешь, я когда домой пришла с твоим портретом, меня почему-то такое беспокойство охватило, особенно к вечеру, когда уже муж должен был прийти, как будто я боялась, что он меня застанет с тобой, и я не знала куда эту газету деть…

Для Л: *Тут еще одна рецензия «нашлась», посылаю*

7.8. От Л:

А кто такой Хаенко и где это было напечатано? А как народ реагирует на газету с портретом?

Хаенко — борзописец из газеты «Время».

Как народ реагирует? В яму пока не бросили, но и на руках не носят.

9.8. Опять тот же самоубийственный ритм, сначала каторжный теннис, потом каторжный секс с Р. А вчера она еблась с этим, который «надоел»…

То ли оттого, что опоздал, то ли все-таки и ей уже не в кайф все эти обязаловки, но вначале она была мрачная. Совсем мрачная. Но потом, когда пару раз кончила, чуток отошла. А когда еще два-три раза — то все боле-мене восстановилось. И «родной», и «любимый», и всякое такое. Даже развеселилась.

— У одной знакомой был муж, бывший морячок, так если она была в какой-то день чересчур активна, а она вообще-то его любила, то он ей говорил: «Ну что, блядь, не пришел сегодня твой ёбарь?» А если наоборот, то говорил: «Ну что, блядь, твой ёбарь уже приходил?»

Играется с шустриком. Укладывает его налево, а он

направо перекатывается.

— А чего это он у тебя всегда направо ложится?

— Он у меня с правым уклоном.

Хохотала.

— Слушай, оставь его мне, зачем он тебе нужен?

— Так, — говорю, на всякий случай. Вдруг еще кому пригодится.

Преимущество жены в том, что ты не обязан ей «вечный праздник» устраивать. А любовнице, когда раз в неделю встречаешься, не скажешь, чой-то мне сегодня неохота.

9.8. Утром опять теннис. Будто загнать себя хочу…

А вчера вечером еще с Мироном и Настей в ресторан ходили. Мирон расстался с любовницей. «Походил к блядям» и «сильно разочаровался». «Все равно они не кончают, а притворяются, так зачем?… И вообще я пришел к выводу, что женщин надо насиловать!» Смеется.

Дорогой Николай!

На этот раз буду краток. Вашу прозу для «Зеркала» пошлите им напрямую. Вот адрес: … Я их уже предупредил, они готовы и «предвкушают». С книжкой Гольдштейну нет никаких проблем, доставим в лучшем виде, я с ним регулярно вижусь. То что Золотоносов не оставил своего намерения написать о книге — замечательно. Будем подождать.

А что там от немцев и французов отклика не было?

Насчет визита — по-прежнему надеюсь в конце сентября заявиться. Приеду из отпуска, уточню.

Всегда ваш

Наум

15.8. Бросили якорь в Гмайне. Хозяин гостиницы, молодой, шустрый, даже немного суетливый, рыжеватая борода, спросил за завтраком, не нужна ли нам программа концертов, ведь мы, наверное, выбрали это место, чтобы

ездить в Зальцбург (рукой подать до границы с Австрией), на фестиваль Моцарта, а у него как раз такая программка имеется. Нет, говорю, мы хотим в «Орлиное гнездо» подняться. «К Гитлеру», — подсказала жена. Немецкая пожилая публика за соседними столиками вздрогнула и выпрямила спины. Хозяин закатил глаза и всплеснул руками, одни, говорит, на Моцарта приезжают, другие — на Гитлера…

Вообще-то немцы (австрийцы тож), особенно пожилые, к евреям, тем более к израильтянам, относятся (по тому как смотрят, как кланяются, каким тоном произносят «гут морген», «битте шён») с опасливой предупредительностью. Сразу возникает ощущение слона в посудной лавке, охота на которого строжайше запрещена (помните это: в Германии революция невозможна, потому что она строжайше запрещена?). Хотя бывают исключения, так один старичок-израильтянин, случайно знавший немецкий, рассказывал, как к нему подошел вежливый молодой человек и, чуть наклонившись, спросил: «дедушка, счет за газ оплатил?», после чего заржал и пошел дальше.

Это надо видеть, как они напрягаются, когда мы входим в столовую. Завтрак типа «бери — не хочу», я лично оттягивался, а хозяин с хозяюшкой, молодой сексапильной бабенкой, каждый родной кусочек сыра дружно провожали взглядом. «Гут морген», «битте шён», «данке шён». И прячут какую-то загадочную улыбочку. «Ты параноик», — смело ставит жена диагноз.

В день приезда мы выбрались к вечеру осмотреть окрестности и дошли до большого собора за рекой, уже в Австрии. Был седьмой час, солнце еще лапало колокольню, которая будто изгибалась и пухла под наглыми его лучами, вдалеке поднимались горы с бледными пятнами снега. Мы зашли в собор, совершенно пустой, и тут, из глубины апсиды вдруг грянуло Возрождение…

Отчего, черт возьми, человек Возрождения выглядел таким уверенным в себе, таким «Хозяином», каким обра-

зом он оказался так прилажен к этому миру, что между ними ни то что клин, гвоздя не вобьешь… И это несмотря на «религиозное мракобесие», «феодальное угнетение», нищету, повальные болезни и бесконечные войны? Какие там мечты о сверхчеловеке — вот он, уже ходил по Земле, человек Возрождения. Разве Микеланджело не был сверхчеловеком? Куда все это делось? Почему призывы романтиков к восхищению жизнью звучат, как заклинания безнадежно больного?

Кстати, романтиков-модернистов нагляделись в Мурнау, в доме-музее Габриэлы Мюнтер, там весь их «Синий всадник» собрали: Явленский, Веревкина, Франц Марк, Кампендонк, Шёнберг, ну и Кандинский, дружок ее… Ведь модернизм, в сущности, — это возрождение романтизма. Все тот же бунт против «материализма» («буржуазности»), революционность, поиск новых форм (сплав музыки и красок у Шёнберга). Даже нам, детям постного соцреализма, достались в наследство (да хотя бы от Маяковского, даже Горького) презрение к обыденности, героизация «творческой личности», пафос борьбы. Но при этом в модерне, в том же немецком экспрессионизме, есть какой-то излом, какой-то неосознанный, но ядовитый пессимизм, предчувствие катастрофы…

А в Гармише оказалась выставка графики Дали. Ни вокруг, ни на самой выставке — никого не было, ну совсем никого. Директор встретил нас, как родных, даже фотографировать разрешил… Я не очень люблю Дали, его «классический» сюр отдает литературщиной и модными философиями. Но рисует он, как матадор: каждый штрих — наповал.

И вот как бы три «среза» в истории искусства, которое в сущности характеризует самочувствие человека в этом мире: житель Ренессанса уместен, можно только позавидовать его неуязвимому достоинству и мудрой уравновешенности; человек модерна, пробуждающийся «от кошмара материализма», «сделавшего из жизни вселенной злую

бесцельную игру» (вольно цитирую Кандинского), полон грез о «повороте к духовному»; и человек постмодерна — человек-беженец, неприкаянный, равнодушный, циничный.

17.8. Над Оберзальбургом возвышается крутая гора Кихлштейн. Она кажется узкой, как бритва. На высоте тысяча восемьсот (плюс-минус сто метров) кончается «зеленка», не только лес, но даже и трава, и начинаются скалы. Выше жизнь подняться не может. Лишь редкие кусты, будто не поладив с лесной толпой, рвутся из ее рядов и в одиночку карабкаются по скалам все выше и выше, и, глядишь, какая-нибудь малорослая, кривая сосна с иссохшей верхушкой, зацепившись за растрескавшуюся скалу, одиноко зависает над миром…

Крутой серпантин дороги с пятью туннелями привел на площадку на высоте 1700 метров, оттуда, через тяжелые чугунные ворота с ручками в виде львов, трехсотметровый арочный туннель ведет к гигантскому лифту, сияющему начищенной медью. Он поднимает еще на 124 метра, после чего попадаем в «чайный домик», сложенный из мощных каменных блоков. Это и есть «Орлиное гнездо» — инженерное чудо в духе Жюля Верна… На этой ударной стройке фашизма (подарок Гитлеру к пятидесятилетию) работали три тысячи добровольцев. Когда смотришь на старые коллективные фотографии усталых, но счастливых лиц, полных неподдельного молодого энтузиазма, то невольно… Да-да, никто никого не обманывал (вы не в церкви, вас не обманут!), все получили то, за что боролись, или против чего не боролись…

А Оберзальцбурга больше нет. Американцы начисто разбомбили, превратили в «лунный пейзаж». Только бункер не пострадал. А в 1952-ом, по решению Баварского правительства, все руины, уцелевшие от бомбежек, были взорваны, стерты с лица земли. На месте дач Гитлера, Геринга, Бормана, на месте старых казарм — густой лес, земляника. Только кое-где неожиданно торчит из-под зем-

ли кусок кирпичной стены, или идешь, идешь, и вдруг посреди леса, в траве — ржавый железная крышка, поднимешь её, а там каменный люк, пропадающий в глубине. Сюр.

«Турецкую» гостиницу, конфискованную эсесовцами под казармы, новая власть вернула законным владельцам. В боковом крыле спуск в лабиринт бункера. Вход 5 марок. Холодина и сырость. Туннели, лестницы, сырые стены, пустые комнаты. Жене сразу не понравилось, и она вышла. А я погулял. Вернее пробежался, потому что холодина была зверская. У киоска на выходе шел темпераментный женский разговор: тетка за прилавком, изжеванное лицо, лет пятидесяти, по-аглицки ни бум-бум, моя жена и сытая-гладенькая бабенка за тридцать, образованная. Рядом муж, основательный мужчина, листает книжку с картинками, у дверей киоска красуется их распахнутый новенький «мерс», серебристый, неизвестной мне спортивной модели. Сытая-гладенькая объясняет-переводит в обе стороны. Тетка из киоска рассказывает, что ничего от Оберзальцбурга не осталось, ну ничегошеньки, и главное свои же взорвали, почему? А после войны здесь такое паломничество было, толпы, просто толпы приезжали посмотреть, ну вот «они» чего-то испугались и взорвали все. Безобразие, возмущается сытая-гладенькая-образованная, «они» (обращаясь к жене) хотят лишить нас нашей истории!

Народ прет наверх непрерывным потоком экскурсий («вот зал с камином, который подарил Муссолини, над камином висел когда-то шелковый ковер, подарок императора Хирохито, вот комната Евы Браун»). На площадке у выхода из дома на каждом свободном пятачке длинные столы, за ними народ жрет сосиски и тянет пиво. День солнечный. Виды обалденные. Сели и мы пиво выпить. Больше здесь делать нечего…

«Орлиное гнездо» — на той же высоте, что и «охотничий домик» Людвига Второго. Оба любили горы. И Вагнера. По свидетельству Шпеера, всегда, когда в Байрейте, под

взрывы музыки, кружился в огне храм богов (финал «Гибели богов»), Гитлер в темноте ложи взволнованно целовал руку сидевшей рядом Винифред, внучки композитора: «Жаль, что из-за этого пьяньчуги (Черчилля) приходится вести войну, вместо того чтобы служить искусству…»

22.8. Хозяин влетает в столовую, всем улыбается, со всеми заговаривает, тараторя, закатывает глаза и всплескивает руками.

— Надо ж, нервный какой, — говорю.

— Просто он хочет быть со всеми нехм*а*д[1].

— Ага. И это ему тяжело дается.

Доходит и до нас очередь.

— Ну что, были?

— Да, были! Но Оберзальцбург весь разрушен! — жалуется жена.

— Да-да, всё. Всё сравняли с землей.

— Но ведь это же — история!

— Ох, история! — он закатывает глаза. — Какие сегодня планы? — пытается переключить тему.

— Сегодня поедем на Кимзее, там дворец Людвига…

— Аа! Да-да!

— А что, Сиси была его кузиной?

— Что?! — вежливо изогнувшись, переспрашивает хозяин.

— Ну и вопросики у вас, боцман! — говорю жене.

— Сиси, ну, Елизавета, его любовь, она была его кузиной?

— Аа! Кузиной? Не знаю.

Развел руками.

— Ну эта, Елизавета Австрийская, которую он всю жизнь любил, — прицепилась к немцу жена.

— Аа, любовь. Не знаю.

Развел руками.

---

[1] Милым (ивр.)

— Любовь — это не по твоей части? — язвит супруга.

— Да-да. Футбол!

— Но про Людвига вы же знаете. Наверное, в школах учат…

— Людвиг? Йа-йа. Натюрлих. Дворцы, йа. В Баварии очень многие им недовольны. Потому что он отнимал деньги у бедных и строил свои дворцы.

— Ну, — говорю, — теперь он активно возвращает, с процентами.

— Аа! Йа-йа! — смеется.

И вдруг делает неожиданный «ход». Может ненароком «задели»?

— А у меня недавно отдыхали израильтяне, да, пара из Бат-Яма. Они тоже летели из Мюнхена (это я спросил его, нет ли у него карты Мюнхена, на моей не обозначен новый аэропорт), через Амстердам!

И он делает паузу и загадочное лицо.

— Почему через Амстердам? — жена по наивности хватает наживку.

— Потому что так дешевле! — он громко смеется и победным взором обводит присутствующих.

На этом его актерство заканчивается, и он уже всерьез сокрушается:

— Уф-уф, такая длинная дорога! Просто потому что дешевле?!

Вот, значит, охота на слонов конечно запрещена, но шпилечкой слона ковырнуть — это мы за милую душу.

А на Кимзее я учудил. От пристани к дворцу большинство идет пешком (километра два-три), но некоторые берут лошадей. Жена их обожает и не любит ходить пешком, и вот — мы в повозке, набитой туристами. Две низкорослые лошадки шагом везут нас через лес, день солнечный, блики солнца, «как в этом кино!», жена блаженно улыбается и напевает мелодию вальса: «тара-рара-рарам-пам-пам!», «как оно называлось, я забыла…» — «Большой вальс.» — «Аа! Да! Правильно!» — «Сказки венского

леса», — уточняю. «Точно, точно! Так здорово! Только жаль, что они превратили это в общественный транспорт…»

Делаю несложный подсчет: 4 марки за пассажира, пятнадцать человек в повозке — 60 марок, ерунда. На обратном пути решаю организовать жене сюрприз: подхожу к вознице и говорю: «Вот, 60 марок, беру всю повозку. Гут?» Возница, парень лет 25-ти, рыжий, похожий на бочку в два обхвата, сначала не понимает, потом до него, не без помощи жестов, доходит. Смотрит на меня ошалело. «Ну, гут?!» Нет-нет, он испуганно отмахивается. «Ма ихпат леха[1]», — говорю (ему что английский, что иврит, что русский…), — сикстимаркс, ай пей, сикстимаркс!» «Нихт, нихт», — опять испуганно отмахивается. «Сикстифайв!» Я и до семидесяти дошел, что вы думаете. Но дело, видно, было не в деньгах. Он почему-то стал на меня злиться, а я — на него: вот, немчура, не дадут погулять русскому человеку!

27.8. Для Л:

Съездил замечательно, от «лебединого озера» до «орлиного гнезда» (замки Людвига Второго, Гармиш, Инсбрук, Фюссен, Кинзее, Берхтесгаден), весь славный путь германской романтики, сказочные места. На днях дам об этом материал. Будет время, пошлю тебе картинки.

Вчера был у Тарасова на дне рождения, 46 мальчику, молодежь вокруг увивается — духовный лидер…

Что у тебя нового?

28.8. Два дня, как приехал, голова болит. И какая-то мерехлюндия. Вот и сегодня на теннисе вяло начал. Но разыгрался, и ничего. Мама озабоченно проверяет давление. У меня всегда низкое.

Позвонил Вернику. Он дома, болеет. «У меня такой год.

[1] Не все ли тебе равно (ивр.)

Хвораю. Не пишется. Поговорить не с кем. У Добровича книга вышла, ты позвони ему, ты же знаешь, как это приятно, когда и тебе звонят, а не только ты. Вот я Гольдштейну не звоню. Ну нельзя же все время — в одну сторону. Я недавно на улице Назарова встретил, ну да, Бар Селу. Так он говорит: Саша, что это вас не слышно, вы еще во Львове, или уже здесь?, а я ему говорю: надоело дуть в нипель». «Так прям и сказал?!» — смеюсь. «Ну, приблизительно.»

С Верником, как со старой любовницей, которую давно пора бросить…

— Нюма, давай, приезжай, или я подъеду, и будем говорить!

Ну да, о жизни и смерти.

Да, и с Р пора завязывать. Ситуация себя исчерпала. И дело не в том, что вроде как полтора месяца не виделись. Я-то перерыв воспринял с облегчением. А встретились, в глаза лучистые посмотрел…

— А у меня новое ожерелье! Красиво?

Гладит-перебирает жемчуг.

— Красиво.

— А чего ж не говоришь?

— Настоящий?

— Конечно настоящий! Но мелкий — он недорогой.

— Кто подарил?

— Муж.

30.8. Перед сном вдруг возгорелся к супруге любовной нежностью. Гладил ее, по всем интересным местам, возбудился. Она лежала не шевелясь. И вдруг отвернулась, закуталась в одеяло, сказала капризно: «Я ужасно спать хочу…»

Я обиделся. Сильно обиделся. Так до утра и не заснул. Утром стала ласциться, прижиматься.

— Ты, чего, сердишься на меня? Я чувствую, как твоя спина на меня сердится…

Ну я и соскочил с крючка.

— Сержусь — не то слово. Я твоего поведения не понимаю. Это просто нарушение конвенции. Если муж обращается…

— Ну я дико устала, ты не можешь понять? Я умирала спать…

— Ну только не рассказывай мне, как в том анекдоте, что у тебя голова болела! Работа не большая и не надолго — ноги расставить. Даже если у тебя десять любовников, нельзя ставить мужа в такое дурацкое положение… Если бы ты умирала спать, ты бы спала, когда я пришел, а ты смотрела телевизор, надев красную ночнушку… Ты выработала у себя такую сексуальную стервозность: получаешь удовольствие не когда даешь, а когда не даешь.

— А ты забыл, как в Москве я плакала по ночам, пока ты…

— Так ты что, мстишь мне теперь?!

В общем, мило побеседовали. А потом я поехал на свиданку с Р. Прошло в кайф. Но повалявшись часа четыре сильно захотел отчалить. А у нее пошли какие-то школьные воспоминания, как в старших классах ходила без лифчика и учительница физкультуры вызвала мать в школу: неудобно, у нее все прыгает, мальчики смотрят; представляешь?! Она смотрела на меня и представляла, что думают мальчики?!

И я вдруг вспомнил наших девок в школе, в потных коричневых школьных платьях, ох, этот пот под мышками, он говорил о разгоряченном теле…

С трудом вытянул ее из постели. Чувствовал себя хреново. Вообще в последние дни что-то не то, а тут еще бессонная ночь… Со страхом думал, что дома еще предстоит, как бы увильнуть… Жена, конечно, бросилась грехи замаливать. И я опять озверел. Так еблись, что дым пошел. «Вот это да! Тебя, оказывается, надо иногда немножко позлить!»

Тесть попал в больницу, микроинсульт. Оклемался, пару дней назад выписали. Почти в норме, но немного

заторможенный, и чувствуется неуверенность в движениях. Жена с ним возится. Рожайте, ребята, дочерей, и побольше, и чтоб хоть одна была добрая. В старости пригодится… Вчера взяла его за руку и пошла с ним в банк, забрать пенсию, потом в супер, съестное купить. После этого теща звонит:

— Что ты за хлеб купила?! Его же есть невозможно! Ты с ним сделала общий счет? Хочешь распоряжаться его деньгами?!

— Мама, какие деньги! У него пенсия — тысяча шекелей, с трудом на еду…

— А что ты ему за сладости купила?! Зачем это ему?!

— Мама, ему жить осталось полсекунды, оставь его в покое. Хочется ему сладостей — пусть ест.

— Ты что теперь, его опекунша?

И т. д.

Тарасов сосватал меня в жюри «молодежного поэтического фестиваля». Председателем. Я хотел отказался, но думаю: дойдет до государя, да и послужной список тоже… Только уж у меня ни-ни! Уж у меня ухо востро!

Роль мне досталась вполне хлестаковская, что легко можно было предположить. И сам сглупил: уселся где-то на сцене, в углу, а все происходило внизу, читали ко мне спиной. Стихи шестнадцати участников, вышедших в финал, я накануне успел пробежать, отметил про себя некую Лику Подольскую, купила вот таким:

Я сама не понимаю,
По какой такой причине
Я взялась за этот странный
Незаконченный рассказ…

Вы когда-нибудь любовью
Занимаетесь в машине?
Или нет у вас машины?
Или нет любви у вас?

Остальное было хуже. Вообще «приличных» стихов почти не было. Отобрал еще парочку по принципу: где меньше ошибок. Фестиваль организовал все тот же отдел алии и абсорбции в муниципалитете Петах-Тиквы (в новом здании из стекла и бетона), тот самый ловкий малый от Рабочей партии, что патронировал вечер «Иерусалимского журнала» (а перед этим я видел его по телевизору, да-да, он далеко пойдет). Он же и вел собрание.

Праздник поэзии разбили на две части: первая — посвящена Анечке, вторая — награждение победителей конкурса. Народу было прилично, человек шестьдесят. Тарасов просто царил. Он читал первый. Стихи Анечки. Здорово читал, и стихи ее опять меня удивили. Сравнивает Стигматы с женским срамом. В таком контексте фразы типа «и я хочу вложить персты» обретают новое звучание. И эту колкость про меня читал. Потом Петя Птах выступал, потом Сошкин. Читали Анечку и свое. Сошкин, конечно, читает ужасно. «Я прочту стихотворение Анечки, посвященное мне». На дне рождения у Тарасова из-под полы вручил мне две маленькие книжечки, свой сборничек и «книжку Анечки» его изготовления: «Спрячьте, спрячьте, а то Тарасов увидит!»

Потом еще Баембаев, с трудом каная под «молодежь», орал свой «Ото-зой!», а после него — всякий поэтический люд чином помладше, последним — Мух, нечто социально-политическое. Темпераментно излагал. Перед этим весь вечер демонстративно лакал коньяк (сидел на первом ряду). Показал мне статейку Шамира про «Ништяк» и про вечер у Винокура, я пробежал глазами — описано ярко: «…Гости пили коктейль „Слеза комсомолки“ любимого

Винокуром Венички Ерофеева (тройной одеколон + средство от потливости ног), разлитый в коньячные бутылки. … Кудрявый поэт Володя Тарасов попытался порезвиться и повеселиться. Как его не убили на месте гости Миши Винокура, особенно тот, хриплый, с костылем — ума не приложу. Положение временно спас Наум Вайман, тоже крутой мэн и боксер — он принес хорошей финской водки и спел Есенина. Это только отложило неизбежную драку, но и Орфей не добился бы лучшего результата. Ленивый Гробман не поехал на дебош, а потом кусал себе локти. Я сидел рядом с его женой, а стоило мне выйти из-за стола, на меня жарко дыхнула дама, пишущая прозу в газете „Новости нашей страны“, и нежно сказала: „Миша! Мне давно хотелось вам отдаться!“ Невинная простушка приняла меня за Мишу Гробмана».

Все прошлись по кругу, после чего Тарасов вновь поднялся на сцену и выдал уже своё. Чувствовался его непререкаемый авторитет среди «молодежи». Вот, пока там Генделев советы Березовскому дает, Тарасов у него молодежь-то и увел. А вообще, он неплохой рывок сделал на Анечке. Смерть литературного друга всегда — возможность продвинуть карьеру. Переплетая крылья, в последнем объятии с мертвым взмыть к небу… Кто знал бы про Блоха, если бы он не дружил с Кафкой? Вернее, если бы Кафка с ним не дружил. Впрочем, и для дружбы нужен талант. Как и чутье выбирать/назначать литературных друзей, умных и бесталанных, больше преданных литературе, чем дружбе. Вот Кафка попросил Блоха после его смерти сжечь рукописи, а Блох не сжег. Настоящий литературный друг. И эта сладкая вечная слава — подарить миру непризнанного гения, безвременно сгинувшего…

В перерыв все побежали в соседнюю комнату, продавать свои книжки. У меня купили три сборника, один «Левант» и два старых, «Хроники» не купили. Тарасов торговал рядом. У него покупали больше и просили надписать. Подошла и будущая лауреатка Лика, полная дама

с красивыми коровьими глазами и какой-то проблемой спины, лет под сорок, оказалась училкой, умоляла надписать. Володя поднатужился и выдал стих.

— Круто, — сказала Лика. — Напишите пожалуйста ваш телефон, я вам позвоню.

— Я на книге телефоны не пишу, — обрезал маэстро.

— Ну вот тут (достала бумажку) напишите.

Володя стал искать ручку, но Лика протянула свою. Тарасов стал вспоминать телефон. Нет, не из вредности, просто был уже в «тумане» — они в этой комнате в открытую дымили своими «косяками», и это в цитадели Рабочей партии!

— Телефон забыл, — сказал он, наконец. Я говорю:

— Давайте я дам Вам свой телефон, Вы мне позвоните, и я вам дам телефон Тарасова?

Вокруг засмеялись. Но дама не смутилась. И когда ей вручили первую премию (была счастлива) тоже не очень смущалась, приняла, как должное. Я говорю:

— Почитайте пожалуйста вот это… — и тяну ей стихотворение, которое меня подкупило.

— А можно я — другое?

Не уважила председателя. Но я проглотил обиду:

— Пожалуйста, конечно…

И она прочитала такую хрень, что я покраснел, ведь скажут же (и сказали!): как ты такой дуре премию дал? «Молодежь» стояла за Лейлу. Я ей дал поощрительную. Не понял о чем её словеса, но раз народ требует. У Сошкина был другой протеже: Желнов. Дали и ему поощрительную. Организатор попросил «отметить» Комаровского. «Он хороший малый.» Ладно, дали и хорошему малому. Благо поощрительных премий было аж шесть. Старичок-снеговичок, представившийся как «математик-исследователь», схватив микрофон, ужасно возбудился (ох уж эта тяга к микрофонам, сколько душ загубила) и задыхаясь от волнения сказал, что ему ужасно понравились стихи Лики Подольской, «в них дышит такой настоенный

на степных травах секс!», и добрый старичок (не иначе как стихоплет) захихикал. Время подошло к десяти, пришла уборщица и собрание закрыли. «А почему лауреатам не дали почитать?» — возмутилась «молодежь», болевшая за Лейлу. «Хоть бы Лейла почитала, она замечательно читает!»

Я был очень собой недоволен. Очень. Перед раздачей слонов мне дали слово, и я стал, как дурак, поучать, что стихи в основном сырые, что надо учиться, что хорошо бы организовать студию, что можно многому научиться, вот, например, был такой «Цех поэтов»… Хорошо хоть догадался вовремя, что никого мои уроки не волнуют, пожелал «молодым» (некоторым за тридцать) «избегать банальностей», неловко свернул это дело и перешел к награждению. Когда все закончилось, незаметно (да никто и не собирался «замечать»), чего-то стыдясь, ушел, один, побрел на стоянку — далеко машину поставил…

Да, еще когда Петя читал своё: «хуй — царь всему», три перезрелые девицы в первом ряду сильно вздрагивали по ходу яркой поэмы (на поэтических вечерах всегда сидят такие перезрелые дамочки за сорок, да и вообще полно чудиков), и организатор счел своим долгом объяснить, в основном этим дамочкам, что все это не так уж страшно, и тут я, засидевшись в безвестности, вдруг заорал: «Нас хуем не напугаешь!» Ну не мудак?

Выйдя во влажную теплынь, двинул через центр Петах-Тиквы к стоянке, и увидел этих черных упырей у столиков, в драных трусах и потных майках, смолящих сигареты и ведущих посреди мусора свои разговоры про шекели, эту наркомань иссушенную, сбрасывающую столбики пепла в опивки кофе, этих выкидышей абсорбции, валяющихся на скамейках и пьяно мычащих, и это всё после прозрачно-зеленого холодного Кёнигзие… Показалось, что меня слили в какие-то склизкие нечистоты, и охватило тошнотворное омерзение к этому совершенно чужому миру… Какая-то баба сидела на корточках, прислонясь к обшар-

панной стене, а возле нее стояли два молодых полуголых парня. «Ло-ло, ани амарти, шлошим ве шмоне ми кол эхад.» «Авал ма зе шаа?!» — торговался один из парней. «Лефахот шаатаим![1]»

2.9. От Матвея:

Наум, привет!

…Что касается твоих сомнений относительно приезда, то я их очень хорошо понимаю. И чем дальше, тем лучше. Как ни приятно было бы повидаться, должен сознаться, что более гнусной атмосферы на моей памяти еще не было. («Бывали хуже времена, но не было подлей») Гремучая смесь гебешной державности с православным расизмом испускает ни с чем несравнимую вонь, от которой «либеральная интеллигенция» впала в нездоровый экстатический восторг. Люди, которых раньше встречал на выставках, сутки простаивают в очередях, чтобы приложиться к мощам (в виде отрезанной головы) преподобного целителя Пантелеймона. Нормальных людей можно пересчитать по пальцам, и «людские потери» потихоньку захватывают, к сожалению, и ближний круг. Всё же не так страшен черт, как его малюют, и поскольку реальной опасности все же нет, я не расстаюсь с надеждой повидаться.

Конечно, присылай свою газетную продукцию, прочту непременно.

Всегда твой

Матвей

Матвей, привет!

Тут на мои выпады в адрес антигероизма евреев темпераментно среагировал местный публицист в статье, которая называется «Я был и останусь евреем». Серьезно

[1] «Не-не, я же сказала, по тридцать восемь шекелей с каждого» — «За часто? Хотя бы два часа!» (ивр.)

на такой выпад не ответишь, хотя вопросы-то важнейшие: дело не только в том, есть ли среди евреев герои, а в некотором принципиальном культурологическом споре о «героизме в культуре», который упирается и в еврейский вопрос, а если копнуть глубже, — то и в антропологические основы культур. Правда, «есть мнение», что ветхозаветная культура была вполне себе героической, но война с Римом сломала хребет ветхозаветному иудею, и Талмуд стал принципиальным отказом от «героизма». Кстати, не исключено, что караимы, не признавшие Талмуд священным писанием, как раз и были той ветвью иудаизма, что не пожелала отказаться от героизма, и есть теория, что большинство евреев Хазарии были именно караимами…

Всегда твой

Наум

С женой очередной медовый месяц. «Возьми меня за цицку! Вот так. … Потрись о попку. Молодец, хорошо.»

4.9. *Дорогой Николай!*

Я вернулся уже неделю назад, но с письмом все затягивал, в надежде сообщить вам что-то определенное насчет приезда. Но к сожалению планы так и остались неопределенными (по разным обстоятельствам, нет смысла вдаваться в подробности), и мне бы не хотелось «держать вас в напряжении». Так что давайте считать, что «чрезвычайное положение» отменяется, красные дорожки — на склад, всем стоять вольно.

Вашу книгу я уже передал Гольдштейну. Он был тронут и просил вам передать свою признательность. Ваши тексты в «Зеркале» получены. Но полагаю, что они с вами свяжутся напрямую.

Какие у Вас новости? Чем кончилась история с Барашем? Нет ли неожиданных продолжений в судьбе «Хроник»? В общем, рад буду получить весточку.

Всегда ваш

Наум

5.9. По дороге слушал русское радио, затеяли викторину: закончите фразу, которую начал Достоевский: «жизнь надо любить больше чем…» Слушатели активно звонили: «больше всего на свете», «больше, чем себя», «больше, чем она того заслуживает», «больше чем она нас», «больше, чем смерть», и, наконец, «больше, чем маму». Тут ведущий не подкачал: «Ну, это вполне еврейский ответ. Но, к сожалению, Достоевский не был еврейским мыслителем и до этого не додумался…» Впрочем, сентенция Федора Михайловича вполне жизнелюбивая и в этом смысле еврейская…[1]

6.9. Позвонил Зайчику узнать насчет своего «Людвига», но Зайчик решил, что пойдет только через неделю. И я вдруг расстроился. Это меня напугало: ни фига себе, думаю, это я так реагирую на то, что меня чуток «передвинули»?!

Но ничего не мог с собой поделать. Прям помрачнел. Даже жена, когда с работы пришла, спросила: «Что с тобой?»

— Да ничего.

— Все в порядке?

— Все в порядке.

— А чего ты какой-то стукнутый?

Наум, дорогой, привет!

Вы можете приехать когда угодно и мы Вам будем рады, печи в мастерской топятся, так что все по-прежнему, ждем, решайтесь, смелей и фортуна Вам улыбнется. У нас все нормально, чуть похолодало. Экая новость. Тексты я, действительно в «Z» послал, и уже об этом забыл, так как

[1] «Жизнь надо любить больше, чем смысл жизни»

они молчат как хороший советский журнал. В успех не верю, но звонить не буду, двушек не напасешься все понимаешь тут названивать.

С Барашем полная параша, так как он почему-то считает что одеваемся от Раскладушкина, а мы вот не там одеваемся и деньги тоже считаем. Но не велика потеря.

Тишина и молчание, лишь иногда какой-то стрепет о «Кузнечике» получаю, даже и не зная что и думать обо всем этом. Или не думать вовсе.

Много пишу, так как в Египте начал много проз и м. б. напишу и новый романец. Но сил не очень много, так как издательство вампирически меня цепляет.

Новостей от нем. лит. агентов нет. Может мы им и не нужны. Если будем нужны, скажут сами.

В Нов. мире валяется моя проза, и зав. отделом Киреев сказал мне «А Николай, нет ли у вас чего-нибудь такого вот личностного, как мы печатали». Они думают, что я автобиограф на автопилоте.

Эх!

В общем, перемежение, как Пруст пригорюнясь говаривал.

Кажется, Хроники все раскупили, в магазинах не вижу, спрошу у дилера при случае. В Доме книги их хорошо покупали и они хорошо выглядели на прилавке.

Надо меняться произведениями, почитывать друг друга и обсуждать, я в этом нуждаюсь, все время хочется что бы кто-то, кого уважаешь линзы протер. Есть ли у Вас программы акробат-ридер и дестиллер? Я тут способ нашел как файлы донельзя уменьшать, а то у меня плохой режим в сети, надо краткие файлы посылать. Это только произведений касается. Черкните и устроим обмен! Идет?

Искренне Ваш

НК

Наум! Извините, забыл. Гешарим мне ничего не пишет о Бубере. Вы в них лимонку не бросите?

7.9. От Л:

Снилось будто ты у меня в гостях с сыном твоим…?! и я вам показываю свой лес и речку и твой сын рассказывает, какой ты стал знаменитый, но он какой-то грустный, жалуется мне… чего только не приснится. А вторую часть закончил? Перекинь почитать пожалуйста. Мне тоже грустно.

Помнишь я писала тебе о трех яблоньках, кот. растут вместе, кустом? Так нынче ни с зеленым бочком, ни с красным не уродились. Только райскими все усыпано… печально

7.9. Позвонил Р около девяти:

— Может поедем в Иерусалим, на выставку?

— Какую?

— А сейчас открылась интересная выставка, «Библейские пейзажи», рембрандты всякие…

— А мы успеем?

— Ну.., может не в десять, а пораньше увидимся, без четверти?

— Нет, я не успею. Ну ладно, давай в десять, там посмотрим.

Опоздала на 15 минут. Когда я ее вижу, то рад ей. Но никаких отелей.

Выставка отпадала, мало времени.

— Поедем тогда в Яффо, погуляем..?

— Поехали.

В Яффо мы поднялись на площадку над городом и морем, сели на скамейку. Болтали. Грустно было. Я положил ей голову на плечо. Сказал:

— Мне хорошо с тобой.

И это была правда. Но… Не знаю что, но огонь потух.

Я целовал ей руки, щеки, волосы. И мне было очень грустно.

Когда приехал, мама обрадовала: звонил Красильщиков, сказал, чтоб я купил «Время», там его рецензия на «Хроники».

— Лень идти. Завтра куплю.

— А я уже купила. И даже прочитала.

Прочитал и я. Позвонил Красильщикову.

— Ну, во-первых, я очень раз, что вам книга понравилась.

— Понравилась — это не то слово.

— Ну и за рецензию спасибо.

«Время» за 7.9.2000.

РЕНТГЕН

Вместо рецензии

У книги Наума Ваймана название странное: «Ханаанские хроники», подзаголовок: роман в шести тетрадях. Непонятно, что написал Вайман: роман или хроники? Одно исключает другое. Ты или хронист, летописец, или сочинитель, фантазер. Но вчитавшись, понял, что придумал писатель роман с самим собой, а такая книга и должна быть хроникой.

И в сюжете тетрадей сам Вайман: его плоть, кости, нервы, мозг. А потому названную книгу совсем не обязательно читать, как положено: с первой страницы. Читал ее «людоедски», вырывая из текста куски, и вполне был удовлетворен таким чтением. Соглашался с чем-то, радовался согласию и вдруг начинал спорить непримиримо и даже со злостью. Но здесь ничего не поделаешь. Если сам автор закручен в сюжете, но талантлив и искренен, невольно попадаешь не на самые «вкусные и съедобные» части его естества.

Все есть в романе Ваймана. Все есть в каждом из нас. Только одни выразить это «все» не умеют, а он сумел, и сделал это, на мой взгляд блестяще, сочинив своего «героя нашего времени» — «русского» человека в Израиле.

Все наши проблемы: от секса до политики — попали в «хроники». Вечные наши проблемы. А о проходящих, пустых и писать не надо. Старая истина. Настоящий писатель этим и отличается от ненастоящего. А теперь останав-

ливаю себя, так как убежден: никакая рецензия не сможет заменить даже десяти строк авторского текста. Мало того, в долгой рецензии всегда ощутим противный привкус тщеславия, желания отметиться за счет рецензируемой книги и стащить «одеяло» на себя. А потому слово самому Вайману:

На Севере идет, по официальному, хоть и сквозь зубы, признанию, настоящая война, в которой мы терпим поражение (вчера еще солдат погиб). По признанию военных инициатива у противника, мы сидим в крепостях и ждем удара, похоже вся армия уже перешла на стратегию «шмиры» (охраны), сонный и расхлябанный вохровец — вот тип еврейского вояки, и удары не заставляют себя долго ждать. Народу объясняют, по отработанной схеме, что тут ничего не поделаешь, борьба за мир требует жертв, что «окончательное решение» может быть только в рамках общего мирного урегулирования с Сирией, тогда сирийцы там сами наведут порядок. Палестинцы по такой же схеме уже порядок наводят. Видеть это тотальное разложение нестерпимо больно, горько и страшно. Люди, которые шли в газовые камеры, до последней минуты верили, что их ждет «душ», срабатывал все тот же психологический механизм: легче рассчитывать на милость, чудо, логику, на что угодно, на кого угодно, кто придет извне и спасет, чем брать на себя риск борьбы, риск войны. И как ничтожный процент шел в начале века в «сионисты», так и в немецких загонах, ничтожное меньшинство шло в партизаны, а большинство мирно трудилось, «жило», даже развлекалось (в образцовом загоне Терезиенштадт были театры, искусство, богема…), и мирно ждало «акций». И сегодня еврейский народ, вооруженный до зубов, мирно трудится, «живет», развлекается, ожидая очередных арабских «акций». Раньше «брали» одного-другого, теперь, с помощью «адских машин», берут десятками, но еврейские миролюбы объясняют, что это болезненно, но не смертельно, зато нация выживет, ведь мы идем к миру, вот-вот уже. Эти миролюбы публично требуют от наро-

да готовности приносить жертвы, искупительные, хотят откупиться ими от молоха войны, а какая альтернатива, спрашивают они, вернуться в Газу? То есть вернуться в замкнутое кольцо войны? Нет уж, лучше мирно умирать. Жертвы мира им милей жертв войны, милей… Так что же, евреи — народ трусливых приспособленцев? Да, конечно. Но не потому, что они, так сказать, биологически трусливей, чем скажем англичане, полагаю, что нет. Суть в том, что евреи трусы идеологические. Это совершенно принципиальная позиция, философия выживания. Принять на себя ответственность за собственную смерть, решиться воевать за независимость — есть героическое решение. Героизм же еврейству чужд. В национальном воспитании нет такого понятия. И, соответственно, нет понятия чести. У европейцев, у арабов, у турок, у монголов, да у всех было рыцарство, был культ воина, были мифы о доблестях, о подвигах, о славе. Но нет этих «сказок» в еврейской мифологии. (В библейской есть, хотя бы миф о Самсоне.). По весне сионизма еще цвели легенды… Но сионизм, этот экстаз воли, выдохся, сошел на нет. Вовсю идет развенчание мифов (во имя якобы научной добросовестности, а на самом деле с целью «идеологического обеспечения» капитуляции, выдаваемой прогнившей верхушкой за «мирный процесс»), осмеяние мифов вообще, будто это государство — не результат победы великого мифа о возвращении. Жизнь индивида лицемерно провозглашается высшей ценностью. Лицемерно, потому что к жертвам террора относятся, как стадо крупнорогатых к своим случайно зазевавшимся и попавшим в пасть хищника членам стада, с равнодушием статистической неизбежности. (И «богобоязненные» туда же: пикуах нефеш, мол, жизнь человека превыше всего. Превыше Торы? Превыше заповедей? Чего больше в вас, евреи, лицемерия или трусости?) Победа оголтелого шкурничества под маской «борьбы с насилием». Оргия молокан. (Вспомнив, нашел у Хафиза Бухари: «Во имя чести и славы жертвуйте жизнью, всегда будьте готовы сложить головы в короне или шлеме, все равно

сердце уйдет из жизни...") Впрочем, даже немцы и русские договорились до того, что называют войну (вообще, любую) разрешенным убийством, а армейскую подготовку — подготовкой убийц. Сегодня, у некогда сильных, а ныне только богатых наций возникло ощущение, что можно выжить и без героизма, за счет «технологий». Сильно в этом сомневаюсь, потому что если «технологии» можно освоить «по описанию», то героизм утерянный вряд ли вернешь. Завтра любая группа отчаянных террористов, овладев ядерным оружием, поставит на колени весь «цивилизованный мир», для которого уже давно «лучше быть красным, чем мертвым». Катастрофа явилась результатом тотального отсутствия героизма среди евреев, и так ее надо преподавать в школе. Надо преподавать нашу историю, как обреченность на героизм. Человек вообще обречен на героизм. Жизнь индивида несущественна, если она не ради рода или идеи.

Ну, как вам? Косноязычно, много скобок и кавычек, но сколько сердца и боли. Со многим не согласен. Вся Тора пропитана культом героизма. Вся наша история — сплошной подвиг веры во имя сохранения вида. Ну, а суета вокруг государства — не так существенна. Здесь все приходяще и проходяще. Но, услышав трубные звуки, ноты великого Жаботинского, и мое сердце отозвалось на боль Наума Ваймана, на призыв к мужеству. И мне кажется, что за нашими «миротворцами» одно малодушие и трусость. Эти наши страшные и вечные предвестники Катастрофы.

Прочтите Ваймана. Он — настоящий провокатор, похабник и бузотер. На каждой странице автор «хроник» смешивает мусор с подлинно драгоценным. Он не мастер плавного чтива, и не собирается нежно чесать читателя за ушами. Он — мастер стриптиза, душевного в том числе. И Ваймана, если честно, не очень волнует, как отнесутся к его книге читатели. Такой жанр — авторского эгоизма — встречается все чаще и чаще. (Мне кажется, что это нормальная реакция на засилье массовой культуры.) И Вайман, несмотря на его плач по героизму, никого нику-

да не зовет. Он, раздевшись донога, сам себя ставит в аппарат под рентгеновские лучи. Он занят просвечиванием самого себя. А это, повторяю, вполне достойное занятие. Главное, было бы что просвечивать. В этом смысле Наум Вайман имел полное право писать ту книгу, которую он написал.

8.9

Дорогой Николай!

Насчет «почитывать друг друга и обсуждать», то я с превеликим удовольствием. Боюсь только, что порадовать вас, а тем более заставить «протереть очки», и вообще-то нелегко, а в настоящий момент нечем. Вот я сейчас задумал некую «трилогию» путевых заметок под названием «От лебединого озера до орлиного гнезда», такая история романтизма, если выйдет не стыдно, то пошлю вам, хоть и материал чисто журналистский. У меня уже было два разворота, где я обсасываю свою старую тему о героизме. Она уж и мне самому порядком надоела, но все-таки хочу, не то чтобы «закрыть» ее, но хотя бы как-то «закруглить». От вас рад буду получить все, что вам захочется мне послать. Перед «Кузнечиком» ощущаю внутренний долг, то есть мне хочется написать, такая проза — редкость. Тем более, что меня удивляет «молчание» по этому поводу. Уж не отупела ли столица (отмечаю с провинциальным злорадством)? Иль обленились все, али скурвились? Все-таки против «рынка» стоять, это надо быть ледоколом. А может просто, как вы пишете: «перемежение»… То есть суеты много, а вот «прозы» нет. Так что вы молодец, что в Египте «расписались». А я сейчас перевожу для «Солнечного сплетения» роман одного израильского писателя, Якова Шабтая (его называют «израильским Прустом», хорошо, что не «еврейским Прустом»), роман называется «Эпилог», и он неплох, мне интересно. Готовятся какие-то мои публикации на иврите. Вот вчера еще в одной местной газете статья была о «Хрониках», очень «положительная», рецензент,

Аркадий Красильщиков, бывший советский сценарист, выпускник ВГИКа, утверждает, что я «сочинил „героя нашего времени“», называет меня «мастером душевного стриптиза». «Прочтите Ваймана. Он настоящий провокатор, похабник и бузатер.» Ну и т. д. Так что как бы дела идут, контора пишет… А настроение почему-то грустное…

В «Зеркало», как я понимаю, то, что вы послали, возьмут, но точно не знаю. У Врубель-Гробманов свои бубенцы. Гробман считает себя не только великим художником, но и большим поэтом. Я вообще-то «держу дистанцию», поскольку «общепринятое» мнение о его гениальности как художника и как поэта не разделяю (не отрицая при этом достижений). Я в основном с Гольдштейном общаюсь (он там третий человек в редакции), можно сказать «дружу», хотя особой близости нет, он человек, на мой вкус, чересчур «боязливый», в «раззудись плечо — размахнись рука» не играет, опять же не пьет… То есть совсем. Иногда, пригубив бокальчик и «распоясавшись», он даже старается быть откровенным, но это «старание» заметно. Нет, пожаловаться ни на что не могу: он вообще человек предельно корректный.

А Бараш — поэт малосильный, но есть «школа». И тоже почему-то считает себя «первым поэтом Израиля», и в борьбе за титул готов выцарапать глаза конкурентам. Поскольку я ни на него не претендую, он ведет себя дружелюбно.

Кстати, на счет поэзии. У нас год назад умерла (от овердозы) одна девочка (28 лет), взявшая себе смелый псевдоним «Анна Горенко». Как мне теперь кажется, она была ярким талантом.

Я пошлю вас книжку, которую издал поэт Тарасов (оба они — из главных персонажей моих «Хроник»), там интересный комментарий. Интересно, как вы это «увидите».

Ну, кажется я разболтался.

Пишите.

Наум

А «гешариму» мне звонить ей богу неловко. В последний

раз он мне дал понять, что «сам разберется». А почему бы вам не запросить его на прямую?

Жена зовет Его «мой дружочек».
— Только он меня понимает…

8.9. Играл с Моше. Он из Каира, приехал в юности, сейчас на пенсии, уже под семьдесят. Рост где-то 180, стройный, статный, по фигуре — настоящий английский джентльмен. Для своего возраста — в блестящей форме. И вообще «молодец». Рассказывает: «Я когда был в Америке, нас была целая группа на курсах, и там был один египтянин, араб, мы с ним подружились, „*а*хла бахур“[1], и там была одна „русия“[2], с подругой, она мне нравилась, вот они как-то идут нам навстречу, а он мне говорит, хочешь посмотреть, как это делается? Подошел к ней, заговорил, чик-чак, и что ты думаешь. „Шах*а*в ита!“ [3]Мне обидно стало, я подруге ее сказал, мол, пусть передаст этой, что он араб. Но той было все равно…»

Письмо от Михайловской:
29.7.2000.
г. Москва
Наум, добрый день!
Давно не общались. Как у вас дела? Надеюсь, что все в порядке.
Вот, пользуюсь летней оказией, передаю письмо и книжки. 1 экз. «Genius loci» отдайте, если Вас не затруднит, в «Зеркало», И. Врубель-Голубкиной с приветом от меня. Интересно Ваше мнение об этом сборнике, фестиваль был необычайно ярким. Если бы можно было организовать

[1] Отличный парень (ивр. сленг)
[2] Русская (ивр.)
[3] Переспал с ней (ивр.)

такой же Российско-Израильский фестиваль! Но на это Сорос деньги не дает. Да, у меня к Вам еще вот какой вопрос — собираетесь ли Вы в Москву? Я надеюсь быть в Иерусалиме зимой во время книжной ярмарки, но… я еще не оправилась после папиной смерти и работать в полную силу не могу. Хотя стараюсь. Е-мейл я до сих пор не поставила, но для связи… у моей сестры.

Всех благ

Таня

Наум, привет!

…Я неожиданно для себя с большим интересом прочел книгу о Еве Браун. Это никак не «литература» (автор — журналист, сидевший при Гитлере в концлагере, а затем дотошно опрашивавший свидетелей, и это — единственная его книга), зато написано достоверно и, главное, спокойно. Гитлер очень вежлив с дамами, обворожителен и обходителен, необычайно терпим и снисходителен в рамках частного общения. Кроме того, он обременен множеством «буржуазных предрассудков» (это главная для меня новость). Честь дамы, вопросы вежливости, репутации, чести, «принятости» и т. п. имели для него огромное значение. Автор книги о Еве Браун целенаправленно приводит множество фактов, свидетельствующих о такого рода «буржуазности» Гитлера. Сталин же, по-моему, даже не подозревал о существовании подобных вещей. Это свидетельствует о том, насколько русская революция была радикальнее даже самых бредовых прожектов «бесноватого фюрера».

Кстати, вышел очередной том Розанова, его «выкинули» на проходящей сейчас в Москве книжной ярмарке. Я там еще не был, думаю заехать в воскресенье (обещают бесплатный пропуск). Книга называется «Осенние листья», и, кажется, там сплошь неопубликованные материалы. Стоит 85 р.

Всегда твой

Матвей

Матвею

Да, русская была куда радикальней. Это было настоящее разрушение старого мира. Гитлер, как ни странно, пытался его в каком-то смысле восстановить, мир прежних иерархий. Крепость этих иерархий и была основой семейного воспитания, а он воспитывался в обычной немецкой семье. А Сталин был кавказский звереныш, да еще с русской уголовной ухваткой. Но зато он был «проще», более «земным», и обладал чувством юмора, может поэтому в конечном итоге оказался победителем… Он «понятнее», в нем видишь человека, он и жесток, как человек, а Гитлер жесток «из принципа», из идеологического фанатизма, и его «буржуазное воспитание» (а по сути — притворная накидка добропорядочности, вроде нынешней политкорректности) мало кого спасло, так что и не знаю, кто из них «лучше». Как тов. Сталин говорил: оба хуже. В Гитлере еще сидел театрализованный германский демонизм, презирающий действительность (тоже воспитание, но уже «культурное»). Как это ни печально, но он «строил» из себя героя, и в результате надолго, если не навечно, дискредитировал это понятие…

10.9. Играл вчера три сета, два с половиной часа, и победил своего главного противника, перса Эли, и не устал! А тот моложе, ему лет сорок пять. Оченно был доволен.

Вечер с музыкантами, жарили мясо на крыше. Была скрипачка, в которую влюбился в начале года. Она мне все еще нравится. Рассказывали анекдот про нового репатрианта: спрашивает, как пройти на улицу какого-то Леонардо да Винчи. Ему: вы что, Леонардо да Винчи не знаете? А он отвечает: «Вы меня извините, но я недавно в Израиле…»

Я обнаглел и пел перед музыкантами. Сорвал аплодисменты старым шлягером «Отговорила роща золотая…» Растроганный контрабасист даже спросил: «Чьи слова?» А к скрипачке так и не подобрался…

Неожиданно позвонил Винокур

— Ну что, прочитал я твою книгу, да… Ну что, ты ж все знаешь, чего тут жопу мять…

Чтоб как-то заполнить паузу, завожу про вечер:

— Слушай, ты такой вечер отгрохал!

— Да ну, что там, да в кои-веки уж, знаешь, книжка выходит, так это ж как ребенок рождается… Только этот, «поэт»!, некрасиво вел себя, ну зачем так, ну, блядь.., мне ж ребята говорят — ну давай мы его закопаем!

— Да ладно, пусть живет.

Он хрипло смеется.

11.9. Позвонил Гольдштейну в редакцию. Выяснилось, что публикацию отложили еще на неделю. Тут уж я не расстроился, а рассверипел. Звоню Зайчику: «Это что, — говорю, — понижение в должности? Одно дело — я постоянный сотрудник и регулярно печатаюсь, и соответственно строю планы, и творческие, и материальные, а другое — по принципу: ты приноси, а мы посмотрим.» До резких тонов не дошли, но разговор закончился как-то мрачно. Я уже стал представлять себе ситуацию «без Зайчика». И вдруг, через полчаса — звонок:

— Наум? С вами говорит Марк, который Зайчик.

— Да, Марк! (Смеюсь как можно дружелюбней. Да я ж люблю тебя, зайчуня!)

— Я вам хочу сказать, что ваш материал пойдет. Только вы не подумайте…

Типа не подумайте, что меня можно на горло брать и тому подобное, и мы стали взаимно расшаркиваться, «у вас был какой-то раздраженный тон…», «да дело не в раздражении, поймите»… В общем, расстались друзьями. Надо будет принести водяру в редакцию, проскользнул намек.

12.9. Были с Портосом у Литвака. Грузный мужчина.

Не очень здоров. Пишет статью «Терминальные состояния сознания». Библиотека шикарная. Мои поползновения «познакомиться с Машей» (дочка стала известной израильской писательницей, к тому ж симпатичная) — отклонил. Прячут Машеньку…

От Л:

Спасибо за вид из окна в Лермосе. Сегодня звонила Майклу, секретарша сказала, что книгу получили, но он ужасно загружен работой и месяцев 6—8 будет разгребать, а потом м. б. Просила позвонить поближе к весне.

Ну и у меня настроение резко упало. Но люди советуют обратиться прямо в издательский дом, минуя литературных агентов, обещали узнать как это делается.

Короче: агент облажал. Но ты не огорчайся. А напрямую всегда хорошо, только куда…

А хочешь я тебе пошлю фото Р?

Бальмина прислала стихи, отгрохала целый венок сонетов — подвиг по нонешним временам. И даже разбег вполне сносный:

Кривая, узкая она,
Вершина кряжа Альварадо,
Где облаков баранье стадо
Пасет бессонная луна…

Но дальше, увы, хужее…

Груди не нужен силикон —
Черт с ней — пусть опадает висло.

Пусть опадает сиська…

Не ею украшать балкон!

Тоска, пополнив лексикон,
Веревкой порваной повисла.
……

Кто слышит твой бесшумный SOS
Из океана конформизма?
Тебе, целующий взасос
Язык и зев постмодернизма,
Дороже нежного комизма
Патриархальных детских грез.

13.9. Гольдштейн пожаловался: «Вот я уже восемь лет регулярно печатаюсь в газете, а меня не знают. Люди звонят в редакцию, то есть читатели, и когда представляюсь, чувствую, что они мою фамилию впервые слышат».

От Л: *Давай фото Р. Закажи пожалуйста и для меня Беньямина «Франц Кафка».*

Мне приснилось, что ты пишешь «Портрет каторжника».

Рита прислала еще. И опять эту поэму: «Сергею Полынько».

На этот раз я сорвался.

Рита, ты эти стихи мне уже посылала. Может хочешь чтобы я и их «покритиковал»? Всего не перечислить. Я не пойму, как это можно «рассуждать двояко»? Или «причаститься грудями»? «Вечный трах» — это тоже сильно, или: «Он небоскрёб возводит мавзолеем/Своей любви из некрофильских свай»… Даже придумалось вдруг новое определение поэта: небоёб.

А вместе с тем — можешь, когда хочешь:

Прощай, лирический герой,
Я не умею быть случайной
Шалавой из дешевой чайной

Хоть и приходится порой.

Не знаю зачем пишу тебе эти гадости… Может с досады, что «не причастился» «нагих объятий грешных»?

Рита: *Я нормальный человек, и к критике отношусь философски. Я никогда не обижаюсь, а только благодарна. Но прислушиваюсь не ко всему и не ко всем.*

А в этой подборке есть изменения…

И дальше следуют те же поэмы…

14.9. Жена целует «дружка» (после)

— Ну, ты совсем опустился…

От Л:

фотка — пиздец, мамаш[1] *королева. Записки прочла. Понравилось «или нет у вас машины или нет любви у вас».*

Всю ночь гремел гром и сверкали молнии, прямо потоп. А собак мой на них всегда лает, так что спала я в эту ночь не много. Помню молния высветила из темноты — ты сидишь на камне, а вместо ног блестит рыбья чешуя, хвост, как у русалки. А я думаю — теперь придется дружить, хочешь-не хочешь. А ты отвечаешь — да нет, это он у меня просто не блестящий, в темноте не видно.

Годовщина смерти отца. И опять «жалко», и чувство вины…

15.9

Услышал за стеной женский голос, такой кошечки лет тридцати… Вот только сейчас, на старости лет, стал по-настоящему чувствовать женщин, по-настоящему их вожделеть, таких больших ласковых кошек, лет тридцати

[1] Натурально (ивр.)

пяти, подтекающих, хочется гладить их, жалеть, погружать пальчик в болотце между ног, и чувствуя, как они нетерпеливо урчат, снисходительно погрузить в них и все свое ленивое, но жадное естество…

17.9. От Л:

Опять забыла спросить какую колкость про тебя читал Тарасов на фестивале молодых, где ты в жюри председательствовал? Все не могу успокоится как с Майклом получилось, очень я надеялась на него, где-то внутри была уверена, что будет контакт. А я редко ошибаюсь. Прям в тоску меня вогнал…

с Майклом — секретарша встала между вами, не допустила контакт

Тарасов написал в стихотворении «Ягоды изнанки», с посвящением «Анечке на тот берег»:

А вот другой
Как будто друг который, да-да, тот самый
Так мне удружил —
Твои слова сошлись один в один —
В углу остекленевших, представляешь,
По-дружески, по-свойски — ноги вытер!
Мол, впопыхах, и разошелся —
Все зеркальны!…
Ему ведь невдомек — не все.
Не все.

18.9. В субботу очень устал, сражаясь на корте с персом Эли. И решил, что в воскресенье пойду с ней в кино. Но утром встал уже не чувствуя усталости и это меня так приободрило, что я порадовался жизни с женой, а потом даже решил, что может быть и не в кино, чем черт не шутит? А тут еще получил письмо из «Кетера»[1], что

антологию свою они выпускают, просят мое согласие на публикацию, расписывают там какие-то проценты, что мне причитаются в случае чего. Это меня окрылило, опять же на ней была белая тоненькая кофточка, почти футболка, с вырезом до пупа, ну я и говорю:

— Ну что, поедем в отель, для разнообразия?

— А ты хочешь?

— Я знал, что ты спросишь.

— Да? Откуда ты знал?

Но это были просто «разговорчики в строю», я повел корабль в Императорскую гавань. Раздевшись, она легла со словами: «Я совершенно… не в форме. Придется тебе меня расшевелить.» Ну, это наше любимое занятие. Я был на подъеме. Потом мы повалялись, выпили мой сувенир: маленькую бутылочку монастырской водки с Кимзие, а потом она занялась своей любимой игрушкой. Возилась с ней так долго, что сама возбудилась (а мне надоело до чертиков), так что когда я ввел «игрушку» в дело, почувствовал необычную чувствительность, каждое проникновение вызывало у нее полуобморочное состояние, ноги дергались, как у лягушки под током, и тут уж я владел временем абсолютно, я раздвигал его до бесконечности, «на лицо» были все признаки нарастающего «мучения» и приближения взрыва, но когда пришло его время, вдруг выяснилось, что мы и без того уже разогнали чувственность до упора, и это пришло не как умопомрачение, а как ласка освобождения. После этого еще долго, очень долго не могли отлепиться друг от друга: прикосновения, поцелуи все еще нежили и томили… Прижимались друг к другу то так, то этак, то боком, то спинами. Не помню, чтобы у меня когда-нибудь так было. Даже она была удивлена, что такое с нами случилось.

— А я еще тебя чувствую… У меня еще все внутри…

[1] «Корона» (ивр.) — крупное израильское издательство

А ты? Мне тебя жалко… А ты никогда не хотел быть женщиной?

— Нет.

— Чудак, женщина — совершенство. Господь создал ее уже после своего первого неудачного опыта. Убрал все лишнее, закруглил острые углы…

Около пяти я все-таки запросился на волю. Одеваясь и болтая, коснулись каких-то сложных тем, мелькнуло слово «поступок».

— Ну а что, хорошо выебать бабу — разве это не поступок? — сказала она, деловито крася ресницы.

Когда вышли на улицу, я, как-то чаще чем прежде, стал ловить летящие к ней липкие взгляды мужчин. Незаметно поправил ей кофточку, чтобы не видно было бретельки лифчика. Тогда она просто дернула рукав вниз, обнажив все плечо.

— Что, так лучше? А? Еще ниже? — дразнится.

Я сдался.

Через некоторое время все-таки вернулся к этой теме.

— Кофточка у тебя…

— Что?

— Вызывающая.

— Кого?

— Скорее «что», и в основном у мужчин.

— Аа, хорошо, может, вообще ее снять?

Только когда я приехал, навалилась усталость. В девять пошел спать. А тут жена. И, как ни странно, пошло, да еще так зло, так мощно. Удивился. Вообще это уже в норму вошло: утром с женой раз, днем — два раза с Р, а потом еще вечером с женой.

А вот сегодня после игры чувствую, что перестарался…

19. 9. Мама с утра — по врачам. Как ритуал.

Дорогой Наум, привет!

Я был рад Вашему письму, так как уже привык с вами

переписываться. Я рад Вашей задорности и яростности. Бараш, Генделев, кто это?

А вот Гробманов я видел у Глюкли, там Паша Пеппершитей читал свой роман, и я выдержал одну главку, хотя с Пашей и приятельствую — как белорусы поганых грибов нажравшись поймали Незнайку, а может и Мурзилку, пытали, конечно. А потом все, ну абсолютно все вышли в астрал. Что там говорили Гробманы, не знаю, так как я быстро ушел. Но думаю, что хвалили, так как Паша моден как художник, что вообще-то справедливо. А вот выставку гробмановских гуашей в Мраморном-то дворце видел. Это будет, скажу, посильнее чем «девушка и смерть». Ну об этом ему не говорите, ведь все равно лучше не сможет. А так люди, кажется пристойные, уже совсем из другого мира. А такие перемены меня утешают. Ведь лучше вина хорошие пить, чем плохое пиво. Вот такая встреча. Я кажется им дерзостей не говорил, сидел там молча и невыразительно.

Вообще-то Вам стоит приехать, ведь роман весь разошелся, по-моему. Сделали бы вечерок в милом месте, молодежь бы пришла, они сейчас любопытные. Во всяком случае в Питере «Хроник» уже нет. Погоды хотя и осенние, но ничего, развлечетесь. Мастерская ведь пустует, тупо и одиноко пялясь на дивный невский вид своим евроокном.

Я пишу, точнее дописываю книгу новелл, это как бы то что я хотел бы рассказать тем, кто прочел роман. То есть — это истории. Но особенного рода. Истории перемен. Где время не характерное для прозы, а как в стихах — «настоящее совершаемое». Оно не должно становиться «прошедшим», и в этом вся сложность. То есть надо замахиваться на стилистические шедевры, простите за наглость. Но не знаю, как уж «на шедевры», но на репрессивную сущность родного языка я точно посягаю.

Да, и накатал я уже много. Сам на себя словно наехал.

Да, статью мне пришлите, пожалуйста, мне интересно. Про патриотизм, живя в бааальшой державе, развившись в семье пааатриота, я плохо понимаю, поэтому, жду.

Я сейчас кручусь как белка в квадратном колесе, много работы, много книг, много пустых хлопот.

Никуда не еду кроме Москвы 2-го окт.

Нет, Вы не совсем правы, про роман все-таки пишут и вышло больше 10 рецензий разного размера, жду 11 номер Нового мира, там их будет аж 4 сразу. А что касается модных мылких мест, так их ведь надо организовывать, тусоваться, а я это не люблю. Времени жалко, оно и так иссякает, с каждым ударом сердца ближе к небытию, а тут самому придется его, милое мое время, перетирать в грамматическую труху.

Наум, а можно Вас спросить? Как у нас на улице вырицские цыганки говорят. Не свяжетесь ли с Гешаримом? Он написал мне решительно одобрительное письмо и замолчал. У меня почему-то ощущение, что он Вас шибко уважает, то есть вы можете на него строго посмотреть. Все-таки перевод идет к завершению, и надо как-то определяться. А? Будьте другом.

Из Зеркала я ответа еще не получил, они, наверное, слова изучают. Хотя я написал по-английски в префиксе, что хотел бы знать как поняли они мои кодировки. Ну да ладно. Всем тут отвечать еще, что за глупости…

С Барашем мы расстались, уж очень он решительно деньги считает, аж хруст капустный стоит. Я ему написал, что тогда лучше прямо в типографию обратиться. Но в любезной форме написал, конечно. Стихи у него… Ну да ладно, ведь это получше чем там детей мучить или женщин бить. Правда? Ну, Бог с ним.

Что я еще в подробном своем послании не написал? Не знаю.

Ну, всех благ
Пишите
Ваш НК

Дорогой Николай!

Миши Гринберга, по кличке «Гешарим» на месте нет, он

до конца месяца будет в Москве. Если захотите связаться напрямую, вот его московские телефоны…

С Пашей Пепперштейном мы сблизились за время его тутошнего пребывания, даже совершили небольшое совместное путешествие. Но, откровенно говоря, я всю эту философию про колобков не люблю. Такое ощущение, что из жизни делают уже не игру, а прям потеху. А я человек серьезный. До скукоты. Художник он может и модный, но… Тут несколько месяцев назад была его выставка аж в Иерусалимском музее (местный лувр): значит большая комната с белыми стенами, а на стенах всякие персонажи Толкиена нарисованы углем, такие симпатичные монстрики, в сопровождении коротких «рассказов», типа «однажды в деревеньке Тулипули появился…». Модно, конечно. Но мне показалось, что просто мало, мало рисунков. Это конечно надо уметь, столь малыми средствами достигнуть столь важного успеха (вы себе не представляете что значит для «русского» художника сделать выставку в местном лувре). Ну и, конечно, он человек необычайно острого ума. И такой особой культурной хваткости. Он сразу видит: что «годится» (в современное искусство), а что — дохлый номер.

Посылаю вам текст. Умоляю о снисходительности — все-таки газетная писанина.

Всегда Ваш

Наум

21.9

Наум, привет!

Прочел «Орлиное гнездо» с большим интересом.

Особенно хороши жанровые сценки (причем все), описания выпуклы, стиль легкий, «вальсирующий» (не зря кончается «Большим вальсом»), но с подвохом, того и гляди споткнешься, а то и провалишься — прямо среди зеленого луга — в люк, сырой и промозглый… В общем, мне твоя «газетная проза» определенно нравится. Как будто ты всю жизнь писал что-то подобное и по-хорошему «набил руку». Зная, что это

не так, остается только удивляться… И, как всегда, «удался образ жены».

Что касается Разума и Воли, то я думаю, что ты подходишь ближе к разгадке, когда присматриваешься к Воле: от нее проще переход к бескорыстному и даже восторженному отказу от «приватной» воли во имя «высшей», подыскивающей для себя подходящее «родовое тело» (тут и «антииндивидуалистическая контрреволюция» обретает свое законное место). В этом смысле Гитлер — прямой наследник позднего романтизма (в данном случае в лице «вагнеризма»), но параллели — и, тем паче, отождествление — с японским «путем самурая» представляется мне натяжкой, причем довольно грубой. Ты сам пишешь о разнице убедительнее, чем о сходстве. В этом деле все решает стилистика. Когда речь заходит о «тенденции к смерти в стиле Нибелунгов», меня не надо убеждать: я знаю, что так оно и было. И Людвиг тому свидетель (есть замечательный фильм позднего Висконти — как раз на тему). Но когда ты пристегиваешь сюда самурая, выходит какофония: текст «дает стилистического петуха». Потому что Разум может быть абстрактным и универсальным, а Воля — нет. Воля всегда исторична. Ты и сам пишешь о «редчайшем историческом феномене» (ну, тут можно поспорить, такой ли уж он «редчайший»), когда народу, готовому принять мессию, оный услужливо является.

Всегда твой
Матвей

Дорогой Матвей!
Я очень рад, что мои каракули тебя не ужаснули

Ты, конечно, догадался, что совершил я это путешествие, как географическое, так и «литературное», неспроста, а все с той же маниакальной целью разобраться с романтизмом и героизмом, моими «детскими болезнями». К этой теме я теперь и хочу приступить. «Феномен героизма» Сафронова (если помнишь) меня сейчас никак не устра-

ивает, и даже раздражает своей «поверхностностью», все-таки героизм это основополагающее «социологическое» (в духе социологии Мосса) явление. Вот за Мосса я и возьмусь. Кстати, ты как-то предлагал мне купить его первую книгу по-русски, что-то про общество, личность и обмен. Нет ли там чего «про героизм»? И вообще, если у тебя есть или будет на примете что-то «по теме», то черкни мне (а если стоит купить какую-нибудь книгу, то я готов).

Всегда твой

Наум

Разумеется, я могу только одобрить твое намерение заняться «фундаментальной социологией» в духе Мосса (моего любимца). Книга, которую я в свое время предлагал, называется «Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. /М.: «Восточная лит-ра» РАН, 1996 — 360 с. (Серия «Этнографическая библиотека») /. Трудно ответить, есть ли там что-нибудь «про героизм»; скорее непрямо, опосредованно. Но что в этой книге есть, так это «Очерк о даре», едва ли не самый «суггестивный» труд во всей антропологической лит-ре прошлого столетия, без которого непонятны многие страницы у Батая, Фуко и др. «модников». Другие работы: «Физическое воздействие на индивида коллективно внушенной мысли о смерти»; «Об одной категории человеческого духа: понятие личности, понятие «я»» (есть глава «Христианская личность») и т. п. Если закажешь, поищу; еще недавно книга попадалась, и недорого, но в самое последнее время я ее что-то не вижу; впрочем, думаю, что достать можно. Что касается других книг «по теме», то сразу ничего в голову не приходит (похоже, твоя Тема — из наименее разработанных). Буду иметь в виду. Опыт показывает, что в таких случаях «на ловца и зверь бежит». Если какая книга придет в голову или попадется, сообщу незамедлительно.

Всегда твой

Матвей

От Бальминой: *Почему молчите? Обиделись на мое отношение к критике?*
В аттаче рассказ
Рита

Обиды нет, но я почувствовал какую-то «нестыковочку»… А кроме того дела налетели. Ваш рассказ дошел как-то частично, вперемежку с абракадаброй, попробуйте повторить.
Через час придут менять компьютер, так что пишу наспех. А кстати, я забыл спросить, вы мои «Ханаанские хроники» читали?
Наум

Отрыжка славы. Позвонил какой-то неизвестный (телефон дали в газете), хочет дружить, показать рукопись и т. д. Начал так: «Меня зовут (имярек). Вы меня не знаете, но я тоже не простой человек».

Отвез в редакцию очередную писанину. Поболтали с Гольдштейном. Рассказал ему про издержки славы: поступают требования оценить рукопись и пообщаться.
— Я вспомнил, как вы мне говорили, что девушки предлагают вам отдаться за рецензию.
— Между нами говоря, это была Анечка. Так прижалась ко мне боком…
— Ну, это она так, дурака валяла.
— Нет, я понял, конечно, никто не обольщался…

22.9. Возле «поля пастухов» в Вифлееме развалины византийских монастырей и две новые церквушки. Иродион могуч. У подножья спиленной горы огромный бассейн в полгектара с островом посредине (руины фонтана), а вокруг колоннада… Наверху — крепость-дворец, интимный, изящный… Гора изрыта пещерами и ходами — тут

прятались партизаны Бар Кохбы. Потом — в Мар Сабу. Дорога ужасная: извилистая тропка вдоль горы, как автобус разворачивался — не знаю. А по склону горы — свалка, жгут мусор, языки пламени лижут асфальт, и вонючий дым покрыл большой участок, так и ехали сквозь дым, гудя — ничего не видно. Как будто, чтобы попасть в монастырь, нужно пройти коридоры ада… И монастырь вознаграждает. Встает из золотой чаши пустыни блестящими куполами. Огромные стены. Как корзина набитая яйцами. Уселся на склоне гигантского обрыва-ущелья, там внизу — глубокий овраг высохшего Кедронского ручья, тонкая ниточка… Потом еще по Вифлеему побродили. «Уелком ту Палестайн!» — кричат бегущие вдоль дороги арапчата.

24.9. У К. отец умер, в два похороны. Я обещал приехать. И обрадовался, что свидание отменяется. Когда встретились (телефон у нее был отключен и сообщить не удалось), и я рассказал, что, мол, так и так, сегодня не выйдет, согласилась безропотно. Хотя и возникла неловкость. Но достаточно было нескольких вглядов, поцелуя в щеку, поглаживания руки, и все ушло, мы остались одни.

— Я такой странный сон видела…

— Какой?

— Что мы с мужем кого-то убили. И каким-то странным способом, вроде как такой огнетушитель, и мы направляем на него, и у него лицо в пене, и эта пена съедает его, и он исчезает, сначала голова, потом… А главное, я не поняла кого и за что, только то, что мы ловко его убили, и ясно было, что следов не осталось, только я все думаю, а зачем? Потом вдруг сестра мужа, которая в Москве живет, которая приезжала недавно, он вообще-то ее любит.., и мы ее тоже решили убить, и он выстрелил в нее этой пеной, но как-то неловко, попал частично, и она какая-то обожженная, кричит: что вы делаете, а я никак не пойму, зачем мы это делаем, и главное у нас на квартире, теперь уже нас найдут… И главное такой явственный сон, ужас…

— А мне тут пару дней сексуальные сны снились. Один вообще жуткий, и тоже явственный, что я кого-то долбаю ну прям с остервенением, а потом еще помпой какой-то…

— Помпой?! Ха-ха-ха!

— Да, прям, как туалет прочищаю, жуть… Но главное это остервенение… И на следующий день опять…

— Это значит, что тебе не хватает.

— Не знаю… Вообще я действительно в последнее время как-то по-молодому стал на женщин смотреть, они меня опять, как в двадцать лет, все возбуждают, и как ходят, и как груди у них прыгают, и губы горят, в общем…

— Ну это нормально.

— Нет, у меня уже был длительный период, когда я смотрел на них довольно равнодушно, только иногда, когда уж очень красивая…

— Может ты молодеешь?

Спросила, будет ли работа в новом году.

— Что-то не звонят, а я на самом-то деле и не хочу. Жалко времени.

— Ну и правильно, надо жить, как хочется. Будешь по утрам в бассейн ходить, баб трахать.

На похороны пришло человек двадцать, Влад прилетел из Америки. Отец умер в доме для престарелых, в последние дни уже не узнавал никого…

Среди провожающих крутился жирный кладбищенский Карабас-Барабас в черном. Вдруг оказался рядом со мной. Забубнил скороговоркой какую-то молитву, закачался в поклонах и протянул мне красную ниточку.

— Как тебя зовут?

Охваченный кладбищенским благоговением и не ожидая подвоха, назвал себя. Он опять забубнил, закачался и протянул мне еще одну красную ниточку.

— Жена есть?

— Есть.

— Как зовут?

Пришлось и жену выдать, хотя я уже понял, что мужик раскачался не на шутку, и придется раскошеливаться.

— Дети есть? (Разговор шел на иврите.)

— Есть?

— Как зовут?

Прочитал и на детей. После каждой молитвы он давал мне красную ниточку. Я полез в карман, думая, почём у него ниточки?

— Отец жив?

— Нет.

— Мать?

— Жива.

— Как зовут?

— Мирьям.

Прочитал и на мать. Я нащупал в кармане полшекеля, но решил, что маловато, перебрал шекели, должна была быть монета в пять шекелей…

— Как отца звали?

— Ицхак.

— А деда?

— Деда?… Евна.

Прочитал и на отца и на деда. Тут я извлек пятишекелевую монету и протянул ему, гордый своей щедростью.

— Ма зе? (Это что?) — возмутился Карабас-Барабас.

— Ма, ло маспи*к*? (Что, не достаточно?)

— Ма зе?! (Что это?!) — возмущение служителя культа нарастало.

— Аз к*а*ма ат*а* лок*е*ах? (А сколько ты берешь?)

— Я на всех прочитал! Десять на каждого! Ну, хотя бы пятьдесят на всех!

Признаться, я был озадачен. Но спорить побоялся: и неуместно, и ведь начнет еще проклинать, всех, в обратном порядке, а я этого не люблю, суеверен… Что будет проклинать — сомнений не было, уж очень противный оказался «раб божий», человек-гора с неряшливой бородой в крошках. И я расплатился. Это был крутой наебон.

К. и Влада позвали на опознание. Потом выкатили тележку с носилками — в последний путь. На носилках лежало тело, плотно спеленутое. Рельефно выделялся член. Главный распорядитель толкнул тележку к выходу: на очереди была уже следующая процессия. Вдруг какая-то, сильно раскрашенная, сказала: «А последнюю честь отдать?» Это в том смысле, чтоб понести носилки на руках. «Пожалуйста, — засуетился распорядитель, — мне все равно, как семья. Пожалуйста». Но другая стала ретивую отговаривать: некому нести, старики одни, и жарко. Ретивая оглядела троих еще в категории «мужиков», а не «стариков», посмотрела на меня. Я сыграл вальс бровями. Влад и еще один «молодой» тоже энтузиазма не проявили и — распорядитель покатил тележку, читая молитву. Солнце уперлось в затылок. Но путь был недолг. По дороге читал надписи на камнях: бабаевы, мамаевы, газдаевы, рухимовы… Лежали тесно, как и жили, с развитым чувством локтя… Уже рядом с могилой, как положено, носилки взяли родственники, но им тяжело было маневрировать между плитами памятников и могильщики взяли это дело в свои опытные и крепкие руки. Тоже помучались, но все-таки поставили носилки на край вырытой ямы, подняли с одного краю, и тело соскользнуло вниз. Могильщик, что был внизу, принял еще одного жителя земли, тарт*е*й ма шм*а*[1], закрыл его последнюю квартирку бетонными плитками и вылез. Дети К. бегали вокруг, пытаясь заглянуть внутрь, глаза горели любопытством. Потом засыпали могилу. Мицв*а*т кисуй а к*е*вер. Святое дело покрытие могилы землей. Потом последняя молитва. Потом каждый по камешку положил на свежий холмик. И стали расходиться. Влад, высокий, с нелепо торчащей на макушке кипой, проходя мимо меня, сказал: «Вот так-то, Наумчик», и больно сжал плечо цепкими пальцами.

[1] В буквальном смысле слова (ивр.)

27.9. Позвонила во время игры
— Как дела?
— Бегаю.
— С Новым годом тебя…
Договорились на следующую пятницу.

От Л: *«Если бы все моря стали чернильными, а все болота тростниковыми, земля и небо пергаментными, а все люди писцами, то и тогда они не исчерпали бы Тору, как я ее понимаю: она бы умалилась разве что на ту каплю, кот. уносит с собой кисточка, обмокнутая в море». Рабби Элиэзер*
Шана това![1]

И тебя с наступающим Новым годом! Будь счастлива!

28.9.2000. Шарон взобрался на Храмовую гору в сопровождении батальона полицейских. Это явная провокация — хочет сорвать мирные шашни Барака.

Арабчатам для бучи много не надо, а тут — покушение на святые места, лучшего повода к священной войне и не сыщешь…

Бараш вернулся из Москвы. Под сильным впечатлением: выступал в самых «клевых» местах, общался с великими, с самим Айзенбергом. «Он ласков, но иногда вдруг становится мечтательным.» Был у Костырки. «А ты с Василевским знаком? Я к нему зашел — такой огромный кабинет, преподнес ему журнал, он сказал, что уже читал его в электронной версии, и — все, аудиенция закончена. Даже сесть не предложил. Нет, я впервые сталкиваюсь с таким… и главное — не понимаешь, как среагировать, у меня был случай, когда я шел на работу и был несколько рассеян,

[1] С новым годом (ивр.)

заметил только, что кто-то около меня потрясал кружкой, нищий какой-то, я его почти не заметил, а когда уже прошел, краем глаза увидел, что он вроде как в меня плюнул, даже брызги какие-то пошли. Я так остановился и подумал, ну что, вернуться, дать ему по шее?»

Как-то невдомек ему, что для Василевского он сам — нищий с кружкой.

29.9. Маме восемьдесят. Утром сбегал, купил ей цветы. Вечером посидим узким семейным кругом.

Некто Д., скрипач, прислал свою рукопись. «Это в вашем духе». Заодно похвастался, что дружил с Гиршовичем. Пришлось прочитать, да еще пережить долгий, тягостный разговор. Сказал ему, что пишет грамотно, но мне это неинтересно. А от всяких пассажей о Пушкине и Лермонтове, в духе того, что Пушкин «застрелился из Дантеса», измученный несчастной семейной жизнью, я бы посоветовал ему воздержаться.

Он не согласился. Очень упрямый и с болезненным самомнением. Но был тронут, что я сам ему позвонил. Ну и слава Богу, авось слезет с меня.

Позвонил Володя. Голос трезвый. Порвал с новой любовью.

— Я вырвал ее коготь из своего сердца. … Впервые за последние лет семь, или восемь…, нет, почти девять, я… нет, не влюбился. Влюбился, это когда после трех месяцев общения все угасает, а тут — все сильней и сильней… Она меня обманывала… Да нет, не в этом дело…

26 октября — вечер Анечки.

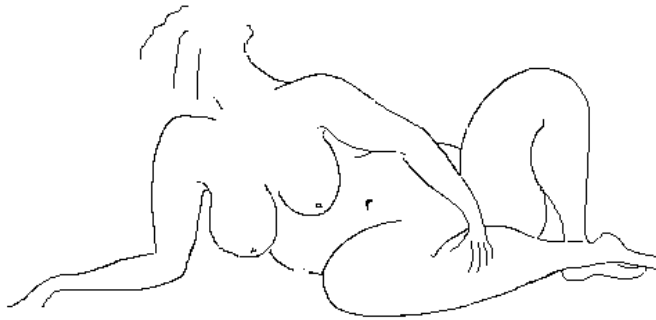
— Приезжайте с Риммой.

Гольдштейн вернулся с Кипра, расписался там с Ирой

— Ну, — говорю, — поздравляю! Совет вам, да любовь! С вас причитается!

— Да-да, — сказал он с вымученным энтузиазмом.

2.10. Юля Винер прислала рисуночек



НА УМУ, ЛЮБИТЕЛЮ ЖЕНСКОГО ТЕЛА (и душ?)
КРАСОТКУ СВОЮ НА СУД ОТДАЮ НЕСМЕЛО

А рисую в программе PAINT, к-рая есть при каждых
WINDOWS, в ACCESSORIES

Юля, гениально!

Гнусные душонки наши генералы и политики. Предают всех, кого могут, и чужих (как в Ливане) и своих. Вчера тяжело ранили солдата в Склепе Иосифа, вытащить его оттуда — это надо перебить кучу остервеневших арабов, осадивших обнесенный стеной древний склеп, а потом придется отвечать перед «мировым общественным мнением», пусть лучше раненый сдохнет, он и умер, пока вели переговоры. Один генерал, интервью с которым я поймал утром по радио, сказал, что вот, палестинцы, гады, не дали нам разрешение его эвакуировать, а когда левый, но все-таки обалдевший радиоведущий спросил, а что, мы должны были просить у них разрешения?, то генерал Сне (замминобороны) забубнил, что освобождать с боем — это тоже сопряжено с жертвами, у которых тоже есть родители…

Пытаются интифаду притушить, а она разгорается. И мой сын там, в самом пекле…

Тесть каждое утро топает за газетой, ритуально заходит, предупреждает, что принесет мне почитать. Ему не с кем общаться. Сегодня даже пожаловался:

— Трудно ходить, голова кружиться.

— Да? — посочувствовал я. — Будьте осторожней.

— Ты не забудешь записать? — повторяет он свою незатейливую «шутку». — Чтоб ты был здоров.

И ведь некому даже сказать, что голова кружится, что плохо все, что жизнь истаяла… Всем на стариков наплевать.

Читаю предисловие Свасьяна к «Закату Европы», он и предисловие к Ницше увлеченно написал. Такое юношеское восхищение германским гением.

А что, в гениальности есть что-то мужское, проникновенное…

Читая такие, как у Шпенглера, «императорские» тексты, начинаешь понимать, что создание настоящего текста — это транс, священнодействие…

Жена восхищена Андроном Кончаловским, его «низкими истинами» и «возвышающими обманами». Проглотила два тома. Взял и я почитать. Не отказать в эдакой размашистой наглости… Но настоящей глубины нет. Хотя «Любовники Марии» мне в свое время понравились. И «Дядя Ваня» хорош.

3.10. От Цветкова: *Наум, извини за обычное промедление. Я тут был в Америке, а потом еще куча всяких мелких дел.*

Юрьенен никак определенно не откликнулся, что-то у него не совпадает с планами. Обещал, что может быть, когда в программе наступит черед Израиля. Что это значит

конкретно — не знаю, за что купил, за то и продаю.

С другой стороны, роман понравился Саше Соколову, с которым я виделся в Америке, и который сейчас в Израиле, пробудет наверное всю зиму (если Израиль пробудет, а то ведь тоже неясно). Я ему дал твои координаты, он собирался с тобой связаться.

Сам я, вчитавшись, считаю, что в журнале были опубликованы не лучшие отрывки. Там, где нет неуместного потока сознания звучит гораздо лучше. В шедевры все-таки не запишу.

Будь здоров, с прошедшим новым годом.

Дорогой Леша! Завсегда-то рад твоему письму, ну а тут уж прям бурно возрадовался: во-первых, ты чуток «сменил гнев на милость» по отношению к книжке, а, во-вторых, — мнению Соколова.

А я и не знал, что он в Израиле. Так сказать «инкогнито»? Если он не против, дай мне его координаты (телефон, раз он тут) и я с ним свяжусь.

Как вообще дела? Я все думал-думал в Россию рвануть, да не решился пока, не лежит душа… А вот в Прагу заскочить-повидаться хочется. Вот не знаю, если работать в этом году не буду (есть такой шанс), то и время будет…

Привет Краве. Всегда твой

Наум

4.10

Послал Матвею философическую «эссушку» на тему героизма, может, приспособлю для газеты…

ГЕРОИЗМ И МОНОТЕИЗМ

1.

Что есть героизм?

Само слово возникло в греческом языке, то есть это понятие греческой культуры.

Жизнь грека случайна и беспомощна. Она игрушка в руках Судьбы. А Судьбы даже боги боятся. Этой беспомощности можно противопоставить только одно — вызывающее мужество. Вызов судьбе — вот основной сюжет греческой трагедии. И тот, кто бросает ей безнадежный, но тем более прекрасный вызов, назван героем. И только став героем, можно приобщиться бессмертию олимпийцев. Так рождаются культ героев и «героическая культура».

Мир не пугает героя и не разочаровывает, герой от него не прячется. Он в мире и мир в нем. Кроме Космоса ничего и нет. Боги тоже часть мира и поэтому отношения с ними почти интимные, семейственные. И первые герои — дети богов, полубоги. С развитием этой мифологии и культуры героями уже не только рождаются (как Геракл), но и становятся. Чаще всего — исторические лица, с которыми молва связывает крутые повороты народной судьбы: знаменательные победы, основания городов и т.п., и даже знаменитые спортсмены. Герои пускаются в опасные странствия, преодолевают тяжелые испытания и воюют, воюют, воюют. Все, что герой стремится обрести, достается ему в борьбе. Поэтому, прежде всего, он воин. И его главное оружие против всесильной и неумолимой судьбы — готовность к самопожертвованию. Во всей этой воистину героической эпопее есть невероятная, божественная энергетика, энергия наступления, открытия, завоевания.

Рождение героя это, в сущности, рождение личности. А. Ф. Лосев в книге «Античная философия истории» пишет о доисторическом, по его терминологии «мифологическом» времени, что оно «можно сказать, совершенно неподвижно» и характеризуется «полным отсутствием чувства личности», когда «личность еще не отделила себя от родовой общины. ... Мифологическое время не знает индивидуального героя». Но эпический герой, по мнению Лосева, это уже «героический индивидуум, осознавший свое отличие от общины».

Выделение личности из общины, из рода, есть поворотный пункт человеческой истории. Род — это рой, муравейник, некий единый биологический организм, связанный, слитый с миром. Род — судьба человека. Отделение от рода — вызов судьбе. И это героический вызов. Хотя «освобождающийся индивидуум» начинает понимать, как считает Лосев, «сладость своего изолированного существования», но вместе с известной сладостью освобождения от принудительной общности своих в доску возникает и «тоска индивидуации»: вместо ощущения гармоничной целостности и слитности с родом и миром появляются ощущение одиночества, потерянности, отчуждения и страх «окончательной гибели». Отделившись от рода, человек остается один на один с миром, отныне они противостоят друг другу. Судьба человека в новом, распавшемся мире трагична — чтобы выжить, он вынужден быть героем.

Ситуация «один на один с миром», трагического и непоправимого одиночества, не только способствует вырабатыванию у человека душевных и физических качеств героя-воина, но и требует осмысления. То есть создания такой системы образов-смыслов, что помогла бы ему выжить как индивидууму, устоять, спастись. «Сопряженность героической и философской устремленности очевидна», пишет П. А. Сапронов в книге «Феномен героизма». Философия — это образ жизни, самоотверженное служение интеллектуальной истине, включающее в себя и готовность к самопожертвованию (Сократ!). И неслучайно она возникла в античной Греции. Но главным инструментом спасения для античного грека стало трагическое искусство, сменившее экстазы ритуальных мистерий и призванное хотя бы в воображении восстановить разорванную связь с миром, вновь пережить чувство единения с ним. Возникла первая фабрика грез — театр греческой трагедии. Искусство — наследник ритуала. Того самого, в котором снова и снова празднуется счастье «мы-бытия».

Место мифологии постепенно занимают философия и искусство.

Ситуация «один на один с миром» также заставляет человека самостоятельно упорядочить сосуществование с другими людьми, этот хаос интересов. Так возникают гражданские законы и правила поведения. Верность закону заменяет прежнее инстинктивное подчинение воле рода.

В «героической цивилизации» общество состоит из личностей, то есть из героев — носителей царского достоинства и божественной свободы. В таком обществе все равно свободны, и неслучайно демократия возникла именно в Греции.

Мифы о героях существуют во многих языческих культурах. И построены они по одной и той же схеме: странствия, приключения и подвиги героя символизируют этапы становления личности, вплоть до окончательного отделения от рода. А становление личности подобно становлению (сотворению) мира: личность — целый мир, и герой — демиург.

Казалось бы, цель героя — приобщиться к богам, стать блаженным и вечным. Но энергия спасения так велика, что альпинистский подвиг покорения Олимпа уже не может утихомирить эту невероятную страсть, она стремит героя к неведомой, невозможной цели — овладеть миром. И вот тогда античному миру предстает, как великий соблазн, иудейский образ владыки мира, Господа-Вседержителя. Увлекает его история неразрывной связи в любви и борьбе Бога и человека. Увлекает возможность слиться с таким Богом или даже вытеснить его и самому стать Вседержителем!

Такая «героическая» установка таит в себе опасность полного отрыва от рода и мира из презрения к нему, даже

ненависти. Так в германо-скандинавском героическом эпосе у героизма и героической судьбы появляется мрачноватый оттенок: готовность к самопожертвованию становится главным качеством и уклоняется в сторону «воли к смерти». Победа над самим собой, над желанием жить становится высшим утверждением героического начала. Все герою подвластно, если ему подвластна собственная смерть. Героев германского эпоса ведет логика предельного самоутверждения. Они склонны к самомнению, вплоть до самообожествления. Надо самого себя принести в жертву, чтобы преодолеть зависимость от чего-либо внешнего. Самопожертвование такого рода Сапронов называет принесением в жертву «самого себя самому себе же. Себя как человека, — себе как богу». Таинство встречи с богами заменяется в таком эпосе «немыслимым для настоящего ритуала встречей человека с самим собой, отменяющим в нем собственно человеческое и утверждающим его индивидуальную божественность. Для Гуннара, улыбающегося перед смертью во рву со змеями, никаких богов быть не может»[1]. Такой эпос, такое представление о судьбе породили одну из самых мрачных и воинственных цивилизаций мира — германскую. И рыцарство как образ жизни. Человек в таком мировоззрении — рыцарь, вставший на смерть. Но не во имя жизни, а из презрения к смерти. Такому человеку Бог и не нужен. Он сам становится богом. А героизм — высшим проявлением индивидуализма.

По сути, и греку для «подвига жизни» не нужны его боги: можно, конечно, попросить у них удачи, но как они ее «распределяют» никто не знает, и если одни боги тебя поддержат, другие будут против тебя, ведь и они в вечной ссоре между собой, да и вообще «победа достается сильнейшему». С богами надо быть скорее осторожным,

[1] П. А. Сапронов «Феномен героизма».

не вызывать их гнева или зависти, не дразнить судьбу. Возможно, это одна из причин того, что языческие боги постепенно ушли из античной «картины мира», и ее стала формировать философия. И шла она к монотеизму Единого как всеобщего начала и устроителя мира.

Зарождение в греческой философии идеи единобожия, самостоятельно, или в результате встречи с иудейским мировоззрением, произошло задолго до возникновения христианства. Уже Гераклит Темный (5 век д. н. э.) выдвинул идею Логоса как единого начала и создателя мира, а основатель стоицизма Зенон Китийский сделал ее стержнем «философской религии», популярной в интеллектуальных кругах античного мира вплоть до Средневековья. Сам Зенон, родившийся в торговом финикийском городе на Кипре, был, скорее всего, иудеем (его отца звали Менассия), а его способ изложения был «профетическим», и «несвойственным эллинской мысли». «Мысль Зенона — пророчество, облеченное в форму сентенций», пишет А. А. Столяров в книге «Стоя и стоицизм». По мнению Макса Поленца, в учении Зенона «сказывается семитский способ созерцания», а сам философ — «символический представитель эллинизма, олицетворяющий великое слияние Запада и Востока».

Замена мифологии на философию и искусство ведет к вырождению героизма: последний весь — в жизненном действии. В стоицизме еще хранится античный пафос свободы, но он обращен «внутрь», на состояние души, и тяга к свободе уже не завоевывает жизнь, а помогает освободиться от ее «пут». Стоя — отступление в крепость души.

Поскольку все человеческие связи с миром отданы во власть Судьбы, и человек в них не властен, то истинная свобода для стоика — это освобождение от всех «земных» связей. Человек властен лишь в одном — в своем поступке. В свободе воли и выбора он подобен Богу. Главное же пре-

пятствие к освобождению человека — его рабская зависимость от страха смерти. Поэтому главная задача стоика — достижение равнодушия к смерти. Известен афоризм Зенона: «Зло не может быть славным, смерть бывает славной, значит, смерть не есть зло». Приуготовлением души к свободе, прежде всего к свободе от смерти, становится ее «тренировка», аскеза. И здесь, как и в германской мифологии, возникает «героический» отрыв от жизни, вплоть до «воли к смерти». Ведь отказ от связей с миром, в том числе и от любви — именно она связывает нас с миром! — это самопожертвование, граничащее с самоубийством.

Здесь, на общей «почве» презрения к жизни и отказа от нее, рыцарство смыкается с монашеством (и не случайны ордена рыцарей-монахов). Христианская аскеза есть подвиг угнетения собственного тела во имя освобождения «духа», жизни временной — во имя вечной. Монахи-пустынники, столпники, страстотерпцы — чем не герои, пытающиеся убить смердящую жизнь тела ради чистой и вечной жизни души — искры Божьей? Разве это не подражание Иисусу: убить себя-человека, чтобы возродить себя-Бога? В религиозный мир эллинов Иисус и вошел как герой, добровольно взошедший на крест. И самым привлекательным для античного мира оказался образ человека, через самопожертвование ставшего Богом. Для античного мира главное в христианстве — обожение человека. Знакомое ему по героической мифологии, а позднее по институту обожествления римских императоров. А включение в эту веру мифов Ветхого Завета важно и привлекательно тем, что герой (Иисус), совершив подвиг самопожертвования, не становится одним из сонма шаловливых богов, не отличающихся от людей ничем, кроме беспечности и бессмертия, а приобщается к Единому Божеству, творцу и царю Вселенной.

Важным дохристианским этапом в синтезе эллинства и иудейства была «вера» Филона. Освобождение человека для него, как и для стоиков, тоже уход из мира,

но не «внутрь», а вовне, не «к себе», а «к Богу», причем Богу трансцендентному, больше похожему на Логос стоиков, чем на иудейского Бога живого. Но иудейская «струя жизни» — мистическое стремление достичь с Богом единства пробивается у Филона и пробивает навылет эллинское язычество.

2

Иудеям чужд безудержный индивидуализм эллинов. Бог не только создал человека, но Он в динамичном единстве с ним творит народ иудейский. Для того позван был Авраам, и заключен с ним, и с потомством его, Завет. И человек оказался связан не только с Богом, но и с родом, как Божьим творением. Так что при любой степени индивидуации человек, сохраняющий связь с Богом, сохраняет ее и с народом. В такой «упряжке» отвязанный героизм античного, а тем более германского типа (ради собственного обожествления) невозможен. Решительность и самопожертвование не исчезают, но они меняют вектор, интенцию, подвигом становится не мятежное отрицание рода или вызов богам, а наоборот, подчинение Богу как мировой воле. А иудейский Бог ох как своеволен! Но его воля — не слепая Судьба, у него есть цель, причем воспитательная! Люди не игрушки его, а дети. И Он их воспитывает на судьбе избранных — Авраама, Исаака и Иакова, от коих должен пойти новый народ («и умножу семя твое как песок морской и звезды небесные»), а судьба избранных — понять и усвоить уроки Божьи. И принять, что в предложенной связке человек всегда будет ведомым. Героизма в языческом смысле у евреев нет, вместо него избранность. Поступки могут быть одинаковыми, но интенции противоположны: героизм — от человека, избранность — от Бога.

Личность в иудаизме является не в результате личного подвига — отрыва от рода, а по призыву высшей силы, ее становление начинается с отклика на призыв Бога. В этот момент начинается отсчет Времени, История. Авраам призван стать личностью, отделиться от естественного рода

и стать началом нового, избранного человечества. И он откликается на призыв: покидает родину, род, семью. Он оказывается к тому подготовленным! Авраам не с луны свалился и не воплотился по воле Божьей из праха, как Адам, а вышел из Ура Халдейского, из лона шумерской языческой культуры, самой развитой на то время. И неслучайно Господь не взял «нового» человека, чтобы написать на нем свои заветы, как на чистом листе, а предпочел палимпсест — человека, приготовленного к новой вере богатой и развитой языческой культурой. До монотеизма человек должен «созреть». И созревание это идет в недрах язычества. В шумерской культуре было уже все, причем за полторы тысячи лет до греков: государство, гражданская жизнь, жречество, суды, школы, профессиональная армия, промышленность, сельское хозяйство, торговля, литература, философия, проституция. О степени «индивидуации» в той культуре поведал шумерский эпос, где впервые в истории рассказ о приключениях героя ведется от первого лица! Существовала в Шумере и лирическая поэзия — показатель «современного» самоощущения личности. Посмотрите, как ярко, куда ярче, чем в Торе (и задолго до неё), почти в форме дневника (!) описывается Потоп:

Страшно глядеть на погоду было. Я взошел на корабль, засмолил его двери. За смоление судна корабельщику Пузур-Амурри отдал я все богатства… Вся земля раскололась, как чаша. Первый день бушует Южный ветер. Быстро налетел, затопляя горы, настигая людей, как война. Не видит один другого и с небес не видать людей. Боги потопа устрашились, поднялись, удалились на небо Ану, прижались к нему, как псы распластались. Иштар, царица богов, чей голос сладкозвучен, кричит, как в родовых муках. А когда Потоп закончился, и герой, сойдя с корабля, принес богам жертвы, то боги, как мухи, слетелись к жертвеннику.

Боги, как псы, в страхе распластавшиеся на небесном своде как на ковре, боги как мухи! В этом эпосе человек явно не испытывает к ним излишнего благоговения. А вот

еще отрывок из эпического сказания о Гильгамеше, вполне в духе эпикурейства. Гильгамеш, закручинился о бессмертии, и его утешает некая торговка вином:

Жизни, что ищешь, не найдешь ты. Боги, когда создавали человека, смерть они определили ему, а жизнь в своих руках удержали. Ты ж, Гильгамеш, насыщай желудок, днем и ночью да будешь ты весел, праздник справляй ежедневно, днем и ночью играй и пляши ты! Светлы да будут твои одежды, волосы чисты, водой омывайся, гляди, как дитя твою руку держит, своими объятиями радуй супругу — только в этом удел человека,

— вполне современный эгоистический гедонизм, не верящий ни в бога, ни в черта.

Этот удел не предусматривает ни власти над миром, ни партнерства, пусть и младшего, с его Создателем. Он не предусматривает выхода из круговерти смертей и рождений.

Аврам покидает высокоразвитую индивидуалистическую культуру и уходит в неизведанное, становится Авраамом. В личности Авраама налицо все признаки героя, и не зря Кьеркегор называет его рыцарем веры. А в Талмуде одно из имен Бога — Гвура, что означает героизм (тот же корень и для слова «преодолеть», и для слова «мужчина»). Здесь и уход в неизвестность (по сравнению с таким приключением плаванье к Колхиде просто прогулка), и готовность принести в жертву сына, и настоящие споры с Господом о коллективной вине, о праведниках Содома. Чтобы решиться на такой спор, надо быть воистину на высоте героического самомнения. И все же новая вера переставляет акценты. Жертвенность здесь особого рода, в ней нет самоутверждения. Героическое одиночество Авраама лишено гордыни (от которой задыхаются, так их распирает, греческие и особенно германские герои), противопоставления себя миру и Богу. Встав на героический путь странствий и приключений Авраам не испытывает «тоски

индивидуации», потерянности, отчуждения, страха. Не гордыня в его подвигах, а смирение. Пока он в мире с Господом, покуда «ходит перед ним» (как баран перед пастухом) и «непорочен», он в мире с людьми и природой, он под высочайшим покровительством. И покинув родню и родину, Авраам не становится взбесившимся от одиночества индивидуалистом, наоборот, становится родоначальником, патриархом нового рода и новой веры.

Стало быть, иудейская вера предлагает иной способ решить проблему индивидуации. Можно сказать, что иудаизм есть контрреволюция родового начала против бессмысленности и гибельности индивидуализма. Здесь нет даже того «наигранного» возвращения в лоно рода и мира, этой неизменной пьесы на сцене трагического театра, когда зритель хоть и знает, что родовые связи невозвратно распались, но невольно испытывает катарсис — счастье слияния с миром и напоминание о золотом веке, несущее постоянно возобновляемое облегчение ноши одиночества и затерянности. Но Авраам, уже переживший, осознавший и принявший распад рода, выбирает не героическое обособление, а кладет начало новому роду-племени, связанного не кровью, а при-званием — ходить путями Господними. Именно так надо понимать требование Господа принести в жертву Исаака: Авраам должен принести в жертву родовое начало во имя слепого и полного подчинения призванию, зову Бога! И за это самоотречение герою даруется основание рода нового, неслыханного, не возвращающегося на круги своя, а творящего историю, идущего за своим Пастырем. Так Авраам становится иудеем, отцом нового народа, с совершенно иными «скрепами», народа, где нет героев-бунтарей, но все личности, ибо каждый еврей, родившись, должен снова ответить на зов. Да и неизвестно еще, кто кого позвал. Взаимоотношения Бога и Авраама вызывают пугающее ощущение, что человек «выше» Бога как личность, а в силу смертности своей даже величественнее. В споре о праведниках Содома Господь

выглядит как юный царь, полный своевольного гнева, а Авраам — как опытный, мудрый и почтительно-настойчивый советник. Но в нем нет «вызова» Богу, хотя он и спорит с ним.

Если посмотреть на главные героические фигуры в истории евреев, то Моисей никак не похож на героя в языческом смысле: в его самоощущении нет отделения от рода, нет вызова ни миру, ни Богу, нет трагизма. Моисей не бунтарь, а исполнитель воли Божьей. Его пафос — послушание. И он не себя спасает, а народ, причем вполне конкретно: выводит из «дома рабства» на просторы свободы.

Самсон-богатырь по типу характера ближе всех к языческому типу героизма, его удел война, и неслучайно он монах «от чрева матери» — назорей. Он воюет с язычниками филистимлянами, но и жен своих берет у язычников и сам похож на язычника, образ его — смесь бесшабашности и мстительности. Народ восхищается им и выбирает Судьей, но Господь, избравший его на подвиги войны, в конце концов, от него отворачивается, и Самсон погибает, обрушив дворец на себя и на пирующих филистимлян. Мавр сделал свое дело, мавр может уйти — таково отношение к нему Господа. «Иудейскую» оценку такого рода геройству дает сам богатырь, взглянув на убитого им льва, превращенного пчелами в улей с медом: «Из пожирающего вышло съедобное, из силы великой — сладость».

Настоящий вызов Богу и всему миропорядку бросает только Иов, и в этом отношении его можно считать образцом иудейского героя. Ведь на судьбу глупо роптать, а на Отца-Пастыря своего — сам Бог велел. И в этом ропоте, даже бунте, весь тайный смысл их живой связи: страдания твои не случайны и не бессмысленны, но их смысл сокрыт от смертного. И бунт Иова сменяется умудренной покорностью. Книга Иова — своего рода спор с героикой эллинизма, противопоставление ей нового типа жертвенности: отдельная жизнь — лишь часть общего Замысла и жертва во имя этого замысла. Как пишет А. Ф. Лосев, имея в виду

именно индивидуальную жизнь:

жизнь с начала до конца, от первого до последнего вздоха, на каждом шагу и в каждое мгновение, жизнь с ее радостями и горем, с ее счастьем и с ее катастрофами, есть жертва, жертва и жертва.

3

Посмотрим теперь на отношение к героизму в христианстве. Если для античного язычества характерен героизм индивида во имя его собственной славы, а для Ветхого Завета — героизм народа или индивида во имя народа, то христианство вообще исключает героизм античного типа, смыкаясь в этом с буддизмом. Исключает оно и героизм во имя народа, ибо во Христе «несть эллина и иудея», нет никаких народов, *все вы одно во Христе Иисусе* по словам Павла. Девиз христианства — смирение и покорность: *Говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему левую* — учит Иисус. Оторвавшись от мира, античный человек спасается покорением мира, иудей — гармонией с миром, а христианин — уходом от мира. Этот уход обусловлен и апокалипсическим характером христианской проповеди: *Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное* (Мф. 3—2) и *не заботьтесь о завтрашнем дне*. *Дети! Вот время последнее*, — учит апостол Иоанн. — *Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо все что в мире: похоть плоти*. И если иудейская гармония с миром основана на верности родовой жизни, то Иисус ее отменяет: *Ибо кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и мать* (Мф. 13—50). Ученику же, попросившему похоронить отца, прежде чем пойти с Иисусом, Он сказал: *Иди со мной и предоставь мертвым хоронить своих мертвецов* (Мф. 8—22).

Иудей не мог принять такое вероучение, поскольку его взаимоотношения с Богом стоят на родовой основе. Эта приверженность родовому началу и до сих пор служит основой обвинения евреев в «партикуляризме», «национа-

лизме», «расизме» и т. д. Любопытно, что пишет о «родовом» А. Ф. Лосев, выдающийся русский философ, христианин и антисемит:

Жизнь индивидуумов — это и есть жизнь рода. В человеке нет ничего, что было бы выше его рода. В нем-то и воплощается его род. Воля рода — сам человек, и воля отдельного человека не отлична от воли его рода. Конечно, отдельный человек может стремиться всячески обособляться от общей жизни, но это может обозначать только то, что в данном случае приходит к распадению и разложению жизнь самого рода[1].

Самая что ни на есть иудейская точка зрения! А что касается «антисемитизма» философа, то замечу «в скобках», что он направлен в основном на тех евреев, которые стремятся «всячески обособляться от общей (в смысле родовой еврейской) жизни», и прилепиться к «всеобщему». Суждение Лосева об этом «всеобщем» убийственно едко:

Великие мыслители Нового времени доходили до больших обобщений, но ни в «мышлении» и «протяжении» Декарта, ни в монадах Лейбница, ни в боге Спинозы, ни в трансцендентальной апперцепции Канта, ни в абсолютном «Я» Фихте, ни в Мировом духе Гегеля нет этого родного, этого родственного, этого отцовского и материнского начала… Это — холодные, абстрактные истуканы рассудочной мысли, головные построения, которые не волнуют человека, не будят в нем жизненных сил и страстей… человек — чужой всему этому; и трансцендентальная апперцепция как темная, злобная и свирепая тюрьма духа гноит человека, безжалостно и по-звериному гложет его и умерщвляет — в одиночестве, в покинутости, в застенке собственной субъективности. … Ее /этой философии — Н.В./ «обобщения» слишком узки и ничтожны; ее «познание» слишком нежизненно, ее «мир» и «бытие» — пустота и тюрьма… безличное раская-

[1] «Жизнь», СПб 1993, стр. 41

ние живого духа на Голгофе собственного жалкого самообожествления[1].

Христианство принимает измученная неизлечимым индивидуализмом античная личность, не находящая в себе силы для покорения мира, принимает как отмену невыносимого гнета личного героизма, как братство во Христе и соборную любовь. Но свою задачу спасения античного человека новая вера не выполнила.

Принято считать, что христианство есть некий синтез античности и иудейства. Думаю, что синтеза так и не получилось, попытка совместить несовместимое не удалась, а христианство, в конце концов, распалось на Западную и Восточную церковь: Восточная оказалась ближе к иудаизму, с уклоном в сторону соборного братства и общинно-родового типа личности, а Западная — к античной традиции, включая развитие героического типа личности вплоть до самообожествления.

Уже Возрождение рождает «титаническую личность», а эпоха Просвещения создает оптимистическую веру в ускоряющийся прогресс, в результате которого личность, овладев миром с помощью Разума, станет бессмертным и непобедимым хозяином Вселенной. Это опровержение христианства и возвращение античного героизма. Культура Восточной церкви не принимает такой индивидуализм, не только безграничный, но и беспечный, ибо лишен античного трагизма. Вячеслав Иванов, радевший, подобно многим деятелям русского Серебряного Века, о новой соборности, пишет: «индивидуализм убил старого бога и обожествил Сверхчеловека»[2]. Но поэт и философ надеется, что мир снова перевернется «из героического обособления в хоровую соборность духовной свободы». Как говорится, «накликал». В Европе 20-го века возник коллекти-

[1] Там же стр. 39

[2] Вячеслав Иванов, «По звездам. Борозды и межи», Астрель, М, 2007, стр. 86

вистский бунт национализма и социализма против «ужасов индивидуализма-капитализма», но он быстро выродился в насильственное принуждение к коллективу, родовому или социальному. Жесточайшее насилие и фанатизм предложенных социальных решений отравили тяжелым разочарованием сам принцип коллективизма, надолго отвратив от него людей. Возник, как реакция, грубый перекос в сторону «прав личности», грозящий антропологической катастрофой.

Безудержный индивидуализм остается неизбежным итогом античного язычества. «Индивидуализм имеет силу слепоты», — пишет Вячеслав Иванов. Он, как Дон Кихот, «осужден на рыцарство безнадежных поисков и безысходных странствий». И над современным человеком западной культуры, как новый религиозный выход, замаячил соборный монотеизм ислама.

Ответ получил сразу.

Наум, привет!

В твоем эссе настолько ощутима энергия «интеллектуального горения», что, во-первых, даже завидно, а во-вторых, как-то не хочется (сразу) «аналитически расчленять», выискивая несообразности или противоречия, тем более что серьезных проколов не видно — по крайней мере на первый взгляд. По сути, выдвинута свежая, достаточно последовательная и, насколько могу судить, довольно глубокая концепция как «еврейства», так и, шире, культурного развития, ритуала, монотеизма и проч. и проч. Рассуждения же об иудейском монотеизме как контрреволюции, о двойственном положении иудаизма как религии, культивирующей тип личности более низкий и в то же время более цельный — просто блестящи. Безотносительно к согласию/несогласию, эти пассажи провокационны в самом лучшем, интеллектуально-бескорыстном смысле слова. Да и насчет героизма можно сказать, что ты из блюда, казавшегося почти несъедобным, сотворил (чудо кулинарии!) нечто, «дающее себя кушать».

Насколько я «согласен», честно говоря, мне самому это не вполне ясно. Подумаю и напишу.

Вообще, текст набирает силу по нарастающей. Это, конечно, неплохо, но начало — про греков, несколько банально и написано в «просветительском» (а точнее в немецком культуртрегерском) тоне. Про шумеров — уже лучше, а начиная с Аврама/Авраама — все лучше и лучше.

Всегда твой

Матвей

6.9.90. От Бальминой:

Я на работе по полдня торчу в Интернете, потому что журналисты наши мышей не ловят, и начинают забрасывать материалами только к вечеру. Большую часть трудового дня могу сидеть и заниматься своими делами за счет фирмы. Ваш роман читала прямо с экрана, потому что принтер почти все время загружен. Все очень узнаваемы и похожи. Но какие из нас разоблачители? Что видим о том и поем. Как акыны. (Отвратительное сочетание слов!) Ваше повествование навело меня на грустную мысль, что жизнь мужчин более событийна. Я даже немного завидую…

Наум, привет!

Подозреваю, что мы, «иностранцы», даже в малой степени не осознаем, какую острую реакцию должны вызвать у израильтян-евреев (тут, видимо, не обойтись без этого диковатого уточнения) события последних дней. Ведь активные участники беспорядков — это, насколько я понимаю, не «чужие» арабы, а граждане Израиля, на идее «приручения» которых основывались все «либеральные» («негероические», по Вайману) проекты долговременного социального «обустройства» страны как своего рода общежития. Поневоле актуализируются самые максималистские «рецепты», в том числе и из твоего Текста. Если придет охота, дай знать — хотя бы кратенько — о том, какие у вас там «господствуют настроения». Меня, при всей моей мелко-злобной

аполитичности, почему-то не отпускает беспокойство, хотя выступавший у нас по радио в прямом эфире Натан Мерон (посол) этих чувств, похоже, не испытывает — или не выказывает.

Сегодня опубликован Short-list Букеровской премии в количестве шести соискателей; там вместо Ваймана фигурирует его издатель Кононов (называется, кажется «Похороны кузнечика»; не читал). Впрочем, как сказал мне Костырко (сейчас он отбыл на отдых в Турцию), тебя не было и в Long-list'е. Надеюсь, ты уже получил от книги достаточный «дивиденд», чтобы воспринять эти сведения безболезненно. Как объяснил мне Костырко, конъюнктура в настоящее время такова, что у тебя не было ни одного шанса, безотносительно к тому, как бы ни оценивать качества Текста.

С Мишей вижусь и перезваниваюсь в обычном режиме. Его искусала собака (чуть ниже плеча), но сейчас худшее позади, и последствий, видимо, не будет — в отличие от Гены, у которого большой палец правой руки стопроцентно уже не восстановится, т.к. при повторной операции пришлось удалить сустав и часть сухожилия.

Всегда твой
Матвей

Дорогой Матвей!

Ситуация хреновая, попахивает настоящей «ливанизацией», то есть вроде война, и в то же время «не сжигая мостов», война на виду у всех, война с постоянной оглядкой на мировое общественное мнение (без всякой иронии). Все это особенно тревожит в силу того, что сын мой младший служит в погранвойсках и посему оказался на «передней линии». И вообще на этот раз все «очень близко». К соседу моего приятеля, поэта Верника, залетели в квартиру (в Иерусалиме) четыре разрывные пули, по дурости своей никого не задели… Что касается «прогнозов» из Текста, то ты, наверное, думал, что я «художества» творю, а я тебе

чистую правду… Вот характерный пример этой войны: в центре Шхема есть «склеп Иосифа», того самого, который «Прекрасный», по соглашению там стоит маленький гарнизон, порядка взвода, который при каждой вспышке беспорядков оказывается изолированным и непрерывно атакуемым (камни, бутылки «Молотова», стрелковое оружие). В последний раз, года три назад, когда среди защитников были убитые и раненые, их сначала пытались вывезти путем переговоров, а потом послали БТР, который, естественно попал в переплет и погибло еще человек пять. Ни танки ни вертолеты в ход не были пущены! На этот раз «из склепа» доложили, что есть тяжело раненый, необходмо эвакуировать. Прорваться туда пехотой на БТР-ах, — положить кучу своих людей, «обработать» пространство вокруг артиллерией (танками, вертолетами), положив кучу арабов, — весь мир взвоет (вот Ширак заявил, что «дисбаланс»: у арабов погибло больше полусотни (до вчерашнего дня) и тысячи раненых, а у евреев только пять (да и то двое — мирные жители, оказавшиеся в ненужное время в ненужном месте) — превышение силы при необходимой обороне! В общем, вступают в переговоры с командирами арабов (переговоры на местном и на глобальном уровне идут все время!!), они обещают оттащить псов, псы не слушаются, переговоры затягиваются (шли часа четыре), приходит сообщение, что парень умер. Надо признать, что «народ» сильно возмутился таким пренебрежением святым принципом изр. армии «не оставлять раненых на поле боя», генералам (которые валили вину на палестинцев (!!!), мол, какие гады, не дали раненого эвакуировать) досталось от теле и радио комментаторов. Солдат оказался друзом (война — их профессия, слава богу, за нас воюют), сам Начгенштаба приехал в дни траура навестить семью, так некоторые члены семьи, у них много сыновей, швырнули ему в рожу свои призывные книжечки. Ничего, утерся, «объяснял». Вот так и живем.

Что касается всяких «букеровских листов», то я об этом уже знаю, даже запрашивал Кононова (но больше для виду,

ты справедливо отметил, что он фигурирует, а я нет, что не совсем корректно, в силу того, что он мне обещал, и даже хвастался, что член Комитета). Я, ей Богу, не огорчаюсь, шансов все равно не было. И ты прав, книжка и так принесла мне многое, на что я, откровенно говоря, и не особо рассчитывал. Фактически она дала мне литературное имя, которого у меня раньше вообще не было. А в качестве «утешения» я буквально на днях получил письмо от Цветкова, который пишет, что виделся в Америке с Сашей Соколовым и тот сказал, что книгу мою читал и она ему понравилась. Я был этому рад больше чем Букеровской премии. Да это и впрямь весомей. Потому что Соколов — авторитет, и не только в моих глазах. А литературное имя — это же просто мнение авторитетов, иногда даже устное, не тебе объяснять.

Перед Мишей мне очень неловко, я давно обещал ему написать, и все никак… Так привык к электронной почте, что писать «простые» письма рука уже не подымается.

Всегда твой

Наум

От Цветкова: *Наум, я дал Саше твой телефон, но он мог его потерять. Вот e-mail его жены…*

В Прагу прилетай, будем всегда рады.

От Л:

а ты с ним уже разговаривал? Это правда, что он потерял свой роман, или мне приснилось? А ты читал что-то после «Полисандрии»?

надеюсь, что до начала твоей работы обстановка успокоится. Как Юваль?

Соколов не звонил. Я вот сейчас получил от Цветкова e-mail, хочу написать ему.

Гольдштейн, со слов Соколова, рассказывал про потерянный чемодан и про сгоревший дом… Какая-то мифическая история. А после Полисандрии вроде ничего и не было.

Бодяга эта на территориях может затянуться. В деревне, по дороге в Ариэль, всякие арабские лавочки объявления на русском вывешивали, а на днях там русского парня убили, заехал колесо починить. А Юваль держится молодцом, ну, мы, конечно, волнуемся…

Соколову:

Александр, здравствуйте!

Леша Цветков поведал мне, что Вы одобрительно высказались о моей книге «Ханаанские хроники» и взяли у него мой телефон, полагая «зимой» быть в Израиле. Это дает мне смелость написать Вам. Ваша одобрение значит для меня очень много, и я несказанно рад Вашей благосклонной оценке. Если Вы собираетесь приехать в Израиль, или, может быть, уже здесь, то я был бы счастлив с Вами познакомиться. Мой телефон (на случай, если данный Цветковым затерялся, что часто бывает): ….

С глубоким уважением

Наум Вайман

В десять встретились в «деревне», в пол-одиннадцатого были в номере. Хамсин. Тарахтит кондиционер. Полусумрак. Не дал ей раздеться, просто задрал платье.

И опять это было бесконечно долго. Замечательно, когда бесконечно долго. Возгонка, физиологические метамарфозы, будто выходишь в другое измерение, отрываешься, уже «не земной»… Это и есть любовь?

— Я вообще думала, что уже все…

— И мне стало казаться, что появилась… необязательность…

— Ты хочешь закончить?

— Нет, не хочу. А ты?

— Не знаю. Но я перестала ждать.

— Чего?

— Перестала ждать наших встреч.

Потом все-таки призналась, что в понедельник «хотела,

чтобы позвонил», ждала.

После «второго захода» заснула, уткнувшись лицом в плечо. В первый раз. Минут двадцать спала.

Когда красила губы перед зеркалом, спросила:

— Это мы сегодня прощались?

— Нет. Я не хочу прощаться.

Когда расставались в «деревне», сказала:

— Ты не огорчайся. Что мы старые, и все такое. Бери от жизни, что можешь, дальше только хуже будет.

Может быть «любвь» — функция «качества акта»? И можно «довести себя до любви»?

7.10.2000. Утром неожиданно позвонил Герц Франк

— А вы знаете, я переделал «Иш а Котель»[1], помните мы говорили, про эту сцену, как Бог листает Книгу? (Библия на пюпитре у Стены, ветер листает страницы, я ему сказал, что эта сцена должна быть в конце.) Так я ее поставил в конец. Это было довольно сложно, пришлось многое переставить, часть выкинуть, в общем, я переделал фильм. У вас очень точное кинематографическое и философское видение. Вот это собственно я и хотел вам сказать.

Я, конечно, обрадовался. Все-таки он молодей (интересная опечатка!) — по-настоящему «предан делу».

— Я горжусь, — говорю.

Договорились увидеться в праздники.

Наум, привет!

Спасибо за отчет о событиях. Хочется надеяться, что обойдется и уж во всяком случае не заденет близких. А некоторые эпизоды Текста действительно «актуализировались», и довольно зловеще; я вообще в художестве наиболее

[1] «Человек Стены Плача» (ивр.) — название его документального фильма, снятого уже в Израиле

чувствителен ко всякого рода «играм с рампой», и в этом смысле Текст «мерцает», «места себе не находит», никак не «утрясется», что свидетельствует, кроме всего прочего, и о его эстетической актуальности. А Саша Соколов действительно авторитет покруче наших тусовочных «номинаторов»…

Всегда твой
Матвей

8.10. *Дорогой Матвей!*

У нас совершенно истеричная предвоенная обстановка, народ уже начинает потихоньку звереть, и недовольство «импотентным» правительством выплескивается наружу. Вчера Барак нараздавал ультиматумов, и Ливану, чтобы вернул похищенных солдат (в 24 часа!), и Арафату. Посмотрим. Пока — сплошной позор. И вроде очевидно, что надо им врезать, и все уже говорят об этом, но когда у тебя сын в армии… По телеку показали араба, который выстроил своих сыновей, мал-мала-меньше, и сказал, что готов всех их принести в жертву. Невольно задумаешься «о природе и функции жертвоприношения»… Сегодня начинается Судный день, естественные ассоциации с войной 73-го года. Ночь почти не спал. На всех «границах» постреливают. А кавычки потому, что границы-то и нет в сущности. Во всяком случае она — вот, под носом, буквально за городом. Еще неделю назад был в Вифлееме и его окрестностях, в Иродионе — гора с руинами дворца Ирода -, ты не представляешь, какой это был строитель! Еще заехали в монастырь Мар Саба, очень красивое место на склоне гигантского оврага посреди Иудейской пустыни: медные купола в золотом болоте… Теперь туда и не сунешься…

От Л:

a pro po ты мне про Гитлера не посылал и что ты дальше пишешь? Газет не привозят, когда праздники. Ты как думаешь, эта буза надолго? А «Полисандрию» я открыла опять,

веселая книженция… «если тебе окончательно нездоровится, если состарился, жалок и немощен, или же бесконечно устал от всего земного, собери себе хворосту — разведи костер — и подобно Зевесову сыну — подобно фениксу — отдайся всеочищающему милосордному пламени. И да пылает имя твое на устах, в очагах и во взглядах звезд».

За записки большое спасибо. Еще не прочла.

Дети дома, не отходим от CNN… Гмар хатима това![1] *целую*

Наум, привет!

Не знаю, принято ли поздравлять с праздником (все-таки Судный День!), но во всяком случае душой мы с вами (не знаю, кто такие «мы», и что значит, и дорого ли стоит, «душой», но это истинная правда). Почему-то кажется, что для Арафата (если он действительно контролирует положение), как для грамотного шахматиста, угроза сильнее исполнения, кое-чего он уже добился (снова гнусная резолюция ООН, напоминающая о славных временах повсеместной борьбы с сионизмом), и он — пусть де-факто, а не де-юре, без потери лица — подчинится требованиям ультиматума. Впрочем, это скорее благие пожелания; я, конечно, не разбираюсь в обстановке и буду тебе признателен, если будешь держать меня в курсе дела (хотя бы в самых общих чертах), а то на душе беспокойно. И дай, как говорится, бог, чтобы близких не затронуло. Так неровен час и молиться научишься…

Для ответа по существу насчет всякого там монизма-героизма еще не созрел, а за книгами удастся выбраться только во вторник (так уж сложилось).

Всегда твой

Матвей

---

[1] Хорошей окончательной подписи (ивр.) — обычное пожелание на Йом Кипур

Матвей, дорогой, спасибо, что молишься за нас, действительно, только это и остается — вот тебе и простая разгадка всех «религий». Когда страшно, причем именно оттого, что от тебя, от твоей воли, ничего не зависит, и ты вдруг чувствуешь, как «мал», и как жалок твой «героизм» и твоя гордыня, и это бессилие так невыносимо, что поневоле начинаешь уповать на потустороннее…

А израильские ультиматумы — это китайские предупреждения, «последние» и «серьезные».

И Судный день — не праздник, это Йом хешбон нефеш, итоги сердца, в смысле счетов с самим собой. Йом — день, хешбон — счет, а нефеш — душа. И наверху каждому подводят такой годовой баланс, и записывают в Книгу, кому что положено, кому жить, кому умирать, кому болеть, кому здравствовать, кому страдать, кому веселиться, кому упасть, кому подняться, ну и так далее. И в конце баланса и итогов ставят подпись, поэтому при встрече говорят друг другу: гмар хатима това, то есть хорошей тебе «подписи».

Читаю сейчас Андреева «Цена свободы и гармонии», о греческой цивилизации, даже кое-какие идейки совпадают.

Наум

Абрамович попросил «уделить внимание» его знакомой, которая стихи пишет и всякое такое, хочет показать «специалисту». Он меня и порекомендовал. Говорит, симпатичная. Что ж, я люблю, когда симпатичные девушки мне показывают. Вчера позвонила, пожелала встретиться сегодня, в Холоне, в десять утра. «Вы на месте прочтете и скажете. У меня очень хороший почерк». Возражений не принимает. Говорит заплетающейся скороговоркой. Интересовалась возможностями издать свою «прозу». Я объяснил, что издать она может все, что угодно, но только за свой счет, и при этом не надо рассчитывать, что удастся что-то продать. Она сказала, что если бы была в Москве, то вышла бы на Арбат и у нее «расхватали бы», и добавила: «я

достаточно хороша собой». Встретились. Так и есть, обманул гад Абрамович: остроносая, волосы редкие и распатланные, глаза с сумасшедшинкой. А я уж размечтался! Нет, может и ничего, но общее впечатление чего-то беспокойного, нервического: женщина, что называется, «не следит за собой». Сели на скамейку посреди сраного Холона. Извлекла из коричневого конверта два коротких рассказа. Прочитал. Показала два рисунка. Очень похожи на те, что мне отсыпал Мозенсон, перед тем как уехал в Канаду (сохрани, говорит, это ценно, так возьми с собой, говорю, а он: я с живописью завязал). Такие «коллажи»: в одном углу церковь, в другом — лицо сына, в третьем — «сама в ванне» («у меня много ню…»), в четвертом кошечка, и т. д. Вот незадача. — Прочтите еще один, — попросила, чувствуя мою оторопь.

— Да… в общем-то все уже ясно…

— Прочтите, прочтите. Он маленький, всего полторы страницы.

— Хорошо, давайте я буду читать и сразу комментировать?

Откомментировал беспощадно. Жестоко. Отметил, что язык у нее пышно-метафорический, что, может, и неплохо, но в таких вот сухих рассказиках-силуэтах…

— Знаете, я вот по дороге встретил такую даму лет сильно за шестьдесят, в спортивных облегающих трениках и с огромным бантом на высокой прическе. Бант был потрясающий… Так вот ваши метафоры, как такие банты на старухе…

И картинки забраковал:

— Опять коты…

— Это мой кот! — попыталась она защититься.

Отвез ее на Центральную автобусную, оказывается она перлась из Беер Шевы на автобусах. Извинился за жестокость. Зачем-то бросил, что может быть это оттого, что скамейка посреди Холона не располагает к душевной мягкости. Но с бабами нельзя давать слабину — тут же попыта-

лась отомстить:

— Наша встреча случайна и никакого продолжения иметь не может.

11.10. От Л:

просто мне очень хотелось верить, что наконец-то им врежут и ужасно расстроилась, когда продлили ультиматум…

приснилось: я в гамаке читаю «Окна» и вдруг приходит Гольдштейн (?!) и садится напротив, и мы с ним ведем долгую беседу за литературу. А он смотрит на меня оченна внимательно, изучающе так смотрит своими увеличенными из-за толстенных стекол глазами, а потом говорит: какой он все-таки счастливчик, я ему завидую. А я делаю вид, что не понимаю о ком он говорит. Но он не обращает на это внимание и продолжает — теперь я, наконец, понял, заглянув в ваши глаза, откуда у него такое темпераментное писание. Так и сказал «писание». А потом: а можно я еще приду, мне у вас очень понравилось, так красиво и поговорить еще хочется…

А твое эссе пойдет в «Окнах»? Очень хочется тебя обнять, очень.

Ну, матушка, тебе уже литературные сны снятся!

Интересно, что мне тоже вчера сон про тебя приснился! Уже не помню, но вроде муж твой водит меня по вашим апартаментам, показывает, а со мной еще кто-то…

13.10.2000. Когда вышли из машины, она сказала

— Только я должна предупредить, у меня месячные. Уже почти конец, но…

— Да? — усмехаюсь.

Вроде и не собирался сегодня, но после такого заявления… Предлагаю пройтись. С моря прохладный ветер. Народу немного, да и пляж почти пустой. Сели на каменную скамейку, прячась в худосочной тени молодой паль-

мы. Обнял ее за плечи. Скривил рот усмешкой:

— Почему-то показалось, что мы где-то в Пицунде, лет тридцать назад…

— И у нас курортный роман?

Опять усмехаюсь.

— А у тебя были курортные романы? — спросила.

— Вообще-то были. А у тебя?

— Ну, а как же.

— А что такое «курортный роман»?

— Это такой «сжатый цикл», когда в три недели нужно всю любовь уложить.

— Хм…

— Я помню с одним мы на вокзале прощались, а он говорит, ха-ха-ха!, говорит: хоть бы ты заплакала что ли!

— М-да…

— А я, как к вокзалу приблизились, уже забыла про него.

— «Хоть бы ты заплакала».., да, я его понимаю… А я тоже однажды на вокзале прощался, после «курортного романа», таки обрыдался…

— Ты?!

— Да…

— Ну да, ха-ха-ха!, ты же у нас плакса.

— Понимаешь, у меня были курортные романы, но… я не относился к ним заранее, как к курортным.., то есть у меня были мимолетные всякие, но это могло быть и на курорте и не на курорте… Вопрос, что ты ищешь. Если ты ищешь «встречи», то ищешь ее везде…

— А я вообще ничего не ищу, у меня все есть. Я просто смотрю, чтоб человек умел ухаживать, чтобы он был остроумный, чтоб с ним было легко, ну и все остальное, конечно.

— И все-таки мне кажется, что ты себе не признаешься… Ты тоже ищешь. Иначе — чем муж плох? Сама говорила, что он умеет ухаживать, что в постели неплох…

— Нет, муж мне это дать не может, нет…

— Вот именно, что «это»? В конце-концов мы хотим

не блаженной легкости, а наоборот, «заполненности»…

Долго еще трепались в таком духе.

— Ты знаешь, — говорит, — я хочу пить… Что-то горло пересохло…

Перешли дорогу, купить минеральную в киоске.

Неожиданно предложила:

— Давай пойдем в гостиницу?

— О, это деловой разговор.

— А ты хочешь?

— Я как раз собрался тебе предложить, но ты… сыграла на опережение.

Рядом была новая гостиница.

— Зайдем сюда?

— А не хочешь в нашу?

— Давай новую попробуем. И ближе.

— Зашли в холл. Три девицы за прилавком. Вылупились. Две лыбятся, а третья, старш*а*я, сделала серьезный вид.

Номер, однако, оказался дорогой, почти сто долларов, так что пошли в «нашу».

Подъезжая к дому, включил радио: двое солдат погибли в Рамалле. Занервничал и позвонил домой.

— Где ты есть?!

— Я уже подъезжаю. Юваль не звонил?

— Звонил. Где ты с десяти утра болтаешься!

— Да в разных местах…

Скандал.

— Не мог раньше с постели встать?! … Ебись с кем хочешь, но приходи домой вовремя! … Меня зло берет, что я к тебе хорошо отношусь, а тебе плевать! … Да не рассказывай мне сказки, я тебя знаю, как облупленного! … Вся страна с утра ходуном ходит, а ты только что узнал?! … Потому что я тебя слишком хорошо знаю! … Потому что ты блядун, ты всю жизнь блядовал!

Уже дома, когда расслабился, вдруг кричит с балкона:

— А ну иди сюда! Иди-иди! А это что?

И сует мне под нос трусы, которые я зачем-то выкинул в ящик для грязного белья.

— Что?

— Что это?

Ну, думаю, кровь осталась, тут уж не отвертишься.

— Вот это, что?

— Что?

— Пятно от спермы!

Тут уж я облегченно рассмеялся.

— Ну ты даешь! Да у меня каждое утро трусы в сперме.

Наум, привет!

Какие прогнозы относительно развития ситуации? Какие рецепты ты сам считаешь наилучшими? Расколото ли общество? По возможности дай знать, хоть коротенько, а то из наших СМИ понять ничего нельзя. Может, лучше все-таки долбануть, хотя бы для того, чтобы прервать этот долбаный «мирный процесс»? Видишь, как легко все решается со стороны, когда ничем не рискуешь!

Всегда твой

Матвей

Матвею

«Мирный процесс» и так приказал долго жить. Причем «похоронить» его мог только «левый» (с точки зрения «единства народа). И если Барак (который этот «процесс» не одобрял изначально) так сманеврировал, что «процесс» как бы умер сам собой, то он — гений (хотелось бы верить, но это было бы слишком хорошо). Если бы это было так, то есть все это было «разыграно», то следующим этапом нужно «долбануть». Надо себе представить, под каким страшным давлением американцев находится Барак, которого буквально держат за руки. Потерять главного союзника, США, он не хочет (если Америка «кинет» нас на съедение мира, то мы превратимся в Масаду), поэтому он обязан каждый шаг на обострение суметь объяснить-оправдать. С другой сто-

роны «просто вдарить», то есть убить несколько сот арабов и разрушить их деревенскую экономику — это ничего не решает глобально, они утихнут, и вновь придется садиться с ними за стол переговоров, а значит уступать. Если уж «долбануть», то «глобально», и это, конечно, решило бы некоторые неразрешимые вопросы (по принципу нет человека — нет проблемы), но может, как сам понимаешь, создать новые, причем «глобальные». Поэтому не исключено, что такое промежуточное положение «ни мира — ни войны» воспринимается как меньшее из зол. Идет игра в расчете на то, что у противника сдадут нервы (в этом смысле, при всей моей разъяренности, я должен отдать должное хладнокровию наших политиков и военных, что, кстати, одно и то же, больше половины правительства — генералы, думаю, что у них руки чешутся не меньше, чем у меня). Сейчас, надо полагать, нас ждет «волна террора». Это будет такой «восстановительный процесс» после болезни. То есть идет борьба за «мировое общественное мнение». Сейчас оно на стороне палестинцев, потому что они несчастные, их бьют. Но террор может повернуть ситуацию, западный обыватель террор не любит. Тогда появится возможность «долбануть». А что люди гибнут — в больших политических играх конкретные жизни мало кто принимает в расчет.

А народ как никогда един в своей ненависти. У вас, наверное, показывали линч над двумя солдатиками, которые (по обычной израильской беспечности) забрели не туда. Их буквально разорвали на части. Один — русский.

А как у вас «народ» реагирует, кому «сочувствует»? Надо полагать, что «Чечня» свое «доброе» дело в этом смысле делает. Или, все-таки, традиционно «против евреев»?

14. 10. От Бальминой:

Двое израильтян, мои сослуживцы, собираются вернуться, если начнется война. Я, к сожалению, могу стать только мишенью… То, что может произойти, ужасно.

Отвечаю:

Ничего не будет. Как сидели в дерьме, так и будем сидеть. Евреи к этой «позе» привыкли.

15.10.2000. Вдруг позвонил Миша. Говорит медленно, язык заплетается, голос загробный.

— Миша говорит.

— Ой, Миша! Слушай, я виноват, так и не написал тебе…

— Хуйня.

— Это точно.

— Хуйня. Наум, меня скоро не будет.

— Ты это брось, Миш. Тебе надо подлечиться…

— Хуйня. Так будет легче. У тебя будут деньги прилететь на похороны?

— Миш, ты что…

— Я тебя спрашиваю: у тебя будут деньги?

— Деньги-то будут, но ты брось эти глупости. Мы же евреи, Миш, нам жить приказали. Приказ свыше, понял?

— Хуйня, я интернационалист. Я сочувствую всем. Я — за всех.

— И евреи всем сочувствуют, вот и Христос был за всех.

— Хха!

— Брось, Миша, мне это не нравится.

— А ты, вообще, чем заполняешь жизнь?

— Я? Ничем. Пишу…

— Писатель, блядь.

— Ага, — и мы расхохотались. Смех у него хриплый и пьяный.

— А что пишешь? Про Иудейскую войну?

— Что-то в этом роде.

И мы опять расхохотались.

— Наум, я порвал с Олей. Я хотел ее семь лет. И наконец получил. В постели. И стало только хуже. Совсем плохо. Я ее разлюбил.

— Ну, может и к лучшему, с ней… трудно.

— Все. Нам уже пятьдесят три. Сто лет назад мы бы считались пожилыми.

— Мы и сейчас считаемся пожилыми, но…

— Но сил до хуя.

— Тут народ и до восьмидесяти живет. В среднем.

— Хххa!

— Так что нам еще мало лет…

— Лет мало, а обид много.

— А ты всем обидчикам скажи: не дождетесь.

— Чего?

— Того самого, похорон.

— Не дождетесь? Хха!

— Слушай, ты же опытный, у тебя были и подъемы и спады, ты же знаешь, как себя лечить, может тебе лечь на недельку-другую…

— А собака?

— Ну, собаку возьмет кто-нибудь.

— Нет, все заботятся только о своем благополучии.

— Ну и ты позаботься, все-таки жизнь важней, чем собака.

— Ты что, собака — это моя любимая жена. Я не могу ее бросить. Когда меня собака покусала… я уже семь дней хожу на перевязки…

— Ну, тем более, раз она покусала.

— Да не моя собака покусала, моя — любимая жена, ты что. Объясняю: дура, любит животных, решила, что я хочу свою собаку убить. Потому что я был небрит и плохо одет, и поводок у меня из веревки, она хотела снять ошейник с моей собаки и пристегнуть к своему поводку, я ей не дал, и собака ее порвала мне руку. Ты знаешь, как это, когда кусает собака? Вот когда мороз, когда замерзаешь, ты еще Россию помнишь?

— Ну…

— Вот когда замерзаешь, и уже больно, вот так больно, когда собака кусает. А я еще неделю в медпункт не ходил.

— Почему?! Тебе надо было на нее пожаловаться и компенсацию бы получил.

— Расстроен был. Из-за Оли.

— Ну раз ты еще ходишь на перевязки, то…

— Все уже, залечили. Последний раз Наташа, медсестра… а я пьяный пришел, говорит в следующий раз в таком виде не приходите, не буду перевязывать…

— А ты чего… ты ж раньше не закладывал?

— Нет других лекарств. Ладно Наум, все, денег больше нет, привет Римме, матери и сыновьям.

— Спасибо. Будь здоров.

— А зачем? Вот Хемингуэй все писал, писал… и пустил себе пулю в лоб. А я писатель в тысячу раз талантливее… Ты держи связь с Мишей Фейгиным, единственный в мире хороший человек. Бери ручку, пиши его адрес…

Юваль пришел на побывку. Рассказы типа: «стреляют».

К шести поехали к Герцу. Тихие, пустые улицы Рехавьи[1], двухэтажные добротные каменные дома 20-ых годов прячутся за старыми пиниями. Уже стемнело, только что прошел дождь.

Показал фильм. Отметил что и где переделал. Все равно многие детали «торчат», я бы убрал треть. Но критиковать, конечно, не стал. Фильм вдруг открыл мне то, что я раньше не ощущал: исступленную веру. Эти протянутые вверх руки, это колотье в грудь, эти пальцы, трепетно ласкающие щербатые камни Ирода, как недоступную юность… Вдруг почувствовал, как душа изо всех сил тянется пальцами руки вверх в надежде хотя бы на робкое прикосновение, на ласку Отца… Почувствовал эту смертельную готовность безысходно любить недостижимое. Не понял, а почувствовал. И унять это стремление, уничтожить эту готовность

[1] Старый элитный район в Иерусалиме

невозможно. А у Микеланжело скорее Бог отчаянно тянется к Адаму, а тот небрежно-снисходительно, даже как бы удивляясь, отдает свою кисть чужой страсти и воле…

Рассказал Герцу, что пишу сейчас всякие соображения о монотеизме, и его фильм оказался кстати. И еще сказал ему, что мы с ним похожи, что я тоже «документалист». Он согласился, сказал, что входит в мою книгу, как в лес, «ведь все равно с какой стороны мы входим в лес?» Мы еще порассуждали о разных видах документалистики: чисто репортажной, информативной, или концептульной, «наблюдающей». Он — наблюдатель. Возможно ли вообще «чисто информативная» документалистика, ведь наблюдатель все равно есть, даже если он не хочет вмешиваться. Да и «события», во всяком случае люди, ведут себя иначе «перед камерой», то есть уже само наличие наблюдателя меняет действительность, не в этом ли и суть веры в Бога?

Потом он мне показал стихи своих дочерей (я ему подарил два своих сборника и «Анечку» Тарасова), у одной — дом моделей в Москве, другая — уже давно, с 72-ого, в Израиле, инженер в области системного анализа. Стихи интересные, даже талантливые, у той и у другой. Стал показывать фотографии, одна 31 года, групповая: еврейская гимназия в Риге, «бейтаровская», в центре молодой парень из Палестины в бейтаровской форме — в фуражке, с портупеей… А ему шесть лет. Потом показал очень интересную фотографию: его дочь с новорожденной внучкой на руках, первый муж и мать мужа, все трое стоят в проходе вагона поезда.

— Можно роман написать по такой фотографии, — сказала жена.

— Да, — согласился Герц, — случайно поймал, через секунду этого уже не было.

А фотография действительно рассказывала, затягивала в себя, жила. Дочь, мятущаяся, с открытым и смелым лицом, смотрит в окно, откуда идет свет, муж, чуть сзади, тоже смотрит на свет в окнах, но чуть назад, как-то отчуж-

денно, а мать его, с крупным, благообразным, но окаменевшим лицом смотрит невидящим взглядом в противоположную строну, против взгляда невестки. А из-под одеяла, в которое укутана новорожденная, торчат блестящие, в упор глядящие в объектив, совсем не младенческие глаза.

— Все смотрят в разные стороны, — усмехнулся я.

— Да, — сказал Герц, забирая фотографию, — они скоро развелись.

Он вышел нас проводить, а потом позвонил, спросил, как доехали. Сказал:

— Знаете, я вот сейчас развяжусь со своим замыслом, а вы — со своим, и тогда быть может, мы вместе сделаем такой философски-документальный фильм?

— Это было бы замечательно! — сказал я. И тут же подумал о Масаде. О закате над Масадой. Вадим тогда сказал: «Внизу — скука, в наверху — тоска.»

Заехал к Жоре в контору. Для оформления страховки ему нужна справка о том, что иммобилайзер (цифровой блокировщик зажигания) в моей машине оригинальный. Достал две бутылки пива, затянул про политику.

— Знаешь, — говорю, — надоело мне… жевать одно и тоже… Даже больше тебе скажу, наплевать мне на все. Если б не сын в армии, так вообще…

— Ну в том-то и дело, ты не можешь от этого уйти… А вообще, честно говоря, и мне наплевать.

— Вот биржа упала, это да.

— Да и на это мне наплевать, поверь мне, что я проиграл больше, чем ты. Я только за эти дни потерял шестьдесят тысяч…

— Ого!

— Ну, и наплевать. Попариться в баньке, пивка попить, трахнуть бабца — и все, больше ничего меня не ебет. Мы тут с ребятами, у нас компания, человека четыре, такие же все старперы, так у нас тут банька есть в Ришоне, так себе, да нет времени далеко ездить, так мы пришли к едино-

душному выводу, что самый дешевый секс, это секс оплачиваемый. С любовницами одни хлопоты, ну у меня есть одна, я ее пилю иногда, но в последнее время чувствую, что она хочет меня немножко подоить, нет, я ж не против, но как-то… да, мол, не хватает заплатить за то, за это, ну дал ей пятьсот долларов…, да и все эти разговоры, понимаешь, про любовь, ну, беэм*е*т[1], у меня была одна, я с ней несколько лет трахался, она мам*а*ш[2] мастерица была, прям на работу приходила, тут вот, на диване, а потом вдруг — все, ну, она себе другого мужика нашла, а недавно я ей позвонил, пришла, трахнул ее, и — не то, и она тоже говорит, зачем тебе это, ну и… в общем, стали мы в последнее время девок приглашать в баню, да, слушай, у тебя времени много, а выхода на людей нет, а у меня сотни клиентов, такие бабы попадаются, закачаешься, но времени совершенно нет, а тут, в баньку, бабы наши уже знают, что мы в баньку пошли.., а началось с того, что мы одному на день рождения вызвали девку, а она с подругой пришла, подруга — крокодил, а сама ничего, но они что-то торговаться начали, в общем, послали мы их нахуй, а в следующий раз пригласили… а чо, не нравится — не обязан, дал ей 20 шекелей на такси и чао, вот, так мы ее вчетвером пропустили, нет, после баньки неплохо, есть еще массажные кабинеты, но там они не дают, только гладят, нет, кончить ты кончишь, это бли хохм*о*т[3], намылится, ляжет на тебя сиськами, кончишь, как миленький, но это не то, а вот в баньке это клево, с пивком… Не, почему, есть ничего девки, хотя один друг, денег у него до хуя, так он в Германию ездит трахаться, вообще классно и недорого можно поебаться в России, в Литве…

[1] Ну в самом-то деле (ивр.)

[2] По-настоящему (ивр.)

[3] Без мудрежа (ивр.)

Николай, как дела?

У нас тут пованивает Масадой. И сын в армии, так что хорошо, что я никуда не поехал. Может к весне…

Удалось ли связаться с «Гешарим»?

Получил недавно обрадовавший меня лестный отзыв Саши Соколова о книге.

А вообще, без дела не сидим. Какие у Вас новости? Что там Золотоносов, так и не раскачался на отзыв? Впрочем, я это так спрашиваю, ясно, что не раскачался. Но если общаетесь с ним, передайте привет, я вообще буду рад с ним познакомиться.

Всегда Ваш

Наум

Дорогой Наум!

Привет, наконец-то я Вам напишу письмецо. Тут страшная суета и все время тревожные новости из обетованной. Но это по телевизору… Арабы совершенно ебнулись. Что и немудрено — сидят без дела шишу курят. Им точно ничего нельзя обещать, потребуется с каждым разом все больше и больше, пока не съедят целиком.

Значит, младший Ваш воюет… Да, дела. Не позавидуешь. Арабов как насекомых в душный день в пионерлагере. Что они хотят в самом деле? Шишу курить на корточках.

Ну это все разговоры. Судя по Хроникам — Вы солдат решительный. Так что стремайтеся.

У меня особых новостей кроме короткого списка букера нет. Только новые рецензии еще. Они почти все (главные) есть на сайте Славика Курицина. Это, кажется «Gielman».

«Зеркало» по-свински меня не отразило. Значит, не такое уж это и чистое зеркало. Нечего мне было и лезть. Я вообще-то этого никогда не делаю, только когда попросят, да и то не всегда. Так и надо поступать с чужаками.

С Золотоносовым я обсуждал Ваш роман, но не согласен с его идеей тесноты жизненной сферы, как причины конфликта и травмы, так что лучше пусть он промолчит, там ведь

совсем не в этом дело. Приятное самое, что книга Ваша везде кончилась. А это кое о чем говорит. Рецензировать роман трудно, так как материалом подобным надо переболеть, постареть в нем, поумнеть, подумать о смертушке, поплакать над собой и не только. Вы ведь ни с кем не заигрываете и написали непонятно что — то ли роман, то ли хронику, то ли исповедь самому себе на себя. Попробуй тут разберись. А критики люди ушлые, им подавай что-то попроще и что бы непременно стало мэйн стримом. А потом, они ведь боятся сесть в калошу. Фрейд чтоб там стоял. Трудно разуметь.

У нас осень — дожди сутками бывает идут. Но я не сдаюсь, только если ревматизму.

Не хандрю. Пишу всякие истории.

С Гешаримом я толковал, когда Михаил был в Москве по телефону. Так что все в норме.

Никуда не собираюсь. Вот если премию получу, тогда и соберусь, а то за короткий список дают только 1000 баксов, тут далеко не улетишь.

Пишите, буду очень рад

Искренне Ваш

НК

Наум, Саша в Тверии. Прилагаю ответ от его жены с координатами

Alexei P. Tsvetkov

Hi A., Yes we are here now, in Tiberias. Our telephone is Country code ….. It is very calm here. Can you come to see us? We have plenty of room. Marlene

17.10.2000. Вчера созвонился с Соколовым. Будет здесь до весны.

— А вы «литературной общественности» не показываетесь?

— Я разучился это делать. Последний раз, когда 10 лет

назад был в Москве, получал Пушкинскую премию…

— С тех пор вы там не были?

— Нет, последний раз я был в Москве года четыре назад. Но это был кратковременный визит, а тогда я почти переселился, жил полгода…

Договорились, что подъеду на днях.

— А вы Тарасова не знаете?

— Знаю, очень хорошо. Могу его взять с собой.

— Аа, ну это было бы чудесно. Мы с ним переписывались…

Голос у него усталый.

Позвонил Тарасову.

— Что нового? — спрашиваю.

— Да много чего нового: наркотики, оружие, пью. Кое-что написал.

— Оружие?

Что за бред… Сказал ему о приглашении Соколова.

— Сашуля? Он в Тверии? Чудненько, чудненько!

Стали договариваться, когда поедем.

— Я послезавтра должен быть в Тель-Авиве. Все, бросаю пить.

— Надо бы.

— Это я знаю! *Как* мне надо! Вот, навещу дочурку, потом надо купить марихуаны, потом я буду делать сайт с одним парнем, он мне обещал помочь, так что…

Долго пререкались. Он капризный, и хочет все устроить так, как ему удобно. А мне надоело ему уступать, я ж его везу, и он мне еще условия ставит! Говорю ему:

— Звони до одиннадцати, потом я спать иду.

— Но я же всю ночь буду работать.

— Так я должен всю ночь твоего звонка ждать?

— Ты чего-то стал выебываться, — огрызнулся он. И добавил любимое:

— Ты совсем обуржуазился.

Хотел я ему сказать, чтоб перестал корчить из себя пролетарского поэта, и вообще пожалел, что связался, заносит

его на почве пьянства. А потом подумал: а, может, я все-таки обиделся на него за те стихи? Или ревную к Соколову?

Леша, привет!

С Соколовым я связался, спасибо. На днях подъеду к нему.

А ты не хочешь подскочить? Вам на Свободе, кстати, репортажей с места событий не треба? А то тут Историю опять разбудили….

Наум

Наум, сейчас ни время, ни финансовые обстоятельства не позволяют. Может быть к новому году

Alexei P. Tsvetkov

Ну что, к Новому году — замечательно. Кстати, Соколов будет здесь до весны.

И не забывай, что у нас есть свободная комната.

19.10.2000. К одиннадцати я отключил все телефоны и пошел спать, глаза уже с десяти слипались, а я все ждал его звонка и злился. Утром встали рано, я проверил записи на «секретаршу» — никто сообщений не оставлял, выходит Тарасов вообще не звонил, а это значит, что он в отключке и неизвестно когда прочухается. Быстро собрались и в восемь выехали. Я знал, что Володя будет возмущен, расстроен и все такое, я понимал, как ему важна эта встреча, но гарантий, что он позвонит не было, и я по-прежнему был зол на него, да и ехать долгую дорогу втроем тоже не хотелось — либо с женой, либо с ним. С Соколовым я договорился на три: если Тарасов прочухается, то успеет. И все-таки совесть меня мучила, и по дороге я изливал жене хитросплетения наших с ним отношений. Про его обиду на меня. Жена говорит: раз он на тебя обиделся, значит есть за что, и ты сам чувствуешь, что есть за что, поэтому и мучаешься.

— Смотри, я от слов, которые написал про него,

не отказываюсь, нет, я ему все это сказал и при встрече, конечно, когда говоришь «в лицо», то стараешься «не задеть», особенно зная его трепетное отношение к собственной гениальности, да нет, он на меня обиделся не за критику, и не это меня раздражает в данной ситуации, то есть не этим я сам себя раздражаю…, он разозлился… по тону мои выпады были слишком едкие, в этой едкости была «недружественность», и эта едкость, видимо, была точна, потому что моими фразами гробманим его потом тыкали в рожу и посмеивались над ним, то есть, как он говорит, «вытерли об него ноги», с моей помощью, а я злюсь на себя, что…

Продолжать не стал, но подумал: неужели я действительно «скорпион»? Комплекс предательства…

— Да, тебя иногда заносит, это я наблюдала, ты начинаешь рассказывать такие вещи, которые никто тебя не просит рассказывать, ты пытаешься быть интересным…

— Да, я пытаюсь быть интересным, я все еще чувствую себя ничтожеством и плебеем, меня все еще тянет в «высшие круги», это у нас было общее с Зусом, и благодарен за то, что меня «принимают», это такое невытравимо еврейское, провинциальное, и поэтому я так восхищаюсь Володей, что в нем нет ни грамма заискивания, он, даже если чувствует свою ущербность, то скорей на рожон полезет, но не преклонится…

— Да, он — скала.

— Матерый человечище…

— Зря смеешься, он очень цельный человек.

— Да, это верно, верно.., и по-человечески очень симпатично. Хотя эта цельность в определенных творческих ситуациях оказывается недостатком… Цельность часто граничит с прямолинейностью, трудней взглянуть на себя со стороны, более трезво оценить свои возможности, у него, например совершенно отсутствует самоирония… Человек же «нецельный», раздробленный, может оказаться более изощренным. Я имею в виду литературу… А насчет

моей любви к сплетням, то здесь и элемент провокации на обмен: я рассказываю всякие тайны, «продаю» их, в надежде обменять на другие…

— Дело в том, что ты продаешь чужие тайны, а это ты не имеешь права делать. Тем самым ты плюешь на других людей. Причем на тех, кто тебе доверяет…

— Это все дилеммы документализма, если ты помнишь наш разговор с Герцем. Ведь снимать других людей без их согласия, а потом демонстрировать, это тоже сомнительное с моральной точки зрения занятие. В этот момент ты как бы берешь на себя права Высшего Наблюдателя, ты сознательно пренебрегаешь правами частного лица ради изображения некой общей картины.

— Да, но одно дело просто фотографировать, а другое — раздевать других и демонстрировать их голую задницу (вот и «личное» выскочило). В конце концов это нарушение прав человека, за это могут и в суд потащить…

— Ну, в суд — не знаю…

— И морду набить.

— Морду — это другое дело.

Когда миновали Натанью, позвонил Володя.

— Но ты же сказал, что поедешь в одиннадцать!

— Я сказал, что поеду в одиннадцать, потому что ты сказал, что раньше десяти не встанешь, я и с Соколовым поэтому договорился в три, но поскольку ты не позвонил…

— Да я, блядь, отключился! Ты себе не представляешь, как я вчера надрался!

— Хорошо, но я здесь при чем? Откуда я знаю, что ты вообще встанешь, и когда встанешь. Смотри, ты еще можешь вполне успеть к трем, на автобусе, я тебе сейчас объясню…

Забил фонтан велеречивого мата, в пространство, от досады.

— …Смотри, мы договорились встретиться в хостеле[1] «Нахум», это на улице Тавор, где-то рядом с базаром. Доедешь до центральной автобусной, спросишь там где

базар.., да найдешь…

— Хорошо, — сказал он, смирившись. — Только подождите меня, если опоздаю.

— Конечно подождем.

По дороге я позвонил Соколову, сказал, что мы будем раньше, чем думали, и если ему удобно, то мы можем встретиться пораньше, а если нет, то, как договорились, в три.

Решили в четверть двенадцатого, у того же хостеля.

Обшарпанная Тверия похожа на арабский городок. Не знаю как передать эту фатальную неприглядность. Не город, где люди поселились давно и навечно, а лагерь перемещенных лиц: нынче — тут, завтра — там. Беспорядочный бивуак на великих развалинах. Улица, похожая на челюсть с редкими и полусгнившими зубами средневековых башен, а между ними провалы пыльных пустырей, вела вверх по исковерканному асфальту. В этой гнилой челюсти неожиданно и нелепо торчал фарфоровый зуб новенькой гостиницы. Мы немного опаздывали. Спросили у сторожа стоянки, он показал дальше наверх, дошли до сравнительно целого, трехэтажного дома. На высоком крыльце с неожиданно красивой решеткой стоит высокий (где-то метр восемьдесят) по спортивному подтянутый парень стриженный бобриком, в коротких джинсовых шортах и футболке, только бобрик седой. Я понял, что это Саша, и махнул ему рукой, он махнул в ответ и по ступенькам спустился навстречу. Первое впечатление: сильная, спортивная, молодая фигура и светло-серые глаза, а из них свет летит. Для глаз, привыкших уже к тьме Востока, ощущение непривычное, беспокоящее, тревожное, этот ровный, но сильный свет из бездонных глаз, тянет зажмуриться… Потом глаза попривыкли, но все равно я заглядывал в эти пропасти с влюбленным испугом в хребте…

---

[1] «Социальное», или просто дешевое жилье

Несколько общих фраз и жалоб на жару, он их не поддержал:

— Я жары вообще не боюсь, наоборот, в Вермонте так промерзаешь за лето…

Оказывается, они уже третий раз приезжают в Тверию. Странное место для уединения, но быстро выяснилось, что дело тут не в затворничестве.

— Давайте мы сейчас пойдем в гребной клуб, встретим Марлин, она как раз должна закончить тренировку…

— Ваша жена греблей занимается?

— Да, три раза в день.

— Три раза в день?!

— Она, можно сказать, профессиональная гребчиха, должна постоянно, круглый год тренироваться, поэтому мы собственно и облюбовали это место, лето мы проводим в Вермонте, там замечательный гребной клуб, а на зиму приезжаем сюда. Вы знаете, этот вид спорта стал в последнее время очень популярен, причем среди людей состоятельных, и Марлин неплохо зарабатывает в качестве тренера, но у нее еще есть и спортивные амбиции, она хочет попасть в сборную…

Машину оставили у дома и пошли пешком, Саша сказал, что рядом. По дороге рассказал, что недавно тоже начал грести, а раньше, в Вермонте в основном, они с Марлин занимались конным спортом, ну и бегом. «Вон, видите наверху развалины византийской крепости? Я туда бегаю каждое утро, замечательно…» Я не переставал восхищаться его крупными, очень сильными, гладкими ногами (подумал, что Р, наверное, его ноги понравились бы, и вообще он бы ей понравился — сразу видна порода).

Пройдя мимо развалин старой крепости, через пустырь, ведущий к греческой церкви, вышли на площадку рядом с озером. На причале из досок обитали мальчишки: о чем-то спорили по-русски, что-то ловили, ныряли. У берега начиналась и уходила почти под землю большая арочная галерея — остатки какой-то крепости, церкви,

торговых рядов? — заставленная длинными узкими «скифами», у входа за столиком двое: здоровяк с красивым лицом, израильтянин, и щуплый парнишка, который представился Геной. Гена с израильтянином играли в шеш-беш. Подсели и мы к столику.

— Купнуться что ль? — рассуждаю вслух.

— Да, — можете переодеться вон там, в конце туннеля.

Я взял плавки и пошел вдоль галереи: в конце был закуток-раздевалка. Когда вышел, то увидел, как к столику подходит крупная женщина в мокром купальнике, показавшаяся мне немолодой (на самом деле она просто сильно устала после тренировки). Могучие ноги, узкие, но очень сильные плечи, непропорционально длинные, мускулистые руки, круглое лицо, не красавица. Общие приветствия, несколько неловкие, поскольку Марлин говорила только по-английски. Она пошла переодеваться, а мы с Сашей — купаться. Он хорошо плавал, и мы заплыли довольно далеко, потом медленно, брасом, разговаривая, поплыли обратно.

Переодевшись и попращавшись с Геной, поехали к ним домой.

— Здесь неплохой клуб, — рассказывал он по дороге, — и Гена хороший тренер, вообще все хорошие тренеры уехали из России, все, кто может заработать, он из Киева, там же замечательная гребная школа была, вот, мы теперь узнаём секреты киевской школы…

Они снимают трехкомнатную просторную квартиру в двухэтажном доме на типичной для Твери улице, недалеко от кладбища, улице двухэтажных, неказистых, серых домов. Это край города. Из квартиры выход на крышу, откуда открывается вид на озеро, на окрестные холмы покрытые рыжей травой.

— Из-за этого вида мы и сняли эту квартиру. Она не дорогая, но вполне нам подходит.

— Да, вид чудесный!

Решили покататься по берегу, у Саши были даже планы

заскочить в кибуц, где жил Калганов[1], Марлин давно хотела с ним познакомиться и потренироваться вместе, но от этих планов пришлось отказаться: к трем надо возвращаться, встречать Володю. Риммка уступила Саше место рядом с шофером («Вам есть о чем поболтать»), а сама села сзади с Марлин. Мы не спеша покатили, машин мало, за деревьями мелькало озеро. Первоначальная настороженность почти прошла, и возникло приятное ощущение, что мы давно знакомы. Он предложил перейти на «ты» («Я ж не из Питера»). Спросил, откуда я знаю Лешу. Я поведал о литературной студии при Университете, о Волгине. Он кивал. И вдруг его прорвало — видно было, что изголодался по разговору.

— А я тоже учился в Университете, на «журналистике», но сначала отучился два года в ВИИЯКе[2], у меня отец был тогда ректором военной Академии, он считал эту должность оскорблением, это уже было, так сказать, на закате его карьеры, одно время он был вторым человеком в Генштабе, нет, тот маршал Соколов — это его однофамилец, мой отец организовывал шпионскую сеть в Северной Америке, он тесно связан с похищением атомных секретов, дело Розенбергов, если помнишь, я же вообще родился в Канаде, а когда мне было четыре года, пришлось срочно уехать, тогда этот… знаменитый перебежчик, он вышел из посольства со всеми документами, вышел с женой и с маленьким ребенком в коляске, погулять, коляска была набита документами, и — до первого полицейского участка, тогда начались аресты и нам пришлось бежать через Ванкувер, на пароходе.., но мне не нравилось в ВИИЯКе, я не хотел становиться шпионом, однажды я пошел на площадь Маяковского, там тогда собирались и читали стихи, я тоже почитал, а потом ко мне подошел такой кра-

[1] Известный гребец, медалист олимпиады в Сиднее

[2] Военный институт иностранных языков

сивый высокий парень со светлыми глазами, Алейников, и говорит: ты нам понравился, пойдем с нами, и я пошел с ними, и началась моя эпопея со СМОГом… я тогда думал вернуться, в 89-ом, получил Пушкинскую, мы еще фильм сделали о СМОГе, у меня тогда была дикая куча денег, уже никогда в жизни не будет столько денег, я чувствовал себя миллионером, да, я получил сразу всякие гонорары, и за фильм, и премию, хотел купить домик на Селигере, всего пять тысяч стоил, но постепенно обстановка как-то неприятно изменилась, я раньше отпускал Марлин одну в магазин, и вообще, а потом стал чувствовать, что… на нее смотрят, как на добычу, и даже во мне уже видят иностранца, а у меня инстинкты в этом смысле обострены, нет, кто не жил в России не может этого понять, я ведь, когда мы приехали из Канады, нам дали двухкомнатную квартиру, Калужская площадь, знаешь?, и меня ужасно там травили, я очень хорошо одевался, говорил с акцентом, и каждый раз, когда я возвращался домой, на меня кидали горящую вату, я горел все свое детство, ха-ха-ха, все мои красивые шубки, свитеры, все… и я решил, что еще не время жить в России, и мы уехали, но самое смешное, что у меня была страшная куча денег, но русских, а доллары кончились, поменять было невозможно, так что мы не могли улететь, и в результате мы добирались из Минска в Ганновер, через Польшу, с лошадьми, это было самое чудесное путешествие в моей жизни, в Минске мы познакомились с коннозаводчиками, а Марлин тогда занималась конным спортом, и договорились с ними, что они нас провезут в лошадиных вагонах, а они везли лошадей на выставки, и конечно лошади там оставались, вдруг заболевали, или что, вот тогда я понял, что началось разворовывание России, ты не представляешь, что это были за лошади, каждая стоила чуть ли не миллион долларов, да-да, и вот мы в вагоне с этими лошадьми, лошади могут спать стоя, но обычно они ложатся, очень просто, раскидывают ноги и ложатся, и мы спали с ними на сене, а утром они нас будили, прям

хватали зубами тельняшку и рвали, это они так шутили…

— А откуда ты знаешь, что они шутили? — спросила жена.

— А они при этом улыбались.

Все дружно рассмеялись.

Подъехали к Габриэль-центру, и я предложил зайти перекусить. «Там очень симпатично, на берегу…» Они согласились, тем более, что Марлин уже пора было есть — режим. За столом Соколов продолжил повествование.

— … долго жили в Греции, на острове Парос, рядом Патос, это недалеко от Афин, приезжали в Израиль, мне очень нравится в Израиле, в Америке я не могу, мне просто не с кем там говорить, нет, я пытался, искал, мне говорили: вот поезжай в такой-то городок, там живут художники, ну я поехал, это было ужасно, это напыщенное эпигонство, глупые никчемные разговоры. В Нью-Йорке?! Я вообще не пойму, как человек может жить в Нью-Йорке, и в Калифорнии совершенно невозможно.., я долго жил во Флориде, я же говорю, что люблю жару, Леша — да, Леша любит Америку, а я — нет. На политические темы с ним лучше не заговаривать, однажды я ему поставил сербские песни, так он говорит: что это за примитивная чушь, дудка с барабаном, ну что, фольклор же, «дудка с барабаном», нет, сербов он ненавидит, Америка для него свободная страна, а это страна отвратительной интеллектуальной дискриминации, цензуры, советской бюрократии, это зашоренная страна, где людей ничего не интересует, у них все газеты похожи одна на другую, на «политикл коррект» они сдвинулись, такая книжка, как твоя, просто не смогла бы там появиться, это страна отвратительного ханжества и тотального отчуждения, да здесь я могу поговорить с каждым встречным, я тут подружился уже со всеми продавцами русских магазинов… Бостон — красивый город? Да совершенно обычный, вот Буэнос-Айрес — красивый город! Даже в Бразилии… да, я скиталец, наверное что-то цыганское, у меня бабка была такая кочевая душа, у нее

было бесконечное количество мужей и любовников, а она читала романы и занималась математикой, выводила какие-то уравнения…

Сидели на веранде над озером, вид сказочный, даже закуску одобрили. Соколов вспоминал о СМОГе. Я заметил, что вот ведь был целый букет гениев, а серьезного имени никто в литературе не создал.

— Ну, почему. Алейников, например, он писал очень хорошие стихи. Просто ему железной трубой дали по башке в подъезде, и с тех пор он… уже не пишет. Это из той же серии, что убийство Меня. Алейников был очень талантлив. Потом Батшев.

— Ну да, и Губанов был очень таланлив, но спился.

— Да, я через год от них сбежал, сплошные пьянки, где-нибудь на даче, вечно кто-то бежит на станцию за пивом на опохмелку, потом кто-то приезжает с водкой и — по следующему кругу, какой-то угар…

— Несерьезное отношение к литературе.

— Непрофессиональное.

— Ну да.

— А для них это и не было главным. А именно вот такой образ жизни. Я, когда приехал в Америку, то у Кузьминского снова встретил такую же атмосферу, нет, когда-то у Кузьминского было замечательно, эти пять или шесть собак, которые у него там клубились, этот самовар с водкой, и сам он возлежащий.., ну а потом к нему стали американцев водить, как в цирк, и все это уже выродилось…

К Калганову мы уже не успевали, пора было возвращаться. В главном зале ресторана, между высокими стрельчатыми окнами — вид из них напоминал фантастические пейзажи Возрождения — развесили местных художников, для контраста…

На обратном пути рассказы продолжились. Я спросил:

— Твой отец был жив, когда ты уехал?

— Да.

— Как он воспринял твой отъезд?

— Мой отец был очень идейный человек. У нас дома гражданская война никогда не кончалась. Мне же пришлось психушку пройти, чтобы избавиться от армии, а когда я женился на иностранке, то мне грозили и тюрьмой, и вялотекущей. А потом они покончили с собой. Отец и мать. Тут еще и семейные дела…

Меня окатило легким ужасом. И уже свет его глаз показался каким-то странным…

— Слушай.., ты извини, что я влез со своим вопросом…

— Да ничего. Мне сестра тогда позвонила, нашла меня в Америке, а я говорю: кто это? У меня нет сестры. Точно так, как она мне сказала, когда я уезжал и позвонил ей, она спросила: кто это? Я говорю: брат. У меня нет брата.

Володя уже ждал нас у того же крылечка. Он был на взводе.

— А я давно приехал, уже и выпил, и подкурил, поболтался тут по Тверии… Ты не представляешь, как я счастлив тебя видеть! — это он Соколову.

Марлин пора было на тренировку, Римма устала, и мы решили разбежаться для всяких организационных дел, а через час встретиться мужским составом, закупить съестное для вечернего сабантуя. Рядом была гостиница «Авив», номер неплохой, с джакузи, вид на Кинерет и на кладбище. Я оставил Риммку нежиться в джакузи и отправился на встречу. Соколов был на месте, и мы с ним отправились искать Тарасова. Поэт сидел за столиком на улице у какой-то забегаловки.

— Бляять! Я вчера под трипом такую поэму написал, бляять! Хотел вас угостить, бегал тут по Тверии, хотел распечатать, так в единственном русском магазине, где это делают, бумага кончилась, бляять!

И вдруг страшно закричал: «Я трезвею!», достал бутылку бренди завернутую в газету и отхлебнул.

— Чего это ты пьешь? — поинтересовался Саша.

— Бренди, самое лучшее из дешевых. Его уже в Иеруса-

лиме зовут «тарасовкой», ха-ха-ха!

— Тебе надо поесть, — сказал Соколов.

— Да щас, конечно. У меня как раз денег — куча! У меня такой облом в последние две недели! Никогда столько денег не было!

Тарасов пошел заказывать питу со швармой, мы с Сашей остались за столиком. По-соседству сидела местная чернота и жевала.

— Я, конечно, должен был тебя предупредить, когда ты выразил желание увидеться с Тарасовым…

— Да, ты должен был меня предупредить.

— Но я подумал, что он сумеет взять себя в руки, зная, насколько ему важно с тобой повидаться… И потом, тогда получилось бы, что я на него наговариваю…

— Да, я понимаю.

— В общем-то ничего страшного, он — профессионал и контроля никогда не теряет, — заверил я.

— Конечно, ничего страшного.

Вернулся Тарасов, отхлебнул еще, закусил питой со швармой, и мы отправились на закупки. Взяли три двухлитровых бутылки красного болгарского, Саша усиленно рекомендовал: «Вкус „Изабеллы“, честное слово!», взяли пельмени, хлеб, два сорта сыра, красную икру, рыбу красную, пококетничали с молоденькой пухленькой продавщицей, она прониклась к нам такой симпатией, что когда мы уже расплачивались, подбежала и вытащила из нашей сумки, к полному недоумению хозяина, один из сортов сыра: «Вам это не надо.» Я сразу вспомнил, как в Москве в 91-ом, около Почтампта на Мясницкой-Кировской заглянул, голодный, в темное окошко киоска с надписью «Пирожки с мясом»: «Почем пирожки у вас?». В окошке показалась хорошенькая головка, внимательно посмотрела на меня и сказала: «Не рекомендую». «Понял!» — отсалютовал я и удалился.

Забив багажник провизией, заехали за Марлин, она должна была закончить тренировку. Саша пошел в клуб,

а мы остались у машины. Тарасов закурил. Сказал, глядя Соколову вслед:

— Он в шикарной форме!

— Да. И вообще — хороший парень.

— Это и по прозе ясно, другого я и не ожидал.

— Ну, по прозе не всегда…

— Если внимательно читать, не так как ты.

Вернулись домой, занесли добычу, подняв на крышу стол и стулья, присели отдохнуть. Сидели, любуясь закатом. Тарасов пошел принять душ. Я пока подарил Саше «Хроники» и «Левант». Он поблагодарил, сказал, что книга ему очень понравилась, «очень понравилась», повторил он, «я давно ждал такую книгу об Израиле, для меня она запоздала чуть ли не на двадцать лет…» Полистав «Левант», с восхищением отметил некоторые строки. Мне понравилась его щедрость на похвалу, и вообще, он мне нравился. Какой-то мальчишеской открытостью, и полным отсутствием заносчивости и зависти, от которой обычно не спасает даже прививка славой. Володя вдруг обнаружил, что мы забыли купить масло и паприку для пельменей. Снова вышли: они — в местную продлавку, а я — за женой. Уже темнело. Она открыла мне дверь голая, с полотенцем на голове.

— Ой, мне здесь ужасно нравится! Такой вид! Посмотри на эти рыжие холмы, какой цвет! Как выцветший гобелен!

— Ого, какие метафоры! Да ты скоро начнешь романы писать!

— У меня нет таких претензий.

— А у кого нет претензий, у того лучше получается.

— А как здорово в джакузи! Я всю жизнь мечтала о джакузи в номере. Давай дома сделаем?

— Сделаем.

— Я так хорошо отдохнула!

— Как книжка? — я взял в руки раскрытую «Ева Браун: жизнь, любовь, судьба».

— Интересно.

— Ну, давай, одевайся.

Включил телевизор. Передавали о столкновениях в Газе, Рамалле, Шхеме, о напряженности на Севере.

— Выключи, я не могу это слышать. Я почти забыла…

Когда мы пришли, стол уже был накрыт. Зажгли свечи, разлили вино, выпили за знакомство. Озеро исчезло в глубоком сумраке. Тарасов витийствовал, обращаясь в основном к Соколову:

— Ты не представляешь, какая у меня карусель! Две недели жила у меня эта армянка, она оказалась осведомительницей полиции, когда-то работала в борделе и они ее повязали, героина у нее дохуя, она сидит на полграмме в день, муж ее известный актер в России, она его заложила, у нее четырехкомнатная квартира в Питере, а он туда девок водит, притон устроил, надоело ей, она позвонила в полицию, да нет, в Питере, они сделали облаву, нашли наркотики, теперь у нее неприятности, ей угрожают, так она у меня отсиживалась, она в Карабахе воевала, такое рассказывала, бляять! Это же зверье, оказывается, армяне эти, они там деревнями вырезали… да вытурил я ее в конце-концов, она и меня так заложит, она при мне говорила, вот заложу десять человек, мне столько-то дадут, а если одиннадцать… потом на мне еще повис друг из Киева, вдруг приехал и поселился… с Н… нет, мы не помирились, но это не страшно, у меня в последнее время ощущение, что она вернется… интересно, где она сейчас (смотрит на часы), еще на работе.., это не страшно…

Володя царствовал за столом. Саша слушал его захлебывающийся от возбуждения, пьяный речитатив, как падишах — сказки Шехерезады, только головой покачивал. За рассказами тянули вино, Володя — бренди. Девушки быстро отстали. В конце выяснилось, что мы с Сашей выпили почти три литра, давно я столько не выпивал, и интересно, что совершенно не запьянел.

— У Квинси об этом очень хорошо… — поймал я обрывок фразы Тарасова и тоже решил ученость свою показать:

— Это про гашиш что ль?

Но Тарасов мое поползнавение срезал, как покушение на его ведущую роль:

— Не про гашиш, а про опиум! Наум, не надо козырять невежеством…

Соколов рассмеялся. Но Володя и за него взялся, устроил ему строгий экзамен.

— Ты Радова читал?

— Нет.

— Ты Радова не читал?! Но это же один из лучших прозаиков! Да ты что, не следишь вообще?!

— Почти не слежу.

— Нуу…

Когда Саша на минуту вышел, он разочарованно махнул мне рукой: «Нет, это не серьезно.» Потом стал планировать на завтра поход к водопаду в Гамлу, но Соколов мягко, но твердо, отказался, мол, режим, тренировки. Я почувствовал, что он хочет «вынырнуть», вернуться к привычному образу жизни.

— Бляять, да вы что! Это же самое красивое место в мире!

— Ну, видали мы водопады, ниагары всякие…

— Да причем здесь ниагары! — Володя лез в бутылку. — Мы завтра едем и всё!

— Не родился еще тот человек, — сказал вдруг Соколов с мрачной усмешкой, — который заставит меня сделать то, что я не хочу.

Тарасов, хоть и был пьян, догадался, что нашла коса на камень. Его витийства становились все бессвязней, он опять вспомнил, что «бляять, так жалко, что не удалось распечатать, я бы вас угостил! Какой у меня был трип! Это чудо!»

— Трип-что? — спросила жена.

— Не то, что ты подумала, — сказал я, и гусары заржали.

И тут я вдруг почувствовал, что пора. Попрощались. Саша предложил Тарасову переночевать. Не выбрасы-

вать же поэта на улицу.

Утром мы с женой еще погуляли по Тверии, совсем пустой, только продавцы сливали шлангом грязь с тротуаров возле дверей своих лавочек. Центр Тверии, «старый город», похож на негатив, все из черного базальта: дома, стены крепости крестоносцев, и блестит от росы. Блистающие руины… Дошли до могилы Рамбама. Здесь тоже все полито из шланга, полуцилиндр гробницы покрыт, как попоной, бордовым шелком с золотым магендавидом. Этот полуцилинд еще разделен марлевой перегородкой и указатель на шесте: налево — женщины, направо — мужчины. Во всем была убогость. Над этим скромным мавзолеем великого мыслителя торчал нелепый модерный «памятник» из железных листов и балок: высоченные красные угольники, переплетенные в причудливом беспорядке — авангардная пирамида… У могилы, где-то внизу, как в траншее, молились два черножопых ублюдка в черных кипах — тоже, святого нашли, — молились и зло поглядывали на нас.

Бяльский прислал свой стих. Чего это он вдруг? — подумалось. — Что за непрошенные интимности…

ШМА ИСРАЭЛЬ

Когда взойдет непроезжий знак
И солнце Зайдет в тупик
И рок зажжет негасимый зрак
И друг покажет язык…

И еще много в таком духе, не буду все переписывать.

20.10. Спросил у Бараша насчет текста Кононова, взяли в «Зеркало», или нет? Он помялся, потом сказал:

— Я бы на их месте напечатал его только за полторы тысячи долларов.

— Ну, Саша, не будь таким злопамятным.

— Не, если б я оказался в такой ситуации, что от меня бы зависело…

Так, может, он и «зарубил», мелькнула мысль. Потом он плавно перешел к Букеру.

— Ты короткий список видел?

— Нет. Я только знаю, что там Кононов. А кто еще?

— Есть такой Михаил Шишкин, «Взятие Измаила». Я его знал когда-то. Был такой культурный еврейский мальчик. Сейчас, кажется, в Швейцарии живет. И еще знаешь кто? Светлана Шенбрунн.

— Аа, да, я видел. Когда-то читал несколько рассказов — вполне заурядно.

— Ну, это такой кондовый советский неореализм…

— Аа, читал когда-то фрагменты! Что-то про войну, как она с мамой…

— Да-да, война, поезда. В отличие от рассказов это покрепче сбито, но…

— Тогда у Кононова есть шансы. По-моему его «Кузнечик» — хорошая проза.

— Ты читал?

— Да, он послал мне.

— Он вообще сейчас весьма в фаворе, ну, считается одним из лучших прозаиков.

— По-моему, справедливо. А с чего ты решил, что он в фаворе?

— Ну, я вижу, много упоминаний. Рецензии, заметки. Чуть ли не Пруст.

— Да, мне тоже показалось, что Прустом попахивает, я ему написал об этом, так он чуть ли не обиделся, мол, все его в Прусты записывают, а он вовсе не Пруст.

— Не так Пруст, как кажется, — съязвил Бараш.

Я рассмеялся.

— Ну вот почему один юморист овеян славой, какой-

нибудь Губерман, а другой…

— Нас тоже кое-кто знает.

— Но ему далеко до таких перлов!

— Ну, спасибо, старик.

Рассказал, что виделся с Соколовым. Бараш премного удивился.

А как ты на него вышел?

— Через Цветкова…

— Я так и подумал

И тень легла на его бродатое чело.

Вечером гуляли по парку. Жена: «Посмотри! Небо красное!» Темные дождливые облака были красноватыми по краям, чуть ли не кровью с них капало…

21.10.2000. Рассказал Гольдштейну про встречу с Соколовым. Он изумился, возбудился, засуетился, пожелал встретиться, передать какой-то текст, который он написал про него, у Морева должен быть опубликован. Тоже спросил, как я на него «вышел». «Через Цветкова», — говорю.

— А ведь два лучших русских писателя! — сказал он. — Если бы Цветков свой роман закончил, это было бы… А ведь он считает Соколова гениальным писателем. Правда при этом говорил, что он не очень умен. Да, так и сказал. В смысле его суждений, знаний.

Николай, я говорил с Гольдштейном, он просил передать Вам «сердечный» привет и пожелание «победы», то бишь — Букера. Сказал, что Ваши тексты понравились, видимо, «пойдут». И что, говорю, так трудно ему сообщить? Он сказал: «Неужели? Ай-ай!» Я заодно и спросил: когда? Но ясного ответа не получил. Во так, за что купил, за то и продал.

Всегда Ваш

Наум

Наум, дорогой, спасибо за эту пьесу. Пусть телятся.

Напишу нормальное письмо.
Ваш
NK

Позвонил Тарасов. В восхищении от Соколова. Просто влюблен.

— Я пытался его вытащить на вечер Анечки, но он… еще не готов.

— Ты не очень на него напирай, он явно не расположен к литературным оргиям.

— Да, я заметил… Придется мне к нему в Тверию ездить.

22.10. Сюжет для интернет-романа. Дама средних лет, замужняя, развлекалась прогулками по Сети и анонимной перепиской с незнакомыми мужчинами, и один из таких случайных контактов превратился постепенно в довольно интимную переписку, дама даже призналась своему незнакомому другу в том, что в детстве ее «сексуально использовал» отчим (отец умер, когда ей был четыре года), тайная связь с которым продолжалась дюжину лет, он даже не давал ей выйти замуж, но она все-таки «выскочила» в 19 лет, лишь бы избавиться от него. Про свою связь с отчимом она никому не рассказывала, тем более, что тот покаялся, благословил ее брак и всячески старался сохранить с ней добрые отношения. Но она вступила в организацию, помогающую жертвам сексуальных домогательств, стала там очень активной и даже пыталась подключить к этой благородной деятельности своих детей, двух дочерей и сына. В таких сообществах принято рассказывать о детских травмах, и тут она узнала, что отчим «пользовал» и ее детей, то есть своих внуков, двух девочек и мальчика: она часто их оставляла с ним. Впрочем, дети уже выросли, отчим состарился, и поднимать все это дело она опять не решилась. Между тем отчима однажды нашли мертвым в постели, а поскольку он был уже стар, никто не придал

этому особого значения. Между тем эпистолярный роман дамы продолжался и становился все интимнее, в конце концов, она приняла просьбу корреспондента о встрече. И на свидании увидела своего мужа, тот, кроме прочего, признался, что убил отчима. После этого их отношения стали гораздо лучше.

23.10

Наум, привет!

Спасибо за разъяснение ситуации. Если нетрудно, держи меня в курсе, хотя бы в самом сжатом виде, в общих чертах. Меня порадовали твои новые добродетели: сдержанность, доверие к властям и «архимедовская» способность не отвлекаться от «чертежей» (в данном случае от «схемы регресса от полимудизма к монохуизму»). Андреев тоже не худший совопросник: простоват, но не даст нашего, понимашь, грека в обиду христианствующему умнику, будь то хоть и «сам» Лосев либо Аверинцев. Для него линия Сократа — Платона, считающаяся основной, знаменует собой «регресс к монотеизму» (в наших терминах) и, соответственно, к дуализму.

То, что ты пишешь о «левизне» Барака, дающей ему возможности, которых лишены правые, очень понятно (точно так же «прорывы» в отношениях с СССР могли себе позволить в Америке периода холодной войны только республиканцы типа Никсона). Если учесть, что арабы (особенно нефтедобывающие) тоже взяты в клещи, трудно себе представить полномасштабную войну. Лишь бы правители не заигрались, думая, что контролируют ситуацию; думаю, никакую ситуацию невозможно контролировать до конца, а политики часто склонны недооценивать потенциал стихийно-бескорыстных сил ненависти.

Читал Жуковского (в связи с выходом 2-го тома Полного собр. соч. в 20-ти томах) и наткнулся на такие стихи 1831 года:

Чу, как, пламенея, тромбы,
Поднялися и летят
Наши мстительные бомбы
На кипящий бунтом град.
Спор решен! Дана управа!
Пала бунта голова!
И святая наша слава
Сионистская жива!

(В примечаниях читаем: «„Тромб“ — здесь: сухой смерч»)

У нас, если судить по СМИ (с «народом» я не общаюсь), «общественное мнение» разделилось ровно пополам. В передаче 6-го канала «Аллё, народ!», где проводят экспресс-опросы и дают высказаться в прямом эфире, голоса разделились 250/256 в пользу арабов (юдофилы долгое время лидировали с минимальным отрывом, но под конец спеклись). Не помогли и напоминания «сочувствующих» ведущих, что это «бывший наш народ», и намеки на «общих врагов» в виде чеченцев. При этом в открытую поддерживают вроде бы евреев (произносить антиеврейские речи в эфире трудно, не сбиваясь сразу на запредельную «нецензурщину»), а голосуют за арабов. Но ведь дело не только в количестве. Действительно, сейчас «исламский фундаментализм» — общий враг, но никто не воспринимает ислам как «корень зла» (в религиозно окрашенных, эсхатологических тонах), в то время как голосующие против евреев знают, что речь идет о «нации генетических предателей-иуд», пятой колонне, повинной во всех бедах русского человека, этого простодушного рубахи-парня. Поэтому результаты неутешительные: уж если воюя против мусульман видят в «жиде» еще худшего врага, так что уж говорить о «нормальном» состоянии. Наивное (или хорошо разыгранное) недоумение Щаранского (он маячит на всех телеканалах с риторическим вопросом: «Как же так — мы, единственные из цивилизованных народов, поддержали вас в борьбе с Чечней, а вы...») звучит так, будто человек

«с полки свалился» (а не просидел, именно в качестве еврея, энное количество лет в русских лагерях и тюрьмах) и обращается к незнакомому ему, предположительно нормальному, народу. Вообще еврею находиться (тем более жить) в России во время обострения на Ближнем Востоке хотя и безопасно, но как-то уж совсем противоестественно («западло́»). Этим, наверное, и объясняется, что к громкой антиеврейской риторике прибегают преимущественно «замаскированные» евреи вроде Жириновского и твоего зоила В. Топорова, образцово-показательного еврея-антисемита, подвизающегося в газете «Завтра»; комментатор ОРТ Леонтьев (программа «Однако»), еврей-русский-патриот-рыночник, сказавший, что с Израилем покончено, — это более сложный случай, но из той же оперы (ваш Бронфман, святая душа, «вступил с ним в полемику»). В Думе принята «взвешенная» резолюция, но выдвигалась, от жириновцев, пропалестинская. Представить же себе, чтобы в русской Думе предлагалась произраильская резолюция, просто невозможно (разве что с целью провокации). Думаю, израильтяне понимают, что русскую дипломатию нельзя подпускать к себе на пушечный выстрел. Надеюсь, с твоим младшим сыном все есть и будет в порядке, так сказать, беседер.

Здесь сейчас гостит мой брат-швед, и он просто в ярости от того, как освещают ситуацию на Ближнем Востоке шведские СМИ. Они занимают откровенно пропалестинскую позицию. Но мало того, они просто ничего не показывают, кроме бесчисленных интервью с пострадавшими арабами, клеймящими «агрессию» Израиля и призывающими к «святой мести». Об осквернении усыпальницы Иосифа даже не упоминалось. О линчевании двух израильтян глухо упомянуто, но соответствующих кадров, неоднократно прокрученных у нас по всем каналам, там не показывали. Вообще мой брат, матерый антисоветчик и русофоб, считает, что российские СМИ ведут себя, как это ни странно, вполне прилично по сравнению со шведскими и некоторыми европейскими. Конечно, этому есть объяснения, в которые не хочу сей-

час вдаваться, но факт остается фактом. Тем не менее, не покидает ощущение, что русских все-таки подпускать к «переговорному процессу» не следует, и то, что им не нашлось места ни на переговорах, ни в «комиссии по расследованию причин…", меня радует. Кстати, мой брат — большой поклонник твоего творчества, а после последних событий проникся еще и почтением к твоей политической мудрости. Он сказал мне, что при первом чтении твои политические пассажи казались ему «богемным экстремизмом», а теперь он полностью согласен с твоими оценками. «Жизнь внесла коррективы», и, ты прав: то, что казалось «художественными гиперболами», обернулось для нас, относительно посторонних, хроникой текущих событий. Так что твой Текст в некотором смысле «возрос», хотя обычно бывает наоборот, с чем тебя и поздравляю. Надеюсь получить от тебя дальнейшие разъяснения касательно ситуации, которая всех нас волнует чрезвычайно.

Всегда твой
Матвей

Матвею:

То что происходит сейчас у нас — наглядная иллюстрация к книге Мосса «Социальные функции священного» (жалко старик не дожил). Мы наблюдаем, если еще не массовые, то «серийные» жертвоприношения, целью которых «поднять температуру», ввести массы в состояние сакрального экстаза (какой уж тут «контроль»!), нечто вроде эмоциональной артподготовки к священной, без кавычек, религиозной войне ислама против евреев. Джихад. «Израиль — раковая опухоль на теле исламского мира», так, например, выразился на последней общеарабской конференции президент Йемена. Так они думают все, но высказываются в таком духе только поэты и местные жириновские. На открытую войну пока не решаются, они ее обоснованно боятся (и последняя конференция — русские очень обиделись, что их не пригласили! — это доказала), но их стратегия состоит в том, чтобы своей

массовой экзальтацией ненависти сломить рациональный (в данном случае — хладнокровный) подход израильтян, вынудить их на «превышение силы» (недавняя Ассамблея ООН именно за это, за «превышение силы», осудила Израиль) и, отпугнув его союзников (прежде всего США), раздавить Израиль по «схеме Косово», то есть руками Запада. Конечно это уж очень «общая», а поэтому и расплывчатая, стратегическая линия, в которой они пока не слишком преуспели. Более непосредственная и понятная задача Арафата — это, во-первых, создание палестинского государства не путем международных соглашений, а именно «кровью и огнем» (так они поют в своих песнях), именно через жертвы, и тем самым придать его существованию большую «мифологическую легитимность» (в отличие от израильтян они мифологией не пренебрегают!), а, во-вторых, привлекая на свою сторону «международную общественность» (прикидываясь жертвой), добиться от Израиля тех самоубийственных уступок, на которые он «мирным путем» не соглашается. Его основная задача не просто создать палестинское государство, а создать его, не признавая взамен израильского, не признавая его «де юре», то есть морально, религиозно, в сознании. То есть он готов (и это уже сделал) признать существование Израиля, как факт, но не его ***право*** *на существование. То есть он хочет, чтобы его «заставили» примириться, поэтому и старается завлечь в этот водоворот «джихада» весь мир. Я не уверен, что он прав в своих расчетах, не исключено, что он преувеличивает как готовность к жертвам собственного народа, так и готовность к самопожертвованию (ради него) соседних арабских государств. Здесь нашла коса на камень, религиозно-революционный экстаз — на практические и весьма осязаемые интересы. Но думаю, что он, Арафат, и не очень обременяет себя расчетами, а действует больше «по вдохновению».*

Вообще, когда я сейчас параллельно пытаюсь разобраться в таких, казалось бы абстрактных, вещах, как «героизм», «монотеизм» и т.д., то просто ужасаюсь, насколько все эти

«мудрствования» (размышлизмы!) актульны, насколько они, «здесь и сейчас», дышат огнем и кровью…

Россия, конечно же, сегодня относится к конфликту гораздо более «сбалансированно», по сравнению не только со своей старой позицией, но и с «прочими шведами». Я думаю, что Россия (некое суммарное «тело») инстинктивно ощущает, что она «на роковой стоит очереди», так же как я ощущал непосредственную опасность, что мы на очереди, когда бомбили Белград, и поэтому все мое сочувствие было на стороне сербов. Россия и Израиль (как и сербы), в разной степени и по-разному, но — изгои. И это сближает. К сожалению Израиль поддержал, конечно, Америку и всячески осуждал Милошевича, как всегда лицемерно вопя (все те же ненавистные «левые»!) о «геноциде мусульман». Но все же это «мнение» (что мы на очереди) ясно просматривалось даже в «официальных» комментариях. Конечно разница есть. Израиль сильней в военном отношении (не говоря уже об атоме), а главное — занимает более важную, «ключевую», стратегическую позицию. Если он «исчезнет», то следующим «направлением удара» Ислама будет Россия. Давление ощутит и Зап. Европа: во Франции арабы составляют почти 10 процентов населения! К сожалению, объединиться в антиисламскую коалицию очень трудно (слишком разные интересы, Россия, например, думает, сколько она заработает от продажи оружия арабам и Ирану, или от повышения цен на нефть), но попытаться может и стоит.

Что касается откровенно враждебной (по отношению к Израилю) позиции западных СМИ, то и здесь, я абсолютно уверен, действует прежде всего религиозный мотив. Разговор тут, на Святой земле, пошел крутой: это тебе не «километр туда — километр сюда», а чей Бог старше. Вот так, ни больше ни меньше.

Рад, что брату книжка нравится. Он в Эйлат в ближайшее время не собирается?

Спасибо за то, что беспокоитесь и за пожелания благополучия, и прежде всего солдату.

Портос помешался на «жопе». Абсцессивное употребление производных от могучего глагола «срать». Например, рассказываешь ему: «Вчера ко мне заходил Озрик…», и он тут же резонирует: «И насрал в углу.» Или говоришь ему: «Вчера я заскочил на работу…», и он тут же: «И всех обосрал.» Его любимые стихи: «Полюбила я пилота, а он взял и улетел. Свесил жопу с самолета — обосрать меня хотел.» Не любит еврейских женщин «за жопу». «Идет, бл…, жопой пятки обивает».

24.10. Матвею:

Еще несколько соображений «вдогонку».

Я думаю, что та «стратегия» Арафата, о которой я тебе написал (ни в коем случае не признавать «право» евреев на эту страну, отсюда, кстати, столь принципиален спор о «святых местах» Иерусалима), и его психологический портрет хорошо изучены соответствующими службами и Бараку были известны (Арафат уже десятилетия живет «на мушке», и то, что он до сих пор жив говорит только о том, что его считают «полезным»). Поэтому я совершенно убежден, что невероятная уступчивость Барака (в Кем-Девиде, где он предложил фактически разделить «святые места») объясняется именно этим знанием. Это была довольно хладнокровная (ибо на карту было поставлено очень многое) игра в покер.

Кстати, интересно, что современные политики с детской непосредственностью выбалтывают все свои планы, надо только уметь «выудить» необходимую информацию из потока риторики. Барак прямо и говорил, причем неоднократно, что идя на такие «далекоидущие», как он выразился, уступки, он хотел продемонстрировать всему миру, что Арафат на самом деле мира не хочет. И он это продемонстрировал. Он заставил Арафата перевести борьбу «в партер», пойти на обострение, и именно в силу того, что открытую борьбу (за «мировое общественное мнение») тот

проиграл.

Но, увы, эта «победа» может оказаться «пирровой», дело в том, что «мировое общественное» к Израилю принципиально враждебно, и это непобедимая данность, ситуация в этом смысле будет только ухудшаться. Поскольку раньше (еще совсем недавно, полсотни лет назад) «весь мир» был Европой и Америкой, в которых было сосредоточено еврейское Рассеяние, это был иудео-христианский мир, с особыми, исторически сложившимися отношениями с евреями и к евреям, включая и чувство вины перед ними. Я уж не говорю о вполне практическом влиянии евреев Америки и Европы. Это благоприятное время кончилось. Во-первых, массовая эмиграция арабов и вообще мусульман в Европу и Америку изменила степень их влияния в этих странах. Характерный пример — Франция, которая когда-то была страной с колоссальным влиянием евреев, стала абсолютно проарабской страной, и не только в силу глобально-экономических интересов, а просто оттого, что там сегодня живут миллионы мусульман и они не только качают свои исламские права, например, право девочек носить чадру, но и голосуют! Так что любой произраильский уклон чреват внутренней напряженкой и даже терроpом. Евреи в Европе уже не в состоянии сопротивляться этому «сдвигу» антисемитского ледника. Во-вторых, мир перестал быть «Европой», а стал «глобальной деревней», управляемой «глобальными старостами», то есть «международными монополиями», в том числе и в области «массовой информации», они рассчитаны «на всех», а из этих всех евреев и их «клиентов» едва ли наберется полтора десятка миллионов, а мусульман — около миллиарда, да и клиентуры у них ни счесть… Против этих цифр никакая и ничья «справедливость» не устоит. И именно этот, постоянно ухудшающийся «глобальный баланс» и привел израильских политиков (как я только теперь ясно вижу) к неутешительному выводу, что не до жиру, быть бы живу, то есть надо скорей-скорей замиряться, почти «на любых» условиях. Вывод может и понятный, но, увы, неправильный. Это

«сползание ледника» (на нашу голову!) видно не только нам, но и «им». Поэтому «им» спешить некуда. Чем дальше, тем выгодней их позиция, тем более, что «нашу сторону» уже частично охватывает паника (все эти крайние левацкие движения — это признаки паники, пока еще только идеологической). Если мы не станем делать «резких движений», угрожающих их физическому существованию, причем «глобально», ни на какой мир с нами они не пойдут (на любое временное соглашение, ослабляющее нас — да, с удовольствием), они будут нас «дожимать». Поэтому необходимо прервать этот «мирный» процесс, который есть на самом деле процесс ползучей (мирной!) капитуляции, и поставить хотя бы ближайшее арабское окружение, и прежде всего палестинцев, перед выбором: мир или война, причем война должна быть тотальная, на уничтожение. И дело не в жестокости, а в необходимости выжить. Их может остановить только страх.

Первый этап Бараком успешно пройден, и за это я ему благодарен, кажется он понимает «откуда звонят». Для второго этапа ему нужны «правые». Сейчас идут переговоры о сформировании «правительства национального спасения». Левые в лагере Барака уже подняли визг: их же лидер хочет взять за горло их общее любимое детище — «мир»!

Если вести тотальную войну, то только сейчас, когда Америка еще не стала враждебной. Только сейчас ее еще можно выиграть. Если промямлим, будем, как говорит один мой приятель, «жопу мять», мы проиграли.

Юваль утром звонил. У них стреляют.

Идет сильный дождь. Ночью была гроза с ливнем. Зима пришла.

От Л:

знаешь, у психологов сейчас мода на «биологическую обратную связь». Как эффективно самолечиться без лекарств. Ездила на семинар, ну и заодно с сыном повидалась,

они с мужем ходили на хоккей пока я была на семинаре. Приехали поздно, я только успела проверить емелю и легла спать. И приснилось будто я читаю твои записки и думаю, что вот есть Л. и Р. и ты всю дорогу борешься с ангелом, но почему ты не Яаков, а Нахум, неужели Нехама, примирение… и я проснулась… если бы мне кто-то сказал, что ему такое снится, то я, мягко говоря, очень скептически бы к этому отнеслась…

Жена любит рассказывать о своих подвигах:

Вчера сижу в парикмахерской, входит такой огромный дядька шикарный, у него маафия (пекарня) в Бней-Браке, уставился на меня, представляешь? А у меня тот еще видок, после того, как голову помыли, в общем, ходил, ходил вокруг и говорит: «Хаваль аль азман! Малах!»[1]

Или:

Сегодня пришел ко мне мой студент, и говорит: «Если бы у моей жены в вашем возрасте была бы такая фигура, я был бы счастлив!

Наум, привет!
Список №38

Л.В.Пумпянский. Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы. /Долгожданное издание самого крупного из «забытых» литературоведов Лейб Меерович Пумпян из Вильно (1891—1940) поначалу входил в так наз. «Невельскую школу», руководимую молодым Бахтиным. Невероятный эрудит. Возлюбленный входившей в «Невельскую группу» пианистки М. Юдиной: герой ее дневников. Сперва ярый православный, затем (с 1927 г.) «марксист» с социологическим (но не вульгарным) уклоном, типичный образчик «православного жида», равно ненавистного всем

[1] Буквально: «жалко времени», в ивритском сленге выражение крайнего восторга и наивысшей оценки. Переведем так: «Что б я так жил! Ангел!»

(«он, хотя и тонкий и кружевной, но очень противный в самой своей сути, православный иезуит из еврейских выкрестов» — так писал о нем Белому Иванов-Разумник; цитирую по имеющейся у тебя переписке, стр. 265). Главный герой «Козлиной песни» Вагинова (выведен под именем Теттёлкина). Мощный «генератор идей», предложивший реальную, гораздо более философичную и глубокую, альтернативу методологии «формальной школы» (Тынянов и компания). Как ни странно, методология П. звучит сегодня сверхактуально. Думаю, по масштабу Пумпянский гораздо крупнее формалистов, и чуть ли не всех современников за исключением своего друга-учителя Бахтина. Но, например, такой авторитет, как покойный Ал. В. Михайлов, отдает ему предпочтение даже перед Бахтиным. В данной книге собраны труды, по большей части неопубликованные, только по русской литературе (а он писал, например, и о Джойсе, причем с пониманием). Названия некоторых работ: «Балладный страх и философия смеха»; «Тютчев и барокко»; «Достоевский и античность»; «Цивилизация символизма» и др. В Приложениях печатаются шесть докладов, сделанных на заседаниях «Невельской группы»: «Достоевский как трагический поэт»; «Опыт построения релятивистической действительности по „Ревизору“»; «Смысл поэзии Пушкина» и др./ М.: Языки русской культуры, 2000 — 864 с (большой формат) — 175

Рене Жирар. Насилие и священное. М.: НЛО, 2000 — 400 с — 115 Основополагающая антропология жертвоприношений. Названия разделов: «Жертвоприношение»; «Жертвенный кризис»; «‘«Эдип и жертва отпущения»; «Генезис мифов и ритуалов»; «Дионис»; «От миметического желания к чудовищному двойнику» и т. п.

Розанов и евреи. (Серия «Современная западная русистика») /Первое системное осмысление проблемы. В книге две монографии под одной обложкой. 1) Ефим Курганов (профессор Хельсинкского университета). Василий Розанов, евреи и русская религиозная философия. 2) Генриетта Мондри

(профессор университета Кентербери). Василий Розанов, евреи и русская литература. В первой Розанов показан на фоне философов (Флоренский, Бердяев и др.); во второй ведется рассуждение, в духе «стратегии телесности», «о еврейских флюидах в теле русской литературы»/ СПб.: Академический проект, 2000 — 272 с — 100

Л.А.Тихомиров. Тени прошлого. /Мемуары знаменитого народовольца, затем ренегата и крайне правого публициста и отчасти мыслителя/ М.: Изд-во журнала «Москва», 2000 — 720 с — 125

Ямвлих Халкидский. Комментарии на диалоги Платона. (Серия «Античная библиотека») /Ценнейший первоисточник по неоплатонизму «героического периода», переводится впервые/ СПб.: Алетейя, 2000 — 319 с — 85

А-Ж. Фестюжьер. Личная религия греков. (Серия «Античная библиотека. Исследования»). /Французский исследователь античности (1898—1982); данная книга вышла во Франции в 1954 г. и до сих пор считается классической/ СПб.: Алетейя, 2000 — 253 с — 75

Урс Альтерматт. Этнонационализм в Европе. /В первой части дается теоритеческое введение в построение европейских наций, во второй рисуется, под этим углом зрения, современная ситуация. Автор, швейцарский профессор) недоволен современной Европой, из-за своего лживого популизма беззащитной перед джихадом. Это не публицистика, а научное исследование. Названия некоторых разделов: «Возвращение религии в политику»; «Между джихадом и современным миром»; «Западная Европа в плену популизма»/ М.: Изд-во Российского гуманитарного университета, 2000 — 367 с — 120

Очень ты меня порадовал своим анализом ситуации (хотя сама она нерадостная); чего-то подобного я и пытался от тебя добиться, и буду благодарен, если ты и впредь будешь держать меня в курсе дела. Мне, конечно, далеко до столь конкретного понимания. Надо переварить. Хотя

кое-где усматриваю внутренние противоречия, о которых позднее, возможно, задам тебе вопросы. Наши СМИ дают звучать «вашим» голосам: вчера выступал Перес, сегодня, аж по двум программам, Натаниаху. «Раскрывают глаза» на Арафата. Если позволишь, я переброшу по E-mail'у твои рассуждения брату, а то он пристает: «Что пишет Наум?» (других близких у нас в Израиле нет, хотя есть родственники, но «чудные»), а я не могу ответить ничего вразумительного. Если не возражаешь, дай «добро». С Мишей перезваниваюсь.

Всегда твой
Матвей

Мои «размышлизмы» можешь «кидать» кому хочешь. Забыл еще про Америку, которая загоняет нас с палестинцами в супружескую постель и периодически справляется: ну как вы там? Хочется ответить словами из старого анекдота:

«да ебемся, будь оно все проклято».
Всегда твой
Наум

26.10. Играет со своим любимцем.

— А ты его любишь?

Пожимаю плечами.

— Не знаю…

— Ну хотя бы уважаешь?

Подумал и признался:

— Не очень.

— Да ты что? Я с тобой разговаривать не буду, если ты будешь к нему так относиться. … Мне с тобой очень хорошо… У меня был только один мужчина, с которым мне было еще лучше. И его я безумно любила. Он, конечно, был исключительно одарен физически. Он давал мне такие ощущения, залезал в такие тайны… Я теперь даже не представляю, как я его бросила. Я буквально отдирала себя

от него…

Разговор о новом ухажере:

— Успокойся, я с ним не сплю.

— Пока…

Молчит.

— Чем же он увлек?

— Обожанием.

— Ну, это не сложный прием.

— Прием для чего?

— Чтоб получить свое.

— Аа, в смысле поматросил и бросил, ха-ха-ха!

— Где ж ты его подцепила?

— Ну ты чего, ревнуешь что ль?

— Ну… ревную, да.

— А ты к мужу ревнуешь?

— Нет.

— А к Мики?

— Тоже не очень.

— Ну так в чем дело.

— Действительно… Глупо…

Потом пошли приступы угрызений.

— Ну за что ему такое (о муже)…

— Может, он тоже утешается где-то.

— Нет. Ну я знаю. Абсолютно точно. Нет, я бы не ревновала. А ты жену ревнуешь?

— Иногда даже вижу кошмарные сны, как она мне изменяет.

— Слушай, а может тебе надо завязать со мной и заняться женой? Хотя ты блядун. Мне твою жену жалко. Судя по твоим рассказам, она хорошая баба. И чего ж ты ревнуешь тогда?

— Это даже не ревность. Вот ты опытная женщина, а наших маленьких мужских тайн, страхов, не понимаешь…

— Это страх соперника что ль? Что соперник окажется лучше? Да уж, разве поймешь вас.

Стемнело. «Это мы уже шесть часов валяемся?!» Тоже любит «рекорды» ставить. Вышли. Влажная теплынь. Море волнуется. Вдали погас последний луч заката. Обратно ехали, как в полусне, держась за руки. Впрочем, я таки устал…

А вечером еще потащился в Иерусалим, на «вечер Анечки». В большом зале нового культурного центра возле итальянской синагоги собралось человек семьдесят, а то и больше, я сидел в первом ряду и точно не посчитал присутствующих. Из «маститых»: неувядающий Савелий Гринберг, Вайскопф, позже пришел Шамир с Люсей, пасет тут свою «антисионистскую» паству вроде Муха-СС. Дана «аничкины» мероприятия демонстративно игнорирует. По дороге встретил Птаха с группой девиц, протянул мне уже обсосанную бутылку бренди, мол, выпей. Я побрезговал. Потом увидел его на высокой сцене, за столиком на тонких ножках, сидел серьезный и трезвый, вел вечер. Под столом у него стояла бутылка бренди (вряд ли та же), время от времени он ее доставал, отхлебывал, и вновь ставил на место. Сидевший позади меня Пчёл, чернобородый прыгучий мячик в «венецианском» берете, все время вскакивал на высокую сцену (иногда «не попадал в седло» и смешно карабкался), хватал бутылку из под столика, за которым сидел Птах, и приобщался к литературе. Содержимое бутылки быстро иссякло. Птах начал вечер, прочитав несколько стихотворений Анечки, своих «любимых», в том числе и «то самое», посвященное Тарасову, после чего и передал ему слово. Тарасов вышел на сцену (на этот раз не вскочил и не взлетел, может оттого, что она была высока), как жрец выходит к алтарю, настроен был элегически торжественно и слегка покачивался. Читал ее стихи, ненавязчиво пояснял свое «присутствие» в них, а также в снах и мистических откровениях своей незабвенной подруги. Только к концу «службы» стал характерно изгибаться, как лента в руках гимнастки, делал он это всегда на краю сцены, так что у слабонервных дамочек случался испуг и они кричали «Володя, отойдите от края!». Довольно

долгое выступление он неожиданно прервал скорбной паузой и вдруг страшным голосом закричал: «Дайте мне бренди!» Даже я вздрогнул. Бутылка под столом была уже пуста, по залу пробежало легкое волнение, по проходу мячиком запрыгал Пчёл, искомое, наконец, было найдено и доставлено жрецу, и тот, приложившись, продолжил священнодействие. Уже немолодое, в глубоких морщинах лицо его, обрамленное игривыми кудрями купидона, было сурово и красиво.

Когда он сошел со сцены, послышались голоса: «Мая пришла? А где Мая?». Ждали Каганскую. Птах выразил надежду, что она еще придет, и предоставил слово Вайскопфу. Вайскопф невнятной скороговоркой, но очень складно и наукообразно, проанализировал «основные мотивы торчества», отметив религиозную составляющую, «тягу к смерти», «библейские ноты». Настала очередь Сошкина. Сошкин подготовился. Сошкин бросил вызов культу Тарасова. Прочитал, не отрывая глаз от текста, большой и толковый доклад об андрогинности поэзии Анечки, о ее стремлении к бестелесности, бесполости, к встрече с небесным «женихом», о ее, в сущности, глубокой религиозности. Да, эта ненависть к своему телу была в ней, будто она хотела содрать его с себя, этот кокон, освободиться и улететь. Мне понравилось, что он это уловил. И вообще я подумал, что он молодец, в нем есть кураж, и умен, хотя и не очень «талантлив». Но что такое «талант»?

Зал, конечно, взволновало не это (были возмущенные выкрики), а облаченные в форму филологического анализа гневно-презрительные филиппики против наркоманской братии вообще и Тарасова в частности, за которым ревниво отрицались права на монопольное владение «духовным наследием» покойной. Чувствуя, что проиграл «по большому счету» (книжка его «Анна Горенко. Стихи» ни в какое сравнение с «Анечкой» не шла), Сошкин дал свой последний и решительный, почти отчаянный. Сходил со сцены, как будто ожидал пулю в спину. Но Тарасов остановил линч

и, взлетев на подиум, выразил благородное полупрезрительное недоумение. После этого отдал Сошкина на растерзание. Чернобородый «мячик» тут же выпрыгнул на сцену, схватил микрофон и сверкая угольками глаз, почти задыхаясь, прокричал: «Сошкин! Я скажу тебе только одно: ты — говнюк!» Молодая поэтесса с грудным младенцем, которого она демонстративно кормила грудью (младенец всю дорогу занудно вякал), оторвав несчастного от груди, вскочила с обнаженными прелестями и, почти протянув сосунка к сцене, закричала: «Вот именно, говнюк!» На дрожащих губах Сошкина играла презрительная усмешка революционера, приговоренного к расстрелу. Но Птах не дал страстям выйти из контекста, предоставив слово Сонису. Сонис прочитал свои переводы Анечки на иврит, добавил и свое филологическое изыскание (филология царила на вечере) о влиянии на Анечку поэтики Йоны Волох[1], и даже прочитал для примеру несколько стихотворений израильской поэтессы, но публика еще и с русским языком не окончательно разобралась. Потом еще Птах прочитал «доклад» о сплетениях наркомании и поэзии: может ли поэзия оправдать употребление наркотиков, или наркотики, как стимул поэзии. Потом объявили перерыв, и я уехал. Сапсэм устал. Когда проезжал Ган Сакер, увидел толпы молодежи, растекающейся после рок-концерта.

27.10

Наум, привет!

Меня в твоих политразмышлизмах убеждает все, что касается евреев и арабов, но не убеждает то, что ты говоришь о Европе и России.

Косово я считаю со стороны Запада мужественной (потому что рискованной: риск был в том, что Милошевич

[1] Известная израильская поэтесса, рано умерла (сорока лет)

не сдастся) и своевременной акцией (хотя абсолютно лживой и даже, согласен, «подлой» по «идеологическому обеспечению» на фронтах информационной войны). Запад плевать хотел на «Милошевича» и на «геноцид», но Косово становилось неконтролируемым рассадником мусульманского «экстремизма» в самом центре Европы. Надо было во что бы то ни стало локализовать этот очаг заразы, добившись заодно интеграции Сербии в европейское сообщество. Обе цели достигнуты, чего еще требовать? А поскольку Сербия позорно отреклась в Хорватии и Боснии от земель, компактно заселенных своими же братьями-сербами, то, согласно «принципу домино», действующему в политике с непреложностью «закона естествознания», она не могла удержать и территорию, заселенную мусульманами. Кроме того, мне трудно понять, как ты, с твоим вкусом к героизму, можешь сочувствовать сербам с их опереточными рок-концертами в режиме non-stop и нарисованными на груди мишенями (которые могут означать только одно: «Дядя Сэм, я знаю, что ты на самом деле гуманен и меня не убьешь. Больше всего на свете я хочу в НАТО. Ну что тебе стоит, сделай так, чтобы я вступил в него, не потеряв лица!») Фарсовая «бархатная революция» только поставила все точки над і, теперь с этими «героями» и «лучшими в мире солдатами» все ясно. Пускай их воспевают опереточные же барды типа Эдички Лимонова. Конечно, Запад ведет себя так в Косово не потому, что «не любит Милошевича», а потому, что боится мусульман. Это немного напоминает Мюнхен, но «как сказка с хорошим концом» (конечно, промежуточным). Европа подписывала договор с Германией не потому, что «не любила славян» (скажем, чехов и поляков), а потому что их не боялась, а Гитлера — боялась. Правда, «характер испуга» изменился: Гитлера боялись почти как «рыцаря», во всяком случае, как противника «на поле брани», а мусульман боятся как чумы, как проникающей заразы. Поэтому в случае с Гитлером пытались избежать прямого столкновения, а в случае с мусульманами огораживают «санитарный кор-

дон» (не случайно на первом этапе второй Чеченской войны у нас вели речь именно о «санитарном кордоне»). Карантин — это единственно верная политика по отношению к носителям заразы. То, что Косово — это прообраз того, как Запад поступит с Израилем, и как это арабы уничтожат израильтян «руками Запада», мне просто непонятно. Что, НАТО будет бомбить Израиль? Или я чего-то недопонял?

Далее, я не думаю, что причина сегодняшней «нелюбви» Запада к евреям (я бы сказал: «равнодушия» — и на месте израильтян гордился бы этим равнодушием; знак того, что к тебе действительно относятся как к равному) носит религиозный характер («Чей Бог старше?»). Согласен, так было — вчера и позавчера. Позавчера, когда евреев высылали из Испании, Португалии и Англии, и вчера, при Гитлере. Сегодня всё изменилось. Христиане сознают свою религиозную вторичность по отношению к евреям только в кризисные моменты своего существования. При растущем благосостоянии даже у католиков срабатывает «протестантский» аргумент: у кого полны закрома, за того и Бог. Да ты и сам противоречишь себе: с одной стороны, даешь внушительный набор чисто рациональных аргументов (количество интегрированных мусульман в европейских странах, этно-религиозный состав «информационного рынка» и т.п.), а потом вдруг выдвигаешь якобы единственный и решающий аргумент — религиозный. Запад может из тактических соображений (или просто от испуга) потакать мусульманам, но он не может допустить уничтожения Израиля (конечно, если сами израильтяне не утратят воли к существованию, но этим пока, к счастью, и не пахнет). Если религиозный фактор и играет для нынешнего Запада какую-то роль, то только положительную по отношению к Израилю. Европа не сможет ездить на поклонение к христианским святыням, расположенным на допущенной ею, уже после Освенцима, еврейской крови. Хотя и не очень-то верующая (от сытости), она все-таки помнит, что «Весь Израиль спасется»,

и только через него — остальное человечество. Запад рационально «блюдет свой интерес» — пускает в пекло вперед себя батьку.

Совсем другое дело — Россия. Она стоит в религиозном отношении на этапе отчасти позавчерашнего и отчасти вчерашнего дня. Отношение русских к евреям определяется не рациональными, а мифолого-религиозными представлениями, и пока в России не будет хотя бы сытости, она на этом уровне фашизоидного сознания будет буксовать и топтаться, и крутиться, как белка в колесе. Поцитирую малость из своего подопечного Флоренского (тайного вдохновителя твоего Розанова): «Мы только „так", между прочим. Израиль же — стержень мировой истории. Такова Высшая воля». «И, в конце концов, — вопрос в одном: верим мы в Библию, или нет. Верим апостолу Павлу, или нет. Израилю даны обетования — это факт. И апостол Павел подтверждает: „Весь Израиль спасется". Не „духовный" Израиль, как утешают себя духовные семинарии, увы — не духовный. Апостол Павел ясно говорит о „сродниках по плоти" и подтверждает неотменность всех прежних обетований об избранничестве. Обетования Божии непреложны. Это мы „в черте оседлости" Божественных предначертаний; — мы, а не они». «И подлинно, как ни бери дела, а выходит все одно. Ветхий завет дает и неустанно твердит обетования о будущем господстве над миром. Кому? — иудеям. А Новый? — Он отнюдь не говорит нам, христианам, что это господство переходит теперь к нам, а лишь зовет терпеливо нести свой крест и обещает за это спасение». Русская интерпретация балансирует на грани иррационального, но столь понятного, «слишком человеческого» восклицания (от которого уберегает Флоренского только ряса): «Так умри же, пархатый! Лучше я останусь без спасения, а ты сдохни!» Теперь скажи «положа руку на сердце»: соответствует ли такое миропонимание современному западному «менталитету»? — Да нисколько! А русскому? — В полной мере! Отсюда я делаю вывод, что «стратегически», «в метафизическом плане» Россия (пока

не прорвется с «позавчерашнего» уровня религиозного сознания, чего не случится, пока она элементарно «голодна») не может быть союзником Израиля, а европейский Запад — может (пускай союзником уклончивым и не вполне надежным; но это только значит, что с ним надо «работать»). Другое дело, что от «метафизического плана» до реальной политики (где случайности сплошь и рядом «забивают» смысл) — дистанция огромного размера, и я не исключаю, что на определенном этапе Россию можно «использовать», спекулируя на ее ситуативных затруднениях. Но это очень опасная игра, гораздо более чреватая всяческими угрозами, чем «покер Барака».

В заключение торжественно заявляю, что не придаю своим «политразмышлизмам» серьезного значения: не мой это дискурс, и если бы не подлые «политические реалии», никогда не пустился бы, не имея элементарного навигаторского навыка, в это каботажное плавание. И цели ставлю перед собой отчасти провокационные: авось хоть так удастся тебя разговорить.

Всегда твой

Матвей

P.S. Несколько разрозненных замечаний вдогонку.

Забавно, что массовый «исход» мусульман в Европу стал возможным только после того, как европейцы заработали себе на Гитлере «комплекс вины» перед евреями, который впоследствии распространился на других «лишенцев» на почве квази-либерального тупоумия. Евреи в каком-то смысле проложили дорогу своим гробокопателям: ирония в духе гегелевского «крота истории».

Ты говоришь, что Барак методом хитроумных виртуальных уступок доказал, что Арафат не хочет мира, однако признаёшь, что мир ему (Бараку) не поверил. И в чем тогда торжество хитроумия Барака, перехитрившего, выходит, только самого себя? Мир, вопреки очевидности, желает верить, что конфликт разгорелся из-за того, что Шарон «взошел на Храмовую гору» (аргумент неопровержим ввиду

своей полной идиотичности), и хоть ты кол ему на голове теши. Я бы еще понял хитроумие премьера, если бы его целью было объединение евреев перед решающей схваткой.

Занятно опять же, что ты, как бы «забывая» о своей приверженности к идее «этикетного героизма», сочувственно описываешь действия евреев в терминах сугубой рациональности. И откуда вынесли евреи свою способность действовать рационально, если не из «европейского подполья», если не из «подземелий Ватикана», этой изнанки европеизма? Затоптанное в грязь зерно дало, в качестве всхода, чистое рацио, которое уже на новом основании вступило в симбиоз с идеей религиозного избранничества. И в этом евреи сильнее европейцев, которые, отринув «язычество», остались без санкции на «родную землю». Нигде не может европеец прочесть про себя то, что сказано еврею: «возведи очи твои, и с места, на котором ты теперь, посмотри к северу, и к югу, и к востоку, и к западу. Ибо всю землю, которую ты видишь, тебе дам Я и потомству твоему навеки. И сделаю потомство твое, как песок земной… Встань, пройди по земле сей в долготу и в ширину ее: ибо Я тебе дам ее и потомству твоему навсегда».

Теперь несколько дополнительных соображений касательно России. Здесь религиозно-мифологический антисемитизм всегда плавно и беспрепятственно перетекал в идеологическую сферу. Так, евразийство, ныне актуальное как никогда, было, в интересующем нас аспекте, попыткой сплотить «туземных» («туранских», ставших преимущественно мусульманами) россиян на почве ненависти к «безродным космополитам», т.е. к тем же евреям. Если Савицкого и Сувчинского сковывали академические рамки, то Л. Н. Гумилева не сковывало уже ничего, и он с огромным успехом проповедовал свой вариант расизма: мусульмане как «генетические» друзья русских и евреи как их генетические враги (теория «химерических сообществ»); его идеи живут и побеждают даже в среде относительно респектабельных людей (типа писателя Тимура Пулатова, твоего друга Тиму-

ра Зульфикарова и даже Никиты Михалкова). Вообще у русского православия есть некоторое «избирательное сродство» с исламом, разгадкой которого служит, кроме склонности к авторитаризму, возможность «дружить против евреев», ненависть к которым остается до сих пор единственной «национальной идеей» россиян.

Спустимся на этаж ниже. Почему наличие во Франции «такого-то» процента мусульман для тебя аргумент, а наличие в России целых анклавов компактно проживающих мусульман (Татарстан, Башкортостан, Кавказ) — не аргумент? Российские мусульмане всегда убеждали Кремль, что в его интересах совместно с ними бороться с «империализмом и мировым сионизмом». Когда Чечня была независимой, «герой» Масхадов оглушал мир оголтелой антисемитской риторикой, призывая братьев-мусульман штурмовать Иерусалим. Он бомбардировал Кремль письмами, в которых доказывал, что русским выгодно иметь независимую Чечню в качестве форпоста для борьбы с «сионизмом». Не сомневаюсь, что гебешные выкормыши во власти полностью разделяют такие взгляды. И теперь «герой» Басаев посылает (конечно, это пиаровская акция, но все же...) своих бойцов в Палестину. Под таким давлением Россия (даже если бы она сошла с ума на почве «любви к справедливости») просто не может себе позволить сохранять объективность по отношению к Израилю. Да и признание у России и Израиля якобы «общих интересов» — это та же лживая риторика, позволительная для политиков вроде Щаранского, но не для «своих же людей». Чечня ничем не напоминает Палестину, ибо она не ставит задачу «скинуть русских в море», а борется за национальную независимость. Палестинцы же борются за уничтожение Израиля и только прикрываются лицемерными воплями о независимости (если бы они ее хотели, то стали бы суверенным государством еще в 1947 году). Вообще должен тебе сказать, что израильтяне почему-то всегда «ломаются» на России. Я, сколько себя помню, всегда испытывал за них чувство гордости, но теперь впервые ощущаю

стыд. Интонация Щаранского, Бронфмана и даже Натаниаху (в меньшей, правда, степени), когда они пытаются убедить россиян в наличии «общих интересов», становится гнусно-заискивающей, и этот тон действует на русского человека точно так же, как уступки израильтян — на палестинцев, даже хуже, потому что палестинцы хотя бы по старой памяти боятся израильтян, а русские с удовольствием наблюдают за тем, как «бывшие соотечественники» один к одному вписываются в знакомый образ «хитрого и трусливого еврея». Единственным израильским политиком, выдержавшим испытание «на русскую вшивость», оказался Ариель Шарон. Примерно год назад он с благородной прямотой старого солдата сказал в телевизионном эфире, что не хрена евреям делать в России, а надо, пока не поздно, и замешкавшимся, если среди них еще остались порядочные люди, собирать манатки (за фразеологическую точность не ручаюсь, но смысл был именно такой). Даже если принять невероятное допущение и представить себе Россию в качестве «союзника» Израиля, то, как говорится, убереги нас Бог от таких союзников, а с врагами мы и сами управимся. Да зачем далеко ходить: пример Югославии у всех перед глазами. Трудно представить себе более подлое поведение, нежели «союзничество» России. Под фанфарные крики о «славянском братстве», о «присоединении Югославии к России» Россия обнадеживала Милошевича, фактически провоцировала его на самоубийственное упрямство — и «кинула» в решающий момент, согласившись на позорную и предательскую роль «эмиссара Запада» (миссия Черномырдина). Неудивительно, что «новая Югославия» готова теперь дружить хоть с чертом, хоть со вчерашним врагом, но только не с Россией. Уж если Россия «кинула» своих «братьев-славян», то можешь не сомневаться: Израиль она кинет стопроцентно. Я уж не говорю об интересах России в зарубежном исламском мире: колоссальная задолженность Ирака и Сирии, попытка сплавлять оружие и ядерную технологию в Иран, трогательная дружба с Ливией и Йеменом. Не случайно «серый кар-

динал» Путина гебешный генерал и секретарь «совета безопасности» С. Иванов (не путать со «свадебным генералом» Ивановом, шефом МИДа) поехал в разгар событий не куда-нибудь, а в Иран, ну да что там толковать… Впрочем, я как-то теряюсь: кому я это «объясняю»? Может, ты, кроме того что «лимоновец», еще и «путинец», как Миша Файнерман? Приехав ко мне недавно, Миша огорошил меня вопросом: «Скажи, долго ещё они будут выкручивать Путину руки?» — «Миша, это ты о ком?» — «Да обо всей этой желтой прессе во главе с НТВ, гусинскими и березовскими». Я только руками развел…. И, до кучи, еще один анекдот про Мишу (не для разглашения). Звонит он мне недавно часа этак в четыре утра. — «Слушай, мне тут удалось впервые за последнее время удачно промастурбировать, и вот не могу понять, что сейчас — вечер вчерашнего дня или утро сегодняшнего?»

28.10. Вчера поздно, уже около одиннадцати, позвонил Верник, он прочитал интервью Гольдштейна с Шенбрунн и решил робко покритиковать Гольдштейна: «Ну неужели нельзя простыми словами…» В этот момент я услышал в телефонной трубке какой-то странный треск, похожий на автоматную очередь. «Вот, опять стреляют, — с покорной печалью сказал Верик. — Малыш заплакал. Ну все, я должен идти. Сейчас наши начнут. Ох, как это все…»

Жена уже называет «его» не «мой дружок», а «наш ангел-хранитель».

Гуляли утром по парку. От имени «простых читателей» возмущалась моими «заумствованиями» в последней публикации. Сказала, что даже у Зиника «понятней», он «интеллигентно пишет» и «уважает читателя». Объясняю, что мне на «читателя» вообще наплевать. Я ищу «собеседника». А Зиник, кстати, хоть и напирает на то, что для него литература это попытка договорить все что было тогда, с «четверганами», не договорено, на свою якобы склон-

ность к общению, к «диалогу», на самом деле сноб, вот, кстати, и Гольдштейн говорит, когда мы с ним обсуждали «феномен Зиника», а феномен его в том, что пишет вроде хорошо, не без тонкости, а уж «интеллигентно» — выше крыши, ну прям всем хорош, а чего-то очень важного, главного и не хватает, не «забирает», не трогает, да попросту неинтересно. А почему? А вот все дело в дистанции. Он читателя вроде уважает, но держит его на дистанции. У него вообще это «чувство дистанции» очень развито, как у боксера, кстати, поэтому-то он так хорошо прижился в Англии, да… на самом деле он просто брезглив, он сноб, и это убивает его, как писателя. И что еще важно, что он этого не понимает. Дистанция не грех, в литературном смысле, если ты можешь сделать из нее прием, Набоков тоже был снобом, но он этим гордился, кстати, «искренность» — это чушь, важно все видеть и уметь поставить себе на службу. А он играет в искреннего, и даже чуть ли не распахнуться готов, особенно ниже пояса, но все равно от него высокомерием за версту несет.

— Это ты все не можешь ему простить, что он не стал с тобой дружить, — сказала жена.

Наум, привет!

Пишу на всякий случай, хотя не уверен, что сервер посылает письма (не принимает он точно, но делает все так, как будто посылает).

Миша Файнерман погорел. Случилось это во вторник вечером, когда он пошел с собакой покупать ей корм («десять брикетов мясного фарша»). По мнению эксперта, возгорание произошло от компьютера; хотя компьютер у Миши не работал ни секунды («сломан дисковод»), но к сети он подключен. Возможно, из-за дождя в проводку проникла влага сквозь щели дома (говорю со слов Миши). Сгорело абсолютно все, включая мебель, телевизор, видеоплейер, телефон (я привез Мише свой старый), книги и т. д. Квартира по колено завалена золой, которую вытаскиваем мешками. Вот, соб-

ственно, и все, что хотел тебе сообщить: думаю, будет правильно, если ты будешь в курсе (хотя, может, Миша тебе и звонил с почты или по автомату, он некоторых вопросов как бы не слышит).

Всегда твой
Матвей

У вас, похоже, тоже разгорается… Даже не знаю, чего желать и на что надеяться. Прежде всего надеюсь, что сервер починят, а то ведь уже никаким СМИ верить нельзя. Вчера слышал по радио откровенно проарабскую передачу Би-Би-Си (драконовские меры Израиля на оккупированных территориях — это зубы дракона, которые взойдут народным гневом). Даже «Свобода» выражается примерно так: «Лидеры палестинских экстремистских организаций заявляют, что не прекратят борьбы, пока не добьются от Израиля максимальных территориальных уступок». Ведь ясно, что на самом деле они говорят: «пока не скинем Израиль в море». Вот уж уступка так уступка, максимальней не бывает…

Наум, привет еще раз!

Неожиданно сервер заработал на обе стороны, и я получил оба твоих письма: с номерами заказов и с Piss Process'ом, за что тебе спасибо (постер действительно смешной). Так что на телефонный разговор можешь и не тратиться, а кредит я могу тебе предоставить (если до конца года) аж до 300 $, причем безо всякого для себя ущерба. Очень меня обяжешь, если еще повысказываешься по насущным темам, а то свербит и не дает сосредоточиться «на высоком». У Миши я побывал; дал немного денег, телефонный аппарат (который еще надо подсоединить, а проводка вся сгорела, так что звонить ему можно будет, боюсь, еще не скоро) и потаскал мусор. Вид, конечно, жуткий: в квартире нет даже не то что входной двери, но и пролета стены, в которую ее можно было бы вставить. Кругом черным-черно, все выгорело дотла, и у Миши не осталось буквально ничего: ни документов, ни техники, ни книг, ни даже стула или табу-

ретки, ни одежды (только сползающие «шаровары» на ослабленной резинке), и денег взять неоткуда, и помочь особенно некому, и вообще ясно, что нормальный ремонт он не осилит, так и будет, видимо, доживать на пепелище. Лишь бы не впал еще при этом в свою депрессию.

Всегда твой

Матвей

Рассказываю Р о вечере, о выступлении Сошкина, об Анечке:

— Видимо, она ему отдалась как-то где-то, для нее это было… даже не как тебе, что зубы почистить, а еще проще… Вот ты — телесница, ты от этого удовольствие получаешь, а она тело свое не любила, тяготилась им, поэтому могла бросить его, как кусок мяса псам, любому голодному кобелю. И мне это понятно… Ты вообще редкий человек, я многому у тебя научился, я на самом деле научился любить телом… Я ведь тебе уже говорил, что равнодушен к сексу…

— Не пойму. Зачем же тогда в постель лезть?

— Ну, во-первых, инстинкты, то, что я зову похотью. А потом, вроде так принято. Если хочешь с женщиной пообщаться, надо ее трахать, как налог.

— Бедный…

… — Какой он у тебя горячий!

И постоянный припев:

… — А ты знаешь, во мне еще все шевелится…

30.10. От Л: *Получила сегодня книги. Огромное спасибо. Надеюсь, все здоровы.*

А по каким дням ты работаешь? Газету сегодня купила, но еще не читала.

Работать буду, как и в прошлом году: в понедельник и среду.

Сегодня был первый день. Классы большие, но прошло нормально, без напряга.

У нас все здоровы, спасибо. А вообще «мацав хара»[1]

Узи Ландау сказал, что Израиль ведет себя, как побитая жена.

Дорогой Наум!

Добрый день. Как Вы поживаете? Успокаиваются ли Ваши палестины?

Я прочел про героизм. Ну это само диагноз, конечно. Что в Вас уживается, о-го-го! Это по мне. Это мне по кайфу. Да, занятно. Мне даже стало обидно как-то. Ну за старую ленивую империю, подгрызаемую муслимами снизу. Да, евреи не дряхлеют, это точно, я всегда это знал, но исток бодрости — для меня загадка. И Розанов мне ее не приоткрыл при всем своем дискурсивном тщании. А через Ваш краткий текстик я кое-что понял. Ну, про Вас, во-первых. Есть что-то, что лежит за границами либидо и мортидо, которые вообще-то уже в европейской цивилизации объединились. Я полагал, что им противостоит фальшивое «я», но теперь думаю — не так уж и верно я это полагал.

Да, я получил письмецо от Иры Гробман. Она пишет, что будут печатать рассказы в ближайшем номере. Так что Вы на них повлияли. Спасибо. А то я уже расстроился было.

Появляются статьи о романе все больше и больше. Пишут зачастую лажу см. напр. в ЛГ или в Итогах. Даже обещают в Магадан отправить карму чистить тамошним климатом (это какой-то бляденыш из ЛГ, хотя пишет, что я талант и пр.). Да, интересное кино.

Что-то пишу себе потихоньку.

Буду рад Вашему письму.

Искренне Ваш

НК

Дорогой Николай!

[1] Ситауция — дерьмо (ивр.)

Это здорово, что Вы — «сразу в корень», насчет «истока бодрости».

Хорошо, что пишут о Вашей книге, иного и быть не должно, а что кто-то «чушь несет», так они такой прозы уже давно не хавали, забыли с чем ее едят. А когда опубликуют итоги «Букера»? Там в короткий список даже израильтянка одна затесалась, Светлана Шенбрунн, с романом, который написала (как Шолохов!) в 22 года (сто лет тому назад). Когда «пробегал глазами» какие-то ее рассказы, которые появлялись в местных журналах, все это было в лучшем случае «слабенько». Других «финалистов» не знаю.

А «муслимы» наши вошли в раж, и успокоятся не скоро. Разыгрывают «косовский гамбит». Бить их не дают, вот что обидно. CNN поглядывает за нами, чтоб не очень-то.

Всегда Ваш

Наум

31.10. Позвонил Соколову. Собирается в Тель-Авив, пройтись по книжным, ему нужна энциклопедия. Объяснил ему свои книжные дела с Матвеем, сказал, что он тоже может воспользоваться, дать свой «профиль» книг, и Матвей может ему посылать даже и напрямую, в Тверию. Выигрыш по деньгам небольшой, но многие книги сюда просто не доходят.

— А ты по-английски читаешь? — спрашиваю.

— Я вообще-то почти не читаю книг полностью, несколько страниц, вот Володя напирал, чтоб я Сорокина прочитал, ну я прочитал несколько страниц, все понял, мне это неинтересно, и поучиться тоже нечему, так зачем? А по-английски я, конечно, читаю, даже больше, чем по-русски. Но мне американская литература неинтересна. Леша, когда был в Америке, он мне целый список порекомендовал, я купил одну во Флориде, дорогая, кстати, оказалась, сплошные диалоги, вообще, они же кондовые, американцы, мне нечему у них учиться.

— Пинчона он тебе не нахваливал?

— А, да-да, он его любит. Не знаю, не по мне это.

— Кстати, на счет рекомендаций, я прочитал тут роман Кононова «Похороны кузнечика», по-моему это очень хорошая проза, мне даже кажется, что тебе понравится.

— Кононов?

— Это мой издатель, я его, конечно, не поэтому рекомендую…

— Аа, да знаю. Он и мою книгу хотел издать, но мне намекнули, что он… ну, не вполне порядочный.

— Мне, кстати, тоже на это «намекали», и он со шрифтом, конечно, меня подрезал, люди просто жалуются…

— Да, шрифт мелкий.

— Сэкономил, гад. Но дело не в этом, проза хорошая.

— А где ее раздобыть?

— Если будешь в Тель-Авиве, — наверняка она есть в книжных, а нет, так я тебе свою дам, только с возвратом, она с дарственной.

— Я вообще не имею привычки книги заигрывать.

— Нет, это я к тому, что с удовольствием подарил бы, но раз с надписью, жалко расставаться…

Как-то соскочили на мою книгу, и он сказал, что философию почти не читает, а я, судя по моей книге, в этих областях «специалист».

— Ну, до специалиста мне далеко…

— Нет, меня поразили твои глубокие знания. И вообще, я вот сейчас читаю, я ведь в Интернете все не прочитал, только начал, но она меня сразу зацепила, я подумал, кто ж это такой…

— Кто такой, почему не в армии!

— Да-да, — он рассмеялся. — Захотелось познакомиться… Кстати, название замечательное, это очень хорошо, что ты переделал название, и оно очень хорошее. И вообще, я читаю ну просто с наслаждением.

— Ну спасибо. Ты меня радуешь.

— Ну что, так и есть. И интересную форму ты нашел… вроде такой раздрызг, но вчитываешься, и как попадаешь

в поток…

Пригласил его в гости. Он сказал, что скоро будут его с Марлин дни рождения, они их обычно встречают в Тель-Авиве, и тогда, может, встретимся.

2.11

Наум, привет!

Ты, наверное, уже догадался по моему молчанию, что у меня опять барахлил сервер. О тексте содержательно отвечу в ближайшее время. По поводу букеров-хуюкеров ничего сказать не могу, равно как и о возможности напечататься в журнале. С этим лучше обратиться к Сереге. Сомневаюсь, что это напечатают в «Новом мире», органе «розового христианства». Чтобы ты понял мое положение, расскажу одну историю. Серега, из наилучших побуждений, у меня не спросясь, сканировал все мои статьи из разных изданий и предложил выставить их в интернете, в каком-то ихнем «Интеллектуальном клубе» (точного названия не помню) при «Новом мире», а я хотя и не отказался прямо (чтобы не выглядеть хамом), но спустил это дело на тормозах, чем обидел Серегу несказанно. Между тем, одна мысль о том, что меня могут принять за члена еврейско-христианской компании (всю эту шваль начиная с о. Александра Меня я лично, своими руками душил бы в колыбели) вроде их идеологини Роднянской, повергает меня в ужас (текстов они не понимают, а смотрят только, кто где тусуется; говорить же на понятном для них языке я не могу себе позволить, потому что «сказать все, что я о них думаю», можно только один раз). Поэтому в России я последний человек, который может тебе что-либо посоветовать по этому поводу. Я не понимаю, зачем еврею хоть как-то участвовать в «русской культурной жизни», по крайней мере на уровне публицистики. Для меня остается «игольное ушко» академических изданий. Про себя я знаю, что это только уловка, и эти издания начинены тем же идеологическим дерьмом; я оберегаюсь от осознания этого факта только тем, что ни

с кем из «академической среды» не общаюсь. Это не значит, что я выставляю свою позицию в качестве «образцовой» или «осуждаю» какую-нибудь иную позицию. Может быть, для «иностранца» это выглядит иначе. Хочу только довести до твоего сознания, что «меня здесь не стояло», советоваться со мной по этому поводу бессмысленно. Видимо, я никак не могу донести до окружающих силы своей ненависти; зная меня как человека покладистого и незлобивого, все думают, что это я так шучу.

Я сегодня после рейда на Международный почтамт заехал к Мише и передал ему твои … $. Они пришлись очень кстати: Миша купит на них лекарства (и тогда не понадобится спиртное, так что можешь не переживать, что деньги пропьются) и заплатит за дверь и оконную раму. Говорит, что мастера обещали прийти уже в субботу. Тратить деньги на одежду нет смысла, поскольку ее много набралось «с миру по нитке». Миша просил тебя не просто поблагодарить, а «поцеловать», что я и исполняю в электронном формате. Вообще я не стал бы так уж охать относительно положения Миши. Он, не пошевельнув пальцем (все квартирные дела ведет за него сестра, беря себе за это половину дохода и вынудив оформить на себя завещание на обе Мишины квартиры), получает ежемесячно 110 $ (≈3000 р) с жильцов в счет квартплаты за двухкомнатную квартиру плюс пенсию в размере 1000 р. (для сравнения: я зарабатываю всего 2000 р в месяц, что ниже прожиточной нормы, но вот копчу же небо…); конечно, если непрерывно курить и пить коньяк, никаких денег не хватит.

Мой брат рассказал, что в городе Мальмё (Швеция), где он живет, местные палестинцы (а их там как грязи) устроили уличное шествие, к которому присоединились, чтобы «укрепить единство», многие активные политики местного масштаба. Сначала скандировали «Свободу палестинцам!», потом «Долой оккупантов!», а затем «Смерть жидам!» (их научили этому слову местные поляки и сербы, присоединившиеся к демонстрации). Так ни одна сука из местных поли-

тиков не вышла из рядов демонстрантов. Продолжаю надеяться, что ты разразишься еще не одним «политразмышлизмом»; кроме шуток, очень хочется знать твое мнение о динамике развития ситуации. Очень обяжешь, если напишешь об этом сюжете.

Всегда твой
Матвей

Дорогой Матвей!

Ты меня не понял, я хотел твоего мнения о тексте в смысле достоин ли он публикации вообще, не бредятина ли это, эклетическая и бессвязная. А «где и как» — это другой вопрос, и я его тебе не задавал. Теперь по поводу «участия еврея в русской культурной жизни». Понимая пафос твоего «отказа», я чувствую желание объясниться (нет, не оправдаться, потому что добровольно и сознательно «беру грех на душу»). Во-первых, я, видимо, более тщеславен. Я имею в виду «детское тщеславие» всяких там публикаций. А во-вторых, и надеюсь, что «в главных», я считаю, что если есть интересный, или тем более «важный» текст (то есть, если я так считаю, а также те, мнением которых я дорожу — поэтому мне и нужно твое мнение, как знак «интеллектуальной кошерности»), то он обязан быть обнародован, именно обнародован, а не опубликован (это такое уже супертщеславие), потому что я за участие в жизни, а значит и за влияние. Как, на что и на кого — это уже слишком сложно оценивать, мое дело написать то, что мне важно, что «болит», а кто как прочитает, и где… В любом случае такие тексты это же «направленное облучение». И еще одно важное, «иностранное», соображение. Я хочу, чтобы этот текст прозвучал здесь, повлиял здесь. И, кстати, могу его здесь опубликовать. Но так получается, что только текст признаный «там», у вас, может прозвучать здесь. Здесь — деревня. И если парень прославился в городе, то вся деревня встречает его цветами, потому что он деревню прославил. А если он бегает по деревне и кричит чего-то, его примут

за деревенского юродивого.

Теперь о «динамике событий». Барак либо уж слишком хитер (в это я не верю), либо дерьмо собачье (а в это, увы, слишком легко поверить...). Вчера был самый тяжелый день боев за месяц «новой интифады», погибло трое солдат и были раненые, так вместо того, чтобы, наконец, вдарить, он спускает с цепи Шимона Переса (который рвался к Арафату, как пес к старому хозяину), и тот несется к Арафату в Газу, ночью, и возвращается утром, радостно помахивая каким-то там «соглашением», по которому, утром же, израильтяне отводят танки с позиций, создают условия для «снижения уровня насильственных действий», так они называют эту войну. А по телеку что творится — волосы встают дыбом! Левые очухались (поначалу строили из себя «разочарованных») и вернулись к старым тезам: все это результат нашей «оккупации», и соответственно требуют, чтобы мы эвакуировали поселения, которые находятся «слишком близко» от палестинских городов, и второй гениальный тезис: «все равно насилие кончается переговорами», так зачем «зря» кровь проливать, давайте вести переговоры. У них есть еще один чудесный лозунг: мир заключают с врагом. То есть нечего, мол, жаловаться, что «партнер» несимпатичный. Благодаря этой «неопровержимой логике» они готовы не просто договариваться с бандитами и насильниками, но и договариваться с ними непосредственно во время грабежа и насилия. (Еще один хитрый лозунг: вести переговоры, как будто нет террора, и бороться с террором, как будто нет переговоров.) И при этом они еще кричат, что мы «сильны», даже «слишком сильны», но не можем же мы разрушать их города, убивать женщин и детей? На простой вопрос: они-то могут, следует благородный ответ: вы хотите, чтобы мы им уподобились? Настроение от этого ну просто препоганое. «Справа» — никого, а даже если и есть кто, его к экрану не подпускают! Начинаешь спрашивать себя, ну что делать? Вот написал я книгу про все про это. Израильтяне, когда читают (отрывки на иврите), головами

качают: «вы интересный человек...» Мол, ор-ригинально! Поэтому, именно поэтому мне нужна «русская слава»! Мне нужны Букеры и Нобели! Я хочу, чтобы меня услышали, и другого пути не вижу. Я уж думал на улицу выйти с плакатом, но сам понимаешь, смешно. И одно дело, если знаменитый писатель выходит, это «замечают», к этому могут прислушаться. И дело даже не в том, что это что-то изменит, нет у меня иллюзий, но хоть свой-то долг я выполню, свою совесть очищу, прокричу об отчаянии. А ты говоришь: «участие в русской культуре»...

Спасибо за книжки, и за «передачу» Мише. Вот тебе заказ по новому списку....

Всегда твой

Наум

Бараш сообщил о заметке Василевского.

Наум Вайман. Ханаанские хроники. Роман в шести тетрадях. СПб., «ИНАПРЕСС», 2000, 414 стр.

«9.7.93. Сижу в фанерной будке, обложенной мешками с песком, пулемет глядит на ворота, военная задача: встретить прорывающегося через пропилеи противника пулеметным огнем. Середина дня. Печет безбожно, мухи, несмотря на страшные потери, атакуют, как японские летчики-камикадзе американский авианосец, хочется не то что гимнастерку — кожу с себя содрать... Читать тоже нельзя, но издалека не видно, и книгу можно быстро спрятать, если не зазеваться... Дочитываю „Эпилог" Якова Шабтая и слезы размазываю. Слезлив стал, на манер Алексей Максимыча, а тут еще о смерти, о смерти матери, об угасании отца, о конце всего: собственном, близких, страны... Степной волк бродит в кустах у забора, какую-то лазейку знает. Худющий». Не роман, конечно, в шести тетрадях, а шесть тетрадей откровенных записей середины 90-х годов. Неполиткорректная — или политнекорректная, уж не знаю, как правильно — исповедь русского израильтянина Наума Вай-

мана была несколько лет назад выставлена в Сети под более адекватным названием «Щель обетованья» — в качестве электронной публикации внутри сетевого журнала «Новый мир» (http://www.infoart.ru/magazine/novyi_mi/portf/vaiman) и в таком качестве номинировалась на Малого Букера. Андрей Урицкий предположил («Записки отщепенца» — «Знамя», 2000, №5), что знаменитые бледно-голубые обложки «Нового мира» при соприкосновении с этим сионистским коктейлем воспламенились бы, как бронетранспортер от «коктейля Молотова». Как человек, имеющий некоторое отношение к публикации книги в сетевом и непубликации ее в бумажном «Новом мире», скажу, что причины вполне банальны: объем книги и невычленяемая из текста эротическая составляющая, которая произвела бы на наших почтенных подписчиков иное впечатление, чем на продвинутых именно в этом отношении пользователей Сети. А сионизм… *«5. 5. 94. По TV была передача о Гитлере. Он сказал немцам: либо вы станете героями, либо погибнете. То есть если вы не станете героями, то мне наплевать, что вы погибнете. А ведь и я так думаю. Не попал ли я в дурную компанию?». «31. 8. 94. Катастрофа явилась результатом тотального отсутствия героизма среди евреев, и так ее надо преподавать в школе». «По ТВ показывали фильм: фотографии времен Войны за Независимость под стихи Альтмана. Плакал. По духу, который исчез, по мифу, который умер. По светлым лицам на поблекших фотоснимках, парней и девушек в драных свитерах и коротких штанишках, идущих в бой, смеющихся на привале, павших в нежные пески, у Ашкелона, в нежные пески… Спартанцы. Сегодня уже никого не воспитывают в мужестве. Никому и в голову не взбредет».* Слезы лысого израильского ястреба о погибшей мечте — лучшее, что есть в «Ханаанских хрониках».

На фоне вполне сюрреалистического «мирного процесса» на Ближнем Востоке отдельное издание книги уже воспринимается иначе, чем два года назад. Читаю статью

Александра Дугина «Обреченный Израиль» («Завтра», 2000, №23, 6 июня) о том, почему израильские добровольцы участвовали в боевых действиях на стороне сербов (я, кстати, не знал). Потому, объясняет евразиец Дугин, что Израиль обречен на гибель в проектах мондиалистов так же, как и Россия. «Поднявшийся в Израиле антиамериканизм сводится к утверждению неснимаемого противоречия между космополитическим атеистическим либеральным идеалом „единого мира“ (*„One World“*) без наций и религий, без государств и национальных обособленных культур, и сионистским идеалом национального религиозного израильского государства, сохраняющего самобытность и уникальность перед лицом остальных народов мира». Комментировать не буду. Другие интересные материалы на эту тему обнаружились в Сети по адресу («Полярный Израиль»): http://www.crosswinds.net/~ polarisrael

Матвею:

Признаюсь тебе, что «христианский» раздел эссе о героизме-монотеизме прописан плоховато. Связной концепции нет. Христианство представляется новой коллективистской революцией, вроде великой пролетарской, с ее верой в немедленное спасение, такой магический выброс апокалиптических чаяний. Для иудейства это оказалось предательским паллиативом, приспособленчеством к эллинизму, пораженчеством. А для язычества это отказ от героизма, Иисус в этом смысле последний герой, взявший на себя общую вину. У античного человека отняли мужество, и дали, как хромому и убогому, костыль «будущей жизни». В результате языческий порядок вечного возвращения рухнул.

И то, что иудейство не приняло это «Спасение» — есть подвиг веры. И в этом суть неизбывной ненависти к евреям. Они стали живым укором. Живым напоминанием о предательстве, не только для отступников из своей среды, но и для пошедших за ними языческих народов, предавших свою веру и «сплавивших» своих «перунов», как дрова, вниз

по великим рекам. А живое еврейство напоминает им не только о предательстве, но и о страхе, тайном и явном, что предательство было «напрасным», что вместо «деревянных перунов» им подсунули не Великого Бога, а просто «другую деревяшку» (деревянными Иисусами утыканы христианские храмы). Это страх сгореть от стыда, посмотрев еврею в глаза. Легче эти глаза выколоть…

Оторвался от компьютера чтобы включить телевизор: обещали в два часа совместное заявление Барака и Арафата о перемирии, как Арафат договорился ночью с Пересом, но Арафат вдруг потребовал, чтобы сначала отвели откуда-то танки, потом отказался сделать заявление по телевизору, согласился только по радио, потом «решили», что заявление сделают не главные действующие лица, а «помощники», в результате заявление отложили до четырех, вот, включаю, значит, послушать — идет репортаж о взрыве на рынке «Стан Иуды», а там у меня приятель живет, поэт Тарасов, звоню ему.

— Да жив я, жив. Рядом все произошло, метров восемьдесят. Я как раз пошел стихи отксерить, и тут ка-ак рвануло! Я выбежал, а уже полиции полно, все оцепили… А ты чего не остался на вторую часть?

— Устал страшно.

— Да, видно было. Но все равно зря. Я новые стихи читал. Все просто оп-пизденели!!

— А я не знал, что ты тоже будешь читать, я думал молодняк только…

— Ты уже второй, кто это мне говорит, странно, а я был уверен, что это само собой, что я буду читать… В общем, жалко.

— Это то, что ты хотел Соколову почитать?

— И эти в том числе.

— Ну ладно, будет еще возможность, и послушать, и почитать, может ты мне копию сделаешь?

— Так блять, я же и пошел копии сделать, две сделал,

а третью не успел! Ну сделаю я тебе. А вообще весело живем, стихи, взрывы под носом…

— Да, ошен романтишно.

— Да-да, ха-ха-ха!

Вот тебе репортажик… Кстати, «совместное заявление» не отменили, обещали в пять…

Наум, привет!

Твои соображения о Букерах-Нобелях — вполне понятные и человеческие, это у меня истерика (причем затянувшаяся). Попробую откупиться правкой и замечаниями относительно текста, который мне определенно нравится (выслал несколько минут назад).

Неужели политическая ситуация настолько хреновая?

Бегло просмотрел последнее добавление о христианстве. Тема «предательства» близка мне, и очень эффектная как раз для финала, которого в предыдущих вариантах явно не доставало. Пассаж со сплавом Перунов, деревяшками и стыдом перед взглядом еврея очень выразителен и, по-моему, попадает в самую десятку. Только теперь у меня возникло ощущение полной смысловой (не вполне еще, может быть, стилистической) состоятельности текста, с чем тебя и поздравляю.

Всегда твой

Матвей

2.11. *Наум, привет!*

Чтобы не затягивать ответ, я действовал «старым казацким способом» — делал правку в режиме «исправления» и вписывал кое-куда мелькавшие разрозненные мысли. Дать связный анализ текста в целом очень трудно: уж очень он теоретически всеобъемлющ и «амбициозен»; но легко (для меня) дать его оценку: текст очень интересный, провоцирующий (в хорошем смысле), местами захватывающий и даже блестящий. Но о христианстве пока маловато. Ты прав, что

сходство Иисуса с языческим героем чисто внешнее. Вспомним пророчество Исайи: «Ибо он взошел пред Ним, как отпрыск и как росток из сухой земли; нет в Нем ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лицо свое; Он был презираем, и мы ни во что не ставили Его. Но Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни; а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но Он изъязвлен бывал за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились… Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание… и т.д.» Имея такой прообраз, «дух иудаизма» не нуждался в уже вырожденных к тому времени языческих «героических» образцах (иначе получился бы не Иисус, а Аполлоний Тианский). И христианство не прививка к язычеству иудейского монотеизма в виде идеи «спасения» и идеи «конца света». Эти идеи — исток, первоначальный импульс; все было наоборот: это к иудейскому ростку могли (причем не сразу) «привиться» всякие там сказочные языческие глупости вроде «непорочного зачатия» самого Христа, а до кучи и Девы (католический догмат). Суть проповеди («керигма», как стали выражаться с легкой руки К. Барта) в точности соответствует пророчеству Исайи и не имеет никакого отношения к языческим «героическим преданиям».

Я, конечно, понимаю, что привести весь текст к какому-то «строго научному» уровню за короткое (а может, и за длинное) время немыслимо: для этого нужны горы литературы и годы штудий. Да в этом и нет нужды. Поэтому напрашивается противоположный, «дурацкий» путь: провокация так провокация! Пускай она будет более открытой. Вообще, если бы не было «упреждающих» мыслительных «заносов» и «залетов», «строгой науке» нечего было бы «проверять» в качестве «гипотез». При этом быть «ученым» (скажем, на уровне кандидатского минимума) может каж-

дый, а вот устроить такого рода «мыслительный смерч» — это надо выстрадать, и прочувствовать, и «дерзнуть», что доступно далеко не каждому. Думаю, тебе следует воспользоваться прерогативами своего «писательского статуса» и, не ставя под сомнение серьезность замысла, оформить текст в менее обязывающей, игровой (если хочешь, даже отчасти «постмодернистской»: деконструируем деконструкторов!) тональности, хотя твоя «антипостмодернистская» суть здесь выявилась очень отчетливо. Если будет желание потолковать по отдельным, частным вопросам, я готов.

Всегда твой
Матвей

3.11. Ездили в гости к Барашу. Он снимает у курдов «подвальчик» на окраине Моцы. Подвальчик выходит на лужайку, она же смотровая площадка. Вид на все окрестности Иерусалима, от Наби Самуэль до Эйн Керем. Раздавили бутылку «Мерло» с голанских виноградников. Разговор — обо всем по-немножку. Сначала шуточки: не стреляют у вас? Походя достается Вернику, он наконец-то в центре событий и направо и налево дает интервью про героическую оборону Гило. Я рассказал о вечере в честь Анечки. Бараш удивился: «Я даже не слышал. Происходит какая-то странная, анонимная литературная жизнь, какие-то никому неизвестные вечера…» Об Анечке заспорили. Он признал, что она «достигла определенного уровня», даже «поднял» этот уровень до Лены Шварц (на что я заметил, что на сегодня, из живых, это «вершина»), но нейтрализовал это своим «ну и что?». Удивил меня несколько старомодным преклонением перед Ахматовой («Вот Ахматова была…»). Я поделился своим пониманием поэзии Анечки, как «сдирания тела», он не согласился, но и спорить не стал. Отнес все это к истерии и распущенности (местный сплав наркомании и богемности презирает), привел пример ее чудовищного отношения к собственному сыну,

как он однажды зашел к ней, в квартире «толпились всякие наркоманы», а в соседней комнате кричал ребенок, долго кричал, и он, Бараш, не выдержал и спросил, чего это он кричит, а она сказала: «Голодный», и то, как она «всем давала, во всяком случае предлагала, даже мне…» («я помню, как она пришла с Лонским и вдруг пересела на колени ко мне, прям хоть веди ее, ну, мне просто жалко было старика Лонского…»), на что я сказал, что это свидетельствует, по-моему, именно о ее презрении к телу и чувственности, именно поэтому она свое тело швыряла под ноги каждому, здесь не было ничего сексуального…

— Откуда ты знаешь? — съязвила Ира, может, за мужа обиделась.

Тут жена неожиданно рассказала, как на «семинаре» два года назад у нее был долгий разговор с Аней, и та сказала, что её ничего в жизни не интересует и ничего ей не надо, только «писать стихи и любить Володю», при этом Бараш с Ирой дружно скривили рты.

Еще «обсудили» Бренера. Бараш его ценит. Когда я описал ему Бренера с Барбарой, и свое впечатление, что он от нее зависит и даже где-то ее побаивается, Бараш сказал, что Бренер всегда был «альфонсом», «но учти, он легко и беспощадно предает, он дружит, чтобы предать, он за это и любит дружить, и дружит очень преданно и нежно…»

Мы сидели на краю лужайки, впятером, годовалый Елисей был внимателен и серьезен, хмурил брови. Потом мы с Барашем вышли на солнечную часть лужайки и стали прогуливаться по траве взад-вперед (Бараш разулся и мял траву босыми, толстыми, волосатыми ногами). Сказал, что крупный писатель всегда хищник. Расчетливый и беспощадный хищник.

Наум, дорогой, привет!

Я прочел Ваш путевой дневник. Мне очень понравилось. Почти что все кроме ревности к интимности Розанова. Некоторые кадры вуайяристские для такого общего бедеке-

ровского тона. Во как сказанул!

«Философия» холокоста — нынче модная тема. Но чем я больше об этом думаю, тем больше не понимаю. Историю вообще трудно понимать, особенно эту.

Мило звучит Ваша бравада. Интересно, что думали немцы на Вас глядючи?

Я читал недавно книгу Элизабет Бадинтер «Мужская сущность», где она довольно любопытно, по-фрейдистски толкует именно немецкий феномен фашизма. Она основывается на кризисе тевтонской мужественности. И, мне кажется, никто не раздумывал об этой доминанте в антисемитизме.

Но! Интересна и другая сторона. То что напишу я Вам сейчас у меня самого находится под подозрением, но мне рассказывала Ира Поволоцкая, это жена Чухонцева и чудный прозаик, то есть не рассказывала, а пересказывала большую статью в давних (2—3 года) «Известиях». Якобы это был рассказ женщины, уцелевшей в Киевском гетто. О том, как старые киевские раввины собирали людей и шли, вели их колоннами до Бабьего Яра. Найти эту статью мне не удалось. Но сюжет «жертвы», конечно, невероятный.

Что Вы об этом думаете, а Вы думаете, конечно. Черкните.

Я был и в Мюнхене и в Гармише. Как будто Голиаф выблевал то, что сожрал в марципанной лавке. Я никогда не завидовал их омерзительному быту.

Пошлю Вам пробную прозу. Обсудить здесь не с кем. Золотоносову не нравится, говорит — слов много.

Все.

Всех благ

Ваш НК

4.11.2000

Матвей, привет!

Поскольку предыдущие «сводки» я оборвал «на самом интересном месте», то вот краткое продолжение.

Никакого совместного заявления так и не случилось, таким образом Переса посадили в лужу (единственное утешение). Конечно этот «неутомимый крот» (а с каким блестящим треском он провалился несколько месяцев назад на выборах в президенты! Все газеты заранее поздравляли его, не было никаких сомнений, что он победит, потому что его противник от Ликуда, восточный человек, изображающий из себя «милашку», недалекий, и в любом случае политик сугубо мэ-эстного масштаба, а Переса даже прочат в генсекретари ООН!) продолжает делать вид, что все нормально, соглашения, которые «он достиг» выполняются, просто не все сразу…

А пока все по-прежнему: камешки, «бутылки Молотова», перестрелки. Вроде складывается впечатление, что Арафат начинает «проигрывать». Когда на экранах (экранная война!) подростки бросают камушки, а в них целятся израильские солдаты (не важно, что пули резиновые, важно что целятся — образ солдата-оккупанта, стреляющего в бунтующую юность) — его акции повышаются, а когда в наших городах рвутся «адские машины» — понижаются. И к тому же кадры «революционная юность против солдатни» уже примелькались, зрители переключают каналы (в Америке их сотни), да и другие события «набегают», вся эта «палестинская трагедия» теряет актуальность. Внутреннее положение Арафата неясно. Похоже, что он начинает терять авторитет и абсолютную власть (а другой в арабской стране быть не может). Общее экономическое положение у них хреновое (как ни странно, эти «герои» тоже любят хорошо пожить, да еще израильтяне им мозолят глаза своим «уровнем жизни»), так что этот «онанизм» и им начинает надоедать. Массовость «народных выступлений» явно падает. Все это может сползти на мелкую партизанщину, когда «где-то стреляют по ночам»…

Интересно, что я не заметил у сына (он сейчас дома) никакого озлобления или желания «заехать меж глаз» (а резиновой пулей, если с расстояния меньше 20 метров — поэтому

и не разрешают стрелять с близкого расстояния — можно не только сделать очень бо-бо, но если, как русские охотники — белке в глаз, то и хлопотливую прихлопнуть). К этим «народным возмущениям» он относится с удивившей меня снисходительностью. Даже считает, что средства информации «раздувают» все эти «пустяки».

А на следующей неделе Клинтон «вызывает на ковер». «Борьба в партере». Биржа всю неделю поднималась.

Всегда твой

Наум

Дорогой Николай!

О «философии жертвы» (холокост — это жертва по-гречески) я как раз и пишу сейчас. Если Бог даст, и «получится», то пошлю Вам. А если вкратце, то ведь Вторая мировая, если говорить о метафизике (а только это имеет значение) была столкновением этических идеалов, германо-языческий «героизм» воинской доблести, взбунтовавшийся против иудейства (и христианства, как продолжения иудейства!), не только проиграл, но и был окончательно дискредитирован. А христианский жертвенный идеал непротивления (воплощенный в еврейском народе, ведомом на заклание!) восторжествовал. И тут произошел некий метафизический разлом, который я пока не могу осмыслить: ведь христианство было неким странным синтезом иудаизма и язычества, так вот этот синтез распался, поскольку языческая часть пошла войной на иудейскую, причем войной на уничтожение. Христиане пошли войной на исток своей веры. В результате разрушена была их цивилизационная основа жизни. И мы наблюдаем это в нынешнем растерянном, бессмысленном, импотентном искусстве.

А что евреи шли, как «скот на бойню» — это точно, так и было. Медицинский факт. (Кстати, видел как-то документальный фильм, где показали «очередь» коров на бойне: корова просовывает голову в такое отверстие — почти гильотина — получает убийственный удар по голове чем-то ост-

рым и — следующая… И они все страшно мычат и глаза в тоске. Крайне неприятное зрелище.)

Что касается баварских шале, марципанной блевотины Голиафа, как вы изволили выразиться, то признаюсь, я испытал зависть. Так ведь достали же, гады, со своим грязным «востоком»! Вы когда-нибудь жили на Востоке?

Василевский в последнем номере «Нового мира» назвал меня (в небольшой заметке) «лысым ястребом», смешно. И смешно про «почтенных подписчиков», которых редакция оберегла от моего сексуального напора… Вот эта заметка.

……

А вообще, наверное, кое-кто по поводу моего «плача по Израилю», ну, если не злорадствует, то испытывает «тайное удовлетворение». Так и хочется сказать «не дождетесь».

Всегда Ваш

Наум

5.11

Наум, привет!

Список №40

Мери Дуглас. Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу. (Серия «Conditio Humana») /Чуть ли не самый нашумевший мировой интеллектуальный бестселлер последних десятилетий. Автор — ирландка крайне консервативных убеждений, но считается основоположницей «антропологического модернизма». Названия некоторых разделов: «Ритуальное нечистое»; «Скверна в книге Левит»; «Чудеса и магия»; «Система в состоянии борьбы с собой»/ М.: Канон-Пресс, 2000 — 288 с — 94

Лев Тихомиров. Религиозно-философские основы истории. /Итоговая книга знаменитого террориста-ренегата. Написана в 1913—1918 годах, печатается впервые из архива. Книга концептуальная и по-своему глубокая. Много об «Израиле» — естественно, с позиций православной ортодоксии, но свежо/ М.: Изд-во журнала «Москва», 2000 — 587 с — 125

Малик Шах-Хусейн Систани. Хроника воскрешения царей. /Перевод персидской летописно-исторической книги, охватывает период XV — XV11 вв.) (Серия «Памятники литры народов Востока») М.: Наука; «Восточная литература», 2000 — 607 с — 130

Запись у алтаря о примирении Конфуция. (Серия «Памятники лит-ры народов Востока») /Китайский апокриф. Пример дискуссии даосов с конфуцианцами/ М.: Наука; «Восточная литература», 2000 — 151 с — 100

Получил оба твоих послания. Впервые политическая ситуация представлена как небезнадежная. Хорошо бы и впрямь «рассосалось» (?). В любом случае события нас занимают чрезвычайно, и мы будем рады любым новым сведениям и комментариям. Наши СМИ завяли от однообразия и по большей части вообще не упоминают о событиях. Может, оно и к лучшему (?). Признаться, чувствую себя очень неуверенно в оценках…

Всегда твой

Матвей

Вышел утром гулять с собакой. Дети идут в школу, матери развозят взрослых сыновей в форме и при оружии на сборные пункты, дороги забиты: кому на работу, кому на службу.

5.11

— Даже удивляюсь, какая я верная любовница. Чего смеешься. Уже два года мы с тобой знакомы…

Naut!

Вчера видел и слушал Пашу Пепперштейна на людях. Нет слов. Стихи похожи на Сологуба в ванне с простоквашей. Проза не диагностируема. Носов? Светик-токсикоман?

Vash NK

Дорогой Николай!

Спасибо за «картинки с выставки» Паши. Стихи действительно вызывают недоумение. В прозе он изобретательнее (кроме Незнайки он еще любит Чебурашку).

Мне кажется, что мода на «это» пройдет, или уже проходит.

Всегда Ваш

Наит

7.11. Жена утром: «Жуткий сон приснился. Что я — труп. И разлагаюсь. И главное смотрю на себя со стороны и думаю: ведь я же жива, даже ущипнула себя… А Жанне знаешь что приснилось? Я еще говорю ей: Жанночка напиши рассказ. Про то, как она идет по каким-то холмам, как у нас в Прибалтике, и вдруг дождь, и она раскрывает зонтик, а в зонтике нет материи, одни спицы. И она сама себе думает: вся твоя жизнь — это театр одного актера для одного зрителя. А?!»

Обмен «записочек» с Л. Она начинает:

«Вообще переписка в которой раз рассеивает миф о необыкновенных прогностических способностях интеллектуалов. Знать, в отличие от того, что предполагал О. Конт, не значит ни обладать властью (мочь), ни предвидеть. Со знанием обычно связана не лишенная профетических обертонов близорукость. При этом „правое“ и „левое“ в интеллектуальной сфере постоянно перетекает одно в другое…»

Вот понравилась цитатка. Там дальше о Хайдегере, Беньямине, Шолеме… А Гольдштейн, мне кажется, кокетничает. Его знают и читают. И потом он же получил Букера?!

Чья цитатка? Надо будет записки посылать чаще, а то все быстро становится «историей»…

Читаю Мосса о жертвоприношении. Жертва — «основа жизни» и «владыка творений». И Буркерта «Человек убиваю-

щий».

За кого голосовала?

Цитатка Беньямина. Голосовала за Гора. Только потому, что Буш этот уж совсем уебище. Хотя от них толку будет мало… а записки надо слать чаще. Так что с изданием на иврите?

…Войти в лес. Напялить корону из самоцветов бабьего лета. Когда там звезды странные горят глаза внутри. Здесь ветер хлещет золотым дождем а вместо солнца — клен.

Это ты что ль стихи сочиняешь?
На иврите фрагменты должны выйти в 2 местах, ждем-с

Насчет Гольдштейна и популярности, ты не права. Если бы не Букер, его бы действительно никто не знал. Серьезные люди газет не читают.

8.11. Среда. *Наум, привет!*

Как у вас там обстановка? Хорош ли Буш младший для Израиля?

Всегда твой

Матвей

Эмма прислала «открытое письмо» к десятой годовщине гибели Меира Кахане: «Мы помним». Подписало много бывших активистов алии и «узников Сиона», не хочу ли присоединиться.

Подписанты. Это им в кровь въелось… Опять волнение, телефоны, активность, «надо что-то делать»… Не хочу подписывать. Хотя рав Кахане был настоящим бойцом. Но рано мне «светиться», да еще по таким пустякам…

И еще прислала свое интервью с равом Лайтманом. Бредядина о главном. Овладел, понимаш, тайным учением.

БЕСЕДЫ О ГЛАВНОМ С СОВРЕМЕННЫМ КАББАЛИ-

СТОМ
РАВОМ МИХАЭЛЕМ ЛАЙТМАНОМ
ведет журналист Эмма Сотникова

Уже название интервью характерно: «УГРОЗА УНИЧТОЖЕНИЯ», то есть сначала надо как следует напугать.

«Нет времени, — сказал рав Лайтман, — сегодня, в первую очередь, надо объяснить людям, что мы стоим на краю пропасти, и только невероятное усилие очень большого количества евреев может остановить тот кошмар, который предсказан в пророчествах великих каббалистов и который я вижу в непосредственной близости от нас.»

Значит великие каббалисты предсказали, а мы соберемся вокруг самого великого каббалиста Лайтмана и грядущий кошмар остановим. Записывайтесь в его «кружок» и Господь, вместе с равом Лайтманом позаботятся об Израиле. Вашими молитвами и денежными взносами. Но больше всего раздражает отнесение Каббалы в разряд науки. Его «кружок», который уже стал империей, так и называется: «наука Каббала».

Р.Л.: «Наука, которая раскрывает человеку все законы мироздания, называется Каббала».

Если учесть, что он из Совка, и основа его паствы — советская образованщина, то пропагандистски эта привязка к «науке» успешный ход.

«Человек создан так, что не может чувствовать себя комфортно в этом мире, если не имеет возможности управлять им. <…> Каббала учит человека управлять всем мирозданием, включающим и наш материальный мир. В этом ее назначение.»

Управлять мирозданием? На манер Бога что ли? Ну да, он не шутит:

«Цель творения заключена в том, чтобы привести человечество и каждого человека в отдельности на другой уровень существования — на уровень Творца, привести его к управлению природой, управлению миром. Мы для этого созданы и ни для чего другого».

Полное богохульство. А вот еще одно «сильное заявление»:

«И нет никакой связи между Каббалой и религией».

Вообще перлов — просто россыпи. Так и хочется цитировать все подряд.

«Я вижу причины происходящего и следствия, которые нас ожидают, не потому что я такой хороший или талантливый, а потому, что я знаю законы. Сегодня этим знанием в состоянии овладеть любой человек. Я не могу в газетной беседе рассказать, почему именно современный человек может и должен это сделать — я писал об этом подробно в статье «Предисловие к книге «Зоар» (пункт 65), вошедшей в 5-ю книгу серии «Каббала. Тайное еврейское учение» — но я утверждаю, что делать это надо немедленно!»

Э. С. Вот Вы сами уже изучили эти общие законы мироздания. И что — Вы уже можете управлять миром? (Чудный еврейский оборот бывшей москвички с литературными амбициями: и что, вы таки уже можете управлять миром?) *Вы можете избавить людей от страданий? Вы тогда, наверное, могли бы что-то изменить и здесь, где нас выживают из этой земли, и во всем просвещенном мире, где в 21 веке горят синагоги…*

Еще неизвестно, кто кого «выживает».

Р. Л. «Я меняю то, что могу изменить. Но ни один человек, даже каббалист, не может принести «на блюдечке с золотой каемочкой» спасение всему миру. Евреи как народ — да, могут и должны.

Вы употребили безличную форму относительно того, что нас «выживают из этой земли». Кто нас выживает?! Мы отдаем совершенно добровольно эту землю, однажды нам данную, потом нам возвращенную. Мы отдаем сами, не ведая, что творим. И не слушая тех, кто ведает! Даже сейчас, в это время — после Катастрофы, после того, что Он сделал с нами, после того, что Он вернул нас в эту землю, где нам предоставлена последняя возможность построить на месте Эль Аксы Третий Храм. Мы и сейчас пытаемся уклониться от своей миссии, которую можем выполнить только находясь на этой земле. Наша капитуляция перед внешними врагами приводит к тому, что в соответствии с общими законами мироздания и с конечной целью творения на нас воздействуют все более жесткими методами. Мы не хотим добровольно выполнять свою вселенскую миссию, но нас все равно будут толкать к этому с помощью наших врагов, давлением всего человечества, вплоть до полного изгнания».

Изгнанием кого и откуда? Значит, молитвами разрушим Эль Аксу и восстановим Третий Храм? В России и Америке он поет другие песни.

Э. С. Из этой ловушки еще есть выход?

И тут в раввине вдруг просыпается ошалевший совок, такой еврейский Проханов:

Р. Л. «Конечно. Но я предупреждаю, что это единствен-

ный выход и воспользоваться им надо немедленно, если мы хотим здесь выжить, а не захлебнуться в крови. Сегодня, когда процесс капитуляции идет полным ходом, когда армия парализована, глава правительства парализован, народ деморализован, мы тем не менее должны приложить максимальное усилие и резко все изменить. Мы должны показать всему миру, что не дадим себя уничтожить. В Израиле должно быть объявлено военное положение — нам нужен военный режим, правительство национального спасения, правительство генералов, полковников — Шарон, Барак, Нетаниягу, кто из них годится в качестве военачальников, пусть разберутся. Нам не нужен сейчас кнессет, в котором заседают наши естественные враги — арабские депутаты (они этого и не скрывают) и миротворцы, парализовавшие волю народа к жизни на этой земле, раздавшие оружие нашим врагам и несущие ответственность за пролитую в последние недели кровь. Не правительство национального единства нам нужно, а именно военный режим, который должен взять на себя всю полноту власти и ответственности и нанести мощный превентивный удар по Сирии, которая является нашим главным врагом. С Сирией мы и формально находимся в состоянии войны, она держит Хизбаллу в качестве цепного пса, рвущегося с этой цепи, чтобы нас уничтожить. Через нее Иран поддерживает и готовит террористические группы, захватывающие наших солдат. Мы должны уничтожить эту угрозу. Территории должны быть взяты в плотное кольцо с введением 24-часового комендантского часа, разумеется, с полным разоружением палестинских бандитов и ликвидацией любого сопротивления. Всех, кто не захочет жить в этих условиях военного режима и под полным военным контролем Израиля, необходимо вывезти в Сирию (я надеюсь, что не надо объяснять, почему не в Иорданию)».

Проханов увял, Жириновский вздыхает от зависти.

От такого «правого» побежишь и к левым. Господи, спаси и помилуй.

Э. С. Где же Вы раньше были, почему Вы молчали, когда этот процесс капитуляции только начинался?

Р. Л. «Я ведь не Клинтон и не Биби, чтобы выступать по СиЭнЭн или у нас в Кнессете. Я писал об этом в статьях, говорил по радио, приводил пророчества великих каббалистов. … что я еще мог делать?»

Вот-те раз! Ты же, блин, великий каббалист, миром можешь управлять!

Э. С. Еще осталось время что-то изменить? Или законы высших миров уже сработали и уже «запущен» механизм нашего уничтожения? Ведь Бааль Сулам более полувека назад писал о море арабов на этой земле.

Р.Л. «… Сейчас надо, чтобы израильтяне поняли хотя бы одну простую вещь. Надо остановиться. Никакого мирного процесса не было в помине. Иллюзии кремлевских ли, иерусалимских ли мечтателей о всеобщем немедленном благоденствии неизбежно приводят к кровопролитию. Пора подумать, наконец, не о всеобщем благоденствии, не о мифическом мире и дружбе со всеми народами, а о выживании собственного народа и выполнении своей действительной задачи перед другими народами.

Надо жестко сказать — это наше, мы никуда не сдвинемся с этой земли. Мы только здесь можем выжить и выполнить свою миссию, возложенную на нас Творцом. Даже те, кто в этого Творца не верит и слышать о Нем не хочет, должен, по крайней мере, захотеть остаться в живых на этой земле. Когда рава Кука спросили, какой смысл в создании киббуцов в Негеве, где нет воды и ничего не может расти, он сказал: с помощью молитвы возможно

все. — Но они же не верят в Бога! — возразили ему. — Это неважно, — ответил рав Кук, — они так сильно хотят освоить эту землю, что их желание и есть молитва.

Вы даже не можете себе представить, какую силу имеет четкое и ясное намерение евреев остаться на этой земле! И пусть каждый не думает: обойдутся без меня, кто-нибудь за меня остановит. Все евреи ответственны за происходящее. Эта тяжелая круговая порука заложена в нашей богоизбранности, которая неотменима. И наше спасение только в одном — в выполнении своей миссии. Мы были и останемся навсегда богоизбранным народом. Только нужно постоянно помнить, в чем состоит цель нашего избрания. На нас, и только на нас, возложена обязанность создать связь между всем человечеством и Творцом. Мы принесли миру монотеизм и понимание Единого управления. На том, первом этапе мы — вернее наши праотцы — свою миссию выполнили…»

Э. С. И получили за это изгнания, преследования и — под занавес — Катастрофу?

Р. Л. «Я ведь объясняю, что нам еще предстоят гораздо более страшные вещи! Вы упорно не желаете этого услышать. Изгнания и преследования мы „получили“ не за выполнение своей роли, они — результат того, что мы перестали ее выполнять».

«Диалектика» всех попов: сбылись предсказания — Бог помог, не сбылись — не послушали Господа. Вот еще совковый перл:

«Мы, выходцы из бывшего СССР, хорошо знаем, что делать, когда „отечество в опасности“. И если мы не придумали новых песен, поднимающих дух народа, то вспомним хотя бы старую: „Идет война народная, священная война!“ Да, нам предстоит воевать „с проклятою ордой“, и у нас

не должно быть ни малейших иллюзий относительно ее намерений уничтожить нас. Мы должны воевать и победить. Мы больше не имеем права выпрашивать у них мира и унижаться. В этом униженном состоянии им ничего не стоит нас уничтожить. Израиль готов к войне, но пока лишь технически. Для того, чтобы произошли коренные изменения, народ должен захотеть их и потребовать от своих лидеров. Без этого требования снизу, без воли к жизни и сопротивлению Израиль спасти невозможно».

Боевой советский раввин. Хорошо владеет «упоминательной клавиатурой»: подготовленный совпропагандой читатель при словах «отечество в опасности» невольно вытягивается по стойке смирно.

Каким-то постыдным образом тут есть все…

Позвонил Эмме. У нее шумно.

— У тебя штаб восстания?

— Нет, это у сына день рождения…

— Аа, это лучше… Слушай, получил я письмо… Насчет подписи…

— Ничего не получается. Даже наши платные объявления были отвергнуты. Единственная возможность для них допустить хоть какое-то упоминание о Кахане, это только в связи с его борьбой за выезд. Я и статью написала, и мы давали платное объявление — все зарубили.

Гольдштейн простужен, пригласил на крышу, «будет Штейнер». Поинтересовался, не слышно ли чего нового от Соколова, может, на крышу его пригласить? Он, говорю, возможно скоро приедет, либо на этот уикэнд, либо на следующий, и я уже заикался на тему общения с литературной публикой, но Соколов энтузиазма не проявил. «Совсем одичал», — сказал Гольдштейн.

9.11. От Л:

Давай записки. Сколько есть, когда мало, легче читать, пока еще не история. А мне такой сон приснился, что и не расскажешь…

Как это «не расскажешь»? Кому же тогда расскажешь?

Матвей, привет!

Посылку с Пазолини получил, хорошо, что обернул, все дошло в аккурате.

Обстановка? На каждой ступеньке этой «лестницы вниз» останавливаемся, отдыхаем. И те не толкают. Пока сами спускаемся — не спугнуть бы. Похоже на старость, тоже «лестница вниз», и довольно крутая, но поскольку — не кубарем, то на каждой ступеньке можно расслабиться, помечтать, сделать вид, что еще повоюем.

Страна отмечает пятилетие со дня убийства Рабина. По одному из каналов показали «ворованное» интервью с убийцей. Он не расскаивается. Три дня трещали о том, как же этому «гаду» дали «трибуну». А давать своим ненавистникам не только трибуну, да каждый день, но и в ножки им бухаться, это — «мир подписывают с врагами, а не с друзьями, а врагов не выбирают»…

А что Буш, что Гор, мне лично пофигу. Местные, конечно, за Гора. Говорят: «Он их успокоит». Забыли, бляди, что спасение утопающих — дело рук сам понимаш кого.

Всегда твой

Наум

10.11. Жена:

— Инна мне написала: а ко мне все плывет то говно, то палка. Как тебе нравится это выражение?

— Так это ж хорошо, что палка плывет, она же жаловалась, что нема палки?

— Да что толку от этих палок.

— А какой нужен толк? Палка — она самоценна.

— Это для вас. А для нас — главное, чтоб душевно…

— Ну вот и обслуживай палку душевно.

— Это дело взаимное. Иначе остается ощущение, что тебя пользуют.

— Что-то ты в последнее время разочарована в мужиках, любовник что ль бросил?

Пауза была очень-очень короткой, но она была. После этого голос ее поразительно изменился, стал тихий, глухой, проникновенный, смеющийся, необыкновенно сексуальный.

— Разве меня можно бросить?

Этому голосу нельзя было отказать в уверенности. Прям в штаны залез.

— Ты вот, не бросил же за тридцать лет.

— Ну, мы ж с тобой не любовники. Если б были любовниками, может и бросил бы.

— Разве мы с тобой не любовники?

— И рука ее поползла ко мне вслед за голосом.

— Эй-эй, я за рулем!

11.11. Вечер Штейнера на «крыше». Тесный круг: Бараши, Гробманы, Гольдштейны, Шамир, Юхвец, Шаус и Хаенко, в качестве «нового лица». Женя Штейнер высокий и худой, можно сказать «молодой человек», хотя ему уже за сорок, с «мушкетерскими» усиками и бородкой, несколько манерный, вроде Верника, все время вставляет «уэлл», «невемайнд», «аниуэй». Одинок и несколько растерян. Обстановка была непринужденная, хлебали «Сливовицу». Только с Гольдштейном чувствовалась какая-то напряженка. Как-то он настороженно-опасливо поглядывает. И вечно простужен. Шамир сладенько блеет, здороваясь. Улыбочка такая ласковая, что сразу думаешь, не пульнет ли в спину? Рассказал, что два дня провел в Западной Галилее, бродил по холмам, кабанов видел. «Настоящие кабаны, да. Серьезные такие мужчины.» А я себе думаю: не на связь ли выходил с арабским подпольем? Бараш нянькался с сыном от первого брака, лет 16 парню, Ира его пришла позже.

Врубель-Голубкина хорошо выглядела, даже Гробман сиял, как новый самовар. Подруга Гольдштейна, тоже Ира — сплошные фурии -, все время загадочно улыбается. Что-то в ней бесовское, прячет взгляд…

Штейнер прочитал два рассказа из книги «И все они умерли», про обитателей русского эмигрантского кладбища в Японии. Шамир налетел вихрем: «итеэровская проза», «слишком ожидаемо», «слеза у вас, так непременно „скупая“». Гробман взял под защиту: «стилизация под Бианки-Пушкина, это новый авангард», но разнес «содержание»: «все это никого не ебет, понимаешь? Кого ебет чужое горе?!» Гольдштейн вспомнил, как читал книгу Струве о литературе русской эмиграции, и самым интересным в книге были краткие справки о никому неизвестных писателях: где и когда родился, «работал грузчиком, умер в Сан-Франциско» и т. д. Бараш спросил Штейнер насчет чувства принадлежности, к чему, мол, испытывает.

— Еврей ли вы?! — выпалил я.

— Ну ладно, Наум, — несколько раздраженно осадил меня Бараш, — хватит с твоими шуточками, чуть посерьезней.

Женя погрустнел:

— Да ни к чему. Пожалуй, когда я жил здесь, да, как ни странно, какое-то чувство принадлежности чему-то у меня было…

— А чему — не было? — не унимался Бараш.

— Да ни чему не было.

Все рассмеялись. Гробман сказал:

— Только когда ты пишешь о том, что здесь происходит, это интересно. И к этому ты принадлежишь. Потому что жизнь — только здесь. Она происходит здесь. А кто там сдох в Иокогаме — это никого не ебет. Только здесь…

— Растут таланты под руководством Гробмана! — продолжаю шутковать.

Все рассмеялись и довольно беззлобно.

Постепенно перешли к водочным процедурам.

Шамир спросил у Штейнера, где это кладбище, в Курэ или Иокогаме?

— В Иокогаме.

— В Курэ тоже есть такое.

— Да-да.

Они заговорили о Японии, и вдруг вовсе перешли на японский.

— А сколько ты был в Японии? — спрашиваю Шамира.

— Три года.

Спросил Женю с кем он общается в Нью-Йорке. Он вдруг стал подробно рассказывать, что вообще-то ни с кем, хоть и живет в «доме художников», вот разве что с Комаром…

— Они вроде разошлись с Меламидом?

— Ну, житейски — может быть… Но они ж обречены быть вместе… Да, они все в тех же рамках концептуализма. Уже не то, да, ленины и сталины уже никого не волнуют. Они тут решили перейти на местные реалии, хотели организовать большую выставку о Джордже Вашингтоне, во всех видах, но им популярно объяснили, что лениных-сталиных и даже ельциных они могут рисовать сколько угодно, а родного Вашингтона им не дадут чужими руками лапать. Да, так прямо и объяснили. Хотя в Америке они уже 20 лет, но, конечно, чужие, а кто же еще. Пришлось им переключиться на слонов. Поехали в Тайланд, собрали там слонов, сунули им кисточки в хоботы, и те разрисовали ими гигантские полотна, ну они кое-что добавили, и выставили все это в пользу мировой экологии, получилась грандиозная выставка, да, всё раскупили, нет, они очень успешно функционируют.

Наум, привет!

Очень благодарен тебе за присланные материалы. Вводят «в самую гущу» и для нас в этом смысле бесценны, хотя и экзотичны, особенно каббалист, столь убедительный в конкретных рекомендациях и столь похожий на самых

*диких «теургов», представителей «Русской идеи», в обоснованиях (**«управлять миром вместе с Ним и вместо Него»** — это круто; вот бы такой материал для газеты «Завтра»: не знают они, где искать свое русское антисемитское счастье). Если пришлешь что-нибудь еще в этом (или в другом) роде, свое или чужое, очень обяжешь. Выяснилось (по крайней мере для меня), что события в остальном мире (и особенно в России) не представляют вообще никакого интереса по сравнению с ситуацией в Израиле. Деуки, иде я находюсь?*

Всегда твой
Матвей

Жена, за завтраком:

— Он какой-то потерянный (про Штейнера)…

— Ну, разошелся с женой в сорок лет, это травма…

— А что он хотел? Насколько я поняла из его «романа», он оставил ее с ребенком без всяких средств к существованию, даже думал, «а что они там едят?» Любая жена уйдет. Какая-то непонятная безответственность. Все вы, писатели, только о себе думаете и никого вокруг просто не видите.

Потом, затащила в постель и изнасиловала:

— Полялякали… Дай сюда… ты мой отзывчивый…

Отнес пленку в фотомагазин и по дороге встретил Клячкина. Поджарый, сухой пенек. Рука крепкая.

— Мёсье Клячкин!

— Ну, — говорит, — как тебе этот театр? Ну это же театр, правильно? Я так понимаю. Сначала думал: что за сюр, а теперь вижу: не-эт. Они же в Кемп Девиде уже обо всем договорились, уже все поделили, уже карты нарисованы, все в ажуре. Но Арафат говорит: не могу же я, чтоб Бейлин мне независимость на блюдечке принес, нет, так дело не пойдет, хочу чтоб все, как у людей, чтоб в борьбе, мы нашу землю отвоевать должны, ну, это как в войне Суд-

ного дня, ты же занешь их ментальность, им нужно свой кавод[1] потешить, им накостыляют, они это «великой победой» запишут в свою историю, и — все в ажуре. Вот значит и интифада, и заметь, как они ее называют? «Интифадат ашалом![2]» Ну, они должны ж это, все проделать: «хар абаит беядейну[3]», знамя над рейсхтагом и тому подобное. Значит надо пострелять. И заметь, стреляют в строго отведенных местах, где нельзя — не стреляют. Вот в Гило им отвели улицу, и в Бейт Джала один дом. Стреляют только по ночам и только трассирующими. Почему? Чтобы видно было, чтобы корреспонденты могли заснять. Дом этот, который им отвели для стрельбища уж почти разрушен, надо новый дом выбрать, освободить, вот они пару дней и не стреляли. А сегодня будут стрелять, рекомендую, включи телевизор, красивое зрелище. А по Ариэлю они сначала стрельнули, так две стрекозы[4] прилетели, дали по деревне очередь крест-накрест и все, тихо, больше не стреляют…

Рассказывая, он пританцовывает, делает пасы — назад, вперед, энергично жестикулирует.

— А потом Ширак, Ширак-то приедет, ему ж надо венок к Могиле Неизвестного солдата возложить, а что они в эту могилу положат, десятилетнего ребенка? Нет, нужно хотя бы человек семьсот положить. А чего здесь глава Си-Ай-Эй уже два месяца сидит безвылазно? Он и управляет «войной», вместе с Раджубом и Ятомом[5]. А наш Бараке, вместе с ихнем Мубараке на следующий год в Осл'е будут Нобеля получать, даа, а как же. Для американцев это маленький проект. Ведь у них бюджет — треть мирового, 1800 миллиардов долларов. Когда через эту призму

---

1 честь

2 восстание за мир

3 «Храмовая гора в наших руках!» — известное восклицание израильского генерала, после взятия Иерусалима (Старого города) в 1967 году

4 вертолеты

5 Главы секретных служб Палестинской автономии и Израиля

посмотришь, так все обретает истинные масштабы. А тут у них все схвачено, свои мальчики, надо только присматривать, чтоб не разгорячились. Вот у них уже почти 200 убитых, а у нас — кот наплакал, некрасиво получается, не по сценарию. Ну вот и приходится им подкинуть пару жертв, а то уж совсем. Эти ребята на холме истекали кровью восемь часов, никто и не думал их спасать, а этот солдат в Склепе Иосифа? Дали умереть, опять же друз, бог с ним, а эти, на холме, митнахалим[1], опять же сами полезли, напросились. А у нашего Бараке с этим делом, оставлять людей на поле боя, это у него запросто, он же вел этот бой за Султан Яакуб, сколько там было пропавших без вести? А Цеэлим Бет[2]? Нет, у него с этим проблем нет, он смотрит «выше». В общем, все идет по сценарию. Где это видано, чтобы вели «войну» с коалицией в четверть Кнессета? И заметь, никто и не дергается. И правые подмахивают. А ты на Арафата посмотри, у него никакой озабоченности на лице нет, и ни у кого нет. Так войну за существование не ведут. Я этот американский проект называю «Бесперебойные Поставки Бесплатной Нефти». Конечно бесплатной, они же все деньги за нефть в американских банках держат. Ну а как же.

От Л: *Большое спасибо за записки. «Каббалист» меня заинтересовал…*

А сон трудно рассказать потому что он очень визуальный-виртуальный, но попробую — гуляю я значит по моему лесу, на речке, и вижу ты сидишь в реке, на разноцветном ковре опавших листьев и смотришь в воду, а там отражается моя емеля, я ее вижу, как на экране компьютера (оттуда и стих) … потом ты поднимаешься ко мне на берег, вста-

---

[1] пионеры-поселенцы

[2] тренировочный военный лагерь где во время отработки операции под наблюдением Барака погибли спецназовцы

ешь на одно колено, тянешь меня за руки и сажаешь к себе на колено и… очень мне хорошо было, а тебе?

А что это за «и…»? А что дальше? А то тебе «было», а мне-то — не знаю…

А вообще сон красивый. Уж не пора ли нам встретиться, зима скоро?…

Наум, привет

Консула, приказавшего казнить сына за нарушение дисциплины, я вспомнил. И нашел у Тита Ливия. В Книге VIII его «Истории Рима…» рассказывается о сыне консула Тита Манлия, которого звали тоже Тит Манлий. Будучи в разведке, он, в нарушение приказа отца, заехал во вражеский лагерь и там, подстрекаемый главой тускуланских всадников Геминном Месцием, вступил с ним в единоборство и победил. Затем, «окруженный радостным ликованием, поспешил в лагерь, а потом в консульский шатер к отцу, не ведая своей грядущей участи». Он сложил к ногам отца доспехи побежденного им всадника. Консул же отвернулся от сына и приказал трубить общий сбор. «Раз уж ты, Тит Манлий, не почитая ни консульской власти, ни отчей, вопреки запрету, без приказа, сразился с врагом и тем подорвал послушание, на котором зиждилось доныне римское государство, а меня поставил перед выбором — забыть либо о государстве, либо о себе и своих близких, то пусть лучше мы будем наказаны за наш поступок, чем государство станет дорогою ценою искупать наши прегрешения. Послужим же юношеству уроком, печальным, зато поучительным, на будущее. Коль скоро надо либо смертью твоей скрепить священную власть консулов на войне, либо навсегда подорвать ее, оставив тебя безнаказанным, то ты, если подлинно нашей ты крови, не откажешься, верно, понести кару и тем восстановить воинское послушание, павшее по твоей вине. Ступай, ликтор, привяжи его к столбу.» Так и разрубили пареньку шею, «а „манлиев правеж“ внушал ужас не только в те времена,

но и для потомков остался мрачным примером суровости». Тит Ливий. История Рима. Том 1. С. 369—370.

Получил и разговор с Клячкиным (кто таков?); впечатление «неоднозначное»: что, опять конспирология, «всемирный заговор», «глобализм» и проч., только наоборот?

Всегда твой

Матвей

11.11

Матвею:

У меня была еще одна беседа с этим Клячкиным (он бывший отказник, боролся с Империей, уехал аж в 72-ом году, можно сказать воспитанник «конспиративной школы»), он изложил мне свою теорию убийства Рабина, что, мол, «американы» его убрали. Очень убедительно…

Что касается твоего презрения к «конспиративным теориям», то я его не разделяю. По-моему также трудно поверить в «случайность» всего происходящего, как и в его «запланированность», во всяком случае, когда у людей с огромным и глобальным влиянием (надеюсь ты не будешь отрицать, что есть такие люди) имеются серьезные интересы, они проводят их «без всяких сантиметров», как выражается тот же Клячкин (большой, между прочим, шутник-с). Тут, кстати, у многих есть серьезные сомнения в том, что Рабина убил именно Амир, многие считают (и книги на эту тему написаны), что Амир был назначен убийцей. И Клячкин в это верит. Его логика такова: если Рабина убил не «официальный» убийца, то значит имел место «заговор». А такой «проект» могла «поднять» только империя. Только такая «крыша» могла бы обеспечить успех, безнаказанность и молчание всех, кто участвовал, знал или догадывался. Только такая «крыша» могла обеспечить «бесполезность разоблачения», бессмысленность правды. И мотивы понятны: сохранить власть своих ставленников (Переса) и убрать строптивого (Рабин был явно недоволен ходом «мирного процесса», да он и с самого начала принял его более чем про-

хладно, было такое ощущение, что его «уломали», к тому же до выборов оставалось полгода и все «опросы» показывали сильнейший «перекос» в пользу Натанияу). Есть много признаков того, что Рабин готовил провокацию «покушения» на себя самого, чтобы вернуть популярность, но провокация «удалась»… В самом «деле Амира» остались белые пятна. Вроде все «чисто сработано», убийство произошло «на глазах» у почтеннейшей публики, даже заснято, убийца признался, работала правительственная комиссия, вердикт однозначный: пал жертвой правых экстремистов. Откуда ж неясности? Во-первых, провал секретных служб, даже таких распиздяйских (хотя некоторые считают: лучших в мире) просто невероятен: «убийца» сидел на тумбе между лесницей, по которой спускались вожди, и машиной Рабина чуть ли не час (эта территория по принципу работы служб должна быть «стерильна»), спокойненько дожидался, даже болтал с шофером Рабина; «фильм», который теперь крутят по телеку в качестве доказательства, был снят якобы случайным любителем с крыши, прямо нависающей над «сценой действия» (метров двадцать до «сцены», до машины Рабина, можно даже из пистолета попасть), это место тоже обязано быть стерильным, и действительно, всех оттуда выгнали и поставили охранника (одного!?) сторожить, так этот «кинолюбитель» якобы уговорил охранника и тот разрешил (?!); судя по этому фильму, «убийца» делает несколько шагов по направлению к Рабину, двигающемуся к машине, просовывает руку с револьвером между двумя охранниками, которые «прикрывают спину» (и должны все время «крутить головой», но, как роботы, смотрят только прямо!), и стреляет с расстояния 40 сантиметров в спину Рабину две пули (пистолет крупнокалиберный, пули специально обработаны для «разрывающего» эффекта: сам Амир и особенно его родной брат — страстные любители-оружейники), но охранники не убивают его на месте, как положено по инструкции, а только хватают, да еще и не сразу, а за ним погнавшись, и при звуках выстрелов кто-то кричит «Срак! Срак!», что

означает: «Холостые! Холостые!» (до сих пор не установлено кто, хотя факт крика очевиден, слишко много окружающих слышало, и кричать такое мог только офицер охраны!); на фильме, снятом «кинолюбителем», видно, как получив две тяжелые пули в спину Рабин не только не ощущает никакого толчка, но довольно спокойно и недоуменно оборачивается, мол, что за шум, при этом он уже рядом с открытой дверью машины, его быстро туда запихивают и машина уезжает; от места покушения до больницы Ихилов, куда привозят тяжелораненного, ровно пять минут езды, машина едет каким-то странным образом в объезд, и приезжает минут через двадцать (в машине находятся, кроме Рабина, шофер и только один телохранитель, тоже каким-то образом раненый пулей «официального» убийцы, другой телохранитель через несколько дней погибает в автомобильной катастрофе); «убийца» стрелял три раза, одна пуля попала в телохранителя, две другие в Рабина, но в «первых» (по свежим следам), отчетах врачей говорится о трех ранах на теле Рабина, в том числе о ране от выстрела в грудь в упор, затем медицинские отчеты были переделаны и в «конечном» виде выглядят ближе к официальной версии. Одни врачи, писавшие отчет, были продвинуты по службе, а другие позднее обвинены во взятках, уволены и отданы под суд. Ну и еще есть куча мелочей, например, жене не дали ехать с ним, якобы раненым, увезли ее с места действия и по дороге успокаивали, что это «маневры», плюс наличие агента-провокатора среди «правых экстремистов», организовавшего большинство их самых громких «акций». Клячкин отрицал и дело Баруха Гольдштейна, считая и его провокацией органов. Глава органов накануне защитил диссертацию о правом экстремизме и борьбе с ним и после этого был назначен Главой Службы Безопасности.

12.11. Ужин у Верника в Гило, со Штейнером, т. ск. в прифронтовой полосе. Вечер прошел в теплой и дружественной атмосфере, выпили порядочно, я даже попел.

За окном не стреляли. Штейнер немного рассказал о Японии, что дома у них фанерные — из-за постоянных мелких землетрясений («их все время трясет»); каменная, и даже тяжелая бревенчатая кладка не выдерживает. А эстетика их — вынужденная эстетика бедности. Чувствуется, что ему там неуютно было, что он там настрадался. Америку тоже не жалует. Совсем не жалует. И вообще, несмотря на общую «расслабуху», он был невесел, сдержан, отчужден. Подозреваю, что и наша «гулянка» была не вполне в его духе. Разве что на супругу Ваймана вскидывал взгляды. Она обратила на это внимание и раскокетничалась. Похоже, что он вообще малорадостный. Книжный человек. Я спросил с кем он общался в свой прежний приезд, он тогда пробыл в Израиле года три. Сначала Генделев сдал ему квартиру (должен был уезжать в Россию), взял деньги вперед и тут же пропил, «отвальная» и т. д. А визу Генделеву не дали. Деньги пропиты, «выгнать он меня постеснялся», и поэт стал кочевать по подружкам, знакомым и бывшим женам. «Одно время он у Лены жил вместе с Куриловым, такие вот приключения. И у Тани, в результате чего даже на ней женился», — поведал Верник. Стали обсуждать семейную жизнь Генделева. Потом Женя рассказал о своей ссоре с Вайскопфом, что сначала подружился с ним, потом Вайкопф заделался сохнутовским соловьем и даже позволил себе резкое выступление против отца Александра.

— Меня, что ль? — поинтересовался я.

— Да-да. В газете «Вести» была тогда целая серия об отце Александре, особенно изгилялся некто Орел, вообще человек премерзкий, ну, я не выдержал и написал ответную статью. А про Орла написал, что он или заклюет, или обделает. Тогда Генделев написал целую поэму про экскременты, в общем, они на меня дружно накинулись и мне пришлось отношения с ними прекратить.

13.11. Собрался с Р в музей, там выставка Хельмута

Ньютона, но по дороге остановился, как та лошадь у водопоя, все в том же месте, в Императорской. И странное дело, по-прежнему упоительно. Первый заход 20—30 минут, второй начинается с облизывания и обсасывания, которое длится сколько угодно, она все хочет, чтобы я кончил ей в рот, сама кончает несколько раз, а у меня не получается. Приходится себя доводить «конвенционально», вместе с ней. Тут уж идет полный цикл внутреннего сгорания. 5—6 часов пролетели незаметно.

— А ты правда не любишь, когда матом ругаются?

— Что правда, то правда

— Странно. Хуй — такое красивое слово. Я сразу себе представляю… Он же у тебя такой красивый. Представь его себе. … Лёлька твою книжку, наконец, дочитала. Сказала: бросай его немедленно.

Дома еще одно полноценное, но с женой, как всегда, не больше пяти минут.

От Л: *Вчера отмечали 50-летие мужа. Было 40 человек. Сейчас повезем собаку в N.Y. к сыну, пока будем на островах. Я бы хотела почитать Альберто Моравиа «Я и Он», записные книжки Камю и дневники Анаис Нин (не обязательно иметь)…*

Буду скучать. Пока.

15.11. На перекрестке Касем сворачиваю в горы и дую на Ариэль. По новому шоссе, еще недостроенному. Утренний туман уже рассеивается, ложится на дно между холмами. А грязная простыня неба, будто ее в луже вывозили, вдруг рвется то в одном месте, то в другом, и косые лезвия света вонзаются через щели в землю.

А когда собаку утром вывел гулять, задрал голову, и небо так высоко, а луна, будто на веревке свесили, — так близко…

16.11. Дочитал Штейнера в «Зеркале». Пожалуй, из всего прочитанного за последнее время, самый симпатичный текст. И это «перетекание» литературы в жизнь и обратно тоже мне нравится. Он и в тексте такой, как в жизни. Грустный.

Верник позвонил на следующий день после нашего «ужина в прифронтовой полосе» и сказал:

— Я очень рад, что мы устроили маленький праздник очень хорошему и очень одинокому человеку.

— Да, славно посидели.

— Нет, ну, не славно, а просто-таки очень хорошо посидели. Ну вот и все, и все, что я хотел сказать.

Позвонил Соколову, они завтра приезжают. Хочет печатную машинку найти.

— Не могу я, когда не чувствую пространство листа.

— Да? А я, надо сказать, привык к компьютеру. Обхожусь без этого «пространства листа».

— Нет, я не могу. Как будто на краю бездны стоишь…

— Это уже мы вторглись в физиологию письма. Или в его метафизику?

— Да-да.

— Кстати, у меня была где-то старая машинка, «Эрика», кажется я ее не выбросил, она у меня на антресолях…

— Вот здорово, тогда я бы ее у тебя одолжил…

— Да какой «одолжил», я все равно ею не пользуюсь, она уж несколько лет там лежит. Действует ли, вот вопрос, посмотрю сегодня.

— Это будет интересно. У меня была машинка, которую мне Бродский подарил. Машинка его судьи. Я ее потом Леше отдал.

— История!

— Да уж.

19.11. Соколовы остановились у нас. Вечером пошли отметить день рождения Марлин. Саша хотел в русский

ресторан: Марлин любит «колорит». Я этот колорит Брайтон-бич не жалую, но. Обзвонили несколько ресторанов — мест нет. Наконец, вышли на какую-то «Шампанью» в Бат-Яме, на набережной. Приехали: ресторан почти пустой, скатерти дырявые и замызганные, какие-то мурляндии в спортивных штанах. Однако сели, дива ресторанная принесла меню, тут жена вовремя спросила, принимают ли они кредитные карточки. Нет, только наличные. — А. Тогда пошли, — решительно сказал Соколов и поднялся. — Это нам не подходит.

Подскочил хозяин, сказал, что за углом можно снять наличные по карточке, но мы уже решили дружно, что это «не то». Поехали в Яффо. Прогулялись по каменным лабиринтам, спустились в порт. В порту безлюдно, освещен плохо, рестораны — пусты. Только в одном наблюдалось некоторое присутствие. Сели. Набежали кошки. Кошки, и его магнетическое на них воздействие — любимая тема.

— А они энергетику чуют. У меня кот дома, он обычно на балконе валяется, а я пишу в соседней комнате, так вот, если удачный абзац выходит, смотрю: вдруг является и трется так об ногу. Вот, вот, смотри.

Действительно, какая-то кошка вступила в контакт, он «сбросил ей руку», и она терлась об нее, и боком и мордой.

— О, знаешь, что она сейчас сделала? Клыком потерлась о палец, вот так, — и он перекосил рот, обнажая свой клык, демонстрируя, как она клыком трется. — И собаки ко мне также, и дети. Я-то ведь детей не люблю, я просто не знаю, что с ними делать, а вот в поезде едешь, выйдешь в проход покурить, и они тут как тут, со всего вагона сбегаются.

Видимо, на официантов его магнетизм не распространялся: десять минут к нам никто не подошел, и Саша опять решил уйти.

— Нет, ну что это такое. Думаю, что нет смысла…

Встали и ушли. У Марлин бы несколько растерянный взгляд. Пошли на «пароходик». Чуть качало, и дамам это понравилось. Взяли рыбу, креветки, салаты, две бутылки

чилийского. Соколов говорил, не умолкая. Сначала рассказал, как жил полгода на вилле греческой миллионерши, его издательницы, потом, когда неудобно стало, они переехали на Парос, и местные греки к ним долго присматривались, они очень недоверчивые, а потом выяснилось, что эти греки замечательно говорят по-английски, некоторые вообще жили годами в Америке или Англии. Потом поведал, как они хотели остановиться в Югославии, это еще было до войны, жена тут вспомнила красивое слово «Дубровник», и он сказал, что «в Дубровник ему нельзя», и пошла длинная «хичкоковская» история («вообще-то нельзя этого делать, то-есть рассказывать другому литературу потрясающий сюжет.., я сам хотел по нему фильм поставить...») о том, как он поехал в Европу на югославском пароходе, а пароход этот оказался хорватский, и часть пассажиров, видимо, отправлялась на войну, «там надо было паспорта капитану сдавать, в общем, «они» решили, что я сербский шпион, а мы еще в баре познакомились с одной симпатичной женщиной, там на доске мелом записывали счета, а мы до двух ночи просидели и забыли записать, так капитан собрал всех пасажиров, устроил, ну прям Советский Союз, такую разборку, угрожал, я говорю что ты волнуешься, ну забыли мы, там на пару десятков долларов всего-то разговор, но обстановка сгущалась, какие-то мрачные люди пришли, а нам эта женщина и говорит, вы до Европы не доплывете, тебя в море сбросят, а Марлин, сам понимаешь, и мы решили сойти...»

Затем «пошел» Бродский, какой он «чрезвычайно расчетливый», умеет вести интригу, умеет запустить нужных людей, как окружил себя прилипалами и вообще, вел себя, как литературный пахан. Ну и Соколову, конечно, палки в колеса вставлял, не дал возможность получить премию. «Когда я в Америку приехал, то убедился, что Бродский уже хорошо поработал, шепнул кому надо, что этот, мол, „так себе писатель“, а прихлебал своих, типа Лосева, всюду толкал. Я тогда остановился у Проффера, а это такой гигант-

ский мужик, он в баскетбол играл, его вся Америка знает, а он вдруг полюбил русскую литературу и решил стать профессором-славистом, это всем до фени, а вот то, что он играл в баскетбол, ну, кому скажешь, что я у Проффера живу, так все глаза таращат, как будто у бога поселился за пазухой, не, ну у него действительно было замечательно, огромный дом, совершенно открытый, делай что хочешь, приходи с кем хочешь, он удивительно доброжелательный мужик, и старался держать дом „в русских традициях“, но все равно было в этом что-то искусственное…»

Вернулись мы к двенадцати, девушки пошли спать, а мы еще бутылку красного раздавили. Говорит: я вот все хотел послушать, как ты на гитаре играешь… Я чувствовал себя устало и полусонно, пение не шло, но сбацал. Вспомнили старые песни Окуджавы («Глаза, словно неба осеннего свод, и нет в этом небе огня…»), у него оказался абсолютный слух, да и голос ничего («меня в юности хотели в хор Большого театра взять»). Посидели до двух, тут уж я спасовал, говорю: мне завтра рано вставать, утром теннис. «Ну ты иди, а я еще немного посижу, допью.» Я ему оставил наливку смородинную и ушел спать.

Утром, после завтрака, разговор пошел литературный. Сказал, что стихи у меня неплохие, но «не врезаются», а вот в книге есть «удивительные» страницы.

— Вот я даже наизусть помню: «Рано утром вылезешь из „будкэ“ в заснеженный Хеврон, закинешь автомат за спину и запустишь снежком в пастушонка, перегоняющего по косой улице коз. Осклабится в ответ черными корнями зубов», это… так ясно видишь, и заснеженный Хеврон, хотя какой уж он там «заснеженный», и эти черные корни зубов.., здорово.

— А я тут, — говорю, — перед твоим приездом взял «Между собакой и волком», наткнулся на стихи, и лишний раз изумился как точно они вписываются в прозаический текст, получается такое отражение одно от другого, диптих (он кивнул), и странно, ведь ты так, по жизни, стихов

не пишешь? Ну вот, а у меня, хоть я вроде и «поэт», — не получилось такого сплава, стихи в книге, скорее, как некоторая ситуативная иллюстрация, еще штришок…

… — Лимонов человек очень жесткий, и предельно дисциплинированный. Десять страниц в день, старается держать норму в любых условиях. Но пишет все-таки неряшливо. Стилистом не назовешь. Общаться с ним трудно, и потом он норовит, вернувшись к себе, все записать дословно, и на этом все строит. Да, энергетика есть. Лучшая его книга это «Дневник неудачника», я, кстати, знаю этого миллиардера, у которого он жил, это ему, конечно, повезло, вольготно жил, даже слугами командовал… Он очень тщеславный. То есть это его просто съедает, а что ты думаешь, почему у него так скулы обтянулись.

… — Ну, у Кенжеева куплеточные стихи.., а, это да, он любит в Москву наезжать, и до баб лют, но какой-то неопрятный, немытый, а в доме у него ужас, такая узенькая квартира, как коридор, длинный стол, а на столе всегда горы немытой посуды, тараканы бегают, и ребенок ползает по нему на четвереньках, весь в соплях, и слизывает чего-то с тарелок, ну ужас, и жена тоже грязная, неряха видать, я уж потом, когда приезжал к нему, первым делом рукава засучу и посуду мою. … Конечно, конечно мистика. Вот я когда на Волге жил, у меня был егерь (я засмеялся его барскому тону, и он, догадавшись, подхватил, и долго еще смеялся), да, меня как бы начальником поставили над егерями, их там несколько было, я их и описал в «Между собакой и волком», почти ничего не выдумывал, так этот егерь был совершенно удивительный провидец. Помню, как мы в первый раз выпивали, и он мне говорит: «А ведь ты — перекати-поле.» А когда я уезжал, закатили отвальную, погрустнел и говорит: «Не езжай в Америку. Тебе там плохо будет». А у меня тогда и в мыслях не было…

Вечером приехал Гольдштейн, один. Соколов тоже отметил: «опять без жены». Недомогает супруга. Двадцать раз сказал «спасибо» (за приглашение). Закусили-выпили,

разговор был сдержанный, Саша (Гольдштейна он предложил величать Александром) уже не был столь болтлив, более того, появились нотки «иерархии», не очень навязчивые, но четкие. И уже не разговор, а мемуары вслух. О Лимонове, о Кузьминском, центре тогдашнего «русского» Нью-Йорка, о «Голубой Лагуне». «Египетский труд», — сказал Гольдштейн. Тут выяснилось, что у меня «комплект» (Л достала когда-то), Соколов пожелал увидеть одну фотографию из «Лагуны», «только не помню, в каком томе… а где они у тебя?» «В спальне.» «Пошли, я тебе покажу», — вызвалась жена. «Наум не против?» — ухмылочка. «Валяйте, ребята.» А вообще такую волчару только оставь на минуту с овечкой… «Александр» привез свою статью о Соколове и несколько номеров «Зеркала». Когда Соколов проходил мимо его стула, за его спиной, Гольдштейн втягивал голову в плечи и нагибался вперед, как бы «давая пройти». В полодиннадцатого откланялся. А мы опять до двух ночи досидели вдвоем, допили вино, попели.

Спросил супругу нашу, нравятся ли ей его книжки.

— Сашечка, ты что предпочитаешь, чтобы ты мне нравился, или твои книжки?

— Я, — усмехнулся.

Марлин этот диалог не понравился

— А бабы или сразу на меня падают, или ненавидят.

20.11. Два года с начала нашей дружбы. Подарил ей альбом Боннара.

— А я тебе тоже подарок купила.

— Да? Какой же?

— Вообще ужасно смешно.., я поехала в «Макс и Спенсер», его опять открыли, хотела себе белье посмотреть, но там женское белье не очень, зато мужское! В общем, купила я мужу трусы дорогие, и носки, несколько сетов, и Мики тоже, и подумала…

— Надеюсь, ты мне трусы не купила?

— Ха-ха-ха! Подумала, да. Но не купила, ха-ха-ха! Там и так продавщицы удивлялись, что это я так много трусов беру, вот, говорит, как мужа любит. Так что — только носки.

На этот раз я работал особенно упорно, зло, неутомимо, и совершенно бесчувственно. А потом заснул.

Когда ехали обратно, как всегда, обхватив мою руку:

— Я как-то странно себя чувствую… Как будто все во мне потухло…

— В каком смысле?

— Я когда с тобой расстаюсь, у меня все еще горит внутри, то есть не то, что мне прям еще хочется, но… да-да, я могла бы еще, у меня всегда такой пожар внутри после этого, конечно, он немного стихает, но горит, да.

— Вечный огонь.

— Нет, правда. И я это люблю. А когда вот так, то даже как-то не по себе… Я часто выбрасываю вещи и покупаю новые. Просто если не ношу некоторое время, то выбрасываю. Я и мужа вещи выбрасываю, он всегда ругается: свое выкидывай, а мое не трогай. А ты вещи выбрасываешь? Тоже Плюшкин. Ты наверное и с бабами не расстаешься, потому что Плюшкин. Держишь на вякий случай. … А как ты думаешь, вещи без хозяев страдают? Ну вот эта кровать. Когда мы уходим, ну и все, кто на ней.., а она остается одна? А потом ее выкинут, и никто не…

21.11. Зус в Москве.

Купил в Гилее твою книгу, почти прочел. Для мамы шрифт мелкий. Был у Миши Файнермана — нет слов. Был на погосте

Спасибо, что навестил наших на кладбище. Как там, все ли в порядке?

Шрифт книги — да, мелкий. Как она тебе? Нет ли «личных претензий»? И почем книга в Гилее? Покупают ли?

Наум

23.11

Наум, привет.

Хочу обратить твое внимание (благо, бандероль с книгой Пумпянского, по-видимому, уже дошла) на очень «горячие» (в смысле эвристического поиска «истоков», похожего на игру в «холодно-горячо») интуиции Л. В. Пумпянского о глубинной («архетипической») связи между героическим и эстетическим.

«Восходя к основной мифологеме — история-природа, вымысел предполагает человеческое жертвоприношение, т.е. сакральную гибель исторического героя у алтаря природы, зерно всей художественной словесности. В убиении перед алтарем надо видеть зарождение эстетики. Где выкупные деньги платятся кровью, где один сходит за гибель человеческого рода, где через одного спасается род, — там уже почти вымысел и один шаг до спасения рода через фиктивное (художественное) человеческое жертвоприношение. Художественная поэзия есть организованное фиктивное жертвоприношение. <…>

Чтобы культовое жертвоприношение могло стать поэтической фикцией убийства, необходимо превращение его из жречески-насильственного в героически-добровольное. Вымысел, очевидно, предполагает некоторую ритуальную (эстетическую) отвагу жертвы и зависит, следовательно, от судеб этой добровольной отваги, без которой невозможно слияние в единый символ обоих его пределов, знаменующего и знаменуемого. Знаменующее лишь через смерть свою создает механизм чистого классического знаменования. <…>

Очевидно, переход эстетической культуры в культуру позднего или гамлетического Ренессанса может состояться либо оттого, что факт совершившегося знаменования перестает переживаться как чистое благо культуры, либо оттого, что изнашивается самая сила знаменования. … Второе есть судьба европейского неоклассицизма, который своей тенденцией распространить метод символического знаменования на всю без исключения предметную реаль-

ность создал тот романтический Ренессанс, немонументальный, распространительный характер которого привел к стиранию самих символов. … Расширенной предметности соответствует недоверчивая, переспрашивающая героичность.» (509—510)

И еще две цитаты из Пумпянского, касающиеся «Рампы» (в его словоупотреблении — «ободок»).

«Стиль есть черта, отделяющая художество от реальности, ободок недоступности вокруг сцены искусства; иными словами, стиль есть дереализация.» (55)

/В повестях типа «Пиковой дамы»/ «…сверхъестественное явление заключено внутрь того магического ободка, которым художественное произведение отделено от реальности». (453)

Странно и, в общем-то нелепо (обидно, досадно, ну, ладно), что в книге, опубликованной в 1922 году, уже содержались все те идеи, до которых я десятилетиями «доходил своим умом», изобретая велосипед. Еще более странно, что самые «продвинутые» изыскания в этой сфере — типа, например, книги Рене Жирара — развивают, по существу, очень сходные идеи. Если это так, то мы до сих пор находимся в парадигме пост-символизма, осваивая «первоинтуиции» Ницше-Вяч. Иванова: ибо пост-Ивановский характер мышления раннего Пумпянского (равно как и Бахтина, причем всего сплошь, как раннего, так и позднего) не вызывает никаких сомнений.

Что говорят об обстреле Газы? Из сообщений СМИ непонятно, почему ракеты ложились вроде бы «рядом» («в двухстах метрах от резиденции» и т.п.). Это нарочно или плохой симптом? Какая вообще обстановка? Я из твоей последней записки почти ничего не понял. Что это за риск? И что это значит, что ты работаешь «на террититиях (Ариэль)»? Очень обяжешь, если расскажешь о чем-нибудь или «обо всем» — тебе виднее — поподробнее. Может, пришлешь какие материалы?

Еще хочу спросить: почему так нежелательно для Израиля размещение миротворческих сил? Я чувствую, что это

какая-то бяка, но конкретных аргументов не знаю. Еще вопрос (понимаю, что дурацкий, но не знаю точно, по какой причине): почему бы не обменять отдаленные поселения на какую-нибудь прилегающую территорию — скажем, на часть Восточного Иерусалима? Если не согласятся, так силой, поставив перед фактом? (Я подозреваю, что мои вопросы абсолютно дебильны, но что делать, может, прочтешь маленький курс в порядке ликбеза?)

Всегда твой

Матвей

Тоскливо что-то после последнего свидания. Позвонил ей. Голос веселый.

— А я тут твоего Боннара листала, и там одна картина, читаю: «Дама с полугоем», смотрю, смотрю, не вижу ни гоя, ни полугоя. В конце концов выяснилось, что это «Дама с попугаем», ха-ха-ха! Ну, я тебя развеселила? Ладно, убегаю. Целую тебя, сам знаешь куда. И не красней.

Матвей, привет!

Цитаты из Пумпянского замечательные. Чувствую в его «первоинтуициях» могучую эрекцию мысли, которая вводит в самую суть… А тут… (все мучаюсь с «монотеизьмами») понимаш, не стоит мысль, оттого и не попадает…

Что касается наших дел… Ну, во-первых, работаю я в городе Ариэль, который находится на «территориях», как здесь нейтрально называют территории (захваченные, освобожденные, освоенные) после Шестидневной войны. Дорога ведет через арабские села, и я в последнее время чувствую себя на ней неуютно. То есть дороги обстреливают, были уже жертвы (вчера один «простой мужик», сказал по телеку: «вся страна — жертвенник», кстати о птичках…). Обстрел Газы не предусматривал попадания в «палестинское руководство», его задача была передать «месидж», такое вот сложнозакодированное сообщение, мол, ну-ну-ну, ребята. А «ребята» -то не из пугливых. За ними весь мир

стоит. А «международные миротворческие» в качестве буфера плохи тем, что нас будут продолжать обстреливать через их голову когда вздумается, как было в Ливане, где миротворцы не могли и не хотели «остановить» Хизбаллу, против террора они вообще бессильны, а нам будет еще сложнее ответить: придется «через голову» миротворцев, неровен час и им достанется, к тому же они будут защищать «слабых» против «неадекватного применения силы», как заявили американцы (!) после последней бомбежки. Ты помнишь знаменитую фотографию американского офицера в Ливане, который «своим телом» остановил израильский танк? Это было в Ливанскую войну, когда американцы организовали миротворческий десант и пытались за наш счет выглядеть «героями», в Америке была патриотическая истерия по поводу этой фотографии. Ну а потом Хизбалла взорвала отель с этими миротворцами, грохнули двести (!) человек и американцы, поджав хвост, уплыли, напоследок огрызнувшись пушками крейсера «Миссури», самыми, говорят, большими в мире, пульнули куда-то в горы… Вот Путин спросил: «Нас что, хотят лишить права на самооборону?» Конечно хотят. Впрочем, если говорить об Израиле, то тут найдутся многие которые сами себя готовы лишить…

Что касается «обмена» территориями, или каких-либо других «соглашений», то вся суть в том, что они хотят только одного, тотального отступления к границам до Шестидневной войны, причем (и это мнение не из области «первоинтуиций»), как первый этап. Потом восстанут арабы Галилеи и потребуют присоединения к Палестинскому государству (как албанцы в Косово), а потом, глядишь, и «рассосется», как ты писал, сионистское государство.

Вот ты говоришь: «силой заставить». Да ты что?! Сразу видно, что из России, как говорят местные. Тут слово «сила» даже произносить боятся. Потому что «силой ничего не решишь». Так учила меня моя бабушка, и так учат нас наши доблестные генералы.

Всегда твой

Наум

От Штейнера: *Наум, вот получил фото и пишу.*

Я читаю Вашу книгу — и радуюсь, и восхищаюсь и грущу. Мне это созвучно — и слог, и тон, и даже про политику. Вот только про баб-с, на мой вкус, многовато — но это, я, видать, от разницы в темпераменте или просто от зависти говорю.

Меня принимали как давно потерянного (без вести пропавшего) героя. Было очень трогательно и грустно от чего-то. Под конец возникло ощущение финальности — чего вот только…

Сообщите как дошли картинки

Ваш Же

Хорошо, что не «ваша же».

Дорогой Женя!

Несказанно рад был получить от Вас письмо. Фотографии — ну, просто ублажили и все тут.

Спасибо за добрые слова о книге. Насчет «баб-с» — это тема отдельная и сложная. Может как-нибудь и обсудим. Интересно, что в Вашем тексте я нашел очень близкие мне «ноты» о максимализме и о том, что «есть идеал и только из него нужно исходить». Вы может быть удивитесь, но это «лежало в основе» и моих «отношений с женщинами», причем не только в юности, но и всегда. Да, этот безумный поиск («найти себя — найти в истинном — настоящей, единственной, на всю оставшуюся жизнь и смерть женщине…»), это рысканье под музыку посасывающей, голодной пустоты в груди, мне это знакомо. И до сих пор это составляет суть моей жизни. Но мне ни разу «не удалось» (быть может, к счастью) «принять за идеал», как Вы пишете, конкретную женщину. У меня такое ощущение, что у меня «иммунитет» против любви (или против идеалов). И потом, как говорил какой-то хасидский рав, «там, где ты нашел истину, ее уже

нет». Может отсюда та «яростная (или истерическая) циничность» моих «любовных историй».

Ваши «Письма из пространства» всем горячо рекомендую. И «горячо» — не случайно, как-то они меня, да не убоюсь этого слова, согрели.

Всегда Ваш

Наум

25.11. То что иудеи «выносили за скобки», в трансцендентное, греки выносили за рампу. Греки научили людей играть, а евреи — молиться. Кстати, на иврите у «молиться» и «судить» тот же корень. Раввины говорят, что молиться: судить самого себя.

26.11. Гулял с собакой по парку, заваленному мусором после субботы, а утро солнечное, свежо, но не холодно, и думал, что вот я нашел женщину — метафору жизни (вчера болтали в лесу с Мироном, я ему говорю, что у Феллини женщина — метафора жизни, а он: не люблю Феллини, он не сексуален): абсолютно чувственную и абсолютно равнодушную, которая любит не душой, а телом.

И греки-язычники с их «телесностью» любили телом, метафизической глубины в «контакте» не ощущая, им было легко, но холодно, в этом их великом и прекрасном Космосе, а вера в Бога живого — это попытка заменить смертную связь тел на бессмертную связь душ. Вот так монотеизм исковеркал нам сексуальную жизнь.

От Л:

…«а поскольку самая забытая чужбина — это наше тело, собственное тело, то становится понятно, почему кашель, рвавшийся у него из нутра, Кафка называл зверем. Это был самый первый разведчик огромной стаи».

Это Беньямин?

Набегавшись утром с машинами и гаражами, поехал к двенадцати в «деревню». Сказал ей, что сегодня не получится, одолели хлопоты. Стала упрекать, что не предупредил: «Чего ты утром не позвонил?» Поделился всякими неувязками. Потом сказал, что настроение хреновое, и с таким настроением не хочется…

— Аа, так ты из-за настроения? Я думала не можешь по времени. А настроение мы поднимем, ха-ха-ха! Поедем, посидим где-нибудь. В этот, китайский. А чего, там неплохо кормят.

— Не, не люблю я там, у дороги, да и к школе близко…

— Там учителя не обедают.

— Нет, лучше уж к морю.

— Ну, поехали к морю.

После того, как тронулись в дорогу, вдруг спохватилась:

— Слушай, я тебя не насилую?

— Я, конечно, мечтаю похудеть, но где уж наша не пропадала…

Опять жрали жирные креветки в дорогущем ресторане, распили бутылку белого. Слегка закосел и понес про «типы сексуальности», и про Феллини, и про «холод», и про единобожие, и про то, что она «гречанка», «тая, древняя» (хмыкнул, но она на старую песню не среагировала), что у нее все через тело.

— А бывает, что этого мало, понимаешь? Хочется чего-то еще, чего-то метафизического…

— Это импотенция, — пригвоздила.

Потом стала говорить, что дебила-то не полюбишь, так что, конечно, одного тела мало. Я ей напомнил про ту ее «любовь», что у меня сложилось впечатление, что это типичный случай «телесной любви».

— Ну почему, он был очень своеобразный человек.., все мучался своей греховностью, нет, он был человек очень сильный духом, и вообще, он был, как дуб, всеми корнями в земле, это давало удивительное чувство опоры, надежности, вот ты ненадежный человек, мне даже кажется, что

если на нас нападут, ты не будешь меня защищать, а убежишь. (Я пожал плечами.) А вообще, зачем ты все время мне про него напоминаешь? Ты же знаешь, как мне трудно было забыть…

— А мне, как не странно, не хочется, чтобы ты его забывала…

— Я его и сама помню…

Еще много всякого наговорили друг другу, уже в легком раздражении. Назвал ее существом.

— Никогда не называй меня существом. Ты себя считаешь существом?

Потом целовались в машине. Стонала…

Холодно. Холодно в мире. Холодно в мире без Бога. Ну и что, что инфантилизм. Как Миша писал: собирать жучков в коробочку из-под зубного порошка, а потом взять папу за руку и счастливым идти домой… Она холодна, или ожесточилась, отчаявшись найти в мужчине «тепло». Телесное тепло душу не греет. Отдавайте тепло, и Космос не пожрет нас жерлом вечного холода, а будет тем, что мы тут, собравшись в тесный круг, надышали…

27.11. От Зуса: *тетя Лиза совсем плоха*
могила Евгении Львовны и дяди Исака покрыта искусственными цветами, наверное с лета
я убрал листья

Спасибо, что заглянул к моим и прибрал.

От Л: *дети разъехались*
хочу к тебе

ну, иди сюда, иди ко мне…

28.11.2000
Тарасов сообщил, что у него теперь свой сайт.

Но открыть его я не смог, о чем ему и доложил. Он был, как обычно, раздражен на весь свет, всем роздал по оплеухе: Соколову («Все-таки он странный»), Гольдштейну («Ты еще встречаешься с этим поцом? Боже мой, и как с ним женщина может жить!»), Штейнеру («Да он идиот на всю голову. Да ты что, полный псих.»). Пытался и Зайчику влепить:

— А что Зайчик, держится великим писателем?

— Нет, почему. Скорее наоборот. Со скромной, так сказать, самооценкой.

— Да?! Ха-ха! Есть еще такие люди? Славно. Значит он нормальный?

— Даже чересчур.

Досталось и нам, сирым:

— Наум, а что это ты всё «так сказать», «так сказать» — влияние работы в газете? Ты следи за своей речью.

Штейнер:

Наум, я читаю Вашу книгу перед сном и по утрам, когда нет мочи вставать, отлетаю душой, вступаю в разговор, оснащаю поля десятками невнятных помет и экскламаций — и сочиняю в голове текст, направленный к вам — и написанный кириллицей.

На меня навалилось обычное паскудство — дети и подружки (кажется снова куда-то засасывает), да отсутствие денег (на сей раз круче обычного), да к тому же глубокая и ровная в своей определенности и окончательности депрессия после поездки в Израиль — я много лет держал на задворках сознания идею, что вот совсем подопрет и вернусь туда, где я любил и меня любили. Вернулся — увидел, что любят (иногда я с испугом думал, что «видно тебя, братец, приняли за главнокомандующего»), но непроизвольно ощутил, что я уже не тот — как тень элизийская, а то и как Лазарь, тридневен от гроба, — пейзажу чужд и между всем — черта.

Ваш Же

29.11. Вечер Гольдштейна в магазине «Дон Кихот». Рассказывал о новой книге. Название неудачное: «Аспекты духовного брака» — брак слово двусмысленное. Прочитал кусочек из публикации в «Зеркале». После чтения рассказал о замысле. Мол, это «роман с культурой», и вообще он «гностик», «испытывает отвращение к плоти», и к «сексуальности» (апропо!), только духовное его утешает. Я спрашиваю:

— А с какой культурой роман? С мировой, с русской, али еще какой?

— А так, — говорит, — никакой. Вот стоят книги на полках, что с полки снял, то и культура.

Отрывок прочитал про пышнотелую негритянку, которую он рассматривал, как под микроскопом, в общественном транспорте.

— Что о ненависти к плоти, — влезаю, — никак не свидетельствет, скорее о тоске по плоти.

— Нет-нет! — замахал он руками. — Что вы! И описания моих скитаний по борделям чисто этнографические.

— А по-моему, сексуальные сцены у вас самые удачные.

Тут и Нина Воронель оживилась, попыталась его за половое уесть, но села в лужу. Взволновалась галерка: а как вы относитесь к... Он охотно раздавал оценки, ругал современную литературу за «искусственность», мол, Пелевин «не его автор», потому что «эстет». А сам-то что пишешь, ё-моё! «Роман с культурой»! Причем захудаленький, интелектуально жиденький романчик! Лучше уж написал бы порнографический... Спрашивали, кого он считает самым-самым, из тех кто «там» и «здесь». Вопрос о здешних он обошел, а из тамошних называл Соколова и, посмотрев на меня, Кононова. Я знал, что меня он не назовет, хотя было бы логично: чуть ли не три статьи про меня написал (не без нажима, каюсь). Но почему я так на него раздражен? Неужели от зависти? Похоже, что и он меня не жалует. Неужто прав оказался Топоров: не долго дружба цвела?!

Народу было человек двадцать пять. Воронелям подарил книжку. У Нинель короткая стрижка, короткая шея, крутые плеч'а и коровье вымя под полосатой маечкой с вырезом. Боцман в тельняшке с декольте.

От Л: *с утра по CNN рассказали, что того мальчика палестинского, кот. в самом начале интифады на руках у отца подстрелили, свои же и подстрелили, израильские анналисты, год всякие баллистические траектории изучавшие, наконец догадались опубликовать отчет. А что толку, да и поздно, их давно уже записали в убийцы…*

давай записки

От Риты Бальминой

Шалом, Наум! Меня назначили редактором «Журнала для родителей». Прошу информационной помощи. У меня нет опыта в воспитании детей и я никогда не была редактором. Рита

Ничего, редактировал же Марк Твен сельскохозяйственную газету. Для начала предложите родителям побольше говорить с детьми о сексе — они могут узнать для себя много нового и интересного.

Дорогой Наум!

Привет и добрый день.

Надеюсь, что Вы мужественно и отважно переживаете эту катавасию, которая творится вокруг. Мы, серьезно, переживаем. Отношение к мудакам, кидающих своих деток под огонь, у всех плохое!

Что нового помимо этой ерунды?

Как дела в творческих цехах.

У меня не работал ком, я лечился от вирусов и переставлял всякие штуки. Вот теперь все хорошо и я Вам пишу. Вот поеду завтра в Москву, там ярмарка высоколобой литературы и надо хоть один денек потусоваться, а 1-го вруче-

ние премий Андрея Белого и я в коротком списке за стишки. Посмотрим.

А 2-го уже приеду в СПб. У нас погодная тоска, только пить пиво хорошо. Я пишу прозу, вернее дописываю, может что-то и получится… Хочу написать нечто о человеке, у которого нет эдипова комплекса, то есть он все время должен себя «строить», чтобы не быть пустым, что бы не рехнуться, он должен выдумывать проблемы и т. д. Может, это и лажа, но от задачи уже не отступиться.

На роман вышли сразу 3 рецензии в «Нов. Мире». Правда, перед этим в Литгазете написали, что раньше за такие «романы» сослали бы в Магадан. Я хотел ссыльщику морду при встрече набить, но раздумал. Не буду работать на чужую славу. Все рец. есть на сайте у Славы Курицина (guelman. ru/slava). Понаписали, он еще не все включил.

5-ого будут результаты этой букеровской возни. Поглядим.

Да, Наум, у меня к вам просьба. Я не могу связаться с некоторой дамой. Это наследница Бубера. Можно ли узнать ее электронный адрес или факс, так как на обычное письмо она не ответила.

Dr. Judith Buber Agassi, 32, Levi Eshkol St.,

Herzlia 46745, Israel

Если это возможно, конечно. Хорошо? Все-таки страна маленькая…

Мне надо заключить с ней соглашение на издание. Без этого не получить субсидии на перевод.

Ну вот, я Вас озадачил.

Пишите, я всегда рад Вашим письмам

Искренне Ваш

NK

Николай, спасибо за письмо. С наследницей попробую связаться. Надеюсь на Ваш успех на всех «фронтах», поэтическом, прозаическом и издательском.

Всегда Ваш
Наум

30.11.2000. Поехали с женой на выставку Боннара. Сумрак гобеленов. Как будто под водой изображение, а по воде рябь. Это от Гогена у них пошла «декоративная» линия. Но если Матисс улыбчив, то Боннар, со своими желто-бурыми и серо-фиолетовыми тонами тяжел и грустен. Последние картины, когда ему уже под восемьдесят, особенно яркие, почти фовистские, жизнь вдруг засверкала последней яркостью, будто отпустила горечь…

Еще посмотрели выставку Хельмута Ньютона. «Они идут». Бабы то бишь. Бабы у него — сильный пол. Голые и безжалостные.

Потом жена меня угостила в «Джакометти».

— Смотри, — показывает на развешанные фотографии скульптур, — правда замечательные?

— Да, Джакометти…

— Это — Джакометти?

— Он и есть.

— А почему же, когда мы спросили у официантки, она не знала…

— Ей и так хорошо.

Выпили по бокальчику. Стала удивляться, что вот Боннар ей понравился, а Саша Соколов никак не дается.

— Ведь я с таким… я была заряжена им, два раза бралась, и каждый раз на одном и том же месте останавливалась — все, дальше читать не могу.

А я рассказал о вечере Гольдштейна. И по ходу рассказа опять на него разозлился.

— Ты что-то стал относиться к нему с неприязнью.

— Да у меня никогда особой приязни к нему не было, но было время, когда.., я ведь специально газету покупал чтобы его читать, мне было интересно, я учился у него, я им даже восхищался, а сейчас… интерес ушел.

Тесть:

— Мне очень тяжело… Она захватила мой шкаф и теперь вешает там свои вещи. Ну вот так и захватила. И по-моему у нее кто-то есть.

— Папа! Ей семьдесят восемь лет!

— Семьдесят шесть.

Вечером — день рождения у Н. Муж читал стихи. Косился на меня, виновато хихикая. Пришлось поддержать тон:

— Мне понравилось с какой непринужденностью ты перешел от звонкого ямба к невнятному верлибру.

— Да? — сказал бывший московский профессор. — А я и не заметил.

Другой профессор, с захмелевшей женой отплясывал фрейлехс. Потом пришли очаровательные грузины, плясуны и запевалы, — повеселились.

1.12.2000. Жена затащила к «кудеснику» Махди, грузинский профессор, с помощью таинственной жидкости (подозреваю, что это серная кислота) снимает всякие наросты, бородавки, родинки и т. д. Надела на шейку красный шелковый платочек, голос мяукающий, кокеничает вовсю. Грузин, маленького роста, лет шестидесяти, шустрый, бегал с растегнутой ширинкой из комнаты в комнату и «обжигал». Вся клиника — такие «соты», по которым он рассовывает пациентов, в основном пациенток, поточная линия, гребет бабки лопатой. Жене сказал прийти после Песах еще раз, и без мужа. Посмотрел я на этот алый платочек, красные губки и говорю: «Зачем грузин дразнишь?» И стали ржать.

Заставил себя почитать Гольдштейна. В деталях он хорош, в знакомых деталях эмигрантского быта, поданных с тяжелым, витиеватым пафосом (*недолго спустя я ностальгически оценил их спесиво-изящное вежество, когда из гнойных ям деревень, из гнилых дупель великой бескормицы*

хлынула другая совсем чернота...), здесь эта душная вычурность кажется уместной, вписывается в образ. Но детали у него, увы, вспомогательны, он не на них«строит», а на высказываниях о культуре, которые должны быть, по идее, интеллектуально весомыми и поэтически разящими — иначе не проза будет, и даже не набор заметок для газеты «Вести», а просто пародия на жалкое бессилие пафоса, потуги-натуги типа *трепет Ницшева провозвествования, зачерпнувшего аргументы в сфере умопостигаемой Вероятности, во исполненье которой необозримое, но конечное число частиц должно вновь и вновь слагаться в исходные комбинации фатума*... И еще он строит на идеологическом эпатаже. Борцу за «литературу подлинности и существования» не то что не хватает оригинальных «жизненных впечатлений» (не обязательно объездить полмира и записать в послужной список жестокость наемников, тюремные нежности и мучительные подвиги плоти), не хватает ему «оригинальной жизненной позиции» (без оригинальности кому нужна подлинность), поэтому воителю с искусственностью в литературе приходится возиться с культурой и искусством (эту область он худо-бедно освоил) и напяливать на себя пестрые наряды машкарадной революционности или безопасного фашизма. Он, видите ли, ненавидит иностранных рабочих, эту *морщинистую проголодь недородов*. Но неожиданная (для такого культуроведа) и аляповато-нелепая решительность пассажей выдает машкерадность ненависти: *азиаты мечтали кушать собак, за этим, не побоюсь утверждать, и приехали, вкусовое ощущение раздираемого их жёлтыми зубами еврейского* (!!) *собачьего мяса было главной, единственной целию путешествия*..., ...*вывозили дышать инвалидов, нежно гладили паралитиков, подтирали анусы паркинсоновым трясунам, кормили питательным раствором столпников альцхаймера... за бездну заботы они просили ничтожную малость — еврейских собак, веселых, славных псов, бездомных бобиков*... Если это ирония (господи, а что же еще?!), то какая-то неуместная в общем

строе книги о нелюдимом книголюбе, а если нет — маразм, впору захлопнуть книжку и выдвинуть ее на очередного «Антибукера». Не спасают «эпатажную линию» и искреннее упоение анусами инвалидов и брезгливость к «низшим классам» мальчика из гоголь-могольного детства мельхиоровых ложечек, якобы обласканного в молодости *женщинами свободных профессий*, впечатлительность коих была *беспрекословно чарующей*, и они *устилали просторные ложа алыми (пылкость), персиковыми (нежность), лимонными (близость разлуки) простынями*, к этим несчастным низшим классам, *которые не обнимали и уже не обнимут высокоразвитых женщин — поэта, историка, архитектора, журналистку…* («меня любили домашние хозяйки, вдовы, и даже одна женщина — зубной техник») — тоже ирония, или потные мечты инфантила? А чего стоят его архаровские (охотнорядские?) «социально-исторические обобщения»?! *Окраины корчатся от зависти к изобилию центра… Прямое фабричное рабство красных зорь накопления спустя годы явило ущерб… Населенные пункты Америки и Европы составлены из сомнамбулических толп, готовых отдать себя крокодилам, только бы невредимым осталось право на труд… Третий мир должен честно задаться вопросом, готов ли он к получению удовольствия от труда…* И как трогательна среди этих размашистых метафор рабства и варварства неожиданная для одинокого мечтателя забота о Родине: *Какой вывод из вышеизложенного? Вывод понятен: всем оставаться на своих местах. Румынам — в Румынии, филиппинцам — в Филиппинах, тайцам — в Тайланде, малайцам — в Малазии, китайцам — в Китае. Пусть едут куда им заблагорассудится, пусть где угодно строят курятники, жрут стариков и выносят собачьи горшки — лишь бы избавили нас от себя. Их присутствие род злокачественной опухоли. Смешение рас… несет Израилю гибель…* Но брезгуя «мирными рабами», он не отказывается от литературного капитала «неустроенности»: *Пространство вокруг буржуазно, сам же я неустроен*, которое он уже (не без гордости!)

поменял «по жизни» на небогатую, но вполне буржуазную устроенность, и только сквозь «классовую ненависть» пробивается раздраженное недовольство низким заработком: *мне платят скудное жалование…*; *я накопил едва ль многим больше, чем собралось в их сельских кубышках…*; *две трети мира бедней меня, бедняка…*; *надо выложить из пустого кармана…* Глобальные географические метафоры грешат скудностью и неточностью школьных учебников: *жирная нефть Египта, Туниса (какая в Тунисе нефть?), Алжира, Нигерии*, *медь, алмазы, золото Замбии* и т. д.

Единственная в книге интеллектуально весомая линия — очерки о Музиле, Йозефе Роте, Лу Сине, Голосовкере и Британском музее. Их литературоведческое достоинство сомнительно, но автор и не стремится к нему. Ему важно сочинить поэтическую метафору, создать культурный концепт. Но потуги на «сверхзадачу» фонтанируют поносом пафоса: *Лишь стойкое иночество, моления затворника и ежедневные монастырские уроки письма могли привести его душу и слог к той мерцающей, помрачительной святости… с колдовски нараставшим в нем жутким спокойствием и рассудительным исступлением указывал на возможность обрести состояние кобальта и лазури… ранг мистического вожатого, тайного имама своей расы, … непостижимое назидание, дожидающееся толкователя*, или — *пламенеющей нефтью разливались по вражеским землям армии Рамзеса-Тутмоса, все пирамиды, иероглифы, сфинксы остроены эбеновыми предками, цитируют сказки, любовные гимны, поэмы знойные, благовонные, где юные груди, не остывая в тени пальмолистьев, имеют вкус финика и вина, а лепет нежных губ что всплеск браслетов, не забыты слова Ипуера, плач над страной, загубленной дурными жрецами, лениво вырезать надписи, готовить церемониальных гусей*. Это уж без тени юмора. От этих метафорических нечистот несёт настоящей графоманской блевотиной.

Позвонил Барашу. Поделиться «разочарованием»

в Гольдштейне. Оно было одобрено:

— Видишь ли, мы к сожалению присутствуем при печальном процессе утраты антропоморфных признаков и превращения его в такое кафкианское насекомое, в таракана. Я думаю, что это произошло после его женитьбы, он вернулся к своему бекграунду, ну он из семьи таких советских журналистов, в какой-то мере приближенных к этому хамскому-паханскому: провинциальная элита, отец его в Баку был художественным руководителем госцирка, да, а она ведь тоже из Баку, ты знаешь? Да. И это как бы естественно, это как жениться на матери, но она… а, да, очень «загадочная», это знаешь, как сидят мужик с бабой на террасе, чай пьют, закат, погода хорошая, речка вдалеке, блаженствуют, и тут она ему вдруг бац ложкой по лбу, он: «Ты что, бабка, офанарела?» — «А вот такая я загадочная!», да…, она, понимаешь, сочетает в себе такую вот загадочность со средней интеллигентностью и бабьей стервозностью, а ты знаешь, что у нее жуткое зрение, чуть ли не минус восемь?, то есть она ничего не видит, поэтому так загадочно улыбается, ничего не видит, а очков не надевает, во всяком случае на наши тусовки, очень ей важно, чтоб мы ее видели без очков, это я сейчас читаю про Марину Басманову, ну про любовницу Бродского, так когда Бродского отправили в ссылку, она стала любовницей Бобышева, а произошло это так: они поехали с компанией на дачу, ну и там все перепились, веселились, а она не пила и сидела загадочно в другой комнате, одна, сидела-сидела, да и подожгла занавески, понимаешь, да? Ну от скуки, понимаешь, да? Я вот это всегда особенно ненавижу, когда от скуки поджигают чужие занавески…

2.12.2000. Гуляя с Озриком, изложил ему свою концепцию любви. Что у греков не было любви, в метафизическом смысле, никаких трагедий любви, страданий любви, самоубийств из-за любви. Их любовь телесна, они рассуждают о ней совершенно рационально, во всяком случае о любви

между мужчиной и женщиной. Вся поэзия любви посвящена однополым отношениям. Да и она телесна. А любовь с метафизическим уклоном пошла от любви Бога, к Богу и с Богом, то есть и «любовь» евреи придумали…

Приоритет евреев в столь важном деле Озрик воспринял с энтузиазмом:

— Да, интересно, когда я был влюблен в Милу, то совершенно не думал о сексе, он был мне не нужен, но все-таки я думаю, что дело скорее в красоте…

— Да красота тут ни при чем, любят и некрасивых, более того, в тот момент, когда влюбляются, женщина кажется прекрасной, небесной и так далее, просто никто не признается, не отдаст себе отчет, что он в сущности любит не женщину, а некий духовный идеал, что сексуальное влечение в сущности лишь гормональный повод к любви метафизической, поэтому он думает о красоте, поклоняется красоте, но красота — это макияж метафизики, влечения душ, но самое интересное, что есть люди (подумал о Р), которые объясняют такой подход импотенцией, есть язычники совершенно чуждые метафизики, я не думал никогда, что они возможны, ведь мы были воспитаны в христианской культуре, а возвышенная любовь, любовь-томление по родной душе — это чисто христианское, даже еврейский Бог — родовой, не вполне личный, он все-таки «над», а христианский вошел в каждый дом, люди вешали иконку над кроватью и молились ему, тут любовь стала совсем личной, интимной, и гораздо более сильной, любви к Христу посвящали жизни, монашескую чистоту и умервщление плоти, грекам это было бы дико, христиане возвели любовь в принцип жизни, они сделали из нее идеологию, отсюда вера в то, что во Христе, в этом общем потоке любви, жизнь станет бесконфликтной, волк будет пастись с ягненком…

— Да, это дало такой толчок искусству, ведь в греческом искусстве не чувствуется любви, оно холодное, хоть и искусное, а тут произошел такой эмоциональный

взрыв…

— Да, как при влюбленности, сразу тянет стихи писать, конечно, любовь — это эмоциональный взрыв, в мире сразу теплее… вот мне одна женщина рассказывала о своем сексуальном опыте в юности, что она имела дело только с взрослыми мужчинами и терпеть не могла сверстников: краснеют, ладошки потные и так далее, я ей говорю: а ты не чувствуешь себя обделенной вот этой юношеской «невинной» любовью, ведь когда тебе посвящают стихи, ты должна понимать, что не ты их причина, а то божественное томление по соединению душ, которое ощущает влюбленный, нет, она этого не понимает, странно, и это очень умный человек, но это ему совершенно чуждо… так вот у Феллини все эти каскады бабьего мяса — в них нет ничего сексуального, это гротеск, это издевательство над телом, потому что в нем живет тоска по любви, и любви неземной, вот и мое «циничное отношение к женщинам», так напугавшее покойного Залыгина, исходит из того разочарования в реальной любви, когда ты в конкретной женщине не можешь найти убежище для томящейся души, мечтающей слиться с божественным, не можешь в принципе, женщине нужно тело…

— Да, похоже, что это чисто еврейское явление, вот Иов, это же поразительная любовь к Богу, именно любовь…

— Да! Это совершенно поразительно! Этот разговор Бога с Сатаной, как двух баб, одна рассказывает другой, какой у нее преданный поклонник, а другая ей говорит, ты, мол, не обольщайся, он не тебя любит, а твою силу, богатство, ну и всякое такое, а та говорит: хочешь, проверим его, возьми, соблазни его, он твой, а потом посмотрим!

— Да, но в исламе, несмотря на единобожие, и самое строгое, нет любви. Какая может быть любовь, когда разрешается многоженство, на Востоке женщина — кусок мяса, никто и не подумает «накручивать» на это какую-то метафизику. А у греков и римлян, хоть и была моногамия, но без метафизики…

— Да, в исламе нет любви, даже к Богу, он в исламе самый что ни на есть трансцендентный, как греческий Логос, а запредельное не полюбишь. А моногамия западная от другого, от неприятия рабства, даже женского, ведь в ситуации многоженства женщина — рабыня. И потом греки и римляне воспитывали себя совершенно иначе, без любви, в холоде мира у них была только одна опора — мужество, стойкость, поэтому метафизическую любовь они воспринимали, как слабость, поражение, она означала, что ты один в мире не держишься, тебе надо облокотиться на что-то, тебе надо поплакать в чью-то жилетку…

3.12. Диотима («Чтящая Бога») говорит Сократу в «Пире»:

— Скажи мне, разве ты не утверждаешь, что все боги блаженны и прекрасны?

…А блаженными ты называешь не тех ли, кто прекрасен и добр?

— Да именно так.

— Но ведь насчет Эрота ты признал, что не отличаясь ни добротою, ни красотой, он вожделеет к тому, чего у него нет?

— Да, я это признал.

— Так как же он может быть богом, если обделен добротою и красотой?

— Кажется он и впрямь не может им быть.

— Вот видишь, ты тоже не считаешь Эрота богом.

— Так что же такое Эрот? — спросил я.

Сократ удивительно легко соглашается с ее скороспелыми выводами. То есть в логику (скорее, в софистику) он «верит» больше, чем в богов. Сократ уже не религиозный человек в антично-языческом смысле, не удивительно, что казнили его за богохульство и духовную «порчу юношества».

В дальнейшем говорится о том, что человек от любви к красоте «отдельного тела» устремляется («если ему ука-

жут верную дорогу»!) «к идее прекрасного», «после этого он начинает ценить красоту души выше, чем красоту тела», и тогда «тот, кто благодаря правильной любви к юношам поднялся над отдельными разновидностями прекрасного», начинает «постигать само прекрасное, тот пожалуй, почти у цели». Любовь к юношам, как путь к Богу…

5.12. Ставлю рекорды

— Моцарт, ты превзошел сам себя. … Мне кажется, что ты и больше можешь. … А почему ты всегда только два раза делал? Жадничал? … Десерт был великолепный…

7.12. Поехали с Р на Боннара. На ней голубой («Какой же это голубой, это сиреневый!») замшевый костюм. Грустна.

— Вот ты никогда не спрашиваешь, как у меня дела. А мне плохо. Да. Все плохо. Декабрь. Самый плохой месяц…

А погода солнечная, тепло.

Боннар ей понравился, но не шибко.

— Нерва у него нет.

— Зато музыка есть, — говорю.

— Да, музыка. Но легкая.

Кто-то неожиданно окликнул:

— Извините, вы Наум Вайцман?

Мужичок моих лет, упитанный, зоркие черные глазки глубоко спрятаны и очками прикрыты.

— Вообще-то я привык отзываться на Ваймана…

— А я Ефим Баевер.

— Аа. Мы знакомы?

Она тем временем отошла к другой картине.

— Я же Вам свою книгу подарил на последнем вечере.

— Аа.

— Ну что, осилили мою книгу?

— Да, — соврал я. — Хорошая книжка. Вы легко пишете, бодро.

— Да, но за этим стоит очень многое, в этом все дело.

— Ну, у некоторых стоит, а у некоторых…

— Да, есть такая беда тоже. Но сейчас в основном развелось в Москве много таких, которые пыжатся, а сказать-то им нечего, за ними ничего не стоит.

— Да, есть такие. Вы меня извините, я… неудобно даму оставлять.

— Да-да, вы ее не оставляйте, можно потерять, а такая — дорогого стоит.

Комплимент мне понравился. И еще мне нравится, как ее оглядывают женщины: очень серьезно, тщательно…

Посидели в кафе. Выпили по бокальчику. Смеялись. Потом на скамейке в садике обнимались. «Ну нравишься ты мне! Нравишься! Хорошо мне с тобой.» Я тоже что-то такое ласковое урчал и ластился. И тоже слов не жалел. А что, нравятся мне и ее глаза, такие невинные, и волосы, мне всегда нравился такой цвет, пшенично-серый… При этом и на баб зарюсь, и ловлю их заинтересованные взгляды.

— Ты меня держишь в тонусе.

— Ты просто в тонусе, и я этому рада.

А когда домой пришел, и сиреневые чары развеялись, подумал, что мы в сущности друг друга поддерживаем. Обратитесь за поддержкой…

Всю дорогу терла мне руку, было такое ощущение, что стерла кожу, такая была в этом месте болезненная чувствительность, залезала под рубашку. «Мне хочется в тебя влезть, просочиться…»

— … Я, когда возвращаюсь домой, вся сияющая, еще вся тебя чувствую, несу тебя в себе, и у двери делаю невероятное усилие чтобы изобразить на лице усталость, измученность, страдание, все-таки трудилась с утра до вечера, и вот вхожу с этой маской измученности и вместо ворчания, или претензий, или подозрений: «Приготовить тебе кофе? Хочешь перекусить что-нибудь? Я тебе согрел ванну…», и все это таким ласковым, любящим голосом — вот это для меня всегда самое страшное.

Володя Овчинников звонил, проездом из Кремоны. С подругой расстался. «Ей двадцать один, все-таки это большая разница. И ты знаешь, то ли это сороковник стукнул, но все вдруг стало так неинтересно, так прозрачно, все эти ходы и заходы, кажется я только теперь понял, что женщина — это только женщина, и больше ничего.»

8.12. От Л:

А ты не пробывал говорить с Соколовым об издании «Хроник» на английском? Может чего посоветует?

Я с ним говорил, но ничего конкретного он не сказал: надо рассылать краткие резюме и плюс рекомендации (вот рекомендацию я у него пожалуй попрошу). А еще можно таким макаром найти грант и за счет гранта издать. Ну, а если реально — это приходит вместе с успехом. Приходит само. А то забегаешься гранты искать, задергаешься в Паутине.

От Зуса:

Старый пруд
Лягушка всплывает
Пузом вверх

Дорогой Николай!
Вот электронный адрес Юдит Бубер…

В Вашем адресе была ошибка: дом 37, а не 32.

Она дала и адрес своего агента в Лондоне Поля Марша ….

Ее телефон в Израиле ….. (Вы должны набирать без первого нуля).

На словах она передала, что ее главное условие: чтобы перевод был с источника, с немецкого или иврита. «Деловую» часть она склонна адресовать своему агенту.

На этом свою миссию полагаю выполненой. Кстати, если свяжетесь с Полем Маршем в Лондоне, то может и о бедном израильском гусаре замолвите слово: хорошо бы издать

«Хроники» по-английски. Вот как заинтересовать толкового литагента? Вы по этой части человек гораздо опытней и весомей меня. И главное — издаться, деньги, на данном этапе, — вопрос второстепенный (для меня, так что в случае Вашей удачи и дивиденты Ваши).

Какие вообще новости? Как там в Москве премии поделили?

Всегда Ваш
Наум

9.12. Ночью шел дождь. Простужен. Надо ехать в Ариэль, Света пригласила… А на дорогах стреляют, вчера троих убили.

Утром гуляли с женой в парке. Зелень свежая, мокрые дорожки, безлюдно. У пруда большой белый гусь зашипел на нас. Утки бегают по воде и бьют крыльми. Повела к «пьяному дереву» («Там такой цветок раскрылся, потрясающий! Пестик такой красивый, такая эрекция!»).

Вспомнил, как Р говорила: «А ты его любишь? … Ну и зря. Он такой красивый…»

Света хлебосольна. Драчливая девчонка из ростовского двора, которая «если уж полюбит, так на всю жизнь», а если уж невзлюбит, «так человек для меня не существует». Была красоткой, хорошо поет (и на гитаре бренчит), рисует любительские картины, преподает нашим эфиопам английский («Я его спрашиваю, а он так напряженно морщит лобик, и даже макушку почесывает, ищет, а что же ты ищешь, когда ничего туда не положили?»), ну, а уж готовит, да еще анекдотчица… Я тоже козырнул анекдотом Портоса (имел успех): «родился мальчик без века, пошли к раву, рав говорит ничего, когда обрезание сделаем, то кожицу ему на глаз пришьем, «раби, — говорит мать, — а у него не будет взгляд поцоватый?» Двое детей, дочь и сын, листали фотоальбомы. «Я ему (мужу дочери) сказала: если ты ее обидишь, я оторву яйца тебе, твоему отцу и твоему

дедушке, он говорит: а дедушка уже умер, так я ему говорю: я ему оторву на фотографии, и он знает, что я не шучу», сын вернулся в Ростов, бизнес, женился на богатой, у тестя бензоколонки, магазины, «он нас полдня возил по городу, показывал: это мое, и это мое». Любит отца. Муж — для декора. Когда вернулись домой, у жены живот заболел. Позвонил доложить, что благополучно добрались, «спасибо, было замечательно». «И нам тоже очень понравилось, так что если вы не против, будем продолжать.» Жена говорит: учись держать чужую любовь на расстоянии. И еще: «Когда женщины много, но она не может дать того, что ей хочется дать, она давит гостеприимством».

Барак подал в отставку. Позорище. Ну как тут не вспомнить Розанова о «неумелости власти, недаровитости к ней» у евреев. «Жить улицей, околодочком, и — не более…»

11.12

Дорогой Наум, спасибо большое за адреса, может я что-то теперь и сдвину с места.

Вот кончились букеровские дела и у меня стойкое ощущение похмелья, хотя на банкете я не смог проглотить даже капли водки. Устал люто от бессмысленности московской, одних и тех же людей, диких пробок на дорогах, сумасшествия и обид.

Слаповский меня потряс. На обед у английского посла (кстати, кухня мерзейшая — треска в соплях) он заявился в серейший декабрьский день в белом пиджаке и черной рубашке с чернейшим галстуком, как финансовый директор попгруппы На-На. А вечером, на банкете, — чернейший пиджак с белейшей рубашкой и красным галстуком. Я как представил, что он из Саратова этот гардероб пер, то сразу капель захотел ему накапать. Это надо было видеть!

Все, Наум, суета сует! Смысла никакого, одна туса, как сейчас дети говорят. Ну ладно, хоть тыщу баксов якобы дадут. За шорт лист.

Наступило ли угомонение на благословенных землях?

Что славного: я с Шенбрунн пообщался, она всякого про Иерусалим понарассказывала интересного. Даже захотелось ломануться к гробу Господнему. Посмотрим.

У нас теплейшая серейшая депреснейшая зима. Я жду как девушка 22 декабря, чтобы света прибавилось, мне всегда после этого числа как-то легче делается.

Да, Наум, на букероском банкете не было вина! Одна водяра, теплая, я ее не пил. Ооо!

Пишите

Ваш НК

Когда читал письмо Кононова, вдруг позвонил Гольдштейн. Видно, почувствовал себя на отшибе, решил «наводить мосты». Поболтали. О Соколове и его затворничестве, что ему теперь очень трудно, тем более после такого долгого молчания, снова «выйти на сцену», о Букере, оказывается, дали не Слаповскому, а Шишкину. О Слаповском Гольдштейн отозвался пренебрежительно: «крепкий беллетрист». Все-таки спросил его: почему, гад, книгу мою не назвал? Оказывается, он «испугался» Воронелихи, что начнет его втягивать в обсуждение ее книги. Какое-то нелепое объяснение.

Еще заметил насчет его «высокоразвитых женщин», он сказал, что это ирония, неужели я не понял. Да как не понять, однако ж…

Дорогой Николай!

Вы так красочно описали Слаповского, что я решил, что ему дали Букера, а выясняется, что дали Шишкину? То есть опять заграничному жителю и семиту?

Поразительно. «Измаилов» его я не брал, так что судить не могу…

Надеюсь, Вы не очень огорчились, потому что премии — это трескотня («туса»), а проза, такая, как Ваша, остается.

Вы мне когда-то писали, что на этот раз у Вас была возможность «повлиять» на решение Комитета, как вы ею распорядились? И не помешало ли это Вашей собственной книге?

А что, премия сейчас действительно английская, то есть английские деньги? И интересно — почем нынче.

А Шенбрунн — симпатичная женщина, но уже давно не пишет ничего, это же роман сорокалетней давности… В общем, «комитетчики» у вас настроены не на прозу, а на беллетристику. А ведь это так скучно. И Слаповский тоже, хоть он из такого славного города.

А у нас никакого «угомонения». Наоборот. Ужасно все это противно…

Зато погода хорошая, такое «бабье лето», солнечно, градусов двадцать плюс, и такая же температура моря, вполне можно купаться. Так что если задумаете «ломануться» к святым местам, то будем рады. Пока сын в армии, даже комната есть отдельная.

Всегда Ваш

Наум

Звонил Верник, посоветовал почитать повесть Юли Винер в последнем номере «22». Еще спросил, как Гольдштейн поживает. И тут же пожаловался, что тот ни разу не позвонил, не поинтересовался, как их там обстреливают. И здесь Гольдштейном недовольны. Не компанейский он человек. И выпить не любит. «А ты заметил, — спросил Верник, — как он ест? Когда мы у тебя два раза собирались, я обратил внимание: он ест, как птичка. Поклевывает.»

От Штейнера

Здравствуйте, Наум!

Жизнь становится все «странновее и странновее» (не помню, как там в русском переводе переданы слова Алисы («curioseer and curioseer»), хотя временами оглядываюсь и задумываюсь: перемогает ли она себя (не Алиса, а жизнь),

или нас, или мы себя. Частенько кажется, что она все-таки не сестра, как тому сталинскому небожителю, а скорее, как воспитательница из детдома, полная бессмысленных запретов и ограничений. Кстати, по ассоциации с помянутым поэтом вылез у меня образ из его менее счастливого современника (и вроде как бы друга): «Я буду жить, дыша и большевея». Странновее большевея. Забавно. Надо бы взять на вооружение это словечко, родившееся в первой строке письма к Вам. Кажется, оно в известных интеллигентам текстах доселе не обнаружено? Надо бы у Гольдштейна спросить. Ох, не люб он мне, признаться, хоть и неловко даже. При всей любезной мне затейливости и навороченности, его тексты отдают какой-то душно-влажной восточной чрезмерностью, чем-то бакинско-багдадским, когда интеллигентские центоны слипаются в какое-то гаремное марево арабесок, этакое серальное текстоложество, густое и потное. Ух, как я его, хотя за минуту до этого и вовсе не думал.

Какое уп-поительное все-таки занятие писание это (да на родном языке, добавлю тоскливо). Я в последнее время (хотя оно давно уже скорее пост-последнее) пишу исключительно всякие официальные реляции по-английски, да вот еще с недавнего времени любовные послания на этом же чужом языке. Прелюбопытный опыт оказался. Может, это как раз то, чего не хватало мне для полной метанойи, я никак не могу понять, я это или не совсем я, когда вылезает из меня какой-то жаркий лобзающий лепет по-американски. Вот Вы человек бывалый, скажите, Наум, возможно ли нечто душевное с богатой американской, не знающей кто такой Набоков?

Писать к Вам я собирался конкретно по повду Вашей книги, каковая лежит у изголовья, густо испещренная маргиналиями, часто невнятными самому себе уже через несколько дней. Вот, может, дойду до этого.

А еше читал «Зеркала», три номера которых выдала мне от щедрот Ира Гробман, вероятно, взамен обещанных и где-

то растаявших двух тысяч. Тысяч вообще-то жалко, а паче того знакомства, того, чо я в этих «Зеркалах» увидел. Ох, до чего же они все-таки кривые и злобные прям как у тролля.

Вот номер 9—10. Открывается огромными излияниями 96-летней Эммы Герштейн, поливающей всех и вся, за грехи, сделанные шестьдесят лет назад. Ира услужливо подливает масла в огонь и нанизывает новые гадости и «разоблачения». Бесстыдство там мелькает прямо на грани прелести. (Э.Г.: «Ну мерзавцы, не, ей-Богу! Бродский для меня поэт совсем не великий». И.В.-Г.: «А Вы знаете, я говорила сейчас с Игорем Холиным, и он сказал, что есть поэты, которые правильно функционируют и принадлежат к литературной ситуации, академической поэтике, это форма без содержания, сделанные стихи, и называл Брюсова, Бродского, Сапгира, а есть живая поэзия, как Е. Кропивницкий, Сатуновский, Гробман, например»). Забавно, не правда ли? Это даже покруче того, что говорил мне как-то в самом начале девяностых Генделев. Что Бродский срывал его, Генделева, турне по Америке тем, что организовывал свои собственные чтения в эти же самые дни в этих самых местах. Нет, воистину, в израильских мастерах художественного слова есть нечто особенное, до оторопи.

А мертвяцко-патологическая, в шестидесятых трущобных оставшаяся проза Мамлеева, а тошнотворно-пидорасная, без складу и ладу стряпня Могутина, а из номера в номер кочующие злобные мемуары «российского дворянина и художника фон Рауха», скромно незаметного до неразличимости в советские времена под прозванием Смирнов. И злоба-то какая-то простецкая, без божества, без вдохновенья, на уровне коммунальных склок. И т. д. Тошно и пугающе грустно.

Вообще, это пребывание в Израиле оказалось для меня неожиданно грустным среди веселий и пиров и припадания к старым камням. Ощутилась какая-то предельность-конечность моего собственного мифа о возвращении в Иерусалим, мифа, коим малодушно питался годы и годы по мере

того, как пейзаж за окном становился все странновее… Вот и милому Вернику, конфиденту моему главному и любимому, никак не напишу обстоятельно и благоуветливо, отделавшись лишь парою эпистолярно невыразительных записок.

Тот же Гольдштейн писал зачем-то про меня (ничего про меня не зная) в вольных комментариях к моему «Гонскэ» (это его Верник Гробманам снес, о чем я узнал едва ль не постфактум), что, дескать, у вас у всех там в Америке плохо, а у нас тут вырос журнал и сложилась общность, литературно-приватная. Приезжайте, мол. Ладно, я лучше здесь прервусь, довольно желчи и грустных пеней. К тому ж и младенец, здоровенный детина не по годам независимый, проснулся и требует кормления.

Начало положено, постараюсь положить за принцип сноситься с Вами. Считайте этот странный текст нечто вроде «Вместо предисловия».

Женя

12.12.2000. Овчинников возвращается в Кремону.

— Да ты что, там можно классно заработать, у меня уже имя там есть, да, все делаю, и скрипки, и виолончели, ко мне приезжают со всей Италии, солидные люди, евреи, такие, что копейку просто так из кармана не вытащат, да там одно имя города что стоит, японцы бегают, скупают все оптом, да там любая скрипка, так, тяп-ляп — тысяча баксов, а их можно несколько штук в месяц делать, вот и считай, за год работы можно квартиру купить.., да у меня не остается ничего, всем надо посылать.., да я работаю по четырнадцать часов, включаю Лещенко, или Козина, кайф, не, город классный, в центре — Домо, дома красивые, итальянские дворики, а чуть в стороне уже черти что, я больше всего башню люблю, я туда часто поднимаюсь, платить только приходится, да пару баксов, оттуда вид такой, обалдеешь, а в первый раз я поднялся, и вдруг, как ухнуло, я оглох и под ногами ничего не чувствую, это колохол ихний, слу-ушай!, я потом уже специально ждал, когда

он бить начнет, такое ощущение, что тебя вверх подбрасывает, повисаешь, не, классно, да ни с кем, да мне невест там наперебой сватают, недавно одну, Софи Лорен, только красивее, 25 лет, у отца магазины, бензоколонки, и только замуж хочет, никаких глупостей, да нет, ты что, испугался, конечно, да ты что, с итальянками связываться… Наташку я видел, когда в Антверпене был, да что, ну, сидит она в золотой клетке, чувак не любит, когда к ней дети приезжают, да ничего хорошего, я когда ей позвонил, так она тут же в поезд и приехала, в Антверпене меня с такой чувихой познакомили — я обалдел: сижу я, вожусь с деревяшками, весь в опилках, и тут входит такая — ну я просто обалдел, на еврейку похожа, я сначала подумал, что еврейка, знаешь, вот такая копна, рост метр восемьдесят, подходит так запросто, познакомились, у ее родителей дом — лимон стоит, не просто дом, а с бассейном, садом, ну все как надо, а муж у нее был самый знаменитый фотограф в Бельгии, бросила его, знаешь, фотомодели, трахаешься с утра до вечера, ну, перестал на нее внимание обращать, она и ушла, чувак взвыл, все понял, на коленях валялся, в общем, вернулась она, а он потом опять, ну тогда она уже ушла совсем, потом у нее любовник появился, Тони, классный мужик, тоже где-то метр девяносто, а потом она родила, и муж бывший считает, что это его мальчик, да она продолжает с ним работать, она же менеджер всех его фотомоделей, он без нее никуда, а все говорят, что похож на Тони, а теперь у нее адвокат любовник, она мне говорит, поехали к отцу домой, ну, поехали, а тут Ирка мне звонит, заказы, тот просит починить, этот, в общем, пришлось отказаться, она говорит: без проблем, когда приедешь, поедем, не, хорошо, что не поехал, в тот день как раз родители ее вернулись, Брагинский там у миллиардеров живет, у них дом в центре города с парком, там белки, лисы, ну лес настоящий, он солирует, скрипач, и кучу денег сделал на скрипках, покупает-продает, вообще-то он такой мэн, что-ты, но мы с ним запросто, развелся недавно, жена-бельгийка,

она при мне как на сына ихнего зашипела, он мне подмигнул, видал, говорит, а может и бритвой по глазам, итальянцы ужасно завистливые, один все увивался вокруг меня, мол, покажи скрипку, ну я его позвал, пришли втроем, два итальянца и армянин, ну я им поставил скрипку, они как увидели, у них челюсти отвисли, пять минут молча стояли, я говорю: хотите звук послушать?, сыграл им, они отпали, двое сразу ушли, один остался, попросил меня подставку сделать, а лучше меня никто подставки не делает, ну сделал я ему, он хотел заплатить, я говорю нет, ты же сам мастер, с мастеров не беру, ну, в ресторан меня пригласил…

За разговорами успели перекусить.

— …В Болгарии был, у сына, ему уже двадцать один, он по компьютерам мастак, ну просто классный, он там всем студентам курсовые делает, дипломные, ему это десять-пятнадцать минут работы, тут же, чик-чак, за пальцами не уследишь, а он в детстве на пианино учился, только вот стучит по клавишам, приходится часто клавиатуру менять, в Варне он всякие диски там переписывает, я ему говорю, чего ты там торчишь, поехали в Италию, будешь настоящие бабки делать, ну чего он там получет, полторы сотни баксов в месяц, а девок у него, он на лыжном курорте работал, так по две в день, одна утром, другая вечером, надоело, а там в горах девки с такими ногами, я такого не видел!…

К семи повез его на какую-то встречу.

— Ты знаешь, я с ней намучался, она еще такая истеричная, чуть-что — топиться, резаться, не могу без тебя, я уж и не чаял выбраться, а тут, как кончилось все, вдруг сердце заболело, привык к ней, и сам на себя злюсь, что сердце болит, да я обхожусь как-то, а если уж приспичит, еду в Данию, к подруге, да ерунда, сел в поезд — на следующий день в Дании, да у меня везде ученики, клиенты, еще и с прибылью уезжаю…

Подарил ему книжку — он аж запрыгал от радости:

— Ну, класс! Ты не представляешь, как я ждал ее! Класс!

15.12. Дождь стучит по стеклам. Сумрачно за тяжелыми шторами. После полбутылки сухого красного разговорилась-разболталась.

… — Племянница мальчика родила, наконец у нас пошли мальчики, бабушкино проклятие кончилась, я тебе рассказывала, что когда дедушка погиб, а потом старший сын, и когда младший погиб, то она повесилась, мама ее вынимала из петли, представляешь, ребенок еще, и она несколько месяцев вообще не говорила, из дома не выходила, и вот тогда она нас закляла, чтоб не рожали больше пушечное мясо, и с тех пор и у меня дочка, и у сестры две дочки, и вот теперь… у дочки тогда зубы зашатались после этого собрания, ну ей собрание устроили, когда она в Израиль собралась, она пришла с подругой, подруга была беременная, жрала без перерыва и рассказывала, а дочка все молчит, а на следующий день у нее зубы зашатались, ну, я ее стала по врачам таскать, была одна знакомая, очень толковая, она ей какие-то уколы стала делать, и здесь она еще лечилась, в общем, спасли зубы, это у нас наследственное, у отца, когда мама умерла, все зубы выпали, а я как раз с любовником была, муж уехал в Москву, ну и я дорвалась, с утра залегла, вроде как на совещании, а меня все ищут, дочка звонит на работу, никто не знает где я, наконец, часов в девять я решила домой позвонить, выяснить, как ребенок, повоспитывать его по телефону, а она: мамочка, ты где.., ну и.., сегодня ночью как раз годовщина, и я опять.., все тоже самое…

Обхватила колени руками.

— Я блядь. Да, и ношу это звание с гордостью. Ты ведь тоже такой. Хотя нет. Поначалу я думала, что ты тоже такой. Но ты не такой. Ты еврейский мальчик.

— Это точно.

— И для тебя «это» не главное (море сарказма).

— Да, не главное.

— Скажи мне, ну неужели ты действительно никогда

не любил?

— Не-а.

— Мне тебя так жалко. Ты просто не жил. … Ну, за что выпьем? Чтоб было сало и мясо?! Ха-ха-ха! …Ей тогда годика четыре было, и у нее была прекрасная память, и вот она из садика приходит и говорит: мама, мы стихотворение выучили, про Первомай, и стала читать, там была фраза, как шли «с алыми знаменами», а она говорит: «с салом и знаменами», я говорю: Санечка, ты неправильно читаешь, надо «с алыми знаменами», алые, это красные, не может быть, чтобы шли с салом и знаменами, а она: почему не может быть, это же демонстрация, чтобы у всех хороших людей было сало и мясо, ха-ха-ха! Ну, так за что выпьем? Давай знаешь за что? За хорошую еблю. Чего ты смеешься? … Родной мой,.. ты хоть немножечко мой, да?.. ну почему, почему мне с тобой так хорошо?.. Все в тебе люблю, все… знаешь, мне так хорошо.., ты хоть знаешь, как мне хорошо? … Все-таки два года это много…

— В том смысле, что слишком много?

— Нет. Просто много. Мы с тобой сколько времени обычно? Ну, в среднем пять часов. Значит получается за год десять суток. То есть мы провели с тобой вместе двадцать суток? Нет, это не много. … А сколько за один раз спермы выходит? Ты что, пятьдесят грамм это полстакана.

— Это воды полстакана.

— Нет, ну все равно. Грамм десять. Так сколько получается за год ты в меня влил? А хоть немножко остается во мне? Да нет, почти все выливается. … Я очень верная любовница. Ну, практически ни разу. Ну так, один-два раза — не считается. Тебе же ло ихпат[1]? И правильно. Это ничего не значит. Ты все равно лучше всех. Ну для меня лучше всех, какая разница. Ну что, не бывает, когда вдруг захочется? … Чувствуешь угасание? В чем это выражает-

[1] Ло ихпАт — все равно (ивр.)

ся? … Я от твоей лысины просто с ума схожу. Я теперь на каждую лысину оборачиваюсь. Я даже с одним.., с горя, когда мы с тобой… Я смотрю ты перешел на трехразовое питание? Это признак угасания? … Я тебя представляю себе, как хуй, набитый мозгами.

Причипурилась и тяжело вздохнула.

— Что-то мне грустно. Я обычно после тебя сияю.

Когда вышли, дождь перестал. Вечер. Вдалеке над морем черные тучи расступились, обнажилась синяя рана.

— Что-то мне плохо… Нет-нет, не из-за тебя. Я уже приехала такая. … А я верю в летающие тарелки. Мне даже снилось… У меня вообще есть один такой повторяющийся сон, и всегда очень явственный, что вот я смотрю в ночное небо, и звезды на небе вдруг начинают двигаться и складываются в такие странные и очень правильные геометрические фигуры, и я чувствую такой… восторг, и страх. Восторг и страх…

Тяжело вздохнула:

— Что-то мне никогда не было так после тебя.

16.12. Вчера был день рождения старшего. 31 год. Поскольку и у дяди его — в то же время, то всей мишпухой пошли в китайский ресторан. Дядя, как всегда, рассказывал сальные анекдоты. Мама-гинеколог: «Перестань быть циником, я тебя так не воспитывала!»

Яков Шехтер похвастался вторым местом на каком-то сетевом конкурсе.

Яша! Поздравляю с высоким местом на конкурсе. Рад за тебя

Желаю дальнейших успехов.

Наум

17.12. Пошли на «27 поцелуев Сивиллы…», какая-то грузинка сняла во Франции. Симпатичный фильм, легко

смотрится. Еще раз о женской свободе. О свободе любить. В зале было человек пять. Мы сидели на последнем ряду и целовались. Когда она целует и ласкает — кажется что… Что она меня любит. Конечно, скажет, я тебя люблю.

Целовала и облизывала пальцы

— Я скучал эти два дня… Мне даже приснилось, что я, как кот, о щеку твою трусь, о волосы на виске…

Губки надула:

— Я тебя теперь так долго не увижу…

— Ну, всего две недели.

— Это для тебя «всего» две недели.

Пришел домой, жены, слава богу, еще нет. Оказывается позвонила и сказала, что придет поздно, к восьми. Вот, думаю, за тремя бабами погонишься — ни одной не поймаешь. А потом подумал: так и так ни одной не поймаешь. Да и чего их ловить, пусть себе летают-плавают. Так даже интересней.

А все-таки любопытно, есть ли у нее кто-то? По «постельным признакам» — есть. А так вроде и… Может просто после Р все бабы кажутся пресными?

Для Л: *чего молчишь, влюбилась что ль? Давай, рассказывай*

А чего рассказывать — ты и так все знаешь — влюбилась в тебя опять… вот так: «либо встретить холод алмазным острием мужественности отчаяния, либо наполнить его горячим дыханием детской любви»…

Ну вы даете, доктор…

18.12.2000. От Л:

выпив вина, подумала — бездарно влюбляться в того, кто похож на тебя, когда у меня «есть» ты, моя боль, моя радость и мое отчаяние. Пусть не такой кр-р-расавец, да и я часто не королева, и встречи наши порой не райские. Но зато

какие разлуки!!!

Зе ма еш ли ве аф эхад ло яхол лакахат эт зе мимени[1]. *Dukunt volentem fata, nolentem trahunt, судьба ведет согласного, а строптивого — тащит.*

За записки спасибо. А кто такая это поклонница, к которой ты ездил в гости?

По какому случаю изволили вином баловаться?

Кстати, trahunt звучит как «трахает»: судьба ведет покорного, а строптивого трахает.

Поклонница работает со мной в Ариэле, пристает ко мне.

19.12.2000. От Л:

а мы частенько изволяем и балуемся, вином-с… а что удивила я тебя своими винными мыслями?

Немного. И как-то тревожно стало. И… выпить захотелось вместе…

Мне всегда казалось, что «настоящая любовь» духовна. А секс казался неким чувственным приложением, своего рода «конфеткой» за метафизические вдохновения и страдания. Она пытается меня убедить в обратном. Она пытается мне доказать, что любовь — функция наслаждения. Иногда мне кажется, что она права…

Гуляли с Портосом по пустому парку. Моросило. Портос развивал идеи, как бороться с палестинцами: «Надо их говном поливать, заправить пару вертолетов цистернами с говном и вдуть им, они народ гордый, сразу ошалеют… А почему против них специальный клей не применяют? Я слышал, что такой клей изобрели, если им облить, то они так склеиваются, что запросто не отклеишься. Вот и будут

[1] Это то что у меня есть, и никто не силах забрать это у меня (ивр.)

впятером срать ходить, даже если четверым и не нужно».

20.12. От Л:

когда мы будем с тобой выпивать, я тебе открою и другие мои винные мысли (не невинные, а винные)

С праздником Хануки! Целую тебя

Наум, привет!

Связь, слава богу, наладилась (неожиданно выяснилось, что я впал в полную зависимость от компьютера, сижу на нем, как наркоман на игле; кто бы мог поверить в это еще пару лет назад?).

Спасибо за поздравление и передачу. Правда, боюсь, высылаемой суммы хватит, по нынешним ценам, ненадолго. А книжных новинок, причем интереснейших, навалом, и многие, типа Дильтея, уже на подходе.

У меня главная новость следующая: я впал в такую нищету, что — укатали Сивку крутые горки! — снова взялся за переводы. При этом выяснилось, что расценки за это время («после дефолта») снизились более чем вдвое. Кроме того, растеряв прежние связи, я нашел заказы только на детские ужастики и уже перевел четыре книжки типа «Месть скелета», заработав в совокупности меньше 100 $. Ситуация меня, конечно, удручает: почти не осталось свободного времени и практически пропала возможность покупать книги. Впрочем, нельзя сказать, чтобы я проявил особое умение распоряжаться свободным временем: за пару лет очень вольного режима в общем-то ничего не написал. Так что жаловаться не приходится, просто констатирую факты.

Интересно было бы услышать твои комментарии к политической ситуации в Израиле. (Кстати, первое, что сказал мой брат-швед, узнав, что у меня починился компьютер, было: «Ну, теперь хоть узнаем от Наума, что происходит в Израиле». Так что приветствуются любые материалы, которые ты сочтешь заслуживающими внимания.)

Является ли отказ Натаниаху баллотироваться — маневром (средством давления на кнессет, чтобы побудить его к самороспуску) или окончательным решением, капитуляцией? Какие перспективы выборов без участия Натаниаху и как они повлияют на обстановку? Еще давно хотел спросить: в чем смысл требования палестинцев о возвращении всех беженцев? Ведь их, видимо, миллионы, и их возвращение, наверное, равносильно ликвидации Израиля? По-видимому, мои вопросы очень наивны, так что рассчитываю на твою снисходительность.

Список №41

Фр. В. Шеллинг. Философия откровения. Том 1. (Серия «Слово о сущем») /Долгожданный перевод самого значительного и актуального произведения Шеллинга/ СПб.: Наука, 2000 — 700 с — 130

Эмманюэль Левинас. Избранное: Тотальность и Бесконечное. (Серия «Книга света») /Состав: «Тотальность и Бесконечное»; «Ракурсы»; «От бытия к иному»; «Философия, справедливость и любовь». В качестве Приложения дана посвященная Левинасу статья Жака Деррида «Насилие и метафизика» (цитата из Деррида: «Мысль очень давно сидит на сухой отмели. Та водная стихия, в которую необходимо ее вернуть, это — снова — греческая стихия, греческая мысль о бытии. Именно в этой глубине заставляет нас содрогнуться мысль Эмманюэля Левинаса»). Левинас (1905—1995), родом из Прибалтики, прошел через гитлеровский концлагерь, принадлежал к школе «диалогистов», испытал влияние Бубера, Розенцвейга и традиционной еврейской мысли. Актуализировал тему «Афины и Иерусалим»/ М.; СПб.: Университетская книга, 2000 — 416 с — 160

Борис Эйхенбаум. Мой временник. Маршрут в бессмертие. /«Временник» Эйхенбаума конца 20-х годов был уникальным авторским моножурналом, где научные, политические, мемуарные, автобиографические и проч. мотивы переплетены в тонкую художественную ткань дневникового типа. Именно эта книга всегда считалась «уликой», свидетель-

ствовавшей о внутреннем саркастически-враждебном отношении «формалистов» к советской власти. Переиздается впервые./ М.: Аграф, 2000 — 384 с — 90

Павел Филонов. Дневник. /Очень объемистая рукопись печатается из архива. Фактически впервые открывается доступ к «духовной кухне» лидера русского авангарда в живописи/ СПб.: Азбука, 2000 — 672 с — 140

Тертуллиан. О плаще. /Один из самых загадочных текстов на латыни, насыщенный символикой, впервые по-русски. В серьезном научном предисловии предпринимается попытка интерпретации через осмысление отдельных знаков и символов «вещного» мира раннего христианства/ (Серия «Античное христианство. Источники») СПб.: Алетейя, 2000 — 217 с — 90

Кристофер Доусон. Религия и культура. /Религия рассматривается как динамизирующий элемент в культуре. Прослеживаются основные этапы соотношения религиозных мифологем и культурных архетипов. Этот классический труд написан в 1947 году. К. Доусон (1889—1970) — один из крупнейших британских философов-культурологов, оказавший влияние практически на всех англичан, от Олдоса Хаксли до Толкиена. Рассматривается в одном ряду с такими фигурами, как Шпенглер, Хейзинга и т.п./ СПб.: Алетейя, 2000 — 281 с — 90

Пьер Дриё ла Рошель. Дневник 1939—1945. (Серия «Дневники XX века») /Автор, выученик националиста Барреса, начинал как сюрреалист (он — самый глубокий из авторов знаменитого манифеста «Труп», направленного против А. Франса), затем эволюционировал по направлению к фашизму. Автор нашумевшей книги «Фашистский социализм». Дневник отражает метания очень тонкого интеллектуала-радикала между такими крайностями, как консервативно-либеральный национализм и «социализм с фашистским лицом». СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2000 — 602 с — 200

Всегда твой

Матвей

Матвей, привет!

Израильские дела столь противны, и столь обидны, что и описывать их не хочется… Поскольку парламент остается прежним и совершенно неуправляемым, то Биби (так у нас зовут Натанияху) с одной стороны прав, что не хочет с ним мудохаться (у него не только нет в нем большинства, он будет зависеть от произвола всяческих мелких партий, настроение которых меняется в зависимости от аппетита с утра и сонливости к вечеру). Но с другой стороны, как я понимаю, надо брать то, что есть, по двум причинам: во-первых, профессиональный борец за власть (политик) должен рвать когти, а не откладывать свой приход к власти «до лучших времен», они могут не наступить, а во-вторых, надо любой ценой остановить Барака, который, чтобы удержаться, приступил сейчас к тотальной распродаже содержимого нашей закрывающейся лавочки, с соответствующими скидками. Однако он (Биби) этого не сделал. Может, он считает, что ничего страшного в «распродаже» нет, или считает, что все равно ее не остановить (а если так, то уж лучше без его участия).

С другой стороны, нет худа без добра (одна баба другой говорит: меня сейчас ограбили и изнасиловали, а та ей: нет худа без добра): Шарон не менее «крут», чем Биби, а может и «покруче», и пока опросы дают ему победу, правда с небольшим перевесом (у Биби он был подавляющим), к тому же Барак, в надежде одолеть Шарона «конвенционально», может, повременит с распродажей, боясь окончательно потерять «правых» избирателей.

Что касается возвращения беженцев, то это одно из принципиальных требований Арафата, и именно потому, что это способ «мирно» придушить сионистское государство. Последствия принятия беженцев (для краха достаточно нескольких сотен тысяч) понимают даже наши «левые» (хотя о цифрах могут поспорить) и на это Барак вряд ли пойдет. Он пытается «откупиться», отдает им Восточный

Иерусалим, включая часть Старого города. Надеюсь, что Арафат на это не пойдет (надежда всегда — только на арабов), и тогда мы вернемся к новой вспышке столкновений, которые сейчас поутихли (но не прекратились). Вот такая ситуёвина. Так в Швецию и передай. Опять же всех поздравляю с Ханукой, праздник, можно сказать, освобождения от эллинистического ига.

Всегда твой

Наум

21.12.2000. Утром позвонил Р. Была в ванной. Делились, как скучаем друг без друга. Действительно чувствую какую-то «нехватку», даже физически.

— Хочу к тебе.

— А ты не можешь как-нибудь по проводам…?

— Как бывший инженер связи? Кстати, ты смотрела фильм «Матрица»?

— Нет.

— Они там по телефону «просачивались»…

В конце сказала: «Я тебе целую крепко-крепко…» Через полчаса перезвонила:

— Хочу еще раз услышать твой голос.

От Л: *Хаг Ханука самеах!*[1] *Целую тебя*

Верник пожалел Штейнера, мол, все вспоминает, как тут было здорово, а там ему трудно, в америках, работы нет, и вообще. В его голосе было искреннее сочувствие.

— Мне одна знакомая позвонила, такая старая добрая знакомая, нет, не то, что ты думаешь, совсем нет, говорит: ты такого писателя Наума Ваймана знаешь? Ну, говорю, знаю, даже, можно сказать, дружу. А я, говорит, прочитала тут его книгу, так вот передай ему, что он…

[1] Веселого праздника Ханука (ивр.)

— Гад!

— Да-да, именно так и сказала.

— Правильно.

— Он же, говорит, ноги об тебя вытер.

— Замечательно. Замечательно, что есть еще люди, которые реагируют на книги нелитературно.

Что-то мне не по себе… Тоскливо, сосет где-то под ложечкой. Взял и позвонил ей на мобильный.

— А я в машине. Ну что?

— Не знаю, грустно что-то…

— Не грусти, все замечательно, все очень хорошо.

— Ладно. А ты куда, не в Тель-Авив случайно? А то могли бы встретиться?

— Нет-нет, я сегодня не могу.

— Ладно.

Ебаться едет. Ээ, брат, плохо дело. Когда уж «физическое» начинается… Духовное там или умственное — еще туды-сюды, а вот когда под ложечкой сосет… Что-то ты скис. Как еврейский мальчик.

Позвонил Арон Амир, хочет встретиться в кафе «Ольга» на Жаботинского. Я надел коричневую водолазку, черную жилетку и черное флорентийское пальто. Он выпучил глаза:

— Ты выглядишь, как министр! Или как глава преступной группировки!

— Одно другому не противоречит…

— Нет, правда, шикарно выглядишь.

— Мерси-мерси.

После общих рассказов о «достижениях», он изложил идею: хочет возобновить издание «Кешета», совместно с журналом «Геликон» и какой-то амутой[1] типа «нацио-

[1] Амут*а* (ивр.) — общественная организация для некоммерческих целей

нальный фронт». Толкать старую идею Ратоша про «иврим». Долой «евреев», да здравствует «иврим». Не хочу ли принять участие. В ближайшее время соберемся, несколько человек, обсудить, и, если я не против, он меня пригласит. Отчего же. Можно и обсудить. Вдруг подошел Ури Дан[1]. Они поздоровались. Амир меня представил. Ури Дан сказал, что читал недавно Черчилля, в переводе Амира, и выражает ему свое восхищение этим гигантским трудом. Я пригласил его сесть с нами, пивка выпить. Он внимательно на меня покосился, поблагодарил: нет, он спешит, просит простить. Откланялся, снова бросив на меня внимательный взгляд. Кажется своим флорентийским пальто я произвожу фурор. Как грузин на базаре в белых носках. Здесь такое не носят.

Амир тоже оценивает ситуацию, как «ужасную», но в «закрытие лавочки» не верит. Отмахнулся от моих предсказаний краха, мол, я не знаю арабов, «наше счастье, что мы имеем дело с арабами». Рассказал историю, которая в былые времена меня ужаснула бы: во время войны Судного дня, когда израильские танки прорвались к Дамаску, Никсон спросил своего советника: «Как вы думаете, где они остановятся?», советник ответил: «Теперь? Где захотят», и в этот момент раздался звонок из Израиля, Моше Даян на проводе, спрашивает: «Мы уже под Дамаском. Что делать?»

22.12. Снился половой акт, причем с женой, и такой… упорный, многократный. Проснулся в боевой готовности. Жена пошла навстречу.

Утром читал Баратынского, потом взял гитару и завыл: приманкой ласковых речей вам не лишить меня рассудка, конечно, многих вы милей, но вас любить — плохая шутка,

[1] Известный израильский журналист, друг Ариэля Шарона

вам дорог я, твердите вы, но лишний пленник вам дороже; вам очень мил я, но, увы, вам и другие милы тоже…

Арик пригласил на бар-мицву сына. Раньше хоть политики были, Геула Коэн[1] могла почтить, а теперь «свои» и сослуживцы. Весело плясали в кружок. Смотрел на их танцующие овечьи зады и подумал, что нет в моем сердце веселья, никогда не было и не будет. Дул пиво. Пошел в туалет. Когда вернулся, жена спрашивает:

— Кого ты там встретил?

— Твоего дружка.

— Какого дружка?

— Того самого, который понимает тебя лучше всех.

— Кого? Ты что, с ума сошел?

— Сама ж его так назвала.

Захихикала. Предложила отчались:

— Всё. Сэ ту.

— Вже нэ прэ.

Отчалили.

24.12. Когда в лес приехали, дул холодный ветер, тучи собирались, думали — сорвется пикник, но потом распогодилось, а когда пошли гулять, стало почти тепло, шумная компания, заводившая музыку на весь лес, отвалила, стихло, малиновое закатное солнце, безветрено.

— Что по жизни? –спрашиваю Мирона.

— По жизни? Все то же, та же жена, та же любовница. Она уже тоже успокоилась, поняла, что отношения с Настей ей не удастся испортить, вначале пыталась… Конечно, с женой не то… И возраст, и вообще. Но ничего не поделаешь, «надо себя заставлять». Я по опыту с первой женой знаю, что пока постель еще есть, отношения как-

[1] Одна из создателей и лидеров правой партии «Возрождения», депутат парламента и зам-министра.

то сохраняются, а если…, все быстро рассыпется. Конечно, они чувствуют… я тоже думаю, нет ли у нее кого-то, я даже рад был бы, да, хотя это и обидно, но когда у прежней жены был любовник, и у меня была любовница, был какой-то баланс, а потом у меня прекратилось, а у нее наоборот, и.., да, сидишь вечером один дома и знаешь, что она… по постели не всегда поймешь, есть бабы теплые, они все равно к тебе хорошо относятся, когда мы с Настей еще, ну когда она замужем была за этим, да, так я с удивлением наблюдал, как она к нему хорошо относится, ласково, и погладит, и вообще, да-да, конечно, бабы могут любить сразу нескольких, настоящая женщина вообще должна давать любовь, для этого она предназначена… А вообще, конечно, все уже, хочется чего-то нового, я даже думаю опять начать ходить к проституткам… только ты учти, если идешь в заведение, то сначала выходит та, что похуже, и если ты отказываешься, то потом выходит другая, как правило, гораздо лучше, ну конечно, они ж должны работу распределять, иначе.., да, свои маленькие тайны, и их надо знать…

От Л: *Чего молчишь? Все ставишь ебаные рекорды? Все здоровы?*

25.12.2000 Шедевр какого-то Стратиевского из журнала «22».

Нет смерти. В вихре бытия
Из тела в тело вечно рея —
Всесильна карма — скоро я
В другого превращусь… еврея!

26.12.2000. *Наум, привет!*

Решил послать тебе сразу, без серьезной «проработки», выжимку из книги Деррида «Письмо и различие» (Список №41-А, пункт 7). Возможно, она как-то зацепится за «коле-

сики» твоих историософских построений, а ложка, как известно, хороша к обеду.

Деррида актуализировал для меня «вечную» для гуманитарного мышления проблему понимания. В самом деле, что это значит — понять философа? Одних «понимаешь», но не «чувствуешь»; бывает и наоборот. Я вроде бы «понимаю» Гуссерля (много времени и сил на него угрохал, о чем не жалею), но не чувствую никак. Не чувствуется сотериологического измерения, хотя не может его не быть у немецкого еврея, дожившего в Германии до 38-ого года. Как бы то ни было, «жизненное событие» (а что еще можно «почувствовать»?) для Гуссерля — это всегда событие познания (а не спасения). Дерриду я воспринимал как «гуссерлианского постмодерниста», вектор вопрошания сомнений не вызывал: казалось, что тот же, гуссерлианский. До прочтения статьи о Жабе. Я о Жабе раньше ничего не слышал. Переписываю справку из комментария. «Эдмон Жабе (1912 — 1991) — французский поэт, еврей, выходец из Египта, соединивший традиционный для еврейской мысли круг тем (исход-блуждание, книга-закон, пустыня-слово) с новейшими художественными стратегиями».

То, что Деррида — еврей, я, конечно, знал, но не чувствовал, насколько это существенно для «понимания». По-видимому, то, что в его зрелых трудах «рассосалось», «ушло в контекст», в ранней статье о Жабе дано открытым текстом. Дальше буду в основном цитировать.

Еврей и письмо

О иудаизме как «рождении и страсти письма». «Страсти к письму, к букве, про которые не скажешь, еврей ли подлежит им или сама Буква, Корень, возможно, общий и для народа, и для письма». «Трудность быть евреем смешивается с трудностью писания. Ты — тот, кто пишет и записан». Положение еврейства становится образцом положения поэта, человека речи и письма.

Еврей и история

Непомерная судьба прививает «вышедшую из книги расу» к коренному истоку смысла как буквы, то есть к самой историчности. «Ведь вряд ли возможна история без серьезной и трудоемкой буквальности. Без мучительной своей же складки, которой история отражается, наделяя себя шифром. Это отражение и есть ее начало. Единственное, что начинается с отражения, — история. А складка эта, морщина — это еврей. Еврей, который избирает письмо, которое избирает еврея — в обмен, каковым истина насквозь пронизывается историчностью».

Еврей и свобода

Еврей отказывается от блеска, ни в чем не отказавшись от свободы. Он узнал, что свобода должна быть земной и укорененной, а не то она — лишь дуновение ветра: «Наставление, которое Реб Зале передавал таким образом: «Ты веришь, что свободна птица. Ошибаешься: цветок…» А реб Лима: «Свобода пробуждается мало-помалу, по мере того как мы осознаем наши узы, как спящий — свои чувства; и наконец нашим поступкам уже есть имя». Свобода уживается и обменивается с тем, что ее сдерживает, с тем, что она получает из некоего запрятанного источника, с тяжестью, которая полагает ей центр и место. Свобода согласуется с неязыческой Землей, лишь если отделена от нее Обетованной Пустыней. Иначе говоря, Стихотворением. Итак, евреи вышли из книги, они укоренены только в речи, а Земля всегда остается вне всякой близости. При этом, будучи присущими книге, евреи остаются от нее автономными. Чем подразумевается, что поэт не просто получает свою речь и закон от Бога. Ни на что не похожая поэтическая самостоятельность предполагает Скрижали разбитыми. И реб Лима: «Десятикратно была вгравирована исходно свобода на Скрижалях Закона, но мы столь мало ее заслуживаем, что Пророк их в гневе разбил». Меж обломков разбитой скрижали пробивается стихотворение и укореняется право на речь.

Возобновляется приключение текста как сорняка — вне Закона, вдали от «родины евреев», каковая — «священный текст среди комментариев».

Еврей и Бог

Слом Скрижалей говорит прежде всего о разломе в Боге как истоке истории. «Не забывай, что ты — ядро разлома». Бог отделился от себя, чтобы дать нам говорить, нас удивлять и вопрошать. Он совершил это не говоря, а замолчав, предоставляя безмолвию прервать его голос и знаки, дозволяя разбить Скрижали. В «Исходе» Бог раскаялся и о том возвестил по меньшей мере дважды, перед первыми и перед новыми Скрижалями, между речью и первоначальным письмом, между истоком и повторением. Письмо, стало быть, исходно герметично и вторично. Наше, конечно же, но уже и Его, которое начинается с перебоя в голосе и сокрытия Лика. Это различие, эта негативность в Боге — это наша свобода, трансцендентность и глагол, которые обретают чистоту своего негативного истока лишь в возможности Вопроса. Вопрос, «ирония Бога», о которой говорил Шеллинг, прежде всего, как и всегда, обращается на себя. «Бог — это вопрошание Бога». Кафка говорил: «Мы — возникающие в мозгу у Бога нигилистические мысли». Если Бог открывает в Боге вопрос, если он и есть само открытие вопроса, просто Бога нет как нет. Бог, выступая в двусмысленности собственной постановки под вопрос, действует отнюдь не самыми простыми путями; он не правдив, не искренен. Искренность, каковая есть простота, — добродетель лживая. Добиваться же нужно, напротив, добродетели лжи. «Реб Яков верил в добродетель лжи, поскольку, говорил он, без лжи нет письма, а писанье — дорога Бога» /подчеркнул я/. Дорога обходная, несуразная, двусмысленная, позаимствованная — Богом и у Бога. Ирония Бога, уловка Бога, окольный путь, исходящий из Бога, дорога к Богу, отнюдь не простым обходом на которой является человек. Обходом бесконечным. Дорога Бога.

Еврей и пустыня

Эта дорога, которой не предшествует, дабы предписать ей свою прямизну, никакая истина, это дорога в Пустыне. Письмо — момент пустыни как момент Отделения. На это указывает и — по-арамейски — их имя: фарисеи, эти непонятые, эти люди буквы, были также «отделенными». Бог нам больше не говорит, он прервался: надо взять слова на себя. Нужно отделиться от жизни и общин и довериться следам, стать человеком взгляда, поскольку больше не слышится голос в непосредственной близости сада. Различение между речью и письмом — это ошибка, гнев Бога, который вышел из себя, утраченная непосредственность и труды вне сада. «Сад это речь, пустыня — письмо. В каждой крупице песка раскрывается знак». Иудейский опыт как отражение, отделение жизни от мысли означает переход через книгу как бесконечный анахорез между двумя непосредственностями и двумя самотождественностями. Еврейское сознание — действительно несчастное сознание, и «Книга вопросов» (книга Жабе) служит ему поэмой, написанной на полях феноменологии духа, с которой Еврей готов пройти только часть пути — без эсхатологических припасов, дабы не ущемить свою пустыню, закрыть свою книгу и зарубцевать свой крик. «Пометь красной закладкой первую страницу книги, ибо рана вписана в ее начало».

Вместо резюме

Если абстрагироваться от терминологии и стиля мышления Деррида, замешанного на симбиозе лингвистики и феноменологии, можно, грубо упрощая, сказать, что истоком, прообразом знаменитой «деконструкции» послужила «наша с тобой» тема — тема трансцендентности еврейского Бога. А тема Пустыни явно перекликается с задействованным в «историософии Ваймана» «путем Авраама». И т. д. и т. п. Как ты понимаешь, эти темы можно развивать до бесконечности. Если «задеты струны», конечно.

И еще замечу, что мой «стиль мышления» (в отличие от твоего) гораздо дальше от «еврейского» (в понимании Деррида) — более «языческий», что ли. Так что следует учитывать, что я тут цитирую чужое (хотя и очень интересное), а не «проповедую» свое.

Матвей, привет!

Во-первых, огромное спасибо за письмо: очень интересно и кстати. Я сейчас читаю Алана Бадью «Апостол Павел» (и параллельно Бубера «Два образа веры»). Слышу перекличку идей. Мол, Павел строил все не на Законе, а на «жизненном событии», то бишь на воскресении. Только ведь это все-таки не «жизненное событие», а миф, то есть он строил на мифе. Но на мифе все строят… И идея «отделения» Бога от самого себя — пересказ каббалистической идеи «сокращения» Бога (знаменитый «цимцум»), который тем самым как бы освобождает место творению… Меня не покидает ощущение, что вся их «философия» чересчур изощренная, чересчур эстетствующая, в сущности игра (в лучшем случае — просвещение европейской публики, не знакомой с еврейской мудростью), что постмодерну и соответствует, а я человек серьезный, и когда логику разбавляют «литературой» (красивостями), это вызывает во мне недоверие. Пишет и в самом деле красиво, про «письмо» и прочее, но то, что для еврея «письмо» — основа бытия, так в этом вся суть иудаизма, тут коза-дериза ничего нового не придумал. По Каббале в основе всего трехбуквенный корень самех-пе-реш, и мир создан книгой, счетом и рассказом (сефер, сфар и сипур). Слово «цифра» из того же корня и так перекочевала в русский. Галутный еврей, вроде Деррида, любит это как доказательство изначального «виртуального» бытия иудея. И он с мазохистской усладой пишет письма «домой», из глуши изгнаничеств — в родную пустыньку, дабы придать значимости своей оторванности. Но уж лучше (честнее) занимался бы нормальной, сотериологически насыщенной «греческой» (языческой) литературой, на манер, хотя бы

Камю, а не строил бы из себя еврейского мудреца. «Писание — дорога Бога?» Возможно. Пожалуй. Ну и что? С этой хохмой он хочет приехать в Одессу? Да в Одессе уже нема евреев… А насчет свободы я вообще не понял. Нет, тут явно умственные красивости, что-то Гольдштейна напоминает, не к ночи будь помянут…

Если помнишь, я пытался (и безуспешно пытаюсь) найти ясные, «архитеипические» различия в мироощущении и мировоззрении «эллинов», «иудеев» и «христиан». Но христианство мне так и неясно, не пойму в чем его нерв. Возможно, вера в то, что Бог полюбил меня лично? Ветхозаветный Бог больше пастырь, у него другие заботы. Ему нужна любовь к себе. Вот и устали иудеи любить без взаимности. А в христианстве Бог человеку ответил. И он уже не требует жертвы, как от Авраама, а сам приносит в жертву сына, как бы возвращает долг любви, припадает, как блудный сын, к стопам человека, прости, мол, меня, жестоковыйного (такие припадки бывают у суровых отцов), мучителя-воспитателя, хотел я тебя суровой десницей направить на путь истинный, но понял, что тщетно все, и пути жестокие тщетны, только любовь преобразовывает и очищает, да и «смысл» пожалуй в ней, только в ней.

Христос — это жест любовного дара Бога-отца, дара любви, жалости, утешения, всепрощения. Как бы Господь теперь уже и не требует ответной любви, а любит сам, всех, безусловно. Вот так было бы понятней (мне). Только вот Иисус таким не был. Крутенок был.

Всегда твой

Наум

От Зуса: *я заметил разницу между журнальным вариантом и книгой*

затем я вообразил роман, меняющийся в толще лет

а лестница на Тихвинке у деда была не деревянной

а какой, помнишь?

Лестница была железной, ты прав

От Л:

что касается за тремя бабами погонишься… «Чтобы связь мужчины с женщиной была по-настоящему увлекательной, их должны соединять воспоминание, наслаждение или желание». «Любовь лишь тогда достойна этого названия, когда к ней не примешиваются посторонние чувства, когда она живет только собой и собою питается». Это Шамфор.

А вот Моравиа («Я и ОН»): «Ты верно думаешь, что я на седьмом небе от твоей, скажем так, готовности. Неужели тебе невдомек, эта твоя хваленая легкость на подъем, такая вроде бы убедительная, раз-два и готово, есть неопровержимое доказательство моей неполноценности. Ведь на самом деле за ней скрываются немощные, посредственные, несостоявшиеся личности. Чему тут радоваться? Это ведь, как если бы горб обратился к горбуну с его же собственной спины — смотри, какой я вымахал! Можешь гордиться мной. Чем тут гордиться? Из-за тебя все мои беды…»

27.12.2000. Позвонил Соколов, приехал с Марлин на соревнования гребцов. Договорились встретиться завтра, поглазеем на регату.

Наум, привет!

К сожалению, мне удалось достать только одну кассету — с фильмом «Хрусталев, машину», которую я благополучно передал. Получилось очень глупо: после полугодовых разговоров у меня остался на «доставание» всего один день (понедельник — выходной), и, как выяснилось, этого оказалось мало. Глупо еще и оттого, что фильм вовсе не дефицитный, но специфика торговли некоммерческими кассетами такова, что их либо заказывают загодя, либо покупают на «Горбушке», но времени у меня не было, а «Горбушка» рабо-

тает только по выходным (и то не всегда, а когда нет шмона). Так что напрашивается вывод на будущее: надо предупреждать о приезде «гонца» как минимум за неделю. Хорошая новость та, что я купил в Киноцентре «Хрусталева» по госцене, без наценки, всего за 120 р. Здесь есть и своя оборотная сторона: мой навар (25%) составит всего 30 р, в то время как только на метро я истратил те же 30 р: (одна поездка в метро стоит у нас сейчас 5 р, а мне пришлось заехать в поисках в пару мест, а потом еще к гонцу в Давыдково (уже не говорю о всяких там троллейбусах-автобусах). Такой, блин, бизнес. Поэтому я тебе в расчетах указываю транспортные расходы не 15 р, как обычно, а 30 (шесть поездок на метро, что соответствует действительности); так я хоть при своих останусь. Вообще-то я не жалуюсь, а просто ворчу. На самом деле, я прошвырнулся кстати и по книжным не без удовольствия и даже не без пользы. Результат см. ниже в Списке №41В.

Ирина Левинская. Деяния апостолов на фоне еврейской диаспоры. /Помнится, ты заказывал эту книгу по аннотации, еще до выхода/ СПб.: Логос, 2000 — 352 с — 125

И. Р. Тантлевский. Введение в Пятикнижие. /Тантлевского ты вроде знаешь, он кумрановед, автор замечательной «Книги Еноха». В предисловии сказано, что данное Введение… является первым научным трудом такого рода на русском языке/ М.: Рос. гос. гуманитарный ун-т, 2000 — 469 с — 119

Всегда твой

Матвей

28.12.2000

Юношеская любовь должна быть неразделенной, безнадежной, неутолимой, должна быть «неземной», только тогда она останется вечно юной, благоуханной и вдохновляющей, только тогда и «муж» и «старец» навсегда возлюбят любовь, Тайну, а не конкретную женщину, которая вся есть плоть и прах.

Наум, привет!

Пользуюсь короткой передышкой чтобы вернуться к «твоей» теме.

Ты будешь смеяться, но для меня вопрос о христианстве — самый легкий и очевидный.

Набросаю, по необходимости грубо и без претензий на «научность», общую «историософскую конфигурацию» проблемы. Сложность изложения для меня состоит в необходимости делать тысячу оговорок. Ведь для меня и «историософия» (т.е. вера в осмысленность, или предопределенность «исторического процесса») — не более чем метафора. Попробую все же обойтись без этих самых оговорок в расчете на твое «предпонимание» (как-никак не в первый раз чешем языками).

Когда я говорю, что вопрос о христианстве прост, то имею в виду следующее. Если представить себе «европейскую» сотериологическую стратегию изначально «поделенной надвое»: на путь Жреца и путь Мага (притом что Жрец это ядро, а Маг — периферия), — то христианство представляет собой последовательное доведение магической стратегии до «логического конца». Но так как мы имеем дело не с логикой, а с сотериологией, этот «логический конец» — не простой, а диалектический, с переходом в собственную противоположность. Христос не маг, а супермаг. Если помнишь, я предлагал — в шутку, разумеется — либретто для мюзикла Jesus Christ Supermagian (Иисус Христос Супермаг), но в каждой шутке, как известно, лишь доля шутки… Супермаг — это термин, причем достаточно строгий. «Еще подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое, найдя, человек утаил, и от радости о нем идет и продает все, что имеет. Еще подобно Царство небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее.» (Мф: 13,44—46). Человек, нашедший сокровище, и купец, нашедший жемчужину, не меняют одно хорошее на другое, лучшее из того же ряда. Они продают <u>все, что</u>

имеют. Они перестают заботиться о возделывании поля или о поисках новых жемчужин. Иными словами, они отказываются от частных целей (в том числе и магических) во имя абсолютной (супермагической). Царство Небесное не продолжает ряд хорошего поля либо хороших, а потом все лучших и лучших жемчужин, а здесь происходит диалектический скачок. Единственная жемчужина (бессмертие в Царстве Божием) продолжает ряд до такой степени, что по сути отменяет его. Маг, возжелавший единственной жемчужины, — это Супермаг. Параметры сферы его обитания задаются этой суперцелью. Ясно, что для построения топоса, где она была бы достижима, необходимы такие категории, как абсолютный дуализм, абсолютный монизм, абсолютная харизматичность «Спасителя». Это и есть кратчайшая, «необходимая и достаточная», формула христианства. Она не первична. Первична стратегия Жреца с его монизмом, политеизмом и отсутствием личной харизмы. Можно сказать, что христианство — это доведенная до логического предела периферия «языческого» обрядово-ритуального комплекса, занявшая место его ядра. Супермаг выталкивает Жреца из сакрального круга.

Но здесь и начинаются загадки. Если христианство так легко экстраполируется из языческого комплекса, почему оно не возникло автохтонно (из самого этого комплекса, из его магической составляющей)? Почему понадобился иудаизм, почему не обошлось без еврея? Повторяю, христианство находится в соотношении строгой и правильной взаимной дополнительности именно с язычеством (причем классическим, греческого образца), оттого оно так понятно и, по сути, логически просто в смысле сотериологической стратегии. Между тем, языческий комплекс, двигаясь в этом направлении, смог породить из себя только Аполлония Тианского (Великого Мага), но никак не Иисуса (Супермага). Несмотря на очевидное сходство, между ними — «дистанция огромного размера». Аполлоний «улучшал поля» и «добывал все лучшие и лучшие жемчужины», Иисус же «продал все» ради

единственной жемчужины — бессмертия. Иисуса смогла породить только «посторонняя» (в данном случае иудейская) духовная культура. Но если она «посторонняя», то как же получилось, что она так четко (в плане взаимодополнительности) взаимодействует с «язычеством»?

Мне оттого и понравились твои рассуждения (несмотря на очевидные для тебя самого неувязки), что в них забрезжил (как мне показалось) ответ на этот вопрос. Ты рисуешь Аврама до «изобретения» иудаизма не «чистым листом», а полновесным представителем зрелой (в данном случае южно-месопотамской) языческой культуры, «откомандированным» в Ханаан через пустыню. Для нас в данном случае не важно, каким внутренним чувством руководствовался Аврам; важно то, что объективно он послужил посланником зрелого, уже предчувствующего неизбежность собственного краха «языческого мира». Кем-то наподобие «голубя ковчега», отправленного на разведку «новой суши», чтобы потом вернуться и «указать путь».

Мысль эта представляется мне настолько важной, что я отвлекусь на аналогию, чтобы лучше ее прочувствовать. Во времена нашей «марксистской молодости», когда все живое в интеллектуальной сфере происходило в рамках «либеральных» интерпретаций того же марксизма, был очень популярен теоретик (сейчас его назвали бы «политологом») Симония («за-амечатэльный грузин»). Он обратил внимание на такой парадокс: судьбоносные прорывы, реализующие логику общественного развития, происходят не там, где их ждут, не в странах, где «сформировались для них необходимые условия», а на обочинах, на пустырях, в «складках» (как сказал бы Делез). Логика формируется в одном месте (скажем, на европейском материке), а реализуется в другом (скажем, в Америке). В каком-то смысле между логикой и ее реализацией всегда пролегает пустыня (конечно, Симония так не выражался, это я начитался Дерриду, но суть та же). Неважно, что в случае Америки роль пустыни играет море и, скажем, прерия (не Рампа, а Фронтир). Важно, что для

реализации «идеи капитализма» нужно было провести «субъекта» его построения через символическую пустыню. Субъект, переселившийся в Америку, не привез с собой ничего, что «материально» облегчило бы ему выполнение задания, но зато вместе с прахом родной земли он стряхнул с себя и все «пережитки феодализма», которые помешали таким странам-зачинательницам, как Франция, дать такие «чистые» модели «капитализма», какие дала Америка. «Субъект» переселился как раз вовремя: он уже нес в своем сознании «новое» и в то же время не был обременен материальными пережитками старого.

Итак, Аврам был загодя «заслан» «языческой цивилизацией» и, выполнив задание, как раз вовремя вернулся к «пославшим его» в виде христианства. Оттого христианство и «пришлось впору» одряхлевшему языческому миру.

Миссия Аврама/Авраама ясна в «задании» и «в конце». Она ясна как «черный ящик», перед которым «ставят задачу» и затем «получают результат». Но то, что произошло «внутри черного ящика», остается (для меня, по крайней мере) непонятным. Точнее, понятным «апофатически» (отрицательно). Иудаизм есть то, из чего, путем диалектического доведения до (диа) логического конца, получилось христианство, как реализация магической составляющей языческого мира, которую он сам «очистить» (сублимировать) был неспособен. Иудаизм поддается, таким образом, «обратной реконструкции» — и все ссылки Иисуса на Закон и Пророков («да сбудется реченное от пророка») и есть такая обратная реконструкция, исполненная духом, которому уже известен конец, а начало теряется в тумане. Конечно, то, что я начертил, — это сугубо внешний взгляд на иудаизм. Это иудаизм «для нас», а не «в-себе и для-себя». Более того, это иудаизм, выходящий за рамки иудаизма (точнее, балансирующий на его границах). В иудаизме (строго говоря, в Торе; а есть в Экклезиасте, Песне Песней и др.) нет таких необходимых для каждой «нормальной» религии составляющих, как «природа», «умирающий и воскресающий

бог» и т.п., оттого и привычные обряды, вроде жертвоприношения (допустим, Авраамом Исаака), приобретают особый смысл. Создается впечатление, что евреи все это «смутно помнили» и не нуждались в эксплицитном «выговаривании». Выбалтывали потом каббалисты, погрузившиеся в мистическую натурфилософию (отсюда гностицизм, софиология и подобные штучки).

Что же касается «иудаизма изнутри», то он остается для меня (в смысле сотериологической стратегии) в ситуации кафкианского поселянина из притчи «У врат закона». Прождав у дверей всю жизнь, уже умирая, он подзывает стражника и задает вопрос. «Ведь все люди стремятся к закону. Как же случилось, что за все эти долгие годы никто кроме меня не требовал, чтобы его пропустили?» И привратник, видя, что поселянин уже совсем отходит, кричит изо всех сил, чтобы тот успел услышать ответ: «Никому сюда входа нет, эти двери предназначены для тебя одного. Теперь пойду и запру их».

Если теперь, в этом свете, вернуться к нашему барану (козе-дерезе) Дерриде, окажется, что отмахнуться от него «галутом» (тем более «письмами из галута») не удастся. Ведь Авраам сам был таким «письмом из галута», приславшим в нужное время ответ в виде твоего клиента, «нежного истерика» (как выразился один замечательный классик русской литературы; чем не название для романа?). Другое дело, что Деррида, будучи выучеником, с одной стороны, а-сотериологичного (ориентированного на «событие познания») Гуссерля, а с другой, опираясь на чистый и еще менее сотериологичный сциентизм структуралистов, не умеет различать «культуру» и «цивилизацию», «событие спасения» и «событие познания» (Аверинцев делает это чуть лучше, но всего лишь «на твердую тройку»). Поэтому его переходы от пустыни к письму и букве так поспешны и грубы, так вычурны и неубедительны (и тут я отдаю должное твоей проницательности). Он не умеет отличать Рампу от множества других, чисто цивилизационных, границ,

и девяносто процентов его сопоставлений из-за этого сбиваются на словесное жонглирование. Именно потому, что он не нашел истока Рампы в отпадении индивидуации, он вынужден вносить разделение в самого Бога. Я воспринимаю это как подтверждение своей правоты от противного, поэтому Деррида так интересен, особенно если его не только «понять», но и «почувствовать» (что мне удалось только в статье о Жабе, каковой радостью я с тобой и поделился).

Всегда твой
Матвей

29.12.2000. Соколов простужен. Хрипит. Жалуется, что спортсмены все время расслабляются, и его втягивают, да еще всю ночь сидят в стриптиз-барах, дорвались. «В Твери же нет стриптиз-баров.»

Шли вдоль реки. Тихий, солнечный день, дело к закату. Чемпионат проходит буднично. Познакомились со знаменитыми тренерами, киевская школа, чемпионы мира… Гребной клуб основали «немцы», в последний момент, в конце 30-х, успели вывезти оборудование, лодки. Висит мемориальная доска, какому-то Вернеру, богатому энтузиасту гребного спорта…

Поднялись на веранду спортклуба. Пьем кофе. Смотрим, как финишируют «скифы». Внизу знаменитые тренеры кричат: «нажми!», «поработай, поработай!». — Вяло идут, — говорит Соколов. — Лениво.

Марлин тоже разочарована, считает, что легко победила бы. Внизу пацаны, из начинающих, таскают тяжелые лодки, ноги у них подкашиваются, как у пьяных.

Соколов опять рассказывает про Афанасьева: гениальный музыкант, а теперь романы пишет.

— Он, когда решил романы писать, спросил меня, на каком языке, нет, на русском — ты что, на этом варварском языке, нет, ни в коем случае, но он одинаково свободно владеет французским и английским, я ему говорю, ты же живешь в Париже — пиши по-французски, а он гово-

рит: мне все равно где я живу. По-английски, да. Не, это страшный модерн, что-то в стиле позднего Беккета. Он уже несколько написал, даже, кажется, известен в определенных кругах.

Откушав кофе на веранде и попрощавшись с тренерами, отправились обратно. План был — на Алленби, в книжные, а потом где-нибудь перекусить. Вдоль реки стоят плохо сколоченные сараи, хлюпает вода под старым баркасом. Солнце почти село, только верхушки деревьев и дома на том берегу измазаны желтизной.

— Вот здесь я бы хотел жить, — сказал он показывая на сараи. — Или здесь, — выбирая баркас. — В каком-то таком ненадежном месте. Да, цыганская душа, так и есть…

«Зеркало» он прочитал. Штейнер ему не слишком понравился.

— Отрывки такие, наспех сделано, конечно, культурный багаж большой, но написано не вполне профессионально. Не сравнить с твоей книгой. Да, похоже, но у тебя… вроде идет смена житейских событий и ничего не происходит, но создается ощущение потока жизни. Интересно, как ты это делаешь. Кстати, хотел тебя спросить, я так периодически возвращаюсь к ней, перечитываю.., вот кто-такой этот Додик?

— Должен открыть тебе маленькую профессиональную тайну: «Додик» выдуман. Интересно, куда ты ни ткнешь, все выдумано.

— Так это очень хорошо, что лучшие куски выдуманы. Это и делает вещь романом, а не дневником.

На Алленби зашли в «Экслибрис», гигантский двухэтажный магазин с баром. Роемся в книгах. Через час сошлись в баре.

— Ты считаешь, что «Кузнечика» стоит почитать?

— Да. Думаю, тебе будет интересно, чисто профессионально. Покупать необязательно, можешь у меня взять.

— Аа, хорошо, я лучше у тебя возьму.

Римме пора было отчаливать, у нее на вечер билеты

в «Гешер» на «Мастера и Маргариту», посадил ее в такси, а мы втроем еще зашли в «Стемацкий», там вообще на русские книги была пятидесятипроцентная скидка, а потом пошли в сторону Шенкин, но свернули в кафе на углу Алленби и Бальфур, оно было почти пустым и выглядело уютным. Не промахнулись: свойская обстановка, хорошая еда, официант похож на джина из лампы Аладина.

— Напоминает греческую таверну, — сказал Соколов.

Взяли бутылку красного, потом еще одну, а потом и третью. Славно посидели. Бродскому опять досталось.

30.12. От Л: *С Новым годом тебя. Обнимаю и целую*

Поздравил Лешу Цветкова с Новым годом. Ответил:

И Вас с тысячелетием. Только что вернулись из Рима — грехи прощены, можно по новой.

Совершали паломничество?

А мы тут недавно выпивали с Соколовым и мечтали проделать это втроем.

Смотри, если не приедешь, то мы сами нагрянем

Наум

От Соколова с Марлин

Thank you! We had a great visit with you — it was so nice that you came to meet us. We just got back from racing in the Israel National Championships — I won the Women's 1x by 8 seconds. I am considered «exhibition» because I am not a citizen but I had a great race anyway. Happy New Year, talk to you soon. M+S

Матвей, привет!

Идея непременного перехода через «пустыню», как начала нового эона, пустыни, как «момента Отделения», мне очень понравилась. И Моисей 40 лет водил народ по пустыне не только для того, чтобы бывшие рабы вымерли и родился

свободный народ, но в пустыне и Богоявление произошло, и Тора была дана — все началось в пустыне, и я слышал здесь такую мысль, что этим самым и произошло отделение евреев от всего мира, то есть их законы, религия и т. д. не были следствием или развитием какой-то другой культуры, но было чудотворным рождением Нового. А вот христианство, кстати, через такую пустыню не прошло, и потому о нем говорят, как о «продолжении», или «синтезе», христиане — новые евреи и т. д. (невольно вспомнишь анекдот о «новых русских», сплошь старых евреев). И это языческое наследие не только запутывает христианскую теологию (апологеты скажут: усложняет), но и делает ее «несъедобной», а тут уже, на мой взгляд, зерна гибели — искусственные сооружения не живут вечно.

И в этом смысле (и вообще) мне нравится твоя идея Христа — Супермага. Но только он не «реализация магической составляющей языческого мира», а реализация магической составляющей иудейского мира. Ты не представляешь, на каком градусе экзальтации, апокалипсических и мессианских чаяний находилось еврейское общество здесь, в Иудее, в начале нашей эры. Только пожив тут, реально ощутив фанатичность евреев, почитав апокрифы «конца света», кое-что из гностиков, немного каббалу, поклевав еще кое-какие крохи, я понял-почувствовал давление в той кастрюле с кипящей водой, когда крышка, наглухо закрыта римским железным прессом. И крышку не могло не снести, взрыв не мог не произойти. Он и произошел — чудовищный взрыв войны с Римом, когда всему народу снесло крышу.

В России этот накал невозможно почувствовать, потому что живешь среди европеизированных евреев, по сути, и не евреев вовсе, это «нация Холокоста», ее национальная принадлежность определяется преследованиями: сними преследования — исчезнет нация (спасибо дорогим антисемитам, сохранили, век не забуду). Впрочем, ненависть чувствуешь, и она тоже взорвалась битвой за эмиграцию, пободались таки с имперским дубом… Но вернемся к магизму.

Апокалиптика, ожидание конца света, это и есть магизм. Тем более, когда ждешь его с минуты на минуту, завешь, жаждешь его, как Спасения. Первоначальное христианство — это вера в конец света. У евреев это связано с приходом Мессии, со Спасением. Но вся чудовищная энергия этой веры ушла в восстание, в физическое действие. И восстание это закончилось не просто военным поражением, разгромом, разрушением Храма, столицы, множества городов и массовым уничтожением, оно закончилось крахом мессианской идеи. Она уже не могла вдохновить оставшихся. Тем более что они оказались под влиянием совершенно другого типа иудаизма: рационального, талмудического, ушедшего в «теорию малых дел». А античное язычество оказалось в жесточайшем кризисе именно рационального восприятия мира, оказалось не в силах жить «философски», утешаться театральной трагедией, оно уже не в театре, а «всерьез», жаждало мистерии жертвы и воскресения. Но старость — это Рим, который/Взамен турусов и колес/Не читки требует с актера,/А полной гибели всерьез. Тут Пастернак гениально точен, тут действительно кончается искусство, но только дышит не почва и судьба, а жажда чуда. Античность и иудейство сошлись на чуде, возжаждав его почти одновременно, но подошли они к этой точке истории с разных сторон: иудейство требовало от Бога обещанного, а эллинизм затосковал по тому, чего у него никогда не было.

Любимый тобою Лосев пишет о романе про Апполония Тианского как о попытке «вырваться из тенет языческой религии, которая к I в. н.э. уже безнадежно устарела, и никакими философско-теоретическими доказательствами ее нельзя уже было оживить и сделать убедительной». И христианство возникло для «спасения» именно эллинского мира. Но «автохонно», как ты выражаешься, то есть изнутри эллинской культуры, оно не могло появиться, ибо эта культура была насквозь рациональна, в чудеса не верила, не верила даже собственным мифам и «чудесного героя» могла взять только «со стороны», из чужого мифа. А тут под-

вернулась история про великого мага и пророка, предсказавшего конец Иерусалиму и Храму, к тому ж возникшая на авторитетнейшей традиции древней и фанатичной веры. Думаю, что сыграло свою роль и то, что евреи в римском мире были на тот период очень большой, богатой и влиятельной силой, едва ли уступающей эллинам. И эллинство не в первый раз абсорбировало восточные мифы. А к этой истории оно добавило воскресение (чуждое иудейству), и пророка превратило в Бога. Вся эта история вочеловечивания: рождение, жизнь, героическая смерть и воскресение — схема эллинская. Все это возникло, конечно, не сразу, евангелия писались и обрабатывались десятилетиями, были какие-то первоисточники, рассказывавшие о чудесах и проповедях пророка и мага (Иосиф Флавий пишет о похожей истории Симона-Мага, в то же примерно время). И возникло в среде эллинизированного иудейства и стало распространяться в диаспоре. Вот так и «появился еврей», так и возникла связь. Но синтеза не получилось. В телегу впрягли коня и трепетную лань. А после разрушения Храма влияние евреев в Империи за полвека свелось к нулю, не забудем, что они за эти полвека трижды вели тяжелейшие войны с Империей, потребовавшие от нее изрядного напряжения: после Великой войны, начавшейся в 66 году, было жуткое восстание в Киренаике в 112 году и восстание Бар Кохбы в 132 году, каждая война длилась несколько лет и вся эта безумная эпопея закончилась тем, что одна из самых мощных и влиятельных сил в Империи стала ее врагом и парией, евреи потеряли даже право жить на своей территории и превратились в народ мелких и гонимых общин. Если бы не эта война, не было бы и никакого христианства. В результате эллины стали приспосабливать заимствованный миф под свои «навыки», свою философию, творить эллинскую христианскую теологию. Так что то «соотношение строгой и правильной взаимной дополнительности именно с язычеством (причем классическим, греческого образца)» возникло ни каким-то естественным образом (подошли друг другу).

Просто христианство, потеряв иудейскую почву, благополучно отдрейфовало к «классическому греческому язычеству», пошли все эти эллинистические «линии»: неоплатонизм, транцендентный Бог, манихейство (материя, как греховное, даже злое начало), универсальная мораль, культ «любви к ближнему» и т. д. И чем больше в новом культе было эллинистического, тем меньше евреев оставалось среди его последователей. Пока христианство ни объявило себя новым избранным народом, «отменило» евреев и превратило их в лучшем случае в несчастных упрямцев, вынужденных бесцельно скитаться по задворкам истории, а в худшем — в слуг дьявола, подлежащих уничтожению.

Всегда твой
Наум

31.12.2000. Утром убили сына Кахане. Обстреляли машину. И жена погибла. Трое детей ранены.

Миша позвонил, как всегда, рано утром. Ему помогают еврейские организации, «Рука помощи». Окно уже заделали. Все починят, и бесплатно. Погорел основательно, ведрами выносил пепел. Ужасно обидно, что сгорели старые магнитофонные записи, ведь он записывал с радио редкие группы, которые давно распались. И жалко, что пианино сгорело. В последнее время особенно хочется поиграть. И книги сгорели. Мою книгу он взял у Иосифа, еще раз читает, и теперь она уже нравится больше…

— Вообще, хоть все и сгорело, зато у меня такое ощущение, что я начал новую жизнь. И потом эти хождения по учреждениям, милиционерам.., я вдруг понял, что ты, когда уехал, то просто перевез всю эту жизнь с собой… Но сейчас все другое, и ты живешь на другой планете… С Олей я порвал, вернее она со мной, после того, как она попросила меня, чтобы я больше не звонил. Но когда я сгорел, она меня нашла, и все началось снова. Я всегда хотел ее ебать, у меня уже лет двенадцать не было женщины, но она говорит, что дала обет, и у меня не вышло,

хуй не встал, чтобы он встал мне нужны хорошие условия, а она сопротивлялась, причем, если бы она сопротивлялась активно, то я бы отстал, а она.., ну я же видел, как она буквально дрожит от возбуждения, и все, что у нее творится... и у нее тоже давно никого нет, а потом она была у меня, и ночью убежала, я заснул, а двери-то у меня нет... Как твоя новая книга? А ты приезжай, хоть на неделю, и я тебя уверяю — книга сразу пойдет. За неделю можно обойти все вечера, здесь такая жизнь...

Под Новый год поехал в «Вести» забрать книжки. Купил бутылку земляничной наливки, в кабинете Зайчика распили всей редакцией «Окон». Потом вышли с Гольдштейном поболтать на кухоньке. Порадовал его, что Соколов остался доволен его статьей. У Гольдштейна на столе два журнала: последнее «Сплетение» и «22». Полистал оглавления. Позлословили. Я вспомнил, как Соколов сказал, что не может найти у Лимонова ни одной положительной черты. «Лимонов холодный, — сказал Гольдштейн. — В этом смысле у него что-то общее с Горьким. Вопреки общепринятому мнению Горький был человек холодный и расчетливый. Вот когда я читал „Жизнь Клима Самгина“...» Я перебил его подвернувшейся остротой: «Из горького вышло кислое».

В коридоре Зайчик беседовал с женщиной, я еще раз пожелал ему счастливого Нового года, он вдруг спросил:

— Вы не хотите со мной поговорить?

Я удивленно поднял брови.

— Вы разве ничего мне не принесли?

— К сожалению, ничего. Как только так сразу...

Он сделал вид, что ему грустно.

Оглавление

Часть первая 4

Наум Вайман

Новая эра
Часть первая

Иллюстратор Михаил Яковлевич Гробман

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero